

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 09-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 09-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Шафир Т.В., Кулакова Д.В., Никонов С.Б. Исторический аспект трансформации международного союза журналистов	1
Ван Ц. Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках	11
Клименко И.В. Взаимодействие большой приключенческой формы и композиции неоромантического рассказа	21
Чжан Л. Восприятие работ А. Белого в Китае	31
Георгиева Е.С., Блохин И.Н., Олейников С.В., Лабуш Н.С. Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций	40
Рахматова А.М. Тело как граница между героем и миром в неклассической лирике	54
Шубина А.О. Применение аттракторной модели в когнитивной поэтике, журналистике, изучении иностранного языка.	65
Дугалич Н.М., Хань Х. Гиперболизация максимизаторов в академическом дискурсе китайских студентов-магистрантов и ученых: исследование на базе EUM	82
Шукуров Д.Л. Анаграмма «неизвестного поэта» в романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь»	94
Ван Ч. Идеологическая литературная политика И.В. Сталина и Н.С. Хрущева	105
Октябрьская О.С. Проблемы самореализации ребёнка в трилогии Юлии Кузнецовой о "Варе и Оле"	115
Демидов Н.М. «Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н. В. Гоголя и «Неуемный бубен» А. М. Ремизова	124
Гурушкин П.Ю., Лабуш Н.С., Никонов С.Б., Пую А.С. Феномен ценностного конфликта в массмедийном пространстве	136
Быкова Е.В., Гавра Д.П., Байкова И.А. Метафорические номинации национальных лидеров прошлого как феномен актуальной политической коммуникации	140
Фадеева А.В., Шафир Т.В., Гурушкин П.Ю., Никонов С.Б. Профессиональное журналистское сообщество Республики Корея: правительственные институты, ассоциации и организации	145
Блохин И.Н., Георгиева Е.С., Лабуш Н.С., Олейников С.В. Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики	150
Ван Ш. Сопоставительный анализ классического нейминга в китайском и русском языках	155
Сильчева А.Г. Магическая парадигма в поздних романах В. Пелевина	159
Новиков А.В. Генеалогия, дискурс и «смерть автора» как фигуры поэтики в романе Марка З. Данилевского «Дом листьев»	163
Чжан Я., Никонова Н.Е. Переводческая и читательская рецепция романов Л. Н. Толстого в Китае	167
Борунов А.Б., Устиновская А.А. Вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения свертхтекста	171

Шагбанова Х.С. Жанровое разнообразие творчества А.П. Чехова и его видение реальности	176
Архипова И.В. Таксис через призму межкатегориального взаимодействия (на материале современного немецкого языка)	180
Щербакова М.В., Комлев Н.П. Медиалингвистические особенности текста настольной ролевой игры	183
Казакова И.Е. Проблемы перевода национально-культурного компонента (на материале новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд)	190
Баринаева Б.В., Мушаев В.Н. Структурно-грамматические и лингвокультурологические аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках	195
Горностаева А.А. Социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии	199
Цю Т. Анализ темпоральной и пространственной систем в китайской лингвокультуре (на фоне русского языка)	202
Муромцева А.О. Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой	205
Чэнь К. Образы врачей традиционной китайской медицины в китайской литературе	209
Англоязычные метаданные	213

Contents

Shafir T.V., Kulakova D.V., Nikonov S.B. The historical aspect of the transformation of the International Union of Journalists	1
Wang J. Phraseological units with the semantics of "human character" in Russian and Chinese	11
Klimenko I.V. Interaction between the big adventure form and the composition of a neo-romantic literature	21
Zhang L. Perception of Andrei Bely's works in China	31
Georgieva E.S., Blokhin I.N., Oleinikov S.V., Labush N.S. Journalistic cultures in the context of the conflict of civilizations	40
Rakhmatova A.M. The body as the boundary between the hero and the world in non-classical lyrics	54
Shubina A.O. The application of the attractor model to cognitive poetics, journalism, and foreign language learning.	65
Dugalich N.M., Han H. Maximizers hyping in Chinese MA learners' and experts' academic discourse: An EUM-based study	82
Shukurov D.L. An anagram of the "unknown poet" in K.K. Vaginov's novel "The Goat Song"	94
Wang C. Ideological literary policy of Stalin and Khrushchev	105
Oktyabr'skaya O.S. The problems of a child's self-realization in Yulia Kuznetsova's trilogy about Varya and Olya	115
Demidov N.M. "Little Man" in the context of the narrative structure of the work: "Overcoat" by N. V. Gogol and "Irrepressible Tambourine" by A.M. Remizov	124
Gurushkin P.Y., Labush N.S., Nikonov S.B., Puyu A.S. The phenomenon of value conflict in the mass media space	136
Bykova E.V., Gavra D.P., Baikova I.A. Metaphorical nominations of national leaders of the past as a phenomenon of actual political communication	140
Fadeeva A.V., Shafir T.V., Gurushkin P.Y., Nikonov S.B. Professional journalistic community of the Republic of Korea: government institutions, associations and organizations	145
Blokhin I.N., Georgieva E.S., Labush N.S., Oleinikov S.V. Preservation and reproduction of cultural and historical memory in the complex of journalism functions	150
Wang S. Comparative analysis of classical naming in Chinese and Russian	155
Sil'cheva A.G. The magical paradigm in the V. Pelevin's late novels	159
Novikau A.V. Genealogy, discourse and the "death of the author" as figures of poetics in the novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves".	163
Zhang Y., Nikonova N.E. Translation and reader reception of L. N. Tolstoy's novels in China	167
Borunov A.B., Ustinovskaya A.A. Fictional worlds of fantasy and "magical" prose as a space for generating supertext	171

Shagbanova K.S. The genre diversity of A.P. Chekhov's work and his vision of reality	176
Arkhipova I.V. Taxis trough the prism of the categorial interaction (based on the modern German)	180
Shcherbakova M.V., Komlev N.P. Media linguistic features of the tabletop role-playing game text	183
Kazakova I.E. Translation Issues of the national cultural component (based on the material of the New Zealand territorial dialect of the English language of the Auckland region)	190
Barinova B.V., Mushaev V.N. Structural, grammatical and linguocultural aspects of the meteorolexeme "halun" in the Mongolian languages	195
Gornostaeva A.A. Sociocultural and linguodiscursive characteristics of irony	199
Qiu T. Analysis of temporal and spatial systems in chinese linguoculture (on russian language background).	202
Muromtseva A.O. Representation of the lyrical "I" in the poetry by A. Podgornova	205
CHEN K. Images of Traditional Chinese Medicine Doctors in Chinese Literature	209
Metadata in english	213

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шафир Т.В., Кулакова Д.В., Никонов С.Б. Исторический аспект трансформации международного союза журналистов // Litera. 2024. № 3. С. 1-10. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69893 EDN: HVL RUU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69893

Исторический аспект трансформации международного союза журналистов

Шафир Тимур Владимирович

преподаватель, кафедра коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ tim.shafir@yandex.ru

Кулакова Дарина Владленовна

аспирант, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ darina.kulakova@yandex.com

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.69893

EDN:

HVL RUU

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2024

Дата публикации:

19-02-2024

Аннотация: Научная статья представляет собой исследование по истории создания Международной федерации журналистов (IFJ). Статья представляет анализ истории создания и развития МОЖ. Авторы уделяют особое внимание причинам и предпосылкам, лежащим в основе возникновения Международной федерации журналистов, а также расширяют данные о создании IFJ. Исследование обращает внимание на обстоятельства, приведшие к учреждению МОЖ в послевоенный период. Особое внимание уделяется влиянию геополитических факторов на формирование и развитие организации. Рассмотрение причин раскола МОЖ включает в себя дифференцированные подходы и стратегии, принятые различными странами-участницами, в частности, в контексте профессиональной деятельности журналистов. Приводятся данные о современном положении дел Российского союза журналистов в составе международной федерации журналистов. К используемым методам исследования, относится исторический анализ: исследование исторических документов, архивных материалов, протоколов конгрессов, связанных с созданием и развитием МОЖ. Проведен контент-анализ текстов статей, заявлений и докладов, связанных с организациями, с целью выявления ключевых тем, подходов и динамики в их деятельности. Новизна данного исследования заключается в том, что в научной литературе, посвященной истории развития журналистики в России, подобных материалов очень мало и в основном они касались регионов России и развития региональной журналистики. Основным выводом данного исследования является понимание, что в настоящее время неправительственные международные организации, сформированные на принципах профессионализма, меняются и становятся похожи, на политические организации, что в свою очередь может привести к расколу в этих организациях и прекращению их существования. После начала Россией специальной военной операции в феврале 2022 года союзы журналистов Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии объявили о своем намерении покинуть IFJ из-за присутствия в ней национального Союза журналистов РФ. В феврале 2023 года несмотря на то, что организация утверждает, что не связана с политикой, а занимается исключительно защитой прав журналистов, IFJ «заморозила» членство РФ в составе организации. Вернуться к вопросу о возвращении России к работе в составе Международной федерации журналистов можно будет только в 2026 году, если в этом будет необходимость.

Ключевые слова:

Международная организация журналистов, Международная Федерация журналистов, Союз журналистов России, холодная война, история журналистских организаций, история журналистики, неправительственные организации, журналистика, информационное противостояние, информационная война

Введение

В начале XX века неправительственные организации стали занимать не последнее место в формировании как международной, так и внутренней повестке дня государств. Отмечалось, что «исследователи международных НПО, отмечая необычайную активность в создании частных, неприбыльных, добровольных организаций, ассоциаций и фондов, предвещали наступление, в скором будущем, так называемой «revolution associative» -

«революции ассоциаций». При этом высказывалось предположение, что изменяющийся статус неправительственных организаций в общеевропейских и глобальных институтах давал основания полагать, что в прошедшие годы они должны были играть динамичную роль в различных областях, связанных с реформами и развитием стран Центральной и Восточной Европы, России и других стран СНГ»^[1]. В данный период шло активное формирование, или декларирование необходимости развития глобального информационного пространства. Ученые писали, что: «глобализация информационного пространства дала возможность журналистике существенно изменяться и более гибко адаптироваться к условиям рыночных и политических отношений»^[2]. Данное утверждение, имело право на существование, так как развитие информационного общества как «концепции общественного развития, разработанная Ёнэдзи Масудой, Даниелом Беллом, Элвином Тоффлером во второй половине XX века было приоритетным. Согласно концепции информационного общества, главным фактором общественного развития является научно-техническая революция»^[3]. Однако, научно-техническая революция привела, по нашему мнению, совсем к иным результатам. Глобальное информационное пространство стало перерождаться в систему глокализирующего общества. В этом нет ничего предрассудительного, так как подтверждает философское понимание диалектики. «Материалистическая диалектика представляет собой учение о всеобщей связи и развитии, которые происходят в природе, обществе и человеческом мышлении»^[4]. Второй закон диалектики о переходе количества в качество, сформулированный Г. Гегелем, в очередной раз показал свою жизнеспособность^[5]. Ученые, внимательно изучающие деятельность неправительственных организаций, изучали в том числе и деятельность журналистских организаций^[6]. В то же время работ, связанных с формированием международной федерации журналистов не так много. В то же время, по нашему мнению, закрепление политико-юридических фактов деятельности и хронологии создания международной неправительственной организации важно. Это отмечают в своих работах и российские ученые А.Г. Рихтер и Н.Д. Табакова^[7,8]. При подготовке данной статьи использовались мысли и наработки Т. Госпила и Г. Бохера^[11,12].

Методы исследования

К используемым методам исследования, мы отнесли исторический анализ, а именно, исследование исторических документов, архивных материалов, протоколов конгрессов и съездов, связанных с созданием и развитием МОЖ, IFJ и IFJAFSC. Был проведен контент-анализ текстов статей, заявлений и докладов, связанных с организациями, с целью выявления ключевых тем, подходов и динамики в их деятельности. В нашей работе использовалось сопоставление подходов, стратегий и целей различных стран-участниц в контексте профессиональной деятельности журналистов. Более того, были проведены геополитический анализ и анализ последствия для изучения влияния геополитических факторов, таких как политические союзы, конфликты и интересы различных стран, на развитие и раскол организаций и оценки воздействия раскола МОЖ на мировую журналистскую сцену, включая влияние на свободу прессы и международное сотрудничество.

Новизна данного исследования заключается в том, что в научной литературе, посвященной истории развития журналистики в России, подобных материалов очень мало и в основном они касались регионов России и развития региональной журналистики.

Результаты исследования

Международная федерация журналистов (IFJ), крупнейшая в мире организация журналистов, представляет 600 000 работников средств массовой информации из 187 профсоюзов и ассоциаций более чем в 140 странах.

Впервые созданная в 1926 году в Париже, Международная федерация журналистов возобновила свою деятельность как Международная организация журналистов (МОЖ) 8 июня 1946 года после конгресса в Копенгагене с участием представителей 21 страны антигитлеровской коалиции. Однако спустя непродолжительное время британское и американское посольства обвинили МОЖ в поддержке советской пропаганды и позже из МОЖ вышли британский национальный союз журналистов (NUJ), американская Ассоциация национальных журналистов (ANG) и другие западные профсоюзы.

В своем нынешнем виде Международная федерация журналистов возникла в 1952 году в Брюсселе. После распада МОЖ Союз журналистов России присоединился к Международной федерации журналистов в 1996 году и активно вел работу по защите прав журналистов. При этом российский союз — был самой крупной составной частью Международной федерация журналистов (около 70 тыс. человек).

Но после начала Россией специальной военной операции в феврале 2022 года союзы журналистов Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии объявили о своем намерении покинуть IFJ из-за присутствия в ней национального Союза журналистов РФ. Ультиматум по «российскому вопросу» был поставлен из-за открытия региональных отделений в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях (на территориях, которые заявители не признают российскими). И в феврале 2023 года несмотря на то, что организация утверждает, что не связана с политикой, а занимается исключительно защитой прав журналистов, IFJ заморозила членство РФ в составе организации. Вернуться к вопросу о возвращении России к работе в составе Международной федерации журналистов можно будет только в 2026 году, если в этом будет необходимость. Учитывая, что журналистское сообщество не представлено в Международной федерация журналистов и с учетом того, что IFJ превращается в политическую организацию, уходя от декларированных неполитических обязательств, российский Союз журналистов может принять решение о выходе из IFJ.

В данной статье описываются этапы развития Международной организации журналистов (МОЖ) и Международной федерации журналистов (IFJ). Кроме того, анализируется их деятельность, а также геополитические факторы, влияющие на развитие этих организаций.

После распада Международной федерации журналистов (МФЖ) в декабре 1941 года в Лондоне была учреждена новая организация под названием Международная федерация журналистов союзных или свободных стран (IFJAFС). В своем уставе она признавала себя преемницей идей IFJ. Основными задачами IFJAFС стали защита и поддержка свободы прессы, а также стремление к восстановлению IFJ.

К моменту проведения второго конгресса в октябре 1942 года в состав IFJAFС входили журналисты из различных стран, таких как Австралия, Бразилия, Бельгия, Великобритания, Чехословакия, «Свободная Франция», Греция, Нидерланды, Норвегия, Польша, СССР и Югославия. Президентом IFJAFС был Арчибальд Кеньон из Великобритании, вице-президентами – Александр Сверлов из СССР и Тор Йесдал из Норвегии, казначеем – Иржи Хронек из Чехословакии, а секретарем – Л. А. Берри из Великобритании.

Создание Международной организации журналистов (МОЖ) в 1946-47 годах было связано с Всемирным конгрессом журналистов, который прошел в Копенгагене с 3 по 9 июня 1946 года и объединил 165 делегатов из 21 страны, включая США, СССР, Грецию, Исландию, Австралию и Перу. В официальном отчете о конгрессе рассказывалась история формирования МОЖ:

«Перед ее созданием произошел распад Международной федерации журналистов (МФЖ), основанной в 1926 году и распущенной в 1941 году, а также Международной федерации журналистов союзных или свободных стран (IFJAFS), продолжавшей свою деятельность с 1941 года в области развития международного сотрудничества журналистов» [\[9\]](#).

Цели МОЖ были изложены в ее временном уставе, который был единогласно принят с условием возможности предложения изменений или дополнений любой страной-участницей на следующем конгрессе в Праге в 1947 году. Обсуждалось, следует ли создавать организацию «исключительно как профсоюз», как предлагал генеральный секретарь Британского NUJ, или же она должна базироваться на более индивидуалистическом подходе «континентального интеллектуализма», поддерживаемом швейцарскими делегатами. Представители СССР выступали за профсоюзную деятельность, одновременно поддерживая создание «кодекса морали» для журналистов.

После обсуждения и принятия компромиссного решения председатель предложил немедленно создать Международную организацию журналистов (МОЖ), и это предложение было принято. Временный устав новой организации был разработан комитетом конгресса, в который вошли делегаты из Бельгии, Чехословакии, Дании, Финляндии, Франции, Южной Африки, Великобритании, США и СССР. Кроме этих девяти стран, учредителями также были профсоюзы из Австралии, Греции, Ирландии, Нидерландов, Новой Зеландии, Норвегии, Перу, Польши, Швеции, Швейцарии, Турции и Югославии. СССР (30 000 журналистов), США (25 000) и Великобритания (8000) являлись крупнейшими профсоюзами-членами.

Временный устав был принят единогласно, и его первая статья устанавливала название и временное размещение штаб-квартиры в Лондоне. Шесть избранных на Копенгагенском конгрессе должностных лиц включали президента Арчибальда Кеньона (Великобритания), вице-президентов Эжена Мореля (Франция), Тора Йесдаля (Норвегия), Милтона Мюррея (США) и Александра Сверлова (СССР), а также секретаря-казначея Кита Бина (Австралия).

2-й конгресс Международной организации журналистов (МОЖ) был созван в Праге с 3 по 7 июня 1947 года. Несмотря на единство мира журналистики, международная политика находилась на пороге холодной войны. Приветствие конгрессу от Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Трюгве Ли было представлено его специальным представителем Тором Йесдалем. Он сообщил, что МОЖ получил официальный консультативный статус при Экономическом и Социальном совете ООН (ЭКОСОС).

В Пражском конгрессе приняли участие 208 делегатов и гостей из 28 стран. К 21 стране, которые присутствовали в Копенгагене, добавились представители Австрии, Болгарии, Египта, Венгрии, Ирана, Палестины, Филиппин, Румынии, Испании (в качестве гостя) и Венесуэлы. Однако отсутствовали представители Новой Зеландии, Перу и Турции, которые участвовали в предыдущем конгрессе.

Все присутствующие организации были приняты в качестве членов в МОЖ, за исключением Египта и Ирана. В эти профсоюзы входили не только журналисты, но и владельцы медиахолдингов. Вопрос об их членстве был передан на рассмотрение Исполнительного комитета. Спор о принятии изгнанной группы испанских журналистов был разрешен большинством голосов после оживленных дебатов, переросших в советско-американский спор.

Очень острыми были дебаты относительно будущего места расположения штаб-квартиры МОЖ. В Копенгагене было решено, что Лондон будет лишь временной базой, и теперь было предложено разместить штаб-квартиру в Праге. Британцы, особенно поддерживаемые американцами, не желали менять место, в то время как большинство других, включая скандинавских членов, поддержали новый вариант расположения. В итоге штаб-квартира была перенесена в Прагу, по крайней мере, до следующего конгресса.

Дебатам о штаб-квартире предшествовало единогласное принятие статута, как теперь назывался устав. В нем было предусмотрено, что место расположения штаб-квартиры МОЖ «должен определить Конгресс». Было предсказуемо, что этот вопрос вновь поднимут при обсуждении конституции.

Статья о «Целях и задачах» Международной организации журналистов (МОЖ), разработанная в Праге в 1947 году, в основном повторяла формулировку, представленную в Копенгагене, но новый вариант был более детальным:

- а) Защита свободы печати и прав журналистов с применением всех доступных средств. Гарантия права людей на получение информации свободно, полно, честно и точно.
- б) Содействие международному сотрудничеству и взаимопониманию через свободный обмен информацией.
- в) Поддержка профсоюзного движения среди журналистов, защита их профессиональных прав и интересов, а также улучшение их экономического положения.

Условия членства были сохранены такими же, как обсуждалось в Копенгагене: только один профсоюз из каждой страны имел право присоединиться, но если несколько организаций претендовали на представление журналистов страны, Исполнительный комитет имел право решить, какая из них должна быть принята.

Выборы руководящих лиц прошли единогласно. Арчибальд Кеньон (Великобритания) был переизбран президентом, а Милтон М. Мюррей (США), Павел Юдин (СССР), Эжен Морель (Франция) и Гуннар Нильсен (Дания) были избраны вице-президентами. Иржи Хронек (Чехословакия) был избран на совмещенную должность генерального секретаря и казначея. Предложение Бельгийского союза провести следующий конгресс в Брюсселе было принято путем аккламации.

Создание МОЖ было завершено в Праге в 1947 году с конституцией, разнообразным членским составом и статусом неправительственной организации (НПО) при ООН. Международное движение журналистов демонстрировало хорошую организованность и единство.

Период раскола МОЖ, который произошел в период с 1948 по 1952 год, начался после Пражского конгресса, когда британское и американское посольства назвали МОЖ просоветской организацией. Антикоммунистические настроения поддерживали президент ANG Милтон М. Мюррей и его преемник Гарри Мартин. Внутренний раскол начался на

Конференции ООН по свободе информации в 1948 году, где чехословацкого генерального секретаря МОЖ критиковали за поддержку коммунистической пропаганды. Протесты возникли не только в ANG, но и в британском NUJ.

Международная ситуация в 1940-х годах стала источником напряжения для МОЖ, которое проявилось в международных конфликтах и разделении профсоюзов на левые (просоветские) и правые (прозападные) фракции. Кризис обострился в 1948 году, частично из-за активной роли Центрального разведывательного управления (ЦРУ) в расколе профсоюзного движения в период холодной войны. Раскол стал открытым на заседании Исполнительного комитета МОЖ в Будапеште в 1948 году, в результате чего из организации вышли NUJ, ANG и другие западные профсоюзы.

В ответ на события в Чехословакии протесты выразили союзы журналистов Дании, Швеции и Норвегии. В 1949 году МОЖ потеряла большинство членов в Западной Европе, что привело к сложностям в организации конгресса. Раскол и утрата поддержки привели к отставке президента Кеньона, отзыву приглашения Брюсселю и перемещению места проведения конгресса в Хельсинки. В 1950 году МОЖ утратила значительное количество членов в Западной Европе, что ускорило ее упадок.

В конце 1940-х годов МОЖ претерпела изменения, превратившись в организацию, где основной состав включал союзы журналистов социалистических стран Центральной и Восточной Европы, а также некоторые западные ассоциации с «прогрессивной и демократической» ориентацией. Она также привлекала членов из развивающихся стран. Генеральный секретарь МОЖ, Хронек, стал предметом критики на Западе, но его целью было сохранение общей позиции в сложившихся условиях.

Разделение на Востоке и Западе было стимулировано Государственным департаментом США, а также министерствами иностранных дел Великобритании и Франции. Это привело к созданию альтернативной организации под названием Международная федерация свободных журналистов Центральной и Восточной Европы, стран Балтии и Балкан (IFFJ) в оппозиции МОЖ. В 1952 году IFFJ была признана Подкомиссией ЭКОСОС по свободе информации и печати, в то время как МОЖ потеряла свои отношения с ООН и ЮНЕСКО. Однако IFFJ не смогла полностью заменить МОЖ, и роль альтернативы взяла на себя Международная федерация журналистов (МФЖ).

В начале холодной войны возник Международный институт прессы (IPI), созданный редакторами и издателями западных газет вне зависимости от МОЖ. В 1951 году был создан IPI в Париже, представляя точку зрения Запада и поддерживая отношения с МОЖ и МФЖ. Созданный приглашением финской ассоциации, 3-й конгресс МОЖ в Хельсинки в 1950 году объединил делегатов из 30 стран и подверг устав организации изменениям, учитывающим условия холодной войны и цели поддержки мира и свободы прессы. Журналисты, составляющие около 50 000 человек, стремились расширить свою географическую деятельность, оставаясь активными в условиях холодной войны и поддерживая штаб-квартиру в Праге, Чехословакия.

Выводы

Научная статья представляет анализ истории создания и развития Международной организации журналистов (МОЖ). Авторы уделяют особое внимание причинам и предпосылкам, лежащим в основе возникновения Международной федерации журналистов (IFJ), а также расширяют фокус на создание IFJ союзных или свободных стран (IFJAFС) в 1941 году.

Исследование обращает внимание на обстоятельства, приведшие к учреждению МОЖ в послевоенный период. Особое внимание уделяется влиянию геополитических факторов на формирование и развитие организации. Рассмотрение причин раскола МОЖ включает в себя дифференцированные подходы и стратегии, принятые различными странами-участницами, в частности, в контексте профессиональной деятельности журналистов. Анализ последствий раскола выявляет его воздействие на свободу прессы и международное сотрудничество в период Холодной войны, придавая этим результатам высокую значимость в контексте динамик и эволюции международных организаций журналистов. Результаты данного исследования могут служить ценным вкладом в понимание сложных политических конфликтов и эволюции организаций журналистов.

Основным выводом данного исследования является понимание, что в настоящее время неправительственные международные организации, сформированные на принципах профессионализма, меняются и становятся похожи, на политические организации, что в свою очередь может привести к расколу в этих организациях и прекращению их существования. После начала Россией специальной военной операции в феврале 2022 года союзы журналистов Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии объявили о своем намерении покинуть IFJ из-за присутствия в ней национального Союза журналистов РФ. Ультиматум по «российскому вопросу» был поставлен из-за открытия региональных отделений в Донецкой Народной Республике (признаваемой РФ), Луганской Народной Республике (признаваемой РФ), Херсонской и Запорожской областях (на территориях, которые заявители не признают российскими). И в феврале 2023 года несмотря на то, что организация утверждает, что не связана с политикой, а занимается исключительно защитой прав журналистов, IFJ заморозила членство РФ в составе организации. Вернуться к вопросу о возвращении России к работе в составе Международной федерации журналистов можно будет только в 2026 году, если в этом будет необходимость.

Библиография

1. Киреева, Т. А. Неправительственные организации в системе международных отношений: автореф. дис. канд. п.н. наук: 23.00.04. – М., 2006. – 175 с.
2. Никонов, Сергей Борисович Глобальное информационное пространство и международно-правовые аспекты управления информационными потоками: дис. канд. политических наук: 10.01.10. – СПб, 2007. – 193 с.
3. Әміржан Камила Жантайқызы Становление теории информационного общества // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2014. №4 (36).
4. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В. Краткий философский словарь. – М.: ООО «Филологическое общество «СЛОВО», 2010. – С. 117-119.
5. Гегель. Г. Феноменология Духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с. – (Антология мысли) – ISBN 978-5-699-23516-2.
6. Козлов, Сергей Геннадьевич Международные неправительственные организации журналистов в условиях глобализации информационного пространства: состояние и перспективы развития: дис. канд. политических наук: 23.00.04. – Орел, 2010. – 204 с.
7. Рихтер, Андрей Георгиевич Свобода массовой информации в постсоветских государствах: регулирование и саморегулирование журналистики в условиях переходного периода: дис. д-р филолог. наук: 10.01.10. – М., 2007. – 694 с.
8. Табакова, Нина Дмитриевна Социально-трудовое положение и особенности трудовой деятельности журналистов: дис. канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб, 2005. – 195 с.
9. Kubka J. Useful recollections: Excursion into the history of the international movement of

journalists. Часть I // International Organization of Journalists. – 1986. – С. 81-83.

10. Nordenstreng K.; Schiller H. I. Beyond national sovereignty: international communication in the 1990s// Norwood, NJ : Ablex Pub. Co. – 1993. – С. 250-255.

11. Bohère G. Profession: journalist A study on the working conditions of journalists // Intern. labour office. – 1984. – P. 45-67.

12. Gospil T., Neale G. Journalists: 100 Years of the NUJ // Profile Books. – 2007. – P. 219-257.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Исторический аспект трансформации международного союза журналистов», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению истории становления неправительственной организации, а именно к международному союзу журналистов, которая как и другие НПО стала занимать не последнее место в формировании как международной, так и внутренней повестке дня государств.

Новизна данного исследования заключается в том, что в научной литературе, посвященной истории развития журналистики в России, подобных материалов очень мало и в основном они касались регионов России и развития региональной журналистики.

Объектом исследования является Международная федерация журналистов (IFJ), крупнейшая в мире организация журналистов, представляет 600 000 работников средств массовой информации из 187 профсоюзов и ассоциаций более чем в 140 странах, созданная в 1926 году в Париже.

Статья является новаторской, одной из первых в российской журналистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Методологией исследования явились как общенаучные методы, так и специфичные, а именно: исторический анализ, исследование исторических документов, архивных материалов, протоколов конгрессов и съездов, связанных с созданием и развитием МОЖ, IFJ и IFJAFС; контент-анализ текстов статей, заявлений и докладов, связанных с организациями, с целью выявления ключевых тем, подходов и динамики в их деятельности; сопоставление подходов, стратегий и целей различных стран-участниц в контексте профессиональной деятельности журналистов.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых присутствуют как отечественные, так и зарубежные работы. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и истории журналистики. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Исторический аспект трансформации международного союза журналистов» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц. Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках // Litera. 2024. № 3. С. 11-20. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70072 EDN: ZBBEOS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70072

Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках

Ван Цзин

ORCID: 0009-0009-8848-0400

старший преподаватель, факультет русского языка, институт иностранных языков, Хулунбуирский университет (КНР); аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, 2, каб. Кафедра РЯМИ

✉ jing-wang@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70072

EDN:

ZBBEOS

Дата направления статьи в редакцию:

02-03-2024

Дата публикации:

09-03-2024

Аннотация: Объектом данного исследования является фразеологическое поле с семантикой «характер человека» как фрагмент языковой картины, отражающий особенности восприятия мира носителей русского и китайского языков. Предметом исследования выступают национальные особенности и общие черты культурных компонентов значения фразеологизмов о характере человека в русском и китайском языках. В первой части статьи автор дает краткую характеристику теоретического понимания фразеологизма как явления русской и китайской лингвистики, проводит параллели между понятиями фразеологической единицы и чэньюй, сравнивая ключевые характеристики двух терминов и конкретизируя предмет исследования. Определив теоретические границы понятия фразеологизм, автор статьи систематизирует материал

исследования в соответствии с сематическими признаками. Вторая часть исследования посвящена сравнительному лингвокультурному и семантическому анализу фразеологических единиц, выражающих «характер человека» в русском и китайском языках. Используются методы классификации, лексико-семантического анализа, лингвокультурного анализа, сравнения, обобщения. Выборка исследования включает 400 фразеологизмов о характере человека (200 русских и 200 китайских), которые были изучены с помощью количественных и качественных методов анализа. Исследование вносит вклад в изучение лингвокультурных особенностей восприятия характера человека представителями русской и китайской культур. Научная новизна статьи заключается в применении сравнительного лексико-семантического и лингвокультурного анализа к фразеологизмам со значением «характер человека». В результате изучения количественного соотношения фразео-семантических групп в составе фразеологического поля с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках, а также выявления культурных и исторических особенностей и закономерностей в восприятии черт характера человека в русской и китайской языковых картинах мира, было обнаружено наличие универсального и специфического в восприятии характера человека. Все это позволило установить связь между разным историческим и социальным развитием, влиянием неодинаковых религиозно-философских учений в России и Китае и восприятием характера человека, отразившимся в соответствующем фрагменте фразеологического поля.

Ключевые слова:

фразеологизм, чэньюй, устойчивое выражение, идиоматическое выражение, характер человека, лингвокультурные особенности, универсальное, специфическое, русский язык, китайский язык

Введение.

В последние годы значительно возросло количество сопоставительных межъязыковых исследований устойчивых выражений. Это связано с тем, что их анализ и сравнение позволяет обнаружить уникальные культурные черты, определить которые в моновязыковых исследованиях не всегда представляется возможным.

Фразеологизмы со значением «характер человека» занимают особое место в каждом языке, что связано с их универсальностью. В них находят отражение культурные особенности восприятия, оценки характера людей, а также понимания их поведения и качеств. В связи с повышением взаимного интереса к изучению культур России и Китая, анализ фразеологизмов с семантикой «характер человека» в этих языках позволит выявить общие и специфические черты, свойственные двум лингвокультурам, что представляется определенно важным для большего понимания межкультурных различий и сходств.

Цель статьи – выявить сходства и различия во фразеологических единицах со значением «характер человека» в русском и китайском языках. Достижение цели требует выполнения задач, включая определение состава фразеологизмов с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках, сопоставление фразео-семантических групп, поиск общих и специфических черт, отражающих особенности русской и китайской ментальности.

Фразеологизмы в русском и китайском языке.

Под фразеологизмом вслед за Н.Ф. Алефиренко мы понимаем выражение, обладающее признаками воспроизводимости, устойчивости, раздельнооформленности компонентного состава, экспрессивности и целостности значения [1, с. 23]. Фразеологизм обладает устойчивой структурой и семантической целостностью и в русском языке может иметь разный количественный состав [2, с. 127]. Фразеологизмы отражают комплекс исторических и культурных знаний, что делает их ценным материалом с точки зрения изучения национально-культурной специфики языковых систем [3]. В русском языкознании к фразеологизмам относятся фразеологические единства, сочетания, сращения и выражения (устойчивые фразы) [4].

В китайской лингвистике существует два понимания фразеологизма (здесь необходимо отметить наличие китайского термина *чэньюй*, соответствующего идиоматическому выражению), в том числе узкое, которое относит лишь четырехсложные устойчивые выражения к *чэньюям*, а также широкое, включающее все виды идиоматических выражений [5]. Китайские *чэньюй* как правило состоят из четырех элементов, почти не бывают заимствованными, мотивированность их значения базируется на этимологии и истории возникновения [6–8]. Их структура фиксирована и не может быть поделена на отдельные компоненты [9]. Исходя из того, что материалом исследования являются фразеологизмы, а не поговорки в целом, мы будем придерживаться узкого понимания *чэньюй* в китайском языке, полагая, что именно в этом значении он соответствует русскому термину фразеологизм.

Методология исследования.

Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» – это устойчивые выражения, обладающие признаками воспроизводимости, устойчивости, раздельнооформленности, экспрессивности и целостности значения, объединенные общим значением «характер человека». В свою очередь под характером человека в Толковом словаре русского языка понимается «совокупность психических особенностей, из которых складывается личность человека и которые проявляются в его действиях, поведении» [10]. В словаре Современного китайского языка под характером (кит. 性格) понимается внешнее проявление внутренних качеств человека, включая личностное мышление, выражение эмоций, поведенческие привычки [11]. Следовательно, изучаемые фразеологизмы объединяют устойчивые единицы, семантика которых связана с обозначением особенностей психики человека, оказывающих влияние на его характер и поведение.

Исследование выполнено с применением методов лексико-семантического и лингвокультурного анализа. Использование первого метода обосновано необходимостью отнесения выражения к числу фразеологических, а также связи между их семантикой и лексическим составом. Второй метод позволяет более глубоко понять культурные особенности восприятия характера человека, выраженные в устойчивых высказываниях. В его основе лежит принцип наличия уникальных культурных схем у каждой нации, которые в свою очередь являются когнитивными структурами и отражаются в устойчивых единицах языка, тем самым находя свое материальное воплощение в идиоматических выражениях [12]. Также представляется необходимым изучение символической составляющей фразеологизмов, которая обусловлена историческими, мифологическими и литературными прецедентами, и зачастую напрямую связана с национально-культурной спецификой [13]. Далее проводится сравнение, что необходимо для лучшего понимания

культурной коннотации фразеологизмов [14, с. 35].

Для классификации фразеологизмов используется подход с разделением их на три основные группы – с положительным, отрицательным и нейтральным оценочным компонентом [15]. Использовались как количественные, так и качественные методы изучения материала исследования. В частности, первые позволяют сравнить количественное соотношение фразео-семантических групп в составе фразеологического поля с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках. Качественные методы применялись для анализа семантики фразеологизмов и ее мотивированности национально-культурной спецификой.

Материал исследования представлен фразеологизмами со значением «характер человека». Была использована случайная выборка исследования и отобрано по 200 фразеологических единиц изучаемой семантики в каждом языке. Поиск фразеологизмов проводился в Большом фразеологическом словаре русского языка (под ред. В.Н. Телия) [16], Лексико-фразеологическом словаре русского языка (А.В. Жуков) [17], Словаре китайских чэньюй (Лю Сунцзюнь) [18], Словаре китайских чэньюй (Ван Синго) [19]. В результате была получена выборка из 400 фразеологизмов, которые в дальнейшем были классифицированы и маркированы в соответствии с их семантикой конкретных качеств характера человека (например, «добрый», «злой» и так далее), что позволило в последующем с использованием фильтра и инструментов визуализации MS Excel в наглядной форме представить результаты количественного анализа.

Результаты исследования.

Фразеологизмы со значением «характер человека» широко представлены в русском и китайском языке. В результате классификации с делением на три группы было обнаружено, что в обоих языках преобладают единицы со значением отрицательных черт характера (в русском – 52,0%, 104 ед.; в китайском – 37,5%, 75 ед.), таких как вспыльчивость, высокомерность, жадность, жестокость, злость, лицемерность, трусость и других. Фразеологизмы, обозначающие положительные черты характера человека, более распространены в китайском языке. Их доля среди китайских фразеологизмов выборки составила 37,5% (75 ед.), в то время как русские фразеологизмы этой группы составили 25,5% выборки (51 ед.). Также в выборку вошли 22,5% русских и 17,5% китайских нейтральных фразеологизмов о характере человека. Рассмотрим более подробно состав этих групп.

Среди русских фразеологизмов, обозначающих отрицательные черты характера, оказались наиболее распространены выражения: о лени (10,0%), напр. *кот валяка, лень вперед его родилась, лодырь царя небесного, ленивый как боров, пальцем не двинуть* и др. Они характеризуются синонимичностью [20]. Реже (4,5%) встречаются фразеологизмы о жадности (напр. *загребущие руки, ненасытное горло, жаба душит, за копейку удавиться, дай палец - всю руку откусит* и др.), высокомерии (4,0%) – *важный как павлин, распускать хвост, гордый как петух, высоко держать голову, задирать нос, ходить гоголем, ходить как индюк, смотреть сверху вниз*. В китайском языке наиболее распространены фразеологизмы о жадности (7,0%), напр., кит. 得寸进尺 *dé cùn jìn chǐ* (букв. получив цунь, подбираться к чи, знач. ненасытный, жадный), 狼贪鼠窃 *láng tān shǔ qiè* (букв. жадный и безжалостный, как волк, как вор, как крыса, знач. быть жадным), 爱财如命 *àicáirú mìng* (букв. больше жизни любить деньги, знач. алчный, жадный) и др. Также распространены фразеологизмы о злости (5,0%), напр., кит. 青面獠牙 *qīng miàn liáo yá* (букв. синяя морда, торчащие клыки, знач. злобный, свирепый), 惨无人道

cǎnwúréndào (букв. не иметь в себе ничего человеческого; знач. жестокий, бесчеловечный), и о расточительности (4,0%), напр., кит. 挥金如土 huī jīn rú tǔ (букв. разбрасывать деньги словно землю, знач. сорить деньгами), 大手大脚 dà shǒu dà jiǎo (букв. большие руки большие стопы, знач. транжирить, швыряться деньгами) и др.

Наиболее значимыми положительными чертами характера с точки зрения распространенности в русских фразеологизмах, являются доброта (4,0%) и честность (4,0%). Это находит отражение в устойчивых выражениях рус. *добрая душа* (знач. добрый), *горячее сердце* (знач. добрый), *мухи не обидит* (знач. добрый), *с чистой совестью* (знач. честный), *без двойного дна* (знач. честный), *честный как комсомолец* (знач. честный) и др. Несмотря на значимость этих черт для китайской культуры, количественно преобладают среди этой группы фразеологизмов те, что обозначают твердость (6,5%), напр. кит. 坚忍不拔 jiānrěnbùbá (знач. стойко держаться; твёрдый), 中流砥柱 zhōngliú-dǐzhù (букв. Дичжу (каменная скала, выступающая по середине реки Хуанхэ; знач.. стоять, как скала против течения), а также трудолюбие (6,0%), напр. кит. 孜孜不倦 zī zī bú juàn (букв. стараться изо всех сил, знач. трудолюбивый) и др.

Менее распространены фразеологизмы о нейтральных чертах характера, что прежде всего связано с ограниченностью этих черт. Среди них в обоих языках распространены выражения о скромности, напр., рус. *тише воды ниже травы, воды не замутит, красная девица*, кит. 孔融让梨 kǒng róng ràng lí (букв. Кун Жун уступает грушу, знач. быть скромным) и др.

Проведя лексико-семантический анализ фразеологизмов о характере человека, перейдем к изучению их лингвокультурных особенностей.

Представляет интерес общая закономерность преобладания фразеологизмов о характере человека, в которых основным компонентом является соматизм (часть тела) или зоологизм (животное).

С компонентом-соматизмом были обнаружены фразеологизмы рус. *без царя в голове* (знач. глупый), *длинный язык* (знач. болтливый), *большое сердце* (знач. добрый), *кишка тонка* (знач. слабохарактерный), *не покладая рук* (знач. трудолюбивый) и кит. 见钱眼开 jiàn qián yǎn kāi (букв. при виде денег даже у слепого глаза раскрываются, знач. быть жадным, алчным к деньгам), 尖嘴薄舌 jiānzǔibáoshé (букв. резкий на язык; колкий; ехидный, знач. язвительный), 碧血丹心 bìxuè dānxīn (букв. пламенное сердце и превратившаяся в яшму кровь, знач. честный) и др.

В китайских фразеологизмах для обозначения жадности используются символы кровососущей мухи (苍蝇见血 cāngyíng jiàn xiě, букв. как только мухи видят кровь, они усиленно ее сосут, знач. быть очень жадным), гуся (雁过拔毛 yànguòbámáo, букв. вырвать перо у пролетающего гуся, знач. своего не упустит, не пропустит случая поживиться). Стоит отметить, что в русской лингвокультуре гусь ассоциируется с хитрым характером, напр. *гусь лапчатый*, знач. хитрый. В то же время хитрость в русском языке выражается с помощью образа лисы, напр. *хитрый как лиса*. В китайском языке образ лисы используется для выражения жестокого характера, напр., кит. 狐假虎威 hú jiǎ hǔ wēi (букв. лиса пользуется могуществом тигра, знач. пользоваться чужим авторитетом, обижая других людей).

Было обнаружено также и наличие общих символов в восприятии черт характера. Например, злость в китайской культуре ассоциируется с волком, что подтверждается несколькими фразеологизмами, напр., кит. 豺狼成性 chái láng chéng xìng (букв. иметь волчьи повадки (хищнический характер), знач. злой), 狼子野心 láng zǐ yě xīn (букв. у

волчонка - волчье сердце (знач. злобный, неукротимый), 狼心狗肺 *lángxīn gǒufèi* (букв. волчье сердце и собачьи лёгкие, знач. жестокий, свирепый), 如狼似虎 *rúláng sìhǔ* (подобный волку и тигру). Такое восприятие злости характерно и для русского языка, где *волчье сердце* описывает злой характер. Схожим также является восприятие змеи как символа лицемерного характера: рус. *змий-искуситель* (знач. лицемерный), кит. 一蛇两头 *yī shé liǎngtóu* (букв. одна змея две головы, знач. скрывать коварные замыслы, питать злые намерения).

В обоих языках встречаются фразеологизмы с прецедентными именами-антропонимами. Напр., рус. *барон Мюнхаузен* (знач. хитрый). В связи со значительной продолжительностью истории, в китайской культуре многие прецедентные истории дошли в форме легенд до современного мира, а их герои – стали нарицательными названиями для обозначения черт характера человека. Это нашло отражение во фразеологизмах 孔融让梨 *kǒng róng ràng lí* (букв. Кун Жун уступает грушу, знач. скромный) – по притче о Кун Жуне, который, будучи ребёнком, всегда брал себе самую маленькую грушу, уступая братьям крупные; или 元龙豪气 *yuán lóng háoqì* (букв. Юаньлун смелый дух, знач. смелый) – в период Троецарствия Чэнь Дэн, именуемый как Юаньлун, проявил особую смелость в общении с врагом Сюй Фаном, что стало поводом для появления фразеологизма. Также были обнаружены китайские фразеологизмы с топонимами, обозначающие черты характера: кит. 得陇望蜀 *dé lǒng wàng shǔ* (букв. овладев областью Лун (Ганьсу), зариться на Шу (Сычуань), знач. быть ненасытным, жадным),

Среди специфических свойств следует отметить распространенность в русском языке фразеологизмов о характере человека с религиозным компонентом библейского происхождения. Напр., рус. *дьявол во плоти* (знач. злой), *иродева душа* (знач. злой), *божий одуванчик* (знач. спокойный), *ангельское терпение* (знач. терпеливый), *ни Богу свечка ни чёрту кочерга* (знач. посредственный), *ангел во плоти* (знач. скромный) и др. В китайском языке в выборке были обнаружены фразеологизмы о характере человека, имеющие религиозно-философские источники происхождения (из конфуцианства и буддизма). Напр., кит. 目无下尘 *mù wú xià chén* (букв. глаз не опускается на пыль, знач. высокомерие) имеет буддийское происхождение. В буддизме мирской мир относится к людям с низким статусом (которые подобны пыли). Фразеологизм кит. 仁至义尽 *rénzhì yìjìn* (букв. исполнить до конца долг человеколюбия (гуманности) и справедливости, знач. добрый), происходит из учения Конфуция о высшей гуманности, быть до конца верным идеалам и справедливым.

Обсуждение результатов исследования.

Несмотря на то, что в обоих языках преобладают фразеологизмы, выражающие отрицательные черты характера человека, различие заключается в том, что эти черты не совпадают. Это связано с тем, что в русской и китайской культурах люди в связи с их социальными ценностями и особенностями исторического развития в числе наиболее негативных выделяют неодинаковые стороны человеческого характера, что демонстрирует различие в социальных требованиях к таковому «идеальному» характеру. Например, в русской культуре, с этой точки зрения, крайне негативными оказываются такие черты, как лень, жадность и высокомерие, в то время как в китайской – жадность, злость и расточительность. Среди положительных черт, помимо доброты и честности в обоих культурах, в Китае также ценится твердость и трудолюбие.

Анализ фразеологизмов с семантикой «характер человека» русского и китайского языков позволил обнаружить универсальное и специфическое их культур. Универсальное заключается в том, что в обеих лингвокультурах соматизмы используются

в качестве символов для выражения черт характера, что прежде всего связано их тесной связью с человеком. Распространенность фразеологизмов о характере с компонентом зоологизмом подтверждает общую для русской и китайской культур значимость природы для человека. Однако, различия в восприятии животных, а также особенности флоры и фауны двух стран определяют специфику, которая выражается в передаче черт характера человека с помощью этих образов.

Особенности культурного развития отражаются в прецедентных названиях, которые обладают национально-культурной спецификой. В китайском языке отметим более широкую распространенность этих фразеологизмов, что связано с длительной историей цивилизации. При этом, как правило, используются имена героев исторических событий или легенд, особенно эпохи Троецарствия. В русском языке фразеологизмы с прецедентными именами заимствуют их из библейских сказаний, эпоса и фольклора.

Для обеих культур свойственно влияние религиозно-философских учений на восприятие характера человека. Однако, специфика заключается в том, что в русских фразеологизмах отражается преимущественное влияние христианства, в то время как в китайских – буддизма и конфуцианства.

Выводы.

Таким образом, в русском и китайском языке фразеологизмы с семантикой «характер человека» являются достаточно распространенными, что позволило собрать достаточно полный материал и выделить абсолютно разные черты характера, описываемые в идиоматических выражениях. В результате проведенной классификации, было обнаружено три группы фразеологизмов, в том числе обозначающие положительные, отрицательные и нейтральные черты характера, при этом вторая группа оказалась наиболее масштабной в каждом из языков.

Лексико-семантический анализ позволил обнаружить, что несмотря на сходства в некоторых чертах, в русском и китайском языке обнаруживается количественное преобладание фразеологизмов с разными чертами характера. Это позволяет доказать, что в устойчивых выражениях нашли отражение особенности восприятия «идеального» характера человека, которые напрямую связаны с различиями в социальных ценностях Китая и России.

Проведенный лингвокультурный анализ позволил обнаружить, что универсальным для китайского и русского языков выступает использование в качестве образов для передачи особенностей характера человека соматизмов, зоологизмов, прецедентных названий. Однако, во многом эти образы не совпадают, лишь за исключением немногочисленных примеров, например, при выражении в образе волка такой черты характера как злость. В остальных случаях, на языковом уровне обнаруживается богатая национально-культурная специфика восприятия характера человеком.

В заключение отметим, что дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение структурно-грамматической организации фразеологизмов с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках, а также глубокому лингвокультурному изучению отдельных компонентов (соматизмов, зоологизмов, прецедентных названий и других) в составе этих фразеологизмов.

Библиография

1. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

2. Семенас, А.Л. Лексика китайского языка. – М.: Муравей, 2000.
3. Рахматуллина, Л.А. Фразеологизм как основная единица фразеологии // Цифровая наука. – 2020. – № 11. – С. 57-68.
4. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
5. Чу, Цзы-Чен. Об универсальности категорий фразеологии: основания выделения фразеологизмов в русском и китайском языках // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2016. – № 3. – С. 101-110.
6. Не, Чжи. Исследование популярных идиом в диалекте Гуйян за последнее столетие (= 聂志. 百年贵阳方言俗成语研究) // Журнал педагогического университета Цзуньи (= 遵义师范学院学报). – 2023. – № 25 (1). – С. 73-76.
7. Нин, Цзоцюань. Китайские идиомы, этика и эстетика китайской нации (= 宁佐权. 汉语成语与中华民族的伦理观和审美观) // Изучение китайского языка (= 学语文). – 2024. – № 1. – С. 93-96.
8. Ню, Юйфэн. Фразеологизмы китайского языка, характеризующие события в жизни человека и его деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 81-89.
9. Ма Гофань. Идиомы (= 马国凡. 成语). – Народное издательство Внутренней Монголии (= 内蒙古人民出版社), 1978. – 341 с.
10. Характер / Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080206?ysclid=lsv5o4bic982038569> (дата обращения 01.02.2024).
11. Характер (= 性格) / Современный словарь китайского языка (= 现代汉语字典). URL: <https://www.chazidian.com/> (дата обращения 01.02.2024).
12. Ань, Ин. Исследование английского перевода китайских идиом с точки зрения теории культурных схем (= 安颖. 文化图式理论视角下汉语成语的英译研究) // Площадь английского языка (= 英语广场). – 2023. – № 10. – С. 3-7. DOI:10.16723/j.cnki.yygsc.2023.10.017.
13. Ван, Дунсюй. Русские и китайские фразеологизмы с компонентом «человек, его характер и поведение» / Л.Ц. Тарчимаева, Ван Дунсюй // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 6. – С. 216-219.
14. Афанасьева, М.П. К вопросу о становлении фразеологии в китайском языкознании и возможных методах описания фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (48). – С. 33-36.
15. Галиуллина, Э.И. Сопоставительный анализ фразеологизмов, обозначающих характер человека // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 420-428.
16. Телия, В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. В.Н. Телия (Отв. ред.). – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 784 с.
17. Жуков, А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ. Астрель, 2007. – 604 с.
18. Лю, Сунцзюнь. Словарь китайских фразеологизмов / Лю Сунцзюнь, Ли Синцзянь, Сян Гуанчжун – Чанчунь: Издательство Цзилинь, 2001. – 1376 с. (刘松筠, 李行健, 向光忠. 中华成语大辞典. 长春: 吉林出版社, 2001).
19. Ван, Дунсюй. Русские и китайские фразеологизмы с компонентом «человек, его характер и поведение» / Л.Ц. Тарчимаева, Ван Дунсюй // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 6. – С. 216-219.
20. Белослюдова, О.А. Теоретические проблемы изучения фразеологизмов, характеризующих поведение человека // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 612-615.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематический вектор рецензируемой работы достаточно актуален, интересен. Стоит согласиться, что «в последние годы значительно возросло количество сопоставительных межкультурных исследований устойчивых выражений. Это связано с тем, что их анализ и сравнение позволяет обнаружить уникальные культурные черты, определить которые в моноязыковых исследованиях не всегда представляется возможным». Автор достаточно конструктивно подходит к осмыслению вопроса, аргументирует собственный взгляд на проблему, старается сформировать устойчивый интерес читателя к теме. Работу отличает цельность позиции, умение систематизировать материал; отмечу, что методология сопоставительного порядка воплощена должным образом. Автор отмечает также, что «исследование выполнено с применением методов лексико-семантического и лингвокультурного анализа. Использование первого метода обосновано необходимостью отнесения выражения к числу фразеологических, а также связи между их семантикой и лексическим составом. Второй метод позволяет более глубоко понять культурные особенности восприятия характера человека, выраженные в устойчивых высказываниях. В его основе лежит принцип наличия уникальных культурных схем у каждой нации, которые в свою очередь являются когнитивными структурами и отражаются в устойчивых единицах языка...». Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «фразеологизмы со значением «характер человека» занимают особое место в каждом языке, что связано с их универсальностью. В них находят отражение культурные особенности восприятия, оценки характера людей, а также понимания их поведения и качеств. В связи с повышением взаимного интереса к изучению культур России и Китая, анализ фразеологизмов с семантикой «характер человека» в этих языках позволит выявить общие и специфические черты, свойственные двум лингвокультурам, что представляется определенно важным для большего понимания межкультурных различий и сходств» и т.д. Фактор статистики для работ лингвистического толка необходим, собственно он реализован, введен к текст: «наиболее значимыми положительными чертами характера с точки зрения распространенности в русских фразеологизмах, являются доброта (4,0%) и честность (4,0%). Это находит отражение в устойчивых выражениях рус. добрая душа (знач. добрый), горячее сердце (знач. добрый), мухи не обидит (знач. добрый), с чистой совестью (знач. честный), без двойного дна (знач. честный), честный как комсомолец (знач. честный) и др. Несмотря на значимость этих черт для китайской культуры, количественно преобладают среди этой группы фразеологизмов те, что обозначают твердость (6,5%), напр. кит. 坚忍不拔 jiānrěnbùbá (знач. стойко держаться; твёрдый), 中流砥柱 zhōngliú-dǐzhù (букв. Дичжу (каменная скала, выступающая по середине реки Хуанхэ; знач.. стоять, как скала против течения), а также трудолюбие (6,0%), напр. кит. 孜孜不倦 zī zī bú juàn (букв. стараться изо всех сил, знач. трудолюбивый) и др.» и т.д. Сопоставительный вектор, что и важно для исследования, поддерживается на протяжении всей статьи: «анализ фразеологизмов с семантикой «характер человека» русского и китайского языков позволил обнаружить универсальное и специфическое их культур. Универсальное заключается в том, что в обеих лингвокультурах соматизмы используются в качестве символов для выражения черт характера, что прежде всего связано их тесной связью с человеком. Распространенность фразеологизмов о характере с компонентом зоологизмом подтверждает общую для русской и китайской культур значимость природы для

человека. Однако, различия в восприятии животных, а также особенности флоры и фауны двух стран определяют специфику, которая выражается в передаче черт характера человека с помощью этих образов». Считаю, что тема автором раскрыта, цель достигнута; текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Основные требования издания учтены. Удачно, что в финальном блоке отмечена перспектива изучения данной темы: «дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение структурно-грамматической организации фразеологизмов с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках, а также глубокому лингвокультурному изучению отдельных компонентов (соматизмов, зоологизмов, прецедентных названий и других) в составе этих фразеологизмов». Рекомендую статью «Фразеологические единицы с семантикой «характер человека» в русском и китайском языках» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Клименко И.В. Взаимодействие большой приключенческой формы и композиции неоромантического рассказа // Litera. 2024. № 3. С. 21-30. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70125 EDN: JQHAEP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70125

Взаимодействие большой приключенческой формы и композиции неоромантического рассказа

Клименко Ирина Владимировна

ORCID: 0000-0003-4393-4527

аспирант, кафедра теории литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ klim.irishka4797@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70125

EDN:

JQHAEP

Дата направления статьи в редакцию:

09-03-2024

Дата публикации:

16-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является композиция неоромантического рассказа, объектом исследования становятся рассказы А. Грина «Всадник без головы (Рукопись XVIII столетия)», «Табу», «Сто верст по реке». Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как неоромантические композиционные особенности малого жанра, которые могли возникнуть при апелляции писателя к приключенческой литературе, основная часть которой представлена большой романной формой. Описывается соотношение понятий «неоромантическая литература» и «приключенческая литература». Новеллам А. Грина, сюжет которых строится, как правило, вокруг одного события, свойственно разделение на главы, что может, на первый взгляд, противоречить жанровой логике, так как замедляет темп повествования. Элементы композиции и образной системы неоромантического рассказа и приключенческого романа скрепляют

аллюзии к атрибутам приключенческого «наджанрового жанра». Предпринимается попытка спроецировать теорию приключенческой композиции, разработанную на романном материале, на неоромантическое произведение, что дает возможность систематизировать дифференциальные особенности неоромантической композиции, характерные как для большой, так и для малой формы. Автор пришел к следующим выводам. Разделение новелл А. Грина на главы представляется аллюзией к структуре приключенческого романа, для которого это способ структурировать большое количество событий. Аллюзивность и игра с точками зрения отражают общий для неоромантического рассказа и приключенческого романа принцип диалогичности. Считывание читателем аллюзий к приключенческим произведениям выполняет для романа приключения жанрообразующую функцию, определяя его в контекст приключенческой литературы. В неоромантическом рассказе аллюзии открывают возможность диалога и игры с читательскими ожиданиями и не-неоромантическими поэтиками. Принцип игры заложен в основу приключения как феномена: события проживаются героем ради них самих. При общности приемов цели неоромантического рассказа и приключенческого романа различаются: в неоромантическом рассказе рассматривается личность за пределами привычной ей действительности, а не экстремальные ситуации как таковые, и для достижения этой цели одного события достаточно.

Ключевые слова:

Неоромантический рассказ, Александр Грин, приключенческая литература, большая приключенческая форма, наджанровый жанр, композиция, диалогичность, точка зрения, игра, аллюзивность

Составление типологии элементов композиции неоромантических произведений вызывает определенные трудности в связи с большим разнообразием форм последних, однако исследования в этом направлении обладают актуальностью, так как могут обнаружить на уровне композиции наиболее частотные признаки, позволяющие читательскому и исследовательскому сознанию определить то или иное произведение как неоромантическое, не расширяя при этом термин безосновательно.

Одним из перспективных путей решения вопроса в этой связи представляется обращение к теории приключенческой литературы, которая, в свою очередь, не менее чем неоромантизм, требует уточнения своего статуса в литературоведческой системе, а по своим характеристикам оказывается близка неоромантической поэтике. «Приключение» нередко выступает характеристикой творчества писателей-неоромантиков (А. Конан Дойл, Г. Р. Хаггард, Р. Л. Стивенсон и др.) в целом или отдельных неоромантических произведений в частности.

Возникает вопрос, как соотносятся понятия «неоромантическая литература» и «приключенческая литература». Несмотря на широту и размытость обоих терминов, в первую очередь надо сказать, что они не синонимичны. С одной стороны, «приключение» шире «неоромантизма», который все-таки имеет статус направления/течения и относительно четкие временные границы существования. У «приключения» определителей для типологизации его как литературного явления меньше (в частности, его рассматривают то как конгломерат жанров [\[1, с. 294\]](#), то как наджанр [\[2, с. 26\]](#) или авторскую/читательскую установку [\[2, с. 19\]](#) и т. д.), но в то же

время более четко выделены его функциональные свойства в тексте, позволяющие читателю «узнавать» приключенческое произведение. С произведением неоромантическим дело обстоит сложнее: сложнее составить условный универсальный список его дифференциальных черт. В то же время, если произведение определено как приключенческое и появилось на рубеже XIX–XX веков, то с большой долей вероятности оно также будет отнесено к неоромантизму. То есть при рассмотрении приключенческой литературы в контексте неоромантизма временной фактор оказывается важной характеристикой и выявляется общность художественных установок. Отметим, что черты приключения обнаруживаются уже в античных романах, однако в подобие жанра (наджанра) оно оформляется благодаря романтикам [\[3, с. 806\]](#). С этой точки зрения генетически приключенческая литература и неоромантизм — явления родственные.

Несмотря на не сформированную окончательно теорию приключенческой литературы в целом, на данный момент в отечественном литературоведении благодаря ряду работ, в том числе книге А. З. Вулиса «В мире приключений: поэтика жанра», которая цитировалась выше, разработано представление о композиции приключенческих произведений, о ее значимых элементах, в то время как к неоромантическим композиционным особенностям исследователи обращаются значительно реже. Это может быть вызвано тем, что термин «неоромантизм» охватывает произведения, имеющие существенные различия в поэтике, в частности, в структуре композиции.

Проблема, однако, заключается и в том, что, если говорить о приключенческой литературе, то ее формальные особенности традиционно рассматриваются на материале большого прозаического жанра — романа, но в то же время понятие применяется и к малым жанрам, в частности, к рассказам неоромантика А. Грина, творчество которого фигурирует в качестве примера в статьях о приключенческой литературе в Словаре литературоведческих терминов (1974 г.) и Литературной энциклопедии терминов и понятий (2001 г.) без специальной жанровой оговорки. В связи с этим нам представляется перспективным попытаться применить теорию приключенческой композиции, разработанной на романном материале, к неоромантическому рассказу и проанализировать, как функционируют узнаваемые компоненты приключения и сюжетные схемы, ему свойственные, на гораздо более ограниченном пространстве текста. Это поможет ответить на вопрос, почему применение понятия «приключение» в принципе допустимо не только в отношении романа, и увидеть особенности малой приключенческой прозы; с другой стороны, это позволит соотнести элементы приключения и неоромантические композиционные элементы, на основе чего можно будет попытаться вычленив узнаваемую структуру неоромантического рассказа.

В связи с проблемой определения природы приключения в художественной литературе возникает вопрос, почему оно оказывается феноменом, более близким жанру (пусть и в более широком его понимании), чем, например, модусу художественности.

Согласно В. И. Тюпе «модус художественности — это всеобъемлющая характеристика художественного целого. Это тот или иной строй эстетической завершенности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику» [\[4, с. 55\]](#). С этой точки зрения литературное приключение могло бы максимально приблизиться к статусу модуса художественности, так как в целом по своим свойствам соответствует указанным критериям. Однако не случайно А. З. Вулис предлагает рассматривать приключение как «большой жанр» [\[2, с. 28\]](#), внутри которого с большим успехом, чем при диахроническом анализе, можно обнаружить родство таких

разных его проявлений, как романы путешествия, научно-фантастические произведения, детективы и др. Отличие жанра от модуса «заключается в том, что модусы относятся непосредственно к способу мышления, а жанры — к способу высказывания» [5, с. 81]. Таким образом, жанр оказывается оболочкой для определенного способа восприятия мира. Приключение напрямую связано со способностью субъекта мышления оценивать жизненную динамику именно как «приключение», то есть как события, выходящие за рамки обыденной жизни. Примечательно, что эту точку зрения фиксирует С. С. Козлов при рассмотрении мифологем неоромантизма на материале дневников путешественника П. Фосетта: «Не будь ясного представления о возможной *альтернативе*, и приключение могло бы превратиться в прежнюю гарнизонную волокиту» [6, с. 9], а также Д. Е. Яковлев, говоря о неоромантической «способности видеть» [7, с. 5], то есть воспринимать действительность сквозь призму фантазии. Этот принцип свидетельствует о том, что субъект приписывает ей свойства и атрибуты приключения, то есть оценивает имеющуюся внешнюю форму или воссоздает ее исходя из своих знаний об этих атрибутах. Между тем в обозначенную форму могут облекаться различные способы мышления — модусы: героический, драматический, даже иронический, что и оказывается одной из причин большого разнообразия художественных произведений, объединяемых понятием «приключение».

В связи с обозначенной проблемой встает вопрос, чье восприятие эта форма отражает? В. Е. Хализев, говоря о модусах художественности, определяет их как типы авторской эмоциональности [8, с. 75], то есть внутреннее единство возникает за счет осязаемой авторской интенции, совпадения интенций авторов разных произведений, объединенных одним модусом.

Наджанр приключения же в таком случае, скорее, представляет собой «тип читательской эмоциональности», так как объединение произведений в одну группу происходит не за счет сходства интенций художников, а благодаря определенным механизмам читательского восприятия (благодаря которым, например, в список приключенческих включается сатирический по авторской интенции роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»).

Из вышесказанного следует, что приключенческое начало лежит не так глубоко в основе структуры произведения, как модус, и его реализация в образной и композиционной системе не совпадает с проявлением авторской эмоциональности, а сопутствует ей на уровне формы.

Таким образом, приключение представляет собой обязательное взаимодействие определенного перечня формальных и содержательных признаков, что одновременно делает его уже любого эпического жанра (приключенческий роман — подтип романа), но и шире его (приключенческий роман, приключенческая повесть, приключенческий рассказ). Отметим, что привлечение содержательной составляющей произведений в описание жанра — проблема, касающаяся не только приключенческой литературы. С ней связано существование альтернативной жанровой типологии, в которой разделение происходит на основании разницы в объектах художественного описания и привлекаемых для этого инструментах: так начинают функционировать, например, жанры *romanse* («романтика»), мелодрамы, триллера и др.

В связи с этим и возвращаясь к неоромантической поэтике отметим, что в исследованиях наблюдается совпадение классификаций неоромантических произведений и проявлений приключенческой литературы.

Так, Н. М. Хачатрян в диссертации, посвященной французской неоромантической прозе, определяет приключенческий роман как один из наиболее влиятельных жанров последней трети XIX в., а его жанровыми модификациями, «порожденными новыми социально-политическими условиями» [\[9, с. 246–247\]](#), называет экзотический, колониальный и детективный роман. Ее классификация в целом включает «не только неоромантический фантастический, исторический и приключенческий типы, но и в каждом из них — особые подвиды («неистовая» фантастическая проза, исторический роман-воспоминание, экзотический, колониальный, детективный романы), что показывает и целостность, и разнообразие исследуемого феномена» [\[10, с. 39\]](#).

И. Качане, описывая категории английского неоромантизма, приводит общую классификацию литературных доминант рубежа XIX–XX вв. и в соответствии с ними — классификацию наиболее читаемой прозы: в нее включается литература эстетизма, детская, детективная и собственно неоромантическая проза, в основе которой — романы о путешествиях и колониальная литература [\[11, с. 116\]](#).

Примечательно, что при общей схожести классификационных принципов у Н. М. Хачатрян и И. Качане прослеживается существенное отличие в соотношении неоромантической и приключенческой литературы: для И. Качане собственно неоромантическая проза в том узком понимании, в каком исследователь включает ее в общую классификацию, оказывается частью литературы приключений, в то время как Н. М. Хачатрян объединяет все выделенные типы как неоромантические. Это вновь подтверждает обозначенную выше проблему категорирования приключенческой литературы и приключения как литературного феномена, а в контексте настоящего исследования — затрагивает проблему уточнения места неоромантизма в литературном процессе и указывает на тесную взаимосвязь этих двух явлений на уровне поэтики.

Как было отмечено, для сравнения их инструментария и в попытке выявить узнаваемые композиционные элементы неоромантического рассказа обратимся к примерам малой прозы А. Грина.

Приключение в первую очередь фиксирует преобладание сюжетности над описательностью [\[2, с. 22\]](#), воплощает проживание героем исключительного события или цепочки событий. В романе структурирование и связывание воедино многочисленных событий — разрозненных звеньев внутренней системы приключения — происходит за счет деления на главы. Каждая глава может описывать отдельное полноценное приключение.

В новеллах же — произведениях, небольших по объему, — стремительность развития событий и нарастание напряжения, являющиеся дифференциальными признаками жанра, могут усиливаться композиционным построением. В связи с этим разделение на главы не функционально с точки зрения жанровой логики, так как замедляет темп повествования. Однако в малой прозе А. Грина это является композиционной особенностью. В отдельных произведениях главы даже получают собственные наименования, как в новелле «Всадник без головы (Рукопись XVIII столетия)».

Предполагаем, что это намеренная отсылка к большому жанру, подчеркивающая генеалогию и связь с узнаваемой традицией приключенческого романа, о чем, в частности, в отношении гриновского «Всадника без головы...» свидетельствует отсылка к роману Майн Рида, содержащаяся в заглавии. Узнавание традиции читателем в целом играет важную роль по нескольким причинам: во-первых, оно является фактором,

позволяющим структурировать приключенческий наджанр [2, с. 26], включать в него разные по своим свойствам романы путешествий, детективы, фантастическую литературу и т.д., во-вторых, это значимая черта гриновской и в целом неоромантической поэтики, представляющая собой игру с читательскими ожиданиями, воплощающуюся в аллюзивности, постижение своего культурного словаря «посредством чужого культурного языка» [12, с. 50–51]. Таким образом, использование аллюзий как один из композиционных приемов и как имманентное и имплицитное свойство объединяет неоромантическое произведение и приключенческий наджанр.

Открывающаяся игровая диалогичность влечет за собой игру на уровне слова (стилизации, пародии), что оказывается свойственно как приключенческой литературе, подчеркивающей пародированием предшествующих этапов своего развития связь с ними, так и неоромантической, наследующей классической романтической иронии. Имманентная диалогичность неоромантического произведения открывает в каждом конкретном случае возможность деконструкции поэтики (в том числе неоромантической), с которой неоромантизм вступает во взаимодействие, и возводит этот процесс в ранг приема. Парадоксальным результатом оказывается связанность всех элементов структуры — композиционной и стилистической — неоромантического произведения, «литературность», «литературная родословная» которых обнажается с помощью остранения.

Характерным примером является рассказ «Табу» А. Грина, пародирующий атрибуты романа путешествия. В нем и повествователь, и герои осмысливают приключенческие клише и вербализуют их:

«На восьмой день нашего плавания мы потерпели классическое кораблекрушение, по всем правилам этого печального дела. Схематически можно выразить это так: туман, риф, пробоина, град проклятий, охрипшие голоса, шлюпки и неизменный, одиноко тонущий капитан наш не составлял исключения».

«Капитан, честный, как большинство из них, стоял у трубы, скрестив на груди руки. Лицо бедного малого напоминало взволнованное море, ему, конечно, страшно хотелось жить, но положение обязывает — приходилось идти ко дну».

В новелле «Всадник без головы...» единство частей создается с помощью пародирования атрибутов рыцарского романа:

«Меня приняли, дали мне лошадь, латы, каску, набедренники, палаш и ботфорты. <...> У меня огрубел голос, выросли усы, и я очень гордился своей службой, думая, что теперь не отличить меня от Пихгольца: он на коне — и я на коне; он в ботфортах — и я в ботфортах. Проезжая мимо Пихгольца, я лениво крутил усы».

На стилистическом уровне целостность образной системы новеллы обеспечивается аллюзиями на рассказ «Легенда о Сонной Лощине» В. Ирвинга, в свою очередь, пародирующий романтические клише. В обоих произведениях это отражается в речевой манере повествователей, которая контрастирует с описываемыми событиями, что в итоге приводит к травестийности.

В большой приключенческой форме двигателем сюжета является цепочка случайных совпадений [2, с. 55], выполняющая также функцию монтажной основы композиции. Из ряда вон выходящие события не осмысливаются героем, он включен в них как в игру, то есть проживает приключение ради самого приключения, и такие произведения, в которых авантурный элемент обладает первоочередным значением, составляют ядро

приключенческого наджанрового жанра при всем многообразии его проявлений [\[13, с. 7\]](#). Это уточнение необходимо, так как отдельные элементы этого «конгломерата жанров», обладающие меньшей долей чистой авантюристичности, в частности, упоминавшийся ранее триллер [\[13, с. 7\]](#), могут функционировать не как отдельный жанр, а как компонент произведения.

В центре неоромантического рассказа оказывается одно случайное событие, что обусловлено малой формой, и, как правило, оно осмысливается героем как не соответствующее привычному течению жизни. Таким образом, случайность выступает катализатором сюжета как в соответствии с неоромантической поэтикой, так и согласуясь с установками приключенческой литературы. В неоромантическом произведении она обеспечивает чистоту экспериментальной проверки характера действующего лица. С точки зрения приключения — является основным движущим фактором сюжета. Композиционные различия же обусловлены тем, что ключевое значение в приключенческом романе имеет смена событий, а в неоромантическом рассказе — раскрытие характера героя, вырванного из привычной действительности, и для этой цели одного события оказывается достаточно.

Функционально общей особенностью является то, что точке зрения читателя, выступающей как жанровый определитель приключенческого произведения, о чем говорилось выше, в неоромантических рассказах А. Грина соответствует «характер мирозерцания» [\[14, с. 310\]](#), точка зрения внутреннего субъекта восприятия, способного или не способного оценить события как романтические, как «приключение», что в итоге влияет на композицию произведения, на образную систему и ее оценку.

Таким образом, если игровое начало лежит в основе классического приключения, то сюжет неоромантических рассказов А. Грина, как в «Ста верстах по реке», может представлять собой игру в приключение, когда герои осознают приключенческую схему и даже проговаривают правила игры:

«Ей представилось, что она не плавает, а читает о женщине со своим именем в некоей книге, где описываются леса, охоты, опасности».

На основании всего вышесказанного отметим, что на уровне композиции в большой приключенческой форме и в неоромантической малой прозе А. Грина обнаруживаются общие черты. Небольшие по объему рассказы под влиянием романной структуры подвергаются делению на главы. При скреплении композиционных элементов значение приобретают аллюзии и точка зрения: если в контексте приключения они устанавливают генеалогические связи и вводят произведение в определенный литературный ряд, то в неоромантическом рассказе объединяют элементы композиции и открывают диалог с литературными традициями. В обоих случаях подчеркивается диалогичность как художественный принцип. И приключенческий роман, и неоромантический рассказ построены на игре и функционируют как игра: игровое начало лежит в основе приключения, когда герой проживает событие ради события, и оказывает влияние на композицию неоромантического произведения, строящуюся на игре с читательскими ожиданиями. Тем не менее, несмотря на формальную общность приемов неоромантический рассказ преследует иную цель, нежели приключенческий роман, — он исследует личность в экстремальной ситуации, а не саму ситуацию, в связи с чем не нуждается в большом объеме.

Библиография

1. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974, 509 с.
2. Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра. М.: Советский писатель, 1986, 383 с.
3. Приключенческая литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001, С. 806.
4. Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Т. 1., М.: Академия, 2004, 513 с.
5. Агапонова О. С. Модусы художественности как проблема теоретического литературоведения // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2020. № 2. С. 79–84.
6. Козлов С. С. Мифология неоромантизма в литературе модерна. Курск, Изд-во Курск. Гос. Пед. Ун-та, 2000, 92 с.
7. Яковлев Д. Е. Моралисты и эстеты (английская неоромантическая эстетика и современность). М., Знание, 1988, 62 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004, 483 с.
9. Хачатрян Н. М. Неоромантизм во французской прозе второй половины XIX века : дис. доктора филологических наук : специальность 10.01.07 Зарубежная литература / Институт литературы имени Манука Абеяна Национальной академии наук Республики Армения. Ереван, 2018, 358 с.
10. Пахсарьян Н. Т. 2019. 03. 005. Рецензия на монографию: Хачатрян Н. М. Французская неоромантическая проза. Ереван: Лингва, 2017. 448 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 36–40.
11. Kačāne I. The Basic Categories of Neo-romanticism in the 19th Century British Literature // Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences. 2018. Vol. 9. P. 115–127. URL: https://www.researchgate.net/publication/326541046_THE_BASIC_CATEGORIES_OF_NEO-ROMANTICISM_IN_THE_19th_CENTURY_BRITISH_LITERATURE
12. Васильева И. В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России 20 в. : диссертация кандидата культурологи: 24.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011, 190 с.
13. Don D'Amassa. Encyclopedia of Adventure Fiction. Facts On File, 2009, 328 p.
14. Луков В. А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 309–312.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи, на мой взгляд, достаточно актуальна, автор обращается к анализу приключенческой формы и неоромантического рассказа. Сравнение, на первый взгляд, противоречиво, но ряд общих моментов, которые являются концептуальными, в работе высвечиваются и аргументируются. Автор отмечает, что «составление типологии элементов композиции неоромантических произведений вызывает определенные трудности в связи с большим разнообразием форм последних, однако исследования в этом направлении обладают актуальностью, так как могут обнаружить на уровне композиции наиболее частотные признаки, позволяющие читательскому и исследовательскому сознанию определить то или иное произведение как неоромантическое, не расширяя при этом термин безосновательно». Стоит согласиться с данным утверждением, в нем собственно и намечается перспектива исследования.

Позиция исследователя относительно указанного вопроса манифестируется утвердительно, в режиме диалога: «Одним из перспективных путей решения вопроса в этой связи представляется обращение к теории приключенческой литературы, которая, в свою очередь, не менее чем неоромантизм, требует уточнения своего статуса в литературоведческой системе, а по своим характеристикам оказывается близка неоромантической поэтике. «Приключение» нередко выступает характеристикой творчества писателей-неоромантиков (А. Конан Дойл, Г. Р. Хаггард, Р. Л. Стивенсон и др.) в целом или отдельных неоромантических произведений в частности». На мой взгляд, такой ракурс создает привлекательность тексту, актуальность, поиск. Стиль статьи соотносится с собственно научным типом: «С произведением неоромантическим дело обстоит сложнее: сложнее составить условный универсальный список его дифференциальных черт. В то же время, если произведение определено как приключенческое и появилось на рубеже XIX–XX веков, то с большой долей вероятности оно также будет отнесено к неоромантизму. То есть при рассмотрении приключенческой литературы в контексте неоромантизма временной фактор оказывается важной характеристикой и выявляется общность художественных установок». Языковой уровень обработан, терминологическая / понятийная база унифицирована. Методы исследования направлены на аналитику проблемы, причем ссылки на теоретиков – В. Хализева, В. Тюпу, А. Вулиса и других – собственно это и подтверждают. Автор использует прием «риторического вопрошания», действенный инструмент как для устной, так и письменной формы. Промежуточные выводы дают возможность читателю осуществлять плавный переход от «части» к «части», от мысли к новому тезису: например, «таким образом, приключение представляет собой обязательное взаимодействие определенного перечня формальных и содержательных признаков, что одновременно делает его уже любого эпического жанра (приключенческий роман — подтип романа), но и шире его (приключенческий роман, приключенческая повесть, приключенческий рассказ). Отметим, что привлечение содержательной составляющей произведений в описание жанра — проблема, касающаяся не только приключенческой литературы» и т.д. Спорность точек зрения также выводится достаточно грамотно: «примечательно, что при общей схожести классификационных принципов у Н. М. Хачатрян и И. Качане прослеживается существенное отличие в соотношении неоромантической и приключенческой литературы: для И. Качане собственно неоромантическая проза в том узком понимании, в каком исследователь включает ее в общую классификацию, оказывается частью литературы приключений, в то время как Н. М. Хачатрян объединяет все выделенные типы как неоромантические. Это вновь подтверждает обозначенную выше проблему категорирования приключенческой литературы и приключения как литературного феномена, а в контексте настоящего исследования — затрагивает проблему уточнения места неоромантизма в литературном процессе и указывает на тесную взаимосвязь этих двух явлений на уровне поэтики». Цитации и ссылки даны в режиме стандарта, основные требования издания учтены. Работа информативна, целостна, достаточно объективна. На мой взгляд, литературный контекст можно было бы расширить, ориентира на представленных авторов – А. Грин, В. Ирвинг, Дж. Свифт, Р. Стивенсон... - в ряде случаев не достаточно. Выводы содержат подытог сказанному: «на уровне композиции в большой приключенческой форме и в неоромантической малой прозе А. Грина обнаруживаются общие черты. Небольшие по объему рассказы под влиянием романной структуры подвергаются делению на главы. При скреплении композиционных элементов значение приобретают аллюзии и точка зрения: если в контексте приключения они устанавливают генеалогические связи и вводят произведение в определенный литературный ряд, то в неоромантическом рассказе объединяют элементы композиции и открывают диалог с литературными традициями. В

обоих случаях подчеркивается диалогичность как художественный принцип. И приключенческий роман, и неоромантический рассказ построены на игре и функционируют как игра...». Созвучие с основной частью налично; в целом задачи, которые были поставлены, решены, но тема нуждается в явно дополнительной коррективе. Список источников необходимо унифицировать; исправить неточности: «Пахсарьян Н. Т. 2019. 03. 005. Рецензия на монографию: Хачатрян Н. М. Французская неоромантическая проза. Ереван: Лингва, 2017. 448 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 36–40». Рекомендую статью «Взаимодействие большой приключенческой формы и композиции неоромантического рассказа» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Л. Восприятие работ А. Белого в Китае // Litera. 2024. № 3. С. 31-39. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70169 EDN: BNACAF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70169

Восприятие работ А. Белого в Китае

Чжан Линьлинь

аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ zlsaryy@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70169

EDN:

BNACAF

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: В статье рассматривается история китайских переводов и исследований художественного творчества и теоретических изысканий Андрея Белого, а также проводится сопоставительный анализ работ китайских литературоведов, специализирующихся на изучении поэзии, прозы, а также критического наследия русского символиста. Цель работы – дать полное представление о состоянии переводов и степени изученности наследия Белого в Китае, а также обобщить этот уже имеющийся материал, что кажется немаловажным для последующих исследований в этой области. Кроме того, в статье прослеживаются этапы развития изучения произведений Андрея Белого, особое внимание уделено восприятию романа «Петербург» и его литературной критике китайскими учеными. Предпринимается попытка выявить лакуны в китайском беловедении и таким образом отметить перспективные линии развития этой сферы литературоведения. В работе используются сравнительно-исторический метод, который позволяет определить влияние русского модернизма, представленного Белым, на

современный литературный процесс в Китае. Переводы произведений Белого на китайский язык – еще не до конца изученная проблема в науке, что и определяет новизну исследования. Показано, как менялся и совершенствовался подход к переводу символистского текста, выделены и рассмотрены три группы переводов (переводы поэзии, теории и романов), при этом особое внимание уделено переводу романов. Что касается исследований, то, несмотря на достаточное количество работ о Белом в китайской науке, их нельзя считать исчерпывающими. В нашей работе предпринимается попытка осветить как проблемные зоны, так и достижения китайского беловедения, рассмотреть различные научные подходы к осмыслению прозы Белого, и делается вывод о необходимости расширения научного инструментария для более глубокого понимания наследия Белого.

Ключевые слова:

Андрей Белый, творчество Белого, символизм, модернизм, символическая поэтика, литературный перевод, творческое наследие, беловедение, роман Петербург, культурное влияние

Творчество Андрея Белого до сих пор привлекает внимание писателей и литературоведов всего мира. Значимость наследия Белого заключается в той роли, которое оно сыграло для символистской эстетики: эксперименты в области языка, разработка теории символа, применение своей же теории на художественной практике и т.д. – все это делает Белого одной из главных фигур русской литературы Серебряного века. Н. Бердяев считал: «Андрей Белый – важнейший русский писатель последней литературной эпохи и самый оригинальный писатель. Он создал новую форму художественной прозы, совершенно новый ритм» [\[6, с.38\]](#). По мнению Е. Замятина, романы Белого «оставались чтением преимущественно интеллектуальной элиты. Это был "писатель для писателей"... Язык его книг – это язык Белого, совершенно так же, как язык "Улисса" не английский, но язык Джойса» [\[12, с.56\]](#). Новаторство Белого в области романной поэтики внесло огромный вклад в русскую литературу начала XX века. Стоит заметить, что уже в это время китайские исследователи проявляли интерес к русской литературе. В первую группу писателей (в 1920 году), обративших внимание на русскую литературу Серебряного века, вошли Цюй Цюбай (瞿秋白), Лу Сюнь (鲁迅), Цзян Гуанци (蒋光慈) и Шэнь Яньбин (沈雁冰). В это время большое количество русских литературных произведений было переведено на китайский язык. А. Белый, А. Блок, В. Брюсов и О. Мандельштам и другие в тот же период начали входить в сферу интересов китайских исследователей.

В целом история исследования творчества Белого в Китае делится на три этапа: 1) с 1920-х по 1930-е годы; 2) с 1930-х годов до начала политики реформ и открытости (1978 г.); 3) после 1978-го года по настоящее время.

Одним из самых ранних высказываний о стиле произведений Белого в Китае была «История русской литературы», написанная Цюй Цюбаем (瞿秋白) во время его пребывания в России в 1922 году. Он считал, что поэзия Белого была новаторской среди его современников, но в то же время подчеркивал, что недостаточно просто изменить форму поэзии, «необходимо изменить содержание поэзии и ее направленность – ориентируясь на рабочих» [\[18, с.79\]](#). В 1924 году Чжэн Чжэндуо (郑振铎) дал небольшую биографическую справку о Белом в «Краткой истории русской литературы»: «Он был

известным поэтом, писателем и критиком, важным пропагандистом современного символизма» [21, с.146]. Ученый упомянул два важных романа Белого – «Петербург» и «Серебряный голубь». Необходимо подчеркнуть, что Чжэн Чжэндуо, в отличие, например, от Цюй Цюбая, обозначил принадлежность Белого к литературному направлению – символизму, без чего понимание особенностей тематики и стиля его творчества было бы неполным. Изменчивый языковой стиль, воплощенный Белым в поэзии, и размышления о взаимоотношениях между человеком и космосом, которые он пытался передать через нее, отражают литературные особенности Серебряного века. В 1927 году Цзян Гуанци (蒋光慈) высоко оценил Белого в своей книге «Русская литература» и писал, что «все стихи, написанные Белым, относятся к текущим событиям ... это поэт, любимый русскими рабочими ... вероятно, потому, что язык, используемый в творениях Белого, доступен для понимания массам. Объектами его произведений являются священники, фермеры, солдаты, помещики и революционеры» [17, с.30133]. На взгляд Цзян Гуанци, тематика стихов Белого отвечает потребностям рабочих и общественности, соответствует тенденциям времени. Сравнивая мнения Цюй Цюбая и Цзян Гуанци, мы видим, что оба рецензента выбрали для обсуждения только ту часть поэзии Белого, которая посвящена революции и рабочим, почти не затрагивая другие аспекты его творчества. Эти работы могут рассматриваться в качестве первых попыток осмысления Белого в Китае, но они были написаны на китайском языке старого образца, который был мало знаком среднестатистическому читателю. Кроме того, все критики писали имя поэта по-разному (Бай Де Нейи (白德内宜), Бай Нейи (白内宜), Пиллэй(皮莱)). Ввиду этого влияние Белого на китайскую литературу на данном этапе было незначительно.

1930-е – 1970-е годы в Китае были сложными в политическом плане (Культурная революция, Гражданская война, голод). Очевидно, что творчество Белого в то время не соответствовало господствующей идеологии. Поэтому упоминания о Белом встречаются лишь в отдельных литературных рецензиях («Русская литературная мысль» [11] 俄国文学思潮, в переводе Жэнь Цзюня (任钧) 1941).

Только в 1980-х годах движимые реформами, политикой открытости и мультикультурностью, китайские ученые начали уделять внимание художественным произведениям Белого и его теоретическим работам, в полной мере отражающим установки выдающегося писателя-модерниста. По состоянию на февраль 2024 г. поисковая система на платформе китайских электронных ресурсов CNKI показала, что существует 59 работ, посвященных Белому, в том числе романам «Петербург» (26 статей) и «Серебряный голубь» (5 статей).

«Всплеск» исследований о творчестве Белого обусловлен несколькими причинами. Во-первых, после осуществления политики реформ и открытости (1978 г.) исследователи начали в больших масштабах вводить в сферу своей деятельности изучение зарубежной литературы. Многочисленные конференции по русской литературе, организованные китайскими писателями, способствовали культурному взаимообмену и сближению. Литературоведы Чжоу Цичао (周启超) в книге «Исследование русской литературы Серебряного века» (白银时代俄罗斯文学研究) и Чжан Цзе (张杰) в книге «История русской и советской литературной критики XX века» («20世纪俄苏文学批评理论史») подтверждают вклад творческих идей Белого в литературу Серебряного века. Чжоу Цичао полагает, что «романы "Петербург" и "Котик Летаев" ... знаменуют собой высшее достижение символиста в художественном исследовании» [20, с. 167]. Чжан Цзе анализировал символы времени и пространства в «Петербурге» и сделал вывод, что «роман иллюстрирует конфликт между западным идеализмом, позитивизмом и восточным

мистицизмом» [19, с. 39]. Другие литературоведы, такие как Лю Вэньфэй (刘文飞), Жэнь Гуансюань (任光萱), Хэ Сюэмэй (何雪梅) и Ли Юйчжэнь (李毓榛), кратко осветили биографию творческий путь Белого. Во-вторых, в 1990-е годы большое количество переводов романов, стихотворений и литературных обзоров творчества Белого (особенно переводы и публикация романов «Петербург» и «Серебряный голубь») позволили читателям более глубоко погрузиться в творческое наследие русского писателя-символиста.

Тексты писателя, переведенные китайскими учеными, могут быть разделены на три группы: поэзия, теория символизма, романы. В 1990-х годах Ван Цзяньчжао (汪剑钊) перевел десять стихотворений Белого: «Образ вечности», «Солнце», «Ночь», «Асе» («В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге...»), Асе («Опять – золотеющий волос...»), «Карма», «В поле», «Серенада», «Ночью на кладбище», «Тело стихий» [15, с. 265-283]. В 2018 году Го Цзинъюань (郭靖媛) перевела сборник стихов «Золото в лазури: избранные стихи А. Белого» («碧空中的金子: 别雷诗选») [11]. Она отобрала в основном стихи из четырех ранних сборников, среди которых были стихотворения «Золото в лазури», «Пепел», «Урна» и «Звезда».

Работы по теории символизма Белого были переведены несколько позже его поэзии. В 1989 году Лян Кун (梁坤) перевела «Формы искусства» и «Символизм». В 1998 году Ли Цзао (立早) перевел «Символизм как миропонимание», Чжан Цзинъюнь (张静云) перевела «Символизм». Последние две статьи были включены в книгу «Советские литературные школы до и после Октябрьской революции» под редакцией Чжай Хоулуна (翟厚隆).

Что касается переводов романов Белого, то в Китае они появились гораздо позднее. Впервые китайские ученые заметили литературное значение «Петербурга» благодаря публикации двух статей: Цянь Шаньсина (钱善行) «Шедевр русской литературы, который многие годы оставался незамеченным – о романе “Петербург” и авторе» и Чжан Сяоцзюня (张小军), переведшего «О себе как писателе» [2] Белого. Эти статьи побудили китайских ученых составить предварительное представление о «Петербурге». В 1996 году в издательстве Гуанчжоу впервые был опубликован «Петербург» [3] в переводе Цзинь Гэ (靳戈) и Ян Гуан (杨光). Этот перевод стал отправной точкой для активного изучения романа в Китае. В 1998 году издательство «Пекинские писатели» опубликовало полную версию «Петербурга» (Цзинь Гэ и Ян Гуан), которая была подробнее, чем версия «Петербурга» 1996 года. В том же году «Серебряный голубь» [4] в переводе Лю Вэньфэя (刘文飞), Ли Чжэнвэня (李政文) и У Сяоду (吴晓都) был опубликован Народным издательством Юньнани. Итак, на данный момент два важных романа Белого переведены в Китае. Это положило начало глубокому исследованию «Петербурга» и «Серебряного голубя» в китайских академических кругах.

В настоящее время в Китае опубликовано немного работ о «Серебряном голубе». Гуань Хайин (管海莹) в статье «Мифопоэтика в романе Белого “Серебряный голубь”» анализирует символические и мифические образы в тексте. Ли Яньхуа (李艳华) [14] и Гоу Шичунь (苟士纯) [7] в своих магистерских диссертациях подробно рассмотрели специфическую авторскую символику и пространственную организацию прозы писателя. Однако по сравнению с многоаспектным исследованием «Петербурга», «Серебряный голубь» еще недостаточно изучен.

«Петербург» находится в центре внимания многих китайских литературоведов. Исследователь Линь Цзинхуа (林精华) в статье «“Петербург”: текст, выходящий за рамки

гуманистических ценностей» утверждает, что повествование романа можно определить тремя темами: «воспоминаниями Белого о детстве, странными особенностями отца и двойными семейными конфликтами между родителями, отцом и сыном» [13, с.99]. Этот конфликт разыгрывается как символ революции 1905 года. И все же в период 1990-х гг. из-за отсутствия достаточного количества историко-биографического материала, а вследствие этого и релевантной методологии литературные исследования, посвященные Белому, все еще отличались поверхностностью.

В начале XXI века начался настоящий исследовательский бум в сфере беловедения. «Интерпретация символов: теория символического искусства А. Белого» [10] Ду Вэньцзюань (杜文娟) – это первая научная монография о Белом в Китае. Исследовательница не только изучила влияние философии и эстетики на творчество писателя, но и рассмотрела музыкальность, ритм, экспериментаторство, повествовательную стратегию в нем и связь творчества Белого с антропософией Штейнера. В 2012 году Гуань Хайин (管海莹) опубликовала монографию «Строительство ковчега души – о «Петербурге» Белого» [9]. Литературовед рассмотрела традицию и новаторство художественной концепции «Петербурга» в контексте русской литературы, а также обозначила «Серебряного голубя» как первый шаг к роману «Петербург». Гуань Хайин сосредоточилась на анализе мира сознания романа и символики, созданной Белым в «Петербурге», опираясь на семиотику и нарратологию для расшифровки «загадок» текста. В 2021 году Гуань Хайин опубликовала «Исследование романов Белого» [8], в котором были проанализированы «Золото в лазури», «Симфония», «Серебряный голубь», «Петербург» и «Котик Летаев», уделив особое внимание поэтике поэзии и прозы русского символиста. В это же время появляется много других исследований, посвященных роману «Петербург», собирающихся в следующие проблемные узлы.

1) Исследования, посвященные проблемам нарративной стратегии. Белый известен своим новаторским подходом к языковой фактуре прозы. Специфика его мышления, многоуровневая повествовательная матрица его произведений, интерес к сложной структуре человеческой психики стали одними из основных направлений исследований. Гуань Хайин в своих трудах «Путешествие к душе в сфере сознания», «Воспроизведение песни разрушения – звуковая система “Петербурга”» провела систематическое исследование «Петербурга». Ее работы «Неперсонализированный рассказчик в персонализированном повествовании» – об образе рассказчика в «Петербурге» и «О множественной нарративной структуре Петербурга» – сфокусированы на рассмотрении романа с точки зрения проблемы сознания индивидуума, звукописи и, шире, звука как некоей субстанции, а также специфики повествования. Исследовательница также уточняет, что повествовательная структура «Петербурга» в целом имеет динамичный и открытый характер. Дэн Линь (邓琳) в работе «О поэтических характеристиках “Петербурга”» рассуждает о художественном обаянии произведения, анализируя интертекстуальность, символизм и двойственность романа. Цян Аньци (强安琪) в статье «Исследование фрагментарного повествования “Петербурга”» соотносит эстетическую ценность романа с виртуозной повествовательной техникой автора.

2) Другой ряд исследований объединяет работы, посвященные анализу мифопоэтики в романах Белого. Это прежде всего работы У Цянь (吴倩) «Новый миф русского символизма»; Чжэн Чжилиань (郑芷莲) «Апокалиптический дух Андрея Белого и “Петербург”»; У Цянь; Цзя Янь (贾燕) «“Петербург” хаос и порядок и тематика городской мифологии». Авторы тщательно проанализировали влияние творчества А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского на произведения А. Белого, развивающего традиции

петербургского текста русской литературы и на его основе строящего свой миф о конце света. Ган Симиао (甘西淼) и Гао Юйцю (高玉秋) в статье «Традиция Н. Гоголя в "Петербурге" А. Белого» рассматривают использование Белым гоголевской традиции и ее развитие с точки зрения иронии, цветовой гаммы и символа «тройки».

3) Работы, сосредоточенные на рассмотрении перспектив символической поэтики. В своей магистерской диссертации «Символический образ Петербурга» [6] Ван Янь (王艳) показала, что видимый мир (персонажи, пространство, цвета) и невидимый мир (структура и атмосфера) в романе составляют символический образ Петербурга. Кроме того, рассматривается и уровень пространственной организации текста (прежде всего перспективы), как, например, в работе «"Суперпозиция" и "Коллапс" реалистичного и нереалистичного пространства» Сун На (孙娜), в которой показан взгляд на «Петербург» с точки зрения космической теории. Исследователь называет Невскую улицу и реку Мойку «первым пространством», духовную сферу сознания людей – «вторым пространством». Хоу Цяокай (侯乔恺) [16] при анализе хронотопа «Петербурга» уделила внимание нарративной стратегии автора и выявила влияние физического и духовного пространства города на настроение героев.

Даже краткий экскурс в историю беловедения в Китае позволяет убедиться, что предложенные подходы при всей их убедительности еще нуждаются в расширении и углублении. Так, например, в той или иной статье могут быть подробно освещены вопросы содержания и тематики «Петербурга», но личные предпочтения и различные подходы и методы исследования, отсутствие комплексного подхода к рассмотрению романа неминуемо приводят к его односторонней трактовке, указывают на то, что беловедение оказалось разделено на несколько отдельных аспектов. Более того, нельзя не отметить некие «перекося» в созданной исследователями общей картине творчества писателя: некоторые произведения удостоились пристального внимания литературоведов, тогда как другие остались в тени, что мешает понять эволюцию взглядов Белого, особенности его идиостиля в целом – и, как следствие, своеобразие поэтики отдельных произведений. Специфика творческих идей Белого состоит в попытке объединить искусство и методы точной науки. Ориентация на законы музыки и живописи, математическое мышление Белого все еще требует дополнительного внимания в китайском литературоведении. Но это не отрицает того, что китайские исследователи проделали большую кропотливую работу и не будут останавливаться на достигнутом.

Библиография

1. Белый А. Золото в лазури: избранные стихи А. Белого. Пер. Го Цзинъюань. Народное издательство Сычуани, 2018. (安德烈·别雷. 碧空中的金子-别雷诗选. 郭靖媛译. 四川人民出版社, 2018.)
2. Белый А. О себе как писателе // Мировая литература. Пер. Чжан Сяоцзюня, 1992. (安德烈·别雷. 作家自述 // 世界文学. 张小军译. 1992, № (4):196-204.)
3. Белый А. Петербург. Пер. Цзинь Гэ, Ян Гуан. Издательство Гуанчжоу, 1996. (安德烈·别雷. 彼得堡. 靳戈、杨光译. 广州出版社, 1996.)
4. Белый А. Серебряный голубь. Пер. Лю Вэньфэй, Ли Чжэнвэня, У Сяоду. Народное издательство Юньнани, 1998. (安德烈·别雷. 银鸽. 李政文、吴晓都、刘文飞译. 云南人民出版社, 1998.)
5. Бердяев Н.А. Кризис искусства. (Репринтное издание). М.: СП Интерпринт, 1990. С. 38.
6. Ван Янь. Символический образ Петербурга // Магистерская диссертация Чжэцзянского университета, 2008. (王艳. 别雷小说《彼得堡》中的象征形象 // 浙江大学硕士论文. 2008.)

7. Гоу Шичунь. Исследование пространственного повествования в романе Андрея Белого «Серебряный голубь». Магистерская диссертация Северо-Восточного педагогического университета. 2023. (苟士纯. 安德烈·别雷《银鸽》的空间叙事研究. 东北师范大学硕士论文. 2023.)
8. Гуань Хайин. Исследование романов Белого. Народное издательство. 2021. (管海莹. 别雷小说研究. 人民出版社. 2021.)
9. Гуань Хайин. Строительство ковчега души – о «Петербурге» Белого. Народное издательство. 2012. (管海莹. 建造心灵的方舟: 论别雷的《彼得堡》. 北京: 人民出版社. 2012.)
10. Ду Вэньцзюань. Интерпретация символов: теория символического искусства А. Белого. Пекин: Издательство Китайского университета коммуникаций, 2006. (杜文娟. 诠释象征: 别雷象征艺术论. 北京: 中国传媒大学出版社, 2006)
11. Ёнекава Масао. Русская литературная мысль. Пер. Жэнь Цзюня. Книжный магазин Чжэнчжуна, 1941 год. С. 205. (米川正夫. 俄国文学思潮. 任钧译. 正中書局, 1941)
12. Замятин. Е. Андрей Белый. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2004. С. 56.
13. Линь Цзинхуа. "Петербург": текст, выходящий за рамки гуманистических ценностей. Иностранная литература. 1997. № 4. С. 99. (林精华. 《彼得堡》: 在人文价值内涵上空前增生的文本. 国外文学. 1997. № 4.)
14. Ли Яньхуа. Персонализированный символизм, Магистерская диссертация, Сычуаньский университет, 2004. (李艳华. 个性化的象征主义. 四川大学硕士论文. 2004.)
15. Сологуб. Ф. Обрученная роза: Избранные стихи русской символистской школы. Пер. Цзянь Чжао, Издательство Китайской федерации литературных и художественных кругов, 1992. (索洛古勃. 订婚的玫瑰: 俄国象征派诗选. 剑钊译. 中国文联出版公司, 1992.)
16. Хоу Цяокай. Исследование пространственного нарратива "Петербурга". Магистерская диссертация Ляонинского педагогического университета. 2021. (侯乔恺. 《彼得堡》的空间叙事研究. 辽宁师范大学硕士论文. 2021.)
17. Цзян Гуанци. Русская литература. Издательский отдел Шанхайского Созидательного Общества. 1927. С. 33. (蒋光慈. 俄罗斯文学. 上海创造社出版部, 1927.)
18. Цюй Цюбай. История русской литературы. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2004. С. 79. (瞿秋白. 俄国文学史及其它. 上海: 复旦大学出版社, 2004.)
19. Чжан Цзе . История русской и советской литературной критики XX века. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. С. 39. (张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社, 2017.)
20. Чжоу Цичао. Исследование русской литературы серебряного века. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003. С. 167. (周启超. 白银时代俄罗斯文学研究. 北京: 北京大学出版社, 2003.)
21. Чжэн Чжэндуо. Краткой истории русской литературы. Хунань: Издательство Юэлу, 2010. (郑振铎. 俄国文学史略. 湖南: 岳麓书社, 2010.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Литература Серебряного века является наиболее интересной частью процесса культурных трансформаций XX столетия в России. Внимание на это обращают не только отечественные исследователи, но и зарубежные. В начале рецензируемой статьи отмечено, что «творчество Андрея Белого до сих пор привлекает внимание писателей и литературоведов всего мира. Значимость наследия Белого заключается в той роли, которое оно сыграло для символистской эстетики: эксперименты в области языка, разработка теории символа, применение своей же теории на художественной практике и

т.д. – все это делает Белого одной из главных фигур русской литературы Серебряного века». На мой взгляд, вполне удачно выбран и формат связности русского наследия с китайским, версия аналитического порядка, которая ориентирован на поиск близких культурных тенденций. Автор статьи отмечает, что «новаторство Белого в области романной поэтики внесло огромный вклад в русскую литературу начала XX века. Стоит заметить, что уже в это время китайские исследователи проявляли интерес к русской литературе. В первую группу писателей (в 1920 году), обративших внимание на русскую литературу Серебряного века, вошли Цюй Цюбай (瞿秋白), Лу Сюнь (鲁迅), Цзян Гуанци (蒋光慈) и Шэнь Яньбин (沈雁冰). В это время большое количество русских литературных произведений было переведено на китайский язык. А. Белый, А. Блок, В. Брюсов и О. Мандельштам и другие в тот же период начали входить в сферу интересов китайских исследователей». Исследование полновесно, по своему «сложно», логически выверено; данный текст отличается т.н. обзорный характер, что, безусловно, может быть интересно читателям. Автор дифференцирует исследования творчества А. Белого в Китае на три периода: «в целом история исследования творчества Белого в Китае делится на три этапа: 1) с 1920-х по 1930-е годы; 2) с 1930-х годов до начала политики реформ и открытости (1978 г.); 3) после 1978-го года по настоящее время», на мой взгляд, исторически это правомерно. Далее по тексту идет целостная оценка восприятия наследия Белого; учитывая специфику / предмет изучения, замечу, что стиль работы все же тяготеет к собственно научному типу. Например, ««Всплеск» исследований о творчестве Белого обусловлен несколькими причинами. Во-первых, после осуществления политики реформ и открытости (1978 г.) исследователи начали в больших масштабах вводить в сферу своей деятельности изучение зарубежной литературы. Многочисленные конференции по русской литературе, организованные китайскими писателями, способствовали культурному взаимобою и сближению. Литературоведы Чжоу Цичао (周启超) в книге «Исследование русской литературы Серебряного века» (白银时代俄罗斯文学研究) и Чжан Цзе (张杰) в книге «История русской и советской литературной критики XX века» («20世纪俄苏文学批评理论史») подтверждают вклад творческих идей Белого в литературу Серебряного века», или «что касается переводов романов Белого, то в Китае они появились гораздо позднее. Впервые китайские ученые заметили литературное значение «Петербурга» благодаря публикации двух статей: Цянь Шаньсина (钱善行) «Шедевр русской литературы, который многие годы оставался незамеченным – о романе “Петербург” и авторе» и Чжан Сяоцзюня (张小军), переведшего «О себе как писателе» Белого. Эти статьи побудили китайских ученых составить предварительное представление о «Петербурге». В 1996 году в издательстве Гуанчжоу впервые был опубликован «Петербург» в переводе Цзинь Гэ (靳戈) и Ян Гуан (杨光). Этот перевод стал отправной точкой для активного изучения романа в Китае» и т.д. Информационная составляющая статья высока, материал продуктивно использовать при изучении истории русской литературы, развития критической мысли в Китае. Научная новизна заключается в систематизации данных, сведении их в определенную систему. Наличного текста достаточно, чтобы раскрыть суть вопроса, сделать достаточно полное погружение в историю критических наблюдений. Автор в финале отмечает, что «даже краткий экскурс в историю беловедения в Китае позволяет убедиться, что предложенные подходы при всей их убедительности еще нуждаются в расширении и углублении. Так, например, в той или иной статье могут быть подробно освещены вопросы содержания и тематики «Петербурга», но личные предпочтения и различные подходы и методы исследования, отсутствие комплексного подхода к рассмотрению романа неминуемо приводят к его односторонней трактовке, указывают на то, что беловедение оказалось разделено на несколько отдельных аспектов. Более того, нельзя не отметить некие «перекося» в созданной исследователями общей картине творчества

писателя: некоторые произведения удостоились пристального внимания литературоведов, тогда как другие остались в тени, что мешает понять эволюцию взглядов Белого, особенности его идиостиля в целом – и, как следствие, своеобразие поэтики отдельных произведений...». Работа целостна, системна, основные научные параметры учтены; главное, на мой взгляд, рецензируемый вариант может быть примером точечного собора данных в режиме критике практического любого текста / автора. Парадигма изменений в оценке творчества Андрея Белого автором высвечена, объективность не вызывает сомнений, ибо ссылочный уровень правильный. Статья «Восприятие работ А. Белого в Китае» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Георгиева Е.С., Блохин И.Н., Олейников С.В., Лабуш Н.С. Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций // Litera. 2024. № 3. С. 40-53. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70066 EDN: BULLRE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70066

Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций

Георгиева Елена Савова

ORCID: 0000-0001-7082-1224

кандидат политических наук

доцент, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ e.georgieva@spbu.ru**Блохин Игорь Николаевич**

ORCID: 0000-0002-6582-3951

доктор политических наук

профессор, кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru**Олейников Сергей Викторович**

доктор политических наук

профессор, кафедра журналистики, ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

✉ olen_serg@inbox.ru**Лабуш Николай Сергеевич**

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70066

EDN:

BULLRE

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: Предметом исследования статьи является журналистика в качестве социального института. Современные медиаиндустрии становятся максимально поляризованы и вовлечены в процесс пропаганды и отстаивания определенных ценностей, в результате чего мы видим беспрецедентное информационное противостояние, которое так или иначе трансформирует мировое сообщество. Медиаисследователи начинают признавать несостоятельность идеи универсальной культуры и в области журналистики. Культурные индустрии устанавливают новые правила и нормы социального бытия, новые способы реагирования на определенные события или раздражители, новое к ним отношение и в целом новую (другую) этику. Формируя и устанавливая рамки для современного общества, они также устанавливают рамки и для отдельной личности. Исходя из этих посылок, объектом исследования была выбрана журналистская культура, включающая в себя выбор методов сбора информации и создания медиапродукта. В работе были использованы аксиоматический метод (его специфика – в начале процесса задается набор базовых положений, которые не требуют доказательств и принимаются за явные, по сути, являются аксиомой), анализ и синтез, объединяющий умозаключения, полученные в ходе предыдущего метода исследования, в единое целое. Новизна исследования заключается в том, что впервые при исследовании функций журналистики делается вывод о необходимости отхода от глобализационных идей с точки зрения аксиоматики. Можно наблюдать, что в последние годы все большее влияние оказывают социальные сети, мессенджеры и каналы, которые способны полностью переформатировать менталитет общества и даже тип мышления людей. По итогам исследования сделаны следующие выводы: тренды и коммуникационные потоки сейчас создаются преимущественно в социальных сетях и обеспечивающих их сервисах, и коммуникация тогда эффективна, когда она активно разворачивается в онлайн медиапространстве. Многочисленные социальные сети разной направленности, развлекая, вовлекают свою аудиторию в коммуникационный процесс и предлагают возможность культурной и политической социализации. Среди негативных эффектов такого процесса можно отметить замкнутость коммуникационных потоков, все они так или иначе развиваются в рамках основных смысловых доминант той или иной сети. Возникает фундаментальный вопрос об иллюзорности выбора, поскольку прослеживается прямая корреляция между развитием медиаиндустрий и возможностью осознанного выбора.

Ключевые слова:

Журналистика, Система ценностей, Конфликт культур, Журналистские культуры, Цивилизация, Роль журналистики, Теория журналистики, Массмедиа, Культурные

индустрии, Коммуникация

Мир стремительно меняется и говоря о политических, военных, экономических конфликтах, мы подразумеваем нечто гораздо более серьезное, а именно противостояние целых культур и цивилизаций. Особенно заметен этот разлом в коммуникационном пространстве, в котором мы видим активное отстаивание ценностей той или иной цивилизации и взглядов на жизнь, разделение на «своих» и «чужих» на основании определенных маркеров. О глобализме сегодня речь давно уже не идет, мир стал слишком разнообразен, и он продолжает меняться. Активно формируются новые политические и культурные связи и новые коммуникационные потоки. Что в контексте истории, в общем-то, естественный процесс, однако в момент трансформации изменения происходят не всегда предсказуемо. В многом невозможность фундирования идеи универсальной культуры журналиста связана не только с разными ценностями, которые исповедуют цивилизации, но и с разной культурой мышления и понимания одних и тех же ценностей [11]. Вопрос трансформации общественного сознания становится как никогда актуален и медиаиндустрии играют здесь одну из ведущих ролей.

Конфликт культур

Еще в 1996 году Сэмюэль Хангтингтон [8] прогнозировал, что экономический подъем стран Восточной Азии (в первую очередь представителей конфуцианства) приведет к тому, что мир будет выглядеть как поле конкуренции цивилизаций. На первый взгляд очевидно речь идет об экономическом соперничестве, но, если обратиться к истории, религиозному и культурному факторам, следует признать, что экономика, все-таки, вторична и определенный путь экономического развития, как правило, соотносится с культурными трансформациями или ценностным разломом, которые происходят в том или ином сообществе в определенный исторический период.

Приверженцем данных взглядов является А. А. Аузан, который в 2023 году опубликовал монографию «Культурные коды экономики» (по мотивам собственного курса лекций) [1]. Он пишет об определяющей роли культурного фактора в позитивном экономическом развитии стран. Более того, он поддерживает точку зрения С. Хангтингтона о том, что «подвижки в экономической модернизации нередко связаны с подвижками в религии», приводя в пример экономический подъем Южной Кореи, который совпал с переходом многих корейцев в католичество [1. С. 35]. Таким образом, мы видим, что в XXI веке на смену конкуренции идеологий пришла конкуренция цивилизаций.

Как было отмечено ранее, в последние годы, мы становимся свидетелями кардинальных перемен в политическом курсе целого ряда стран, которые все активнее начинают формировать военно-политические союзы, основываясь на общих ценностях и принадлежности к одной цивилизации. При этом мы наблюдаем и тенденцию увеличения дистанции между союзами и группами стран, которые относятся к цивилизациям с разными ценностными системами. Сложно сказать, насколько прочно данные тенденции интегрированы в реальные общества, в основном мы видим ту картину, которую создают медиаиндустрии. Точно неизвестно каков настоящий процент ее соответствия реальной действительности. Тем не менее, происходящие процессы ведут к непрекращающимся трансформациям политических курсов, экономических политик, историческому ревизионизму, углубляющейся дифференциации культур и к формированию новых стандартов этики, в том числе и в поле журналистики, в результате чего мы наблюдаем определенные сдвиги в принципах реализации журналистской деятельности. Похоже, что

подход апелляции к универсальной культуре журналиста (Ян Экеркранца) [21] в условиях постиндустриального общества можно признать нежизнеспособным. Актуальным становится вопрос о принципах, в том числе этических, освещения фактов и событий в рамках различных ценностных медиасистем и о том, как политический контекст и корпоративные модели влияют на особенности журналистской культуры в различных странах и регионах.

По традиции сложно описать однозначно культурные феномены, тем более само понятие культуры, достаточно многогранное и имеющее множество подходов к своему определению. В контексте социологии разные исследователи склоняются к тому, что культура – это язык, верования, ценности и нормы поведения, которые создают социальные связи и делают возможной интерпретацию жизненного опыта, обычаи, эстетические вкусы и предпочтения, знания и умения, технические процессы (А. Радклифф Браун, К. Юнг, У. Бекет и др.). В данном определении практически все исследователи подчеркнули связь между ценностями и интерпретацией жизненного опыта. Это говорит о том, что трансформации ценностных систем могут изменить нормы поведения и жизненный опыт людей, как настоящий, так и будущий. Важнейшим актором в формировании и популяризации ценностных установок являются именно медиаиндустрии, способные создавать мотивации, нормы социального порядка, являясь в определенном смысле модераторами социально приемлемых норм поведения в конкретных сообществах.

Ценности как основа общественного сознания

Указывая на ответственность медиаиндустрий за трансформацию общественного сознания, нельзя упрощать понимание данного процесса. Как правило, он имеет довольно длительную перспективу, не всегда предсказуем и зависит от множества переменных, которые могут возникать и оказывать влияние на разных этапах. Мы начинаем отчетливо видеть, что в условиях конфликта цивилизаций, происходит рост значимости именно роли культурного фактора в журналистских исследованиях и практиках. Что это значит? Основываясь на том, что журналистика – это не только освещение фактов, но и их прямая или косвенная интерпретация, это означает, что интерпретация и понимание фактов зависят от ценностных установок отдельно взятого сообщества. Таким образом то, как освещаются те или иные события зависит от ценностной системы, в рамках которой сообщество осмысляет свой и чужой жизненный опыт; изменение ценностных установок может привести к кардинально различным взглядам на исторические или современные события, что мы и наблюдаем сегодня.

1. В данном контексте интерес вызывает динамическая культурная карта мира Инглхарта-Вельцеля (вариант 2023 года, см. Рис. 1). (World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings&CMSID=Findings>)

Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта

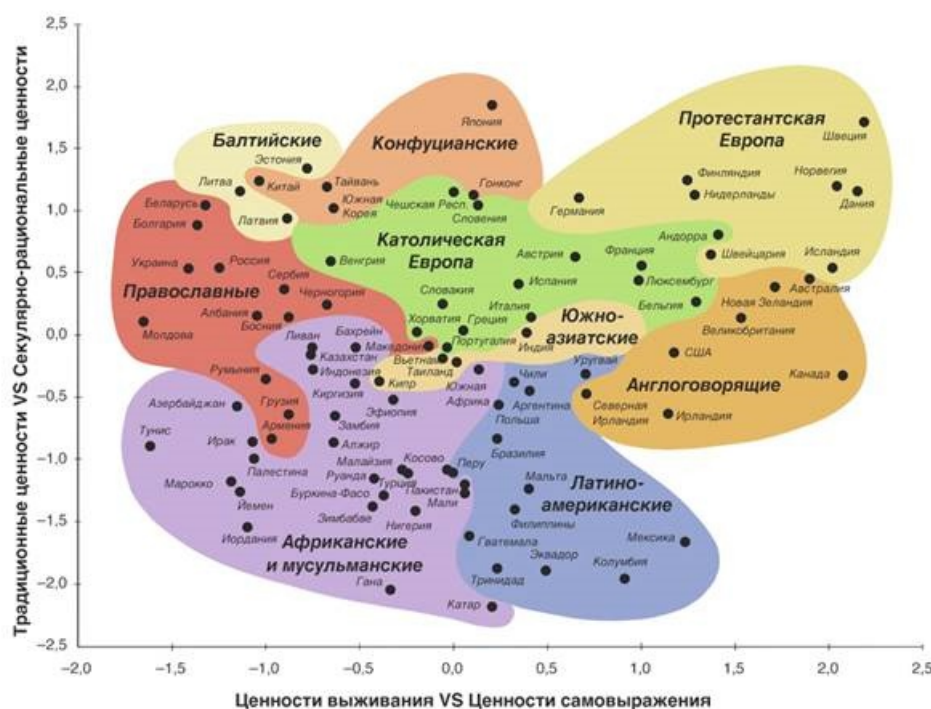

Рисунок 1. Культурная карта мира Инглхарта-Вельцеля, 2023. Источник: World Values Survey.

Объектами приведенной карты являются цивилизации, основанные на религиях. Оси соотносятся с ценностями: секулярно-рациональные по вертикали и ценности выживания/самовыражения по горизонтали. К секулярно-рациональным ценностям относятся личная свобода, приверженность к светскому государству, предпочтение личного перед общественным. Страны, которые отдают предпочтение данной группе ценностей расположены в верхней части карты. К ценностям самовыражения и развития относятся приверженность к гражданскому обществу, равноправию и риску ради успеха. Страны, которым присущи данные характеристики, согласно исследованию, расположены в правой части карты. Основная цель данного визуального проекта заключается в том, чтобы установить корреляцию между ценностными установками общества и его (экономическим) успехом. Мы видим, что демократические экономически развитые страны расположены в правом верхнем углу. Данное исследование также позволяет установить взаимосвязь между ценностными установками и историческим прошлым отдельно взятого народа.

Как отмечает Р. Инглхарт в своей статье «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества» (1996), «в рамках проекта "Всемирный обзор ценностей" исследуется гипотеза о том, что системы убеждений на массовом уровне изменяются таким образом, что характер этих изменений имеет значительные экономические, политические и социальные последствия. Мы не занимаем позицию ни экономического, ни культурного детерминизма: наши наблюдения и выводы сводятся к тому, что связь между ценностями, экономикой и политикой является взаимной, а какова в точности

природа зависимостей в конкретных случаях, – вопрос эмпирический, а не из разряда решаемых a priori» [3].

Александр Аузан приводит довольно интересный пример о том, как ценностные установки могут изменить парадигму экономического развития. В СССР существовала довольно устойчивая установка на то, что труд – «это благо, а его плоды священны» [1, с.43]. Возникший культ труда сыграл не последнюю роль в достижении высоких экономических результатов Советского Союза. Также большое значение имел Второй Ватиканский собор (1962-1965), который не только перевел богослужение на национальные языки, но и изменил социальную доктрину католической церкви в сторону лояльного отношения к труду (близкое к протестантской этике), в результате чего спустя 25 лет случилось католическое экономическое чудо [1, с. 42-43]. Опять же, ключ к экономическому (и не только) успеху определяется не в последнюю очередь отношением к модернизации, индивидуализму, конкуренции. Другой исследователь, Пол Кеннеди («Взлеты и падения великих держав», 1987) [4], утверждает, что европейское экономическое чудо в эпоху Средневековья стало возможным именно благодаря в первую очередь позитивному отношению к конкуренции, что повлекло за собой активную модернизацию и технологизацию военной промышленности. Московское государство, Китайская и Османская империи хотя и были технологически и культурно более развиты на тот момент, тем не менее не смогли продемонстрировать сопоставимого экономического прорыва и стать «центром мира» вследствие своего внутреннего консерватизма и замкнутости в себе. Впрочем, вполне вероятно, они и не ставили себе такой задачи.

Корреляция между ценностями и экономикой прослеживается и в контексте материалистической системы ценностей, «не только терпимой к экономическому накоплению, но и поощрявшей его как нечто похвальное и героическое, что, в свою очередь, ознаменовало ключевую культурную переменную, открывшую путь к развитию капитализма и индустриализации. Вебер блистательно рассмотрел этот процесс в своей книге 1904 г. «Протестантская этика и дух капитализма», однако его работу представляет собой исследование частного случая более общего феномена. В настоящее время функциональный эквивалент протестантской этики самым энергичным образом осуществляется в Восточной Азии и постепенно сходит на нет в протестантской Европе, поскольку технологическое развитие и культурные перемены стали глобальными феноменами» [3].

И, все-таки, для изменения ценностных установок нужна более мощная мотивация, которая затрагивала бы базовые потребности индивида. Р. Инглхарт относит к такой мотивации ощущение безопасности/небезопасности. Как он отмечает, «разница между ощущением безопасности и небезопасности в плане выживания является настолько существенной, что соответствующая переменная привела к обширному синдрому взаимосвязанных изменений в направлении от ценностей “выживания”, какими характеризовалось аграрное и раннеиндустриальное общество, к ценностям “благополучия”, характерным для передового индустриального общества <...> Эти контрастирующие ценностные системы, разветвляясь, охватывают политику, экономику, религию, сексуальные и семейные нормы» (см. Таблицу 1) [3, с.12]. Интерес вызывает влияние данных ценностных установок на массовые коммуникации в условиях актуальных политических процессов.

	Негарантированной	Гарантированной
1. В политике	Потребность в сильных	Меньшая значимость политического

	лидерах. Приоритетность порядка. Ксенофобия, фундаментализм.	авторитета. Приоритетность самовыражения, политического участия. Экзотика/новизна – стимулирующий фактор.
2. В экономике	Приоритетность экономического роста. Достигательная мотивация. Противопоставление индивидуальной и государственной собственности.	Высшая приоритетность качества жизни. Субъективное благополучие. Снижение авторитета как частной, так и государственной собственности.
3. Сексуально-семейная нормативность	На первом плане – максимизация репродуктивности, но только в рамках полной (гетеросексуальной) семьи.	Сексуальное удовлетворение в соответствии с индивидуальным выбором. Индивидуальное самовыражение.
4. В религии	Акцент на значимости высшей силы. Абсолютные правила. Акцент на предсказуемости.	Меньшая значимость религиозного авторитета. Гибкие правила, ситуационная этика. Акцент на смысле и назначении жизни.

Таблица 1. Характеристики ценностных систем при восприятии перспективы выживания как негарантированной и гарантированной. Источник: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества.

Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций

Журналистская культура охватывает широкое поле деятельности, включающее в себя выбор методов сбора информации и создания медиапродукта, понимание роли медиакommunikации в политическом и социокультурном пространстве, способность транслировать обществу эту роль и тем самым оказывать влияние на восприятие и интерпретацию предложенного медиапродукта, основываясь на ценностных установках общества. Таким образом, профессиональную культуру журналиста можно оценивать как на уровне выполнения определенных принципов профессиональной деятельности и соблюдения профессиональных норм, так и на уровне восприятия продукта журналистской деятельности. При этом исследователи делают акцент на том, что культура и идеология не являются тождественными понятиями с точки зрения журналистского профессионализма, однако идеология способна существенно влиять на все компоненты, формирующие понятие журналистской культуры.

Существует множество научных работ, посвященных исследованию журналистских культур, большинство из них базируются на сравнительном подходе. К таким относится и работа «Картируя журналистские культуры разных наций: сравнительное исследование 18 стран», в которой коллектив авторов представляют результаты сравнительного исследования этических взглядов, восприятия своей институциональной роли и эпистемологических ориентаций 1800 журналистов из 18 стран мира [12]. Выбор стран охватывает шесть континентов, демократический и авторитарный контекст, развитые и развивающиеся страны.

В качестве основных категорий исследования (составляющих журналистской культуры) нами были выделены [13. С. 275-277]:

1) Восприятие институциональных ролей журналистики (нормативная и фактическая категория). В данной категории авторы выделяют три измерения восприятия институциональных ролей. Первое измерение – интервенционизм – описывает степень, в которой журналисты выполняют определенные миссии и продвигают некие ценности. Второе измерение связано с определением дистанции по отношению к властным элитам. Третье измерение определяет степень ориентации на рынок, которая характеризует обращение журналистов к аудитории как к гражданам и потребителям, реализуя, тем самым, общественные интересы (по мнению авторов это характерно для развитых журналистских культур);

2) Эпистемологические восприятия журналистов – определяют доступность реальности и природу приемлемых доказательств в медиапродукте. Данную категорию авторы разделяют на две составляющие. Первая – объективизм – отвечает на вопросы насколько объективным может быть отражение действительности в принципе (большинство журналистов можно назвать субъективными в том смысле, что они определяют новости как избирательное представление мира, требующее интерпретации). Вторая составляющая – эмпиризм – связана с тем, какими средствами журналист подтверждает факты. В качестве полюсов, исследователи выделяют журналистские культуры, в которых отдается приоритет эмпирическому обоснованию и культуры, в которых доминирует аналитическое обоснование;

3) Этические взгляды (в некоторых случаях идеологии) – демонстрируют характер реакции журналистов на этические дилеммы. Авторы предлагают под этическими идеологиями понимать релятивизм (обозначает степень, в которой индивид принимает или отвергает универсальные моральные принципы) и идеализм (обозначает степень, в которой индивид ожидает идеалистических результатов), разработанные Д.Р. Форсайтом [14]. Авторы утверждают, что этические взгляды/идеологии, так же как и социальные функции журналистики, во многом зависят от культурного контекста. Таким образом, журналисты разных стран придерживаются различных этических взглядов и профессиональных ценностей, что вовсе не означает, что та или иная культура более развита или успешна [11. С.118-119].

В процессе исследования российских и зарубежных подходов к определению профессиональной культуры журналиста, К. Нигматуллина так же, как и другие исследователи, приходит к выводу, что категория журналистского профессионализма является одной из самых противоречивых, поскольку ее основу составляют ценности, стандарты и этические воззрения [6].

Журналистская культура сегодня во многом коррелирует с идеей самоопределения страны. Как отмечает С. Картунов, «самоопределение страны должно отражать если не консенсус, то достаточно широкое общенациональное согласие (оно должно быть выше политической борьбы и интересов отдельных партий) по ряду ключевых вопросов, относящихся к оптимальной модели социально-экономического, общественно-политического и культурно-исторического развития страны на долгосрочную перспективу и как бы синтезировать политические предпочтения народа и элиты в отношении государственного строя, экономической системы и характера взаимоотношений с внешним миром. Это должна быть своего рода философия Общего Дела и одновременно технология необходимого и достаточного компромисса, в условиях которого только и возможно такое согласие» [5]. Возможность договориться и достигнуть консенсуса так же основывается на общих ценностях власти и общества, если ценности совпадают возможно выстроить стратегический долгосрочный курс, если наблюдается кризис

самоопределения и ценностной системы, то ценности необходимо заново переопределить и создать достаточный объем мотивации для их интеграции в общество. Данную мотивацию создают средства массовой коммуникации или медиаиндустрии. Именно они способствуют популяризации ценностных ориентиров и общественно поощряемых норм поведения, тем самым создавая необходимый для этого информационно-коммуникационный поток.

Данную практику можно охарактеризовать как создание культурных образцов, приемлемых в настоящем и будущем для конкретного общества. Есть и другие точки зрения. Х. М. Энцесбергер ^[10] заключил, что культурными индустриями невозможно объять или объяснить происходящую в XX веке трансформацию общественного сознания, поскольку производится вовсе не культура, а сознание. Конечная цель данного процесса состоит, по мнению исследователя, в том, чтобы укрепить уже сложившиеся отношения власти, причем характер этих властных отношений не имеет принципиального значения. Как правило основой данной системы формирования общественного сознания становятся корпорации, обеспечивающие функционирование той или иной популярной платформы (Facebook, Youtube, Instagram, Telegram).

Как мы уже отметили выше, что культурные индустрии устанавливают новые правила и нормы социального бытия, новые способы реагирования на определенные события или раздражители, новое к ним отношение и в целом новую (другую) этику. Формируя и устанавливая невидимые границы для современного общества, они также устанавливают рамки и для отдельной личности или, выражаясь словами А. Я. Флиера, производят «человека культурного», сознание которого отличается «такого рода приоритетностью в ценностных установках, какой в существенной мере определяются задачи социализации и инкультурации» ^[7]. Таким образом, создание ценностных установок в интересах власти способно сплотить общество и придать ему новый интегративный импульс развития в заданном направлении. Вместе с тем, медиаиндустрии, которые хоть и направлены на поиск индивидуальных решений для узких групп потенциальной аудитории, все-таки, предлагают готовые интерпретации ценностных установок, которые предлагаются аудитории в качестве аксиом. Побочным эффектом подобной практики стали двойные стандарты в массмедиа, практически неконтролируемая культура отмены, расцвет некачественной, так называемой гражданской (непрофессиональной) журналистики на базе социальных онлайн платформ. Возвращаясь к вопросу о конфликте культур и культурных индустрий, можно вспомнить тезис, высказанный достаточно давно Т. Адорно о том, что культурная индустрия, в целом, является триумфом формы над содержанием ^[9].

Конечно, в описании актуальных реалий можно отметить и положительные эффекты от распространения социальных медиа и сетей в качестве трибуны для коммуникации. Идея в том, что аудитория, в том числе, может выступать в качестве творца или производителя информационного и культурного контента, который вследствие определенной коммуникации будет корректироваться, интерпретироваться, осмысляться, и его можно принять или отбросить. Такой процесс теоретически повышает возможность рефлексии, способствует развитию критического мышления и ответственности за свой выбор. Подобный путь возможен, но он будет также подчиняться правилам функционирования медиаиндустрий в силу того, что используемые платформы являются частью той или иной медиаиндустрии, которые и определяют главные ценностно-коммуникационные потоки в конкретный период времени.

Ценности как основа коммуникации

Сегодня особенно актуальным будет отметить, что культура – это не просто язык, ценности, обычаи, история и т.д. Культура – это институты, т. е. правила и механизмы поддержания всего перечисленного [1. С. 22]. Речь идет о правилах и социально приемлемых нормах поведения в конкретной социальной парадигме, и эти правила основаны на ценностях, присущих определенной цивилизации. Возникает вопрос, насколько устойчивы цивилизации, что может вызвать расширение или, наоборот, сокращение цивилизации. Говоря о будущем С. Хангтингтон [8] отмечал, что именно цивилизационная идентичность будет играть важнейшую роль в формировании будущей мировой картины мира, а конфликты в обстоятельствах взаимодействия цивилизаций и углубления различий между ними неизбежны. Определенную устойчивость теряют западная и православная (по Хангтингтону) цивилизации, политические режимы, идеологии и ценности меняются, усугубляются различия, и мы видим возникновение новых конструкций (понятие «Русского мира» является ярким примером заявления новой цивилизационной конструкции).

Цивилизационные сдвиги требуют огромной мотивации и перемен в ценностных системах, что активно обсуждается на уровне политиков, лидеров мнений и транслируется в общество медиаиндустриями. Создаваемые медиаиндустриями культурные продукты довольно убедительны, об их массовости не приходится спорить. Коммуникационный процесс выстраивается на базе доминантных для конкретной цивилизации ценностей, идеи проникают не только в массмедиа, но и в общеупотребимые культурные продукты, образовательные системы, становясь частью общества и предопределяя мышление, мнение, поведение всего общества. Это же превращает ценности в мощный экономический ресурс. Конкуренция за влияние и ресурсы вызывает к жизни некую новую форму цивилизационного глобализма, ведь чем больше распространены ценности и чем они успешнее интегрированы в общество, тем более устойчивой и конкурентоспособной является цивилизация.

В заключении можно подытожить, что в последние годы все большее влияние оказывают социальные сети, которые полностью меняют общество и способ мышления людей. Тренды и коммуникационные потоки сейчас создаются преимущественно в социальных сетях, коммуникация максимально эффективна, если она активно разворачивается в онлайн медиапространстве. Социальные сети, развлекая, вовлекают аудиторию в коммуникационный процесс и предлагают им возможность культурной и политической социализации. Среди негативных эффектов можно отметить замкнутость коммуникационных потоков – все они, так или иначе, развиваются в рамках основных смысловых доминант. Возникает парадокс иллюзорности выбора, поскольку выявляется прямая корреляция между развитием медиаиндустрий (включая возможности искусственного интеллекта) и возможностью осознанного выбора. И это несомненно вызывает необходимость пересмотра ролей журналистики и принципов профессиональной этики.

Библиография

1. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.
2. Вартанова Е. Л. От теорий прессы – к моделям СМИ: к истории возникновения сравнительного изучения медиасистем за рубежом // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. №2(3). С. 5-16.
3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. 1997. № 4. С. 6.
4. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные

- конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 2020. 848 с.
5. Картунов С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.
6. Нигматуллина К.Р. Профессиональная культура журналиста: поиск общих подходов в западных и российских исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. №3. 84 с.
7. Флиер А. Я. Культурологическая интерпретация социальной реальности. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. №3(47).
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2023. 640 с.
9. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. 1997. 312 с.
10. Энциенсбергер Х. М. Индустрия сознания. Элементы теории медиа. ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016. 12 с.
11. Georgieva E., Bykov A., Maksim A., Lingzhi L., Puiu I. Approaches to defining the role of journalistic culture in the context of the development of modern media systems // Synesis. 2023. №15(4). pp. 113-123.
12. Hanitzsch T. et al. Mapping journalism cultures across nations // Journalism Studies. 2011. №12 (3). pp. 275-277.
13. Hanitzsch T. & Mellado C. What Shapes the News around the World? How journalists in 18 countries perceive influences on their work. The International Journal of Press/Politics. 2011. №16(3). pp. 404-426.
14. Forsyth D. R. (1980). A taxonomy of ethical ideologies // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. №39(1). Pp. 175-184.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей репрезентации современной ситуации в медиапространстве, когда разные культуры отстаивают свои ценности.

Как известно СМИ является одним из элементов пропаганды и формирования общественного мнения, сегодня, когда в медийном пространстве «сталкиваются» цивилизации Запада и Востока с присущими им ценностями, наблюдается информационное противостояние. А с учетом всё большего проникновения в нашу жизнь социальных сетей, развития блогинга, а также мгновенного тиражирования инфоповодов, актуальность исследования возрастает.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы филологического анализа и интерпретации. В работе в качестве фундаментального принципа использована методология системного анализа.

Одним из недостатков можно назвать отсутствие указания на практический материал исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Выводы по статье не в полной мере отражают проведённое исследование и требуют уточнения. Библиография статьи насчитывает 14 источников как на русском, так и иностранном языках. Считаем, что ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, бы усилили теоретическую значимость работы. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Отметим, техническую ошибку при указании цитирования ряда источников в тексте (ссылке оформлены неверно и не программой автоматически). Кроме того, не сделана ссылка на то, что ряд упоминаемых социальных сетей запрещен на территории Российской Федерации.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвистике, медиадискурсу, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос оценки профессиональной журналистской этики не нов, тяга к вероятной объективации этой профессии был всегда. Разные точки зрения, разные оппозиционные оценки находят в непрерывном диалоге, что собственно и определяет заявленную в заголовке тему исследования. Автор ориентирован компилятивно создать базис для некоей дискуссии относительно т.н. «журналистской культуры». Направленность сочинения предметно понятна, «отчасти» нова; даже компилятивный принцип исследования вполне оправдан. Совместить крайности, выйти к горизонту мнений относительно указанно вопроса в целом удастся. Но, на мой взгляд, тема могла быть рассмотрена шире, с большим включением иллюстративного, контекстуального материала. Автор тезисует, что «журналистика – это не только освещение фактов, но и их прямая или косвенная интерпретация, это означает, что интерпретация и понимание фактов зависят от ценностных установок отдельно взятого сообщества. Таким образом то, как освещаются те или иные события зависит от ценностной системы, в рамках которой сообщество осмысляет свой и чужой жизненный опыт; изменение ценностных установок может привести к кардинально различным взглядам на исторические или современные события, что мы и наблюдаем сегодня». Отчасти это суждение верно,

меняющийся мир, так или иначе, влияет и на этические установки. Проблема выбора позиции зависит не только от личных амбиций журналиста, но и от самой ситуации. Не случайно в работе отмечено, что «по традиции сложно описать однозначно культурные феномены, тем более само понятие культуры, достаточно многогранное и имеющее множество подходов к своему определению. В контексте социологии разные исследователи склоняются к тому, что культура – это язык, верования, ценности и нормы поведения, которые создают социальные связи и делают возможной интерпретацию жизненного опыта, обычаи, эстетические вкусы и предпочтения, знания и умения, технические процессы...». Культура по определению динамична, неоднородна, вероятно, и предел журналистской активности тоже вариантен. Статья более направлена на манифестацию сложности рассмотрения указанной темы в «классических» номинациях. То есть исследование должно быть продолжено, проблема открыта: «актуальным становится вопрос о принципах, в том числе этических, освещения фактов и событий в рамках различных ценностных медиасистем и о том, как политический контекст и корпоративные модели влияют на особенности журналистской культуры в различных странах и регионах». Замечу, что сам принцип построения работы направлен на канон научного типа, здесь и риторика, и диалог, и манифестация, и убеждение. В работу правомерно введены пиктографические блоки (карта культурных ценностей...), они дают основание двигаться далее в разверстке проблемы. Таким образом, данный материал есть импульс-зацепка для нового научного изыскания, м.б. под иным спектрально-методологическим углом. Текст удобен для чтения, вполне понятен, даже с акцентом на новые / модные термины и понятия. Однако, в правке нуждается ряд блоков: например, «В (во) многом невозможность фундирования идеи универсальной культуры...», или «европейское экономическое чудо в эпоху Средневековья стало возможным именно благодаря в первую очередь позитивному отношению к конкуренции...», или «Как правило основой данной системы формирования общественного сознания становятся корпорации...», или «культурные индустрии устанавливают новые правила и нормы социального бытия» и т.д. Стилистическая, грамматическая и т.д. правка усовершенствует текст, сделает его более точным. Ряд позиций, на мой взгляд, дискуссионен, что вполне неплохо: например, «профессиональную культуру журналиста можно оценивать как на уровне выполнения определенных принципов профессиональной деятельности и соблюдения профессиональных норм, так и на уровне восприятия продукта журналистской деятельности. При этом исследователи делают акцент на том, что культура и идеология не являются тождественными понятиями с точки зрения журналистского профессионализма, однако идеология способна существенно влиять на все компоненты, формирующие понятие журналистской культуры...». Фронтальный сбор информации, который применим в тексте, также может быть принят как авторский грейд стиля. Тема статьи раскрыта в должном формате, ряд задач ступенчато решен. На мой взгляд, вполне удачно дана общая оценка современной массовой коммуникации с ее сложными синкретическими гранями. В работе отмечены как положительные, так и отрицательные факторы, влияющие на «работу СМИ, журналистов, обозревателей». Мысль о том, что «ценности определяют основу коммуникации» пестуется на протяжении всего сочинения. Автор приходит к выводу, что «тренды и коммуникационные потоки сейчас создаются преимущественно в социальных сетях, коммуникация максимально эффективна, если она активно разворачивается в онлайн медиапространстве. Социальные сети, развлекая, вовлекают аудиторию в коммуникационный процесс и предлагают им возможность культурной и политической социализации. Среди негативных эффектов можно отметить замкнутость коммуникационных потоков – все они, так или иначе, развиваются в рамках основных смысловых доминант. Возникает парадокс иллюзорности выбора, поскольку выявляется

прямая корреляция между развитием медиаиндустрий (включая возможности искусственного интеллекта) и возможностью осознанного выбора. И это несомненно вызывает необходимость пересмотра ролей журналистики и принципов профессиональной этики». Общие технические параметры издания учтены, цитируемые источники актуальны. Думаю, что материал может быть полезен заинтересованным читателям. Рекомендую рецензируемую статью «Журналистские культуры в условиях конфликта цивилизаций» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Рахматова А.М. Тело как граница между героем и миром в неклассической лирике // Litera. 2024. № 3. С. 54-64. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70037 EDN: CKMARM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70037

Тело как граница между героем и миром в неклассической лирике

Рахматова Аписа Мухаматовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 17

✉ laubernorbek7@mail.ru

[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70037

EDN:

CKMARM

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: Объектом исследования в данной статье является лирический субъект в произведениях, относящихся к лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности (С. Н. Бройтман). Предметом – телесные образы, выполняющие в мире лирических произведений функцию границы между героем и миром. Цель исследования – выявление и описание ценностно-смысловых параметров телесных образов, выполняющих в произведениях неклассической лирики функции границы между героем и миром. В центре внимания в данной статье – специфика отношений лирического субъекта/персонажа с внешним ему миром, выраженная телесными образами, несущими в себе смысловое значение границы между ним и миром. Выявляя и описывая особенности данных образов, стоит отметить, что наиболее непосредственно с ними связаны образы подобия мира человеческому телу и, наоборот, тела человека – миру.

Основным методом, используемым в данной работе, является историко-поэтологический анализ, а именно: выявление в рассматриваемых текстах тех, черт, которые обусловлены его принадлежностью к определённой стадии эволюции поэтики. Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые теоретически обобщаются наблюдения над телесными образами, выполняющими функцию границы между героем и миром в лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности. В неклассической лирике смысловой акцент в произведениях, изображающих мир через тело и/или тело через мир, на наш взгляд, ставится на внешнем подобии лирического субъекта и явлений внешнего ему мира (и шире – человека и бытия), иллюстрирующем отношения изначальной связи между ними при автономии друг от друга. Образы взаимного подобия человека и мира в лирических произведениях данной стадии поэтики выражают тему неразрывности двух этих сфер, внешнего героя мира и внутреннего мира героя, при априорной нетождественности их друг другу.

Ключевые слова:

лирика, поэзия, лирический субъект, граница, телесные образы, лирическое переживание, историческая поэтика, лирический сюжет, модальности поэтика, неклассическая художественность

Данная статья посвящена выявлению и описанию специфики отношений лирического субъекта/персонажа с внешней ему действительностью в лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности [\[1, с. 221-334\]](#). При этом исследовательский акцент делается на телесных образах, имеющих смысловое значение **границы** между человеком и миром.

Актуальность данного исследования обуславливается, во-первых, интересом современных гуманитарных наук к феномену границы в искусстве [\[2, с. 175-192, 3, 4, с. 374-378\]](#), а также – к различным формам осмысления и изображения тела в литературе, искусстве, культуре [\[5, 6, 7, 8, 9\]](#), а во-вторых – активным изучением новейшей лирики (отметим только некоторые из последних работ по этой теме: [\[10, 11, 12\]](#)).

Научная новизна исследования определяется тем, что, хотя феномен границы в лирике рассматривается в отдельных работах [\[13, 14\]](#), ценностно-смысловые параметры телесных образов, выступающих в качестве границы между героем и миром в современной лирике, остаются неизученными с теоретико-литературных позиций.

Цель исследования – выявление и описание ценностно-смысловых параметров телесных образов, выполняющих в произведениях неклассической лирики функции границы между героем и миром.

В качестве материала рассматриваются такие репрезентативные для данной стадии поэтики тексты, как стихотворения А. Рембо, М. Цветаевой, И. Бродского, Б. Ахмадулиной, А. Тарковского.

Сразу необходимо отметить, что в данной работе мы рассматриваем не внешние границы произведения (его «рамку»), а *изображённые* границы, являющиеся частью *мира* произведения. При этом сама граница рассматривается нами как явление двойственное в смысле отношения: 1) с одной стороны, она проводится в контексте жизненной оценки *героя* (в лирике – лирического субъекта/персонажа), его рефлексии, выражает

его *отношение* к себе и миру; 2) с другой стороны (и этот аспект в нашей работе основной) – граница (в том числе – телесная граница между героем и миром) соотносится с интенцией *автора-творца*, обозначает *положение* героя в изображённом мире как выражение авторской художественной оценки.

Тело может выполнять семантическую функцию границы не только в лирических произведениях неклассического этапа поэтики художественной модальности, но и в текстах, относящихся к более ранним стадиям поэтики.

Так, в стихотворении А.С. Пушкина «Полководец» телесные границы образа лирического персонажа (генерал-фельдмаршала Барклая де Толли) отчётливы:

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,

Высоко лоснится, и, мнится, залегла

Там грусть великая (...) [\[15, с. 277\]](#)

На телесном уровне лирический персонаж отделён и от внешнего ему мира («**За ним** военный стан [выделено мной – А. Р.]» [\[15, с. 277\]](#)), и от других персонажей («Непроницаемый для взгляда черни дикой» [\[15, с. 277\]](#)). Отчётливость телесных границы выражает *устойчивость* положения героя в мире произведения (при всём трагизме его образа, представленного в стихотворении). Телесные черты героя достаточно подробно описываются в тексте, охарактеризован и внешний по отношению к герою мир (как изображённый на картине Доу, так и простирающийся за её пределами). Однако *акцент* на границах между героем и миром (в том числе – телесных) не делается. Это обусловлено тем, что в классической художественной картине мира границы человеческой личности («Я»), с одной стороны, и мира – с другой, характеризуются ценностной определённой.

Сравним похожий образ в стихотворении Б. Ахмадулиной «Взойти на сцену»:

О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове

взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз. [\[16, с. 204\]](#)

Образ лирической героини в этом фрагменте, в отличие от лирического персонажа Пушкина, характеризуется проницаемостью по отношению к внешнему миру – взглядам наблюдателей (зрителей), и представлена эта проницаемость именно на телесном уровне.

Нечто похожее обнаруживается и в стихотворении М. Цветаевой «Пещера» («Могла бы — взяла бы...»). [\[17, с. 339.\]](#) В данном стихотворении внешний, природный, мир, представленный, в первую очередь, заглавным образом «пещеры», и тело *уподобляются друг другу*: в первой строке имеется словосочетание «В утробу пещеры», а в предпоследней уже – «В пещеру – утробы». *Пещера* и *утроба* в приведённом стихотворении не сравниваются друг с другом как ценностно автономные элементы: они изображены в кругозоре лирической героини как нечто единосущное. Тело утрачивает статус ценностной границы между героем и миром. Даже если акцент делается на «пограничном» элементе тела, например, на *коже*, данный телесный образ обозначает причастность героини природному миру: «Могла бы — свою же пантерину кожу // Сняла бы... // — Сдала бы трупобе — в учёбу!» [\[17, с. 339\]](#).

Образ глаз, в классической лирике связанный, прежде всего, с проникновением во внутренний, автономный мир, героя, в его «душу», в произведениях неклассической лирики может быть связан с тенденцией к телесному *приобщению* героя к внешнему миру. Так, в стихотворении С. Есенина «Душа грустит о небесах...» желание героя приобщиться к высшей, небесной, сфере бытия передаётся с помощью следующего телесного образа: «О, если б прорасти глазами, // Как эти листья, в глубину» [\[18, с. 138\]](#). «Странность» этого образа (характеризующая и стихотворение в целом) заключается в том, что при очевидном противопоставлении в кругозоре лирического героя телесной и духовной, небесной и земной, внешней и внутренней сторон бытия, они предстают в тексте «зеркально» уподобленными друг другу. Лирический субъект стремится «прорасти глазами» в землю (что было бы естественно для корней), а, «как листья», в «глубину» небес. Сам образ «прорастания глазами» указывает на передаваемое телесными образами упразднение границ между героем и миром.

В стихотворении Б. Пастернака «Так начинают. Года в два...» отсутствие границ между героем и миром, их единственность передаётся уже образом «вторжения» мира в тело героя: «Так ночи летние (...) // Грозят заре твоим зрачком» [\[19, с. 117\]](#). В приведённых строках имеет место не просто сравнение зрачка героя (лирическое «я» в данном тексте дано, в том числе, в модусе «ты») с ночью (например, на основании схожести цвета: черного), а изображение части тела героя как «орудия» деятельности внешнего – природного – мира.

Таким образом, в лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности, в отличие от лирики предыдущих стадий эволюции поэтики, телесные образы указывают на неопределённость положения лирического субъекта/персонажа в миропорядке, на отсутствие чётких границ между ним и миром.

Для рассмотрения телесных образов с семантикой границ, на наш взгляд, значимо понятие *неосинкретизма*, введённое в литературоведческий обиход С.Н. Бройтманом [\[1, с. 258\]](#) и развиваемое, в частности, в работах В.Я. Малкиной [\[20\]](#). Это понятие указывает на некоторые сходства между поэтикой новейших произведений и текстами архаических эпох (в том числе – фольклорными). Главное сходство – проявляющаяся на разных уровнях произведения неотчётливость границ между «я» и «другим», субъектом и объектом, героем и миром. Если в произведениях древности такая неотчётливость разграничения разных (в том числе – противоположных) аспектов бытия объясняется специфической нерасчленённостью архаического сознания, то в произведениях новейшего этапа эволюции поэтики – диалогической природой личности, привнесением в сознание «я» позиций (позиций) другого (других). Неосинкретизм как понятие, характеризующее лирику неклассического этапа художественной модальности, разработано в первую очередь в области субъектной структуры. Однако в широком смысле можно говорить о том, что неосинкретизм – это общее свойство неклассической лирики.

Акцент на теле как на границе между лирическим субъектом и миром осуществляется в неклассической лирике разными способами. В зависимости от того, какая часть тела сопряжена с этим акцентом, проявляется особый контекстуальный смысл телесной границы. Стоит отметить, что в большинстве стихотворений представлены части тела с семантикой границы, относящиеся к разным группам. Но, так или иначе, определённая область тела лирического субъекта приобретает особую значимость относительно представленного в стихотворении образа мира.

В ряде произведений неклассической лирики (стихотворениях М. Цветаевой, П. Когана, И. Бродского, Б. Ахмадулиной, С. Плат и др.) особый акцент на телесных границах сделан при изображении *объективированного* тела, а также *фрагментированного* объективированного тела лирического субъекта с присущими этим образам смысловыми оттенками (разъятость, нецелостность).

Например, в стихотворении М. Цветаевой «Сон» (стихотворение 1) границы между внутренним миром героини и миром внешним изображаются посредством объективированного сознанием лирической героини тела: «Тело, что все свои двери заперло // – Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил» [17, с. 244]. В данном стихотворении лирическая героиня словно обособляется от какой-то части себя самой. Образ телесных границ здесь представлен в аспекте их нарушения и иллюстрирует мотив нецелостности, раздробленности внутреннего мира героини, который дополняется образом телесной объективации. Образ лирической героини, обособляющейся от своего тела, подчёркивает и её внутреннюю неоднородность.

В некоторых произведениях (стихотворения И. Бродского, А. Тарковского и др.) значением границы между героем и миром наделяются такие части тела лирического субъекта, как глаза, нос, уши (те части тела, которые напрямую связаны с физиологическими особенностями человека, отвечающими за способность к восприятию внешнего мира). Это как раз те части тела, которые являются «проводниками» между внутренним миром героя и внешней реальностью.

Так, в стихотворении И. Бродского «Венецианские строфы (2)» проникновение в кругозор героя явлений внешнего мира представлено как насильственное. Причём это проникновение совершается через те части, которые выступают в качестве органов чувств. «Свет разжимает ваш глаз, как раковину», «ушную раковину заполняет дребезг колоколов» [21, с. 238]. Формируется образ, сопряжённый с нарушением границ между лирическим героем и миром. «Нарушение» миром физических, телесных границ лирического субъекта осознаётся последним как казнь: «Плещет лагуна, сотней // мелких бликов тусклый зрачок казня» [21, с. 238]. Таким образом, части тела, связанные с органами чувств, изображаются как наиболее прозрачные, неустойчивые участки телесной границы между героем и миром. Именно через них осуществляется «экспансия» мира на «территорию» субъекта

Схожий способ изображения границ между лирическим субъектом и внешним миром (прежде всего – миром природы) встречается в стихотворениях И. Бродского «Одиссей Телемаку», «Декабрь во Флоренции», а также в рассмотренных выше стихотворениях С. Есенина, Б. Пастернака.

К отдельной группе мы относим лирические тексты (стихотворения Б. Ахмадулиной, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого и др.), в которых актуализация семантики тела как (нарушаемой) границы осуществляется через образы *груди*, *живота* и т. п. как *вместилищ души и сердца*. Мы предполагаем, что данные телесные образы связаны с акцентом в произведениях на *сентиментальных* ценностях: на эмоционально-чувственных переживаниях лирического субъекта, связанных с привязанностью, глубиной взаимоотношений, либо на сакральной значимости явлений, нарушающих границу, актуализирующую сентиментальные переживания лирического субъекта (творчество, родовые и культурные явления, любовь).

Например, в стихотворении Б. Ахмадулиной «Описание боли в солнечном сплетении» уже название конкретизирует локализацию боли в теле лирической героини. Далее

изображение локализации боли развивается:

Вместившись в спину и в живот,

вблизи наук, чья суть целебна,

болел и бредил небосвод

в ничтожном теле пациента [\[16, с. 170\]](#).

В данных строках изображается *проницаемость* героини внешними явлениями: «Но хворым силам мироздания // угодно бедствовать во мне – любимом месте их страдания» [\[16, с. 170\]](#).

Нарушение границ между ней и мирозданием связано с творческой активностью и переживанием за весь мир, как физическим (болезнь), так и душевным (создание стихов).

Похожий тип образов встречаем в стихотворениях М. Цветаевой «Два солнца стынут...», «Древняя тщета течёт по жилам», стихотворении Н. Заболоцкого «Черкешенка» и ряде других.

Телесные образы также связаны с художественным осмыслением границы между героем и миром в тех произведениях неклассической лирики, в которых переживание лирического субъекта сосредоточено на *уподоблении* внешнего (как правило – природного) мира человеческому телу. На наш взгляд, такое наделение мира чертами телесности в лирике конца XIX – XX вв. не является просто фигурой «олицетворения», характерной и для лирики классической и указывающей на смысловые параллели между человеческим и природным мирами, а раскрывает особый характер проведения границы между лирическим субъектом/персонажем и внешней действительностью, нуждающийся в специальном осмыслении.

Так, уже само название стихотворения Артюра Рембо «Солнце и плоть» («Soleil et Chair», 1870) актуализирует значимость телесных образов в данном произведении. Более того, следует отметить представленную в заглавии установку на некую близость природного явления и образа тела. Явления природы в данном произведении изображены через образы человеческого тела. «Она [земля – А. Р.], как женщина, сотворена из плоти» [\[22, с. 171\]](#).

Земля здесь не сравнивается с человеческим телом (в контексте сравнения представлен лишь гендерный аспект), она *изначально обладает телом человека*. Также в контексте данного образа проступают черты дарующего жизнь начала: «Как бог, полна любви; и соками полна, // Таит кишение зародышей она» [\[22, с. 171\]](#). В контексте переживания лирического субъекта данного стихотворения языческое отношение к плотскому началу как объединяющему человека и обожествляемую природу торжествует над христианским, в контексте которого эта связь отвергается.

В данном стихотворении, представляющим начальный период неклассического этапа поэтики художественной модальности (вторая пол. XIX в.), тело ещё изображается с опорой на классические (античные) образы. Однако материально-телесная граница между человеком и миром, при всех их автономности (природа и человек в стихотворении Рембо всё же не сливаются в единое целое), представлена *гротескной, подвижной*. Плотское начало и в человеке, и в природе одинаково сакрализуется

(отсюда определение человеческого тела как «**храма** [курсив мой – А.Р.] плоти») в контексте лирического переживания.

Размывание границы между лирическим «я» и миром может быть передано и посредством наделения признаками человеческого тела не только природного, но и рукотворного (в частности – урбанистического) пространства. Так, в стихотворении И. Бродского «Вдоль темно-желтых квартир» лирический субъект, перемещаясь по коридору к выходу, приобретает черты окружающего пространства: он идёт «Вдоль темно-желтых квартир» [\[23, с. 239\]](#), но при этом у него «по жилам еще бежит // темно-желтая кровь» [\[23, с. 239\]](#). Пространство, окружающее лирического субъекта, приобретает человеческие черты («вешалки смотрят вслед, // лампочки светят вдоль» [\[23, с. 239\]](#), а внутренне телесные ощущения характеризуются через внешнее пространство («зажжёт свой фонарик боль» [\[23, с. 239\]](#)). Внутренние, в значительной мере – телесные, переживания лирического субъекта словно бы вбирают в себя мир, а внешний мир наделяется чертами телесных ощущений и переживаний героя. Граница между человеком и миром изображается нарушенной.

В стихотворении И. Бродского «На виа Джулия» пространственно выраженные явления (здесь приобретающие статус лирических персонажей) сопряжены с противопоставленной человеку системой ценностей. Так, город изъясляет «... готовность придаться к оттенку кожи, // к щиколоткам, к причёске, к длине запястья» [\[21, с. 143.\]](#). Вместе с тем, утверждается и близость города к человеку, то, что ему свойственен тот же образ мысли: «Городам, Теодора, тоже // свойственны лишние мысли, желанья счастья» [\[21, с. 143\]](#). Также, несмотря на неприятие городом фигуры человека, между ним устанавливается связь, основанная на подобии: «Потому что становишься тем, на что смотришь, что близко видишь» [\[21, с. 143\]](#). Более того, помимо неосознаваемого подобия человеку, город в конце произведения представлен в контексте уже иной точки зрения. Перенимая черты человека, город способен созерцать его дольше. Дополняется эта установка сравнением сниженного характера (с «распутным витезем»), отсылающим к теме интимно-телесной, что отражает особенности образа человека в данном произведении, так как город перенимает его черты.

Итак, лирический субъект осознает причину, по которой город отрицательно оценивает человека. В его понимании – это нежелание обнаружить в себе подобие человеку. Город отрицает это подобие неприятием фрагментарно изображенного человеческого тела. Но в произведении он изображен уже изначально подобным ему:

(...) Знать, велика пустыня

за оградой собравшего рельсы в пучок вокзала!

И струя буквально захлебывается, вестимо

оттого, что не все еще рассказала [\[21, с. 143\]](#).

В данных строках мы видим имплицитно выраженное подобие пространственных явлений человеческому телу (волосы, горло). Данный образ не представлен как сравнение, но как данность изображенной реальности.

В стихотворении А. Тарковского «Греческая кофейня», лирический субъект, описывая фигуры домино, называет их «костями», но в данном контексте актуализируется иной смысл этой фразы – кости как отсылка к человеческому образу: «Гремели кости //

Домино». [\[24, с. 168.\]](#)

Далее телесные образы *подобия* человека миру предстают в контексте женского образа и связанного с ним материально-бытового предмета (платье):

А чашки разносила Зоя,

И что-то нежное и злое

Скрывала медленная речь,

Как будто море кружевное

Спадало с этих узких плеч [\[24, с. 168\]](#).

Здесь море осмысливается амбивалентно, так как воплощает мотив связи человеческого плана и природного, являясь одновременно и тем и другим. А также значимо, что проявляется эта связь через фрагментарный образ тела – «узких плеч». Мотив связи двух планов здесь воплощается через телесные образы. Относительно смыслов, выражаемых ключевой для стихотворения цепочкой образов, кружевное море связано с образом в первом катрене: «... белый камень в диком блеске // Глокает синьку вод морских» [\[24, с. 168\]](#). В данных строках камень олицетворяется, даётся очеловеченная природная картина.

В рассмотренных текстах уподобление внешнего пространства (природного или урбанистического) человеческому телу и наоборот также обозначает нарушение границы между человеком и миром, что, по нашему мнению, указывает на неосинкретические черты поэтики неклассической лирики.

Семантические похожие телесные образы встречаются и в стихотворении И. Бродского «Она надевает чулки, и наступает осень...», «Na audiat» Э. Паунда и в ряде других.

В результате проведённого исследования мы приходим к следующим **выводам**.

1. В произведениях неклассической лирики (конца XIX – начала XXI вв.) через телесные образы выражается *неотчётливость* – вплоть до *разрушения*, упразднения – материальных и/или смысловых границ между лирическим субъектом/персонажем и миром.
2. Телесные образы в произведениях неклассической лирики актуализируют *проблематичность* соотношения внешнего и внутреннего планов бытия героев.
3. Особенности изображения тела как границы в лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности объясняются *неосинкретическими* (С. Н. Бройтман, В. Я. Малкина) чертами её поэтики.
4. В неклассической лирике выделяются *три* типа телесных образов с семантикой границы между лирическим субъектом и миром: а) сопряжённые с образами тела объективированного и/или фрагментированного сознанием лирического субъекта, актуализирующие тему его *нецелостности* и *незавершённости* (например, «Взойти на сцену» Б. Ахмадулиной, «Сон» М. Цветаевой и т. п.); б) связанные с изображением органов восприятия (глаза, уши, рот, нос) как *наименее устойчивых участков* физической границы между героем и миром («Венецианские строфы (2)» И. Бродского и ряд других); в) актуализирующие части тела, связанные с сентиментальными ценностями (сердце, грудь, живот), и выражающие мотив связи лирического субъекта и мира

(например, в стихотворении Б. Ахмадулиной «Описание боли в солнечном сплетении» и ряде других).

5. Нарушение границы между героем и миром изображается также посредством наделения внешнего героя пространства (природного или рукотворного) характеристиками человеческого тела и наоборот («Солнце и плоть» А. Рембо, «Начало зимы» Н. Заболоцкого, «Греческая кофейня» А. Тарковского, «Na audiat» Э. Паунда, «Как палец парус вылез...» А. Вознесенского и ряде других).

Во всех упомянутых случаях телесные границы представлены *неотчётливыми* либо *нарушающимися*. Вне зависимости от характера оценки лирического субъекта, тема неотчётливости границ между ним и миром, их нарушение, представленное телесными образами, выражает характерное для неклассической стадии поэтики художественной модальности нарушение классического соотношения внешнего и внутреннего, «я-для-себя» и «я-для-другого», противоречивое переживание *разрыва*, но при этом *связи* человека и мира.

Библиография

1. Теория литературы. В 2 т. Т. 1. Историческая поэтика / С.Н. Бройтман. М.: Академия, 2004. 368 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – культура. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
3. Граница и опыт границы в художественном языке. Вып. 4. Науч. ред. Н. Т. Рымарь. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 514 с.
4. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
5. Подорога В. А. Феноменология тела. М.: Ad marginem, 1995. 340 с.
6. Тело в русской культуре. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 400 с.
7. Dickson S. The body – some body – any body: Achim von Arnim and the romantic chameleon // German Quarterly. 2001. Т. 74. № 3. С. 296-307.
8. Кротова Д.В. Поэтика телесности в лирике В. Шаламова // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2 (54). С. 52-64.
9. Воротникова А.Э. Феномен телесности в романе А. Козловой "F20" // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 18-22.
10. Малкина В. Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20-31.
11. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: Peter Lang, 2018. 448 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Vol. 4).
12. Kuznetsova E. B. Metaphors of needlework and questions of subjectivity in women's silver age lyric // Russian Literature. 2022. Т. 128. С. 85-122.
13. Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной поэзии / Ed. by H. Stahl, E. Friedrich. Berlin a.o.: Peter Lang, 2020. 392 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Vol. 8.1.).
14. Мельникова И. М. Опыт границы в формировании нравственно-эстетической позиции Й. Бобровского-художника // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2008, № 1 (60). С. 109-117.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 3. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995.
16. Ахмадулина Б. А. Сочинения. Т. 1. М.: ПАН; Корона-Принт, 1999.

17. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. М.: Эллис Лак, 1994. 592 с.
18. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в 7 тт. Т. 1. М.: Наука; Голос, 1995. 672 с.
19. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. Тула: Филин, 1993. 382 с.
20. Малкина В. Я. Неосинкретизм // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 143.
21. Бродский И. Сочинения в 4-х т. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. Т. 3. С. 238-240.
22. Рембо А. Стихи. М.: Наука, 1982. С. 17-22.
23. Бродский И. Сочинения в 4-х т. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. Т. 1. С. 239-240.
24. Тарковский А. А. Тарковский А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. 462 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой работы дискуссионен, при этом достаточно оригинален и нов. Автор останавливается на дешифровке «тела как границы между героем и миром...». В качестве базы исследования взята неклассическая лирика, внимание к которой объективно есть. Научная новизна исследования определяется тем, что, хотя феномен границы в лирике рассматривается в отдельных работах, ценностно-смысловые параметры телесных образов, выступающих в качестве границы между героем и миром в современной лирике, остаются неизученными с теоретико-литературных позиций. Точность цели – «выявление и описание ценностно-смысловых параметров телесных образов, выполняющих в произведениях неклассической лирики функции границы между героем и миром» – определяет внутреннюю логику всего сочинения. В качестве материала рассматриваются такие репрезентативные для данной стадии поэтики тексты, как стихотворения А. Рембо, М. Цветаевой, И. Бродского, Б. Ахмадулиной, А. Тарковского. Примечательно, что контекст развернут, это позволяет полновесно увидеть значимость / разность категории «тело» для лирики неклассического толка. Методология исследования ориентирована на аналитический ценз, точный анализ текстов наличен. Авторский комментарий в начале уместно объясняет позицию автора: «сразу необходимо отметить, что в данной работе мы рассматриваем не внешние границы произведения (его «рамку»), а изображённые границы, являющиеся частью мира произведения. При этом сама граница рассматривается нами как явление двойственное в смысловом отношении: 1) с одной стороны, она проводится в контексте жизненной оценки героя (в лирике – лирического субъекта/персонажа), его рефлексии, выражает его отношение к себе и миру; 2) с другой стороны (и этот аспект в нашей работе основной) – граница (в том числе – телесная граница между героем и миром) соотносится с интенцией автора-творца, обозначает положение героя в изображённом мире как выражение авторской художественной оценки». Не лишена работа т.н. сопоставительного звена, оно дает возможность подчеркнуть разницу между классикой и модернистской формой: например, «образ лирической героини в этом фрагменте, в отличие от лирического персонажа Пушкина, характеризуется проницаемостью по отношению к внешнему миру – взглядам наблюдателей (зрителей), и представлена эта проницаемость именно на телесном уровне». Отмечу, что данный материал умело выстроен, он в должной степени актуален; научная новизна заключается в подборе текстов сопоставительного порядка. Стиль сочинения соотносится с научным типом; например, это проявляется в следующих фрагментах: «образ глаз, в классической лирике связанный, прежде всего, с

проникновением во внутренний, автономный мир, героя, в его «душу», в произведениях неклассической лирики может быть связан с тенденцией к телесному приобщению героя к внешнему миру. Так, в стихотворении С. Есенина «Душа грустит о небесах...» желание героя приобщиться к высшей, небесной, сфере бытия передаётся с помощью следующего телесного образа: «О, если б прорасти глазами, // Как эти листья, в глубину», или «акцент на теле как на границе между лирическим субъектом и миром осуществляется в неклассической лирике разными способами. В зависимости от того, какая часть тела сопряжена с этим акцентом, проявляется особый контекстуальный смысл телесной границы. Стоит отметить, что в большинстве стихотворений представлены части тела с семантикой границы, относящиеся к разным группам. Но, так или иначе, определённая область тела лирического субъекта приобретает особую значимость относительно представленного в стихотворении образа мира» и т.д. Требуется небольшая правка текста, например, «при этом сама граница рассматривается нами как явление двойственное в смысле отношения...», или «Отчётливость телесных границы выражает устойчивость положения героя в мире произведения...», или «В стихотворении И. Бродского «На виа Джулия» пространственно выраженные явления (заглавная буква)» и т.д. Работу следует вычитать, стилистические и пр. неточности устранить. Материал явно ориентирован на практическое использование, в русле изучения истории литературы данные будут весьма полезны. Большая часть позиций объективна, выверена: «телесные образы также связаны с художественным осмыслением границы между героем и миром в тех произведениях неклассической лирики, в которых переживание лирического субъекта сосредоточено на уподоблении внешнего (как правило – природного) мира человеческому телу. На наш взгляд, такое наделение мира чертами телесности в лирике конца XIX – XX вв. не является просто фигурой «олицетворения», характерной и для лирики классической и указывающей на смысловые параллели между человеческим и природным мирами, а раскрывает особый характер проведения границы между лирическим субъектом/персонажем и внешней действительностью, нуждающийся в специальном осмыслении» и т.д. Структура текста соотносится с жанром научного изыскания, общие параметры учтены. Считаю, что иллюстративный фон подобран неплохо, цитации введены в текст с учетом связности, логики, необходимости. Список источников полновесен, его можно использовать далее при формировании работ смежной направленности. Выводы в финале автор структурирует для удобства восприятия, думаю, что и такой вариант правомерен: «1. ... 2. телесные образы в произведениях неклассической лирики актуализируют проблематичность соотношения внешнего и внутреннего планов бытия героев. 3. особенности изображения тела как границы в лирике неклассического этапа поэтики художественной модальности объясняются неосинкретическими (С. Н. Бройтман, В. Я. Малкина) чертами её поэтики и т.д.». Рекомендую статью «Тело как граница между героем и миром в неклассической лирике» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шубина А.О. Применение аттракторной модели в когнитивной поэтике, журналистике, изучении иностранного языка. // Litera. 2024. № 3. С. 65-81. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70029 EDN: CWEJYZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70029

Применение аттракторной модели в когнитивной поэтике, журналистике, изучении иностранного языка.

Шубина Анна Олеговна

кандидат филологических наук

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, 33 кафедра (английского языка (второго), старший преподаватель; Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, старший преподаватель

125047, Россия, г. Москва, Большая Садовая, 19

✉ anna.shubina.19@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.70029

EDN:

CWEJYZ

Дата направления статьи в редакцию:

02-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: В статье изучен вопрос применения элементов теории сложных динамических систем в сфере обучения иностранным языкам, анализа использования интернета, когнитивной поэтике, журналистике. Во всех этих сферах в основном используется аттракторная модель. Аттрактор – это потенциальное состояние системы, к которому она эволюционирует. В семантике термина явно доминирует смысл притяжения. В статье представлено обоснование методологического аспекта применения аттракторной модели в различных областях науки. Приведен обзор отечественных и зарубежных работ в данных областях, рассмотрены различные виды аттракторов. Особое внимание уделено когнитивной поэтике, сравнительно новой области когнитивной лингвистики, которая систематически исследует отношения между

структурой литературных текстов и их восприятием и концептуализацией. В когнитивной поэтике аттракторы влияют на уровень дискурса, создавая привлекающие внимание текстовые объекты. Предложены новые виды текстовых аттракторов – неологизмы (неслово), а также элементы нетривиальной лексической сочетаемости, не являющиеся коллокациями. Лексическая единица является текстовым аттрактором, если она привлекает внимание читателя. Доказательством того, что неслово привлекает внимание, является то, что оно вносит диссонанс в текст, или то, что лексическое решение занимает большее время. Доказательством того, что нетривиальное словосочетание можно считать текстовым аттрактором, является увеличение времени реакции на это словосочетание. Фонологически нелегитимные неслова (состоящие только из согласных) обрабатываются в ментальном лексиконе быстрее, чем слова исследуемого языка, в этом случае неслово подпадает под определение аттрактора «диссонанс» в когнитивной поэтике. Обработка фонологически легитимных неслов в ментальном лексиконе происходит медленнее, чем слов за счет большего количества этапов сравнения до прекращения поиска совпадений. В связи с этим данный вид неслов тоже является текстовым аттрактором. При анализе нетривиальных лексических словосочетаний увеличивается время на реакции за счет усложнения семантики, следовательно, происходит явление аттракции. Основным вкладом автора в исследование темы можно назвать представление двух видов новых текстовых аттракторов, а именно неслово и нетривиальное словосочетание. Проведено исследование структуры и способов продуцирования индивидуально-авторских окказионализмов – неслов и нетривиальных словосочетаний, выполняющих роль аттракторов в романе – антиутопии В. Пелевина S.N.U.F.F.

Ключевые слова:

аттрактор, коллокация, ментальный лексикон, прайминг, неслово, сложные динамические системы, лексическое решение, когнитивная поэтика, диссонанс, резонанс

Начиная с конца XX века все большее число ученых применяют различные аспекты теории сложных динамических систем (СДС) в разнообразных областях гуманитарных наук, таких как когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, педагогика, интеллектуальный анализ использования Интернета, освоение второго языка. Понимание языка как динамической системы, где элементы взаимодействуют и эволюционируют во времени, открывает новые перспективы для анализа процессов когниции и коммуникации. В 1970 году в работе [\[6, с. 199\]](#) советский и российский лингвист Е.С. Кубрякова определяет язык как сложно-динамическую систему, которой присуще «целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и меняющегося, статики и динамики». В 1999 году российский лингвист, профессор В.А. Пищальникова писала: «... по характеру аттракторов речевого произведения можно судить не только о процессах самоорганизации его, но и делать предположения о причинах предпочтения той или иной организации текста» [\[2, с. 28\]](#). Об использовании теории СДС в разных областях гуманитарного знания, как системно-динамического подхода к анализу основных психологических и социальных процессов писали психологи Тесен и Смит [\[37\]](#). В 2005 году В. Вилден констатировал применение теории СДС в сфере таких лингвистических исследованиях как фонология, семантика, дискурс-анализ и др. [\[43\]](#). Применение теории СДС также используется в изучении процесса обучения иностранному языку [\[42\]](#).

Одной из центральных характеристик (СДС) является ее постоянно изменяющееся состояние. Теория СДС подчеркивает важность этого временного изменения и эволюции, причем, наблюдаемое изменение может быть нелинейным. Несмотря на акцент на изменение и постоянную динамику, СДС также распознает стабильные состояния в поведении. Известно, что СДС самоорганизуются, в результате чего в процессе своего развития они могут переходить в предпочтительные состояния, называемые состояниями аттрактора. Контекстуальные факторы могут играть важную роль в подталкивании системы к определенному состоянию аттрактора или отдалении от него.

В настоящее время многие исследователи используют аттракторную модель в качестве методологической основы своих научных работ. В современной педагогике наблюдается растущий интерес к использованию сложных динамических систем в изучении языка. Особенно важным становится применение этих концепций в изучении иностранных языков, где сложные взаимосвязи между языковыми элементами требуют глубокого понимания динамики языковой компетенции. Так, отмечено, что на учебную среду языковой группы и поведение отдельных учащихся, на их успеваемость могут влиять различные уровни контекстуальных воздействий, таких как поведение друзей и одноклассников, ограничения пространства аудитории или лидерские функции, выполняемые преподавателем. Учащийся и окружающая среда не являются независимыми друг от друга, а скорее имеет место взаимовлияние, что приводит к системной изменчивости в развитии [\[42, с. 706\]](#). Распознавание состояний аттрактора и выявление наиболее частых источников мотивации является полезным инструментом для преподавателей по повышению и поддержанию мотивации преподавателя и учащихся на занятиях [\[33, с. 117\]](#). Изучение состояний аттрактора в освоении иностранного языка имеет большое значение, так как они имеют отношение к развивающимся лингвистическим системам учащихся, изучающих иностранный язык к их взаимодействию [\[20, с. 2\]](#). Неготовность учащегося общаться на изучаемом языке, сохранение ошибок перевода является состоянием аттрактора [\[41, с.13\]](#). Например, данный учащийся может неоднократно попадать в состояние аттрактора, в котором он добровольно не общается на иностранном языке, несмотря на внешние компоненты системы, такие как учитель, действующие на систему. Наконец, на уровне класса состоянием аттрактора может быть класс учащихся, осваивающих "модель поддерживающего, инклюзивного и целенаправленного группового учебного поведения [\[30, с.21\]](#). В целом, изучение состояний аттрактора важно для мотивации изучения иностранного языка с точки зрения СДС [\[27, с.2\]](#). Теория сложных динамических систем в может применяться для решения проблем обучения иностранным языкам в области лингводидактики. Например, с помощью таких свойств аппарата СДС как бифуркация, аттрактор, флуктуация, можно объяснить такие явления в педагогической практике как плато и пороговые скачки в овладении иностранным языком [\[9, с. 97-98\]](#).

Концепция аттрактора используется в системах веб-образования. Поведенческие модели посещений электронной платформы пользователями характеризуются определенными параметрами (посещаемые страницы, частота, время нахождения на сайте). В случае систем онлайн-образования предложено [\[38, с. III-VI\]](#) выделить три основных типа аттракторов: образовательные, популярные и критические. *Образовательные аттракторы* должны отражать цели преподавателя и убеждать пользователей придерживаться их. Поведение просмотра записывается (например, в серии посещенных страниц, где доступная страница становится ссылкой на следующую). *Популярными аттракторами* являются те, которых придерживаются пользователи, хотя это явно не обеспечивается

дизайном или содержанием портала. Этот вид аттрактора может дать важные советы о том, каким пользователи хотят видеть дизайн сайта. Например, поведение "ветвления" оказалось аттрактором. *Критические аттракторы* - это поведенческие паттерны, которых пользователи придерживаются в стрессовых ситуациях (крайние сроки, публикация результатов). Критические аттракторы обычно связаны с доступом к страницам, которые содержат либо оценки, либо результаты, которых ждут учащиеся, либо некоторый контент, который они копируют и вставляют. Основной паттерн для аттрактора такого типа - это внезапный визит: учащиеся остаются всего на несколько секунд и / или обновляют выделенное пространство, чтобы увидеть новый контент.

Аттракторную модель предложено использовать в целях создания востребованных направлений для самостоятельной активности студентов высших учебных заведений. Путем анализа пожеланий студентов выявлено множество возможных «аттракторов самореализации». К ним относятся: аттрактор учебно-познавательной, научно-исследовательской, спортивно-оздоровительной, волонтерской, художественно-творческой деятельности и др. «Показана перспективность обращения и оперирования категорией аттракторов в качестве практических предикторов успешной самореализации и психологического благополучия студентов в процессе вузовской подготовки.» [\[19, с.88\]](#).

В работе [\[16, с.132\]](#) аттракторная модель используется в разработке авторского алгоритма кодирования массмедийного дискурса. Создан метод обнаружения тематических дискурсивных аттракторов в названиях статей в отечественных и иноязычных изданиях. На основании типов и частотности выявленных аттракторов сделан вывод о том, что к наиболее частотным дискурсивным аттракторам относятся аттракторы-проксемы, аттракторы -действие, аттракторы - объекты. Также аттракция используется в электронных версиях новостных ресурсов, в которых можно выделить предтекстовые образования: заголовки, подзаголовки и анонсы, содержащие краткое содержание статьи. Для привлечения внимания к новостным материалам в них применяются следующие языковые средства в качестве аттракторов: гиперболизация, повторы, аллюзия, вопросно-ответные структуры и д.р. [\[15, с. 2013\]](#).

Методологической и теоретической основой настоящего исследования в сфере когнитивной лингвистики и поэтики послужили труды отечественных и зарубежных исследователей (Е.С. Кубряковой, В.А. Пищальниковой, И.А., Степанова, Э.Т. Болдыревой, Е.Ю. Мальневой., Р. Stockwell, R. Tsur, J. Fitch, M. Hoey, H. Cangir, B. Henriksen).

Теория сложных динамических систем нашла применение в когнитивной лингвистике [\[3, с. 66\]](#). С помощью элементов аппарата теории динамических систем исследуется эволюция лингвокультурного концепта «Запад». Автор считает, что «вербализованные концепты — это сложные самоорганизующиеся открытые системы, отличающиеся высокой степенью стабильности и нелинейной динамикой содержания.» Показано, что в процессе эволюции содержание вербализованного концепта может как расширяться, так и сужаться, причем расширение ядра и периферии происходит независимо друг от друга.

Отдельно следует выделить такую науку как «когнитивная поэтика, возникшую на стыке когнитивной лингвистики, литературоведения, стилистики и когнитологии. В границах данной науки осуществляется попытка осмысления когнитивных механизмов формирования и реализации замысла художественного произведения автором, равно как и анализ когнитивных феноменов, которые обуславливают восприятие и

интерпретацию данного произведения другим познающим разумом.» [\[8, с. 4\]](#).

Работы П. Стоквелла положили начало многим исследованиям, посвященным различным видам аттракторов. Статья [\[39\]](#) может рассматриваться как первый шаг к теоретизации основных принципов когнитивной поэтики. Одним из важнейших инструментов анализа литературных произведений с точки зрения читателя в когнитивной поэтике является идея "фигур" и "фона". Утверждение, что человеческий мозг воспринимает мир как фигуру и фон не новое, его корни в гештальт-психологии [\[28, с.180\]](#). Основной факт, лежащий в основе этой теории, заключается в том, что наш мозг избирательно выделяет объекты или концепции, которые более актуальны для нашей жизни или отличаются от их предполагаемых представлений, и игнорирует остальные. Известно, что есть некоторые универсально используемые методы в создании литературных текстов, способные привлекать внимание читателя. Такими средствами являются аттракторы, передний план, изображения, траектория. Меняющиеся отношения между фигурой и фоном, устанавливаемые семантическим процессом в текстах, рассматриваются как результат стратегии динамического манипулирования фигурами, достигающей смещения аттракторов. [\[24, с.2\]](#)

Стоквелл [\[40, с. 27\]](#) ввел понятие литературный резонанс или способность текста «задержаться» в сознании читателя как один из основных факторов в его теории когнитивной поэтики (стилистики). Опираясь на психологические исследования феномена внимания, а также на некоторые принципы СДС он разработал список явлений, на которые читатели обращают внимание во время чтения, называя такие явления аттракторами, утверждая, что они, создают привлекающие внимание текстовые объекты [\[40, с.31\]](#). Внимание обычно привлекается движением (элементы, которые остаются статичными, быстро выпадают из фокуса внимания). Учитывая эти наблюдения и другие исследования, можно составить список типичных черт «хороших» аттракторов: новизна, агентство, актуальность, эмпатическая узнаваемость, определенность, конкретность, активность – (глаголы, обозначающие действие, насилие, страсть, своеволие, мотивацию или силу), яркость, полнота – (богатство, плотность, интенсивность), размер – (большие предметы или очень длинная фраза используемая для обозначения), высота – (предметы, находящиеся выше других, выше воспринимающего, или которые доминируют), шумность, эстетическое отдаление от нормы (красивые или уродливые референты, опасные референты, диссонанс).

В настоящее время известны и другие виды текстовых аттракторов. Особое внимание следует уделить такому понятию в когнитивной поэтике как креативный аттрактор - доминантный смысл, «зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [\[2, с. 55.\]](#). В своем исследовании [\[1, с. 10\]](#) Э.Т. Болдырева доказала существование креативного аттрактора в русских и английских текстах. В области креативного аттрактора преобладают такие структурные грамматические маркеры как: экспрессивная лексика, существительное, глагол, предложение с однородными членами, обособленный оборот, сложносочиненное предложение, вставная конструкция, сравнительная степень прилагательного. «Аккумуляция 72% маркеров эмоционального пространства в области аттрактора от числа общетекстовых маркеров способствует выдвижению данной части текста как сильной позиции и позволяет эксплицировать данную область текста как информационно-эмоциональную доминанту целого текста.»

Метафора может играть роль креативного аттрактора в рекламном тексте. В качестве метафорических креативных аттракторов в рекламном туристическом тексте в работе [\[10, с. 351\]](#) рассматриваются природоморфный, антропоморфный, артефактный, социоморфный метафорические аттракторы. Креативные аттракторы привлекают, фокусируют и удерживают внимание и интерес читателей рекламного текста.

В работе Огневой Е.А. [\[11, с. 1\]](#) введено понятие архитектоники художественного текста, включающее такие сегменты текста как художественное пространство, художественное время, ландшафтное пространство, эмотивное пространство и т.д., в недрах которых формируются когнитивные аттракторы, привлекающие внимание читателя. Данное

направление развито в работах [\[12, 13\], \[5\]](#).

В статье [\[32, с. 61\]](#) проведен когнитивно-поэтический анализ короткого рассказа Elizabeth Bowen's "Oh, Madam" [<https://www.unz.com/print/LivingAge-1941feb-00556/>], художественный текст которого включает в себя многочисленные пробелы в виде многоточий, тире и незаконченных предложений, приглашая читателя к их заполнению в рамках читательского опыта. Автор предполагает, что, так называемый эффект резонанса, часть эстетического опыта читателя, возникает в результате его когнитивного участия в процессе заполнения пробелов. Кроме того, введение конкретных аттракторов позволяет читателю уловить социальные отношения, закодированные в тексте. Чтобы объяснить когнитивные процессы, связанные с чтением рассказа «О, мадам... .», автор предлагает расширить список «признаков хороших текстовых аттракторов» П. Стоквелла, включив в него еще два: отсутствие и повторение.

К текстовым аттракторам также предлагается причислить неологизмы (неслова) или окказионализмы, которые не имеют места в ментальном лексиконе. Например, Велимир Хлебников, русский поэт и прозаик, один из крупнейших деятелей русского авангарда, один из основоположников футуризма; экспериментатор в области словотворчества является автором многих неологизмов созданных в начале XX века. Показательна реакция В. Маяковского, на знаменитый неологизм В. Хлебникова «Железавут» из поэмы «Немотичей и немичей...» [[40https://ollam.ru/classic/rus/hlebnikov-velimir/nemotichey-i-nemichey](https://ollam.ru/classic/rus/hlebnikov-velimir/nemotichey-i-nemichey)]: «В ... статье «Война и язык» (1914) Маяковский анализирует новообразование «железавут» из словотворческой деятельности В. Хлебникова и даёт ему своеобразное субъективное истолкование: «<...> мне ничего не говорит слово 'жестокость', а железавут — да. Потому что последнее звучит для меня такой какофонией, какой я себе представляю войну. В нем спаяны и лязг 'железа'", и слышишь, как кого-то 'зовут', и видишь, как этот позванный 'лез' куда-то. Для меня величайшим чувством веет поэтому от таких строчек В. Хлебникова:

Железавут играет в бубен,
Надел на пальцы шумы пушек.»

[https://www.ka2.ru/nauka/hardziev_1.html]

Здесь явно присутствует явление резонанса между читателем и текстом (лексемой «железовут»). Тексты вызывают резонанс, если они сохраняются в памяти еще долгое время после фактического физического чтения. Резонанс – это ощущение аффективной силы встречи с литературным произведением. [\[40, с.28\]](#).

В когнитивной лингвистике существует такое понятие как ментальный лексикон, которое определяется как систематическое представление слов в постоянной памяти. С его помощью обеспечивается способ изучения того, как слова распознаются, обрабатываются и интегрируются в структуру предложения, а также способ исследования различных факторов, которые влияют на эти процессы, такие как частота, длина, неоднозначность и другие переменные [\[23, с. 1\]](#). Ментальный лексикон имеет разные уровни представления лексических статей, такие как семантический, синтаксический, морфологический и фонологический, а также разные форматы представления информации в зависимости от процессов, использующих эти представления. Существует гипотеза, что сначала каждый стимул (слово или неслово) обрабатывается на фонологическом уровне. Эксперименты показали, что лексическое решение в отношении фонологически нелегитимных неслов (например, неслов, состоящих из одних согласных) принималось быстрее, чем для фонологически

легитимных [\[35, с. 647\]](#). Отсюда можно сделать вывод, что фонологическая нелегитимность обнаруживается без исчерпывающего поиска в ментальном лексиконе. В этом случае неслово является «хорошим аттрактором» по определению П. Стоквелла, так как подходит под определение «диссонанс». Из литературы известно, что фонологически легитимные неологизмы – неслова обрабатываются в ментальном лексиконе дольше, чем общеизвестные слова. Решение о том, что анализируемая лексическая единица является несловом, принимается медленнее, чем узнавание слова в ментальном лексиконе [\[34, с. 230\]](#). Одна из интерпретаций этих результатов заключается в том, что лексическое решение о неслове требует много попыток сравнить мысленное представление неслова с записями из ментального лексикона. Таким образом, неслова потребуют большего количества операций сравнения до прекращения поиска совпадений, чем обычные слова, а увеличение количества потенциальных совпадений со статьями из словаря за счет использования, например, фонологически правильных буквенных цепочек приведет к увеличению времени принятия лексического решения. Именно поэтому фонологически легитимное неслово «железавут» можно назвать аттрактором. Таким образом, можно утверждать, что в данном случае неслово привлекает внимание читателя большее количество времени, чем обычные слова и, следовательно, является текстовым аттрактором. Сложности этого процесса описаны в работе [\[6, с. 138\]](#). При встрече с незнакомым словом по результатам свободных ассоциаций и субъективных дефиниций, выявленных в процессе ассоциативного эксперимента, отмечены следующие опорные элементы, такие как: префиксальные морфемы, корневые морфемы, суффиксальные морфемы и окончания, цепочки морфем-графем, схожие по написанию звучанию с известными словами иностранного языка и т.д.

Аттракторами также могут служить элементы нетривиальной лексической сочетаемости, не являющиеся коллокациями. Известно, что нетривиальная лексическая сочетаемость «приводит к усложнению семантики текста и появлению новых прагматических эффектов. В качестве результата семантических изменений рассматриваются переносные значения. Одним из вероятных прагматических эффектов, возникающих в результате нарушения лексической сочетаемости, является ирония» [\[17, с. 64\]](#). Именно усложнение семантики текста ведет к увеличению времени реакции на словосочетание. Элементы нетривиальной словосочетаемости могут служить аттракторами.

В когнитивной лингвистике есть такое понятие как лексический прайминг. Слова, которые не связаны семантически, морфологически или фонологически, но, как правило, часто встречаются в письменной и устной речи, обычно определяются как коллокации. Знаменитая фраза «you shall know a word by the company it keeps» [\[26, с. 11\]](#) была принята многими лингвистами, а философия, лежащая в основе этого понятия, обсуждалась и развивалась во многих аспектах на протяжении многих лет. Теория лексического прайминга [\[31, с.5\]](#) проливает свет на проблему обработки коллокаций в ментальном лексиконе с когнитивной и психолингвистической точки зрения. Утверждается, что каждый раз, когда носители языка сталкиваются со словом в языке, они усваивают сопутствующий контекст, включая слова и грамматические структуры. В результате они привыкают распознавать определенные слова, встречающиеся вместе, что называется коллокацией. Например, пользователь языка, скорее всего, быстрее распознает слово «привлечь», если он уже видел, что оно встречается вместе со словом «внимание». Несмотря на то, что пользователь языка может предложить несколько альтернатив, встречающихся вместе с словом "привлечь", его лингвистический опыт может привести к тому, что слово "внимание" в его ментальном представлении будет

звучать более естественно по сравнению с другими альтернативными способами выражения того же понятия [22, с.223]. В этом случае мы имеем дело с лексическим праймингом. Исследования лексического прайминга тесно связаны с корпусной лингвистикой и используют статистические методы для исследования частоты совместного появления определенных словосочетаний [36, с. 106]. Обоснование частотного подхода основано на идее о том, что чем чаще словосочетания существуют вместе в письменной или устной речи, тем с большей вероятностью они закрепятся в ментальном лексиконе и могут рассматриваться как коллокации. Теория прайминга предполагает, что словосочетания сохраняются как отдельные единицы в ментальном лексиконе, что приводит к распространению активации после запуска составной части и, что более важно, в свете результатов исследований частотной интуиции, предполагается, что если составные части словосочетания сильно связаны (т. е. чаще используются в компании друг друга), о чем можно судить по репрезентативным корпусам, они будут более устойчивы в ментальном лексиконе (т. е. гипотетически с большей вероятностью будут стимулировать друг друга). Модель распространения активации в большей степени учитывает силу ассоциации, чем иерархия [25, с.409]. Доказательством распространения активации являются эксперименты с праймингом, в которых участникам предъявляются стимулы и оценивается их способность принимать лексические решения, чтобы изучить эффект прайминга. Показано, что на рассмотрение нетривиального словосочетания тратится больше времени, чем на коллокацию, например, испытуемый более быстро распознает коллокацию «крепкий сон», чем нетривиальное словосочетание «тайный сон» [21, с. 473]. Таким образом, можно заключить, что нетривиальное словосочетание играет роль аттрактора и притягивает внимание читателя при чтении текста.

Проведено исследование структуры и способов продуцирования индивидуально-авторских окказионализмов - неслов и нетривиальных словосочетаний, выполняющих роль аттракторов в произведении - антиутопии В. Пелевина S.N.U.F.F [14]. Ранее стиль, семантика и окказионализмы этого произведения рассматривались в работах [4, 18] и др. Характерным явлением для антиутопии является окказиональная номинация. В произведении Пелевина неслова вызывают ассоциации с объектами реального мира, притягивая внимание читателя, вызывая эффект резонанса и заставляя придумывать свою интерпретацию. В нашем исследовании рассмотрены различные типы аттракторов неслов и нетривиальных словосочетаний.

Показано, что словосложение, конкатенация, альтернация и транслитерация являются основными способами продуцирования аттракторов – неслов, с помощью которых происходит моделирование вымышленных текстовых миров. В романе в основном используются неслова – личные существительные, неслова – названия государств, неслова – абстрактные и конкретные существительные. Все неслова фонологически легитимны, поэтому обрабатываются в ментальном лексиконе дополнительное время, привлекая внимание читателей. Ниже приводятся примеры неслов и их перевод, скобках указаны способы их образования.

Неслова - личные существительные:

дискурсмонгер – политехнолог (словосложение, транслитерация);

презиратор – президент (суффиксация);

ганджуберсерк – телохраниль (словосложение);

пусор – мусор (альтернация - замена букв);

прокуратор – прокурор (суффиксация);

пилот-надомник – пилот, управляющий аппаратом онлайн (словосложение);

орк – человек, живущий в наземной стране Оркланд;

бабувиан – бабуин+бонвиан (контаминация);

нетерпила – оппозиционер (префиксация);

Маниту – божество (транслитерация);

маниту – деньги, видео, компьютерная техника (транслитерация);

Неслова, номинирующие государства:

Еврайх – Европа, Евросоюз (контаминация);

Ямото – древнее название японского государства;

Бразил – Бразилия;

Уркаина – Украина (альтернация);

Царство Шэнь – Китай;

Сибирская республика – Сибирь;

Бизантиум или Биг Биз – Византия (альтернация);

Оркланд – страна орков (словосложение, транслитерация);

офшар – офшор (альтернация).

Неслова – абстрактные существительные:

демократура – демократия+диктатура (контаминация);

спастика – свастика (альтернация);

холокостинг – холокост (суффиксация).

Неслова – конкретные существительные:

снаф – видео, экран (транслитерация: нюхательный табак, snuff out – убить);

квасола – квас+кола (контаминация);

псамботы – спам боты (альтернация, словосложение);

думидрол – лекарство (альтернация);

микроколизей – социальный ринг (аффиксация);

мандалайка – мандолина+балалайка (контаминация).

В произведении используется 6 типов нетривиальных словосочетаний по схеме А (прилагательное) + N (существительное) и N (существительное) + N (существительное):

N(слово)+N(слово), A(слово)+N(слово), A(неслово)+N(слово), A(слово)+N(неслово), A(неслово)+N(неслово), N(неслово)+N(неслово). Ниже приводятся примеры авторских нетривиальных словосочетаний В. Пелевина.

N(слово)+N(слово):

кубики слов;

Эра Насыщения;

челка мудрости;

узоры звуков;

скупщик детей.

A(слово)+N(слово):

святые виды – изображения Маниту;

храмовый целлулоид - носитель информации;

летающие города;

наземные страны;

храмовая пленка;

верхние люди;

соленая свежесть;

погребальная телега;

эксплуатационных таблетки;

аккреционный нимб;

эфемерная консоль.

A(неслово)+ N:

церковноанглийский язык – (словосложение);

верхнерусский язык – (словосложение);

верхне-среднесибирский язык – (словосложение);

полугражданская медаль – (аффиксация);

манитуальная демархия – (контаминация).

A+ N(неслово):

циклопический офшар – (альтернация);

конные ганджуберсерки – (словосложение);

зеленый сарифан – (контаминация);

герантофилические снафы – (транслитерация);

ударный дискурсмонгер – (словосложение, транслитерация);

свидетели Маниту – (транслитерация).

A(неслово)+ N(неслово):

либеративный консервал – (альтерация);

либеративная демократура – (альтерация, контаминация);

N(неслово)+ N(неслово):

офшар Еврайх;

офшар Ямото;

мопед Уркаина.

Текстовые аттракторы - неслова и нетривиальные словосочетания используются в романе SNUFF для создания вымышленного абсурдного постапокалиптического текстового мира и актуализируют замысел автора, заставляя читателя задерживать внимание на определенных элементах текста и создавая эффект когнитивного участия.

Актуальность проводимого исследования обусловлена необходимостью выявления тенденций продуцирования окказионализмов - неслов и нетривиальных сочетаний в литературных произведениях.

В заключение, можно сделать вывод, что во всех исследуемых областях, таких как обучение иностранным языкам, анализ использования интернета, когнитивной поэтике, журналистике применение аттракторной модели обосновано, часто используется и имеет перспективы развития. В изучении иностранного языка привлечение элементов теории СДС активизирует мотивацию как учащегося, так и преподавателя, помогая объяснить периоды регресса, плато и внезапного прогресса в освоении иностранного языка. При помощи концепции аттрактора в системах веб-образования можно получить более детальное представление о том, как студенты используют WEB платформу и как она может быть изменена так, чтобы лучше обслуживать потребности студентов и избегать появления ветвления. В массмедийном дискурсе концепция дискурсивных аттракторов позволила кодифицировать процесс выявления способов привлечения внимания читателей к названиям статей. В когнитивной поэтике аттракторная модель предоставила возможность формализовать поиск элементов художественного текста, способных привлечь внимание читателя. Основным вкладом автора в исследование темы можно назвать представление двух видов новых текстовых аттракторов, а именно неслово и нетривиальное словосочетание. Доказано, что данные лексические единицы способны привлекать внимание читателя увеличением времени лексического решения и способностью вносить элемент диссонанса в текст. Выявлены основные способы образования аттракторов – неслов и наиболее употребительные схемы аттракторов - нетривиальных словосочетаний в романе В. Пелевина S.N.U.F.F. Настоящее исследование вносит вклад в развитие принципов и подходов к изучению воздействия окказионализмов на читателя, а также пониманию механизма их продуцирования.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ продуцирования неслов и нетривиальных сочетаний в иноязычных и русских литературных произведениях.

Библиография

1. Болдырева Э.Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 2007. Челябинск.
2. Герман И. А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. 1999. Барнаул. Издательство Алтайского университета.
3. Джабер М.Х. Применение теории динамических систем в исследовании трансформации смыслового содержания вербализованных концептов. // Вестн. Моск. Г. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №2. С. 62-69.
4. Закирова О.В. Индивидуально-авторские религионимы в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №5(71). С. 71-75.
5. Коваленко Г.Ф. Когнитивный аттрактор текстового пространства стилистической конвергенции // Russian linguistic bulletin. 2018. №13(1). С. 18-20.
6. Комарова Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С. 136-139.
7. Кубрякова Е.С. О некоторых особенностях развития языка в свете его определения как сложнодинамической системы // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: 1970. С. 197-221.
8. Мальнева Е. Ю. Концепт DREAM в идиостиле Эдгара Аллана По. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2012.
9. Марина О.А. Возможности применения теории сложных динамических систем в практике обучения иностранным языкам. // Педагогика и психология образования. 2023. №1. С. 93-109.
10. Меньшикова Е.Е. Метафора как креативный аттрактор в рекламном туристическом нарративе. // Современные исследования социальных проблем. 2021. №13(3). С. 344-372.
11. Огнева Е.А. Концепция текстовой когнитивной аттракции. // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып VI. 2018. С. 87-92.
12. Е.А.Огнева. Фитонимы как лексические таймеры в архитектонике текстового пейзажного когнитивного аттрактора. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №12(6). С. 378-382.
13. Е.А.Огнева. Темпоральный когнитивный аттрактор в текстовом информативном коде военной прозы. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №9 (467). С. 178-188.
14. Пелевин В. О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012.
15. Рянская Э. М., Фоменко Е. А. Языковые средства реализации аттрактивности в предтекстовых образованиях (на материале французского и русского языков). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №15(6). С. 2012-2016.
16. Шептун Н.Н. Кодирование массмедийного дискурсивного формата знаний (на материале изданий Le Monde и «Российская газета»). // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. №4 (41), С. 128-132.
17. Шилихина К.М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. С. 64-69.
18. Широкова Е. Н. Языковое творчество и «Лингвистическая археология» В. Пелевина. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №5 (1). С. 145-149.

19. Шутенко Е.Н., Шутенко А.И., Сидорчук К.В. АATTRAKTIVНЫЕ СФЕРЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВА ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ. // *Psychology. Educology. Medicine*. 2019. №4. С. 79-108.
20. Beccia A. Attractor States in Second Language Development. // *Studies in Applied Linguistics & TESOL*. 2023. №22(2). Pp. 1-3.
21. Cangir H. et al. Investigating collocational priming in Turkish. // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2017. №13(2). Pp. 465-486.
22. Cangir H. Bilingual Mental Lexicon and Collocational Processing. // *Research Anthology on Bilingual and Multilingual Education. A volume in the Advances in Linguistics and Communication Studies (ALCS) Book Series*. 2022. Pp. 221-243.
23. Carrol G., & Conklin K. (2014). Eye-tracking multi-word units: some methodological questions. // *Journal of Eye Movement Research*, №7(5). Pp. 1-11.
24. Cognitive poetics and practice. A review of (Eds.) J. Gavins G. Steen. // *European Journal of English Studies*, 2004. №8(3). Pp. 189-396.
25. Collins A. M., & Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing. // *Psychological Review*. 1975. №82(6). Pp. 407-428.
26. Firth J. R. A synopsis of linguistic theory, 1930–1955 // *Selected papers of J. R. Firth* / Ed. by F. R. Palmer. L.: 1957. Longmans.
27. Geveke CH, Steenbeek HW, Doornenbal JM and Van Geert PLC. Attractor States in Teaching and Learning Processes: A Study of Out-of-School Science Education. // *Front. Psychol*. 2017. №8. Pp. 299-310.
28. Görmez R. Tunç. Literary Theory, Stylistics and Cognitive Poetics // *CUJHSS*, June 2021. №15(1). Pp. 175-183.
29. Henriksen B. Research on L2 learners collocational competence and development – a progress report. // *EUROSLA Monographs Series*. 2013. №2. Pp. 29-56.
30. Hiver P. Attractor states. In Z. Dörnyei, P. MacIntyre & A. Henry (Eds.). // *Motivational dynamics in language learning. Multilingual Matters*. 2014. Pp. 20-28.
31. Hoey, M. *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. 2005. Routledge.
32. Kędra-Kardela A.; Kowalczyk, A. Textual attractors in literary discourse: a cognitive-poetic reading of Elizabeth Bowen's "Oh, Madam". // *Journal of Literary Semantics*. 2023. №52(1). Pp. 61-77.
33. Kimura Y. L2 Teacher Motivation/Autonomy as Complex Systems: Across the Boundaries of L2 Classrooms in East Asia. // *Language Teacher Motivation, Autonomy and Development in East Asia*. 2022. Pp. 111-133.
34. Neely J. H. Semantic priming and retrieval from lexical memory: Roles of inhibitionless spreading activation and limited-capacity attention. // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1977. №106. Pp. 226-254.
35. Rubenstein H., Lewis S. S., & Rubenstein M. A. Evidence for phonemic recoding in visual word recognition. // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1971. №10, Pp. 645-657.
36. Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. 1991. Oxford University Press.
37. Smith L.B., Thelen E. *A dynamic systems approach to the development of cognition and action*. 1994. Cambridge. MA: Bradford Books. MIT Press.
38. Şotropa D., Sacarea Sh. Attractors in Web Based Educational Systems a Conceptual Knowledge Processing Grounded Approach. // *Conference: The 8th International Conference on Knowledge Science, Engineering and Management, Chongqing, China*. 2015. №9403.
39. Stockwell P. *Cognitive Poetics An introduction* // First published 2002 by Routledge. London.
40. Stockwell P. The cognitive poetics of literary resonance // *Language and Cognition*. 2009. №1–1. Pp. 25-44.

41. Syed H., Memon S., Chacar Z., Zameer S., & Shah T. Willingness to communicate in a second language and the promise of complex dynamic systems theory: A narrative overview. // Research in Education. 2021. №113(1). Pp. 41-58.
42. Waninge F., Dörnyei Z., De Bot K. Motivational Dynamics in Language Learning: Change, Stability, and Context. // Modern Language Journal. 2014. №98(3). Pp. 704-723.
43. Wilden W. The relevance of dynamic systems theory for cognitive linguistics // Interdisciplinary Themes in Cognitive Language Research Symposium University of Helsinki and FiCLA (Finnish Cognitive Linguistics Association). Helsinki. 2005. URL: www.academia.edu/22919870/The_relevance_of_dynamic_systems_theory_for_cognitive_linguistics

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение языковой системы по определению должно быть многоплановым. Лингвистика XX века доказывает это вариантом подходов, работ, точек зрения. Как отмечает автор рецензируемой статьи, «начиная с конца XX века все большее число ученых применяют различные аспекты теории сложных динамических систем (СДС) в разнообразных областях гуманитарных наук, таких как когнитивная лингвистика, когнитивная поэтика, педагогика, интеллектуальный анализ использования Интернета, освоение второго языка. Понимание языка как динамической системы, где элементы взаимодействуют и эволюционируют во времени, открывает новые перспективы для анализа процессов когниции и коммуникации». Указанное направление в лингвистике, действительно, продуктивно; на данный момент достаточно уже наработок как теоретического, так и практического толка. И все же исследования в указанной области появляются вновь, что и доказывает данная работа. Примечательно для данного исследования строгое следование уже имеющимся наработкам и данным. Нам мой взгляд, это правильно, ибо основная канва намечена и отступать от «классики» не имеет смысла: «в 1970 году в работесоветский и российский лингвист Е.С. Кубрякова определяет язык как сложно-динамическую систему, которой присуще «целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и меняющегося, статики и динамики». В 1999 году российский лингвист, профессор В.А. Пищальникова писала: «...по характеру аттракторов речевого произведения можно судить не только о процессах самоорганизации его, но и делать предположения о причинах предпочтения той или иной организации текста». Текст исследования информативно плотен, содержательная суть – конкретна, точна, объективна. Не исключаю, что работа может вызвать дискуссию, но и это должно быть в режиме рецепции научных изысканий. Суждения по ходу исследования фактически точны, серьезных разночтений не выявлено: например, «в настоящее время многие исследователя используют аттракторную модель в качестве методологической основы своих научных работ. В современной педагогике наблюдается растущий интерес к использованию сложных динамических систем в изучении языка. Особенно важным становится применение этих концепций в изучении иностранных языков, где сложные взаимосвязи между языковыми элементами требуют глубокого понимания динамики языковой компетенции», или «Концепция аттрактора используется в системах веб-образования. Поведенческие модели посещений электронной платформы пользователями характеризуются определенными параметрами (посещаемые страницы, частота, время нахождения на сайте). В случае систем онлайн-образования предложено выделить три основных типа аттракторов: образовательные, популярные и критические.

Образовательные аттракторы должны отражать цели преподавателя и убеждать пользователей придерживаться их. Поведение просмотра записывается (например, в серии посещенных страниц, где доступная страница становится ссылкой на следующую)» и т.д. Предметная область работы соотносится с одной из рубрик издания; материал синкретически дробен, то есть включает и теоретический фактор, и фактор практический. Считаю, что автору удастся объективировать саму суть подхода в оценке языка, сказать в режиме научного проекта о значимости / сложности / важности «аттракторной модели». Отсылки к первоисточникам даны полновесно: «методологической и теоретической основой настоящего исследования в сфере когнитивной лингвистики и поэтики послужили труды отечественных и зарубежных исследователей (Е.С. Кубряковой, В.А. Пищальниковой, И.А., Степанова, Э.Т. Болдыревой, Е.Ю. Мальневой., Р. Stockwell, R. Tsur, J. Fitch, M. Hoey, H. Cangir, B. Henriksen)». Практическая составляющая исследования комментируется грамотно, целесообразно: например, «внимание обычно привлекается движением (элементы, которые остаются статичными, быстро выпадают из фокуса внимания). Учитывая эти наблюдения и другие исследования, можно составить список типичных черт «хороших» аттракторов: новизна, агентство, актуальность, эмпатическая узнаваемость, определенность, конкретность, активность – (глаголы, обозначающие действие, насилие, страсть, своеволие, мотивацию или силу), яркость, полнота – (богатство, плотность, интенсивность), размер – (большие предметы или очень длинная фраза используемая для обозначения), высота – (предметы, находящиеся выше других, выше воспринимающего, или которые доминируют), шумность, эстетическое отдаление от нормы (красивые или уродливые референты, опасные референты, диссонанс)». Думаю, что некоторые «тезисы» работы могут быть целостно разобраны в новых трудах. Например, «в когнитивной лингвистике существует такое понятие как ментальный лексикон, которое определяется как систематическое представление слов в постоянной памяти. С его помощью обеспечивается способ изучения того, как слова распознаются, обрабатываются и интегрируются в структуру предложения, а также способ исследования различных факторов, которые влияют на эти процессы, такие как частота, длина, неоднозначность и другие переменные. Ментальный лексикон имеет разные уровни представления лексических статей, такие как семантический, синтаксический, морфологический и фонологический, а также разные форматы представления информации в зависимости от процессов, использующих эти представления» и т.д. Теория как таковая не стоит на месте, даже при достаточной разверстке вопроса остаются лакуны, которые следует дополнять. Отсылки к т.н. иллюстративному фону даны – это и В. Хлебников, и Виктор Пелевин и т.д. Лексический уровень иллюстрируется, например, введением следующей группы: «неслова – конкретные существительные: снаф – видео, экран (транслитерация: нюхательный табак, snuff out – убить); квасола – квас+кола (контаминация); псамботы – спам боты (альтернация, словосложение); думидрол – лекарство (альтернация); микроколизей – социальный ринг (аффиксация); мандалайка – мандолина+балалайка (контаминация)» и т.д. Основная часть статьи направлена на анализ действенной природы «текстовых аттракторов», но заявленные в заголовке уровни выдерживаются не пропорционально (!). Это не мешает воспринимать работу, но м.б. стоит сократить сегмент сфер. В финале автор отмечает, что «текстовые аттракторы - неслова и нетривиальные словосочетания используются в романе SNUFF для создания вымышленного абсурдного постапокалиптического текстового мира и актуализируют замысел автора, заставляя читателя задерживать внимание на определенных элементах текста и создавая эффект когнитивного участия. Актуальность проводимого исследования обусловлена необходимостью выявления тенденций продуцирования окказионализмов - неслов и нетривиальных сочетаний в

литературных произведениях». Таким образом, намечается и функционал использования «текстовых аттракторов». Цель исследования как таковая достигнута, поставленные задачи решены. Материал интересен, отчасти нов; думаю, что заинтересованный читатель сможет найти в работе ряд позиционных наработок, о которых еще не говорилось. Нуждается в коррективе сам текст (шрифт, параметры), список источников - его нужно унифицировать, «вложить в формат» (в основном указание стр.) издания. Рекомендую статью «Применение аттракторной модели в когнитивной поэтике, журналистике, изучении иностранного языка» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Dugalich N.M., Han H. Maximizers hyping in Chinese MA learners' and experts' academic discourse: An EUM-based study // Litera. 2024. № 3. С. 82-93. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70220 EDN: DYYVXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70220

Maximizers hyping in Chinese MA learners' and experts' academic discourse: An EUM-based study / Гиперболизация максимизаторов в академическом дискурсе китайских студентов-магистрантов и ученых: исследование на базе EUM

Дугалич Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-1863-2754

кандидат филологических наук

заведующая кафедрой иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ dugalich_nm@pfur.ru

Хань Хао

ORCID: 0009-0004-3832-6660

аспирант, кафедра иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042218192@rudn.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70220

EDN:

DYYVXQ

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2024

Дата публикации:

25-03-2024

Аннотация: Исследование посвящено максимизаторам как основному инструменту риторической стратегии гиперболизации в научном тексте научных статей, опубликованных в международных журналах (ILJA_C) и магистерских диссертаций (CLMA_C) китайских лингвистов, пишущих на английском языке. Максимизаторы, которые передают семантику повышенной интенсивности и личное отношение автора, играют основную роль в формировании риторических стратегий гиперболизации в академическом дискурсе. В исследовании используется модель EUM (расширение значения слова). Использование данной модели позволяет исследованию внести значительный вклад в разъяснение мотивации выбора максимизатора в научной коммуникации. Целью является анализ коллокационных особенностей максимизаторов в CLMA_C и ILJA_C. Цель определяет выбор предмета исследования – выявление сходств и различий в использовании максимизаторов двух баз данных (научных статей, опубликованных в международных журналах (ILJA_C) и магистерских диссертаций (CLMA_C) китайских лингвистов, пишущих на английском языке). В исследовании используется модель EUM для анализа максимизаторов, что позволяет всесторонне изучить как их коллокационные возможности, так и контекстуальное значение. Анализ включает исследование лексических моделей, сопоставлений, семантических предпочтений и семантической просодии, предлагая многогранное понимание того, как максимизаторы используются в риторической стратегии гиперболизации в научном тексте. Научная новизна заключается в использовании модели EUM расширения значения слова Джона Синклера, согласно которой носителем лексического значения является лексическая единица, в состав которой может входить несколько слов, что позволяет описать максимизаторы одновременно в синтагматическом аспекте и с учетом контекстуального значения. Результаты показывают сходство в использовании лексических моделей и существенные различия в семантических предпочтениях и семантической просодии. Так, в базе данных китайских магистерских диссертаций (CLMA_C) при использовании лексической единицы *fully* 'полностью' не представлены коллокации, на которые влияет использование английского языка как иностранного. Что касается семантической просодии, китайские ученые (ILJA_C) используют рекомендательный тон, в то время как китайские магистранты – утвердительный тон.

Ключевые слова:

максимизатор, расширение значения слова, английский как иностранный, лексика, магистерская диссертация, научная статья, гиперболизация, академический дискурс, английский язык, корпусное исследование

Introduction

The academic paper, vital for disseminating scientific knowledge, gains credibility from research findings' scientific rationality and disciplinary value. Traditionally viewed as objective, academic papers refrain from rhetorical language due to concerns about over-interpretation [1, 2], setting up a dichotomy with science [3]. While scientific knowledge involves not only objective facts but also persuasive elements shaping universal truths through scientists' rhetorical strategies [4].

Academics use various language strategies to promote the significance and value of their research methods and findings. Millar et al. [5] referred to the phenomenon of authors using

exaggerated or laudatory language to embellish or promote their academic research as "rhetorical hype". Maximizers, which serve as boosters in academic writing, play the role of "rhetorical hype" [6, p. 191]. They can be seen as interactional metadiscourse, serving to interact with the reader in the academic discourse and help authors eliminate or reduce reader confusion, avoid controversy over propositions, and actively and accurately express and promote their own attitudes [7, p. 52]. For example, in the sentence "As a consequence, findings on students' beliefs entirely confirm the second hypothesis," the maximizer item "entirely" demonstrates the hyperbolic strategy of exaggeration or intensification. It emphasizes the complete and unqualified confirmation of the second hypothesis by the findings on students' belief.

Correct use of maximizers can accurately indicate the speaker's attitude and help persuade others to accept the author's views. In academic writing, appropriate use of maximizers helps authors express the certainty of propositions, enhance the authority of propositions, strengthen the persuasive power of academic discourse, promote academic communication, and achieve the purpose of academic interaction. However, due to the fact that maximizers express the highest degree of meaning, these words are usually treated as synonyms in the process of learning. Difficulty in distinguishing the similarities and differences between them during the learning process [8–10] makes it challenging for EFL learners, leading to the inaccurate hyperbolic use of maximizers in academic writing and subsequently impacting the quality of learners' academic writing to some extent.

Therefore, it is necessary to examine the characteristics of maximizers in international journal articles and English academic papers written by learners, and compare their differences. Prior research on maximizers has mainly focused on their lexical collocations and grammatical collocations [8, 9, 11], and pragmatic collocations [12, 13]. However, fewer scholars have systematically examined these types of collocations from a macro perspective. This study will use Sinclair's Extended Units of Meaning (EUM) model [14] to conduct a multidimensional investigation of maximizers.

Therefore, this study's examination of maximizers mainly involves four tasks: first, extracting the strong collocates around maximizers and categorizing them from a grammatical/colligational perspective; second, categorizing these strong collocates based on semantic preference; third, categorizing these strong collocates based on semantic prosody; and fourth, conducting a comparative analysis of the collocational features of Chinese learners and international journal authors from the perspective of the entire extended meaning unit model.

Based on these four tasks, this study's research methodology mainly involves corpus-driven analysis, discourse analysis and contrastive interlanguage analysis. The construction of the EUM model requires bottom-up corpus data driving, and the collocational features of maximizer usage between Chinese learners and international journal experts need to be compared. The attribution of differences between the two requires a combination of discourse analysis and contrastive interlanguage analysis (CIA) in second language acquisition.

The object of this study is to conduct a contrastive analysis of maximizers hyping between Chinese linguistic MA novices and linguistic experts. The subject of this study is to explore the similarities and differences in the EUM of these maximizers within the academic discourse of these two groups.

In the field of applied linguistics, maximizers are employed to delineate the utmost intensity within a specified degree range [15, 16]. They operate at the semantic level to articulate the absolute degree of a property or state, exemplified by expressions such as "completely different," "absolutely endorse," "totally mix up," etc. On the pragmatic level, as defined by K. Hyland [7, p. 52], they function as boosters, constituting an interactional metadiscourse that enables writers to preclude alternative interpretations, forestall conflicting viewpoints, and assert certainty in their assertions.

Given that Maximizers are often construed as synonyms in traditional dictionaries, the distinction between them is frequently nebulous, posing a significant challenge for EFL learners in the process of acquisition of the highest degree language.

S. Granger [8] studied French EFL students' maximizer usage, noting their overuse of "totally" and "completely" compared to native speakers. This overuse stemmed from frequent French translational equivalents, driven by a tendency to make "safe bets." G. Lorenz [9] explored maximizer collocations in German EFL students' writing, revealing a tendency to use maximizers in inappropriate contexts. Yaoyu & Lei Lei [17] analyzed maximizer usage in Chinese doctoral dissertations, finding Chinese PhD EFL learners tended to overuse "totally" but underuse "entirely," with "congruent collocations" indicating a non-native writing style. A.S. Özbay & T. Aydemir [12] investigated semantic prosody features of maximizers in Turkish EFL learners' academic papers, noting incompatibility for some maximizers due to a lack of semantic prosodic awareness in English. M. Alrajhi [13] explored EFL Saudi students' use of four maximizers, finding favorable prosody in all, with semantic preferences reflecting emotions and states of mind, diverging from Partington's study [18].

Extended Units of Meaning (EUM) is a corpus-driven approach to language analysis introduced by Sinclair [14]. It comprises five components: core, collocation, colligation, semantic preference, and semantic prosody. This methodology integrates form and meaning, providing a multifaceted description of a specific node word. EUM enables the simultaneous examination of lexical, syntactic, semantic, and pragmatic layers, breaking away from previous studies that focused on individual words or fixed phrases as the basic units of analysis. It broadens the scope of semantic research to encompass all relevant forms surrounding the node word. This aligns with Sinclair's advocated maximal approach, which extends the exploration of meaning units beyond single words or fixed phrases.

According to this approach, every unique meaning in language can be associated with its unique lexical form. The generation of lexical meaning comes from two levels: the general meaning of the lexical item and the adjusted meaning generated by co-selection with other lexical items within the meaning unit [14]. Meaning is not simply divided into lexical meaning and grammatical meaning, but is created by continuous text as a whole. Meaning itself is unstable, usually temporary, and negotiable.

Regarding the study of the maximizers in the past, it was rarely studied as a whole EUM unit like scholars such as Sinclair did from the perspectives of word frequency, collocation, colligation, semantic preference and semantic prosody. Collocation reflects the collocational words that co-occur with the core (usually a single word or phrase); colligation reflects the grammatical categories that co-occur with the core; semantic preference reflects the semantic field of words that co-occur with the core; semantic prosody reflects the semantic function realized by the entire EUM. "Studying words from the perspectives of form, meaning, and function is a useful tool for synonym discrimination and cross-language

equivalence research" [19]. Compared with studies that only focus on word frequency, collocation, and semantic prosody as a single research point, this research model can more comprehensively, objectively, and accurately describe language. Therefore, this paper takes EUM as a whole and based on international linguistic journal articles and Chinese linguistic MA thesis texts to mainly answer the following two questions:

- (1) What are the hyping collocational characteristics of high-frequency maximizers in Chinese linguistic MA theses and international linguistic journal articles?
- (2) Concerning high-frequency maximizers, what are the similarities and differences of the hyping collocational features between them? And what are the reasons?

Research methodology

This study utilizes the self-constructed Chinese linguistic MA theses corpus (CLMA_C) and international linguistic journal articles corpus (ILJA_C), comprising 804,935 and 802,490 words, respectively. These include 50 English master's theses by Chinese linguistic MA learners and 100 articles by linguistic experts. The research process involves:

- (1) Identifying maximizers, following D. Biber et al. [20] and Kennedy's [21] framework, including "fully," "totally," "completely," "entirely," "absolutely," and "perfectly."
- (2) Employing AntConc 3.4.4 for maximizer retrieval, determining top 1 maximizer by frequency, extracting concordance lines, and conducting analysis.
- (3) Observing and analyzing co-occurring words, identifying collocations, classifying colligation patterns, summarizing semantic preference, and analyzing semantic prosody within the EUM.

Finally, conducting a contrastive analysis on lexical collocation, colligation, semantic preference, and semantic prosody features of target maximizer in both corpora.

Analysis and discussion

According to Table 1, there is no significant difference in the total frequency of maximizers between the two corpora.

Table 1. Frequency statistics of maximizers in CLMA_C and ILJA_C

Maximizers	MA_C		IJA_C		Chi-square	Significance (p)
	RF	SF	RF	SF		
fully	74	92	9.19	11.46	2.01	0.156
totally	58	11	7.21	1.37	34.97	0.000
completely	53	46	6.58	5.73	0.47	0.491
entirely	22	39	2.73	4.86	4.85	0.028
absolutely	13	5	1.62	0.62	3.66	0.056
perfectly	5	7	0.62	0.87	0.34	0.559
Total	225	200	27.95	24.92	0.93	0.336

Note: "RF" stands for "raw frequency"; "SF" stands for "standardized frequency (per 10,000)"; $P < 0.01$ indicates a strong significant difference; $0.01 < P < 0.05$ indicates a significant difference; $P > 0.05$ indicates no significant difference.

When examining individual lexical items, only "totally," "entirely," and "absolutely" exhibit noteworthy distinctions, while the remaining ones do not. In this methodology, we solely

scrutinize the maximizers with significant differences in the two corpora, overlooking the high-frequency maximizers. Nevertheless, adopting the Extended Units of Meaning (EUM) perspective enables a comprehensive analysis of maximizers across lexical, syntactic, semantic, and pragmatic dimensions. Due to space constraints, this paper offers an in-depth exploration of "fully" in the subsequent sections.

Table 2 The top 10 significant collocates of *fully*

CLMA_C					ILJA_C				
Collocates	F(c)	F(n, c)	MI3	LLD	Collocates	F(c)	F(n, c)	MI3	LLD
be	29637	37	11.06	152	be	25357	45	11.84	200
not	2511	14	10.42	94	to	20200	37	11.32	162
understand	696	8	9.85	66	not	3479	19	10.97	120
can	3850	10	8.34	54	that	9806	21	9.91	94
explain	384	5	8.67	44	language	3324	13	9.4	72
they	2363	7	7.51	38	this	5649	12	8.29	52
reflect	268	4	8.22	34	understand	750	7	8.87	50
English	3183	6	6.41	28	develop	491	6	8.81	48
teacher	786	4	6.67	28	more	2519	7	7.12	34
use	4190	7	6.68	28	yet	193	4	8.4	34

Note: F (c) represents the raw frequency of collocates. F (n, c) is the co-occurrence frequency of the node and collocates (± 5). The co-occurrence frequency, LLD value and MI3 are set to 2, 3.84, 3, the majority of verbs (including *be* verb) covers all their inflected form.

1. Identify the collocates of maximizers and classify the colligation patterns of "fully" in CLMA_C and ILJA_C respectively.

In ILJA_C, the collocates to the left side of "fully" can be grammatically categorized into two types: infinitive phrases and Be-verbs. To the right side of "fully," most of the collocates are lexical verbs, such as "understand," and "develop," or adjectives, such as "acceptable". Overall, they can be classified into two types of colligation patterns: "infinitive phrases+fully+mental verbs" and "Be-verbs+fully+passive voice of communication verbs/action verbs/happening verbs /evaluative adjectives."

In CLMA_C, "fully" is often collocated with modal verbs and Be-verbs. The prevalence of modal verbs is attributed to native language transfer, as Chinese learners frequently use "能/能够 (have an ability to do something)" in Chinese, conveying the author's subjective confidence in interpreting linguistic phenomena. The English equivalents are typically "can/could/will." On the right side, collocates resemble those used by experts, involving lexical verbs like "understand," "explain," and "reflect," or adjectives like "consistent" and "grammatical." These form two colligation patterns: "modal verbs + fully + communication/mental/existence verbs" and "Be-verbs + fully + passive voice of communication/action/happening/mental/existence verbs, or evaluative/relational adjectives." The first pattern is less common in ILJA_C, potentially indicating the developmental aspect of Chinese MA learners and their seemingly congruent colligational patterns.

2. Identify the collocates of "fully" and summarize the semantic preference and semantic

prosody of "fully" hyping in ILJA_C and CLMA_C respectively.

Through indexing concordance lines, it can be found that in ILJA_C, when "fully" is collocated with "require to", "need to", "enable to" at the left side, indicating obligation and ability, most of the collocates to the right side of it are mental verbs, such as "understand", "develop", etc. These mental verbs are usually accompanied by noun phrases such as "the complexity of", "factual information."

In ILJA_C, when "fully" is paired with expressions like "require to," "need to," and "enable to" indicating obligation and ability, the subsequent collocates on the right side often include mental verbs such as "understand" and "develop." These mental verbs are frequently accompanied by noun phrases like "the complexity of" and "factual information."

Experts strategically employ the maximizer "fully" in their research papers to accentuate or hype a high degree of involvement. The semantic preference of "fully" is evident in its collocation with expressions indicating obligation and ability on the left side, such as "require to," "need to," and "enable to," as well as with mental verbs like "understand" and "develop" on the right side. The use of accompanying noun phrases, like "the complexity of" and "factual information," highlights the author's preference for emphasizing the thoroughness and completeness of mental processes, aligning with the maximizer "fully." This semantic preference conveys the idea that when grappling with intricate theories or data, a comprehensive and thorough approach is essential. It underscores the notion that the actions described by the mental verbs should be executed to their fullest extent.

The semantic prosody of "fully" in this context is positive, contributing to a tone that is affirmative and commendatory. The author's choice of words creates a positive association with the maximizer "fully," suggesting that a thorough engagement with complex theories or data is not only recommended but also essential and praiseworthy.

In summary, the semantic preference of "fully" here emphasizes thoroughness and completeness in mental processes, especially in understanding and developing approaches to complex theories or data. The semantic prosody aligns with a positive and commendatory tone, reinforcing the notion that a comprehensive approach is not only advisable but also imperative and commendable.

When "fully" is paired with Be-verbs on the left, most right-side collocates are passive constructions of lexical verbs related to communication, action, occurrence, and evaluative adjectives, like "explained," "supported," "acceptable," etc. This pattern suggests a semantic preference, conveying "The theory or data is thoroughly explained, substantiated, and appropriately accepted, aligning with the intended state of the author," indicating a positive stance. Overall, the semantic preference of "fully" in international journal articles can be summarized as "facing complex theories or data, the author must fully comprehend and articulate them. This ensures readers readily accept their perspectives, reaching the expected state of the author," presenting an objective and positive semantic prosody.

Compared to ILJA_C, CLMA_C shows a reduced collocation frequency between "fully" and infinitive phrases but an increased frequency with modal verbs. Notably, many of these modals, like "can," "could," "may," "will," are permission or volition verbs. The right-side lexical verbs, often co-occurring with these modals, include communication, mental, and existential verbs like "explain," "understand," "reflect." Concordance lines suggest these verbs often pair with noun phrases related to "theory, utterances, evaluative features," indicating a semantic preference of "subjectively desiring to fully interpret the theory and understand the meaning of language," expressing the author's positive subjective initiative.

The semantic preference of "fully" in CLMA_C suggests a subjective desire for a thorough interpretation of theories and understanding language nuances, reflecting the author's positive initiative. The semantic prosody maintains a positive and affirmative stance. In contrast, the commendatory tone in ILJA_C leans towards "rhetorical hype," using rhetorical devices to exaggerate descriptions for praise, admiration, or approval. This creates a positive atmosphere, aligning with the goal of rhetorical exaggeration, distinct from the affirmative tone in CLMA_C that focuses on confirmation or agreement.

Therefore, when aiming for the strategy of "rhetorical hype," it is more suitable to employ a "commendatory" tone to emphasize, exaggerate, and capture attention effectively.

When "fully" is collocated with a Be-verb to the left, the types of verbs and adjectives to the right resemble those found in international journal articles, demonstrating a semantic preference of something to be fully utilized and reach expectation state. But the subject of the Be-verb is typically a relatively vague concept. For example:

- (1) ...and thus **the public expectations are fully satisfied** (CLMA_C).
- (2) It is claimed that **the theoretical statements are fully consistent** with... (CLMA_C).

In contrast, the subject of international journal authors is usually a more concrete concept. For example:

- (3) ... writers whose **language proficiency is not fully developed** (ILJA_C).
- (4) **Silva and Leki's (2004) description of L1 composition's view of language, is most fully articulated** by Berlin (1988) (ILJA_C).

Chinese English learners, using "fully," prefer vague subjects like "public expectations," indicating fulfillment or general statements. This reflects a tendency toward generalized language use. In contrast, experts pair "fully" with concrete subjects, emphasizing maximization in specific contexts, making its usage more specific.

In Chinese MA examples, the semantic prosody of "fully" may convey a positive tone, indicating satisfaction or accomplishment. In contrast, international journal experts emphasize completeness in specific contexts, reflecting a rigorous and in-depth approach.

Chinese English learners tend to select vague concepts as subjects when using "fully," possibly indicating a preference for generalizations and a potential variation in their understanding of specificity and accuracy in academic writing. This may stem from differences in language learning stages and familiarity with specific terms and concepts.

In contrast, international journal authors prioritize presenting the degree of "fully" in specific contexts with concrete subjects, indicative of a higher requirement for precision and specificity in academic expression.

Table 3 and Table 4 provide specific information of EUM of maximizer "fully" hyping in ILJA_C and CLMA_C respectively.

Table 3 The EUM of *fully* in ILJA_C

Collocation	require to, needed to, enable to, etc.	fully	understand, develop, grasp etc.
	be, is, are, was		explained, supported, acceptable, etc.
	infinitive nhrases		mental verb

Colligation	minimizing phrases		mental verbs
	Be-verbs		passive forms of verbs related to communication, action, occurrence, and evaluative adjectives
Semantic preference	the author intends to convey the idea that when engaging with complex theories or data, it is crucial to approach them with a comprehensive and thorough mindset.		
	The theory or data is thoroughly explained, substantiated, and appropriately accepted, aligning with the intended state of the author.		
Semantic prosody	with a positive and commendatory tone		
	objective and positive semantic prosody		

Table 4 The EUM of *fully* in CLMA_C

Collocation	can, could, may, will	fully	understand, explain, reflect
	be, is, are, was		utilized, reflected, grammatical, consistent
Colligation	Modal verb		communication, mental or existence verbs
	Be-verb		passive forms of verbs related to communication, action, occurrence, and evaluative adjectives
Semantic preference	Leaners' subjective desire for a thorough interpretation of theories and understanding language nuances		
	something to be fully utilized and reach expectation state and generalizations or a potential variation in their understanding of specificity and accuracy in academic writing		
Semantic prosody	a positive and affirmative stance		
	positive inclination towards a more generalized and broadly-stated language usage style		

Conclusion

This paper mainly examines the EUM of maximizer “fully” hyping in CLMA_C and ILJA_C. The study found that overall the EUM of high-frequency “fully” in both corpora have significant differences in their colligation, semantic preference and semantic prosody. At the formal level, compared to international journal experts, Chinese MA learners tend to use collocates and colligational forms that are rarely used by international journal authors. This phenomenon may be influenced by native language transfer and embodies their interlanguage developmental features. Concerning semantic preference, Chinese MA learners tend to hype their subjectively desiring to fully interpret the theory and understand the meaning of language. While international journal experts tend to hype their engagements with approaching complex theories or data in a comprehensive and thorough mindset. In the realm of semantic prosody, experts employ a commendatory tone, while Chinese MA learners manifest a positive and affirmative tone, which does not effectively showcase the use of hyping strategies. In teaching practice, teachers should enhance learners' awareness of the relationship between form and meaning in language use. Learners should accurately grasp the EUM of each maximizer from both the formal and semantic levels to improve the quality of academic writing.

Библиография

1. Ochodo, E. A., de Haan, M. C., Reitsma, J. B., Hooft, L., Bossuyt, P. M., & Leeflang, M. M. (2013). Overinterpretation and misreporting of diagnostic accuracy studies: evidence of

"spin". *Radiology*, 267(2), 581–588.

2. Macleod, M. R., Michie, S., Roberts, I., Dirnagl, U., Chalmers, I., Ioannidis, J. P., ... & Glasziou, P. (2014). Biomedical research: increasing value, reducing waste. *The Lancet*, 383(9912), 101–104.

3. Liu, G.B., Fanyu, W. & Bingham, Z. (2021). The Local Grammar Patterns of Evaluation in Chinese and Western Scholars' Research Articles. *Foreign Languages and Their Teaching*, 1(2), 62.

4. Gilbert, G. & Mulkay, M. (1984). *Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Millar, N., Salager-Meyer, F. & Budgell, B. (2019). "It is important to reinforce the importance of ...": "Hype" in reports of randomized controlled trials. *English for Specific Purposes*, 54, 139–151.

6. Hyland, K., & Jiang, F. K. (2021). 'Our striking results demonstrate...': Persuasion and the growth of academic hype. *Journal of Pragmatics*, 182, 189–202.

7. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse studies*, 7(2), 173–192.

8. Granger, S. (1998). Prefabricated patterns in advanced EFL writing: Collocations and lexical phrases. *Phraseology: Theory, analysis and applications*. Oxford: Clarendon Press.

9. Lorenz, G. (2014). Overstatement in advanced learners' writing: stylistic aspects of adjective intensification 1. In: *Learner English on computer* (pp. 53–66). London: Routledge.

10. Zhang X.H. (2010). A Corpus-driven Study of Extended Units of Meaning: Taking Maximizers as an Example. *Foreign Languages and Their Teaching*, 4, 25–30.

11. Wang, H.H. & Guohua, C. (2007). An Investigation into the Developmental Features of Chinese EFL Learners' Use of Amplifier Collocations: A Corpus-based Approach. *Journal Foreign Languages* 167(1), 52–58.

12. Özbay, A. Ş., & Aydemir, T. (2017). The Use of Maximizers and Semantic Prosodic Awareness of Tertiary Level Turkish EFL Learners. *Journal of Education and Practice*, 8, 40–50.

13. Alrajhi, M. (2019). The Semantic Prosody and Semantic Preference of Maximizers in Saudi EFL Writings. *International Journal of Language and Linguistics*, 6(3), 30–39.

14. Sinclair, J. & Carter, R. (2004). *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. London: Routledge.

15. Quirk, R., Greenbaum, G., Leech, G. & Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.

16. Altenberg, B. (1991). Amplifier collocations in spoken English. In: S. Johansson (Ed.). *English Computer Corpora: Selected Papers and Research Guide*, pp. 127–130.

17. Yaoyu, W. E. I., & Lei, L. (2011). The use of amplifiers in the doctoral dissertations of Chinese EFL learners. *Chinese Journal of Applied Linguistics*, 34(1), 47–61.

18. Partington, A. (2001). Patterns and meanings: using corpora for English language research and teaching. *International Journal of Corpus Linguistics*, 6(1), 155–158.

19. Yu, W. & Li, Zhongzheng. (2017). Corpus-based Research on Extended Meanings of English and Chinese Maximizers. *Foreign Language Education*, 38(5), 32–37.

20. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.

21. Kennedy, G. (2003). Amplifier collocations in the British National Corpus: Implications for English language teaching. *TESOL Quarterly*, 37(3), 467–477.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Гиперболизация максимизаторов в академическом дискурсе китайских студентов-магистрантов и ученых: исследование на базе EUM», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представлена на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей.

В рамках рецензируемой работы автор обращается к изучению особенностей академического дискурса.

Целью статьи является изучение характеристики максимизаторов в международных журнальных статьях и академических статьях на английском языке, написанных обучающимися и выявления их особенностей.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала, статистические методы и др. К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены работы исключительно зарубежных исследователей. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Гиперболизация максимизаторов в академическом дискурсе китайских студентов-магистрантов и ученых: исследование на базе EUM» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шукуров Д.Л. Анаграмма «неизвестного поэта» в романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь» // Litera. 2024. № 3. С. 94-104. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70135 EDN: NBIYTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70135

Анаграмма «неизвестного поэта» в романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь»

Шукуров Дмитрий Леонидович

ORCID: 0000-0002-3463-7611

доктор филологических наук

заведующий кафедрой истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет

153000, Россия, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 7

✉ shoudmitry@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70135

EDN:

NBIYTY

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2024

Дата публикации:

27-03-2024

Аннотация: В статье проанализированы скрытые семантические ассоциации, аллюзии и реминисценции, связанные с художественным приёмом анаграммирования фамилии главного героя романа К.К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928) – «неизвестного поэта» Агафонова. Предметом нашего исследовательского внимания стал лингвокультурологический комплекс ассоциаций в составе неполной анаграммы фамилии писателя (Вагинов) в семейной «маске» автобиографического героя (Агафонов). Особое внимание уделено анализу феноменологической структуры данного образа, основанной на элементарных семантических связях с формально отсутствующим лингвокультурологическим комплексом реконструируемого контекста: «дионисийской» составляющей (мотив «неизвестного бога» в прадионисийских культах); культурно-

семантическим стереотипом Серебряного века (в частности, очевидны черты символистского «поэта-теурга»); ницшеанским образом «художника опьянения и сна»; и наконец, с древнегреческой этимологией слова-понятия ἀγάπη (любовь, христианские трапезы любви) в структуре фамилии рассматриваемого персонажа – Агафонов. Приём анаграммирования представлен в ракурсе художественной телеологии вагиновского произведения и рассматривается нами в рамках методологических установок исторической поэтики (О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтин) и избирательно применяемых методов деконструктивистского анализа. В рамках анализа феноменологической структуры образа «неизвестного поэта» мы стремились, используя широкий спектр интерпретационных возможностей вагиновского текста, продемонстрировать скрытые семантические структуры, связанные с анаграммой фамилии главного героя романа – «неизвестного поэта» Агафопова. Основным результатом проведённого исследования является вывод о том, что приём анаграммирования представлен у К. К. Вагинова в ракурсе художественной телеологии романного повествования, которое основано на принципе полифункционального взаимодействия автора и персонажа. Особым исследовательским вкладом в разработку представленной темы является указание на конкретные структурно-семантические комплексы, связывающие фамилию героя вагиновского романа с широкой лингвокультурологической традицией – от античности (диалог «Пир» Платона) до эпохи модерна («Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше).

Ключевые слова:

Серебряный век, автор, персонаж, роман, нарратив, анаграмма, ницшеанство, дионисизм, кризис культуры, интертекст

В структуре романа К. К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928) имена персонажей в большинстве своём предстают как индексальные знаки прототипов. Дело в том, что сам роман создавался как произведение, во многом предназначавшееся для определённого круга читателей (иногда в связи с этим используют выражение «круг М.М. Бахтина», участником которого был писатель ^[1]). Современники писателя вспоминают, что очень часто К. К. Вагинов читал отдельные главы своих ещё незавершённых произведений на своеобразных салонных заседаниях, на которых собирались, как правило, его ближайшие друзья и знакомые ^[2]. О. В. Шиндина справедливо отмечала, что важная особенность вагиновского творчества заключается в том, что оно «...мимикрировало под маргинальную, кружковую литературу, сюжетно осваивавшую тему писательского быта и как бы не предназначавшуюся для широкого читателя» ^[3, с. 153].

Диапазон индексальных признаков, идентифицирующих личность того или иного прототипа (а почти каждый герой в структуре вагиновских произведений имеет своего реального «двойника»), достаточно велик. За многими героями романа «Козлиная песнь» тянется шлейф явных культурно-семантических стереотипов ^[4], закреплённых в памяти общества за тем или иным культурным представителем (ср., например, очевидную аллюзию в паре «Заэвфратский — Н. Гумилёв») ^[5].

С другой стороны, целая система индивидуальных герметически замкнутых артефактов настраивает читательское восприятие на процесс дешифровки ^[6]. Н. К. Чуковский в своих воспоминаниях о К. К. Вагинове отмечал, что «... не только его стихи, но и его романы представляют собой как бы криптограммы, как бы зашифрованные документы,

причём ключ от шифра он не дал никому» [\[7, с. 179\]](#).

Индексальная ассоциация пространного имени автобиографического героя К. К. Вагинова «неизвестного поэта» Агафонова для нас является важным феноменологическим обнаружением и представляет ключевую идеограмму, кодирующую иноимённо-ипостасное множество в структуре вагиновских произведений. Концепция творчества «неизвестного поэта» в романе «Козлиная песнь» являет творческую программу самого писателя.

Предметом нашего исследовательского внимания стал лингвокультурологический комплекс ассоциаций в составе неполной анаграммы фамилии писателя (*Вагинов*) в фамильной «маске» автобиографического героя (*Агафонов*).

Особое внимание уделено анализу феноменологической структуры данного образа, основанной на элементарных семантических связях с формально отсутствующим лингвокультурологическим комплексом реконструируемого контекста. Приём анаграммирования представлен в ракурсе художественной телеологии вагиновского произведения и рассматривается нами в рамках методологических установок исторической поэтики (О.М. Фрейденберг [\[8, 9, 10\]](#), М.М. Бахтин [\[11\]](#)) и избирательно применяемых методов деконструктивистского анализа [\[12\]](#).

Итак, обратим внимание на феноменологическую структуру образа. В *начале, середине и конце* романа именные *означающие* рассматриваемого образа построены как паралогические идиомы: «будущий неизвестный поэт», «неизвестный поэт», «бывший не|известный поэт». В структуре произведения эти оксюморонные сочетания напоминают лакановские *плавающие означающие*: «Само отсутствие и порождает имя в момент сво|его происхождения» [\[13, р. 55\]](#). Пустота, отсутствие и неизвестность объекта настолько очевидны, что вызывают его парадоксальную идиоматическую выраженность — *означающее*, выскользнув из-под власти *означаемого*, возвращает его в качестве собственной атрибутивности: «Поэт чувствовал себя теперь только Агафоновым» [\[14, с. 124\]](#), — говорится в романе. Подобных *плавающих означающих* — знаков отсутствующих объектов — в текстах произведений К. К. Вагинова содержится множество. Можно сказать, что все его произведения построены на «отсутствующих структурах», *означающие* которых — индексальные коды прототипических персонажей, транссемиотические цитаты, литературные реминисценции и аллюзии — составляют своеобразное интертекстовое пространство, в основе которого — поэтика «чужого слова» [\[15, 16\]](#).

В своё время проблема анаграмм вызвала обострённый научный интерес. Например, О. М. Фрейденберг изучала звуковые и слоговые повторы ключевого слова в рамках греческой и латинской традиции [\[8\]](#). Известно, что Ф. де Соссюр [\[17\]](#) считал приём анаграммирования свойством всей индоевропейской поэтической традиции, что и подтверждается современными исследованиями [\[18\]](#). Однако О. М. Фрейденберг рассматривала анаграммы в ряду с основными особенностями архаического мышления, что значительно расширяет перспективу научного анализа.

Возвращаясь к рассмотрению нашего *плавающего означающего* — образу «неизвестного поэта», отметим, что совсем нетрудно в фамилии героя обнаружить неполную анаграмму фамилии его автора: Агафонов — Вагинов. (На что и указали в своих примечаниях к ро|ману «Козлиная песнь» Т. Л. Никольская и В. И. Эрль, ссылаясь, впрочем, на мнение С.

И. Николаева [\[19, с. 557\]](#)).

Приём анаграммирования связан с определёнными религиозными представлениями древних, согласно которым ритуальные обращения к богу должны включать в себя звуки и слоги его имени [\[20\]](#). Это было обусловлено, по Ф. де Соссюру, существовавшим табу имени божества — религиозным запретом на произнесение сакрального имени.

Название романа «Козлиная песнь», как это отмечают все исследователи вагиновского творчества [\[21, 22\]](#), отсылает к архаической модели мира, к дионисийским мистериям древности, связанным с ритуальными жертвоприношениями людей и их коррелятов-заместителей — животных. Как известно, эти мистерии, имевшие изначально чисто ритуальный характер, в дальнейшем стали структурной основой для создания древнегреческой трагедии (в переводе с древнегреческого слово *τραῶδία* буквально значит «песнь козлов»): «Прямая отсылка к античному жанру трагедии, — отмечала О. В. Шиндина, — позволяет Вагину использовать те глубинные механизмы смыслообразования, которые были выработаны ею, и подключить к роману мощный слой мифопоэтических представлений» [\[23, с. 162\]](#).

Художественное пространство вагиновских романов имплицитно содержит в себе литературно обработанную античную архаику с её магией имени и сакральными персонажами [\[24-27\]](#). Традиции средневековых макабрических мистерий, а также ритуалы карнавального увенчания-развенчания шутовского короля, балаганные и шутовские действия эпохи Возрождения, выполняя функцию культурных кодов, насыщают вагиновский текст нарушенной логикой перевёрнутых иерархий и вывернутых наизнанку структур [\[28, 29\]](#).

Мениппейная традиция с её жанровыми особенностями играет немаловажную роль в романе «Козлиная песнь». Обыгрывание жанровых структур *симпосиона* в перспективе от платоновского «Пира», «Пира» Лукиана и «Сатирикона» Петрония до пушкинского «Пира во время чумы» несёт значительную смысловую нагрузку в структуре произведения [\[23, с. 163\]](#) и связано, прежде всего, именно с образом «неизвестного поэта».

Изначальная знаковая «пустота» идиоматического выражения «неизвестный поэт» — в начале романа идентифицируется как объект (глава «Детство и юность неизвестного поэта»). Затем — как автобиографический герой К. К. Вагинова. Постепенно окружаясь культурными кодами и обрастая смысловыми обертонами, эта изначальная «пустота» образа (его отсутствие, неизвестность и неопределённость) оформляется как семантически выпуклое *плавающее означающее* — анаграмматическое *Агафонов*: «Смерть Диониса в ритуале, — указывала О. В. Шиндина, — как известно, символизируется жертвенным закланием козла, которое, по сути, оборачивается мнимой смертью, что служит источником для возникновения идеи травестийности. В сущности, роман образа автора оказывается своеобразным заклинательным обращением к судьбе, призванным заместить образ автора иной жертвенной фигурой, причём процесс замещения становится многослойным: реальный автор отчасти заменяет себя персонажем образа автора, которому, в свою очередь, удаётся избежать смерти за счёт “принесения в жертву” неизвестного поэта, несущего в себе черты как образа автора, так и самого писателя» [\[23, с. 162\]](#).

Отметим, что для большинства художественных образов у К. К. Вагинова и связанных с ними культурно-семантических комплексов, аллюзий и реминисценций, скрытых цитат,

свойственна стилистическая полиметафоричность и полисемантическая атрибутивность.

Полисемантика образа анаграммного *Агафонова* очевидна — идиоматическое выражение «неизвестный поэт» (*будущий, бывший*) корреспондирует в структуре знака с множественным диффузным *означаемым*:

- с автобиографической подосновой образа (целый комплекс индексальных признаков);
- с его «дионисийской» составляющей (мотив «неизвестного бога» в прадонисийских культах);
- с культурно-семантическим стереотипом современности (в частности, очевидны черты символистского поэта-теурга [\[30\]](#));
- с образом ницшевского художника «опьянения и сна» («Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше);
- наконец, с древнегреческой этимологией $\pi\acute{\alpha}\rho\eta$ (любовь, христианские трапезы любви).

Однако полисемантичесность образа не только не упорядочена структурно, но и не закреплена за *означающим*. Полиморфная структура текста освобождает образ от однозначной (и даже многозначной) интерпретации.

Рассмотрим одно из коннотативных значений в анаграмматической конструкции имени собственного *Агафонов*. Это поможет достичь и результирующего эффекта в интерпретации. Одним из основателей жанра пиршественных бесед — *симпосиона* ($\sigma\upsilon\mu\pi\omicron\sigma\iota\omicron\nu$ — древнегреч. *пиршество, попойка*) — считается Платон. Действительно, классическим образцом этой жанровой структуры является знаменитый платоновский диалог «Пир». Несколько слов о композиции этого диалога. Рассказ о симпосионе, состоявшемся в доме поэта *Агафона* (*sic!*), является обрамлённым в несколько повествовательных структур-оболочек. Повествование восходит к третьему или даже к четвёртому его передатчику. О. М. Фрейденберг указывала, что фольклорный характер такой композиции вполне очевиден и легко обнаруживается при сличении с композициями повествований у других древних народов, например, в рассказах Шехерезады или в индийских параболах: «Часто такая композиция “завёрнутых” внутрь рассказов носит характер атемпорального “обрамления”, наполненного нарративами, лежащими одна в другой... Такое “раскрывание” Логоса было аналогично раскрыванию занавеса над подмостками балагана (или храмовой святыней), или ящика с божками, или того статуарного силена, внутри которого находилась сияющая красота (“Пир”): показ заменял рассказ» [\[9, с. 223\]](#).

В платоновском «Пире», философском по содержанию произведении (однако вполне «карнавальном» по форме), кроме центрального предмета обсуждения — значении возвышенного («небесного») и низменного («гибриста») Эросов — ставится и вопрос о соотношении *трагического* и *комического* искусств. События диалога отодвинуты в далёкое прошлое и отнесены к реальным историческим лицам. Существенной жанровой особенностью «Пира» является то, что (как и в комедии) здесь речь идёт об умерших героях (ср. у К.К. Вагинова: «... литературу можно сравнить с загробным существованием. Литература по-настоящему и есть загробное существование» [\[14, с. 184\]](#)), которые и подвергаются инвективному осмеянию. Исследования О. М. Фрейденберг по древнегреческому фольклору доказывают, что в этом состоял культовый, воскрешающий смысл инвективы.

Ситуации в начале и конце пира намекают на сатурналии. Хозяин дома, где совершается действие, *Агафон* (афинский поэт-трагик — ок. 448/45 — ок. 400/399) предлагает рабам самостоятельно вести празднество, без указаний и распоряжений — так, как будто хозяевами были бы сами рабы: «Пирующие рабы, узурпирующие функцию господ, — отмечала О. М. Фрейденберг, — могли быть действующими лицами сатурнического мима. <...> Тут главное действие занято под пир рабов, происходящий непосредственно на сцене; рабы пьют и распутничают, а их хозяева где-то за кулисами воссоединяются со своими женами. Замечательный пример такого древнего сатурнического мима и даёт платоновский «Пир»» [\[9, с. 245\]](#). Уподобление Сократа сатирам и силенам также продолжает фольклорную проблематику, намекая на семантику раздвоенного персонажа: «Вот фигура, в которой сливаются связи мистерии, философии и мима! Сократ, эта инкарнация «истины» и «обмана», одновременно является и фольклорным философом, и философом реальным, и персонажем философского мима, и маской балаганного шута, и воплощением мистериальных идей, и героем древней комедии. Как ни «народна» и ни разношерстна его балаганная характеристика, но самый полный и подлинный его портрет дан Платоном в «Пире». С точки зрения смысловой конструкции весь этот «Пир» построен на идее раздвоения — того раздвоения, которое по-разному варьируется и философией, и балаганом» [\[9, с. 240\]](#).

С другой стороны, дополняет тему фольклорно-мистериальных сатурналий приход пьяных комастов, устраивающих шум и беспорядок в конце пира. В «Пире» своеобразными репрезентантами жанров *трагедии* и *комедии* выступают соответственно *Агафон* (ср. происходящую в «Козлиной песни» идентификацию между образом автора и образом «неизвестного поэта» *Агафонова*) и *Аристофан*. В начале диалога — обсуждение победы *Агафона*, перечисление его достоинств как трагедийного поэта. В конце — пьяный комос, считающийся главным элементом комедии: «Внешне одетый в «комическое», весь «Пир», по существу, мистериален, — подчёркивает О. М. Фрейденберг, — ...Он в своём целом восходит, как симпосий, к *дионисийству*, к *мистериям Вакха-Эроса*: мы знаем, что именно в мистериях увенчанные мисты ведут подобные же симпосии (совместные винопития) и на полях *Элизия*, где умершие совершают за столом трапезу с винопитием, происходят такие же симпосии» [\[9, с. 242\]](#).

Все действующие лица к моменту рассуждения о *трагическом* и *комическом* уже покинули сцену — либо отдыхают, либо разошлись по домам. Из трёх участников беседы действие покидает сначала *Аристофан* (он засыпает); вторым на рассвете (мотив восходящей зари — «божественной Эос» — один из ключевых в поэзии и прозе — особенно ранней прозе К. К. Вагинова) — хозяин пира, *Агафон*; и только *Сократ*, объединяющий, по мысли Платона, противоположности *комического* и *трагического*, уходит последним: «Суть же беседы..., — как передаёт Аристодем, следивший за происходящим сквозь сон, — состояла в том, что Сократ вынудил их признать, что один и тот же человек должен уметь сочинить и *комедию* и *трагедию* и что искусный трагический поэт является также и поэтом комическим» [\[31, с. 134\]](#).

Основная идея состоявшейся между *Сократом*, *Агафоном* и *Аристофаном* беседы, отмечал А. Ф. Лосев в комментарии к диалогу, заключается в том, что подлинное художественное мироощущение всегда противостоит известной условности жанровых установок: «Говоря о том, что искусный трагический поэт должен уметь сочинить и комедию, Сократ имеет в виду не только выучку и мастерство..., которые дают возможность человеку выработать разносторонние способности и навыки. Здесь скорее идёт речь о внутреннем глубоком осмыслении жизни, которую творец (а не только

выученный мастер) видит в разных аспектах, которые умеет воплотить в равной мере выразительно» [\[31, с. 455\]](#).

Несмотря на строгий классический канон, свойственный античным жанрам, нельзя забывать и об обратной стороне, «изнанке» канона (ср.: *трагедия — козлиная песнь*); нельзя забывать и о мистериальной основе античных жанров.

Афинский поэт-трагик *Агафон* славился своим необыкновенным изяществом и красотой. У Аристофана в комедии «Женщины на празднестве Фесмофорий» (411 г. до н.э.) *Агафон* является в женском наряде; он одновременно декламирует от лица корифея и поёт, подражая хору. Семантика подобных перевоплощений подробно исследована в трудах М. Элиаде (о ритуальном переодевании и половом маскараде как о символическом достижении андрогинной целостности см. его работу: [\[32\]](#)). О. М. Фрейденберг объясняет их, прежде всего, особенностями тотемистического мышления, представлениями о коллективном, множественном субъекте, совершающем действие в мистериальных актах, которые и стали структурной основой многочисленных жанров античности: «Тотемистическое мышление есть мышление автобиографическое: для него мир — это тотем, а тотем — это каждый человек, взятый совокупно и отдельно. Есть только одно всеобщее собирательное "я", на лицо которого наброшена маска безличного хорового коллективизма: это грамматически третье лицо множественного числа, которое, однако, является первым лицом единственного. Всё, что происходит, происходит в тотеме; мир — его автобиография. Он движется и поёт, но это рассказ о себе самом, всегда обращённый к самому себе. Нет ничего в природе, что не было бы вообще обращено к кому-нибудь... Тотем, оплакивая умершего, оплакивает в нём себя; смеясь акту плодородия, он радуется себе, победная песня, которую он поёт, говорит о победе его» [\[10, с. 127–128\]](#).

Подражание *Агафона* пению хора и его выступление в качестве корифея этого хора коррелятивно в структуре «Козлиной песни» процессу распада образа автора на отдельные персонажи-маски — эманации авторской личности, *образы-означающие* демиурга (ср. фрагмент из ранней редакции «Козлиной песни»: «Я добр, — размышляю я, — я по-тепёлкински прекраснодушен. Я обладаю тончайшим вкусом Кости Ротикова, концепцией неизвестного поэта, простоватостью Троицына. Я сделан из теста моих героев...» [\[14, с. 505\]](#)).

В проведённом анализе феноменологической структуры образа «неизвестного поэта», используя широкий спектр интерпретационных возможностей вагиновского текста, мы стремились продемонстрировать скрытые семантические структуры, связанные с анаграммой фамилии главного героя романа — «неизвестного поэта» *Агафопова*. Приём анаграммирования представлен у К. К. Вагинова в ракурсе художественной телеологии романного повествования, которое основано на принципе полифункционального взаимодействия автора и персонажа.

Основным результатом проведённого исследования является вывод о том, что приём анаграммирования представлен у К. К. Вагинова в ракурсе художественной телеологии романного повествования, которое основано на принципе полифункционального взаимодействия автора и персонажа. Особым исследовательским вкладом в разработку представленной темы является указание на конкретные структурно-семантические комплексы, связывающие фамилию героя вагиновского романа с широкой лингвокультурологической традицией — от античности (диалог «Пир» Платона) до эпохи модерна («Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше).

Библиография

1. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p.
2. Anemone A. Konstantin Vaginov and the Leningrad Avantgarde: 1921–1934 / A. Anemone; Ph. D. diss. UC Berkley, Michigan 1986. 285 p.
3. Шиндина О. В. О метатекстуальной образности романа Вагинова «Труды и дни Свистонова» // Вторая проза: Русская проза 20–30-х годов XX века. Тренто, 1995. С. 153–177.
4. Сегал Д. М. Творчество Константина Вагинова в культурном контексте // Зеркало. Литературно-художественный журнал. 2022. №59, 60. – URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2022/59/tvorchestvo-konstantina-vaginova-v-kulturnom-kontekste.html>
5. Paleari L. La letteratura e la vita nel romanze di Vaginov // Rassegna Sovietica. 1981. №5. P. 153–170.
6. Бреслер Д. М. Советские «эмоционалисты»: чтение Вагинова в 1960–1980-е // Новое литературное обозрение. 2020. № 164 (№4). С. 233–259.
7. Чуковский Н. К. Константин Вагинов // Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1989. С. 177–200.
8. Фрейденберг О. М. Проблема греческо-го литературного языка // Советское языкознание: [Сборник статей] / Науч.-иссл. ин-т языкознания Ленингр. ин-та истории, философии, лингвистики и лит-ры (Лифли). Ленинград: Ленингр. науч.-иссл. ин-т языкознания, 1935 (тип. «Коминтерн»). В 3 т. Т. 1. С. 5–29.
9. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; подготовка текста, справ.-науч. аппарат, предварение, послесл. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
11. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. №7. С. 227–265.
12. Ширина Н. С. Влияние деконструктивизма на шрифтовую графику XXI века // Культура и искусство. 2021. №12. С. 56–65.
13. Lacan J. Ecrits: A selection. London: Tavistock Publications, 1977. 338 p.
14. Вагинов К. К. Козлиная песнь: романы / К. К. Вагинов; вступ. ст. Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
15. Шукуров Д. Л. Автор и герой в метаповествовательном дискурсе К. К. Вагинова. Иваново: ИГЭУ, 2006. 188 с.
16. Шукуров Д. Л. Поэтика «чужого слова» в творчестве К. К. Вагинова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Иваново, 1998. 228 с.
17. Соссюр Ф. Анаграммы // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 535–649.
18. Струкова Т. В. Анаграмма как энигматический жанр // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 302–309.
19. Никольская Т. Л., Эрль В. И. "Примечания" // Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 544–591.
20. Овчеренко У. В. Грани телесности и анаграмма: текст как тело. Сборник «Культа» И. А. Одегова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 37–41.
21. Strada V. Nota // Vaginov K. Bambocciata. Torino: Einaudi, 1972. P. 169–177.
22. Marcialis, N. Il canto del capro // Il verri. 1983. №29–30. P. 129–143.
23. Шиндина О. В. Театрализация повествования в романе Вагинова «Козлиная песнь» // Театр. 1991. №11. С. 161–171.
24. Сегал Д. М. Константин Вагинов и античность // Античность и культура Серебряного

века: К 85-летию А. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 395–412.

25. Каминская Ю. В. Коллекционирование как основополагающий творческий принцип поэтики К. Вагинова // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 32–41.

26. Чечнев Я. Д. Урбанизм петербургской прозы К.К. Вагинова: «Гарпагониана» как роман о городе эпохи социалистической реконструкции: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – Москва, 2020. 198 с.

27. Чечнев Я. Д. «Мгновенный старик» в романе Константина Вагинова «Гарпагониана» (к вопросу о «возвращенной молодости» как сюжете эпохи социалистической реконструкции) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 109–118.

28. Bonnet Ch. Der Metafiktionale Roman. Untersuchungen zur Prosa Konstantin Vaginovs. München: Verlag Otto Sagner, 1998. 293 s.

29. Von Heyl D. Die Prosa Konstantin Vaginovs. München, 1993. 111 s. (Arbeiten und Texte zur Slavistik 57).

30. Ланда К. Категория «проникновения» у Вяч. Иванова и Данте: опыт духовного восхождения // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1 (77). С. 152–173.

31. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. 528 с.

32. Элиаде М. Мефистофель и андрогин / М. Элиаде; пер. с фр. Е. В. Баевской (предисл., 1-3 гл.), О. В. Давтян (4-5 гл.); Науч. ред. С. С. Тавашерния. СПб.: Алетейя: Унив. кн., 1998. 374 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Константина Вагинова (настоящая фамилия Вагенгейм) – русского прозаика, поэта, представителя ОБЭРИУ – не так частотно становится объектом изучения. Однако, маркировка его текстами Серебряного века, безусловно, есть, что собственно и важно для полновесной оценки истории русской литературы. Он известен как автор модернистских романов «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада», «Гарпагониана». Ведущей темой прозы Константина Вагинова является гибель и крушение т.н. старой, классической петербургской культуры. Приемы, используемые прозаиком, совместимы с гротеском, что нарочито было реализовано в частности у Николая Гоголя. Рецензируемая статья посвящена анализу анаграммы «неизвестный поэт» в романе «Козлиная песнь». Считаю, что выбранная магистраль достаточно интересна, оригинальна, по-своему нова. Автор в начале своего труда отмечает, «в структуре романа К. К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928) имена персонажей в большинстве своём предстают как индексальные знаки прототипов. Дело в том, что сам роман создавался как произведение, во многом предназначавшееся для определённого круга читателей (иногда в связи с этим используют выражение «круг М.М. Бахтина», участником которого был писатель...», «диапазон индексальных признаков, идентифицирующих личность того или иного прототипа (а почти каждый герой в структуре вагиновских произведений имеет своего реального «двойника»), достаточно велик. За многими героями романа «Козлиная песнь» тянется шлейф явных культурно-семантических стереотипов, закреплённых в памяти общества за тем или иным культурным представителем (ср., например, очевидную аллюзию в паре «Заэвфратский — Н. Гумилёв»)). Для исследователя предметная остановка сделана на

индексальной ассоциации имени «неизвестного поэта»: «ассоциация пространного имени автобиографического героя К. К. Вагинова «неизвестного поэта» Агафонова для нас является важным феноменологическим обнаружением и представляет ключевую идеограмму, кодирующую иноимённо-ипостасное множество в структуре вагиновских произведений. Концепция творчества «неизвестного поэта» в романе «Козлиная песнь» являет творческую программу самого писателя». Мотивировка выбора сделана конструктивно, потенциальный читатель получает должную информационную составляющую. Основательна в работе и методологическая база, следовательно, теория и практика синтезируются грамотно: «особое внимание уделено анализу феноменологической структуры данного образа, основанной на элементарных семантических связях с формально отсутствующим лингвокультурологическим комплексом реконструируемого контекста. Приём анаграммирования представлен в ракурсе художественной телеологии вагиновского произведения и рассматривается нами в рамках методологических установок исторической поэтики (О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтин) и избирательно применяемых методов деконструктивистского анализа». Считаю, что работа может стать образчиком для новых сочинений смежной тематической направленности. Примечательно, на мой взгляд, реализуется в статье эффект диалога с уже имеющимися наработками, автор удачно вводит в свой текст эти блоки. Например, «в своё время проблема анаграмм вызвала обострённый научный интерес. Например, О. М. Фрейденберг изучала звуковые и слоговые повторы ключевого слова в рамках греческой и латинской традиции. Известно, что Ф. де Соссюр считал приём анаграммирования свойством всей индоевропейской поэтической традиции, что и подтверждается современными исследованиями. Однако О. М. Фрейденберг рассматривала анаграммы в ряду с основными особенностями архаического мышления, что значительно расширяет перспективу научного анализа». Материал информативен, насыщенность суждений привлекает. Анализ текста сделан весьма грамотно, с погружением в культурный, литературный контекст: «мениппейная традиция с её жанровыми особенностями играет немаловажную роль в романе «Козлиная песнь». Обыгрывание жанровых структур симпозиона в перспективе от платоновского «Пира», «Пира» Лукиана и «Саатирикона» Петрония до пушкинского «Пира во время чумы» несёт значительную смысловую нагрузку в структуре произведения и связано, прежде всего, именно с образом «неизвестного поэта». Большая часть тезисов-наблюдений выверена, фактических нарушений нет. Думаю, что не лишними являются и т.н. промежуточные выводы, они дают возможность ступенчато двигаться по ходу работы. Например, «полисемантика образа анаграммного Агафонова очевидна — идиоматическое выражение «неизвестный поэт» (будущий, бывший) корреспондирует в структуре знака с множественным диффузным означаемым: — с автобиографической подосновой образа (целый комплекс индексальных признаков); — с его «дионисийской» составляющей (мотив «неизвестного бога» в дионисийских культах); — с культурно-семантическим стереотипом современности (в частности, очевидны черты символистского поэта-теурга); — с образом ницшевского художника «опьянения и сна» («Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше); — наконец, с древнегреческой этимологией ἔρως (любовь, христианские трапезы любви)» и т.д. Термины / понятия введены в работу с учетом коннотаций: «все действующие лица к моменту рассуждения о трагическом и комическом уже покинули сцену — либо отдыхают, либо разошлись по домам. Из трёх участников беседы действие покидает сначала Аристофан (он засыпает); вторым на рассвете (мотив восходящей зари — «божественной Эос» — один из ключевых в поэзии и прозе — особенно ранней прозе К. К. Вагинова) — хозяин пира, Агафон; и только Сократ, объединяющий, по мысли Платона, противоположности комического и трагического, уходит последним...». Работа имеет завершённый вид,

тема исследования раскрыта, аргументация имеет существенный характер. В заключительной части автор констатирует: «приём анаграммирования представлен у К. К. Вагинова в ракурсе художественной телеологии романного повествования, которое основано на принципе полифункционального взаимодействия автора и персонажа. Особым исследовательским вкладом в разработку представленной темы является указание на конкретные структурно-семантические комплексы, связывающие фамилию героя вагиновского романа с широкой лингвокультурологической традицией – от античности (диалог «Пир» Платона) до эпохи модерна («Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше)». Список источников объемён (32 номинации); формальные требования издания учтены. С учетом сказанного отмечу: рецензируемая статья «Анаграмма «неизвестного поэта» в романе К.К. Вагинова «Козлиная песнь» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ч. Идеологическая литературная политика И.В. Сталина и Н.С. Хрущева // Litera. 2024. № 3. С. 105-114.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70202 EDN: NIAHAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70202

Идеологическая литературная политика И.В. Сталина и Н.С. Хрущева

Ван Чуюо

ORCID: 0000-0001-6456-0953

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, - область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, оф. -

✉ ChuyaoWang@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70202

EDN:

NIAHAC

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2024

Дата публикации:

28-03-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования оказываются изменения идеологической литературной политики от времен правления страной И. В. Сталиным к периоду прихода к власти Н. С. Хрущева. Автор рассматривает такие аспекты темы, как особенности литературной идеологической политики Сталина, основной чертой которой стал индивидуализм, что оказалось одной из причин преобладания строгого идеологического надзора над литературной деятельностью писателей, а это в свою очередь явилось фундаментом выстраивания творческой концепции социалистического реализма. Данная концепция, разработанная в свете идеологических и политических установок сталинского руководства и надзора писатели, поэты и критики потеряли свою творческую свободу. Это послужило причиной формирования теории о бесконфликтности в литературе, которая нашла свое отражение в целом корпусе публикаций по вопросу. Автором работы отмечается, что к началу 1950-х годов, когда к власти в стране пришел

Н. С. Хрущев, открылся новый путь для создания образцов литературного творчества, поскольку новый политический лидер переосмыслил концепцию социалистического реализма и ликвидировал культ личности Сталина. При исследовании проблем, связанных с анализом идеологии и политических ориентаций выдающихся государственных деятелей СССР, в работе применялись сравнительно-исторический и типологический методы исследования. Для формулирования выводов исследования автором были использованы такие методы, как сравнительно-сопоставительный и описательный. В результате проведенного исследования автором выявлена эволюция в идеологических и политических взглядах руководства государства на протекание литературного процесса в стране, сделан вывод о том, что период правления Н. С. Хрущева по праву может быть назван временем наступления культурной «оттепели» в деятельности писателей, поэтов и критиков. Работа необходима для описания реальности. Однако кажущиеся на первый взгляд очевидными факторы, привносящие в творческий процесс некоторую степень свободы, все же сопровождаются неизбежным ужесточением политики и политического надзора над содержанием литературных произведений, выходящих из пера советских авторов. Следовательно, в результате работы автором сделан вывод, что культурная «оттепель», явно наметившаяся в стране в период правления Хрущева, оказалась незавершенной реформой, поскольку все же содержание творчества должно было вращаться вокруг идей и ориентаций деятельности партии.

Ключевые слова:

идеология, культ личности, культурная оттепель, литературная оттепель, социалистический реализм, Сталин, поствоенный литературный процесс, теория бесконфликтности, Хрущев, эволюция идеологии

Введение

За 30 лет правления Сталина (1924–1953) советская культура достигла высоких результатов, выйдя на глобальный уровень. Однако под влиянием догматизма, ярко проявившегося после провозглашения культа личности Сталина, в культурном плане сформировалась автократическая система. Советское литературное и художественное творчество шло от диверсификации к унификации. Вопреки негласным законам культурного и художественного развития, эта сфера подвергалась необоснованному государственно-административному вмешательству. Стали формироваться нормы руководящей художественной идеологии, что явилось следствием того, что большое количество талантливых представителей творческой интеллигенции было либо подвергнуто жесткой критике, либо уничтожено. Культурный и художественный мир находился в состоянии депрессии, а советская культура впала в глубокий кризис.

Данный кризис в некоторой степени представилось возможным преодолеть лишь во время завершения правления Сталина и развенчания его культа личности, которое случилось в период управления страной Н. С. Хрущевым. Однако столь очевидные меры, послабляющие тотальный контроль за творческой деятельностью, не смогли привести литературу того времени к эффекту полной свободы, оставляя художественные и критические произведения под надзором идеологии и политики. Уточнение особенностей процесса перехода от концепции социалистического реализма, царившей во время сталинского режима, к культурной и литературной «оттепели» в СССР становится необходимым в свете недостаточности внимания исследователей-литературоведов к

данному аспекту развития советского литературного процесса, чем детерминируется **актуальность** настоящей работы.

Изученность проблемы

Не вызывает сомнения тот факт, что закономерности развития поствоенного литературного процесса в СССР не раз попадали в поле внимания исследователей. Глубокую степень научного осмысления получили вопросы, связанные с литературной идеологической политикой того времени (В. М. Померанцев [\[5\]](#), М. Кузнецов [\[2\]](#), Л. Якименко [\[9\]](#)). Кроме того, рассматривается исследователями и теория бесконфликтности в литературе как «продукт» идеологических установок правящей партии (А. Г. Нагапетова [\[3\]](#)).

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном подходе к рассмотрению эволюции политических и идеологических принципов, регулирующих течение поствоенного советского литературного процесса, позволяющих засвидетельствовать формирование явления литературной и культурной «оттепели» в Советском государстве, с одной стороны, и незавершенный характер начатых Хрущевым реформ – с другой.

Цели и задачи исследования

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей протекания эволюции идеологической литературной политики в советском поствоенном литературном процессе от периода правления Сталина ко времени возглавления государства Хрущевым.

Следовательно, перед автором обозначился ряд задач, заключающихся в следующем:

- 1 . провести краткий анализ состояния советского литературного процесса до наступления времени появления сталинской концепции социалистического реализма;
2. очертить особенности регулирования творческой деятельности советских писателей в период правления Сталина;
- 3 . обозначить поворот в идеологической литературной политике после развенчания культа личности Сталина Хрущевым.

Методы и методики исследования

Исследование базируется на использовании таких методов, как сравнительно-исторический, типологический, описательный и сравнительно-сопоставительный. Для оценки особенностей развития советского довоенного литературного процесса (решение первой задачи исследования) автором применялись сравнительно-исторический и описательный методы. Сравнительно-сопоставительный и типологический методы оказались востребованы при решении второй и третьей задачи статьи с целью формулирования выводов об эволюции в политических и идеологических взглядах государства на миссию литературы как транслятора реальности.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о периоде культурной и литературной оттепели в СССР, о факторах, позволяющих свидетельствовать от неоконченности реформ Хрущева в деле предоставления творческой интеллигенции некоторой степени свободы в выражении собственного мнения о реалиях государства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут оказаться востребованы в дальнейших научных изысканиях по вопросам развития поствоенного советского литературного процесса.

Основная часть

С 1930-х по 1950-е годы Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, ядром которого был Сталин, прилагал некоторые активные усилия и принимал некоторые эффективные меры для развития культуры и искусства в Советском Союзе. Таким образом, за этот период Советский Союз добился хороших результатов в области образования, науки, культуры и искусства.

В сфере литературы и искусства появились выдающиеся произведения на тему Великой Отечественной войны. Из поэтических произведений можно особенно выделить «Пулковский меридиан» поэтессы Инбер (1943), «Ленинградскую поэму» Берггольца (1942) и «Василия Теркина», ставшие известными произведениями русской поэзии в XX веке. Прозаики (такие, как А. Толстой, Шолохов, Эренберг, Леонов, Тихонов) создали большое количество рассказов и произведений больших форм, которые показывают героическое сопротивление советского народа фашизму.

Однако отметим, что и еще в довоенный период, в 1920-е годы, был период процветания и развития советской литературы и искусства. Под руководством культурной и художественной политики Коммунистической партии Советского Союза в это время процветала издательская индустрия: появились различные журналы и литературная периодика, а также формировались литературные и художественные группировки, чьи порой ожесточенные дебаты привели к отрядным достижениям во всех областях литературы и искусства. Однако великая трансформация, начавшаяся в конце 1920-х годов, изменила атмосферу в области советской литературы и искусства. Наиболее важной причиной стало становление литературной теории социалистического реализма.

С начала 1930-х годов Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза установил строгие правила и предписания, регулирующие принципы и политику в области культуры и искусства, чтобы усилить идеологический контроль в данных сферах жизни государства и общества. 23 апреля 1932 года Центральный комитет КПСС принял постановление «О реорганизации литературных и художественных организаций». В постановлении указывалось на то, что «несколько лет назад, когда диссиденты, которые были особенно активны в первые дни новой экономической политики, имели большое влияние в литературном мире, а ряды пролетарских литературных кадров были еще очень слабы, партия использовала все средства в области литературы и искусства, чтобы помогать создавать и консолидировать отдельные пролетарские организации» [\[6, с. 151\]](#).

Сталинский период требовал не только единства писателей в организации, но и их единства в мировоззрении, эстетическом мышлении и методах создания произведений.

21–31 августа 1934 года Центральный комитет КПСС провел первый съезд писателей. В Уставе Ассоциации писателей, принятом съездом, говорилось следующее: «социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания

трудящихся в духе социализма» [4, с. 716]. С тех пор «социалистический реализм» был назван фундаментальной теорией и методом советского литературного творчества и литературной критики, а все другие эстетические идеи и методы, существовавшие ранее, были низложены.

Эта теория литературного творчества оказала серьезное влияние на творчество и судьбу литературной интеллигенции. Данный факт проявляется в том, что многие выдающиеся произведения и творения талантливых людей так и не смогли встретиться с читателями. Например, роман Булгакова «Мастер и Маргарита» (опубликован только в 1986 году), «Ювенильное море» Платонова, «Котлован» и «Чевенгур» (выпущены в 1986-1988 годах), «Реквием» Ахматовой (опубликован лишь в 1987 году) и т. д.

ЦК КПСС имел право принимать специальное решение о запрете произведений, которые он считал политически вредными и идеологически враждебными. Например, в 1940 году издательство «Советские писатели» опубликовало подборку произведений Ахматовой, и Генеральный секретарь ЦК КПСС принял специальное решение о закрытии издания, а также наказал издателя и рецензента. Союз советских писателей начал превращаться в инструмент ограничения творческой свободы и даже в механизм преследования писателей.

Однако прямым следствием в области литературы является то, что значительное число советских авторов было поставлено на путь реализации так называемой «теории бесконфликтности» в литературе. Эта группа авторов создавала свои произведения в соответствии с требованиями социалистического реализма, и в результате появились два типа произведений: один – активно пропагандировал культ личности Сталина; другой – восхвалял вымышленных высоких и совершенных героев. В результате получается, что работы учитывают только идеологию, но совершенно не заботятся об эстетических требованиях общества, а также уклоняются от отображения действительности, в чем собственно и заключается одна из важнейших функций искусства и литературы.

После прихода к власти Хрущева, в ответ на проблемы и скрытые опасности сталинского периода, в сфере культуры был проведен ряд реформ: корректировка культурной политики, реформирование ведущих институтов и реабилитация преследуемой творческой интеллигенции. Советский культурный и художественный мир стал процветать. Наметилось появление феномена известного как культурная «оттепель».

Однако в контексте культурной оттепели также наблюдалась так называемая «холодная волна», то есть ужесточение контроля со стороны идеологического поля, что повлекло за собой определенные последствия.

С 19 ноября по 2 декабря 1953 года Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза провел совещание главных редакторов различных республик и местных газет. На совещании Хрущев предложил более четко обозначить функцию газет, состоящую в мониторинге качества работы правительства и указании на недостатки в деятельности властей в области культуры, что можно считать свидетельством начала сближения государства и литературно-журналистских кругов.

В мае 1954 года в журнале «Флаг» была опубликована первая повесть писателя Эренберга «Оттепель». В романе используется «оттепель» ледяной реки как метафора конца сталинской эпохи. Это вызвало огромный резонанс в советском обществе. Публикация «Оттепели» ознаменовала с тех пор литературные и художественные произведения, разоблачающие «темную сторону» социума, получили название «оттепельной литературы» и сформировали тенденцию. За десять лет правления

Хрущева «оттепельная литература» стала основным направлением развития советской литературы.

15-26 декабря 1954 года в Москве состоялся второй съезд советских писателей, который оказал важное влияние на развитие советской литературы и искусства. Эта встреча сыграла позитивную роль в продвижении культурной «оттепели». Центральный комитет КПСС придавал большое значение этой встрече. Хрущев принимал представителей от писателей. На открытии и закрытии конференции «Правда» опубликовала передовицы, в которых просила писателей активно и смело вмешиваться в жизнь и выявлять противоречия и коллизии в жизни, а также призывала писателей бороться против двух тенденций – это «обеление реальности» и «искажение реальности» [\[1\]](#).

Следует отметить, что на этой конференции писатели имели беспрецедентную свободу слова. Сторонники оттепельной литературы и их противники вели ожесточенные полемике.

В хрущевский период, наряду с процессом реформирования литературного творчества и его поворота в сторону свободы, имело место и явление, не совпадавшее с идеями оттепели, то есть ужесточением и контролем, так называемая «холодная волна». Например, в мае 1954 года правительство официально считало, что произведения писателей Пастернака, Эренберга и других очерняли советскую жизнь или даже клеветали на нее, поэтому представители государственной идеологии жестко критиковали их произведения.

Двадцатый съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся 14-25 февраля 1956 года, стал не только важным съездом в истории Советского Союза, но и важным поворотным моментом в развитии советской культуры. Этот съезд, особенно доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях», вселил новую надежду в советское общество и заложил надежную основу для раскрытия тайны сталинизма и освобождения сознания людей от оков догматизма.

После 20-го съезда Коммунистической партии Советского Союза различные творческие объединения (такие как Союз писателей, Союз художников, Союз музыкантов и Союз кинематографистов) проводили одно за другим собрания, чтобы воплотить в жизнь дух 20-го съезда КПСС и полностью ликвидировать сталинский режим. В то же время интеллигенция в культурных и художественных кругах требует социальной демократизации, интеллектуалы желают большей творческой свободы и нуждаются в ослаблении цензуры культурных и художественных произведений. Это желание было понято и поддержано Центральным комитетом Коммунистической партии Советского Союза.

Открытое идеологическое давление ЦК КПСС на культурное сообщество начало ослабевать. Чиновники ослабили идеологический контроль партии над культурой, сняли некоторые табу в культурной сфере, терпимо отнеслись к существованию различных форм, видов и явлений литературы и искусства. В этот же период активно развивались обмены между Советским Союзом и Западом, создающие благоприятные условия для дальнейшего распространения феномена «оттепели» советской культуры.

Однако следует отметить, что с развитием «оттепельного» направления мысли в литературных и художественных кругах возникла идеологическая неразбериха и сложность, что вызвало беспокойство среди руководителей КПСС. Кроме того, на международном уровне произошел «польско-венгерский инцидент», и Хрущев оказался

в сложной ситуации как внутри партии, так и за ее пределами. Поэтому в 1957 году руководство КПСС решило усилить свой контроль над литературными кругами, что вновь обозначило ведущую функцию государства и правительства в управлении культурной сферой страны.

В июле 1957 года Хрущев выступил с речью о литературе и искусстве на собрании партийного актива, которая затем была опубликована в журнале «Правда» 28 августа под заголовком «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». На этих встречах и выступлениях Хрущев подверг резкой критике «нездоровые тенденции» литературных и художественных кругов и попросил работников литературы и искусства быть «верными помощниками партии», отражать «красочную социалистическую действительность» и раскрывать «великую реформаторскую деятельность» советского народа и «благородные моральные качества» [\[7, с. 3-27\]](#).

С начала 1958 года руководство Коммунистической партии Советского Союза претерпело незначительные изменения в политике руководства сферой литературы и искусства, и практика ослабления была реализована в конкретной политике. Это связано с внутренней и внешней обстановкой, с которой столкнулся Советский Союз в то время, потому что тогда международный «польско-венгерский инцидент» утих, и Хрущев выиграл внутреннюю борьбу с «антипартийной группой», поэтому был полон уверенности в продолжении реализации маршрута 20-го Национального конгресса.

8 февраля 1958 года была проведена встреча творческой интеллигенции с Н. С. Хрущёвым. Лидер партии восхвалял представителей литературных и художественных кругов за «проявление высокой степени идеологической зрелости», надеясь, что писатели и художники «будут смелее в своем творчестве, будут уделять больше внимания жизни и наблюдать за людьми», «заставят большая решимость смотреть в лицо современной жизни» и охватят основные темы нынешней эпохи [\[8\]](#). В своей речи он высоко оценил новые произведения многих писателей, особенно роман Шолохова «Судьба человека», сказав, что в нем «рассказывается об опыте сильного советского человека» [\[8\]](#). Он также высоко оценил новое произведение Твардовского «За далью-даль». Благодаря похвале Хрущева эти две работы позже получили в 1960 году «Ленинскую премию в области литературы».

В июле 1960 г. в своем выступлении на встрече с представителями интеллигенции Хрущев отмечал, что в настоящее время у ЦК КПСС и представителей сферы искусства существует «полное единодушие в понимании целей и задач», литературно-художественная политика партии состоит в том, что «свобода творчества никак не ограничена», что писатели и художники творят «не по заказу, а на основе собственных убеждений». Такая ситуация продолжалась до 1962 года, а после того, как XXII съезд КПСС в 1961 году вновь развернул критику культа личности Сталина, что ознаменовало факт вступления «оттепели» в культурной сфере в новую фазу.

22-й съезд Коммунистической партии Советского Союза положил начало новому витку критики личных предрассудков и ошибок Сталина. После 22-го съезда Коммунистической партии Советского Союза появились работы, описывающие «темную сторону» общества. Например, «Стихотворения 1909-1960» Ахматовой (апрель 1961 г.), Евтушенко опубликовал в журнале «Правда» длинную поэму «Наследники Сталина» (октябрь 1962 г.) и роман Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (ноябрь 1962 г.) и т. д. Роман Солженицына «Один день Ивана Денисовича» был одобрен лично Хрущевым.

В 1962 году, после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, в

советском литературном мире поднялась волна «литературы о концлагерях». Бесчисленные новые работы раскрывают и высмеивают историю Советского Союза более четко и глубоко. Данная тенденция в области литературы и искусства в очередной раз вызвала тревогу у Центрального комитета КПСС. Чтобы предотвратить дальнейшее распространение «оттепельного» течения литературной творческой мысли, власть снова «затормозила» развитие свободы в сфере искусства и возобновила работу в области политики ужесточения, следовательно, вновь появились признаки идеологического контроля под лозунгом «противодействия мирному сосуществованию в идеологической сфере».

Заключение

Сталинский режим охватил все сферы жизнедеятельности общества, поскольку требовал от советского человека жесткого следования интересам государства. Это требование позволило сформировать несколько концепций идеологической литературной политики, направленной на «обеление» реальности с целью возвышения социалистических основ над реальной ситуацией, в которой существовали простые граждане. Необходимо сказать о том, что советский литературный процесс военного периода в некоторой степени освободился от этих установок, писатели почувствовали начало ослабления цензуры. Однако с окончанием войны все лишь ужесточилось, а меры по распространению идеологических воззрений в литературное творчество продолжались вплоть до прихода к власти Хрущева, развенчавшего культ личности своего предшественника.

Культурная «оттепель» хрущевского периода оказала положительное влияние на формирование литературной и художественной интеллигенции, способствовала развитию советской культуры и искусства и вывела их на новый этап процветания и развития.

Эти достижения в основном зависят от ряда мер, осуществленных культурной «оттепелью», реализуемых в частности Союзом советских писателей. «Оттепельные» настроения формировались в процессе работы Двадцатого съездом Коммунистической партии Советского Союза и Двадцать второго съезда Коммунистической партии СССР, где звучали идеи по освобождению литературной и художественной мысли от жесткого идеологического контроля и конкретные меры по содействию развитию советской культуры и искусства. Однако в культурной «оттепели» также есть некоторые проблемы и ошибки, и их негативные последствия для творчества и судеб литературной и художественной интеллигенции, а также для развития советской культуры и искусства также весьма серьезны. Более детальное их рассмотрение и анализ становится перспективным направлением в области дальнейших научных разработок по поднятому в настоящей статье вопросу.

Библиография

1. Кормилов, С. И. Второй съезд советских писателей как преддверие «Оттепели» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 4. С. 48-65.
2. Кузнецов, М. Когда начинается новый период? // Вопросы литературы. 1964. № 7. С. 3-11.
3. Нагапетова, А. Г. В контексте «теории бесконфликтности» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 145-150.
4. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стеногр. отчет. М.: Художественная литература, 1934. 718 с.
5. Померанцев, В. М. Об искренности в литературе // Новый Мир. 1953. № 12. С. 218-

245.

6. Прохоров, А. М. Союз художников СССР // Большая советская энциклопедия: в 30 томах. изд. 3-е. Т. 24. Нью-Йорк; Лондон: Издательство Collier Macmillan. 1980. 699 с.

7. Хрущев, Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа // Вопросы литературы. 1957 № 6. С. 3–27.

8. Хрущёв, С. Н. Никита Хрущёв: Реформатор, М.: Время. 2010. С. 567–568 [Электронный ресурс]. URL: <https://vikent.ru/enc/3894/> (дата обращения: 12.03.2024).

9. Якименко, Л. Социальность и историчность мышления – вот главное // Вопросы литературы. 1964. № 7. С. 12–15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант статьи, который представлен к публикации, на мой взгляд, имеет достаточно продуманный вектор исследования. Автор обращается к двум культовым партийным фигурам – это И.В. Сталин и Н.С. Хрущев – которые, безусловно, влияли на т.н. культурно-исторический процесс, частью которого является литература. В начале труда отмечено, «цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей протекания эволюции идеологической литературной политики в советском поствоенном литературном процессе от периода правления Сталина ко времени возглавления государства Хрущевым»; точечность цели / спектр задач ориентирует на достаточно удачный вариант разверстки темы. Методы исследования актуальны, новы, конструктивны: «исследование базируется на использовании таких методов, как сравнительно-исторический, типологический, описательный и сравнительно-сопоставительный. Для оценки особенностей развития советского довоенного литературного процесса (решение первой задачи исследования) автором применялись сравнительно-исторический и описательный методы и т.д.». Отмечу, что работа имеет синкретический характер, это неплохо, это дает возможность привлечь расширенный состав читателей. Подход в рассмотрении роли И.В. Сталина и Н.С. Хрущева в рамках культурно-исторического процесса объективен; серьезных фактических нарушений не выявлено. Практическая значимость работы прописана буквально: «практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут оказаться востребованы в дальнейших научных изысканиях по вопросам развития поствоенного советского литературного процесса». Думаю, что и новизна так или иначе открыта: «научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном подходе к рассмотрению эволюции политических и идеологических принципов, регулирующих течение поствоенного советского литературного процесса, позволяющих засвидетельствовать формирование явления литературной и культурной «оттепели» в Советском государстве, с одной стороны, и незавершенный характер начатых Хрущевым реформ – с другой». Представленный в статье контекст полновесен, автору удастся совместить / сопоставить разные вариации литературных форм. Например, «в сфере литературы и искусства появились выдающиеся произведения на тему Великой Отечественной войны. Из поэтических произведений можно особенно выделить «Пулковский меридиан» поэтессы Инбер (1943), «Ленинградскую поэму» Берггольца (1942) и «Василия Теркина», ставшие известными произведениями русской поэзии в XX веке. Прозаики (такие, как А. Толстой, Шолохов, Эренберг, Леонов, Тихонов) создали большое количество рассказов и произведений больших форм, которые показывают героическое сопротивление советского народа фашизму», или «Эта теория

литературного творчества оказала серьезное влияние на творчество и судьбу литературной интеллигенции. Данный факт проявляется в том, что многие выдающиеся произведения и творения талантливых людей так и не смогли встретиться с читателями. Например, роман Булгакова «Мастер и Маргарита» (опубликован только в 1986 году), «Ювенильное море» Платонова, «Котлован» и «Чевенгур» (выпущены в 1986-1988 годах), «Реквием» Ахматовой (опубликован лишь в 1987 году) и т.д.» и т.д. Считаю, что аналитическая составляющая объективируется, точка зрения автора вполне убедительна. Оценка / рецепция проблемы аргументирована: «после прихода к власти Хрущева, в ответ на проблемы и скрытые опасности сталинского периода, в сфере культуры был проведен ряд реформ: корректировка культурной политики, реформирование ведущих институтов и реабилитация преследуемой творческой интеллигенции. Советский культурный и художественный мир стал процветать. Наметилось появление феномена известного как культурная «оттепель», или «Открытое идеологическое давление ЦК КПСС на культурное сообщество начало ослабевать. Чиновники ослабил идеологический контроль партии над культурой, сняли некоторые табу в культурной сфере, терпимо отнеслись к существованию различных форм, видов и явлений литературы и искусства. В этот же период активно развивались обмены между Советским Союзом и Западом, создающие благоприятные условия для дальнейшего распространения феномена «оттепели» советской культуры» и т.д. Выводы по работе соотносятся с основной частью: «сталинский режим охватил все сферы жизнедеятельности общества, поскольку требовал от советского человека жесткого следования интересам государства. Это требование позволило сформировать несколько концепций идеологической литературной политики, направленной на «обеление» реальности с целью возвышения социалистических основ над реальной ситуацией, в которой существовали простые граждане», «Культурная «оттепель» хрущевского периода оказала положительное влияние на формирование литературной и художественной интеллигенции, способствовала развитию советской культуры и искусства и вывела их на новый этап процветания и развития». Удачно в финале автор намечает и перспективу дальнейшего изучения вопроса: «однако в культурной «оттепели» также есть некоторые проблемы и ошибки, и их негативные последствия для творчества и судеб литературной и художественной интеллигенции, а также для развития советской культуры и искусства также весьма серьезны. Более детальное их рассмотрение и анализ становится перспективным направлением в области дальнейших научных разработок по поднятому в настоящей статье вопросу». Материал целесообразно использовать при изучении истории литературы и культуры XX века в целом. Рекомендую статью «Идеологическая литературная политика Сталина и Хрущева» к публикации в журнал «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Октябрьская О.С. Проблемы самореализации ребёнка в трилогии Юлии Кузнецовой о "Варе и Оле" // Litera. 2024. № 3. С. 115-123. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70280 EDN: RWXRCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70280

Проблемы самореализации ребёнка в трилогии Юлии Кузнецовой о "Варе и Оле"

Октябрьская Ольга Святославовна

доктор филологических наук

профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 967

✉ svyatolga@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70280

EDN:

RWXRCW

Дата направления статьи в редакцию:

23-03-2024

Дата публикации:

30-03-2024

Аннотация: В статье исследуются проблемы самореализации ребёнка младшего школьного возраста на примере произведений, написанных в начале 2020-х гг., трилогии Юлии Кузнецовой о "Варе и Оле". Выявляются психологические особенности данной возрастной группы, а также оригинальные черты современных произведений для детей семи-десяти лет. В данной работе актуализированы темы взаимоотношений детей в семье, коллективе класса, зарождающихся дружеских союзах, а также проблемы взросления и социализации. Представлена достаточно оригинальная типология характеров детей, актуальных для современной действительности. Значимость и важность данной статьи обусловлена важностью поставленных проблем, а также современным и практически неизученным материалом исследования, коим являются произведения Ю. Кузнецовой, только входящих в научный оборот. Для осмысления

данных аспектов в статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический методы. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование путей коммуникации детей между собой и детей и взрослых – родителей, бабушек и дедушек, соседей, учителей. Основным результатом данной работы стало исследование разных типов характеров детей младшего школьного возраста, путей их взаимодействия и способов самореализации. Актуальным в данной статье становится исследование практически нового и малоизученного художественного материала, вызывающего неподдельный интерес как у ровесника-адресата, так и взрослого читателя. При этом решались следующие задачи: выявление ключевых аспектов взросления и социализации ребёнка; анализ дружеских взаимоотношений, отношений приятельства и вражды-конкуренции в повестях Ю. Кузнецовой о Варе и Оле; выявление особенностей развития основных сюжетных линий и образной системы анализируемых повестей, а также жанрового своеобразия исследуемых произведений. Ключевыми аспектами статьи стали вопросы о типологии характеров детей младшего школьного возраста, нравственных аспектах взросления ребенка.

Ключевые слова:

Детская литература, взросление ребенка, типология детских характеров, современная детская повесть, детская психологическая повесть, возрастная психология, визуал и кинестетик, детская дружба, эмотивный тип личности, гипертивный тип личности

Литература о младших школьниках занимает особое место в русской культуре. Проблемная проза о данной возрастной группе достаточно обширна и многопланова. Начиная со сказочной повести А. Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители» до современности, русская детская литература активно предлагает своим читателям оригинальные произведения о важных и актуальных проблемах, с которыми сталкивается младший школьник во время учёбы, в семье, в дружеском кругу. Как правило, писатели сопоставляют разные типы характеров, предлагая адресату определённые типажи и поведенческие стратегии: Коля и Мишка у Н. Носова, Денис Кораблёв и Мишка Слонов у В. Драгунского, Динка В. Осеевой и т.д.

Литература такого рода становится предметом научного осмысления у российских и зарубежных литературоведов и вызывает множество дискуссий. Данная статья посвящена осмыслению путей самореализации ребёнка младшего школьного возраста, нашедших отражение в русской детской литературе XXI в. Настоящая проблема **актуализирована**, во-первых, самим материалом анализа, который появился в последнее время и остаётся малоизученным литературоведами, а также весьма важными проблемами, поднятыми в трилогии Юлии Кузнецовой. Это вопросы, связанные с особенностями коммуникации детей, их социализации в школьном и дружеском коллективах, принципами взаимодействия детей и родителей, учеников и учителей. Своевременность данного вопроса определена важностью выявления тех аспектов жизни ребёнка, которые способствуют не только его адаптации в конкретном коллективе, но и выявлению личностных качеств каждого индивида, а также необходимостью формирования системы нравственных ценностей. При этом исследование проблемы самореализации ребёнка и отражение её в художественной литературе для детей имеет большую теоретическую и практическую значимость. **Теоретическая значимость** данной статьи обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу

исследования психологической основы художественного произведения, типологии детских характеров. **Практическая значимость** данного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах. **Теоретической базой** данной статьи стали фундаментальные труды литературоведов, а также работы современных учёных, которые обращаются к данной проблематике. Так, к разным аспектам исследования психологической прозы обращаются Л.Я. Гинзбург [\[1\]](#), Г. С. Спиридонова [\[2\]](#), Д. С. Лихачёв [\[3\]](#) и др. Своеобычность героя и авторская интерпретация характеров осмыслены в работах М. М. Бахтина [\[4\]](#), Н. В. Чекашевой, О. Ю. Осьмухиной [\[5\]](#), О. О. Пичугиной [\[6\]](#) и т.д. О проблемах детской самореализации размышляют Ши Юйцин [\[7\]](#), Л. В. Долженко [\[8\]](#), И. С. Юхнова [\[9\]](#), которые выявляют проблемные аспекты характера младшего школьника, воплощённого в произведениях русских писателей.

Именно исследования произведений о младших школьниках способствуют решению важных психологических, воспитательных и эстетических проблем детей предпододросткового возраста. Одним из важных вопросов, встающих перед авторами произведений о младших школьниках, оказывается проблема самореализации ребенка в разных её проявлениях. Данный вопрос актуализирован в трилогии Юлии Кузнецовой о Варя и Оле, которая изображает разные типы детских характеров. В трилогии о Варя и Оле писательница пытается не просто воспроизвести типичные детские характеры, но и воссоздать особый детский мир, включающий взаимоотношения в семье, круг чтения и игр, коллектив класса, дружеские связи и другие аспекты. Каждая из повестей трилогии имеет свою жанровую специфику. Так, первая повесть «Варя и Оля – подружки навек» выстроена по законам каникулярной повести, повествующей о дачном дискурсе. Вторая имеет жанровые черты школьной повести («Варя и Оля – школьные перемены»), а третья отвечает канонам Святочного повествования («Варя и Оля: снежные виражи»). Таким образом, вся трилогия охватывает чуть более полугодя, а действие происходит на даче, в Москве и имеет сквозных персонажей: Варя и Оля, их бабушки – Марина и Анна Александровна, дедушка Оли Толик, бабушка Тан. Остальные персонажи второстепенные и эпизодические: мама и папа Оли, отец Вари, дедушка Слива, учительница Маргарита Сергеевна, Лаура, Санька и др.

Каждая из повестей ставит определённые задачи и успешно их решает в рамках своей жанровой реализации и особой проблематики. Так, первая повесть «Варя и Оля – подружки навек» актуализирует важные аспекты существования индивида – сохранение уникальных и индивидуальных качеств и одновременно исследование рождения коммуникационных связей друг с другом каждой из главных героинь. Оля и Варя обладают яркими личностными качествами эмотива и гипертива. При этом Оля – не просто маленькая художница, но и визуал, она воспринимает и познаёт мир именно в картинах, образах. Героиня любое сильное и яркое впечатление стремится тут же зарисовать и таким образом осмыслить образно. Сила её воображения волшебна – она одухотворяет мир вокруг себя. К примеру, любовь к бабушке, её доброту и заботу обо всех Оля воплощает в образе заботливой бабушки-яблони: «Руки бабушки в коричневых трещинках – от фруктов, сухие и тёплые. "Фруктовые руки", – определяет Оля и тут же придумывает фруктовое дерево, бабушку-яблоню, которая растёт в секретном саду и обнимает всех, кто в него войдёт» [\[10, с. 12-13\]](#). Эстетический мир, которым окружает себя Оля, во многом далёк от мира реального, бушующего рядом с ней. Для героини он странен и страшен, поэтому она воспринимает его с осторожностью и очень не хочет выходить из комфортного для неё мира мечты и грёз. Реакция на вторжение мира реального в личное пространство героини драматично, а выражается это экспрессивно –

замкнутостью, переживаниями и слезами. Инфантилизм Оли и её повышенная эмоциональность определяется её характером, особенностями генетики, а также воспитания (ей многое прощается) и проблемами взросления. Немаловажен и круг общения героини, она замкнута в основном на семье – бабушке, деде и родителях и весьма доброжелательной учительнице. Кроме того, в данном типе характера заложено непереносимое желание ребёнка, только начинающего путь социализации, завоевать признание со стороны взрослых. В центр мировидения героиня неизменно ставит себя, самоидентифицируясь то в образе феи дождя, то шиповниковой королевы и т.д.

Однако именно Оле свойствен эстетический взгляд на мир, она умеет не только увидеть красоту мира вокруг, но и точно запечатлеть особенности настроения человека и природы. При этом именно окружающий мир, изначально воспринимаемый ею с настороженностью, влияет на мировосприятие Оли и характер её рисунков. Если изначально изображаемый ею мир книжно-романтический, она рисует драконов, фей, принцев и т.д., то постепенно он наполняется реалистической составляющей и в некоторой степени даже психологически детерминирует изображаемые характеры. Рисунки героини и даже эскизы-зарисовки передают не только внешнее сходство, но и индивидуальные личностные черты и даже эмоциональное состояние объекта изображения, поэтому Оле лучше всего удаются именно характерные портреты, передающие настроение человека или животного: задумчивая Варька с травинкой во рту, недовольная утка, «смородиновые разговоры» с бабушкой и т.д. Автор, продолжая носовскую традицию, достаточно подробно прописывает не только особенности готового рисунка героини, но и передает своеобразие техники живописания, особенности подбора цветов, создания самого рисунка, знакомит маленького читателя с оттенками цветов: «Карандашный набросок был готов. Теперь нужно было добавить тени, чтобы ягоды выглядели настоящими. Оля взяла другой карандаш, помягче, и долго то добавляла тени вокруг ягод, то стирала их ластиком <...> Долго смешивала на палитре оттенки красного – искала красносмородиновый цвет» [\[10, с. 268\]](#).

Эмотивный тип личности позволяет Оле быть тонким наблюдателем, точно подмечать все оттенки окружающего мира, особенности настроения не только близких людей, но и природного мира – наивного черепашонка Шустрика, испуганных улиток, недовольной утки и т.д. Изначально Оля – ведомый в паре с Варькой, она откликается на все инициативы подружки или бабушки Тан.

Психологическим антагонистом эмотива Оли становится активная деятельная Варька. Если для Оли важны мелочи, настроение, атмосфера окружающего мира, то гипертив Варя не разменивается на подобные нюансы, она ставит и решает глобальные вопросы. Варя – экспериментатор по жизни. Её больше интересует техника, устройство разных приборов, создание и применение разного рода приспособлений. Поначалу её даже раздражает всё то, что требует усидчивости, терпения, внимания – вязание, чтение, уборка и т.д. Кинестетический тип восприятия мира определяет поведение Вари, которая привыкла активно действовать, генерировать разные идеи и тут же их воплощать. Так, пока героиня едет в поезде в Москву, она совершенствует все «недостатки» вагона: делает веревочный мост, по которому лазают все дети в вагоне, превращает водопроводный кран в робота-водовоза, который сам воду в лицо подаёт, выгуливала на подушке у сопровождающей её Лилии Леонтьевны жука-оленья и т.д.

Даже внешне Оля и Варя разные: одна опрятная аккуратистка, носящая с собой в карманах блокноты для рисования, карандаши и фломастеры, а другая – задиристая пацанка с ободранным носом, таскающая в карманах целую мастерскую: «тут у меня

складной ножик, тут гаечный ключ, тут отвёртка (видишь, я её специально колпачком закрыла, чтобы она никуда не воткнулась мне, если вдруг упаду). Сюда я камни складываю, если красивые на дороге попадутся. Сейчас тут пусто, я ж только вышла. Тут орехи ношу, на случай, если проголодаюсь или белку встречу...» [10, с. 33-34]. Героини, открытые друг навстречу другу, тем не менее, только начинают свой путь к дружбе, а встав на него, они во многом перенимают черты друг друга. Так, Оля учится быть смелее, твёрже и изобретательнее. Она уже не стесняется предложить свой взгляд на ту или иную проблему и отстаивать свою точку зрения. Варя становится мягче, уступчивее. Она учится видеть красоту и загадочность природы, получать удовольствие от чтения книг и т.д.

Обе героини ищут максимально верные пути к крепкой дружбе. Так, девочки, много времени проводящие вдвоём, не могут представить дружбу «на троих». Поводом для размышлений становится неожиданная для обеих ситуация. К примеру, Оля, подружившаяся с Гришкой, не знает вначале, как вести себя, когда появляется Варька. Сама же Варя, вынужденная провести летний день с дальней родственницей Дианой, не готова уделить внимание скучающей Оле. Постепенно героини учатся более сложному общению.

Однако данная тема, лишь намеченная в первой повести, обретёт неожиданное продолжение во второй повести «Варя и Оля – школьные перемены». Автор показывает сложность дружеских отношений, необходимость компромиссов и уступчивости, избавления от излишнего эгоцентризма, учит умению понимать другого, прощать ему многое и делать отношения более гибкими. Подводит она также адресата и героев к идее необходимости кратковременного отдыха от дружбы, когда не совместная деятельность, а одиночество и размышление над происходящим становится неременной составляющей не только дружбы, но и взросления и социализации ребёнка. Таким образом, сам процесс дружбы представлен неоднородным, многомерным и многогранным, требующим психологических усилий, уступок, отдыха друг от друга всех участников дружеских отношений.

Так, данная проблема обретает особую остроту в рамках школьных отношений одноклассников, которые предстают не однородной массой, а яркими индивидуальностями, только начинающими выстраивать дружеские отношения. Катализатором новых эмоций и разногласий стало появление в 3А классе новенькой – Лауры, которая не вливается спокойно и органично в новый коллектив, а претендует на лидерство и демонстрирует презрение к тому, кто, с ее точки зрения, безнадежно устарел. Так, вышитый Олей с любовью чехол для мобильного телефона не только осмеян Лаурой, но и вызывает насмешки у других одноклассников, так как лидирующая позиция активно отвоёвана модной, богатой и ставшей популярной Лаурой.

Писатель показывает непростой путь «перевоспитания» двух антагонистов – нахальной харизматичной манипуляторши Лауры и тихой забитой Оли, у которой благодаря смене классного руководителя отнят главный козырь – новый учитель не приветствует рисунки в тетрадях, даже в читательском дневнике, и таким образом у Оли отнят важный способ познания мира, усиленный насмешками одноклассниц над рисунками и вышивкой героини. Изначально визуал Оля привыкла обуздывать свои эмоции с помощью их ретрансляции в рисунках. Так, взрослые подсказывают героине наиболее действенный для неё способ – нарисовать собственные эмоции, представить и изобразить, как выглядит страх или злость. Но после запрета на рисунки девочка ищет новые способы коммуникации с миром. Так, она учится прислушиваться к окружающему миру и

воспринимать его аудиально, на слух. При этом размышления героини весьма глубокие и психологически верные. К примеру, гневную сентенцию нового классного руководителя, которой та разразилась первого сентября, Оля воспринимает сложно: «Странно, – подумала Оля. – Она сказала “друзья мои”, а прозвучало как “враги мои”. Может, у меня что-то со слухом?» [\[11, с. 24\]](#). Героиня не сразу отличает привычное речевое клише от искренних чувств говорящего, она чувствует фальшивость ласковых слов учительницы, но не может понять смысла их употребления. Для возвращения в привычное эмоциональное русло Оле требуется время, силы, помощь Варьки и родных в преодолении себя, своих страхов и переживаний. Сложный путь сопровождается тяжёлой рефлексией и реализацией себя как творческой личности и тем самым завоевания авторитета и уважения у одноклассников и друзей. Одновременно и её однокласснице Лауре требуется сделать усилие и преодолеть собственное эго, признаться в том, что её стремление к лидерству и завоевание авторитета в новом коллективе за счёт принижения достоинств возможных конкурентов – лишь ответ на собственное унижение со стороны старшего брата, который именно так самореализовывается. При этом Лаура не только преодолевает себя и стремится понять и принять одноклассницу Олю, но и осваивает с её помощью новое для себя умение – рисунок. Детская мечта, подавляемая братом-ревнивцем, заставляет Лауру освободиться от неверия в собственные силы и реализуется в рисунках.

Однако автор, изображая метаморфозу в поведении героинь, акцентирует внимание на взаимозависимости этих процессов. Только совместный путь героинь и взаимоподдержка способны изменить каждую. При этом первоначально внешние силы пытаются примирить героинь, но это вмешательство оказывается непродуктивным. И только работа каждой над собой, самостоятельный путь к преодолению себя приводят к положительному результату. Героини учатся самостоятельно коммуницировать и выстраивать дружеские отношения вне зависимости от внешних факторов. И уже в третьей части трилогии Варя и Оля, преодолев кризисные моменты дружбы, общаются активно, но при этом вполне свободно и спокойно, не боясь включить в круг их общения третьих лиц, что делает их отношения многовекторными и иерархичными. Это позволяет Оле фактически совершить чудо – заставить Варьку поверить в Деда Мороза и его всемогущество и даже доверить ему тайну – страстное желание девочки увидеть отца подружки рядом с ней в новогоднюю ночь.

Таким образом, самореализация ребенка младшего школьного возраста в трилогии Ю. Кузнецовой о Варе и Оле представлена на дидактическом, эстетическом и психологическом уровнях. Собственно самореализация ребенка показана в семье, школе, с друзьями и саморефлексивно и представлена через коммуникативные связи, общение с природой, чтение книг и т.д.

Библиография

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Л.: Художественная литература, 1977. – 443 с.
2. Спиридонова Г.С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки) // Мир науки, культуры, образования. № 2 (75). 2019. С. 438-441.
3. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
4. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры. 2003. С. 69-263.
5. Чекашева Н.В., Осьмухина О.Ю. Взрослый мир глазами ребенка в прозе Г. Щербаковой ("Дядя Хлор и Корякин", "Отчаянная осень"). В сб.: Актуальные проблемы

- филологии и журналистики. Сборник научных трудов. Саранск, 2022. С. 121-126.
6. Пичугина О. О. «Девочка на шаре» и читатели рассказа В. Драгунского // Вопросы литературы. – 2012 – №5. – С. 110-123.
7. Ши Юйцин. Типы взаимоотношений взрослых и детей в цикле «Денискины рассказы» Виктора Драгунского // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2019. №4. С. 159-166.
8. Долженко Л. В. Объективизация эмоций страха в произведениях А. П. Гайдара для детей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. №9 (84), 120-124.
9. Юхнова И. С. Ценностные ориентиры героев А.П. Гайдара («Тимур и его команда») // Филологический класс. – 2019. – № 2 (56). – С. 126–131.
10. Кузнецова Ю. Варя и Оля – подружки навек. – М.: Пять четвертей, 2021. 452 с.
11. Кузнецова Ю. Варя и Оля: школьные перемены. – М.: Пять четвертей, 2022. 416 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования рецензируемой статьи становится литература о младших школьниках, предметно автор обращается к анализу проблемы самореализации ребенка. Думаю, что выбранный вектор вполне конструктивен, интересен, оригинален; научная новизна работы заключается в выбранной литературной базе – это трилогия Юлии Кузнецовой «о Варе и Оле». В начале статьи отмечено, что «литература о младших школьниках занимает особое место в русской культуре. Проблемная проза о данной возрастной группе достаточно обширна и многопланова. Начиная со сказочной повести А. Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители» до современности, русская детская литература активно предлагает своим читателям оригинальные произведения о важных и актуальных проблемах, с которыми сталкивается младший школьник во время учёбы, в семье, в дружеском кругу». Стоит несомненно с этим согласиться, так как объективная составляющая данного тезиса налична. На мой взгляд, материал помимо рассмотрения смысловых границ в текстах о младших школьниках, ориентирует еще и на проблему эстетической целостности произведений (а это весьма ценно и важно). Теоретическая значимость рецензируемой статьи «обусловлена вкладом в общую методологическую и прикладную основу исследования психологической основы художественного произведения, типологии детских характеров», практическая значимость сочинения «заключается в возможности использования полученных результатов в учебном процессе в школах, организациях профтехобразования и вузах». Весьма удачно подобрана и теоретическая основа: ее составляют «фундаментальные труды литературоведов, а также работы современных учёных, которые обращаются к данной проблематике. Так, к разным аспектам исследования психологической прозы обращаются Л.Я. Гинзбург, Г. С. Спиридонова, Д. С. Лихачёв и др. Своеобычность героя и авторская интерпретация характеров осмыслены в работах М. М. Бахтина, Н. В. Чекашевой, О. Ю. Осьмухиной, О. О. Пичугиной и т.д. О проблемах детской самореализации размышляют Ши Юйцин, Л. В. Долженко, И. С. Юхнова, которые выявляют проблемные аспекты характера младшего школьника, воплощённого в произведениях русских писателей». Примечательна для работы ступенчатая манифестация исследовательской точки зрения, позиция достаточно четко прописана; серьезных фактически нарушений не выявлено. Отмечу, что анализ прозы Юлии Кузнецовой сделан с учетом современных литературоведческих методов, работа в этой грани может быть неким образчиком для новых трудов. Стиль сочинения соотносится с

собственно научным типом. Например, «Именно исследования произведений о младших школьниках способствуют решению важных психологических, воспитательных и эстетических проблем детей предподросткового возраста. Одним из важных вопросов, встающих перед авторами произведений о младших школьниках, оказывается проблема самореализации ребенка в разных её проявлениях. Данный вопрос актуализирован в трилогии Юлии Кузнецовой о Варе и Оле, которая изображает разные типы детских характеров. В трилогии о Варе и Оле писательница пытается не просто воспроизвести типичные детские характеры, но и воссоздать особый детский мир, включающий взаимоотношения в семье, круг чтения и игр, коллектив класса, дружеские связи и другие аспекты», или «первая повесть «Варя и Оля – подружки навек» актуализирует важные аспекты существования индивида – сохранение уникальных и индивидуальных качеств и одновременно исследование рождения коммуникационных связей друг с другом каждой из главных героинь. Оля и Варя обладают яркими личностными качествами эмотива и гипертива. При этом Оля – не просто маленькая художница, но и визуал, она воспринимает и познаёт мир именно в картинах, образах. Героиня любое сильное и яркое впечатление стремится тут же зарисовать и таким образом осмыслить образно. Сила её воображения волшебна – она одухотворяет мир вокруг себя. К примеру, любовь к бабушке, её доброту и заботу обо всех Оля воплощает в образе заботливой бабушки-яблони...» и т.д. Примеров иллюстративного характера достаточно; они дополняют суждения автора, позволяют выйти на ряд фундаментальных утверждений тип: «инфантилизм Оли и её повышенная эмоциональность определяется её характером, особенностями генетики, а также воспитания (ей многое прощается) и проблемами взросления. Немаловажен и круг общения героини, она замкнута в основном на семье – бабушке, деде и родителях и весьма доброжелательной учительнице. Кроме того, в данном типе характера заложено неперенное желание ребёнка, только начинающего путь социализации, завоевать признание со стороны взрослых. В центр мировидения героиня неизменно ставит себя, самоидентифицируясь то в образе феи дождя, то шиповниковой королевы и т.д.». Сравнительно-сопоставительный тон имеет как расширительный (литературный контекст), так и точечный характер (образный строй): «обе героини ищут максимально верные пути к крепкой дружбе. Так, девочки, много времени проводящие вдвоём, не могут представить дружбу «на троих». Поводом для размышлений становится неожиданная для обеих ситуация. К примеру, Оля, подружившаяся с Гришкой, не знает вначале, как вести себя, когда появляется Варька. Сама же Варя, вынужденная провести летний день с дальней родственницей Дианой, не готова уделить внимание скучающей Оле. Постепенно героини учатся более сложному общению». Считаю, что работа может быть полезна при изучении истории новейшей русской литературы, детской литературы, теории. Статья самостоятельна, оригинальна; текст выверен, серьезная правка излишня. Автор в финале приходит к выводам, что «самореализация ребенка младшего школьного возраста в трилогии Ю. Кузнецовой о Варе и Оле представлена на дидактическом, эстетическом и психологическом уровнях. Собственно самореализация ребенка показана в семье, школе, с друзьями и саморефлексивно и представлена через коммуникативные связи, общение с природой, чтение книг и т.д.». Требования издания учтены; тема повновесно раскрыта, материал, считаю, будет интересен как подготовленному, так и неподготовленному читателю. Рекомендую статью «Проблемы самореализации ребёнка в трилогии Юлии Кузнецовой о Варе и Оле» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Демидов Н.М. «Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н. В. Гоголя и «Неуемный бубен» А. М. Ремизова // Litera. 2024. № 3. С. 124-135. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70297 EDN: PZDLEM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70297

«Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н. В. Гоголя и «Неуемный бубен» А. М. Ремизова

Демидов Никита Михайлович

ORCID: 0000-0001-8336-4333

аспирант, кафедра теории литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

123181, Россия, г. Москва, ул. Исаковского, 28к2, кв. 574

✉ josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

[Статья из рубрики "Архетип"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70297

EDN:

PZDLEM

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2024

Дата публикации:

31-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является эволюция «маленького человека» как литературного феномена на базе повестей «Шинель» Гоголя и «Неуемный бубен» Ремизова. Отмечено, что содержание изучаемого термина не ограничивается семантикой образа, заключающего в себе содержательную характеристику определенного типа литературного героя, но зависит от нарративной структуры произведения. Такое положение «маленького человека» у Гоголя и у Ремизова находится на пересечении взаимосвязанных факторов: детали как носителя гротеска в фикциональной реальности и на уровне повествовательной инстанции, а также модификации конкретной жанровой формы, выражающейся в оригинальном построении композиции – преодолении Гоголем жанра физиологического очерка и Ремизовым

бытового анекдота соответственно. Исследование показывает: деталь играет ключевую роль в поэтике произведений указанных авторов и определяет не только динамику образа в конкретном произведении, но и формирует соответствующий аспект влияния. Ремизов наследует опосредованную характеристику литературного персонажа через детали внешнего мира, принятую у Гоголя, но иным способом закрепляет при их помощи статус главного героя «Неуемного бубна» как маленького человека на нарративном уровне за счет более открытой организации горизонта читательских ожиданий.

Поставленная задача потребовала синтез историко-генетического подхода с жанрологическим (генологическим), что позволило рассмотреть категорию «маленького человека» как элемент поэтики, переосмысленный Ремизовым в «Неуемном бубне» под влиянием творчества Гоголя, и его значение в связи трансформации жанровой модели с индивидуально-авторским подходом к повествованию. Исследование показало, что Ремизов преодолевает гносеологическую неуверенность нарратора в «Шинели» и благодаря деталям, отсылающим к мифопоэтическому контексту (Древней Руси, эроса), выстраивает образ маленького человека (Стратилатова), ничтожность и заурядность которого в меньшей степени связаны с сюжетом «Неуемного бубна», чем с архетипическими отсылками, являющимися носителями нарративной семантики повести и задающими содержательное направление авторской мысли. Таким образом, непознаваемость основ бытия персонажем подчеркивается на нарративном уровне произведения, усиливается гротескной характеристикой. Соответствующий вывод представляет, по мысли автора статьи, актуальность при анализе системы образов литературных героев у Ремизова и предвосхищения им творчества европейских прозаиков-экспрессионистов с их подчеркиванием экзистенциального, а не социального источника человеческих страданий.

Ключевые слова:

маленький человек, горизонт ожиданий, наррация, Ремизов, Гоголь, гротеск, жанрология, гносеология, архетип, имплицитный читатель

Рецепция Ремизовым наследия Гоголя — как философско-мистическое восприятие фигуры классика, так и творческая рефлексия над поэтикой его произведений — масштабна и не раскрыта до конца. Среди множества аспектов стиливого и тематического влияния особый интерес представляет фигура «маленького человека», по-разному представленная у писателей. Этот тип литературного персонажа, подвергнувшись серьезной трансформации в произведениях Ремизова, сохранил ряд черт, которые нельзя объяснить, ограничившись традиционным указанием на категорию образа, трактуя его исключительно с содержательной точки зрения. Серьезные коррективы, впервые внесенные Ремизовым в указанный тип героя в повести «Неуемный бубен», обращают на себя внимание также своей тесной формальной связью с повествовательной структурой произведения и иным способом ее организации, чем у Гоголя в «Шинели». Необходимо отметить, что разница нарративных стратегий писателей хотя и задает ключевые особенности подхода к конструированию образа, но при этом акцентирует как сходства, так и различия динамики поведения героев в художественном мире произведений (Стратилатов из «Неуемного бубна» и Акакий Акакиевич из «Шинели» соответственно). Эти важные наблюдения, которые будут раскрыты в рамках настоящей статьи, позволяют не просто прояснить литературные параллели между повестями двух авторов, но и детальнее представить многогранную семантическую наполненность термина «маленький человек», поскольку рассмотрение его на

надлежащем уровне немыслимо без сопутствующих элементов композиции, в особенности детали, и признания за ним определенной функции в повествовании. Для начала постараемся проследить логику художественного воплощения указанной категории у Гоголя.

Гоголевскому Башмачкину предшествовала богатая литературная традиция изображения несчастного, страдающего человека, в частности — художника. Хорошо известные параллели с «Золотым горшком» Гофмана [\[1, с. 193\]](#), где также присутствует мотив переписывания, включают Акакия Акакиевича в русло позднеромантической литературной традиции с ее мистицизмом и акцентом на амбивалентной природе героя. Физиологический очерк же (как русского, так и французского происхождения) вводит тему бедного чиновника, колеблясь от преимущественно сатирической до сентиментальной, жалостливой характеристики такого образа. «Шинель» синтезирует возвышенные и бытовые элементы, через соединение их контрастов преобразуя романтическую традицию, что отмечает Ю. Манн: «у «переписывания» и у «шинели» то общее, что это заботы повседневные, насущные, неидеальные и, конечно, не трансцендентальные. Между тем они даны так, переживаются героем повести таким образом, как будто эти цели трансцендентальные» [\[5, с. 624\]](#). Впрочем, романтическое начало не только подвергается травестированию на уровне образа Акакия Акакиевича, структуре характера которого оказывается свойственно несоответствие между высоким устремлением и приземленной целью, но и отходит на второй план из-за особого положения в рамках повествовательной структуры «Шинели». Известно, что событийность, будучи обязательным условием повествовательного текста, подразумевает релевантность определенного изменения в художественной реальности безотносительно к тому, представляет ли такое изменение фактологическое изменение или нравственный сдвиг в душе героя, выраженный в форме внутреннего монолога или другими способами. Важно, что применительно к литературному герою сам такой переход зависит от внутритекстовой аксиологии, а точнее — от аксиологии переживающего субъекта [\[9, с. 16\]](#). Само моделирование сюжета, при котором, по выражению Лотмана, осуществляется переход из одного семантического поля в другое [\[4\]](#), во многом опирается на такую функцию переживания субъекта, но в «Шинели» эту роль берет на себя нарратор. Это же верно и в части акцентирования существенного для фикциональной реальности события, обеспечивающего градацию повествования в произведении: это преодоление внешнего «автоматизма» поведения Башмачкина и предположение о тайной, внутренней жизни, существующей в нем, выражающееся в смене объекта страсти — с переписывания на шинель. Несмотря на то, что признание того или иного события важным с точки зрения персонажа не является единственным критерием событийности, он оказывается наиболее тесно связанным с героем произведения и показывает снижение акцента на нем как на говорящей инстанции, что позволяет подробнее охарактеризовать место и логику присутствия «маленького человека» в наррации. В чешской литературоведческой традиции есть термин, удачно указывающий на естественность и продуманность с точки зрения авторской стратегии присутствия того или иного элемента в повествовании или композиции произведения: «ukotvení», буквально «встраивание» в контекст, соотнесение с чем-либо, в данном случае — с матрицей текста [\[13\]](#). Это является привязкой, по мнению автора, к комплексу сюжетологических понятий — событие (но не как событие рассказывания), ситуация, художественное время и пространство, а также понятий нарратологических — нарратор, точка зрения, повествование и композиция. Связующим элементом понятий сюжета и композиции в ее узком, нарратологическом понимании в «Шинели» будет выступать деталь, которая, помимо своей привычной

описательной функции, имеет сюжетообразующее назначение и, в силу одновременного присутствия плана сюжета и плана наррации в организации автором своей повествовательной стратегии, может характеризовать субъекты изображения и рассказывания на протяжении наррации. Рассмотрим ее назначение поподробнее.

Деталь у Гоголя имеет достаточно сложную историю развития, динамика которой заметно интенсивна уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Эффект живого рассказа, поддерживаемый повествователем и в форме обращения к воображаемому слушателю (от лица Рудого Панько), и как книжное повествование с читателем-адресатом изобилуют подробностями, представляющими яркий колорит повествования — в том числе и избыточными, что сохранится как неотъемлемая черта поэтики Гоголя и в более поздних его произведениях. Безотносительно к фигуре рассказчика и типу интерференции текста нарратора и текста персонажа деталь имеет как описательно-характеризующее, так и собственно нарративное значение в силу своей «гносеологической неопределенности»

[11]: в «Вечерах...» в качестве такого свойства выступает связь фольклорного архетипа с архаичным страхом человека перед загадочностью и сложностью мироздания. С усложнением писательской стратегии и деталь сохранила — и это хорошо заметно на примере петербургских повестей — связь с хаосом, неорганизованностью, регулируя не только художественное пространство и время. Произошло это благодаря изменению подхода к использованию гротеска, который дистанцировался от прямого изображения нечистой силы в ранних повестях и стал подчеркивать зло как таковое, чьим вмещением становятся людские души — «Невский проспект» и «Портрет» следуют в русле данной тенденции. Применительно к другим текстам сборника, в особенности «Шинели», впору говорить о нарративном гротеске. Любопытно, что в предшествующей ей повести «Записки сумасшедшего», также изображающей маленького человека, нарративный гротеск выражается наглядным способом — акцентом на смешении реальности и неправдоподобия определенного события или рассуждений Поприщина (которые с точки зрения наррации также являются событием как изображение релевантных для персонажа мыслей, сменяющих друг друга и демонстрирующих поступательное усиление безумия) — и оттого более открыто предстаёт перед читателем. Так, в гротескной реальности, в которой разворачивается действие «Записок...», невероятные события и алогичные утверждения героя имеют свою внутреннюю логику и градацию, вместе соединяя распадающееся безумное сознание героя, для которого порождаемые образы правдивы и реальны. Благодаря гротеску очевидное, на первый взгляд, диететическое повествование — от лица самого Поприщина — получает довольно специфическое освещение: герой, все более погружаясь в безумие, тяготеет не просто к полному распаду личности, но и к отрицанию своего человеческого достоинства, не понимая сам, от чьего имени говорит [3, с. 48]. Его статус маленького человека складывается из целой серии «скачков» вводимых по ходу повествования гротескных деталей, размечающих границы художественного пространства, и немыслим без них. От наглядного представления нарративного гротеска Гоголь переходит к более сложным его формам реализации, что хорошо видно на примере «Шинели».

Указанная нами эволюция гротеска у Гоголя уже становилась предметом рассмотрения в науке. Тем не менее изменение характера изображенного события в связи с «укрощением гротеска» [5] при переходе от мифопоэтического, фольклорного к онтологическому описанию зла включает и случаи, когда нелепость и нелогичность как основные характеристики гротеска оказываются связаны непосредственно с введением, «встраиванием» персонажа в повествовательную структуру. Художественная концепция Акакия Акакиевича как маленького человека подразумевает не только незавидное

социальное положение, незначительность натуры, но и уязвимость его как актора в повествовании: разграничение точек зрения персонажа и повествователя становится невозможным, автор играет литературными масками, используя форму орнаментального сказа, поначалу будто занимая в повести сторону тех, кто насмехался над Башмачкиным, но ближе к концу мягко подводит читателя к гуманистическому выводу. Злоключения Башмачкина вплоть до трагического финала в такой сказовой манере строятся на переориентации функции детали с описательной на повествовательную, на формирование сюжетной динамики, фиксируя переход от заикленности героя на своей службе до желания приобрести шинель. Горизонт читательских ожиданий, формируемый автором и предполагающий от читателя задачу выстроить цельный образ Башмачкина при помощи многочисленных деталей предметного мира, выстраивается на фоне неожиданного, порой необычного с позиции фабульного материала перехода от одного события к другому. Точнее говоря — способ рассказывания в повести вступает в противоречие с желанием повествователя рассказать историю бедного чиновника [7]. Характерен пример с причудливой топографией Петербурга, составляющей основную часть художественного пространства «Шинели» и изобилующей гиперболами: улицы по пути следования Акакия Акакиевича туда и обратно то безлюдные, то оживленные, площадь расширяется и сужается. Как и в «Записках...», алогическое и фантастическое (в т.ч. и финальная сцена) нельзя противопоставлять реальному, они не представляют собой оппозицию на уровне повествования, но и сам Башмачкин не поддается «автономному» рассмотрению вне контекста нарративной структуры произведения. «Встроенность» маленького человека в контекст произведения, о которой мы упоминали выше, усиливается именно благодаря умело организованному автором горизонту читательских ожиданий: он связан как с поэтикой «Шинели», так и с её исторической проекцией в русле развития жанра повести (жанрологии). Упомянутый нами жанр физиологического очерка, трансформированный Гоголем, был ориентирован на эмпирическую реальность, хорошо знакомую читателю-современнику, исходил из хорошо известной ему общественной жизни. Это означало не абсолютную предсказуемость содержательного и эстетического наполнения таких текстов, но прозрачность и открытость диалога между автором и читателем, что фактически отсутствует в произведениях Гоголя — «гносеологическая неуверенность» самого автора свойственна также нарратору и затрудняет саму возможность такого диалога. Можно даже сказать, что Гоголь за счет образа Акакия Акакиевича подверг заметной трансформации содержательность литературной формы целого жанра, уже уходящего в прошлое. Многочисленные предшественники Башмачкина (например, «Художник» Тимофеева, «Иона Фаддеевич» Ушакова) с почти резонерской, типической их характеристикой отвечали идее, что человеческий мир, несмотря на его сложность или непредсказуемость, можно узнать поближе, и другое основание для читательской рецепции просто не предусмотрено [14, s. 473]. У Гоголя привычное разворачивание истории через действия и поступки персонажей не служит опосредующей инстанцией как между абстрактным автором и читателем, так и нарратором и фиктивным читателем (учитывая, что идеология и оценка этих инстанций в повести очень близки друг к другу), и «Шинель» является хорошим примером такого интерпретационного предела, когда персонаж завершен с точки зрения семантики образа, но не представляет собой семиотическое целое.

Конструирование образа маленького человека как одного из элементов поэтики раннего Ремизова во многом наследует механизму, описанному в «Шинели». Писатель активно впитывал гоголевский опыт как через его произведения, так и опосредованно — через Достоевского. Хорошо известно переосмысление структуры характера героя «Шинели» и

полемика с нею в романе «Бедные люди» в лице Макара Дежукина, которые, с одной стороны, направлено против эпигонов Гоголя, о чем писал еще В.В. Виноградов, а с другой — против самого подхода автора «Шинели». Структурная переработка «маленького человека» у Достоевского была связана исключительно с усложнением динамики его образа, попыткой конкретизировать его внутренние устремления и чаяния, когда соответствующая сфера характера и духовного у Гоголя была непроницаема. Тем не менее такой подход, связанный с надеждой возродить достоинство и индивидуальность маленького человека, не оказал существенного влияния на трансформацию этого образа у Ремизова — писатель выбрал другую стратегию и не пошел вслед за Достоевским, развивая поэтику деталей Гоголя, что способствовало усложнению косвенной характеристики образа через предметный мир: это касается и маленького человека, которым в «Неуемном бубне» является Стратилатов.

Ремизов вслед за Гоголем опирается на деталь как ключевой аспект повествовательной стратегии, но делает это несколько иначе. Прежде всего, детали объединены в сложные ряды, которые соотносятся между собой в рамках как фикциональной реальности произведения, так и неомифологического контекста, который архетипически восходит к народным лубочным повестям развлекательного характера и в целом древнерусской массовой литературе фривольного содержания. Мифопоэтическое содержание гармонично сосуществует с реалистическим и само по себе не усложняет нарратив, однако более системная, чем у Гоголя, организация его при помощи детализации имеет вид хорошо прослеживаемой мотивной структуры. Это, прежде всего, антиномия дьявольского и сакрального начал, между которыми разрывается душа Стратилатова. Указанные начала существенно усложняются гротескным несоответствием стилизации повести под бытовую анекдот и трагического сюжета.

Сам Стратилатов, главный герой повести, погружен в социальную среду, представители которой благожелательнее относятся к персонажу, чем к Башмакину. Насмешки коллег не мешают герою, занимающему скромную должность в суде, строить планы и находить радость в повседневной жизни — гоголевский герой же неспособен активно откликаться на события. Самосознание Стратилатова более развито, чем у Башмакина, является логичным выражением его, по словам одного из героев повести, «естества», нет и следа забитости гоголевского персонажа, не вписывающегося в общество совершенно. Под естеством подразумевается активный интерес к необычному, имеющему историю (любовь героя к предметам антиквариата) или нарушающему границу табу — повесть неспроста воспринимается как «генезис апологии эроса» [\[2, с. 71\]](#). Ключевым инструментом повествования у Ремизова, как и у Гоголя, является деталь, не ограничивающаяся своей основной описательной функцией, но специфика её употребления по-другому определяет место маленького человека в повествовании: сам образ актуализируется за счет лейтмотивов и циклических форм разного рода, в том числе и за счет лексических повторов. Обычно тенденция к циклизации существенно замедляет повествование (что свойственно орнаментальной прозе), однако в данном случае образ персонажа постоянно дополняется и обновляется благодаря тому, что каждый «виток» цикла приносит что-то новое, и Стратилатов, несмотря на свою убогость и карикатурность, оказывается детерминирован не простым сладострастием. Акакий Акакиевич также не определяется одной лишь социальной несправедливостью, но, как мы писали выше, его внутренняя жизнь автономна, таинственна: маниакальная сосредоточенность то на переписывании, то на шинели позволяет говорить лишь о концентрации на определенной страсти, которая как элемент душевной жизни не встроена в нарративную структуру произведения, её внутренний механизм можно лишь реконструировать, опираясь на детали внешние, предметные. Иначе обстоит дело с *idée fixe* Стратилатова, лежащей в

сфере эроса: его метания между греховным и священным, отраженные постоянно обновляющимися деталями и подробностями, ведут к бесславной кончине, стилистически сниженной до бытового анекдота, закрепляя образ маленького человека как в привычном социальном плане, так и неомифологическом, отсылая к архетипу демона, тщетно пытающегося вочеловечиться и встать на более высокий уровень нравственной иерархии. Ремизовский стиль с самых ранних текстов, включая роман «Пруд», сочетал в себе необычный способ организации литературного материала и акцент на экзистенциальной трагедии бытия; как пишет про манеру ремизовской прозы Е. Обатнина, «более всего она напоминала непринужденную вязь запечатленной на письме «изустной» речи. Чтобы уловить ритм и интонацию озвученного повествования, воспроизводимого новаторскими изобразительными средствами, тексты необходимо было прочитывать как музыкальную партитуру» [\[6, с. 17\]](#). Ритмизованное повествование, как и тенденция к циклизации, часто предполагает (классический пример — «Серебряный голубь» А. Белого) ослабление событийности, динамики в принципе, что в «Неуемном бубне» компенсируется умелой стилизацией под бытовой анекдот — жанр, априори подразумевающий курьезное происшествие, имеющее развитые наррацию и обращение с фабульным материалом, — который распадается на множество более мелких комичных ситуаций (насмешки над самим Стратилатовым в канцелярии, эпизод с невыстрелившим пистолетом, история полицмейстера Жигановского и проч.). Нельзя исключать, что подобная жанровая стилизация тесно связана с интересом Ремизова ко всяким несуразностям, нелепым ситуациям, которые смехотворны, но в то же время и трагикомичны (что с точки зрения содержательного модуса роднит «Неуемный бубен» с произведениями сборника «Миргород» Гоголя, особенно с «Как поссорились Иван Иванович...»). Впрочем, в отличие от Гоголя, судьбы ремизовских героев находятся не на пересечении тоски и комического, а мучений и абсурдного. Как уже было сказано, Стратилатов, в отличие от гоголевского Башмачкина, в плане сюжетной организации в своих действиях и поступках не проявляет себя как «маленький человек» с его страданиями и скромной оценкой своих возможностей и места в обществе — он, скорее, ближе к образу русского скомороха или клоуна, изображение которого в модерне (особенно зарубежном) имеет свою традицию [\[10, с. 105\]](#). «Маленький человек» как категория раскрывается в плане повествования, филигранной работы Ремизова с повествовательной структурой; произведения Ремизова — и «Неуемный бубен» здесь не исключение — изобилуют деталями, самостоятельно выступающими в качестве сложных семиотических кодов: это слова и понятия, настраивающие читателя на определенный лад, на конкретные мифологические, культурные и исторические ассоциации. Гоголевской неуверенности в познании нет и в помине, автор полон надежды познать, пропустить все причудливые подробности, штрихи через себя. В «Шинели» мы наблюдаем, как «писатель неизменно формирует ситуацию «слома» нарративной манеры, полностью изменяя в читательском сознании почти сложившееся представление о персонаже», максимально задействуя для этого детали внешнего мира [\[8, с. 126\]](#), у Ремизова же детали не «тормозят» наррацию, но являются своего рода точками притяжения читательской активности. Это касается и маленького человека: мифологический подтекст задвигает Стратилатова на задний план, определяя ему скромное место не в наррации, как Башмачкину, и не на сюжетном уровне (и тому, и другому опять-таки препятствует стилизация под жанр анекдота), а скорее, на уровне архетипическом и метатекстуальном. Граничащие с абсурдом явления действительности и чудаковатый мир рассказываемых Стратилатовым историй основаны на явлении гротеска, который у Ремизова связан с понятием символа и выполняет две функции — выделение конкретного явления и попытка его освоения в связке «автор — имплицитный читатель», причем такое освоение актуально и для самого автора. В «Неуемном бубне»

речь повествователя дистанцируется от субъектно-речевого плана героев, приближаясь к позиции всезнающего рассказчика, и символ, с характерными для модернизма признаками переходности, неустойчивости, под воздействием гротеска становится и вовсе неинтеллигибельным для персонажей повести — но не для повествователя, который в вариациях мотивных структур пытается сам и предлагает читателю погрузиться в архаичные и мифопоэтические истоки бытия и русской истории для разрешения важных экзистенциальных вопросов. Ряд метатекстуальных «переключек», отражающий градацию смыслов святости, греха (как, например, неоднократное упоминание чудотворной иконы Федора Стратилата и «Гаврилиады»), принципиально непознаваем для Стратилатова, но показательно — для читателя — доступен нарратору и связанным с ним инстанциям нарративной структуры. Страх главного героя перед «Гаврилиадой» и предсмертные его метания могут быть прояснены как подспудное ощущение трансцендентного с содержательной точки зрения, как осознание своего уродства и порока перед Богом, вне зависимости от действительной серьезности греха. С нарративной точки зрения же роль «тюремщика смыслов» отведена гротеску, который не оставляет Стратилатову ни шанса понять жизнь и действительность, в стенах которой он оказывается замурован, несмотря даже на робкие попытки рефлексии. Стратилатов как маленький человек проходит совершенно противоположный путь, чем гоголевский Башмачкин, на смертном одре осознавая нелепость и несуразность своего жизненного пути без возможности преодоления своей греховной архетипической природы.

«Неуемный бубен» является одним из ключевых произведений раннего Ремизова, послужившим толчком дальнейшего развития неповторимого авторского стиля и совершенствования разработанной им теории русского лада. Образ маленького человека, чьим воплощением является Стратилатов, можно считать не только предварительным итогом рецепции гоголевской поэтики в соответствующей части, но и переходным звеном между реалистической традицией и традицией модерна, если точнее — литературного экспрессионизма. Уже в повести «Крестовые сестры» детерминированность героя обстоятельствами социальными, сугубо мирскими отходит на второй план, и экзистенциальная трагедия каждого из них связывается с категориями трансцендентального порядка — прежде всего, с архетипом страдающей Руси, апокалиптическая характеристика которой достигает в произведении своего пика. Персонаж Ремизова бесконечно мал и ничтожен перед хтоническим началом и злом как таковым, что сближает его с героями таких известных прозаиков-экспрессионистов XX столетия, как Густав Майринк, Ладислав Клима и т.д. Подобное предвосхищение показательно тем, что его истоки коренятся в частном случае эволюции определенного элемента поэтики — в данном случае типа маленького человека — на примере двух авторов в контексте наблюдений общих изменений в русле жанрологии. Изменения эти подразумевают как определенную жанровую трансформацию в целом (переосмысление Гоголем физиологического очерка и создание им новой предреалистической литературной парадигмы в русской литературе), так и экспериментальное осмысление жанра (форма бытового анекдота у Ремизова, носившая более частный, не общезволюционный характер); важно, что именно благодаря изучению индивидуальных стратегий писателей удаётся установить, как Ремизов не просто выступает в качестве прилежного ученика и последователя Гоголя, но реагирует на нарративную семантику [\[12, p. 362\]](#) текста «Шинели», где деталь выступает в качестве референта типа маленького человека и усложняется элементами гротеска. Это наблюдение свидетельствует о том, что сам концепт маленького человека, ставшее предметом анализа, выходит за пределы образа в литературном произведении и занимает важное место в повествовательной структуре, что актуально и по отношению к другим авторам, эксплуатирующим его,

соответственно.

Библиография

1. Вайскопф М. Материал и покроем гоголевской «Шинели» // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 193-201.
2. Грачева А. М. «Теория русского лада» А. М. Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы: Монография. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2023. 496 с.
3. Кривонос В.Ш. Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 74, № 5, 2015. С. 45-50.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
5. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: СПбГУ, 2007. 743 с.
6. Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: личность и творческие практики писателя. М.: НЛО, 2008. 296 с.
7. Печерская Т. Еще раз о фантастическом в «Шинели» Гоголя // Гоголь как явление мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 202-207.
8. Синцов Е. В. Универсальные приёмы выстраивания образа маленького человека в произведениях Н. В. Гоголя (о нарративной стратегии и рецепции) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки, №1, 2017. С. 121-137.
9. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
10. Kšicová, D. Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely. Brno: Masarykova univerzita, 2007. 516 s.
11. Pospíšil, Ivo. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1995. 151 s.
12. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Ed. by David Herman, Manfred Jahn, Marie-Laure Ryan. Taylor & Francis, 2007. 720 p.
13. Svatoň, V. Epické zdroje románu: z teorie a typologie ruské prózy. Praha: Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR, 1993. 139 s.
14. Žemberová, V. Návraty k poetice a noetice petrohradských noviel // Litteraria humanitas. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví). Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010. S. 471-480.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сопоставительный характер изучения истории литературы всегда был статусным, конструктивным, верным. Большая часть критических работ подобного типа, безусловно, стала классикой (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров, Н.Л. Лейдерман и т.д.). Выбранная для исследования магистраль – Гоголь / Ремизов – на мой взгляд, вполне оправдана, ибо, как отмечает автор рецензируемой статьи, «рецепция Ремизовым наследия Гоголя — как философско-мистическое восприятие фигуры классика, так и творческая рефлексия над поэтикой его произведений — масштабна и не раскрыта до конца. Среди множества аспектов стиливого и тематического влияния особый интерес представляет фигура «маленького человека», по-разному представленная у писателей. Этот тип литературного персонажа, подвергнувшись серьезной трансформации в произведениях Ремизова, сохранил ряд черт, которые нельзя объяснить, ограничившись традиционным указанием на категорию образа, трактуя его исключительно с содержательной точки зрения». Конкретика цели и мотивировка выбора предмета исследования задает и стройный логически выверенный тон анализа: «Серьезные

коррективы, впервые внесенные Ремизовым в указанный тип героя в повести «Неуемный бубен», обращают на себя внимание также своей тесной формальной связью с повествовательной структурой произведения и иным способом ее организации, чем у Гоголя в «Шинели». Необходимо отметить, что разница нарративных стратегий писателей хотя и задает ключевые особенности подхода к конструированию образа, но при этом акцентирует как сходства, так и различия динамики поведения героев в художественном мире произведений (Стратилатов из «Неуемного бубна» и Акакий Акакиевич из «Шинели» соответственно). Эти важные наблюдения, которые будут раскрыты в рамках настоящей статьи...». Необходимые чередования теории и практика позволяют воспринимать работы полновесно, целостно: «Физиологический очерк же (как русского, так и французского происхождения) вводит тему бедного чиновника, колеблясь от преимущественно сатирической до сентиментальной, жалостливой характеристики такого образа. «Шинель» синтезирует возвышенные и бытовые элементы, через соединение их контрастов преобразуя романтическую традицию...». Автор формирует т.н. диалог с потенциальным читателем, не исключается и конструктивная «беседа» с уже сказанным. Имеющиеся точки зрения взяты за внимание, на их основе вырабатывается свой взгляд на предмет. Языковые скрепы поддерживают нужный вариант переходов, автор умело ведет читателя за собой: «ИЗВЕСТНО, что событийность, будучи обязательным условием повествовательного текста, подразумевает релевантность определенного изменения в художественной реальности безотносительно к тому, представляет ли такое изменение фактологическое изменение или нравственный сдвиг в душе героя, выраженный в форме внутреннего монолога или другими способами. ВАЖНО, что применительно к литературному герою сам такой переход зависит от внутритекстовой аксиологии, а точнее — от аксиологии переживающего субъекта...». Термины / понятия вводятся в текст работы с учетом коннотаций, фактические нарушения отсутствуют. Например, «Связующим элементом понятий сюжета и композиции в ее узком, нарратологическом понимании в «Шинели» будет выступать деталь, которая, помимо своей привычной описательной функции, имеет сюжетообразующее назначение и, в силу одновременного присутствия плана сюжета и плана наррации в организации автором своей повествовательной стратегии, может характеризовать субъекты изображения и рассказывания на протяжении наррации. Рассмотрим ее назначение поподробнее...» и т.д. положительным моментом данной работы является расширенный контекст, он и определяет возможность объективной оценки «фигуры маленького человека» и у Н.В. Гоголя, и у Алексея Ремизова: «статус маленького человека складывается из целой серии «скачков» вводимых по ходу повествования гротескных деталей, размечающих границы художественного пространства, и немыслим без них. От наглядного представления нарративного гротеска Гоголь переходит к более сложным его формам реализации, что хорошо видно на примере «Шинели». Исследование имеет полновесно-законченный вид, оно самостоятельно, оригинально; научная новизна заключается в срезе сопоставительного толка двух самостоятельных авторов, но работающих в режиме общей объективации образа «маленького человека» (хотя практика письма А.М. Ремизова тяготеет более к модернистской поэтике). Автор умело совмещает разные принципы анализа текстов, не исключена, что достаточно интересно, рецептивная эстетика (В. Изер, Х.-Р. Яусс): «горизонт читательских ожиданий, формируемый автором и предполагающий от читателя задачу выстроить цельный образ Башмачкина при помощи многочисленных деталей предметного мира, выстраивается на фоне неожиданного, порой необычного с позиции фабульного материала перехода от одного события к другому. Точнее говоря — способ рассказывания в повести вступает в противоречие с желанием повествователя рассказать историю бедного чиновника...». Суждения по ходу работы объективны, точны, интерес к теме поддерживается на

протяжении всей научной наррации: «конструирование образа маленького человека как одного из элементов поэтики раннего Ремизова во многом наследует механизму, описанному в «Шинели». Писатель активно впитывал гоголевский опыт как через его произведения, так и опосредованно — через Достоевского. Хорошо известно переосмысление структуры характера героя «Шинели» и полемика с нею в романе «Бедные люди» в лице Макара Дежушкина, которые, с одной стороны, направлены против эпигонов Гоголя, о чем писал еще В.В. Виноградов, а с другой — против самого подхода автора «Шинели». Считаю, что данный материал может быть хорошим образчиком для написания новых исследований как смежно-тематической, так и иной векторной направленности. Тема исследования раскрывается ступенчато, аргументация вполне убедительна, автор стремится максимально «проговорить» точки совмещений Ремизова и Гоголя, при этом показать разницу: «Ремизов вслед за Гоголем опирается на деталь как ключевой аспект повествовательной стратегии, но делает это несколько иначе. Прежде всего, детали объединены в сложные ряды, которые соотносятся между собой в рамках как фикциональной реальности произведения, так и неомифологического контекста, который архетипически восходит к народным лубочным повестям развлекательного характера и в целом древнерусской массовой литературе фривольного содержания». Привлекает в статье и расширение проблемного спектра, автор указывает на вопросы, которые могут быть рассмотрены / уточнены далее: «ритмизованное повествование, как и тенденция к циклизации, часто предполагает (классический пример — «Серебряный голубь» А. Белого) ослабление событийности, динамики в принципе, что в «Неуемном бубне» компенсируется умелой стилизацией под бытовой анекдот — жанр, априори подразумевающий курьезное происшествие, имеющее развитую наррацию и обращение с фабульным материалом, — который распадается на множество более мелких комичных ситуаций (насмешки над самим Стратилатовым в канцелярии, эпизод с невыстрелившим пистолетом, история полицеймейстера Жигановского и проч.)». Материал имеет качественно научный вид; его продуктивно использовать при изучении истории русской литературы, литературной критике, теории литературы. Считаю, что цель работы достигнута полномерно, поставленный ряд задач решен. В ходе анализа автор манифестирует, и с этим стоит согласиться, что «маленький человек» как категория раскрывается в плане повествования, филигранной работы Ремизова с повествовательной структурой; произведения Ремизова — и «Неуемный бубен» здесь не исключение — изобилуют деталями, самостоятельно выступающими в качестве сложных семиотических кодов: это слова и понятия, настраивающие читателя на определенный лад, на конкретные мифологические, культурные и исторические ассоциации. Гоголевской неуверенности в познании нет и в помине, автор полон надежды познать, пропустить все причудливые подробности, штрихи через себя», или «Неуемный бубен» является одним из ключевых произведений раннего Ремизова, послужившим толчком дальнейшего развития неповторимого авторского стиля и совершенствования разработанной им теории русского лада. Образ маленького человека, чьим воплощением является Стратилатов, можно считать не только предварительным итогом рецепции гоголевской поэтики в соответствующей части, но и переходным звеном между реалистической традицией и традицией модерна, если точнее — литературного экспрессионизма». Итоги по тексту соотносятся с основной частью, автор отмечает, что «это наблюдение свидетельствует о том, что сам концепт маленького человека, ставшее (техническая правка!) предметом анализа, выходит за пределы образа в литературном произведении и занимает важное место в повествовательной структуре, что актуально и по отношению к другим авторам, эксплуатирующим его, соответственно». Материал полностью соответствует параметрам научного изыскания, он грамотно структурирован; основные требования издания учтены. Рекомендую

рецензируемую статью «Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н.В. Гоголя и «Неуемный бубен» А.М. Ремизова» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гурушкин П.Ю., Лабуш Н.С., Никонов С.Б., Пую А.С. Феномен ценностного конфликта в массмедийном пространстве // Litera. 2024. № 3. С. 136-139. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70026 EDN: JJGJIQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70026

Феномен ценностного конфликта в массмедийном пространстве

Гурушкин Павел Юрьевич

кандидат политических наук

доцент, кафедра Менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ n.labush@spbu.ru

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ s.nikonov@spbu.ru

Пуё Анатолий Степанович

ORCID: 0000-0002-1220-4217

доктор социологических наук

профессор, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ a.puju@spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70026

EDN:

JJGJIQ

Дата направления статьи в редакцию:

01-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: В статье подробно рассматривается феномен ценностного конфликта в массмедийном пространстве. С появлением средств массовой информации политический конфликт приобрел новый масштаб и роль, развиваясь в нескольких плоскостях: в реальности, в медиа, в социальных медиа и в сознании аудитории. Современное общество перенасыщено информацией, что приводит к вопросу об эффективном использовании медийных ресурсов и их неравномерном распределении. В условиях информационного общества возникают новые виды конфликтов, связанные с отношением фактической и необходимой информации, что подчёркивает важность изучения медиатизации политических конфликтов и их влияния на общественные отношения. Массмедийное пространство является средой, где формируются и разрешаются политические конфликты, определяя тем самым многие аспекты социальной жизни и взаимодействия. Фокус внимания в статье обращён на роль ценностей в политическом процессе, влияние СМИ на формирование установок и поведения в условиях конфликта. Объектом исследования является политический конфликт в массмедийном пространстве. Предметом исследования является медиатизация политических отношений в контексте ценностных характеристик общества. Цель исследования: определить роль и место медиа в процессах управления политическим и ценностным конфликтом в современном обществе. В исследовании используется деятельностный, аксиологический и системный подходы, позволяющие проникнуть в сущность феномена массмедийного пространства и проследить трансформацию в нем ценностей, являющихся предметом конфликтных отношений. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что в нём обоснована необходимость пересмотра классических подходов к рассмотрению таких категорий, как информационная война, политический и ценностный конфликт в массмедийном пространстве. В рамках конфликтной повестки СМИ могут вести хронологию событий, выступать посредником и делать прогнозы. Они оказывают влияние на формирование установок и моделей поведения социальных групп в условиях конфликта, обладают потенциалом формирования стереотипов конструктивного (или нет) поведения. Исследование медиатизации политического конфликта в ценностном ключе позволяет выявить особенности и закономерности формирования моделей «конфликтного поведения» в информационном поле (участвующих и наблюдающих сторон), выбора мотивов, стратегий и возможностей в конфликте, целей и представлений о развитии конфликта.

Ключевые слова:

Медиапространство, Конфликт, Политический конфликт, Ценностный конфликт,

Медиатизация, Медиакратия, Этнический конфликт, Массмедиа, Массмедийное пространство, Журналистика

Общество всегда характеризовалось возникавшими по тому или иному вопросу противоречиями, политическое поле – стало новым полем брани. Сама политика предполагает разные позиции и их столкновение. И если раньше политическая активность граждан была неким демократическим завоеванием, новым этапом, обрело ценность, то постепенно (с расширением возможностей медиатизации), политический конфликт стал играть отдельную, самостоятельную роль. Разумеется, эта роль обрела масштаб – когда речь идет об обществе сетевом.

Современный медиадискурс соткан из разного рода политической ткани, в том числе – в части политических противоречий, их освещения, ангажированности медиаисточников и др. Это всегда было присуще общественным дискуссиям, а теперь – с нынешним уровнем развития технологий – всё это обрело статус супергеометрической прогрессии, к тому же всё становится известным сиюминутно и повсеместно, начинает жить «своей жизнью», то есть политический конфликт может развиваться в нескольких плоскостях: в реальности, в массмедиа (СМИ), в социальных медиа и, в конечном итоге, в сознании и головах представителей аудитории.

Цель исследования: определить роль и место медиа в процессах управления политическим и ценностным конфликтом в современном обществе.

Задачи:

- рассмотреть феномен конфликта в контексте процессов глобальной медиатизации;
- раскрыть природу понятия массмедийного пространства и его роль в политических и ценностных конфликтах;
- определить роль СМИ в трансформации социальных противоречий в политические конфликты.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что в нём обоснована необходимость пересмотра классических подходов к рассмотрению таких категорий как: информационная война, политический и ценностный конфликт в массмедийном пространстве.

Методы исследования:

В исследовании используется деятельностный, аксиологический и системный подходы, позволяющие проникнуть в сущность феномена массмедийного пространства и проследить трансформацию в нем ценностей являющихся предметом конфликтных отношений.

Перманентно быстрое насыщение (и даже – перенасыщенность) общества информацией, распространение передовых информационных технологий, оказывающих влияние на все процессы жизнедеятельности человека (политика как один из значительных), возможность самим принимать активное участие в этих вопросах (или иллюзия этого), приводит к обострению проблемы эффективного использования информационных (медийных) ресурсов. А также к вопросу – об их сосредоточенности в тех или иных руках, то есть заведомо неравномерном распределении новых средств производства (информационно-политического контента), что является следствием своего рода

цифрового капитализма, то есть неравенства, приводящего к обладанию информационным преимуществом.

Байчик А. В. пишет: «Одна из особенностей всех разновидностей социального конфликта выражается в том, что управление конфликтными процессами всегда происходит в условиях не только неполной, но и заведомо искаженной информации. Информационное общество порождает и новые типы конфликтов, среди которых в первую очередь целесообразно выделить конфликт между фактической и необходимой информацией, между информационными способностями и информационными потребностями» [\[2, 99\]](#). В этом отношении исследование самого феномена политического конфликта, и в особенности – его медиапреломления в аспекте ценностей представляется вневременным по важности и актуальности. Требуется изучать медиатизацию политического (идейного, мировоззренческого, идеологического и др.) конфликта, который через средства массовой коммуникации оказывает влияние на систему общественных отношений.

Политический конфликт можно обсуждать и как цивилизационное достижение – механизм развития (политической, гражданской) системы, преодоление застоя, показатель наличия конкуренции в политическом поле и ее сублимации в противостояние групп политических акторов, общественных деятелей или населения (при этом разговор не идет о насильственных методах ведения политической борьбы). Можно также вполне резонно предположить, что разного рода противоречия современного информационного общества приводят его в такое состояние, когда конфликтность присутствует на постоянной основе, а политический акцент лишь подсвечивает необходимые грани.

Вопрос о позитивных функциях конфликтов и мнение об их необходимости в общественном развитии находят как сторонников, так и противников. Тем не менее, современная конфликтология прямо говорит о том, что конструктивный элемент политического конфликта вытесняет по показателям эффекта его деструктивную составляющую. Противоречия в информационном пространстве так же позволяют раскрыть актором свои возможности, получить эмоциональную разрядку, узнать больше о сопернике, получить импульс для развития и самосовершенствования. В современной информационно-цифровой среде эти процессы могут в значительной степени ускоряться, не теряя при этом сильного конструктивного (как и деструктивного) эффекта.

Тем не менее, политическая борьба или политическая деятельность не сводится к конфликту, тем более что политический конфликт – в идеале – контролируемый процесс, которым можно и нужно управлять, это инструмент, но очень эффективный в арсенале сил, борющихся (или делающих вид, что борются) за власть и голоса электората или производящих своего рода ценностную экспансию с той или иной целью. И это, возможно даже в большей степени – некое «подогревание» конфликта. Особенно – в рамках электорального «пре-продакшна» (стадии представления политической программы и объяснения неприятия программы политического оппонента или идеологического конкурента).

«Наличие противоречий не приводит автоматически к конфликту, но современная информационная среда ускоряет процесс трансформации противоречий в конфликт» [\[2, 117\]](#). Экспликация противоречия в социуме через конфликт позволяет не только формализовать понятие, но и исследовать социальные изменения, связанные с социальными противоречиями. Поэтому вполне закономерным является появление относительно нового феномена в исследовании управления конфликтами – CR (conflict

relations).

Конфликт в исследовательском плане может быть рассмотрен как ценность (сам по себе) и как конфликт по поводу ценностей (непримиримый – в принципе).

Применительно к «информационной поддержке» политического конфликта, каналам и масштабам его протекания и продвижения важно разграничивать понятия: «медиатизация», «массмедиа», «массмедийное пространство» («медийное пространство»). Все эти концепты связаны с информацией, которая как феномен становится доминирующим фактором развития общественных отношений. «Информационное», «медийное» и «массмедийное» пространства в свою очередь, также имеют свою специфику и особенности.

Новые виды информации и формы коммуникации, новые способы передачи (обмена) информации и осуществления коммуникации, мощная информатизация и цифровизация всех сфер общественной жизни ставят вопрос о различной пространственной организации информации. Современная пространственная организация – многомерная система, где иерархические связи определяют взаимозависимость элементов. Информационное пространство – первичный элемент, «отражающий реальность в сознании человека посредством символической системы и формирующий в процессе рефлексии смысловой и ценностный фундамент».

Информационное пространство – это концептуальное пространство, в котором создается, перемещается и потребляется любая информация, природа которой коренится в материальной субстанции. Связывая всю окружающую реальность, она возникает помимо субъекта [\[9, 127\]](#).

Категория «информационное пространство» относится к философскому пониманию наполненности материального мира информацией как свойства материи и поэтому целесообразна трактовка в широком понимании явления. По отношению к широкому смыслу узкое понимание информационного пространства целесообразно применить, характеризуя использование средств передачи информации, социальной информации, начиная со знаков, звуков и заканчивая современными медийными возможностями. В этом смысле информационное пространство рассматривается как сфера отношений между людьми и общностями по поводу информации. Поэтому понятие «информация» используется здесь в функциональном значении, подразумевающим отчужденный информационный продукт, циркулирующий в обществе.

Медийное и массмедийное пространства составляют информационное пространство. Медийное пространство – новое качественное состояние информационного пространства, которое связано с обилием в обществе средств информации и коммуникации (переход к постиндустриальному обществу). Это пространство, в котором циркулирует информация на основе применения технических средств передачи. И информация такого пространства предназначена как для специализированной аудитории с соответствующим наполнением, так и для массовой. Медийное пространство создают все средства, работающие с информацией, коммуникация (передача информации) в обществе происходит на основе всех средств, то есть происходит медиакommunikация. «То, что в пространственной организации информации является антропогенным по своей сути, точнее определять, как медийное пространство» [\[2, 111\]](#).

Массмедийное пространство насыщено информацией массового характера (важной для общности). Источники информации в нем – СМИ, потребители – массовая аудитория.

Массмедийное пространство обладает свойством универсальности, т. к. различные области общественной деятельности находят в нем средство реализации своих намерений, но при этом в своих технологических характеристиках оно имеет национально-специфическую окраску, выраженную в способах создания (поиска), обработки, распространения и хранения информации [\[6, 122\]](#).

Обращение к пространственным координатам информации позволяет проанализировать возможности массовой информации быть как субъектом, так и объектом политических изменений социума, проследить посредством временных и пространственных параметров характер и направленность ценностных приоритетов общественного развития.

Что касается частой синонимичности употребления понятий «медиапространство» или «медийное пространство», то представляется, что формулировка «массмедийное» точнее передает специфику данного явления, что важно при научном исследовании феномена, позволяет опираться на эмпирический материал осуществляющих профессиональную деятельность СМИ. Медийное пространство включает в себя массмедийное пространство и наполняется всеми видами и типами информации, которую производят все разновидности медиа. Массмедийное пространство создается исключительно средствами массовой информации, предназначенной для широкой аудитории. В то же время, сообщения журналистов «широкой аудитории» обладают достаточно большой мощностью, поскольку СМИ воспринимаются многими как информированные и непредвзятые источники. Взаимодействие с прессой – эффективная форма коммуникации [\[3, 65\]](#).

Происходящим в массмедийном пространстве процессам присущи такие особенности, как «порождаемость, наполняемость, изменяемость субъектности, медиатизированность, посредничество и конфликтогенность».

Массмедийное пространство благодаря новым медиа во многом имеет характеристику виртуальности. Благодаря новым медиа в массмедийном пространстве участником процесса коммуникации становится массовый производитель информации, а не только потребитель. Виртуальная коммуникация наряду с разрушением пространственных барьеров распространения информации сняла препятствия на пути распространения противоположных и антагонистических ценностей, но не соприкасающихся, а значит, ранее не конфликтующих систем ценностей. Массмедийное пространство создано человеком, оно имеет сильное воздействие на его сознание, волю и действия.

Отношение к информационному пространству как структурной организации позволяет выделить в нем такие элементы, как информационное поле, информационные потоки, информационная среда, информационная система, информационные ресурсы. Эти же элементы выделяются и в медийном, и в массмедийном пространстве.

СМИ выступили фактором трансформации противоречий, которые разрешались через конфликтные столкновения или минимизировались, переходя в иные формы, решение вопроса о причинно-следственной связи противоречий и конфликтов и особенно выводы о позитивной роли конфликтов потребовали подключения к нему исследования массмедийного пространства — той формы организации информации, которая создается СМИ, той среды, в которой и происходит развертывание конфликтного процесса [\[4, 231\]](#).

Обращение к массмедийному пространству вызвано необходимостью вычленения пространства информации, формируемого информационными средствами, с другой стороны, важностью научного осмысления происходящих изменений в сфере действия массмедиа разного уровня (канала, природы) и диапазона (в особенности – для

сопровождения искусственных или естественных политических противоречий, политического конфликтогенеза). Эти изменения касаются ценностей политического спектра и возникающих от усиления (расширения) противоречий конфликтных отношений.

В массмедийном пространстве циркулируют (тиражируются) «ценностные устремления политических сил», тем самым осуществляется ценностное ориентирование (привлечение внимания) как больших и малых социальных групп, так и отдельных индивидов. Но свою «партию» здесь исполняют и медиа как таковые, а социальные – в особенности. Ведь, как показывает практика, для приращения политического капитала все средства (в смысле – медиа) хороши – традиционные, новые, массовой информации... Политический дискурс в этом смысле «ставит на всё», чтобы получить конкурентное преимущество и в рамках конфликтных отношений, протекания конфликта.

Заключение.

Борьба ценностей, их конфликт – отражение политического процесса в условиях плюрализма политических сил и демократических процедур. Особая роль ценностей в политическом процессе вытекает из того, что они выступают как значимые социальные ориентиры для субъекта.

Политический конфликт может «вырасти» из столкновения не только по каким-то вопросам повестки дня, но на более концептуальном уровне – уровне ценностей, которые, как выясняется, могут «встретиться» в виртуальном информационном пространстве, так же характеризуют и подчеркивают разнообразие общества (нормы, обычаи, традиции и др.). Таким образом, на социально-политический или социально-экономический базис конфликта может наслаиваться еще и некий идеологический (цивилизационный, ценностный) характер.

Массмедийное пространство – «официальная» среда политического конфликта, СМИ выступают фактором трансформации противоречий в конфликтные столкновения или другие формы. СМИ могут быть не только свидетелями или вещателями о конфликте, информационными посредниками, но и субъектами (осознанно или нет) конфликта, его акторами, влияющими на течение конфликта, его переход от стадии к стадии, «катализаторами». «СМИ выступают инструментом ценностного противостояния в социальных конфликтах разных уровней и форм» [\[1, 177\]](#).

При этом надо понимать и разделять СМИ (воздействие на широкую обезличенную аудиторию редакций) и СМК (взаимодействие аудитории между собой, адресное информирование заказчиком). Предположим, что через СМИ может происходить некий конфликтологический «ликбез» (более отстраненно, взвешенно). Тем более что деятельность СМИ – сама по себе ценностна, так как она направлена в том числе на трансляцию ценностей, распространение системы взглядов на мир, общество, политическую ситуацию.

С участием же СМК происходит, как правило, программируемое информирование и, как следствие, обострение конфликта (атомы аудитории могут общаться между собой, массовая аудитория разбивается на фракции и может управляться и подталкиваться к действию). Массмедийное поле служит площадкой представления, трансформации или роста политического позиционирования, презентации борьбы политических взглядов.

В отношении завершения (разрешения конфликтной ситуации), изменения его статуса можно говорить лишь о некой фазности процесса. К тому же – такая категория может

считаться не вполне валидной. Конфликт можно расценить как исчерпанный при исчезновении (ликвидации) одной из конфликтующих сторон (если их было две). Важны характер и тип конфликта, уровень конфликтного взаимодействия, которые могут определять и позиции журналистов, и роли массмедиа.

А. В. Байчик полагает, что «Суммарным итогом возможностей влияния массмедиа на ход и исход социального, а тем более ценностного конфликта является их возможность приобретения статуса политическогосубъекта, способного устанавливать в конфликте собственный политический порядок и правила поведения участников конфликта» [\[2, 122\]](#).

В рамках конфликтной повестки СМИ могут вести хронологию событий, выступать посредником и делать прогнозы. Они оказывают влияние на формирование установок и моделей поведения социальных групп в условиях конфликта, обладают потенциалом формирования стереотипов конструктивного (или нет) поведения.

Исследование медиатизации политического конфликта в ценностном ключе позволяет выявить особенности и закономерности формирования моделей «конфликтного поведения» в информационном поле (участвующих и наблюдающих сторон), выбора мотивов, стратегий и возможностей в конфликте, целей и представлений о развитии конфликта.

Библиография

1. Adams P. C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. L.: Wiley-Blackwell, 2009. 255 с.
2. Байчик А. В. Массмедиа. Ценности. Конфликт. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 248 с.
3. Бландел Р. Эффективные бизнес-коммуникации. Принципы и практика в эпоху информации. СПб., 2000. 384 с.
4. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Изд-во МГУ, 2019. 224 с.
5. Дунас Д. В. Антропологический поворот в зарубежных исследованиях СМИ: от концепций о человеке и культуре к новой дисциплине // Этнографическое обозрение. 2015, № 4. С. 13-26.
6. Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Моск.ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2010.№ 3. С. 74-90.
7. Каранов Д. П. Основы антропологии конфликта: теоретико-методологические принципы и проблемно-тематическое обеспечение // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 1-С. 68-79.
8. Медиакратия: современные теории и практики/Под ред. А. С. Пую, С. С. Бодреновой. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 354 с.
9. Черникова В. Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 3 (144). 2014. С. 45-51.
10. Судоргин О. А. Новая роль информационного пространства в XXI веке // Власть. 2009. № 1. С. 27-32.
11. Трощенко Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (18). С. 24-34.
12. Прохоренко И. Л. Возможности пространственного подхода в анализе этнополитического конфликта // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 127-138.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой статьи нетривиален, нов, актуален. Автор обращается к анализу феномена ценностного конфликта в массмедийном пространстве. Заявленный вектор, на мой взгляд, выглядит конструктивно, фактическая составляющая вполне очевидна. Работа дифференцирована на условно смысловые блоки – вводная часть, основной блок и заключение солидаризированы. В начале текста автор отмечает, что «общество всегда характеризовалось возникавшими по тому или иному вопросу противоречиями, политическое поле – стало новым полем брани. Сама политика предполагает разные позиции и их столкновение. И если раньше политическая активность граждан была неким демократическим завоеванием, новым этапом, обрело ценность, то постепенно (с расширением возможностей медиатизации), политический конфликт стал играть отдельную, самостоятельную роль. Разумеется, эта роль обрела масштаб – когда речь идет об обществе сетевом». Уместно предположить, что медийный дискурс соткан из разнородных элементов, целостно его воспринимать сложно, но нужно. Собственно на это и направлена работа, на этом позиционном уровне и стоит автор. Фактические доминанты определены верно: «цель исследования: определить роль и место медиа в процессах управления политическим и ценностным конфликтом в современном обществе. Задачи: - рассмотреть феномен конфликта в контексте процессов глобальной медиатизации; - раскрыть природу понятия массмедийного пространства и его роль в политических и ценностных конфликтах; - определить роль СМИ в трансформации социальных противоречий в политические конфликты». Методологический уровень актуален: «в исследовании используется деятельностный, аксиологический и системный подходы, позволяющие проникнуть в сущность феномена массмедийного пространства и проследить трансформацию в нем ценностей являющихся предметом конфликтных отношений». Работа имеет вполне заверченный вид, фактические / структурные составляющие выдержаны. Считаю, что стиль исследования направлен на собственно научный тип: «политический конфликт можно обсуждать и как цивилизационное достижение – механизм развития (политической, гражданской) системы, преодоление застоя, показатель наличия конкуренции в политическом поле и ее сублимации в противостояние групп политических акторов, общественных деятелей или населения (при этом разговор не идет о насильственных методах ведения политической борьбы). Можно также вполне резонно предположить, что разного рода противоречия современного информационного общества приводят его в такое состояние, когда конфликтность присутствует на постоянной основе, а политический акцент лишь подсвечивает необходимые грани». Термины, понятия, которые используются в работе, унифицированы, фактических разночтений нет. Информационные «сбросы» в работе дают возможность сопоставлять эмпирическое и номинальное, собственно на этот контраст и является цензом новизна рецензируемой работы. Должный информационный крен вполне консолидирован, например, «категория «информационное пространство» относится к философскому пониманию наполненности материального мира информацией как свойства материи и поэтому целесообразна трактовка в широком понимании явления. По отношению к широкому смыслу узкое понимание информационного пространства целесообразно применить, характеризуя использование средств передачи информации, социальной информации, начиная со знаков, звуков и заканчивая современными медийными возможностями». Считаю, что заявленная цель работы все же достигнута, тема раскрыта: автор позиционно отмечает,

что «обращение к массмедийному пространству вызвано необходимостью вычленения пространства информации, формируемого информационными средствами, с другой стороны, важностью научного осмысления происходящих изменений в сфере действия массмедиа разного уровня (канала, природы) и диапазона (в особенности – для сопровождения искусственных или естественных политических противоречий, политического конфликтогенеза). Эти изменения касаются ценностей политического спектра и возникающих от усиления (расширения) противоречий конфликтных отношений». Эмпирика суждений объективна, в финальной части автор отмечает, что «борьба ценностей, их конфликт – отражение политического процесса в условиях плюрализма политических сил и демократических процедур. Особая роль ценностей в политическом процессе вытекает из того, что они выступают как значимые социальные ориентиры для субъекта. Политический конфликт может «вырасти» из столкновения не только по каким-то вопросам повестки дня, но на более концептуальном уровне – уровне ценностей, которые, как выясняется, могут «встретиться» в виртуальном информационном пространстве, так же характеризуют и подчеркивают разнообразие общества (нормы, обычаи, традиции и др.). Таким образом, на социально-политический или социально-экономический базис конфликта может наслаиваться еще и некий идеологический (цивилизационный, ценностный) характер». Думаю, что ряд позиций целесообразно продолжить в новых смежных тематических исследованиях. Работу можно использовать при освоении курсов по теории и практике СМИ, визуальной и медийной сфере. С учетом сказанного тезизирую: статья «Феномен ценностного конфликта в массмедийном пространстве» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Быкова Е.В., Гавра Д.П., Байкова И.А. Метафорические номинации национальных лидеров прошлого как феномен актуальной политической коммуникации // Litera. 2024. № 3. С. 140-144. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70145 EDN: LALEKT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70145

Метафорические номинации национальных лидеров прошлого как феномен актуальной политической коммуникации

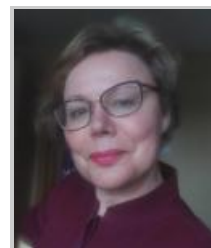
Быкова Елена Владимировна

ORCID: 0000-0003-3842-8419

доктор филологических наук, кандидат филологических наук

профессор, кафедра связей с общественностью в бизнесе, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9, оф. 704

✉ bykova2april@gmail.com**Гавра Дмитрий Петрович**

ORCID: 0000-0002-6536-9277

доктор социологических наук

профессор, кафедра связей с общественностью в бизнесе, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9, оф. 704

✉ bykova2april@gmail.com**Байкова Ирина Александровна**

ORCID: 0009-0003-7538-7174

кандидат политических наук

доцент, кафедра связей с общественностью в бизнесе, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9, оф. 704

✉ bykova2april@gmail.com

.....
[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70145

EDN:

LALEKT

Дата направления статьи в редакцию:

16-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу метафорической номинации субъекта как инструмента глубокой датифицированной медиатизации политического инцидента особого характера – смерти/ухода от активной политики политического лидера национального масштаба. Теоретической основой являются теория глубокой медиатизации, когнитивная теория метафоры и социология памяти. Авторы доказывают, что анализ метафорических номинаций покинувших этот мир выдающихся государственных деятелей позволяет выявить отношение общественности к современному состоянию политической проблематизации и структурный профиль актуальных политических конфликтов. В качестве эмпирического материала для анализа были выбраны медиатексты и пользовательский контент в зарубежных англоязычных СМИ. Полученный датасетный материал анализируется на основе теории метафоры в политическом дискурсе. В статье показано, что смерть/уход от активной политики политического лидера далекого или сравнительно близкого прошлого выступает как значимое информационное событие, генерирующее актуализацию политического дискурсивного поля в дататизированной онлайн-среде. Англоязычные онлайн медиа или онлайн-версии традиционных медиа отобраны методом мониторинга в системе Semanticforce.ai: Associated Press, Bloomberg News, Reuters за период 08.30.2022 – 09.10.2022. Всего учтено 12320 текстов. Посредством лексико-семантического анализа из текстов выбраны номинации и произведена их классификация по лексико-тематическим группам. В результате исследования показано, что смерть/уход от активной политики политического лидера далекого или сравнительно близкого прошлого выступает как значимое информационное событие, генерирующее актуализацию политического дискурсивного поля в дататизированной онлайн-среде. Англоязычные онлайн медиа оценивают личность М. С. Горбачева в целом позитивно: единственный в своем роде, демократ, миротворец и т.п. Тематическая группа лексем со значением парадоксальности и противоречивости в англоязычных медиа одна из наиболее представительных в анализируемом медиадискурсе. Парадоксальность оценки личности увязана с контрадикторной оценкой деятельности М. С. Горбачева в период его президентства в европейской и российской политике. Даже схожие по тематике семантические поля в оценке деятельности М. Горбачева приобретают разную оценочность в российском и европейском дискурсе, что для европейских медиа является позитивной оценкой, в российском дискурсе может оцениваться как слабость и недальновидность.

Ключевые слова:

метафора, номинации, национальный лидер, политическая коммуникация, большие данные, медиатизация, социология памяти, политический конфликт, политический дискурс, онлайн

Введение

В современном социуме, находящемся на этапе датифицированной цифровизации [\[1, 2\]](#), любое событие (инцидент), обладающее большой общественной значимостью, обретает потенциал быстрой медиатизации и превращения в топовые феномены политической повестки дня [\[3, 4\]](#). Соответственно информационные поводы с потенциалом большого внимания со стороны инфлюенсеров или значимых общественных групп попадают в воронку медиатизации [\[5, 6\]](#). В эту воронку втягиваются не только большие медиа и лидеры мнений, но и обычные пользователи сети, цифровые граждане (нетизенс), которые реагируют на событие с медиатизационным потенциалом, комментируют его, делают репосты и еще больше раскручивают спираль событийной медиатизации [\[2, 7\]](#). Анализ как самой медиатизационной спирали, так и номинаций вовлеченных в медиатизируемый инцидент акторов позволяет исследователю получить информацию не только о характеристиках самих этих акторов, но и, что более важно, о характеристиках аудитории, которая включается в медиатизационный процесс. И шире – ситуации и социально-политического климата в конкретной локации или стране.

К числу информационных поводов, обладающих потенциалом медиатизации, с полным основанием можно отнести происшествия с селебритиз, национальным лидерами, государственными деятелями, идолами шоу-бизнеса, культуры и спорта. Известная личность всегда является объектом внимания, персонального отношения, оценки. А заметный инцидент с ней – объектом медиатизации. Особый тип объекта датифицированной медиатизации – это смерть лидера, выдающейся личности, бывшей в прошлом объектом всеобщего внимания. Особенно если этот лидер много сделал для своей страны, сферы определенной деятельности, или был очень популярен. Королева Елизавета II, музыкальный идол Майкл Джексон, поэт и актер Владимир Высоцкий, принцесса Диана, политик Генри Киссинджер, президент США Дж. Кеннеди – этот список можно продолжать. Смерть и похороны каждого заметного лидера породили волны медиатизации. Люди обсуждают, комментируют, высказывают свое отношение к событию и личности. При этом очень важным и интересным является анализ номинаций и метафор, которыми пользователи сети называют/обозначают умершего. То, как люди номинируют личность, то какие метафоры используют, дает важную информацию о характере актуальных общественных настроений, а также о характеристиках социума, о его единстве и разделении, о структуре, проблематизации и т.п.

Объектом, который обсуждается в настоящей статье, стал Михаил Горбачев, первый и последний Президент СССР, во многом архитектор современного противоречивого мира. Его не очень долгое, менее, чем семилетнее пребывание у власти породило колоссальные изменения как в геополитическом устройстве мира, так и в судьбах десятков миллионов людей на просторах бывшего СССР и за рубежом. Поэтому кончина М. Горбачева не могла не вызвать массового отклика и своеобразной эмоциональной бури.

Целью исследования является анализ номинаций и метафор Михаила Горбачева, которые появились в медиа и социальных сетях США и Великобритании после известия о его кончине в августе 2022 года.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретических оснований исследования выступают теория глубокой датифицированной медиатизации, философские концепции социального восприятия смерти в обществе спектакля и филологические теории метафоры и наклеивания ярлыков.

Концепция глубокой медиатизации в настоящее время является одной из наиболее авторитетных и широко обсуждаемых в социальной теории медиа [5]. Первичное определение этому феномену дали Н. Коулдри и А. Хепп: «Глубокая медиатизация — это продвинутая стадия процесса, в ходе которого все элементы нашего социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и лежащей в их основе инфраструктурой» [2, с.7]. В этой постановке важным является постулирование именно всеобщности связи всех элементов социального мира с медиатизированным цифровым миром, проникающим во все поры как социальных, так и индивидуальных практик обычного человека. Методологическую инновационность формулы глубокой медиатизации мы видим в том, что она, исходя из фигуративного подхода и концепции медиатизированных миров [5], не сводит всю сложность происходящих изменений ко всепроникающему влиянию массмедийной и социально-сетевой логики. Напротив, она заставляет обратить внимание на обратную сторону происходящих процессов — растущую зависимость повседневных практик — и профессиональных и обыденных — от коммуникационных устройств и замкнутых на них платформ.

Социология и социальная антропология смерти своим предметом имеют отношения взаимодействия умирания, собственно смерти и горя с элементами социума и восприятия различными социальными группами факта неизбежного ухода из жизни [8, 9]. Она исследует как микро-, так и макроуровни взаимодействия; от отношения смерти к отдельным людям до ее процесса в обществе [10]. Главный тезис здесь — что смерть в человеческом обществе есть продукт социального конструирования [11]. Соответственно на современном этапе смерть можно считать продуктом датифицированного медиатизированного социального конструирования.

Социальное конструирование в медиадискурсе формируется посредством стереотипизации массового сознания путем метафоризации, присвоения ярлыков при номинации тех или иных событий или субъектов. Метафора как коммуникативная упаковка становится инструментом запуска медиатизации, когда репрезентация становится не менее значимой, нежели само событие. «Во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме <...> При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию, что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему» [12, с.19]. Метафора формирует определенное эмоциональное состояние, поскольку «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [13, с.404]. Метафоры в политическом медиадискурсе зачастую обладают высоким агрессивным потенциалом и переходят в разряд ярлыков. Ярлык — это «краткая отрицательно-оценочная характеристика человека или явления, тяготеющая к постоянству и дискредитирующая данную личность (явление) в общественном сознании. ... Ярлыком обозначаются те, кто не разделяет позицию говорящего и, следовательно, является ее врагом» [14], Ярлык формирует привычку воспринимать определенное политическое явление или субъекта через негативный образ, изначально принадлежащий ярлыку. Ярлыки воспринимаются как насмешливые или уничижительные прозвища, но со временем могут приобретать и новый оттенок, становятся именами-символами (The Iron Lady, Дядюшка Джо, Горби). Важным свойством ярлыка является его мобилизационная функция: размежевание по принципу свой/чужой [15].

Анализ материала

В качестве эмпирического материала авторами статьи отобраны методом мониторинга в системе Semanticforce.ai англоязычные полнотекстовые онлайн медиа или онлайн-версии традиционных медиа с наибольшими аудиториями. Среди них, в частности, в Associated Press, Bloomberg News, Reuters, etc. за период 08.30.2022 – 09.10.2022. Критерий отбора материала – упоминание факта смерти Президента СССР М. Горбачева в заголовке, лиде или в теле текста. В сплошную выборку попали как медиатексты, так и сопряженные комментарии пользователей под публикацией. Всего учтено 12320 текстовых единиц. Посредством лексико-семантического анализа из текстов, отобранных системой Semanticforce.ai, выбраны номинации личности М. Горбачева и произведена их классификация по лексико-тематическим группам. Выявлено, что сообщения о кончине бывшего советского лидера в сообщениях информагентств и в классических медиа, как правило, ориентированы на семантику факта и потому не содержат оценочных коннотаций, в отличие от комментариев пользователей социальных сетей, которые выразили оценку деятельности советского лидера в форме метафоры с позитивным либо с негативным значением без полутонов (см. об этом: Гавра Д. П., Быкова Е. В. Прошлое как рефлексия политического настоящего: М. С. Горбачев в посмертных комментариях российской онлайн-аудитории // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. 6 (51) 550-562).

Гипотезы

Гипотеза 1. Общий вектор оценки личности М. Горбачева в англоязычных медиа и комментариях пользователей англоязычных социальных сетей имеет положительную направленность.

Гипотеза 2. Одна из ведущих линий в оценке личности М. Горбачева связана с фиксацией противоречивости этой исторической фигуры.

Гипотеза 3. Англоязычные медиа не могли не воспользоваться данным информационным поводом, чтобы не прокомментировать актуальное отношение России и россиян к умершему лидеру прошлого.

Результаты исследования в целом подтвердили все три гипотезы. Прежде всего, как и следовало ожидать, номинаций первого Президента СССР с позитивной коннотацией на порядки больше номинаций с негативной коннотацией. В медиатекстах последние вообще отсутствуют, тогда как в отдельных постах и комментариях к медиатекстам их выявлено менее 2%. При этом анализ этих комментариев позволяет предположить, что их авторами являются бывшие граждане СССР, испытавшие на себе трудности, связанные с его распадом. Но для однозначного вывода об этом статистических параметров выборки недостаточно.

Мы выделили основных тематических групп позитивных номинаций М. Горбачева в порядке убывания частотности представленности в выборке. Дадим характеристику каждой из них.

1. Тематическая группа – историческая личность, выдающийся/ великий человек, изменивший мир – в целом: 42%.

Примеры:

• UN chief Antonio Guterres praised Gorbachev as **“a one-of-a-kind statesman who changed the course of history”** and “did more than any other individual to bring about the peaceful end of the Cold War”.

- Gorbachev became one of the **most influential figures of the 20th century**, gathering global accolades for his role in reducing the threat of a nuclear apocalypse and in freeing millions of people in his country and beyond from Soviet oppression.
- Mikhail Gorbachev, **the man who changed the world.**
- tribute to Gorbachev as a **historic figure.**
- Gorbachev as a man who left **"an enormous impact on the course of world history."**
- Mikhail Gorbachev — **a world leader** who helped end the Cold War
- World hails **'one-of-a-kind'** ex-Soviet leader Gorbachev

2. Тематическая группа – борец за мир, свободу, демократию, права человека: 24%.

Примеры:

- **'A true man of peace'**: what the papers say about the death of Mikhail Gorbachev.
- Mikhail Gorbachev, Last Soviet Leader **who Opened Russia's Doors to the World.**
- **The greatest democrat** Russia ever had.
- **Give a chance, give freedom and ruin the country.**
- **Gorbachev 'the Peacemaker'**
- Gorbachev leaves behind **legacy of mutual respect for humankind**

3. Тематическая группа – «человек, заслуживающий уважения за конкретные достижения (объединение Германии, вывод войск из Восточной Европы, разоружение и т.п.)»: 14%.

Примеры:

- **Won the Nobel peace prize in 1990 for his efforts to end the arms race** with the United States/
- Gorbachev **remembered fondly in Germany for enabling unity/**
- **Liberated Eastern Europe.**

4. Тематическая группа «идеалист, человек веривший в лучшее будущее, лидер, доверявший Западу» - 9%.

Примеры:

- His **"romantic" view of the West.**
- **Romantic.**
- **His idealistic view of the West.**

5. Тематическая группа «не такой, как другие советские лидеры – просто хороший человек, муж, мужчина, который любил и защищал свою жену»: 7%.

Примеры:

- Uniquely among Soviet leaders, Gorbachev made no secret of his **warm and supportive**

relationship with his wife Raisa.

- Gorbachev's marriage, like his politics, **broke the mold**.
- **From Pizza Hut to the free press:** Gorbachev's years after power.

Гипотеза 2 также нашла свое подтверждение: на втором месте по частотности после разного рода позитивных коннотаций стоит оценка М. Горбачева как противоречивой личности.

Примеры:

- **The Good, The Bad And The Gray.**
- **A hero or a pariah?** How Gorbachev's legacy continues to divide Russia & the West
- This was Gorbachev's **paradox: loved and loathed** for a process that he set in motion
- Expats from Soviet Union **honor and criticize** the end of Mikhail Gorbachev.
- Former Ukraine President says **nation is 'ambivalent'** about death of pro-invasion Gorbachev

Третья гипотеза также была подтверждена в результате обработки эмпирического материала. Англоязычные медиа удели много внимания российской реакции на смерть первого Президента СССР. При этом акцент делается на том, что и российское правительство и российское общественное мнение оценивают М. Горбачева как амбивалентную противоречивую фигуру. И в этом контексте имплицитно или эксплицитно подчеркивается разница между Западным – в широком смысле позитивным восприятием этого политика и противоречивым, но скорее негативным отношением к ней в России.

Примеры:

- Kremlin offers **mixed view** of Gorbachev's historic role
- The Kremlin's **ambivalence** was reflected in the uncertainty about funeral arrangements
- Kremlin spokesman Dmitry Peskov described Gorbachev **as an "extraordinary" statesman who will "always remain in the country's history"**
- **Russians divided over** Gorbachev legacy
- Russians' bitterness over the Soviet collapse also manifested itself in their feelings – in many cases **ambivalence or outright disgust** -- about Gorbachev himself.
- At home, Gorbachev remained a **controversial figure** and had a difficult relationship with Putin.
- The **ambiguities** in how Gorbachev viewed Russia's course in the world today are mirrored by **ambiguity** within Russia itself over how to regard the Soviet era that Gorbachev did so much to bring to a close.

Отдельно следует отметить достаточно значительный массив медиатекстов, которые убеждают англоязычного читателя в том, что в современной России к М. Горбачеву и его наследию относятся скорее негативно и даже с ненавистью

Примеры:

- **but was "widely hated"** by Russians who resented their loss of superpower status and a collapse in living standards.
- but Russian media reported that **Gorbachev won't be given that honor**.
- but described his reforms **as poorly planned and held him responsible for failing** to safeguard the country's interests in dialogue with the West.
- **Disdained** by Putin, Gorbachev **walked a tightrope** to defend his legacy

Выводы

Приведем основные результаты эмпирического исследования.

- Англоязычные онлайн медиа оценивают личность М. С. Горбачева в целом позитивно: *единственный в своем роде, демократ, миротворец* и т.п.
- Тематическая группа лексем со значением парадоксальности и противоречивости в англоязычных медиа одна из наиболее представительных в анализируемом медиадискурсе.
- Парадоксальность оценки личности увязана с контрадикторной оценкой деятельности М. С. Горбачева в период его президентства в европейской и российской политике;
- Даже схожие по тематике семантические поля в оценке деятельности М. Горбачева приобретают разную оценочность в российском и европейском дискурсе, что для европейских медиа является позитивной оценкой, в российском дискурсе может оцениваться как слабость и недальновидность.

Таким образом мы видим как смерть политического деятеля далекого почти 35-летнего прошлого в условиях социума, переживающего глубокую датифицированную медиатизацию, породила медиатизационную спираль, которая превратила это событие в феномен актуальной политической коммуникации и позволило многим политическим акторам решать текущие и стратегические политические задачи.

Библиография

1. Hjarvard S. [Text]The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29 No. 2. P. 105-134.
2. Couldry N., Hepp A. [Text] The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press. 2018. P. 38-52.
3. Гавра Д. П., Быкова Е. В. [Текст] Медиатизация и демедиатизация в цифровой среде: кейс консервативного манифеста К. Богомолова "Похищение Европы 2.0" // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 60-86.
4. Гавра Д. П. [Текст] Медиатизация 2.0 в процессах политической мобилизации в цифровом социуме // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. Том 2. Санкт-Петербург, 2021. С. 195-196.
5. Hepp A. [Text] (2020). Deep mediatization. London and New York: Routledge. 260 p.
6. Rodríguez M. C., & Mato M. M. [Text] Political Communication in the Age of Populism and Mediatization. Studia Humanitatis Journal, 2022, 2(2). P. 269-295.
7. Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. [Text] Digital subjects as new power actors: a critical view on political, media-, and digital spaces intersection // Studies in Computational Intelligence. 2019. P. 233-238.
8. Walter T. The sociology of death //Sociology compass. 2008. Vol. 2. №. 1. P. 317-336.

9. Howarth G. [Text] Death and dying: A sociological introduction. Polity. 2007. 301 p.
10. Kearsley M. C. Endings: A sociology of death and dying. Oxford University Press. USA. 1989. 521 p.
11. Seale C. Constructing death: The sociology of dying and bereavement. 1998. 236 p.
12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии Екатеринбург, 2013. 176 с.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.
14. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта. 2003. 432 с.
15. Маковский А. А., Дмитриев С. С. «Политические» и «религиозные» ярлыки в социальных сетях как инструмент политической мобилизации Вестник Поволжского института управления 2021. Vol. 21. № 3. С. 88-94.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Векторная магистраль оценки мира наиболее интересна. Язык фиксирует все изменения, которые происходят в пространстве социума. Следовательно, выявление и анализ подвижных, гибких форм объективации действительности необходимо. Предмет исследования рецензируемой статьи – метафорические номинации национальных лидеров прошлого, в частности автор останавливается на фигуре М.С. Горбачева, как последнего лидера советской эпохи. Методология исследования синкретична: «в качестве теоретических оснований исследования выступают теория глубокой датифицированной медиатизации, философские концепции социального восприятия смерти в обществе спектакля и филологические теории метафоры и наклеивания ярлыков». Целью «исследования является анализ номинаций и метафор Михаила Горбачева, которые появились в медиа и социальных сетях США и Великобритании после известия о его кончине в августе 2022 года». Материал достаточно интересно скомбинирован; однако, на мой взгляд, эффект диалога мог быть прописан фактурнее. Проблемная стезя работы имеет основание, верификация сделана в режиме сопоставлений: «к числу информационных поводов, обладающих потенциалом медиатизации, с полным основанием можно отнести происшествия с селебритиз, национальными лидерами, государственными деятелями, идолами шоу-бизнеса, культуры и спорта. Известная личность всегда является объектом внимания, персонального отношения, оценки. А заметный инцидент с ней – объектом медиатизации. Особый тип объекта датифицированной медиатизации – это смерть лидера, выдающейся личности, бывшей в прошлом объектом всеобщего внимания. Особенно если этот лидер много сделал для своей страны, сферы определенной деятельности, или был очень популярен. Королева Елизавета II, музыкальный идол Майкл Джексон, поэт и актер Владимир Высоцкий, принцесса Диана, политик Генри Киссинджер, президент США Дж. Кеннеди – этот список можно продолжать...». Считаю, что актуальность темы очевидна, при этом проблема может быть рассмотрена и далее, с более сложным погружением в метаданные. Научная новизна заключается в сведении в общий базис новостных данных августа – октября 2022 года, где упоминается имя М.С. Горбачева: «в качестве эмпирического материала авторами статьи отобраны методом мониторинга в системе Semanticforce.ai англоязычные полнотекстовые онлайн медиа или онлайн-версии традиционных медиа с наибольшими аудиториями. Среди них, в частности, в Associated Press, Bloomberg News, Reuters, etc. за период 08.30.2022 – 09.10.2022. Критерий

отбора материала – упоминание факта смерти Президента СССР М. Горбачева в заголовке, лиде или в теле текста. В сплошную выборку попали как медиатексты, так и сопряженные комментарии пользователей под публикацией. Всего учтено 12320 текстовых единиц. Посредством лексико-семантического анализа из текстов, отобранных системой Semanticforce.ai, выбраны номинации личности М. Горбачева и произведена их классификация по лексико-тематическим группам». Варианты гипотез, которые пытается доказать исследователь дистантны: «Гипотеза 1. Общий вектор оценки личности М. Горбачева в англоязычных медиа и комментариях пользователей англоязычных социальных сетей имеет положительную направленность. Гипотеза 2. Одна из ведущих линий в оценке личности М. Горбачева связана с фиксацией противоречивости этой исторической фигуры. Гипотеза 3. Англоязычные медиа не могли не воспользоваться данным информационным поводом, чтобы не прокомментировать актуальное отношение России и россиян к умершему лидеру прошлого». Материал обладает должной логической связностью, формат научного изыскания поддерживается на протяжении всего повествования. Стиль соотносится с собственно научным типом: «результаты исследования в целом подтвердили все три гипотезы. Прежде всего, как и следовало ожидать, номинаций первого Президента СССР с позитивной коннотацией на порядки больше номинаций с негативной коннотацией. В медиатекстах последние вообще отсутствуют, тогда как в отдельных постах и комментариях к медиатекстам их выявлено менее 2%. При этом анализ этих комментариев позволяет предположить, что их авторами являются бывшие граждане СССР, испытавшие на себе трудности, связанные с его распадом. Но для однозначного вывода об этом статистических параметров выборки недостаточно», или «социальное конструирование в медиадискурсе формируется посредством стереотипизации массового сознания путем метафоризации, присвоения ярлыков при номинации тех или иных событий или субъектов. Метафора как коммуникативная упаковка становится инструментом запуска медиатизации, когда репрезентация становится не менее значимой, нежели само событие. «Во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме <...> При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию, что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему» и т.д. Отсылки

цитации даются по всему телу текста; иллюстративный фон достаточен: «Примеры: • UN chief Antonio Guterres praised Gorbachev as "a one-of-a-kind statesman who changed the course of history" and "did more than any other individual to bring about the peaceful end of the Cold War". Gorbachev became one of the most influential figures of the 20th century, gathering global accolades for his role in reducing the threat of a nuclear apocalypse and in freeing millions of people in his country and beyond from Soviet oppression. Mikhail Gorbachev, the man who changed the world. • tribute to Gorbachev as a historic figure. • Gorbachev as a man who left " an enormous impact on the course of world history." и т.д. Выводы соотносятся с основной частью работы: «Приведем основные результаты эмпирического исследования. Англоязычные онлайн медиа оценивают личность М. С. Горбачева в целом позитивно: единственный в своем роде, демократ, миротворец и т.п. Тематическая группа лексем со значением парадоксальности и противоречивости в англоязычных медиа одна из наиболее представительных в анализируемом медиадискурсе. Парадоксальность оценки личности увязана с контрадикторной оценкой деятельности М. С. Горбачева в период его президенства в европейской и российской политике...». Материал можно использовать при изучении дисциплин гуманитарной направленности. Текст не нуждается в специальной правке; тема раскрыта, цель исследования достигнута. Рекомендую статью «Метафорические номинации национальных лидеров прошлого как феномен актуальной политической коммуникации»

к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фадеева А.В., Шафир Т.В., Гурушкин П.Ю., Никонов С.Б. Профессиональное журналистское сообщество Республики Корея: правительственные институты, ассоциации и организации // Litera. 2024. № 3. С. 145-149. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69999 EDN: LGCYOT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69999

Профессиональное журналистское сообщество Республики Корея: правительственные институты, ассоциации и организации

Фадеева Алина Витальевна

ORCID: 0000-0003-4219-888X

ассистент, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ st071252@student.spbu.ru

Шафир Тимур Владимирович

преподаватель, кафедра коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ tim.shafir@yandex.ru

Гурушкин Павел Юрьевич

кандидат политических наук

доцент, кафедра менеджмента массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ p.gurushkin@spbu.ru

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7-9

✉ s.nikonov@spbu.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.69999

EDN:

LGCYOT

Дата направления статьи в редакцию:

28-02-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Актуальность настоящей научной работы выражена в необходимости определить национальные особенности профессиональной журналистской среды Республики Корея (РК) и произвести анализ. Объектом исследования стало профессиональная журналистская деятельность в Республике Корея. Предметом данного исследования являются деятельность журналистских союзов и организаций на территории Республики Корея, а именно: Корейская комиссия по коммуникациям, Корейская корпорация вещательной рекламы, Ассоциация журналистов Кореи, Корейская ассоциация телерадиовещателей, Корейская ассоциация научной журналистики, Корейский фонд прессы, Корейская ассоциация газет и иные локальные профессиональные объединения. Сбор сведений о функционировании корейских профессиональных сообществ в сфере медиа и контролирующих журналистскую деятельность организаций осуществлялся за период с 15 декабря 2023 года по 15 января 2024 года. Основными методами исследования являлись анализ нормативных документов, качественный контент-анализ, а также метод кейс-стади с единственным результатом (single-outcome study) для определения специфики опыта Республики Корея. По состоянию на 2024 год в Республике Корея (РК) контроль за профессиональной журналистской деятельностью осуществляется при помощи централизованной системы, которую поддерживают и курируют правительственные организации. В статье представлен анализ деятельности профессиональных журналистских сообществ, функционирующих на территории Республики Корея. Дана общая характеристика пяти крупнейших ассоциаций и организаций. Исследование показало, что действия правительственных институтов, организаций и ассоциаций профессионального журналистского сообщества Республики Корея сопряжены с внедрением модели интеграционного контроля регулирующих органов в основу деятельности изученных нами объединений. В качестве иллюстративного примера деятельности профессионального журналистского объединения была выбрана Ассоциация журналистов Кореи, деятельность которой была проанализирована в соответствии со следующими критериями: особенности структуры, направления деятельности, международная интеграция, взаимодействие с правительственными подразделениями, образовательная деятельность, система поддержки и материального обеспечения журналистов.

Ключевые слова:

Профессиональные организации, журналистские ассоциации, корейские медиа, Республика Корея, политика, геополитика, ноополитика, ассоциация телерадиовещателей, медиабизнес, правительственные институты

Введение в проблематику

По состоянию на 2024 год в Республике Корея (РК) контроль за профессиональной журналистской деятельностью осуществляется при помощи централизованной системы, которую поддерживает и курируют правительственные организации. Например, весомый вклад в развитие национальной медиасистемы РК осуществляет Корейская комиссия по коммуникациям (The Korea Communications Commission (KCC)). Это правительственное управление, отвечающее за регулирование вещания и коммуникационных услуг^[1]. Данная комиссия учреждена согласно Закон о создании и деятельности Корейской комиссии по коммуникациям (Act On The Establishment And Operation Of Korea Communications Commission, Act No. 17347, 09.06.2020).

Основные функции КСС включают в себя: разработку и реализацию политики в отношении наземного вещания, общих служб и поставщиков программ новостей; расследование и наложение санкций на нарушения, совершенные операторами вещания или коммуникационного бизнеса; разработку и реализацию широкого спектра мер, направленных на защиту пользователей и их личной информации; предотвращение распространения незаконной или вредной информации; организацию вещательной рекламы; разработку и реализацию политики в области программирования и оценки; разработку политики диверсификации СМИ. Ее председатель и один член комиссии назначаются непосредственно президентом, а остальные члены комиссии выдвигаются Национальным собранием и назначаются президентом. В сфере телерадиовещания вся реклама должна быть одобрена государственной Корейской корпорацией вещательной рекламы (Korea broadcast advertising corp. (КОВАСО)). Компания КОВАСО с момента своего основания в 1981 году занимается продажей рекламы в эфирном вещании. За эти годы она способствовала стабильному снабжению вещательных корпораций финансовыми ресурсами и защищала сферу общественного вещания от монополизации. В 2012 года КОВАСО была возрождена как финансируемая государством общественная корпорация. В результате сфера деятельности КОВАСО как представителя СМИ расширилась с традиционных форм вещания до новых медиа, таких как кабельное и спутниковое телевидение, а также IPTV (КОВАСО 한국방송광고진흥공사. [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://kobaco.co.kr/site/main/content/what_public_ad). Кроме того, компания взяла на себя новые задачи по продвижению рекламной индустрии, такие как измерение эффективности рекламы, поиск и создание эффективных механизмов распространения рекламы, а также исследование и верификация доли аудитории.

Кроме того, на территории страны наиболее крупными профессиональными объединениями считаются:

Ассоциация журналистов Кореи (англ. Journalists Association of Korea(JAK)). *Направления деятельности: защита свободы слова; повышение профессионализма журналистов; защита прав и интересов журналистов; воссоединение Корейского полуострова; проведение исследований; присуждение наград и премий; обеспечение профессиональной подготовки в области цифрового вещания; проведение различных семинаров, форумов, дискуссионных сессий; организация обучения в Кореи и за рубежом; материальная поддержка программы, в рамках которой журналисты посещают школы и рассказывают о роли СМИ; издание еженедельного журнала, который является важным средством распространения информации о деятельности JAK; обмен не только с международными ассоциациями (особенно с International Federation of Journalists (IFJ)),*

но с отдельными журналистами по всему миру(한국기자협회 Journalists Association of Korea. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.journalist.or.kr/home/company.html?p_num=10).

Корейская ассоциация телерадиовещателей (англ. Korean Broadcasters Association). Направления деятельности: проведение общих собраний и заседаний правления ассоциации, сбор средств, исследование политики в области вещания, защита авторского права и урегулирование спорных ситуаций в данной сфере; развитие телерадиовещания; обучение специалистов в области телевещания(семинары, рабочие встречи, курсы повышения квалификации и т.д.); осуществление культурного вещания, курирование Сеульской международной драматической премии; организация комплекса мероприятий в честь празднования дня вещания; организация торжественной части Премии корейского вещания; Сеульский международный драматический(KBA 한국방송협회. [Электронный ресурс] – Режим доступа:http://kba.or.kr/bbs/page.php?hid=m01_04).

Корейская ассоциация научной журналистики (англ. Korea Science Journalism Association(KSJA)). Направления деятельности: проведение мероприятий для профессионального членов ассоциации научной прессы(форумы, дискуссии, семинары, мастер-классы, встречи и т. д.); организация Корейской конференции научных журналистов; проведение дискуссии о научной политике с участием журналистов, экспертов и граждан; организация комплекса мероприятий Премии научной прессы: вручение премий журналистам, ученым и специалистам в сфере научной коммуникации в 4 номинациях(Научный журналист Кореи, Новости года в области медицины и науки, Ученый года, выбранный журналистами, Награда для специалиста в области научной коммуникации); осуществление программ подготовки и обучения научных журналистов в стране и за рубежом; поддержка освещения событий научными журналистами; проведение комплекса мероприятий ко Дню научной прессы; проведение церемонии вручения наград Science Press Awards и торжественных мероприятий в честь окончания года работы кружков научной прессы; поддержка производства научных материалов и контента в социальных сетях; Исследование и продвижение прессы о науке; проведение политических исследований и заказ исследований, направленных на развитие научной коммуникации; издание газеты KSJA (дважды в год) и научного выпуска (4-5 раз в год)(한국과학기자협회 Korea Science Journalists Association.[Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.koreasja.org/m/business/promotion.php>).

Корейский фонд прессы (англ. The Korea Press Foundation (KPF)). Направления деятельности: осуществление проектов, направленных на укрепление доверия журналистов; разработка инновационных моделей управления медиа; поддержка укрепления публичного характера средств массовой информации; выработка механизмов повышения активности аудитории в средствах массовой информации; укрепление коммуникации между СМИ и населением; повышение эффективности управления медиабизнесом; распространение культуры корпоративной модели управления в соответствии с принципами ESG; поддержка роста инноваций в медиаиндустрии; повышение интереса общественности к государственной публичной(социальной) рекламе; расширение рынка новостной индустрии; повышение эффективности использования новостных данных; улучшение пользовательского обслуживания рекламодателей(한국언론진흥재단 The Korea Press Foundation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kpf.or.kr/front/intropage/intropageShow.do?page_id=bad2f498ae9e4dfd8e05d07a620b1682).

Корейская ассоциация газетной прессы (англ. Korean Association of Newspapers). Направления деятельности: проведение и поддержка международных конференций и

симпозиумов; организация программ обмена опытом; публикация исследований; выпуск полиграфической продукции и печатного издания «the Newspaper Advertising Journal»; обеспечение учебных занятий для начинающих журналистов и для журналистов «среднего» уровня в целях повышения квалификации; организация зарубежных поездок для журналистов; разработка учебных программ и других форм профессиональной подготовки как начинающих, так и опытных журналистов; проведение журналистских исследований и опросов; проведение кампаний по инициированию чтения газет; поддержка цифровых стратегий и распределения контента новостей для СМИ; формирование ключевых статистических данных в области журналистики; разъяснение государственной политики; поддержка управленческих стратегий для СМИ(한국신문협회 Korean Association of Newspapers. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.presskorea.or.kr/intro/business.php?m=1&sm=6&tm=9>).

Рассмотренные профессиональные объединения не являются единственными, которые осуществляют свою деятельность на территории РК, но являются более крупными организациями, оказывающими прямое влияние на функционирование южнокорейского медиапространства, в сравнение с такими организациями как Корейская ассоциация редакторов новостей (англ. Korean News Editors Association) (한국신문방송편집인협회 Korean News Editors Association. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.editor.or.kr>), Клуб Кванхун (англ. Kwanhun Club) (관훈클럽 Kwanhun Club. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kwanhun.com/page/7_1.php), Ассоциация женщин журналистов Кореи (англ. Korean women journalists association) (한국여성기자협회. Korean women journalists association. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.womanjournalist.or.kr>) и иные локальные объединения демонстрируют значимость для корейского общества различных аспектов профессиональной деятельности журналиста на территории их страны.

Стоит отметить, что в качестве партнеров каждого из упомянутых объединений выступают Министерство культуры, спорта и туризма и Министерство иностранных дел Республики Корея, что может свидетельствовать не только о заинтересованности правительства в поддержке корейских журналистов, но и о попытке реализации модели интегрированного контроля не просто на этапе производства контента, а начиная с воспитания кадровых ресурсов, создавая у молодых специалистов определенные представления о профессии журналиста. В связи с этим, на фоне упомянутых выше организаций выделяется Центр иностранной прессы в Корее (FPC Korea), который также является правительственным учреждением. Центр был сформирован по предложению Министерства культуры, спорта и туризма РК в 2013 году. Основное направление деятельности данной подведомственной структуры – помощь резидентам и иностранным корреспондентам эффективно освещать проблемы и вопросы, связанные с Республикой Корея. На данный момент FPC Korea играет роль посредника между иностранными СМИ и правительством РК. Именно Центр иностранной прессы проводит брифинги, устраивает интервью и организует пресс-туры для международных корреспондентов, размещенных или временно посещающих страну. Стоит отметить, что правительственные министерства проводят брифинги для иностранных средств массовой информации на регулярной основе и в соответствии с внештатными ситуациями. Таким образом, FPC Korea являются основной площадкой для проведения интервью и брифингов для международных журналистов с правительственными чиновниками или экспертами, чтобы помочь в углубленном освещении конкретных вопросов. Кроме того, Центр проводит курсы корейского языка и программы культурного опыта, чтобы помочь международным журналистам приспособиться к новым условиям. Важно помнить, что «Публичная дипломатия КФ ориентирована на формирование сети сообществ, способных оказывать

международную поддержку дружественно настроенных по отношению к Корее, создающих платформу для международной поддержки Кореи, а в перспективе и платформу для взаимодействия»^[2,112].

Определенными притязаниями в области медиабизнеса обладают и корейские семейные конгломераты, которые в Южной Корее называются чеболь(представителями южнокорейской бизнес элиты)^[3]. Например, SBS (англ. Seoul Broadcasting System) – коммерческий вещатель, принадлежащий Юн Се Ёну. Однако господин Юн ушел в отставку в 2017 году "на фоне обвинений во вмешательстве в освещение новостей (SBS chairman resigns amid allegations of interference in news coverage. Сентябрь 11, 2017.Yonhap News Agency. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20170911011800315>)", что также является весьма иллюстративным примером о положении средств массовой информации в стране. Пресса в основном находится в частной собственности семейных корпораций, таких как семья Банг, «Чосон Ильбо (англ. Chosun Ilbo), семья Ким, владелец «Донг-А Ильбо» (англ. Dong-A Ilbo), семья Чанг, владелец «Ханкук Ильбо» (англ. Hankook Ilbo), и «ЧжунАн Ильбо» (англ. JoongAng Ilbo), принадлежащая Samsung Group, а в частности, семье Ли.

Методы исследования

Анализ нормативных документов, качественный контент-анализ, а также такой исследовательский метод, как кейс-стади с единственным результатом (single-outcome study) для определения специфики опыта Республики Корея. Анализируемыми источниками стали сайты журналистских союзов и организаций на территории Республики Корея — Корейская комиссия по коммуникациям, Корейской корпорацией вещательной рекламы, Ассоциация журналистов Кореи, Корейская ассоциация телерадиовещателей, Корейская ассоциация научной журналистики, Корейский фонд прессы, Корейская ассоциация газет и иных локальных профессиональных объединений. Сбор сведений о функционировании корейских профессиональных сообществ в сфере медиа и контролирующей журналистскую деятельность организаций осуществлялся за период с 15 декабря 2023 года по 15 января 2024 года.

В качестве иллюстративного примера деятельности профессионального журналистского объединения была выбрана Ассоциация журналистов Кореи, деятельность которой была проанализирована в соответствии со следующими критериями: особенности структуры, направления деятельности, международная интеграция, взаимодействие с правительственными подразделениями, образовательная деятельность, система поддержки и материального обеспечения журналистов.

Обзор деятельности профессиональных журналистских сообществ Республики Корея на примере Ассоциация журналистов Кореи

Ассоциация журналистов Кореи(КЖА) – крупнейшее профессиональное объединение в Южной Корее, которая включает в себя более 11 000 активных участников из газет, вещательных компаний и информационных агентств по всей стране.

Из исторической справки, приведенной на сайте организации, установлено, что КЖА основана 17 августа 1964 года. Борьба против принятия закона «О комитете по этике прессы» (1964 г.) стала результатом сильного единства всех членов КЖА, что в итоге заставило правительство отказаться от его принятия. Это стало не только первым достижением в защите свободы прессы, но и возможностью подтвердить необходимость существования исследуемого объединения, а также определило будущее направление

деятельности ассоциации, ее функции и обязанности перед журналистским сообществом. Таким образом, на необходимость формирования исследуемой ассоциации указывают исторические события 60-х годов прошлого века, когда в РК случился военный переворот. «Правительство во главе с Пак Чон Хи ужесточило контроль над СМИ, что повлекло за собой новые массовые закрытия редакций. К 1970-м гг. военная диктатура генерала Пака породила многочисленные законы ограничивающие свободу слова и журналистскую деятельность. Работать в таких условиях было крайне сложно, поэтому многие стали уходить из профессии. Использовалась система внедрения в редакции тайных агентов, что в очередной раз отражалось на содержании материалов. Радио и телевидение находилось в еще более сложных обстоятельствах, чем печатная пресса^[4]. Иногда методы варьировались от телефонных звонков редакторам до более серьезных форм подстрекательства, включая допросы и избиения со стороны исполнительной власти^[5,206]». После президентских выборов 1971 года правительство Пак Чон Хи ужесточило контроль над СМИ. В частности, 17 декабря 1971 года, еще до установления теократического режима, была введена система пресс-карточек, что привело к массовому увольнению журналистов. Кроме того, 7 марта 1972 года правительство объявило «Меры правительственных репортеров», ограничив доступ в органы исполнительной власти и другие правительственные учреждения, а также ограничив репортерскую деятельность вне контроля содержания. Журналисты ответили на эти репрессии коллективной защитой свободы прессы. Незадолго до президентских выборов в апреле 1971 года газета «Донг-А Ильбо» опубликовала "Декларацию в защиту прессы", и местные СМИ последовали ее примеру^[6,7]. В ноябре 1973 г., когда журналистам запретили освещать протесты против установления власти, к ним присоединились репортеры из газет «Ханкёре», «Чосон Ильбо» и «ЧжунАн Ильбо», которые приняли декларации и резолюции в защиту свободы прессы.

Начиная с принятия «Кодекса поведения в защиту свободной прессы» (1971), «Резолюции в защиту свободы прессы» (1973) и «Декларации о практике свободной прессы» (1974) (동아일보 기자들의 언론 자유 수호 선언(рус.Заявление журналистов «Донг-А Ильбо» в защиту свободы прессы)[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://contents.history.go.kr/front/hm/view.do?levelId=hm_161_0010), многие журналисты испытали трудности в процессе борьбы с подавлением прессы режимом. Тюремное заключение почти всего исполнительного совета Корейской ассоциации прессы в 1980-х годах в ответ на политику нового военного режима по искоренению прессы с помощью цензуры стало редкой волной беспрецедентных событий для корейских СМИ^[8,9]. В 1987 году, когда продолжалась волна борьбы за демократизацию, КJA оказалась в центре движения за демократизацию СМИ, возглавив кампанию по отмене Закона о печати и восстановлению уволенных журналистов. Ввиду сложившихся событий Ассоциация журналистов Кореи была создана под лозунгом "защиты свободы прессы" и стала ядром борьбы против утверждения закона о Комитете по этике прессы, который в то время продвигался военным режимом.

Структура рассмотренной нами ассоциации обладает распространенной формой, основанной на вертикальной иерархии. Управление и функционирование Ассоциацией журналистов Кореи обеспечивают президент, вице-президент, советники и два аудиторов. Высшими органами принятия решений являются Генеральная ассамблея и Совет директоров. В структуре КJA есть шесть постоянных подкомитетов, включая подкомитеты по свободе прессы, защите прав, расследованиям, международному обмену, полномочиям и дисциплине, а также подкомитет по сотрудничеству Север-Юг и воссоединению, 10 провинциальных офисов ассоциаций, Института исследований

прессы, Комитета по этике, подразделение по вопросам реформы прессы, подразделение по вопросам социальных льгот, подразделение по возрождению местных(локальных корреспондентских пунктов) СМИ и 14 специальных комитетов, в состав которых на 2023 год входят 202 члена. Помимо указанных структурных единиц деятельность ассоциации обеспечивают секретариат и редакционное бюро, работающие на постоянной основе.

Сегодня усилия ассоциации направлены на повышение качества работы журналистов, защиту их прав, содействие саморегулированию, реформе СМИ и развитию журналистики на территории Кореи. КЖА выделяет пять основных направлений: *защита свободы прессы, повышение качества профессиональных компетенций журналистов, защита прав журналистов, мирное воссоединение страны и укрепление международных обменов* (한국기자협회]Journalists Association of Korea.[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.journalist.or.kr/home/company.html?p_num=10). В рамках данных траекторий проводится определенный комплекс мероприятий и проектов, стимулирующих развитие медиасреды. Например, Ассоциация журналистов Кореи ежегодно присуждает премию «Корейский журналист» и ежемесячно – премию «Журналист месяца» тем, кто внес вклад в репортерскую деятельность и развитие медиакультуры, чтобы стимулировать членов ассоциации к качественной репортерской деятельности. Премия «Корейские репортеры», высшая награда в Корее, была учреждена в 1967 году и присуждается за выдающиеся статьи, опубликованные в газетах, телерадиовещании и телекоммуникациях в этом году, после тщательного отбора. С 1995 года наиболее выдающимся статьям присуждается главный приз. Премия «Журналист месяца» вручается раз в месяц за выдающиеся статьи, опубликованные в газетах, на радио и телевидении, прошедшие строгий отбор. Она была учреждена в октябре 1990 года, чтобы помочь журналистам внести значительный вклад в изменение мира путем написания хороших статей. В дополнение к этим наградам Корейская ассоциация прессы с июня 2011 года ежеквартально присуждает премию «За выдающиеся репортажи об уважении к жизни» совместно с Корейским фондом надежды и уважения к жизни (ранее Центральный центр предотвращения самоубийств), а с 2012 года ежегодно присуждает премию «За репортажи о правах человека» совместно с Национальной комиссией по правам человека. Кроме того, с 2010 года была учреждена премия имени «Чо Гье Чхан» за международные репортажи в сотрудничестве с информационным агентством Yonhap и премия «За объединение СМИ» в сотрудничестве с Национальным союзом работников СМИ.

С целью обеспечения благоприятной среды для развития журналистики как отрасли и повышения профессионализма деятелей средств массовой информации, ассоциация часто выступает в качестве организатора различных семинаров, форумов и дебатов. В первые годы существования организации активно проводились «Гостевые выступления», на которые приглашались видные деятели страны и эксперты из-за рубежа для обсуждения важных вопросов, представляющих общественный интерес. Начиная с 90-х годов – «Дебаты КЖА» стали посвящаться социально-значимой повестке, отвечающей запросам общественности. К 2000 году был создан организационный комитет и проведен "Форум репортеров", куда приглашаются эксперты для обсуждения спорных профессиональных ситуаций и основных вопросов с действующими журналистами, чтобы изучить проблемы корейских СМИ и предложить пути решения. Интересным опытом представляется сотрудничество Samsung Press Foundation и Ассоциацией журналистов Кореи в совместном проведении ежемесячных образовательных лекций и конференций по ключевым вопросам СМИ.

КЖА регулярно организует краткосрочные программы обучения для молодых журналистов в Китае и Вьетнаме, чтобы укрепить их профессиональные навыки. Однако руководство ассоциации также усматривает определенные перспективы в развитии международного сотрудничества в сфере медиа и интеграции в международное журналистское сообщество. Именно с этой целью 2 мая 1966 года на 8-й Генеральной ассамблее Международной федерации журналистов (МФЖ) в Берлине Ассоциацией журналистов Кореи стала полноправным членом федерации. С 1990-х годов МФЖ организовывала ежегодные обмены с Ассоциацией китайских журналистов (ACIA) и Обществом журналистов Вьетнама (VJS), а также инициировала обмены с Ассоциацией журналистов Индонезии (AJI) в 2013 году, Ассоциацией журналистов Монголии (CMJ) в 2014 году, Ассоциацией журналистов Болгарии (UBJ) в 2015 году и Ассоциацией журналистов России (RUJ) в 2018 году.

Одним из острых вопросов для населения корейского полуострова остается тема воссоединения Севера и Юга. Ассоциация корейских журналистов заинтересована в развитии проектов и содействии обмену журналистами между Северной и Южной Кореей, а также разрабатывает политику по воссоединению двух Корей. С 2001 года КЖА провела множество встреч с Комитетом Трудовой партии Кореи, чтобы обсудить направление межкорейских журналистских обменов. В июне 2005 года по случаю пятой годовщины 15 июня был создан Комитет по обмену СМИ между Севером и Югом, который посетил Пхеньян для встречи с представителями северокорейских СМИ, чтобы обсудить будущие обмены, и в настоящее время ведет постоянную деятельность, сосредоточенную на подкомитете Ассоциации журналистов по воссоединению Севера и Юга. Данное направление деятельности поддерживалось при президентстве Мун Чжэ Ина, чья администрация была ориентирована на сближение с Пхеньяном, но Юн Сок Еле стороны перешли к открытой конфронтации. Политика в отношении КНДР ужесточилась. Взаимообмены приостановлены.

Ассоциация корейских журналистов осуществляет различные социальные и благотворительные мероприятия для членов профессионального сообщества. После создания журналистской деревни для бездомных (1968) и распределения квартир (1974), в 1987 году на выделенные ассоциацией средства были построены 802 квартиры для журналистов (박종일, 언론인 집단마을 '은평구 기자촌' 아시나요?, 30.05.2016. 아시아경제. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://v.daum.net/v/JjVXkLs6g9>). В ноябре 2013 года было принято решение о создании и функционировании Объединение взаимопомощи корейских журналистов для обеспечения благосостояния сотрудников средств массовой информации. Данное подразделение отвечает за реализацию программ субсидирования для обеспечения благосостояния членов ассоциации, а также проводит различные мероприятия, такие как ежегодный футбольный турнир среди журналистов, турнир по скалолазанию и бейсбольный турнир, которые способствуют укреплению дружбы и товарищества между членами общества. Кроме того для увеличения количества высококвалифицированных кадров, каждый год ассоциация отбирает устанавливаемое советом директоров число кандидатов для получения частичной материальной поддержки на обучение в аспирантуре в Корею.

По состоянию на 2024 год КЖА в своей деятельности не только отстаивает права и интересы журналистов, но и стремится к формированию механизмов саморегулирования профессионального журналистского сообщества и реформе СМИ. Помимо прочего, Ассоциация журналистов Кореи прилагает усилия для устранения проблем и противоречий внутри системы средств массовой информации в стране.

Выводы

На примере деятельности Ассоциации журналистов Кореи можно заметить, что основу для формирования большинства крупных профессиональных журналистских сообществ заложили деятели СМИ в исторически сложное для корейских прессы и телерадиовещания. На необходимость формирования исследуемой ассоциации указывают исторические события 60-х годов прошлого века, когда в Республики Корея случился военный переворот^[10]. В настоящее время затруднительно дать однозначную оценку эффективности деятельности профессиональных объединений корейских журналистов. С одной стороны – прямое сотрудничество с правительственными, с другой – взаимодействие с бизнес элитами страны^[11,12]. Стоит отметить, что в качестве партнеров каждого из рассмотренных в исследовании объединений выступают правительственные институты, что может свидетельствовать не только о заинтересованности правительства в поддержке корейских журналистов, но и о попытке реализации модели интегрированного контроля. Таким образом, можно рассматривать идею внедрения концепции интегрированного контроля как структуру, нацеленную на удовлетворение информационных требований, которые в значительной степени влияют на способы управления средствами массовой информации, но и дают возможность сохранения исторически сложившейся преемственности журналистских объединений как ассоциаций, деятельность которых направлена на всестороннюю защиту прав и свобод сотрудников медиа. Тот факт, что многие корейские СМИ принадлежат частным лицам, можно назвать характерной чертой современного медиаландшафта исследуемого региона. В этой связи самый важный принцип для корейских медиаконгломератов — это институциональная гарантия независимых отношений между менеджментом и редакцией. Иными словами, нельзя связывать журналистские материалы с бизнесом. В результате нарушения данного принципа управленческие стратегии компании имеют приоритет над этическими ценностями работников СМИ, и именно в это момент профессиональные объединения – Корейская комиссия по коммуникациям, Корейской корпорацией вещательной рекламы, Ассоциация журналистов Кореи, Корейская ассоциация телерадиовещателей, Корейская ассоциация научной журналистики, Корейский фонд прессы, Корейская ассоциация газет и иных локальных профессиональных объединений – могут открыто воспрепятствовать монополизации информационных ресурсов страны и пренебрежением свободой слова, правами и интересами журналистов.

В ходе исследования было установлено, что действующие правительственные институты, организации и ассоциации, осуществляющие деятельность по улучшению качества профессиональной среды для корейских журналистов прибегали к такому методу, как внедрение модели интеграционного контроля регулирующих органов. Кроме этого, выделим ориентацию журналистского сообщества соответствовать международным стандартам, что отчасти приближает корейскую медиасреду к потери национальных особенностей системы прессы и телерадиовещания.

Библиография

1. Хео Дж-с.(2023), Исследование независимости и нейтральности Корейской комиссии по связи // Европейские конституционные исследования. – 2023. – Т. 42. – С. 1-26.
2. Парубочая Е. Ф.(2021), Корейский фонд как институт публичной дипломатии Республики Корея // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. №3.
3. Фадеева А.В., Никонов С.Б., Гурушкин П.Ю., Пую Ю.В., Пую Д.А. (2021). Impact of diversifying media content on country's economic potential: case study of South Korea. LAPLAGE EM REVISTA. 2021 Авг. 12;7 (Extra-D), 187-199.
4. Воробьева А.К.(2020), Влияние корейских СМИ на становление политических

движений // Казанский вестник молодых учёных. 2020. №2.

5. Фадеева, А. В. (2022). Ретроспектива развития журналистики Республики Корея // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Статьи 21-й международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Санкт-Петербург, 09–11 марта 2022 года. Том Вып. 22. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. – С. 201-208.

6. Ли Х. С.(2023), Политическая коммуникация, в книге ЧонХун Хан, Рамон Пачеко Пардо и Ёнхо Чо (редакторы), Оксфордский справочник по южнокорейской политике, Оксфордские справочники (2023; онлайн-издание, Oxford Academic, 8 декабря 2021 г.)

7. Квак К.-С.(2023), «Пресса», в ЧонХун Хане, Рамоне Пачеко Пардо и Ёнхо Чо (Ред.). Оксфордский справочник по южнокорейской политике, Оксфордские справочники (2023; онлайн-издание, Oxford Academic, 8 декабря 2023 г.) 2021).

8. Ли Дж. К.(1997), Свобода прессы и демократизация: опыт Южной Кореи и некоторые уроки //Gazette (Лейден, Нидерланды). – 1997. – Т. 59. – №. 2. – С. 135-149.

9. Юм К. Х.(1986), Свобода прессы в условиях ограничений: пример Южной Кореи // Азиатский обзор. – 1986. – Т. 26. – №. 8. – С. 868-882.

10. Уивер Д.Х., Уиллнат Л. (2020). Мировой журналист XXI века. – Рутледж, 2020.

11. Шин В., Ким С., Джу Дж.(2021), Ненависть к журналистике: антипрессовый дискурс и негативные эмоции по отношению к журналистике в Корее //Журналистика. – 2021. – Т. 22. – №. 5. – С. 1239-1255.

12. Ширамеш К., Верчич Д.(2009), Профессионализм и диверсификация: эволюция связей с общественностью в Южной Корее // Глобальный справочник по связям с общественностью, переработанное и расширенное издание. – Рутледж, 2009. – С. 188-203.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Векторный анализ оценки рецензируемой статьи сориентирован на проблему анализа профессионального журналистского сообщества Республики Кореи. Как идентифицирует автор, вариант падает на правительственные институты, ассоциации и организации. Точен, «в Республике Корея (РК) контроль за профессиональной журналистской деятельностью осуществляется при помощи централизованной системы, которую поддерживает и курируют правительственные организации. Например, весомый вклад в развитие национальной медиасистемы РК осуществляет Корейская комиссия по коммуникациям (The Korea Communications Commission (KCC)). Это правительственное управление, отвечающее за регулирование вещания и коммуникационных услуг». На мой взгляд, указанная магистраль выверена, конкретна, конструктивна. Объективный ценз в работе выдержан, точечные позиции представлены открыто и достоверно: например, «ибо «ассоциация журналистов Кореи (англ. Journalists Association of Korea(JAK)). Направления деятельности: защита свободы слова; повышение профессионализма журналистов; защита прав и интересов журналистов; воссоединение Корейского полуострова; проведение исследований; присуждение наград и премий; обеспечение профессиональной подготовки в области цифрового вещания; проведение различных семинаров, форумов, дискуссионных сессий; организация обучения в Корее и за рубежом; материальная поддержка программы, в рамках которой журналисты посещают школы и рассказывают о роли СМИ; издание еженедельного журнала, который является важным средством распространения информации о деятельности JAK; обмен не

только с международными ассоциациями (особенно с International Federation of Journalists (IFJ)), но с отдельными журналистами по всему миру(한국기자협회Journalists Association of Korea.[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.journalist.or.kr/home/company.html?p_num=10)», или «Корейский фонд прессы (англ. The Korea Press Foundation (KPF)). Направления деятельности: осуществление проектов, направленных на укрепление доверия журналистов; разработка инновационных моделей управления медиа; поддержка укрепления публичного характера средств массовой информации; выработка механизмов повышения активности аудитории в средствах массовой информации; укрепление коммуникации между СМИ и населением; повышение эффективности управления медиабизнесом; распространение культуры корпоративной модели управления в соответствии с принципами ESG; поддержка роста инноваций в медиаиндустрии; повышение интереса общественности к государственной публичной(социальной) рекламе; расширение рынка новостной индустрии; повышение эффективности использования новостных данных; улучшение пользовательского обслуживания рекламодателей(한국언론진흥재단The Korea Press Foundation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kpf.or.kr/front/intropage/intropageShow.do?page_id=bad2f498ae9e4dfd8e05d07a620b1682)» и т.д. Фактическая составляющая работы точна, в тексте нет серьезных нарушений и недочетов. Методология актуальна, выверена, современна: «анализ нормативных документов, качественный контент-анализ, а также такой исследовательский метод, как кейс-стади с единственным результатом (single-outcome study) для определения специфики опыта Республики Корея. Анализируемыми источниками стали сайты журналистских союзов и организаций на территории Республики Корея — Корейская комиссия по коммуникациям, Корейской корпорацией вещательной рекламы, Ассоциация журналистов Кореи, Корейская ассоциация телерадиовещателей, Корейская ассоциация научной журналистики, Корейский фонд прессы, Корейская ассоциация газет и иных локальных профессиональных объединений». Тексту присуща целостность оценки вопроса, тема как таковая раскрывается полновесно; общие требования издания учтены. Информационные блоки дают должный ценз оценки. Например, «Из исторической справки, приведенной на сайте организации, установлено, что КЖА основана 17 августа 1964 года. Борьба против принятия закона «О комитете по этике прессы» (1964 г.) стала результатом сильного единства всех членов КЖА, что в итоге заставило правительство отказаться от его принятия. Это стало не только первым достижением в защите свободы прессы, но и возможностью подтвердить необходимость существования исследуемого объединения, а также определило будущее направление деятельности ассоциации, ее функции и обязанности перед журналистским сообществом. Таким образом, на необходимость формирования исследуемой ассоциации указывают исторические события 60-х годов прошлого века, когда в РК случился военный переворот. «Правительство во главе с Пак Чон Хи ужесточило контроль над СМИ, что повлекло за собой новые массовые закрытия редакций» и т.д. Автор работы стремится к объективности изложения вопроса, при этом создается и эффект диалога, что верно и целесообразно: «Сегодня усилия ассоциации направлены на повышение качества работы журналистов, защиту их прав, содействие саморегулированию, реформе СМИ и развитию журналистики на территории Кореи. КЖА выделяет пять основных направлений: защита свободы прессы, повышение качества профессиональных компетенций журналистов, защита прав журналистов, мирное воссоединение страны и укрепление международных обменов (한국기자협회Journalists Association of Korea.[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.journalist.or.kr/home/company.html?p_num=10). В рамках данных траекторий проводится определенный комплекс мероприятий и проектов, стимулирующих развитие

медиасреды». Фактическая номинация данных открыта и полновесна: «КЖА регулярно организует краткосрочные программы обучения для молодых журналистов в Китае и Вьетнаме, чтобы укрепить их профессиональные навыки. Однако руководство ассоциации также усматривает определенные перспективы в развитии международного сотрудничества в сфере медиа и интеграции в международное журналистское сообщество...». Итоговый / заключительный блок соразмерен с основным, противоречия не имеют место быть: «В ходе исследования было установлено, что действующие правительственные институты, организации и ассоциации, осуществляющие деятельность по улучшению качества профессиональной среды для корейских журналистов прибегали к такому методу, как внедрение модели интеграционного контроля регулирующих органов. Кроме этого, выделим ориентацию журналистского сообщества соответствовать международным стандартам, что отчасти приближает корейскую медиасреду к потере национальных особенностей системы прессы и телерадиовещания». Считаю, что данный материал может быть продуктивно использован далее при формировании тематически смежных исследований. Список источников актуален, формальные требования издания учтены. Рекомендую рецензируемую статью «Профессиональное журналистское сообщество Республики Корея: правительственные институты, ассоциации и организации» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Блохин И.Н., Георгиева Е.С., Лабуш Н.С., Олейников С.В. Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики // Litera. 2024. № 3. С. 150-154. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70054 EDN: LQBFSN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70054

Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики

Блохин Игорь Николаевич

ORCID: 0000-0002-6582-3951

доктор политических наук

профессор, кафедра теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru

Георгиева Елена Савова

кандидат политических наук

доцент, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ kaob@yandex.ru

Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Олейников Сергей Викторович

доктор политических наук

профессор, кафедра журналистики, ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

✉ olen_serg@inbox.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70054

EDN:

LQBFSN

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является специфика проявления журналистской функции сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти. Объект изучения – комплекс функций института журналистики. Обращение к феномену культурно-исторической памяти в контексте теории журналистики и профессиональной практики имеет значение по ряду причин. В теоретическом смысле необходим учет структурных особенностей явления культурно-исторической памяти и динамики его развития, изменений и влияния на процессы, происходящие в журналистике под воздействием становления новой системы постглобального мироустройства. Вопрос о сущностных институциональных признаках журналистики пространств суверенных макрорегионов может быть решен только в поиске опорных специфических базовых принципов существования и бытования профессии. В качестве одного из подобных принципов следует выделить культурно-историческую память, имеющую национальную природу порождения и институционально-культурные формы выражения, к которым в ряду других (не менее, но и не более важных) следует отнести журналистику. При определении функциональной структуры использованы подходы, выработанные в рамках структурно-функционального анализа. В определении взаимозависимости структуры исторического факта в журналистике и пространств его реализации использован дискурс-анализ в его функциональном применении в форме дискурсивных рамок. Новизна исследования заключается в обосновании принципа субъектности журналистики, ее институциональной природы, позволяющей инициирование и полноценное участие в социальных изменениях. Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти присутствует как неотъемлемая часть комплекса профессиональных журналистских функций. Функциональный комплекс журналистики проявляется на стратегическом уровне как соучастие в расширении культурного пространства и самоопределении как активной части культурной национальной истории. На оперативно-тактическом уровне журналистика выполняет функции социокультурной интеграции, социализации и адаптации. Структурные компоненты исторического факта в журналистике (денотат, смысл, значение и концепты) раскрываются в разной степени в зависимости от пространств реализации. Методология пространственного подхода, используемого в исследовании журналистики, позволяет выделить естественное, материальное, социальное, персональное и опосредованный медиа уровни пространства. На естественном, материальном и социальном уровнях доминирующую роль играет денотат, на персональном уровне – смысл, на уровне медиапространства – значение, а в системах обратной связи с аудиторией – концепты.

Ключевые слова:

теория журналистики, системный анализ, журналистский анализ, журналистика,

социальный институт, журналистская методология, факт, Функции журналистики, культурная память, Историческая память

Обращение к феномену культурно-исторической памяти в контексте теории журналистики и профессиональной практики имеет значение по ряду причин. В теоретическом смысле необходим учет структурных особенностей явления культурно-исторической памяти и динамики его развития, изменений и влияния на процессы, происходящие в журналистике под воздействием становления новой системы постглобального мироустройства. Вопрос о сущностных институциональных признаках журналистики пространств суверенных макрорегионов может быть решен только в поиске опорных специфических базовых принципов существования и бытования профессии. В качестве одного из подобных принципов следует выделить культурно-историческую память, имеющую национальную природу порождения и институционально-культурные формы выражения, к которым, в ряду других (не менее, но и не более важных) следует отнести журналистику.

В значении передачи культурного опыта в процессах специализированного образования и воспитания культурно-историческая память играет роль мировоззренческого комплекса, позволяющего сохранять и воспроизводить сущностные признаки журналистики в новых поколениях профессионалов. Приобщение к культурно-исторической памяти в образовании имеет две особенности: специфически профессиональную, позволяющую опереться на достижения специалистов-предшественников, и общекультурную, связанную с ценностным национальным и цивилизационным базисом.

Практическая прикладная реализация педагогических образовательно-воспитательных задач предполагает: усвоение навыков адаптации содержания и тематики журналистских произведений к ценностному культурно-историческому опыту аудиторий медиа; выработку умений концептуального отображения и регулирования культурно-исторической памяти с помощью выбора героев и управления сюжетными линиями; постоянного накопления знаний о прошлом и их использования в профессиональном труде. Отдельным направлением практического обращения к культурно-исторической памяти является журналистская историческая специализация, выражающаяся в системно-аналитическом способе познания прошлого и научно-популярной форме отображения исторических фактов и историософского знания.

Методология и методы исследования. Цель исследования заключается в обосновании сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики как социального института. В качестве объекта исследования выступает комплекс функций института журналистики, предметом изучения является специфика проявления функции сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти.

Задачи работы заключаются: в определении функциональной структуры сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти с участием журналистики; в выявлении сходств и различий исторической и журналистской методологии общественного познания; в обосновании взаимозависимости структуры исторического факта в журналистике и пространств его раскрытия, развертывания и реализации.

В работе в качестве фундаментального принципа использована методология системного анализа. При определении функциональной структуры сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти с участием журналистики использованы подходы, выработанные в рамках структурно-функционального анализа. Для выявления сходств и

различий исторической и журналистской методологии применяется сравнительный анализ. В определении взаимозависимости структуры исторического факта в журналистике и пространств его реализации использован дискурс-анализ в его функциональном применении в форме дискурсивных рамок, задающих параметры включения факта в повествование. При выделении пространств реализации факта применена методология пространственного подхода.

Обзор литературы. Классические подходы к определению и анализу культурно-исторической памяти достаточно подробно описаны в многочисленных исследованиях феномена. Обратим внимание на выводы, имеющие значение для теоретического осмысления функционирования журналистики в сохранении и воспроизводстве культурно-исторической памяти.

Одним из первых, кто обратился к потенциалу журналистики в контексте памяти был русский философ Н. Ф. Федоров (1829-1903). В работе «Музей, его смысл и назначение» (опубликована в 1913 г.), рассуждая в рамках своей мировоззренческой концепции «общего дела», он выделил отношение журналистики к культурно-исторической памяти как к общечеловеческому музею, который, по мысли философа, должен стать сосредоточием всемирного наследия: «Журналистику нынешнюю можно рассматривать как одну из частей распавшегося Музея, тогда как из журналистики, освободившейся от влияния враждебных сословий и даже руководящей ими, может создаться музей, или общая редакция журналов, которая и будет музеем. <...> Журналистика нынешняя составляет противоположность музею; она, представляя большую силу, расходуется на вопросы дня... Из сознания журналисткою своих недостатков и возникнет проект музея...» [\[26, с. 428\]](#).

На социальное единство как неперемное условие существования культурно-исторической памяти обратил внимание французский социальный философ Морис Хальбвакс (1925): «...общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах. <...> ...общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия» [\[28, с. 336-337\]](#). Хальбвакс стоял на позициях социологического понимания общества как системы, стремящейся к равновесию через устранение и преодоление внутренних противоречий, и, таким образом, задача социальных институтов, включая журналистику, состоит в обеспечении единства общества.

Британский историк Фрэнсис Йейтс в труде «Искусство памяти» (1966) выделила значение образности и визуальности, техник запечатления «мест» и «образов», в целях сохранения культурно-исторической памяти: «Формирование мест имеет огромное значение, поскольку одно и то же расположение мест *loci* может многократно использоваться при запоминании различного материала. Образы, которые мы разместили в них для запоминания определенного ряда вещей, стираются и блекнут, если мы больше ими не пользуемся. Но места остаются в памяти и могут быть вновь использованы при размещении другого ряда образов, относящихся к другому материалу» [\[12, с. 19\]](#). Подчеркнутая Йейтс роль визуальной эстетики имеет непосредственное отношение к структурам медиадизайна и формам функционирования сетевой коммуникации.

Немецкий историк Ян Ассман, главный теоретик культурной памяти (1992), подвергает ее

анализу в связи с коммуникацией: «индивидуальная память создается в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуникации» [2, с. 37]. Исследователь разделяет коммуникативную и культурную память: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [2, с. 52]; «Культурная память всегда имеет своих особых носителей» [2, с. 56]. В развитии идеи о двух видах памяти обосновывается тезис о типах журналистской деятельности: с одной стороны – оперативной коммуникации, обеспечивающей функционирование коммуникативной памяти и связь живущих поколений; с другой стороны – специализированной работы носителей традиции, актуализирующих историю и участвующих в воспроизводстве ценностей культуры.

Французский историк Пьер Нора, известный исследованиями «мест памяти», анализируя процесс «ускорения» истории, постоянства изменений, выделил эффекты аккумуляции и автономизации (2002). Аккумуляция, порожденная неизвестностью будущего, «проявляется как раздувание функции памяти и как гипертрофия учреждений и орудий памяти: музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и прочего». Автономизацию характеризует отношение к настоящему времени как мгновению «между непредсказуемым будущим и канувшим во тьму, непрозрачным для нас прошлым» [19, с. 397]. Автономизация связана с процессами атомизации личности, развития игрового отношения к действительности и его прошлому, формирования персональных «информационных пузырей» в медиапространстве [20, с. 19-27] и т. п.

Германский культуролог Алейда Ассман выделяет в системе формирования памяти элементы носителя, среды и опоры (2006). В зависимости от формы памяти – нейронной, социальной и культурной – в качестве продуцирующих ее факторов неизменно присутствуют социальная коммуникация и символические медиаторы [1, с. 30-31].

Современные исследователи феномена культурно-исторической памяти акцентируют внимание на интерпретации понятия [3, 36], ее роли в системе педагогической деятельности и воспитательной работы [18, 27, 38], различных аспектах ее функционирования, таких как сохранение национальной идентичности [5], участие в актуализации контекстов современности [22] и оптимизации личностного развития [40].

Принимая положение об историческом факте как базовом элементе культурно-исторической памяти, требуется обращение к обоснованию его понятия [6, 15, 25, 33, 35]. Категория исторического факта в современных исследованиях определяется в контекстах фундаментальных философских подходов – онтологически [17], гносеологически [30] и методологически [21]. Историография проблемы рассматривается в связи с эволюцией исторического познания [11, 16, 34]. Понятийное разграничение факта и события приводится в труде И. В. Силантьева «Сюжет и смысл». Исследователь рассматривает факты как «все более или менее целостные динамические моменты, которые человек вычленяет из определенного процесса, руководствуясь определенной точкой зрения. <...> Событие – это... очеловеченный факт. ...для квалификации факта достаточно критерия *замеченности* (с определенной точки зрения, позиции). Событие предполагает *вовлеченность* человека в отмеченный им факт или совокупность фактов. При этом *вовлеченность* может быть не только социально-ситуативная, но и личностная, и поэтому событие не просто *ментально*, но и отчетливо *аксиологично*.

Последовательность изложенных, рассказанных в определенном коммуникативном акте событий образует нарратив» [24, с. 71]. Подобным образом происходит применимое к журналистике описание процесса работы автора над текстом, а сама журналистика выступает в качестве особого типа формотворчества, фиксирующего культурно-историческую память.

Особая группа научных источников представлена трудами, посвященным проблеме факта в журналистике. При обращении к данной теме исследователи прежде всего акцентируют внимание на прикладных аспектах вопроса о достоверности информации, техническом и логико-алгоритмическом потенциале ее проверки [10, 13, 14, 37]. Отдельное направление представлено работами, в которых определяются эволюционные тенденции развития журналистики факта в связи с нормативными, морально-этическими условиями профессиональной деятельности [8, 31, 32]. Поскольку наиболее важным представляется рассмотрение сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти в системе журналистских функций, требуется обращение к положениям, изложенным в работах, в которых анализируется функционирование журналистики в комплексе ценностных противоречий [4, 9, 29, 39].

Результаты исследования. Использование категории функции в отношении феномена культурно-исторической памяти со стороны журналистики предполагает определение последней в качестве социального института, субъекта, иницирующего и участвующего в общественных изменениях. Функции сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти, помимо журналистики, осуществляются различными институтами – семьи, образования, литературы, искусства, музея и т. д. Институт журналистики участвует в сохранении и воспроизводстве культурно-исторической памяти, используя все разнообразие своего функционала, в котором выделяются стратегический и оперативно-прикладной уровни.

На стратегическом уровне функциональный комплекс журналистики включает в себя, во-первых, участие в расширении культурного пространства. Институционально журналистика объективно ограничена языковым ареалом, в границах которого осуществляются коммуникации, а иноязычная информация проникает в среду ареала, проходя через нормативные, ценностные, технологические и др. фильтры, развитие системы которых позволяет расширять пространства культур. Журналистика региональных, городских, других поселенческих сообществ участвует в обнародовании, сохранении и воспроизводстве исторических знаний, памятников, фактов, интегрирующих локальные культурные пространства. Во-вторых, стратегически, журналистика сама представляет собой часть культурной истории, ведущий институт сохранения культурно-исторической памяти, смыслового и ценностного пространства культуры.

Среди оперативно-прикладных функций, которые имеют значение в культурно-историческом контексте, выделяются: социокультурная интеграция, социализация новых поколений, а также адаптация представителей интегрируемых сообществ. В прикладном смысле данные функции проявляются в детальном описании исторических фактов, фиксировании свидетельств современников как участников и наблюдателей происходящего, анализе прямых (наблюдаемых) и опосредованных (логически, аналитически реконструируемых) событий.

Выделение стратегического и оперативно-прикладного функциональных уровней оказывает влияние на определение сходств и различий исторической и журналистской

методологии. Так, на стратегических уровнях и историческая наука, и журналистика участвуют в формировании интегральной общественной идеологии, определяющей целеполагание социального развития на базе опыта прошлого. На уровне оперативно-прикладного функционирования историки и журналисты собирают и обрабатывают фактическую информацию, используют единую систему эмпирических методов, анализируют полученные данные с помощью универсальных научных логических алгоритмов. Для историка и журналиста следование фактам является нормативным требованием, но при этом «необходимо каждый раз определяться с тем, какую систему отсчета ему избрать для трактовки факта (в зависимости от системы отсчета, будет меняться и масштаб, и объем, и смысл факта)» [\[4, с. 170\]](#).

Исторический факт в журналистике раскрывается в соответствии с его структурой, в которую входят произошедшее событие (денотат), авторское послание (смысл), средства выражения (значение) и способы, используемые журналистом для закрепления понимания текста (культурные концепты). И. А. Королев отмечает, что «журналист способен максимально объективно оценить лишь... денотативную составляющую, то есть определить правдивость или ложность самого ядра факта (события или явления), на котором он базируется. Вместе с тем верификация смысла и значения факта в любом случае подразумевает определенные интерпретации, основанные на внутренней системе норм и ценностей журналиста» [\[14, с. 110\]](#).

При определении структуры факта в журналистике нельзя не обратить внимание на различие условий, лежащих в основе типов профессиональной деятельности. Например, факты, используемые в научно-популярной журналистике, имеют свою специфику в сравнении, например, с фактами, которыми оперирует художественный критик и т. д. Различие условий раскрытия, развертывания и реализации факта проявляется при анализе пространств, осуществления журналистской деятельности, которые выражены в медиа-продуктах и творческих произведениях. Денотат имеет рамочное нормативное значение, которое нельзя игнорировать, в пространствах естественного мира природы (например, в трэвел-журналистике), предметно-материальных отношений (например, в исторической журналистике), социальных и коммуникативных действий (то, чем оперирует, так называемая, «журналистика фактов»). Соответствие факту естественного, материального и социального пространств связано с достижением достоверности в изложении и доверия при восприятии информации аудиторией.

Смысл, который журналист вкладывает в сообщение, раскрывает персональное пространство авторской реальности, которому соответствует понятие «жизненного мира» Э. Гуссерля. Согласно ему, личности «конституируют различные окружающие миры культуры как конкретные жизненные миры, в которых живут, действуя и претерпевая воздействия, относительно или абсолютно обособленные общности» [\[7, с. 170\]](#). Для выявления смысла оптимально использовать метод анализа дискурс-рамки журналиста, в которую входят модель и тип медиа, жанр и функции произведения, отобранные факты и их авторские интерпретации. Содержание авторской интерпретации определяется с помощью реконструкции процедур отбора фактов и их системной композиции в произведении, выборе языковых средств, использовании терминологии и оценочной лексики. На данном смысловом уровне проявляются проблемы соответствия действительности и реальности, истины и правды, вовлекающие в процедуры интерпретации, помимо автора, также героев произведений, оценивающих экспертов и, самое главное, адресатов сообщения. Правда «оказывается зависимой от психологии и менталитета как автора высказывания, так и воспринимающей это высказывание личности». В журналистике она «сопрягается с особенностями национальной картины

мира (языковой либо выраженной в языке), которая для носителя языка и будет правдой» [\[9, с. 179\]](#).

Значение как компонент факта определяется при обращении к анализу медиапространства, которое, несмотря на свою вторичную искусственную природу, также является специфической средой порождения фактов. Внешнее влияние на отношение журналистов к фактическому материалу оказывают существующие как на уровне отдельных СМИ, так и национальных медиасистем, формы регулирования объемов информации и ее содержания: законодательные и этические нормы, «самоцензура» в редакционной политике, правила блокировки сетевых ресурсов и т. д. Внутренние регуляторы проявляются в журналистике, когда авторы начинают ориентироваться на собственные представления о состоянии общественного сознания и предпочтениях аудитории. Природа подобных представлений обусловлена ценностной средой персональной медиасреды журналиста, его социальным опытом и доминированием тех или иных представлений в доступном для него секторе медиапространства. Если рассматривать журналистов как группу лидеров мнений, оказывающих влияние на человеческое поведение, то они коммуникативно-технологически становятся объектом манипулятивного воздействия: «С одной стороны, историческая память в ее медийном символическом выражении – неотъемлемая часть культурного фонда общества, является основанием для решения вставших перед ним проблем, с другой – на уровне массового сознания медийное клише, чрезвычайно удобное средство в руках манипуляторов от идеологии» [\[23, с. 173\]](#).

Использование культурных концептов, используемых журналистами для закрепления понимания текста, выполняет задачу определения значения факта в контекстах восприятия аудиторий. Для работы с концептами в аудиторных контекстах необходима категоризация факта как части концептуальной структуры в зависимости от уровней текста (текст как сообщение, произведение, медиа и канал коммуникации), согласование авторских дискурс-рамок и ментальных матриц аудиторных групп (массовых и целевых, хаотических и структурированных, рационального и эмоционального типа восприятия) и использование материалов обратной связи и медиастатистики как показателей состояния культурно-исторической памяти.

Выводы. Включение проблематики культурно-исторической памяти в процессы профессионального журналистского образования требует утверждения принципа субъектности журналистики, ее институциональной природы, позволяющей инициирование и полноценное участие в социальных изменениях. Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти присутствует как неотъемлемая часть комплекса профессиональных журналистских функций.

Функциональный комплекс журналистики проявляется на стратегическом уровне как соучастие в расширении культурного пространства и самоопределении как активной части культурной национальной истории. На оперативно-тактическом уровне журналистика выполняет функции социокультурной интеграции, социализации и адаптации.

Участию журналистики в сохранении и воспроизводстве культурно-исторической памяти способствует тождественность с рядом направлений научно-исторической методологии: формирование общественной идеологии, использование методического аппарата, оперирование фактами.

Структурные компоненты исторического факта в журналистике (денотат, смысл, значение

и концепты) раскрываются в разной степени в зависимости от пространств реализации. Методология пространственного подхода, используемого в исследовании журналистики, позволяет выделить естественное, материальное, социальное, персональное и опосредованный медиа уровни пространства. На естественном, материальном и социальном уровнях доминирующую роль играет денотат, на персональном уровне – смысл, на уровне медиапространства – значение, а в системах обратной связи с аудиторией – концепты.

Библиография

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Бегунова Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 50-55.
4. Белевитина Т. М., Дмитриевский А. Л. Факт в журналистике: к дефиниции понятия // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2 (58). С. 162-171.
5. Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 134-141. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13
6. Григорьев А. В., Карпова О. В., Величко С. В. Исторический факт в науке и образовании // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. С. 87-90.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.
8. Жирков Г. В. Негативная роль журналистики в формировании социокультурного пространства (эволюционный аспект) // Русская литература и журналистика в движении времени. 2014. № 1. С. 146-158.
9. Загидуллина М. В. К философии «границы»: искажение правды в новостной журналистике в контексте особенностей отечественного менталитета и информационной экспансии // Век информации. 2014. № 3. С. 178-187.
10. Ильченко С. Н. Исторический факт в журналистике: как обнаружить фейк // Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 154-158.
11. Ипполитов Г. М. Категория «исторический факт» в трактовке советских ученых // In memoriam: Владимир Ильич Белозерцев: сборник памяти Белозерцева В. И. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2015. С. 83-93.
12. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга. 1997. 479 с.
13. Козлов А. В. Достоверность журналистского факта, или Как цель оправдывает средства // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 1 (171). С. 72-79.
14. Королев И. А. Факт как объект фактчекинга: модели установления достоверности // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1: Педагогика. Психология. Филология. 2022. № 2 (112). С. 108-113.
15. Кривоносова Е. Э., Рудковский Э. И. Исторический факт или его интерпретация? // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 23-25.

16. Кром М. М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4 (43). С. 5-14. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-5-14
17. Медведева З. А. Существование и исторический факт // Социогуманитарный вестник. 2011. № 6. С. 145-149.
18. Москаленко М. Р., Каргаполова Е. С., Юдин И. В. Культурно-историческая память и ее роль в социальной безопасности общества: особенности изучения со студентами вузов // МедиаВектор. 2022. № 5. С. 107-111.
19. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 391-402.
20. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
21. Рахматуллин Р. Ю., Зиязетдинов Р. М., Назаров Т. З. Исторический факт в свете философии науки // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 11. С. 168-171. DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.30
22. Сидоренко Л. Ю. Актуализация культурно-исторической памяти: тенденции и формы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 27-33.
23. Сидоров В. А. Прошлое и настоящее в медийной среде: ценностный резонанс // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 171-180. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180
24. Силантьев И. В. Сюжет и смысл. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 144 с.
25. Удальцов В. Г., Михалкин Н. В., Наместникова И. В. Исторический факт: к вопросу о понятии // Актуальные проблемы философии: история и современность / Под ред. В. А. Песоцкого. М.: Московский государственный областной университет, 2018. С. 20-29.
26. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 2. М.: Прогресс, 1995. С. 370-437.
27. Фролова С. В., Аксенов С. И. Категории гражданской идентичности и культурно-исторической памяти в историко-педагогическом дискурсе // Грани познания. 2023. № 4 (87). С. 23-27.
28. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
29. Цуканов Е. А., Лозовская В. А. Исторический факт как инфоповод в СМИ // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 63-69.
30. Шпека К. А. Исторический факт и историческое знание // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 1 (29). С. 41-49. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.05
31. Якушева Г. В. Пропаганда и правда: журналист на перекрестках истории вчера и сегодня // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. Часть 2. М.: Московский гуманитарный университет, 2017. С. 553-556.
32. Aberdein A. (2023). Anonymous Arguments. *Ethical Theory and Moral Practice*: 1-15. DOI: 10.1007/s10677-023-10420-1
33. Burrows T. (2023). Reproducibility, Verifiability, and Computational Historical Research. *International Journal of Digital Humanities* 5: 283-298. DOI: 10.1007/s42803-023-00068-9
34. Davidov O., Rudas T. (2024). On the Use of Historical Estimates. *Statistical Papers* 65: 203-236. DOI: 10.1007/s00362-022-01375-z
35. Guala F. (2023). Social Kinds: Historical and Multi-Functional. *European Journal for Philosophy of Science* 13: 32. DOI: 10.1007/s13194-023-00534-9
36. Heersmink R. (2023) Materialised Identities: Cultural Identity, Collective Memory, and

Artifacts. Review of Philosophy and Psychology, 14(1), 249-265. DOI: 10.1007/s13164-021-00570-5

37. Inshakova N. G., Pankeev I. A. (2022) About Fact-Checking of Online Scientific Publications. Scientific and Technical Information Processing 49, 269-274. DOI: 10.3103/S0147688222040074

38. Korol A. D. (2022). Preserving Historical Memory through Educational Silence Practice. Interchange 53 (3-4), 619-636. DOI: 10.1007/s10780-022-09475-3

39. Pawelec M. (2022) Deepfakes and Democracy (Theory): How Synthetic Audio-Visual Media for Disinformation and Hate Speech Threaten Core Democratic Functions. Digital Society, 1, 19. DOI: 10.1007/s44206-022-00010-6

40. Veresov N. (2021). Cultural-Historical Theory and the Dialectics of Lower and Higher Psychological Functions. Integrative Psychological and Behavioral Science 55 (2), 735-748. DOI: 10.1007/s12124-021-09647-3

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности рассмотрения особенностей репрезентации культурно-исторической памяти в СМИ.

Цель исследования заключается в обосновании сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики как социального института.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной журналистике. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В работе в качестве фундаментального принципа использована методология системного анализа. При определении функциональной структуры сохранения и воспроизводства культурно-исторической памяти с участием журналистики использованы подходы, выработанные в рамках структурно-функционального анализа. Для выявления сходств и различий исторической и журналистской методологии применяется сравнительный анализ. В определении взаимозависимости структуры исторического факта в журналистике и пространств его реализации использован дискурс-анализ в его функциональном применении в форме дискурсивных рамок, задающих параметры включения факта в повествование. При выделении пространств реализации факта применена методология пространственного подхода.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Выводы по статье не в полной мере отражают проведенное исследование и требуют уточнения. Библиография статьи насчитывает 40 источников как на русском, так и

иностранном языках.

Считаем, что ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно, бы усилили теоретическую значимость работы.

Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвистике, медиадискурсу, а также в практической подготовке будущих журналистов. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сохранение и воспроизводство культурно-исторической памяти в комплексе функций журналистики» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ш. Сопоставительный анализ классического нейминга в китайском и русском языках // Litera. 2024. № 3.

С. 155-158. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70124 EDN: IAQPVK URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70124

Сопоставительный анализ классического нейминга в китайском и русском языках

Ван Шихао

ORCID: 0009-0006-5472-0566

аспирант, кафедра Общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

119571, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 148, кв. 205

✉ wsh1533951634@gmail.com[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.70124

EDN:

IAQPVK

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются производящие мотивационные основы номинантов в китайском и русском языках. Объектом исследования является нейминг в двух культурах. Имя – это своеобразный знак. Общеизвестно, что имя является культурным феноменом как в русской, так и в китайской культурах. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как теория номинации и ее уникальные черты применительно к китайской и русской лингвокультурам; понятие нейминга и процесс создания онимов в двух языках под влиянием исторического фона. Путем изучения китайских и русских имен в данной статье делается попытка изучить различные культурно-психологические атрибуты как в русском, так и в английском языках. Особое внимание уделяется китайскому тону, который влияет на создание ононимов, а также сопоставительному изучению ононов в китайском и русском языках. За

методологическую основу исследования были взяты положения, сформулированные лингвистами, которые занимаются изучением вопросов, связанных с неймингом и теорией номинации: Y.Y. Huang, A.K.K. Chan, V. Mathesius и др. Методы исследования: систематизация и обобщение, этимологический анализ, концептуальный анализ, лингвокультурологический анализ. Основными выводами проведенного исследования являются положения, сформулированные по итогам сопоставительного анализа: в китайской культуре имена выбираются для передачи определенных значений и коннотаций. Китайские имена собственные часто состоят из двух или трех символов, с фамилией на первом месте. Фамилии обычно передаются по наследству и несут в себе глубокое чувство традиций и происхождения. В русской культуре имена также имеют важное значение и выбираются на основе множества факторов. Они обычно состоят из имени, отчества (образованного от имени отца) и фамилии. Фамилии обычно передаются по наследству и отражают этническое или региональное происхождение семьи. Особым вкладом автора в исследование темы является то, что в статье в обобщенном виде представлены основные сходства и различия в русском и китайском нейминге. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на основе этимологического анализа установлены релевантные черты нейминга в китайском и русском языках.

Ключевые слова:

нейминг, классический нейминг, теория номинации, имена собственные, исторические тенденции нейминга, названия брендов, сопоставительный анализ, источник номинации, Семантические структуры, Первичные лексемы

Введение

С развитием современных стран возникает все большая потребность в эффективном межкультурном общении. Общеизвестно, что люди общаются с другими преимущественно посредством языка, который выражает нам наибольший объем информации. Поэтому несомненно, что люди высоко ценят языковую информацию. Именам при общении отводится особая роль, поскольку именно по имени коммуниканты обращаются друг к другу. Путем изучения китайских и русских имен в данной статье делается попытка изучить различные культурно-психологические атрибуты как в русском, так и в английском языках.

Имя – это своеобразный знак, общеизвестно, что это имя является культурным феноменом как в русской, так и в китайской культурах. В Китае и других странах имена имеют разное значение. Имена могут быть связаны с историческим и культурным прошлым страны и иметь глубокие коннотации. Китайское имя можно разделить на четыре части: фамилию, номинацию рода, название клана и имя. Имя – это особый культурный язык, оно отражает некоторую социальную историю, культурный дух и религиозные обычаи этого народа. Это важное воплощение культуры нации, что требует изучения для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Теория номинации и понятие нейминга

Само понятие нейминга – Naming Unit (NU) впервые было использовано Вилемом Матезиусом в 1961 году, что дало начало развитию теории номинации, в рамках которой изучаются процессы, связанные с описанием того, как слова приобретают значение через их отношение к миру и к другим словам. Сам процесс именования можно разделить на две основные части: концептуализацию и лингвистическое кодирование.

Процесс концептуализации основан на мысленной обработке экстралингвистической реальности. Процесс наименования происходит также на фоне знания существующей мысленной лексики говорящего. Процесс нейминга начинается с восприятия экстралингвистической реальности.

Каждое новое явление в человеческом обществе и в человеческой деятельности вообще, имеющее какое-либо значение для общения, находит отражение в лексике. Слово, по своему значению передающее какое-то понятие, является обобщенным отражением действительности; поэтому невозможно понять его развитие, если не знать об изменениях в социальной, политической или повседневной жизни, производстве или науке, нравах или культуре, которые он служит отражению. Акт номинации — речепознавательный процесс выбора готового названия вещи из имеющихся языковых единиц или придумывания для нее нового имени. Образование новых слов происходит путем объединения языковых элементов на основе отношения детерминант/детерминат, называемого синтагмой.

Саму структуру акта номинации можно определить следующим образом: она включает в себя намерение говорящего и языковые средства его реализации. В соответствии со своим намерением говорящий анализирует ситуацию и отмечает в ней некоторые детали. Это влияет на выбор единицы номинации [1]. Здесь учитываются следующие факторы:

- 1) источник номинации: в каком виде – готовом или вновь созданном – взята единица;
- 2) форма и длина номинационной единицы: слово, словосочетание или предложение;
- 3) внутренняя форма номинации: номинация может быть как мотивированным знаком, так и немотивированным знаком. Примеры: фонетическая мотивация – разбить, хлестнуть, плеснуть; морфологическая мотивация – друг – недружественный; смысловая мотивация – рука человека → рука дерева;
- 4) смысловые типы номинации: прямая/косвенная, первичная/вторичная, буквальная/переносная. Первичная номинация имеет место тогда, когда референт номинируется непосредственно и значение языковой единицы можно понять без помощи контекста, изолированно. Вторичная номинация – это использование существующих языковых единиц в новой функции, с новым значением.
- 5) адекватность акта о выдвижении и внутренний контроль за его правильностью и правильностью.

В акте выдвижения большое значение имеют различные прагматические факторы: эмоциональные факторы; оценочные факторы; социальные факторы. Лексика языка и, соответственно, «лексикон» как подкомпонент грамматики, формально представляющий лексическую компетенцию носителя языка, структурируются по двум организационным принципам: семантическому и формально-морфологическому.

Семантические структуры возникают в результате существования разного рода смысловых отношений между лексическими единицами, точнее, значений лексических единиц, на основе которых образуются множества лексем, имеющих общее основное значение. Эти наборы обычно называют лексическими полями. Формально-морфологические структуры возникают из способности уже существующих лексических единиц соединяться с другими лексическими единицами или со связанными морфемами (приставками, суффиксами), образуя морфологически сложные новые лексические единицы. Эти процессы, т. е. словосложение, префиксация, суффиксация и т. д., характеризуют область словообразования и обычно рассматриваются как средство почти

безграничного расширения словарного запаса с целью приспособления его к постоянно меняющимся референциальным требованиям словаря. речевое сообщество. Это приводит к формальному разделению словарного запаса на первичные и вторичные лексемы.

Первичные лексемы, например. большой, гора, дать, в и т. д. – простые, произвольные языковые знаки в смысле Соссюра [3]. Вторичные лексемы, например. космический корабль, пароход, переписать, атомизировать, всадник, отъезд и т. д. — лексические синтагмы. Как таковые они характеризуются отношением детерминант/детерминатум; они относительно мотивированы по отношению к своим составляющим и параллельным образованиям; и они основаны на определенных морфологических, семантических и синтаксических закономерностях.

Классический нейминг в китайской культуре

Для китайцев фамилии были индивидуальным символом семьи. Китайские фамилии возникли у человечества, предыдущего первобытного племени в матриархальном обществе. Сегодня в китайской культуре присвоение имени является важной символической практикой, имеющей глубокий смысл и культурное значение. Теория древних китайцев основывается на убеждении, что человек является неотъемлемой частью природы. Это положение наиболее типично представляет восточный образ мышления и повлияло на особенности нейминга в восточной культуре. Рассмотрим примеры.

Фамилия человека занимает важное положение в концепции мышления представителей китайской лингвокультуры. Закономерным образом можно предположить, что при создании китайского имени путем соединения слов из лексикона всегда будут внимательно учитываться соответствующие значения выбранных слов.

Китайские имена часто имеют семейное, поколенческое и культурное значение. Имена обычно выбираются на основе положительных достоинств или стремлений родителей к своему ребенку. Фамилии (фамилии) передаются из поколения в поколение и отражают чувство происхождения и наследия.

Традиционная китайская практика именованья часто находится под влиянием теории пяти элементов (дерево, огонь, земля, металл, вода). Определенные символы или звуки считаются счастливыми или благоприятными на основании их связи с этими элементами, и это может повлиять на выбор имен для людей.

В китайской культуре существуют определенные табу на имена, например, избегать имен, которые звучат похоже на отрицательные слова или имеют отрицательный подтекст. Например, обычно избегают имен, которые звучат как смерть или несчастье.

Фамилия всегда предшествует имени при написании на китайском языке, иногда некоторые люди могут изменить порядок своего имени при написании его латинскими буквами, например, будет использоваться Sun Sidong вместо Sidong Sun. Фамилии почти всегда состоят из одного символа. Есть несколько двухсимвольных фамилий, таких как Сыма (司马) и Оуян (欧阳), но они очень редки.

Недавние переписи населения в Китае показывают, что существует более 4000 уникальных фамилий, на практике подавляющее большинство китайцев имеют относительно ограниченный набор фамилий: по состоянию на 2007 год на три самые популярные фамилии приходилось 21,37% населения Китая, а на следующие 97

наиболее распространенных фамилий пришлось еще 63%. Более того, существуют значительные региональные различия в частоте фамилий (например, LIN林 является второй по распространенности фамилией на Тайване и только 19-й по распространенности фамилией в материковом Китае). В результате одна только фамилия не имеет большого значения для выяснения неоднозначности личности.

Имя всегда следует за фамилией, если оно написано на китайском языке. Хотя имена обычно состоят из двух символов, односимвольные имена не являются чем-то необычным. Теоретически в имени можно использовать любой из десятков тысяч китайских иероглифов, но на практике подавляющее большинство имен состоит из гораздо более ограниченного набора символов с положительным значением.

Хотя любой конкретный символ не обязательно указывает пол человека, в имени которого он используется, некоторые символы, как правило, используются чаще одним полом, чем другим. Например, Ли (莉, жасмин) почти никогда не используется в мужских именах; У (武, боевой) почти никогда не используется в женских именах.

Подавляющее большинство китайцев берут фамилию своего отца. Супружеские пары почти никогда не принимают фамилию своего супруга, хотя замужние женщины иногда могут называться по фамилии мужа, за которой следует их имя (например, Гу Кайлай 谷开来, жена Бо Силая, иногда упоминается как Богу Кайлай). 薄谷开来).

Братья, сестры или двоюродные братья одного поколения могут иметь один и тот же символ своего имени. Хотя сегодня это встречается реже, чем в прошлом, оно все еще распространено. Этот общий символ обычно занимает первый символ данного имени. Например, у бизнес-леди Ма Сяохун (马晓红), попавшей под санкции OFAC, есть братья и сестры по имени Ма Сяобо (马晓波), Ма Сяоцзе (马晓杰) и Ма Сяодун (马晓东).

В то время как большинство жителей материкового Китая сегодня романизируют свои имена, используя официальную китайскую систему латинизации Ханью Пиньинь, существует широкий спектр схем латинизации, используемых в Большом Китае и среди этнических китайских общин по всему миру. Имена могут отображаться вместе (например, Дин Айлянь 丁爱莲), отдельно (например, Луи Ван Цзин 吕雲青), разделенными дефисом (например, Ван Шин-синг 王新馨).

Хотя некоторые этнические меньшинства используют китайские иероглифы в своих именах, многие принимают китайские имена, которые представляют собой просто фонетическую транслитерацию на китайский язык названия их родного языка. В некоторых случаях они могут быть длиннее 3 или 4 символов. Среди этнических групп, которые используют китайские иероглифы в своих именах, некоторые фамилии более распространены, чем у большинства ханьцев (например, наиболее распространенная корейская фамилия Пак переводится на китайском языке как Piao 朴).

Встречаются также нарицательные существительные в качестве фамилий. Например, родители бывшего старшего помощника президента Ху Цзиньтао, возможно, вдохновленные желанием продемонстрировать революционное рвение, назвали своих детей в честь модных политических словечек:

Лин Цзихуа 令计划 – Цзихуа = план

Лин Фанчжэнь 令方针 – Фанчжэнь = руководящие принципы/политика

Ling Luxian 令路线 – Luxian = линия (например, линия партии)

Лин Ваньчэн 令完成 – Ваньчэн = завершено

Также стоит отметить, что китайская система фамилий имеет большее коннотативное значение, нежели в русском языке. У китайских имен и фамилий более сложная форма и глубокое коннотативное значение, которое занимает чрезвычайно важное положение в концепции мышления людей.

Классический нейминг в русской культуре

Многолетнее историческое и культурное наследие создало уникальную культуру русских имен. В разные исторические периоды люди следовали разным правилам и обычаям в присвоении имен, отражая особенности временной эпохи. Традиционные русские принципы нейминга следуют определенному образцу имени, отчества (производного от имени отца) и фамилии. Например, Иван Иванович Иванов.

Русские имена часто имеют глубокий смысл и связь с религиозными или историческими деятелями, причем многие имена имеют славянское, христианское или древнерусское происхождение. Русские имена также могут быть гендерными, с разными именами для мужчин и женщин. Например, Иван для мужчины и Ивана для женщины. В России люди часто имеют прозвище или уменьшительную форму имени, которое используют члены семьи и близкие друзья. Например, Саша для Александра или Катя для Екатерины.

Русские традиции именования могут различаться в зависимости от региона, этнической принадлежности и социального класса, при этом некоторые семьи предпочитают отказаться от традиционных соглашений об именах и выбрать более современные или уникальные имена.

Обряды наречения, такие как православная традиция крещения ребенка вскоре после рождения, являются важными культурными событиями в российском обществе. Русские обычаи именования также распространяются на названия улиц, зданий и достопримечательностей, многие из которых посвящены историческим личностям, патриотическим темам или важным событиям в истории России.

В современном российском обществе наблюдается тенденция к выбору международных или нетрадиционных имен под влиянием мировой поп-культуры и СМИ. Однако традиционные русские имена продолжают быть популярными и иметь культурное значение.

Зинин считает, что «до принятия христианства родители имели значительно большую свободу выбора имени ребенка, причем выбор характеризовался внешними причинами, иногда случайными, стремлением родителей вложить в имя, как в талисман, лучшее пожелания в будущей жизни ребенка» [\[8, с. 51\]](#). Кроме древних имен использовались общеславянские: Ярослав, Мстислав, Всеволод. После XIV века такие имена стали непопулярны среди князей и их приближенных и вышли из употребления. В некоторых семьях при выборе этих имен также наблюдалось наименование: с целью проследить общие компоненты в именах всех членов семьи. С принятием христианства в русском языке появился новый тип имен – агионимия – имена святых.

Ни о каком свободном выборе имени в России долгое время нельзя было говорить, поскольку новорожденные помазывались по церковным уставам [\[5, с. 142\]](#). Кроме того, необходимо отметить, что на набор имен повлияли события, произошедшие после Октябрьской революции: исчез церковный (да и вообще какой-либо официальный контроль) над антропонимической ситуацией. Это помогло воплотить в обществе

полноценные взгляды на «модные» имена. В 1920 году это имя стало особым пропуском для новых людей в новую жизнь [\[3\]](#). В рабочих коммунах, на заводах было просто невозможно дать ребенку традиционное религиозное имя, особенно после отделения церкви от государства, где пропагандировался атеизм.

Можно отметить несколько направлений, в которых создавались новые имена:

- 1) Революция и революционный период – Ревд (революционный ребенок) Рево, Герой;
- 2) Планы развития страны: Рам (революция, электрификация, механизация), Мартин (в честь Сименса – печи Мартина);
- 3) Достижения науки и искусства: Академика, Полиграф, Гений;
- 4) Названия цветов и драгоценных камней: Гортензия, Лилия, Бриллиант;
- 5) В знак солидарности с рабочими зарубежных стран – заимствование западных имен: Эрнст (в честь Тельмана), Клара (в честь Цеткин), Луиза (в честь Мишель).

В наши дни понятие имени снова изменилось. Хотя религия вернула себе права гражданства, церковные календари не способствуют выявлению тех или иных вариантов имен. Основным из них является орфографическая форма имени, а органы гражданского состояния считают варианты имени (Наталя и Наталья, Софа и София) разными именами, хотя это лишь разное произношение одного и того же имени. в разных социальных группах [\[2, с. 12\]](#). На основании работ Суперанской, Никонова, Сусловой можно предположить следующие факторы, влияющие на нейминг в России:

- 1) По святцам церковных канонических имен [\[8, с. 179\]](#);
- 2) В честь особо почитаемых святых;
- 3) Немотивированная ненависть или любовь к имени [\[8, с. 180\]](#);
- 4) Подбор имени по отчеству и фамилии;
- 5) Благозвучный;
- 6) Влияние именного списка правящей династии (например, имя Екатерина не имело широкого распространения в XVIII веке);
- 7) В честь или в память какого-либо человека или значимого события;
- 8) Эффект драмы и литературы – Ассоль, Аэлита [\[7, с. 144\]](#);
- 9) Повышенный интерес к древнерусской истории – (использование имен первых древних правителей интеллигенции 20-30-х годов XX века – Олега, Игоря, Владимира, Всеволода, Ольги и других);
- 10) Оригинальность – используйте для наименования нарицательное имя – Баррикада, Глобус [\[5, с. 5 – 6\]](#);
- 11) Социальное положение - Петр, Иван для бояр и дворян; Петрушка, Ивашка – для простого народа [\[1, с. 105\]](#); Василиса, Фекла – для крестьянок; Елизавета, Александра – для дворянок [\[1, с. 118\]](#).

В заключение обсуждений особенностей нейминга в русской культуре, важно подчеркнуть, что система традиций присвоения имени с течением времени менялась, на нее влияли культурные и исторические события. Наиболее сильное влияние оказали такие события, как принятие христианства и перенятие православных традиций Византии. Отдельный пласт имен составляют те, которые связаны со святыми, архангелами и мучениками. Как раньше, так и сейчас носители русской лингвокультуры уделяют большое внимание выбору имени ребенку. При этом учитывается благозвучность, оригинальность и особые коннотации имени. Стоит также отметить, что в некоторых примерах можно проследить связь между названием места жительства человека, его религиозной принадлежностью, идеологией и именем. Еще одна типичная русская традиция – давать имена детям в честь членов семьи.

Сопоставление принципов нейминга в китайской и русской культурах

Изучение основных принципов нейминга в китайской и русской культурах позволило установить, что процесс присвоения имени в этих двух лингвокультурах имеет разные особенности и традиции, которые определяются различными путями исторического развития, отличными религиями и культурными традициями. Систематизируем сходства и выделим основные отличия.

В первую очередь установлено, что в китайской культуре имена выбираются тщательно, чтобы передать определенные значения и коннотации. Имя в китайской лингвокультуре наделяется особым смыслом и может предопределить судьбу человека. Китайские имена часто состоят из двух или трех символов, причем первой стоит фамилия. Фамилии обычно принимаются по отцу и заключают в себе информацию о происхождении человека. Часто в фамилии находят отражение семейные традиции. Имена часто выбираются таким образом, чтобы отразить добродетели или ценности, которые родители надеются воплотить в своем ребенке. Также имена могут быть выбраны на основе элементов китайской астрологии, таких как пять элементов (металл, дерево, вода, огонь, земля) и 12 знаков животных.

В русской культуре имена также имеют важное значение и выбираются на основе множества факторов. Русские имена обычно состоят из имени, за которым следуют отчество (образованное от имени отца) и фамилия, которая также как и в китайской лингвокультуре передается от отца. Русские имена могут быть выбраны исходя из религиозной принадлежности человека, семейных традиций или популярных культурных тенденций, которые имеют место в настоящее время. Как правило, русские имена часто имеют славянское или православно-христианское происхождение и могут иметь коннотативные значения, которые связаны с добродетелями, природой или историческими личностями.

Общим признаком является то, что и в китайской, и в русской культурах имена считаются важным аспектом идентичности. Основные принципы нейминга в каждой культуре отражают базовые ценности, исторические традиции и убеждения общества в целом.

Выводы

Установлено, что имена сами по себе не являются произвольными символами, а имеют прямую связь с объектами, которые они номинируют. В русской лингвокультуре среди личных имен наибольшее количество составляют религиозные имена, имена апостолов и евангелистов. Имя человека определяется как особое слово, обозначающее уникальную личность и данное ему в индивидуальном порядке. Традиционные русские принципы нейминга основаны на имени, отчестве и фамилии. Русские имена часто имеют глубокий

смысл и связь с религиозными или историческими деятелями. Русские имена могут быть гендерными, с разными именами для мужчин и женщин. В России люди часто имеют прозвище или уменьшительную форму имени. Русские традиции именования могут различаться в зависимости от региона, этнической принадлежности и социального класса. Обряды наречения, такие как православная традиция крещения ребенка, являются важными культурными событиями в российском обществе. Русские обычаи именования также распространяются на названия улиц, зданий и достопримечательностей. В современном российском обществе наблюдается тенденция к выбору международных или нетрадиционных имен. Традиционные русские имена продолжают быть популярными среди носителей русской лингвокультуры и иметь особое культурное значение.

В китайской культуре присвоение имени имеет глубокий смысл и культурное значение. Теория древних китайцев основана на убеждении, что человек является неотъемлемой частью природы. Фамилии в китайской культуре являются индивидуальным символом семьи и имеют семейное, поколенческое и культурное значение. Имена на китайском языке образуются путем соединения морфем из одного и того же набора из 3500 часто используемых морфем. Китайские имена имеют две очень отличительные особенности: смысл из-за происхождения от значимых морфем и двухсложность. Имена часто выбираются на основе положительных достоинств или стремлений родителей к своему ребенку. Традиционная китайская практика именования часто находится под влиянием теории пяти элементов. Существуют определенные табу на имена, например, избегать имен, которые звучат похоже на отрицательные слова или имеют отрицательный подтекст. В китайской культуре существуют определенные языковые особенности, влияющие на китайское наименование, такие как тон и двухсложность.

Библиография

1. Lip E. Chinese Numbers: Significance, Symbolism and Traditions. CA: Heian International, 2022.
2. Никонов В.А. Выбор имени // Имя и компания. М: Наука. 1974. С. 85–89.
3. Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis, ed. J. Vachek, The Hague-Paris: Mouton, Prague: Academia, 1975.
4. Елистратов В. С., Пименов П. А. Нейминг: искусство называть. М.: Омега-Л, 2023.
5. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М: Просвещение. 2022.
6. Зинин С.И. Введение в русские антропонимы. Ташкент: Издательство Ташкентского государственного университета. 2011.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Академия. 2023.
8. Лингвистика. Большой энциклопедический словарь: гл.под ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Большая Российская Энциклопедия, 1998.
9. Li C. The Confucian Ideal of Harmony // Philosophy East and West. 2023. Vol. 56. № 4. P. 583–603.
10. Митькина С.А. Традиционная система ценностей в современной китайской культуре. Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 2. С. 100–106.
11. Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие. Волгоград: Перемена, 2022.
12. Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: теория и практика: учеб. пособие. Воронеж: Кварта, 2023.
13. Huang Y.Y., Chan, A.K.K. Chinese Brand Naming: From General Principles to Specific Rules // International Journal of Advertising, 1997. Vol. 16, No. 4. Pp. 320–335.
14. 杜学增 中俄文化习俗比较[M], 北京:外语教学与研究出版社 1999 (Ду Сюэцэн Сравнение

китайских и русских культурных обычаев. М. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков. 1999.)

15. 刘焕辉 交际语言学导论[M], 南昌:江西教育出版社1992 (Лю Хуаньхуэй, Введение в коммуникативную лингвистику. Наньчан: Jiangxi Education Press, 1992.)

16. 孙淑芳 关于语句的意向功能与句子的情态意义, 俄语语言文学研究, 第 1 期 2005 (Сунь Шуфан Об интенциональной функции предложений и модальном значении предложений.

Исследования русского языка и литературы, Выпуск 1, 2023.)

17. 祝晚瑾 社会语言学概论[M], 长沙:湖南教育出版社2022 (Чжу Ваньцзинь, Введение в социолингвистику. М.: Чанша: Hunan Education Press, 2022.)

18. Маслова В.А. Лингвокультурология. уч.пособие для студ. виш. завед. М.: Просвещение. 2022.

19. Никонов В.А. Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики: Сб. статей / Институт этнографии Н. Маклая СССР. Москва: Наука, 1970.

20. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. 2-е изд., изд. и доп. СПб. 2021.

21. Feng S.L. Interactions Between Morphology, Syntax and Prosody in Chinese. Beijing: Beijing University Press, 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сопоставительный анализ классического нейминга в китайском и русском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка в нашей стране. А с учетом активизации политических и экономических связей Китая и России возрастает интерес к углубленному изучению китайской и русской традиционной культуры и проведению сопоставительных исследований, что вносит вклад в установление эффективного сотрудничества между странами, учитывающего специфику языковых картин мира двух народов.

Исследование является сравнительно-сопоставительным, опирающимся на языковой материал русского и китайского языков.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами.

К сожалению, автор не приводит информации об объеме языкового материала, отобранного для проведения исследования.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ, методы семантического анализа, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, а также контрастивные и лингвокультурологические методы.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные

автором. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, так и на китайском и английском языках.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы в качестве теоретического материала для проведения сравнительных исследований нейминга в русском и китайском языке, при создании учебных материалов для изучающих китайский и русский язык, а также для составления двуязычных китайско-русских и русско-китайских словарей. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сопоставительный анализ классического нейминга в китайском и русском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сильчева А.Г. Магическая парадигма в поздних романах В. Пелевина // Litera. 2024. № 3. С. 159-162. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.39937 EDN: IBABJR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39937

Магическая парадигма в поздних романах В. Пелевина

Сильчева Алина Георгиевна

ORCID: 0000-0002-6501-1339

кандидат филологических наук

доцент, кафедра истории журналистики и литературы, образовательное частное утверждение
высшего образования «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

111024, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссе Энтузиастов, 21

✉ alinka-krasulka@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.39937

EDN:

IBABJR

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2023

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Вопрос атрибуции творческого метода В. Пелевина, реализованного в поздних произведениях, уточнение авторских художественных принципов остро стоит для современного литературоведения. В статье совершена попытка определить специфику реализации магического мотива в творчестве В. Пелевина как авторского художественного инструмента, позволяющего отразить действительность в художественном произведении. Предметом исследования является магический мотив в художественной структуре поздней романной прозы, а именно в романе «Тайные виды на гору Фудзи» (2018). Также упоминаются такие произведения, как: «Священная книга оборотня» (2004), «Empire V» (2006), «Любовь к трем цукербринам» (2014), «Непобедимое солнце» (2020) и «KGBT+» (2022). Статья отличается научной новизной: впервые в поздних романах автора выявлены магические элементы, обозначена специфика действующего героя. Представлены особенности воплощения магического в

произведениях на уровне сюжета, хронологической организации текста, а также в речи и системе персонажей. В работе мы дополнительно стремимся ответить на исследовательский вопрос: правомерно ли рассматривать пелевинский текст в контексте магического реализма как особого типа мышления? Отмечено, что автор включает в повествование мифологические и фольклорные реминисценции: В. Пелевин обращается к узнаваемым мифологемам, переносит известных литературных, мифологических, фольклорных персонажей и типичных магических существ в иной хронологический паттерн, сохраняя их узнаваемость, что в совокупности с сопоставлением составляющих магической прозы со структурными, сюжетными и пр. элементами романов В. Пелевина позволяет ответить на вопрос положительно. Были использованы структурный и культурно-исторический методы.

Ключевые слова:

магические мотивы, художественные принципы, магический реализм, художественный метод, роман, современная постмодернистская проза, хронология, система персонажей, Виктор Пелевин, структура художественного текста

В статье мы ставим скромную задачу и стремимся выявить специфику одного из составляющих элементов авторского художественного метода, реализованного в поздних произведениях, а именно особенности воплощения магического мотива. Л. М. Крупчанов в учебнике «Теория литературы» определяет художественный или литературный метод как «систему принципов художественного познания, отражения и обобщения действительности в их конкретно-историческом преломлении» [\[1, с. 288\]](#), то есть метод является способом отражения авторского восприятия действительности.

Традиционно В. Пелевина отечественные и зарубежные исследователи характеризуют как постмодерниста (к примеру, А. Магун в работе «Постмодернистский апокалипсис Виктора Пелевина» [\[2\]](#) или С. Ю. Двинина в диссертации «Категории времени и пространства в художественном дискурсе постмодернизма (на материале романов «Хоксмур» П. Акройда, «Алвертон» А. Торпа, «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, «Алтын-толобас» Б. Акунина)»). Однако ряд литературоведов определяют художественный метод автора в более широком контексте: так, Д. В. Кротова отмечает модернистские тенденции в раннем творчестве [\[3\]](#), а А. Г. Коваленко выявляет аллюзии на двоемирие символистов [\[4\]](#). Л. Г. Кихней рассматривает прозу В. Пелевина как магическую, отмечая тяготение автора к инобытийности [\[5; 6\]](#). По размышлениям М. А. Дворака, одно и то же произведение может трактоваться различно, и в контексте постмодернизма, и в рамках научной фантастики или магического реализма [\[7\]](#).

Мы не дефинируем В. Пелевина однозначно в контексте исключительно постмодернизма или иного литературного течения, а фокусируемся на изучении одного принципа, типичного для пелевинского художественного метода. Метод более лабилен, нежели литературное направление как исторически сложившаяся категория.

В статье используется структурный и культурно-исторический методы. Эмпирическая база исследования представлена романом «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), также упоминаются такие произведения, как: «Священная книга оборотня» (2004), «Empire V» (2006), «Любовь к трем цукербринам» (2014), «Непобедимое солнце» (2020) и «KGBT+» (2022).

Прежде чем переходить непосредственно к рассмотрению элементов магического в прозе В. Пелевина, определим понятия «мотив», «магия» и «магический мотив».

Под мотивом в работе мы понимаем простейший элемент сюжета, представленный в обобщенном виде и встречающийся в ряде произведений. Термин был разработан А. Н. Веселовским, мотив художественного текста также изучали Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский, Б. М. Гаспаров и др. Типологической чертой мотива является повторяемость [\[8, с. 88–94\]](#).

Магия трактуется нами как сверхъестественная сила, направленная на преобразование окружающего пространства или себя самого «без посредства естественных сил», зачастую нарушающая каузальные связи, хронотоп и пр. [\[9, с. 156\]](#). Такая трансформация имеет практическую значимость и осуществляется, как указывает Е.А. Попов, с бытовой целью «добиться от “потустороннего” мира полной или частичной помощи в удовлетворении своих потребностей» [\[10, с. 193\]](#).

Отталкиваясь от представленного понимания магии, сформулируем трактовку термина «магический мотив» – это повторяемое в художественном произведении преобразование окружающего пространства, осуществляемое посредством направленного усилия воли с целью достижения конкретной цели, воплощенное в реминисценциях, парафразах и аллюзиях, хронотопе, системе, коммуникативных актах и/или действиях персонажей. Деятеля в контексте магического мотива мы традиционно называем магом – это человек, наделенный сверхъестественными способностями, направляющий свои умения на трансформацию окружающего пространства. Инструмент, позволяющий магу преобразовать реальность, обозначается как магический.

Итак, рассмотрим воплощение магического мотива в романе «Тайные виды на гору Фудзи». В произведении два повествователя: олигарх Федя и его школьная возлюбленная Таня. Их сюжетные линии в основном параллельны и лишь изредка пересекаются, сливаясь только в финале. История Федора развивает традиционную для Пелевина «буддистскую» линию в сочетании с рассуждениями о виртуальных технологиях: герой стремится достичь просветления путем использования специального устройства. В контексте заявленной темы больший интерес для нас представляет сюжетная линия Тани – рассказ об использовании героиней магического крюка и преобразовании не только своей жизни, но и жизни Федора.

Интересно, что художественная литература и мифологии представляют примеры магов-мужчин (а также волшебников): к примеру, это и шаман Дон Хуан из произведений Кастанеды, и Мерлин из цикла легенд о короле Артуре, и Ведьмак, герой серии книг Анджея Сапковского, и Гарри Поттер и другие волшебники из серии романов Дж. Роулинг. Однако магия как сила, способная трансформировать окружающий мир, ассоциативно связывается с энергией созидания и женской энергией, что, к примеру, исследуется в монографии «Мистерии и магия Севера (руны и женская сила)» Ф. Асвинн [\[11\]](#). Женские главы романа «Тайные виды на гору Фудзи», то есть те эпизоды, где повествователем выступает Таня, воплощают как раз данную точку зрения.

Путь Тани в мире магии начинается с унижения Фёдором и встречей с грибником в лесу, который даёт ей номер Жизель. Впоследствии Таня знакомится с группой, члены которой называют себя новыми охотницами, представительницей которой и является новая знакомая героини. Тане снится сон Аманды [основательницы сообщества эзотерических феминисток, по рассказу одной из героинь], позже она погружается в ритуальный транс,

побеждает Игуану [божество] и становится одной из охотниц.

Эти эпизоды представляют собой инициацию и становление героини. Историю Тани можно в целом рассматривать в контексте социальном (как художественное осмысление феминистического движения), сатирическом (сатира и гротеск являются одними из ключевых авторских методов), однако мы артикулировали только магическую составляющую приведённых эпизодов.

Ключевым местом действия является лес: в лесу происходит и судьбоносная встреча с грибником, и унижение Тани, и инициатический ритуал. Лес в магическом ключе является местом проведения ритуала и границей между реальностью и инобытием [\[12\]](#).

Эзотерический феминизм и сверхъестественная способность новых охотниц преобразовывать реальность и влиять на неё обсуждается героинями: «... Система Аманды – это мистерия, основанная на древней и сокровенной женской магии. Её забыли много веков назад, но Аманда вновь открыла её для нас. / Магия? – недоверчиво переспросила Таня. / – Магия – просто слово...» [\[13, с. 256\]](#).

В дальнейшем Таня с помощью магического инструмента (крюка) преобразовывает реальность: «Это не был какой-то материальный объект. Это была вся Федина судьба – Таня знала это точно. Словно бы она управляла руслом далекой реки, и от каждого поворота ручки менялось что-то во всей природе...» [\[13, с. 359\]](#). Зачастую действия героини описываются сухим фактологическим языком, появляется страдательный залог, что говорит о практическом применении магии: «Таня сформулировала команду и послала крюк в Федину голову...приказ услышан» [\[13, с. 353\]](#).

В финале романа героиня становится возлюбленной Федора. Таким образом, магия для героини является средством достижения желаемого.

Говоря о воплощении магического мотива в творчестве В. Пелевина, следует обозначить и специфику героя. Главный герой обладает способностью проникать за границу реальности и переходить из одного мира в другой. Несмотря на способность к перемещению и знанию об истинной природе реальности, герой всё же легко атрибутируется читателем как представитель конкретного аспекта бытия. Рассмотрим типичные для В. Пелевина случаи:

- 1) герой относится к иному миру изначально (лисы- и волки-оборотни, герои романа «Священная книга оборотня»);
- 2) герой совершает переход из реальности в потусторонний мир (человек Рома Шторкин становится вампиром Рама в романе «Empire V»);
- 3) герой свободно перемещается между реальным и потусторонним (или виртуальным) мирами (роман «Непобедимое солнце» завершается созданием новой реальности, а память о старой принадлежит только Саше; в начале романа рассказывается о восхождении главной героини на гору и переживании ею трансцендентного опыта; главный герой романа «Любовь к трем цукербринам» способен выйти из виртуальной реальности и осознать окружающее его физическое пространство).

Отметим, что магия как некая сила присутствует и в последнем на момент написания статьи романе «КГБТ+»: главный герой мельком упоминает валькирий как представителей медиа-бизнеса: «Одна из гипнотических фурий, которых <...> нанимают за огромные деньги прогреть глубинному народу рептильный мозг. Я в их магию верю

не особо. Вернее, магия там есть, и весьма мощная, но сводится она к саморепрезентации и разводу на бюджет...» [\[14, с. 182\]](#).

Приведенные примеры различны по масштабу, то же можно сказать и о магических элементах в системе художественного мира. Магические элементы вплетаются в сюжет на разных уровнях повествования: на уровне лексики (появляются лингвистические маркеры, указывающие на мага, магию, магический объект или действие); на уровне действий, совершаемых персонажами; на уровне организации хронотопа; на уровне сюжета.

При рассмотрении магического в сюжете возникает вопрос: можем ли мы, выявив магический мотив в прозе В. Пелевина, отнести его к магическому реализму? Прежде чем переходить к поиску ответа, необходимо сформулировать определение «магического реализма».

Е. Г. Маслова рассматривает магический реализм как тип художественного мышления, отличающийся карнавализацией, органичным сочетанием фантастики и исторической реальности, которую читатели легко способны идентифицировать [\[15\]](#).

Как замечает А. А. Гугнин, бытовые элементы являются основой для произрастания чудесного [\[16\]](#). Принципиально значимым является реализм как составляющий термина, так как в основе повествования лежит реалистичный хронотоп, «который постоянно "разрывается" не вписывающимися в нее элементами и в конечном итоге оказывается обманчивой» [\[17, с. 21\]](#).

Выделим некоторые составляющие магической прозы, сопоставив их с эпизодами или действиями персонажей, взятыми из пелевинской романной прозы.

1. Степень достоверности и правдоподобие топоса, событий, персонажей и предметов: граница между реальным и ирреальным размывается, действующий персонаж нередко затрудняется в окончательном определении происходящего как сна (галлюцинации) или реальности. Так, пространство на вилле Тенерифе в финале романа «Непобедимое солнце» меняется, границы исчезают, течение времени не соответствует реальному: главная героиня, наблюдая танец своей спутницы, видит ее старение.

2. Граница между мирами: реальность и инобытие обладает четко выраженной границей [\[18, с. 18\]](#). Применительно к финальному эпизоду романа «Непобедимое солнце» выявление границы не вызывает трудностей: дверь в зал закрывается, отсекая реальность от инобытия, трансформация хронотопа происходит только в этом зале.

Анализируя роман в целом, также находим иные примеры границ – упоминание огненной реки в песне, сон как граница между явью и былью, путешествие на самолете (большое расстояние как граница), первоисточник которых обнаруживается в мифологиях народов мира. Согласно рассуждениям Н. З. Кольцовой, «...осознание своей "инаковости", в том числе с точки зрения "национального кода" (а не только в плане отношения к современной цивилизации), – принципиальная установка создателей "магической" литературы» [\[19, с. 133\]](#).

Е. Г. Маслова указывает, что магический реализм опирается на мифический, мифологический и фольклорный материал [\[15\]](#), что мы и видим в пелевинском художественном методе. Примерами также могут служить: уже упомянутый ранее в статье лес как граница между реальным и иным мирами; насыщенный реминисценциями к

скандинавской мифологии роман «Священная книга оборотня»; музы как профессиональные вдохновители в романе «KGBT+» и пр.

3. Объяснение природы происходящего, выстраивание причинно-следственных связей. Ирреальное не объясняется естественными науками, утверждение о наличии магического является базисом существования художественного пространства. Однако магический мир обладает специфическим хронотопом и законами, согласно которым действуют персонажи, а также историей (история лис-оборотней рассказана главной героиней в начале романа («Священная книга оборотней») и упоминается в дальнейшем).

Так, мы склонны предположить, что позднее творчество В. Пелевина тяготеет к магическому реализму. Более глубокий анализ произведений позволит в дальнейшем определить правомерность обозначения поздних пелевинских текстов в контексте магического реализма как типа мышления.

Итак, в статье рассмотрена реализация магического мотива в структуре большого прозаического текста В. Пелевина. На примерах изучена специфика воплощения магического в произведениях как на различных уровнях, а именно: сюжет, хронотоп, речь, система персонажей. Совершенно мотивированное и доказанное предположение о тяготении автора к магическому реализму.

В работе обозначен один из аспектов творчества В. Пелевина. Однако остаются также мифологические, культурные, исторические и пр. отсылки, которые могут стать предметом изучения в дальнейших работах, посвященных исследованию позднего творчества В. Пелевина.

Ввиду явной трансформации авторского художественного метода и популярности творчества В. Пелевина представленное в статье направление исследования считаем перспективным и представляющим интерес для научного сообщества.

Библиография

1. Крупчанов Л. М. Теория литературы. – М.: Флинта, 2017. – 360 с.
2. Magun A. Viktor Pelevin's Postmodern Apocalypse // Stasis. – 2017. – P. 86–102.
3. Кротова Д. В. Модернистские элементы в художественном сознании В. Пелевина // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам III Международной конференции. Сост. и ред. Л. Ф. Алексеева, В. Н. Климчукова, С. В. Крылова. – М.: МГОУ, 2018. – С. 72–78.
4. Коваленко А. Г. Литература и постмодернизм. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2004. – 142 с.
5. Кихней Л. Г., Гавриков В. А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков. – М.: Амстердам: Тардис, 2020. – 240 с.
6. Кихней Л. Г. Поликультурное или культурно не атрибутированное пространство как воплощение инобытия в современной «мистической прозе» (М. Петросян, В. Пелевин, Л. Наумов) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Москва – Пенза: Изд-во ПГТУ, 2019. – С. 46–55.
7. Дворак М. А. Научная фантастика как интерпретация постмодернизма (на примере романа Г. Л. Олди «Мессия очищает диск») // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2013. – Вып. 6. – С. 267–272.
8. Николаев А. И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов

- филологических специальностей. – Иваново: ЛИСТОС, 2011. – 255 с.
9. Ионин Л. Г. Новая магическая эпоха // Логос. – 2004. – № 2. – С. 156–173.
10. Попов Е. А. Философия магии: основные подходы // Вестник Ставропольского гос. ун-та. – 2007. – № 49. – С. 189–193.
11. Асвинн Ф. Руны и сила женщины. Тайны северных мистерий. – М.: Эксмо, 1990. – 300 с.
12. Сильчева А. Г., Шерчалова Е. В. Мифологический топос в романах В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 10 (36). – Т. 15. – С. 3174–3178.
13. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. – М.: Эксмо, 2020. – 416 с.
14. Пелевин В. О. KGBT+. – М.: Эксмо, 2023. – 560 с.
15. Маслова Е.Г. Традиции магического реализма в романном творчестве Т. Моррисон 1970–1990-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.
16. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (феномен и некоторые пути его осмысления). – М.: Научный центр славяно-германских исследований РАН, 1998. – 120 с.
17. Сильчева А. Г. Мистический реализм в русской литературе XX–XXI веков: случай Дины Рубиной. – М.: МАКС Пресс, 2023. – 160 с.
18. Баркова А. Л. Мировая мифология. Лекции PRO. – М.: РИПОЛ Классик, 2019. – 528 с.
19. Кольцова Н. З. К вопросу о магическом реализме в отечественной литературе XX–XXI веков // От Чехова до Бродского: эстетические и философские аспекты русской литературы XX века: коллективная монография / ред. Г. В. Зыкова, С. И. Кормилов, сост. Е. А. Коршунова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. – С. 133–149.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Магическая парадигма в поздних романах В. Пелевина», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики текстов известного писателя 21 века, нашего современника Виктора Пелевина, творчество которого необычайно популярно среди русскоязычных читателей.

В статье автор ставит задачу выявить специфику одного из составляющих элементов авторского художественного метода, реализованного в поздних произведениях, а именно особенности воплощения магического мотива.

В статье рассматривается «магический мотив» как повторяемое в художественном произведении преобразование окружающего пространства, осуществляемое посредством направленного усилия воли с целью достижения конкретной цели, воплощенное в реминисценциях, парафразах и аллюзиях, хронотопе, системе, коммуникативных актах и/или действиях персонажей.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. В настоящей работе автор приводит языковые примеры из произведений писателя на русском языке. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный

методы, а также описание, структурный и культурно-исторический методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключительная часть не в полном объеме отражает задачи исследования.

Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 19 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на английском языках.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Магическая парадигма в поздних романах В. Пелевина» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Новиков А.В. Генеалогия, дискурс и «смерть автора» как фигуры поэтики в романе Марка З. Данилевского «Дом листьев» // Litera. 2024. № 3. С. 163-166. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.40536 EDN: HQPNLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40536

Генеалогия, дискурс и «смерть автора» как фигуры поэтики в романе Марка З. Данилевского «Дом листьев»

Новиков Артур Викторович

Аспирант, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт им. А. М. Горького.

123104, Россия, г. Москва, ул. Тверская, 25 стр.1

✉ art14ek@tut.by[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.40536

EDN:

HQPNLY

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2023

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Объектом исследования данной статьи является роман Марка З. Данилевского «Дом листьев» в контексте постмодернизма. Предметом исследования выступают некоторые концепты теории постструктурализма – дискурс, генеалогия, «смерть автора», – реализованные в произведении «Дом листьев» посредством редукционного, метафорического или аллюзивного вживления в ткань романа. Дан общий анализ и очерчена проблема соотношения теорий постструктурализма и постмодернизма. Произведен отбор и анализ теоретических работ по заданной проблематике, а также сформулированы рабочие концепты, используемые в качестве инструментов для анализа формы, фигур поэтики, а также для интерпретации романа «Дом листьев». Как следствие, в статье представлено детальное описание одной из сторон художественного метода Марка З. Данилевского (использование теорий постструктурализма),

позволяющее судить о приемах и средствах художественного выражения, определивших форму романа. В этой связи в статье рассмотрены так называемые «эффекты формы», например: синхрония, захват симуляком реальной фигуры, создание генеалогических-художественных образов, установление особого временного модуса – «одновременности» и др. Новизна исследования заключается в том, что нами рассмотрена интерпретация произведения с точки зрения теорий постструктурализма, в результате чего обнаружились новые формальные приемы и механизмы их использования при создании художественного произведения.

Ключевые слова:

дом листьев, постмодернизм, постструктурализм, дискурс, генеалогия, смерть автора, кризис субъекта, поэтика, роман, теория постструктурализма

Объективация и метафоризация концептов и теорий философской мысли периода постструктурализма в «Доме листьев»

Настоящая статья рассматривает постструктурализм в качестве философского инструментария постмодернизма. В этой связи автор данной статьи должен подчеркнуть, что главный теоретик западного постмодернизма Ф. Джеймисон в фундаментальном труде «Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма» [\[1\]](#) обращается и пользуется наработками философии периода постструктурализма именно как теоретическим аппаратом постмодернизма. В подобном ключе действует и Ихаб Хассан, который, по мнению Перри Андерсона, «превратил практически полный каталог постструктуралистских идей в детально разработанную классификацию различий между парадигмами модерна и постмодерна» [\[2, с. 30\]](#).

В то же время Хассан подчеркивает нетождественность постмодернизма и постструктурализма: «Хотя постмодернизм и постструктурализм невозможно отождествить, они явно обнаруживают много общего» [\[3, с. 96\]](#). Таким образом, существующее внутреннее противоречие внутри парадигмы постмодерна относительно философии постструктурализма решается автором данной статьи в сторону рассмотрения постструктурализма в качестве теории постмодернизма. Право на совершение подобного шага усматривается именно в названных выше работах.

При этом очевидно, что заявленное утверждение – рассмотрение постструктурализма в качестве философии постмодернизма – противоречит мнению многих ученых и исследователей (вероятно, мнению большинства).

Так, например, противоречит заявленное выше положение тезису, выдвинутому в докторской диссертации А. В. Павлова «Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ» [\[4\]](#).

«Во-первых, – пишет Павлов, – как мы не раз подчеркивали, Барт, Фуко, Деррида и Бодрийяр (и даже Лиотар) – не могут быть названы постмодернистами. В лучшем случае они “оказали влияние”, с чем сегодня соглашается большинство авторов (но, справедливости ради отметим, что не все). В целом некоторые из упоминаемых философов имеют к постмодерну весьма опосредованное отношение и принадлежат к философскому течению, известному как постструктурализм» [\[4, с. 328-329\]](#).

Однако зачастую теоретики постмодернизма обращаются и используют терминологию и категории постструктурализма и связанного с ним периода производства мысли для описания постмодернизма и, шире, постмодерна. Например, у Джеймисона: конец истории (одна из тем Джеймисона), деантропологизация, дискурс (рабочий инструмент Джеймисона), симулякр (одна из тем Джеймисона), коллаж (более сложный термин «пастиш» у Джеймисона), шизофрения (кризис субъекта) (одна из тем Джеймисона), деконструкция (одна из тем Джеймисона), интертекстуальность (инструмент и категория у Джеймисона), кризис метафизики присутствия (одна из тем Джеймисона), временной сдвиг (следуя Лакану, одна из тем Джеймисона), синтагма, поверхность, означающее/означаемое, след, ирония, общество потребления, желание и т.д. и т.п. (все эти терминологические частности и концепты у Джеймисона присутствуют).

Так, на сегодняшний день представляется невозможным изъятие наследия постструктурализма из теоретического поля постмодернизма. Такое действие приведет к разрушению практически любой теории эстетического и философского производства внутри постмодерна. Автор данной статьи не утверждает тождества постструктурализма и постмодернизма, но утверждает, вслед за Джеймисоном, что постструктурализм – есть «теоретический дискурс» постмодернизма: «"постструктурализм" или, как я предпочитаю говорить, "теоретический дискурс"...» или «то, что сегодня называется современной теорией – или, говоря точнее, теоретическим дискурсом, – также является, как я хотел бы показать, в точности постмодернистским феноменом» [\[1, с. 101-102\]](#), [\[1, с. 444\]](#).

Поскольку в задачи данной статьи не входит доказательство причастности или непричастности постструктурализма к постмодернизму, зафиксируем лишь некоторую теоретическую относительность в вопросе взаимодействия постмодернизма и постструктурализма.

Теперь, находясь в поле этой неопределенности, мы проанализируем роман «Дом листьев» при помощи «теории»; сказать точнее, прибегая к основным концептам и частным случаям постструктурализма.

Схема для анализа романа «Дом листьев» в теоретическом поле постструктурализма частично и в переработанном виде взята нами из книги Дмитрия Хаустова «Лекции по философии постмодерна» [\[5\]](#), но в рамках данной статьи мы обращаемся только к трем ее темам: к дискурсу, к генеалогии и к «смерти автора».

Дискурс как фигура поэтики «Дома листьев»

Понятие дискурса – одно из ключевых понятий теории постмодернизма, и позитивная работа над решением задач данной статьи без объяснения и последующего оперирования этим термином – невозможна.

Л. М. Макаров в монографии «Основные теории дискурса» [\[6\]](#), представляющей собой фундаментальный труд, концептуально описывающий языковое общение с точки зрения лингвистики, психологии и социокультурных теорий, предлагает несколько подходов к определению понятия дискурс: во-первых, различение по линии формального и функционального определения дискурса; во-вторых, разграничение по линии (устный) дискурс, (письменный) текст и ситуация; в-третьих, определение дискурса с точки зрения оппозиции «дискурс/диалог/процесс» и «текст/монолог/продукт» и др. [\[6, с. 85-90\]](#).

Зафиксируем также положение, выдвинутое в монографии Макарова о том, что дискурс – это речевая деятельность, одновременно являющаяся «и языковым материалом» [\[6, с.](#)

[90\]](#), [\[7, с. 29\]](#), «причем в любой его репрезентации звуковой или графической» [\[6, с. 90\]](#).

Что же в таком случае «текст»? Текст – «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины речи текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [\[6, с. 90\]](#), [\[8, с. 5-6\]](#).

В приведенных выше положениях Макаров отмечает отсутствие оппозиций и выраженных дихотомий, а также фиксирует «обобщенный характер понятия дискурс», где «снимается всякая ограниченность признаками монологический/диалогический, устный/письменный» [\[6, с. 90\]](#). И тогда понятие дискурс может быть утверждено в качестве «родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог» [\[6, с. 90\]](#).

Тогда, для данной статьи, дискурс – это родовая категория по отношению к понятиям речь, текст и диалог, существующая в некотором образе мышления, состоящем из системы понятий, которая выражается посредством системы речи. Именно в подобном значении используется нами понятие «дискурс» при проведении последующего анализа романа «Дом листьев».

Теперь обратимся к теории дискурса М. Фуко, представленной в книге 1969 года «Археологии знания» [\[9\]](#). Выражаясь экстравагантно, нужно нам это для того, чтобы зафиксировать «след Фуко» в «Доме листьев».

В «Археологии знания» Фуко утверждает, что в основе гуманитарного знания лежит анализ дискурсов, то есть метод, то есть археология – поиск происхождения, истока. В то время как в поле некоего глобального Логоса существует метадискурс о дискурсах, такой метадискурс и есть гуманитарное знание. И нам «во имя методологической строгости» следует осознать, что в ситуации постмодернизма мы «можем иметь дело только с общностью рассеянных событий» [\[9, с. 24\]](#).

Понимая знание как общность рассеянных событий, Фуко упраздняет знание как тотальность, образуемую «идеологией» интерпретатора. Событие теперь связывается с другим только в дискурсе, то есть в «общности рассеянных событий». Таким образом, любая книга вписана в дискурс и потому не может быть некой целостностью, глобальностью; не может быть она и «исток» (исток в дискурсе невозможен: дискурс ризоматичен): «Границы книги никогда не очерчены достаточно строго: в ее названии, в первой и последней строке, во внутренних конфигурациях и в обособляющих ее формах содержится система отсылок к другим книгам, другим текстам и фразам, которые и образуют узлы языковой сетки» [\[10, с. 25\]](#).

То есть как только появляется суждение о книге, книга становится частью дискурса, из которого о ней говорится. Само «говорение» о книге вплетает ее в дискурс, из которого это «говорение» осуществляется. Здесь и вступает в права постмодернизм, то есть общность сингулярностей (единичностей), противостоящая тотальности. Все фрагментарно и лишено поступательного движения к тотальности, вместо этого происходят исторические «скачки», где нет единого связанного исторического движения, метанарратив распадается. Ибо дискурсов, из которых можно говорить о книге (или о некотором событии) – бесконечное множество, и нет никакого метанарративного единства, которое сводило их в общность (в единичность). И для того, чтобы быть научным, о книге нужно говорить только «из книги», но не из дискурса,

иначе позитивного знания, свободного от идеологии дискурса (из которого «говорится»), не получится.

Вышеописанная логика также «провозглашает» запрет на интерпретацию, поскольку любая интерпретация обязательно подчинена дискурсу, а потому – не фактична. Но ведь факт вне языка (вне дискурса) не существует; факт, не воспринятый сознанием – отсутствует (хотя бы в этом же сознании). Следовательно, не принадлежит дискурсу вообще; а это означает внеположенность такого факта вообще Логосу. Следовательно, остается признать, что факт может быть понят только как факт того или иного дискурса (того или иного языка).

Значит: «место говорения», «место факта», «место интерпретации» – это всегда место в дискурсе, в синтезе реальности и языка, находящемся в сознании индивида. Находясь в этой логике, мы и приступаем к разбору романа «Дом листьев». И начнем с упорядочения «мест говорения», «мест фактов» в формальном строе произведения.

Схема художественного мира «Дома листьев», описывающая некоторые дискурсивные общности, удерживающие конструкцию романа в равновесии, может быть описана следующим образом:

а) внутренний дискурс документального фильма «Пленка Нэвидсона» (документально-псевдодокументальное кино)

б) внутренний дискурс книги Дзампано «Пленка Нэвидсона» (научный-псевдонаучный)

в) внутренний дискурс комментариев Джонни Труэнта к книге Дзампано «Пленка Нэвидсона» (литературный)

Все остальные – комментарии издательства, эпистолярные фрагменты, фото и т.д. – формальные слои книги мы ко внутренним дискурсам относить не будем, так как они возникают на границах названных выше дискурсов и не представляют собой индивидуальных общностей.

Таким образом, можно утверждать, что в форме «Дом листьев» «зашифровано» само понятие дискурса как некой языковой общности: как минимум три дискурса в нем сосуществуют и взаимодействуют.

Эти же дискурсы за счет различных формальных и сущностных внутренних элементов (жанр, стиль, тема и т.д.) – присовокупляют «Дом листьев» как общность уже к иным дискурсам, находящимся вне художественного мира произведения.

Генеалогия как фигура поэтики в «Доме листьев»

В этом пункте мы опираемся на две работы Мишеля Фуко: на статью «Ницше, генеалогия, история» [\[11\]](#), и на книгу «Археология знания» [\[9\]](#).

Статья о «генеалогии» (учение о происхождении) – это по большей части сравнительный анализ использования центральных терминов «К генеалогии морали» Фридриха Ницше [\[12, с. 231-381\]](#).

«Цвет генеалогии – серый; ее отличают тщательность и терпеливая документальность. Она работает с пергаменами – исчерканными, подтертыми, много раз переписанными заново» [\[11, с. 533\]](#), – так начал статью 1971 года «Ницше, генеалогия, история» Фуко.

При написании «Дома листьев» Данилевский не прошел мимо этого утверждения Фуко и

реализовал его как внутри художественного мира романа на уровне аллюзийного цитирования, так и в качестве структурной составляющей самой формы романа.

Во втором случае Данилевский ввел в текст «документ» [\[13, с. 410\]](#) «Манускрипт Варра» (и некоторые другие). Этот документ – элемент поэтики, который отыгрывает генеалогию или археологию знания в соответствии с пониманием «исторической правды» Фуко. Кроме того, сам Дзампано (который подписывает рукописи, словно бы это были документы, символом «Z») называет «все это предприятие» – то есть рукопись «Пленка Нэвидсона» – не иначе как «документом» [\[13, с. xix\]](#).

Добавим, что Фуко зафиксировал историографический кризис знания (созвучный с Лиотаровским кризисом метанарративов) и сместил взгляд исследователя историка с *целостности исторического метанарратива*, с его *центростремительного тотализирующего стремления* на (теперь постмодернистские) разрывы, факты, буквально – *документы*, говорящие через десубъективированного исследователя [\[9, с. 7-19\]](#). В таком кризисе целостности историографического метанарратива присутствует немаловажное для нас движение от модерна к постмодерну, что мы пока и фиксируем в рамках генеалогии Фуко, как очередную галочку за постмодернистскую поэтику «Дома листьев». Ибо подобного рода движение вполне удачно зафиксировано в романе Данилевского посредством вводимых автором документов, исторически и псевдоисторических фактов, а также возложением функции исследователя на Нэвидсона, Дзампано и Труэнта.

Так, в романе «Дом листьев» можно зафиксировать метафоризацию фукольдианского «смещения взгляда исследователя» с тотальности событийного потока на бесчисленные разрывы художественного мира произведения. Например, сама «рукопись», озаглавленная в редакции Дзампано «Пленка Нэвидсона», показана как «Бесконечный клубок слов, иногда искаженных смыслом, иногда вообще ничего не значащих, часто распадающихся на части, всегда разветвляющихся на другие фрагменты... каждый фрагмент, полностью покрытый налетом многолетних чернильных заявлений; многослойный, зачеркнутый, исправленный; написанный от руки, напечатанный; разборчивый, неразборчивый; непроницаемый, четкий; порванный, испачканный, заклеенный скотчем; некоторые кусочки хрустящие и чистые, другие выцвели, обгорели или складывались и раскладывались так много раз, что складки стерли целые отрывки бог знает чего – смысла? правды? обмана? пророчеств или безумия или чего-то подобного? И все это достигало, обозначало, описывало, воссоздавало... – найдите свои собственные слова, ибо мои закончились; а если даже их осталось много, что могут они сказать?» [\[13, с. xviii\]](#).

Главное событие, которое стоит за данными фактами – скрыто, то есть речь снова заходит об отсутствии достоверного оригинала события: генеалогия «противостоит поискам “первоисточника” [origine]» [\[11, с. 533\]](#). То есть перед нами начало метафоризации концепта «генеалогии» в трактовке Фуко, как прием поэтики в романе Данилевского.

Фуко настаивает на переходе от метанарратива истории к коротким нарративам, множественности рассказов, к островкам истории, отделенных от глобального метанарратива истории океанами неизвестных событий. «История будет “действительной” в той степени, – говорит Фуко, – в какой она сможет ввести разрывность в само наше бытие» [\[11, с. 547\]](#). И если мы взглянем на структуру «Дома листьев», то увидим, что она полностью состоит из фрагментов на всех своих уровнях, в том числе и жанровых. И так называемые «документы» и «факты», введенные Данилевским в художественный мир, именно что создают разрывы.

Если форму «Дома листьев» рассматривать как целое, то следует обратить внимание, что она состоит из фрагментов, которые «склеены» «исследователем» Труэнтом. Фрагменты, склеенные Труэнтом, в свою очередь, складываются из фрагментов, «склеенных» слепым «исследователем» Дзампано, которые также представляют «склеенные» исследователями Карен Грин и Нэвидсоном и другими героями «Пленки Нэвидсона» фрагменты «документального» фильма.

Перечислим некоторые из таких «документальных» фрагментов: «Коридор длиной в пять с половиной минут», «который появился семь лет назад» [\[13, с. 4\]](#); «Экспедиция № 4» – фрагмент, который вышел «меньше чем через год» [\[13, с. 5\]](#); этот эпизод, в свою очередь, тоже «склеен» из нескольких фрагментов Нэвидсоном: «рваная, прерывистая; судя по грубости склеек, автор спешил» (но эта «склеенная» часть фильма как раз демонстрирует «склейку» голых фактов, без каких-либо рефлексий внутри собственного содержания) [\[13, с. 5\]](#); «Экспедиция № 1», «Экспедиция № 2», «Экспедиция № 3» [\[13, с. 84-87\]](#), «Экспедиция № 5» [\[13, с. 423-490\]](#) и мн. др.

Также Фуко фиксирует факт кризиса объекта истории наряду с кризисом субъекта истории, то есть субъект не может доверять собственному взгляду на исторический материал, а сам материал – это, по Фуко, поле фрагментов, непригодное для построения метанарратива. Ибо склеенное воедино из разрозненных фрагментов «лоскутное одеяло» истории, заполняет места отсутствующих фрагментов – идеологией [\[11, с. 547-549\]](#).

Данилевский тоже пробрасывает подобную мысль в романе: «Чаще всего почти бессловесные фрагменты, выбранные Нэвидсоном, раскрывают то, что экспликация может показать только приблизительно» [\[13, с. 10\]](#). То есть нечто явное, фактическое, по Данилевскому – приблизительно; тогда как бессловесное, фрагментарное – имеет потенциал «раскрытия».

Также в тексте Данилевского фигурируют фрагменты подлинной (действительной) истории, исторические документы и т.д., становящиеся элементами поэтики романа, возникающие как отдельные островки событий для читателя, что вполне соответствует описанному выше принципу Фуко.

Приведем некоторые из них.

Фильм Абрама Запрудера, американского бизнесмена, производителя женской одежды, который 22 ноября 1963 года снял 26-секундный документальный любительский фильм, запечатлевший убийство президента США Джона Ф. Кеннеди [\[13, с. 193\]](#).

Данилевский накладывает карды фильма Запрудера на кадры «Пленки Нэвидсона», то есть накладывает реальные знаменитые кадры убийства Кеннеди – которые наверняка есть в зрительной памяти читателя – на становящееся – формирующееся – в воображении читателя изображение убийства Джеда Лидера (персонажа «Дома листьев» [\[13, с. 192-193\]](#)). Таким способом усиливая «картинку» в воображении читателя. И в то же время обращаясь к исторической памяти читателя, вызывая эффект ощущения реальности убийства и отдаленного присутствия исторического фона. Перед нами очередной пример захвата симулякр реальностью фигуры человека: Джек Лидер, персонаж, захватывает и превращает в «интерактивный образ» реальную фигуру – Джона Кеннеди, а точнее знаменитые 26 секунд, запечатлевшие гибель последнего.

Еще один подобный прием: отсылка Данилевского к бестселлеру научной литературы 1997 года «В разряженном воздухе» Джона Кракауэра [\[13, с. 435\]](#), который повествует о гибели на Эвересте экспедиции (8 погибших, 4 пропавших без вести, 2 пострадавших), гидом которой был Роберт Эдвин Холл (англ. Robert Edwin «Rob» Hall), также погибший во время экспедиции.

Появление текста Кракауэра в «Доме листьев» указывает – подразумевает, уподобляет, намекает – на соответствие экспедиций в «Доме листьев», которые возглавляет «неустрасимый охотник и исследователь» и, судя по всему, полярник [\[13, с. 80\]](#) Холлоуэй Робертс (англ. Roberts Holloway) и роковую экспедицию на Эверест Роберта Эдвина Холла.

Напомним, Холлоуэй Робертс, персонаж «Дома листьев», также погиб в результате экспедиции, повторив тем самым реальную судьбу Роберта Холла не только посредством фонетической аллюзии имен, но и на событийном уровне в художественном мире романа.

К подобным элементам поэтики – к генеалогическим всплывкам «реальной» истории, сопровождаемых захватом их событийного ряда симулякр – можно отнести и появление отсылки к самому большому в мире гроту Саравак в Малазии [\[13, с. 125\]](#). И тому психологическому воздействию, которому подверглась группа исследователей спелеологов, которая впервые в него проникла: «Внезапное осознание необъятности черной пустоты вызвало у одного из спелеологов острый приступ агорафобии, боязни открытых пространств. Никто из троих позже не рассказал, кто запаниковал, поскольку молчание в таких вопросах неписаный закон среди спелеологов» (Planet Earth: Underground Worlds. P. 26-27)» [\[13, с. 125\]](#).

К этому же элементу поэтики – к поэтике «генеалогии» – относится описание в романе бунта, поднятого Гаспаром Кесадой и его слугой Луне де Молино, и кровавое подавление восстания Магелланом, а также проведение параллели между «бунтом» Джеда и Вокса во время «Экспедиции № 4»; сюда же относится и экспедиция Генри Гудзона 1610 г. [\[13, с. 135-137\]](#).

Вероятно, события, связанные с Магелланом и Гудзоном выдуманы Данилевским, но «кризис субъекта истории» наряду с кризисом «объекта истории» в постмодернизме, – эти два «кризиса» действительно «затуманивают» фактичность, то есть историческую подлинность описанных Данилевским событий. Достаточно реальных имен «Магеллана» и «Генри Гудзона», чтобы создать исторический фон из «фактов», которых никогда не было.

То есть реального имени достаточно для возведения образа-симулякра, захватившего реальную фигуру и построившего альтернативную ветвь исторического события, существующего только на островке художественного мира «Дома листьев» – не в метанарративом единстве Истории, – но проникающем в метанарратив истории за счет реальных исторических фигур. Имена Магеллана и Гудзон – ссылки на «места» в дискурсе. Эти самые места Данилевский и переписывает так, как выгодно «Дому листьев» – и переписанные места метанарратива истории становятся фоном художественного мира романа.

В этом случае эффект формы романа приблизительно тот же, что и в предыдущих примерах: изображение [как бы] реального события или человека накладывается на другое событие или человека, из чего рождается ощущение «реальности» читаемого

отрывка, эпизода и т.д. Так, историческая «правда», фрагментами вплетенная в повествование «Дома листьев», образует не только поэтику «Дома листьев» и помогает двигаться сюжету, но и выстраивает совершенно независимый от художественного мира «Дома листьев» настоящий, подлинный, реальный исторический бэкграунд (не помеха этому становлению даже то, что половина используемых событий – фикция), работающий как фон при чтении «Дома листьев».

Сюда же можно отнести и появление в романе Данилевского отсылки к работе Раймонда Бернарда «Полая Земля: Величайшее географическое открытие в истории» (1964) [\[13, с. 378\]](#). Фигурирование этого «документа» в «Доме листьев» также создает эффект формы, описанный выше: создание исторического бэкграунда – возникновение островка (фрагмента) истории – в воображении читателя, наложение реального мира на художественный. Возникновение, своего рода, двоящегося генеалогически-художественного образа, апеллирующего к исторической правде (условно).

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что и в теории Фуко, и у Данилевского «документ» – фильм Запрудера, книга Кракауэра, история Магеллана и Гудзона – трансформируется в туманный след события. Эта метаморфоза исторического факта влечет за собой превращение исследователя у Фуко или читателя у Данилевского – в следопыта, перед взором которого развернуты осколки фрагментарного неясного мира, восстановить который в исходной целостности без внесения субъективной идеологии – невозможно. Задача писателя в этом случае – построить этот фрагментарный неясный мир посредством слова в романе; задача читателя – заполнить разрывы собственной «идеологией», ибо это естественная потребность человека: обобщить, связать, упорядочить, объяснить (конечно, если он хочет понять).

Если же говорить о метафорическом описании концепта генеалогии Фуко в романе Данилевского, то для этих целей можно использовать следующий пассаж: «Что поразило меня в первую очередь, так это запах. Это не был просто сильный неприятный запах. Это был чрезвычайно многослойный налет патины на прогрессирующем налете запаха, фактический источник которого давно испарился. Тогда я был ошеломлен, так много в нем было приторного, горького, гнилого, даже подлого. В наши дни я уже не могу вспомнить запах, только свою реакцию на него. Тем не менее, если бы мне пришлось дать ему название, я думаю, я бы назвал его запахом человеческой истории...» [\[13, с. xv-xvii\]](#). Вероятно, не будет преувеличением следующая дефиниция: «запах человеческой истории» – это и есть тот «туманный след события», который остается следопыту-исследователю, не имеющему возможности добраться до «истока». Очевидно, что перед нами генеалогия Фуко.

В заключение следует добавить, что некоторые из глав «Дома листьев» – например глава «SOS» [\[13, с. 97-106\]](#) – это «фрагменты», отснятые на камеры внутреннего наблюдения дома. Именно через «Стеклянный глаз» камеры читатель проникает в происходящие события. И, именно как у Фуко, перед читателем не первоисток (невозможный, по Фуко), но уже нечто опосредованное – след события (но не само событие), оставленный документом, то есть в конкретном случае – фильмом.

Также главы приложения [\[13, с. 549-552, 569-572, 582-583, 658-662\]](#) наполнены всевозможными фотографиями, коллажами, комиксами и т.д., которые опять-таки попадают под интерпретацию «исторических документов», следов событий, отыгрывающих генеалогию Фуко.

Перечисленное выше является хорошим проводником для основного мотива философии постмодерна: «философия постмодерна как минимум одной своей частью, при этом частью очень существенной, обращена именно к науке и пытается осмыслить ее положения и ее результаты на уровне мышления о мышлении» [\[5, с. 63\]](#).

Здесь требуется комментарий: классическая модель познания действует на уровне между вещественным миром и мышлением, одновременно включая в себя как одно, так и другое. Но в «Доме листьев» референт в виде реального мира отдален, затуманен, как показывает данная глава; перед читателем многочисленные «следы» реального мира и рефлексия дискурсов Нэвидсона, Дзампано, Труэнта относительно этих следов и относительно друг друга, то есть рефлексия дискурса относительно другого дискурса из дискурса. События – нет, есть только «утро, после рассеяния».

«Смерть Автора» как фигура поэтики «Дома листьев»

«Кризис субъективности» – идея, заложенная уже в классической модели самосознающего субъекта Рене Декарта: «забвение и изгнание из структуры субъекта фигуры Другого, который, тем не менее, возвращается в своем пугающем, параноидальном обличье “злого гения”, способного исподволь вмешиваться в работу сознания, тем самым “похищая” автономию субъекта» [\[14, с. 6\]](#). То есть идея, косвенно присутствующая в Декартовском операторе *Cogito*, в котором мыслит некое чистое «Я», исключаящее любой временной модус, кроме настоящего, а также исключаящее любое «место» собирания субъекта в настоящем, кроме «чистого Я».

Философия континентального постмодернизма начинается именно с «децентрации» субъекта (утрата или частичная утрата субъектом автономности), то есть с утраты субъектом «времени» и «места» собирания самого субъекта. В неклассической философии данное обстоятельство вызвало к жизни целую череду смертей: смерть индивидуального текста, смерть языка, смерть смысла, смерть автора, смерть читателя, смерть литературы, смерть книжной цивилизации, смерть речи, смерть человека, смерть гуманизма и т.д.

В этой связи можно обратиться к исследованию К. В. Кондратьева «Кризис идеи и феномена субъекта в пространстве нововременного социально-философского дискурса» [\[14\]](#).

В данной работе автор отмечает, что начало проблемы децентрации субъекта, то есть «критика претензий субъекта на автономность», было положено в трудах К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда [\[14, с. 2012: 12-67\]](#). Что же касается разнообразия подходов и авторов по данной проблеме в XX в., то Кондратьев среди прочих выделяет следующих авторов: М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Л. Альтюссер, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, С. Жижек и другие [\[14, с. 5\]](#).

Тема же «смерти автора» – это одно из проявлений идеи «кризиса субъекта», «смерти субъекта», «смерти человека» и т.д., но уже в литературоведении, проработанная Р. Бартом в эссе «Смерть автора», 1968 г [15: 384-392] и М. Фуко в докладе «Что такое автор?», 1969 г. [\[16, с. 7-47\]](#).

В общих чертах концепт смерти автора держится на том утверждении, что любой настоящий момент «говорения» индивидуального субъекта имеет глубоко доиндивидуальное происхождение, как-то: бессознательный опыт, берущий начало в Фрейдизме; биологическая воля к власти, описанная Ницше; Марксистский классовый

или экономический интерес; или, как пишет Барт, романтическая психология, общечеловеческая мудрость и т.д. [\[15, с. 387\]](#).

Назовем здесь же статью «Эволюция идеи "Смерти автора"» Н.И. Бересневой и Е.А. Кокаревой [\[17, с. 9-16\]](#), где уже концептуально разобраны эссе Барта и доклад Фуко. Сформулированные в статье Бересневой и Кокаревой концепты удобно использовать при анализе «Дома листьев».

«Смерть автора» и у Ролана Барта, и у Мишеля Фуко, если отбросить метафоры, означает фиксацию изменения интенциональной сути понятия «автор», – сути, которой оно было наделено в культуре Нового времени. Понятие «автор» более не является субстанциональным, но заменяется функцией-автором: «новый» автор, выполняя определенные операции – находясь внутри дискурса или перемещаясь из дискурса в дискурс – в точке языка – которая есть сам автор (место дискурса) – занят организацией внутреннего пространства дискурса, созданием определенной языковой семиотической сетки посредством дискурса внутри дискурса [\[17, с. 9-16\]](#).

Рабочая гипотеза, которая определяет методологическую необходимость для последующего развития нашей статьи, выглядит так: в романе «Дом листьев» на уровне формы «дискурс Труэнта» отыгрывает концепт «автора» Барта, а «дискурс Дзампано» отыгрывает концепт «автора» Фуко. Так, «дискурс Труэнта» метафоризирует «рождение читателя»: внутри «дискурса Труэнта» умирает «скриптор» Дзампано – и рождается «читатель» Труэнт. Тогда как Дзампано – это автор в концепции Фуко: место, из которого осуществляется говорение самого дискурса.

Что же такое автор у Фуко? Как уже говорилось, это некоторая функция внутри дискурса (в нашем случае, Дзампано-автор внутри «дискурса Дзампано») занятая организацией символического порядка этого дискурса, исходя из условной «языковой воли».

Выделим в докладе Фуко аспекты, отталкиваясь от которых, нам предстоит понять «автора-функцию» в дискурсе Дзампано:

а) «Письмо» – это «игра знаков», упорядоченная природой означающего, основная деятельность которого направлена на разворачивание означаемого содержания вовне с оглядкой на тот факт, что «современное письмо освободилось от темы выражения: оно отправляет лишь к самому себе», в то время как пишущий субъект *непрерывно исчезает* [\[16, с. 13\]](#). Далее, Фуко задает интересный в данном контексте вопрос: что же приходит в освободившееся после смерти автора пространство, какие в этом пространстве можно обнаружить места, разломы и функции? [\[16, с. 18\]](#).

Ответ на этот вопрос в «Доме листьев» дан; в некотором роде, сам роман «Дом листьев» и есть ответ.

На метафорическом уровне не составит труда отыскать в произведении Данилевского подтверждение вышеописанного принципа «непрерывного исчезания пишущего субъекта». Сам роман начинается со смерти старика Дзампано и присвоения ему статуса автора «бескрайнего рычания слов» [\[13, с. xvii\]](#). Иначе говоря, точка отсчета – исчезновение (растворение в письме) Дзампано-автора, то есть превращение субъекта в функцию письма: Дзампано распадается на «рычание слов», сопровождающее акт чтения.

Что касается смой личности Дзампано, то известно лишь, что у него нет семьи, нет

друзей, нет банковской истории, нет паспорта, нет водительского удостоверения; неизвестна его национальность, даже не до конца понятно, как его звали на самом деле, то есть подлинного имени у Дзампано нет («это отношение письма к смерти обнаруживает себя также и в стирании индивидуальных характеристик пишущего субъекта» [\[16, с. 14\]](#)). К тому же он слеп. И, вероятно, можно было бы именно слепоту Дзампано назвать его отличительной чертой, но как же функция? Неужели функция может быть зрячей?

Таким образом, личность Дзампано в романе Данилевского действительно «стерта» и доведена до состояния функции. Что точно о нем известно, так это то, что он написал текст «Пленка Нэвидсона». Это подтверждается как свидетелями – сиделками и няньками Дзампано, которых находит Труэнт во время «собираания» рукописи Дзампано – так и тем, что рукописи были найдены в квартире Дзампано, в которой он в одиночестве и в окружении кошек провел годы. То есть у Дзампано нет иной судьбы или характеристики, кроме бесконечного письма – в квартире исписано все: от салфеток и почтовых марок, до бесконечных стопок листов – и странного имени, мало общего имеющего с обычным человеческим ФИО.

«Имя автора, стало быть, не есть такое же имя собственное, как все другие» [\[16, с. 20\]](#), – говорит Фуко. И, естественно, имя Дзампано ему с удовольствием подыгрывает. Что мы видим за этим именем? Слепого сказителя Гомера или библиотекаря Борхеса? Путешествующего циркача Zampanó из фильма Федерико Феллини «Дорога» (1954)? Абсурдного критика, описывающего в слепоте своей фильм, видеть которой не мог физически? Спекуляцию Марка Z. Данилевского? Или самого Данилевского: «Меня, черт возьми, вообще не волновали слова старика Z» [\[13, с. xviii\]](#) («Zampanó» – вероятно, одна из масок самого Данилевского: Марк Z[ampano – А.Н.]. Данилевский); или, быть может, Ван Гога, Энди Уорхола или Джеймисона: «Что же касается его вещей, то они были самые разные: потрепанная мебель, неиспользованные свечи, старые башмаки (в частности, последние выглядели грустными и потрепанными...)» [\[13, с. xvi\]](#), [\[1, с. 93-107\]](#)?

Однако дискурс «Z's» письма распространятся далеко вовне как во времени, так и в пространстве, так и в культурном контексте (подробно об этом статья А.В. Новикова «Марк Z. Данилевский "Дом листьев": поэтика симулякров»). Автор-функция, рассеиваясь в тексте, создает языковую интертекстуальную сеть и одновременно с ней серьезный смысловой подтекст, за которым безраздельно маячит бессознательное, структурное, травматическое и т.д. [\[19\]](#).

б) «сродство письма и смерти» – «сказание» становится выкупом за принятую смерть, процесс письма отодвигает смерть, которая должна закрыть рот говорящего: «Письмо теперь – это добровольное стирание, которое и не должно быть представлено в книгах, поскольку оно совершается в самом существовании писателя. Творение, задачей которого было приносить бессмертие, теперь получило право убивать – быть убийцей своего автора» [\[16, с. 14\]](#);

Как умер Дзампано? Это произошло, со слов Труэнта, в конце 1996 года, когда начали погибать одна за одной «бродячие» кошки Дзампано, которых было около восьмидесяти (Данилевский каламбурит: «любопытство убило кошку». Скорее всего, это намек на то, что то, что убило Дзампано, убило и его любопытных кошек.), столько же, сколько, по оценке «медиков», было и самому Дзампано, которого нашли лежащим лицом в пол.

Проникновение – иным словом это назвать сложно – Труэнта в квартиру Дзампано (тело

которого вывезли из нее накануне) чем-то напоминает переход в измерение готического романа или в Дантов лес, или на то место, например, которое освободилось после смерти Дзампано-автора: «То, как ключи Люда звенели, словно костяные колокольчики, когда он открывал главные ворота; как внезапно взвизгнули петли, будто мы входили не в переполненное здание, а в какой-то древний, изъеденный мхом склеп. Или то, как мы, утопая в тенях, ковыляли по сырому коридору с лампами наверху, усыпанными блестками света, которые, теперь я готов поклясться, были делом рук серых пауков. Или, возможно, самое важное из всего, то, как Люд шептал, когда рассказывал мне бесконечные вещи, на которые мне было наплевать тогда, но сейчас, сейчас, что ж, мои ночи были бы намного короче, если бы мне не нужно было их вспоминать» [\[13, с. xiv\]](#). Люд – и здесь, и далее – проводник Труэнта, своего рода Вергилий. Результат работы Деконструкции по отношению к Данту.

Дальше Труэнт рассуждает о том, что же влекло его в эту квартиру? Думает о банальном любопытстве, – которое, как мы уже знаем, «убило кошку», – или «инерция» [\[13, с. xiv\]](#). Это слово, употребленное Данилевским, интересно потому, что «инерция», в некотором роде, может быть отинтерпретирована как «след». В начале был след, в начале была инерция. Прошое, несущее в себе инерцию прошлого, определило будущее, которое впоследствии становится следом настоящего. Так функция Дзампано-автора настигает Труэнта-читателя.

И далее: «Что бы ни определяло путь всех моих вчерашних дней, в ту ночь оно было достаточно сильным, чтобы провести меня мимо всех этих спящих, надежно изолированных живых, запертых за их прочными дверями, пока я не встал в конце коридора лицом к последней двери слева, тоже ничем непримечательной двери, но все же двери к мертвым» [\[13, с. xiv\]](#).

Конечно – готика, суровый Дант, Одиссей и т.д., но и вход в пространство умершего автора. Весь последующий текст «Дома листьев» после этого перехода будет находиться «за» этой дверью, по ту сторону, то есть у мертвых. Перед читателем будет развернута обширная панорама «мира мертвых», построенного по лекалам Лос-Анджелеса, в котором Труэнт будет искать свою Беатриче, пропущенную через мясорубку деконструкции: теперь это стриптизерша Темпер, с татуировкой олененка Бемби в самом неприличном месте. И автором этого мира станет Джонни Труэнт, впивающийся глазами в рукопись Дзампано.

За «мертвой дверью» Труэнт обнаруживает «запах человеческой истории», «груды рычащих слов», ни одной кошки (за исключением рассказа Люда о выпотрошенных и исчезнувших перед смертью Дзампано кошках), заколоченные окна, забаррикадированные двери во двор, заклеенную вентиляцию и четыре длинные отметины на полу прямо в центре комнаты, оставленные неизвестными когтями. Именно в это освободившееся после смерти Дзампано-автора пространство – пространство за мертвой дверью – и входит Труэнт-читатель. И куда бы теперь Труэнт не направился, это пространство будет следовать за ним или возникать вокруг него, что будет особенно заметно при дальнейшем разборе сцены, где появляется «синхрония» (как мы будем ее называть) между дискурсами Дзампано и Труэнта.

Так умирает Дзампано-автор: медленно, мучительно и долго. Читателю остались его рукопись и след в четыре отметины на полу того пространства, из которого Дзампано-автор удалился. И оставлены они тем пространством, в которое Дзампано-автор направился, или которое его «стерло». Ибо эти отметины – единственное, что не

принадлежит естественному пространству изолированной комнаты Дзампано. Тот, кто оставил этот след, тот и забрал жизнь у Дзампано. И теперь Труэнт находится в разломе между реальностями – в лимбе, между письмом и жизнью, – между дискурсами Дзампано и Труэнта.

В свою очередь Дзампано, как порядочный автор, оставил завещание именно и только по поводу созданной им рукописи, в котором призвал собственную смерть и «развешивание» собственного праха среди страниц рукописи: «Тот, кто найдет и опубликует эту работу, получит право на все дивиденды. Я прошу только, чтобы мое имя заняло свое законное место. Возможно, вам повезет, и вы станете процветать. Если, однако, вы обнаружите, что читатели не проявляют интереса и сразу отмахиваются от всего этого предприятия, тогда позвольте мне предложить вам выпить побольше вина и станцевать на простынях первой брачной ночи, потому что – знаете вы это или нет – теперь вы действительно процветаете. Говорят, истина выдерживает испытание временем. Я не могу придумать большего утешения, чем знать, что этот документ не прошел такой тест» [\[13, с. xix\]](#).

Дзампано называет свою рукопись «документом», выражает надежду на провал «истинности» этого документа во времени, фактически отказывается от своего имени как авторского для данного документа (ибо что такое «прошу только, чтобы мое имя заняло свое законное место?» Дзампано рассчитывает на порядочность нашедшего рукопись случайного человека?) и – в прямом смысле – умирает: и как имя, и как претензия на истину – то есть тотальность, – как автор и человек. Рот говорящего закрыт, однако благодаря смерти Дзампано у его рукописи появляется читатель-скриптор – Труэнт. И «сказание» Труэнта о Дзампано «становится выкупом за принятую» последним «смерть».

в) «маркер писателя теперь – это не более чем своеобразие его отсутствия»; «ему следует исполнять роль мертвого в игре письма...» [\[16, с. 14-15\]](#).

Такая метафоричность Фуко, вероятно, дает и нам право позволить себе некоторую художественную произвольность и указать на то, что смерть Дзампано для «Дома листьев» – смерть сакральная. Дзампано принесен в жертву богу Письма, из этой смерти произрастают все дальнейшие события в судьбе Труэнта-читателя, в судьбе форума читателей (а также личных бесчисленных блогов, посвященных NoL-y), в судьбе автора настоящего исследования и ему подобных. Функция Дзампано – исполнена, читатель – рожден.

Маркер же самого Данилевского в письме – снова «объективация», с позволения сказать, метафоры: дискурс «Z's» письма.

Так, у Дзампано нет характеристик кроме «Имени» – некоего загадочного мерцания вокруг функции «дзампано» (это мерцание и есть его имя, не более) – и оставленного им Письма, но тем не менее Дзампано на протяжении всего текста в тексте присутствует. Его регулярно воскрешает Труэнт-читатель: роется в его мыслях, переводах, находит его няnek и сиделок, пытается понять ход его мыслей, осмыслить образ его жизни, биографию, страсти и страдания, смерть и т.д. Кроме того, с Труэнтом начинают происходить странные «эффекты формы», своего рода синхрония: события, описанные Дзампано в «Пленке Нэвидсона», происшествия, которые случаются с главным героем «Пленки Нэвидсона» Нэвидсоном, схожим образом случаются и с Труэнтом, или обнаруживаются факты странных совпадений в биографиях Труэнта и Нэвидсона.

Так, детство Труэнта – смерть отца, сумасшествие матери, физическое увечье, скитание по приемным семьям, бегство на Аляску, смерть товарища в море – перекликается с

детством Нэвидсона: неприютность, сбежавшая и в итоге пропавшая без вести мать, отец – вечно скитающийся и пропадающий на месяцы коммивояжер, страдающий алкоголизмом и тягой к насилию, буйству, бросающий в стену раскаленные сковороды (сноска.№ 27) [\[13, с. 22\]](#).

Синхрония между дискурсами Труэнта и Дзампано проявится с особой силой, если наложить один дискурс на другой и посмотреть на совпадения. При таком «наложении» происходит «панический» или «невротический» резонанс» эпизодов: Труэнт, опосредовав уже известный читателю «панический опыт» Нэвидсона, переживает в собственной реальности тот же «панический опыт» что и Нэвидсон, но в том слое текста, который «ближе» к читателю, ближе в смысле отсутствия промежуточного опосредования, так как дискурс Труэнта – это самый «поверхностный» слой опосредования [\[13, с. 70-72\]](#).

В данной статье мы рассмотрим подробно только одну «резонирующую» через соприкасающиеся слои палимпсеста сцену, путем наложения дискурсов Дзампано и Труэнта друг на друга. Начинается эта сцена «синхронизации» с «Экспедиции А» [\[13, с. 63\]](#).

В скобках надо заметить, что Данилевский использует кинематографический прием для развития сюжета именно накануне событий «синхронии»: ультиматум жены к мужу, нарушение которого создает прецедент для дальнейшего совершения поступков, которые были бы невозможны, если бы ультиматум остался ненарушенным. Благодаря нарушению ультиматума в тексте – равно как и в сюжете – появляются новые персонажи, характеры, пространства.

Постановка ультиматума:

«Карен: "Но я скажу вот что: если он войдет туда, я уйду отсюда. Заберу детей и все такое".

Нэвидсон: "Если она продолжит эту холодную войну, отвечаю, я полезу туда"» [\[13, с. 62-63\]](#).

Затем вводится небольшая, чисто функциональная сценка, которая служит для нарушения условий ультиматума и приводит к желаемому для сюжета результату: «Карен настолько взбешена, что отправляет Нэвидсона спать на диван, поближе к его "любимому коридорчику"» [\[13, с. 63\]](#).

Даже имена действующих в этой сцене персонажей не прописаны, они заменены прочерками: «_____» [\[13, с. 63\]](#).

Могут ли что-то означать эти пропуски? Возможно, Дзампано намекает, что уже в самом тексте начинают появляться пустоты. Как зазор между мыслью и еще одной мыслью. В этом крохотном миге – между прошлой мыслью и новой мыслью – начинает проглядывать бездна. И Данилевский демонстрирует ее с помощью типографического средства внутри романа. Но мы можем возразить, ведь в данном случае пропущены имена собственные. Может быть, перед нами очередная метафора «смерти субъекта/ов»?

Однако, вероятно, Данилевский – или Дзампано (поскольку это происходит внутри дискурса Дзампано «Пленка Нэвидсона») – нарочито подчеркивает этими пропусками чисто функциональное значение всей сцены (имена не играют никакой роли: сцена-

функция сработает и без них): нарушение ультиматума и как следствие нарушения – открытие возможности на вход в «любимый коридорчик» (снова речь идет о любопытстве, которое толкает туда Нэвидсона): «"Можете считать меня импульсивным или просто любопытным, – бормочет Нэвидсон, засовывая больные ноги в пару башмаков (снова башмаки Ван Гога-Энди Уорхола-Джеймисона [\[13, с. xvi\]](#), [\[1, с. 93-107\]](#) – А.Н.), – но никому не повредит, если я немного осмотрюсь"» [\[13, с. 63\]](#).

После влезания в башмаки Нэвидсон-исследователь и фотохудожник отправляется в «Экспедицию А». Глазами Нэвидсона читатель впервые проникает, заглядывает за дверь, ведущую в лабиринт дома на Ясеновой улице (вспомним «дверь к мертвым», описанную выше, за которую вначале романа заглядывает Труэнт – это и есть момент синхронического соприкосновения дискурсов Труэнта и Дзампано). Сначала за дверью Нэвидсон обнаруживает небольшой коридор, длинной около семидесяти шагов, но вскоре замечет еще одну дверь, ведущую в еще больший коридор. Так продолжается до момента, пока Нэвидсон не обнаруживает арку, за которой открывается пространство, стены и потолок которого находятся на таком отдалении, что свет его фонарика уже до них не добивает [\[13, с. 63-64\]](#).

Затем впервые появляется «рычание», становится как будто ясно, что «нечто обитает» в этом коридоре-лабиринте: «груда рычащих слов»? «минотавр»? «эхо»? «застывшая музыка», освобождающаяся при изменении архитектурного пространства?..

Одно ясно точно – это пространство меняется под взглядом наблюдателя: «Все внимание Нэвидсона сосредоточенно на полу, и именно потому, что он продолжает всматриваться, пол начинает приобретать новый смысл. Пол больше не есть нечто однозначное. Не исключено, что под ним скрывается нечто. Например, какая-нибудь расщелина, которая вот-вот разверзнется» [\[13, с. 67\]](#).

Что-то, что лежит за тканью текста, что-то, что ожидает или не ожидает увидеть вглядывающийся в пол, в основание, в текст, в бездну, в черноту квантового поля Нэвидсон (а вместе с ним и читатель), – что-то выходит на поверхность, объективируется: «Внезапно прерванная, нерушимая тишина снова молниеносно замещает то, что на мгновение разрушило ее.

Нэвидсон замирает, пытаясь понять, действительно ли он только что слышал какое-то рычание» [\[13, с. 67\]](#).

Вероятно, Дзампано описывает некое квантовое измерение, где частицы ведут себя в соответствии с ожиданиями наблюдателя: зловещий «рев» объективируется в тексте именно под взглядом наблюдателя (заметим, что события «Пленки Нэвидсона» существуют как бы «под взглядом наблюдателя», поскольку все описанное описано только потому, что были камеры, чей взгляд неотрывно следил за каждым развернутым перед читателем событием).

В рассматриваемой нами сейчас главе «Дома листьев» также следует обратить внимание на список имен фотографов, перечень которых растянулся три страницы [\[13, с. 64-67\]](#). После списка дан комментарий Труэнта № 76 [\[13, с. 67\]](#), который фактически утверждает правомочность или экземплифицирует термин представителя философии науки, сказанный в сторону постмодернизма, Пола Феерабенда: «Anything goes!». Перечень имен фотографов в тексте Дзампано и комментарий к перечню Труэнта – снова экземплификация одной из характеристик постмодернизма: коллажа.

Дано: тело концепта – перечень имен; описание концепта – комментарий Труэнта и одной из сиделок Дзампано Элисон Эдриан Бернс: «...этот список был совершенно случайным. <...> "Мы просто выбрали названия из нескольких книг и журналов, которые у него валялись" ...» [\[13, с. 67\]](#).

Далее по сюжету Нэвидсон пытается выбраться из коридора, снова несколько раз слышит рычание, пытается звать на помощь, обращает внимание на странное эхо; в итоге после очередного поворота он внезапно натывается на светящейся теплым ламповым светом четырехугольник, в который вписана фигура его дочки Дейзи. Это – первый эпизод спасения Нэвидсона из «ада» женщиной, несущей свет [\[13, с. 67-68\]](#).

Затем в тексте Данилевского возникает краткое описание пространства Кхумбу у подножья горы Эверест, где в течение суток видоизменяются ледяные столбы и расселены. Кроме того, в тексте дан сравнительный ряд характеристик, которые отличают пространство Кхумбу от пространства лабиринта дома на Ясеновой улице. Здесь же Дзампано приводит фразу, которую в свой комментарий в виде цитаты переносит и Труэнт: «"никаких причин, доступных зрению" – подходящая для описания, произошедшего фраза» [\[13, с. 69\]](#). Именно с этой фразы в комментарии № 77 начинается синхронизация повествовательного слоя Труэнта с вышеописанным повествовательным слоем Дзампано. Это фраза теперь принадлежит обоим дискурсам одновременно; она же разбивает повествование, вернее соединяет собою два идущих параллельно повествовательных слоя: слой Дзампано – до нее, Труэнта – после.

Начнем с того, что открытый вышеприведенной фразой эпизод Труэнта также не лишен линии «мужчина-женщина». Стриптизерша Темпер (прошедшая мясорубку деконструкции Беатриче) появляется в эротическом сне Труэнта, окутанная покрывалами, которые спадая с не нее и повисая в воздухе, создают исходное ощущение невесомости для всей последующей сцены. Затем сон резко обрывается, и Труэнт отправляется на работу, где будет сортировать иглы для татуировочной машинки своего босса.

Сам процесс сортировки игл [\[13, с. 69-70\]](#) и последующего «затенения кожи» – вполне пригодная метафора для описания «затенения» страницы (кожи книги) текстом с помощью точек, которые остаются от кончиков игл. Если вспомнить текст Барта «Удовольствие от текста» [\[18, с. 462-518\]](#), то можно провести параллель между «материальностью» описанного в этой работе текста и тем, что говорит Труэнт (разработку этой темы оставим тем, кто пойдет по нашим следам). Вскоре босс Труэнта отправляет его в кладовку за чернилами. Так Труэнт оказывается перед дверью, ступив за которую, он, как и Нэвидсон, переходит в другое пространство, где нужно преодолеть восемь ступенек в темноте, ибо лампочки перегорают в тот момент, когда Труэнт прикасается к выключателю света.

События развиваются стремительно: как и Нэвидсон, всматривавшийся в пол, Труэнт тоже начинает «всматриваться», но уже не просто в темноту, а в пурпурные чернила для татуировочных игл, в их текстуру, воображая, что он «действительно может различить вибрацию их спектральных частот» [\[13, с. 70\]](#). Как и в случае с Нэвидсоном, это приводит к тому, что то, что (идея, смысл, субстанция) находится (скрыто) «за» чернилами (за телом текста, за тканью текста), не заставляет себя долго ждать и проявляется в реальности.

Свет, падающий на ладони Труэнта, превращается в лезвие и разрезает их. Труэнт оказывается, как он сам выразился, в «ловушке»; у него начинается невротический

припадок: он «заблудился» или «потерялся». Страх и невроз порождают в сознании Труэнта ощущение, что «здесь» кто-то или что-то «есть». Он, как и Нэвидсон, сначала слышит «звук», затем видит глаза, затем дверь захлопывается, он падает со ступеней, роняет флаконы с чернилами, которые его обливают. Труэнт чувствует, что начинает «разваливаться», рассыпаться в черноте. Он буквально распадается на «текст», на фрагменты, слова, слоги и буквы.

«Что-то покидает меня. Части меня. // Все рассыпается. // Однажды услышанные, позабытые истории. // И буквы. // Слова наполняют голову. Разлетаются, будто артиллерийские снаряды. Осколки – слоги – летают повсюду. Жуткие слоги. Острые. Изломанные. Носятся с убийственной скоростью. Они все разрывают в клочья – теперь ничего не собрать снова, ничего не соединить» [\[13, с. 71\]](#).

Итак, Труэнт «наполнен» ужасными словами, слогами, буквами; и вот теперь «Форма формы формы лица де(со)бирается прямо на моих глазах» [\[13, с. 71\]](#) – в одном предложении, вытекающем из вышеописанного эпизода, помещается метафора симулякра и метафора (аллюзия) «де(кон)струкции». Перед нами, так сказать, развернута художественная «работа» (деятельность) постмодернизма в реальном времени.

Но все-таки, случайно увидев «призрак» собственного отражения в подносе для чернил, а также заметив на себе темные пятна от опрокинутых флаконов, Труэнт понимает, что благодаря чернилам, поглотившим его с ног до головы, он стал различим, а значит, он может быть сохранен.

Приведем, вероятно, ключевой абзац этой сцены полностью: «Здесь я и умру, думаю я. И действительно, мною овладевает предчувствие неминуемого удушения. По крайней мере, босс и остальные, прибежавшие на шум, видят именно это. Однако чего они не могут видеть, так это предзнаменования, обозначенного в падении, в моем падении; теперь я покрыт черными чернилами, мои руки полностью затушеваны, я вижу, что пол черный, и – вы предвидели это или мне следует выразиться более определенно? – струя положенная на струю; одно ослепляющее мгновение я наблюдал, как исчезает моя рука, как на самом деле исчез весь я – адский акт исчезновения: уже предвиденное растворение “Я”, потерянное из-за отсутствия контраста, соскальзывающее в небытие... Пока вдруг на середине выдоха я не замечаю свое отражение в зеркале – задняя часть подноса, призрак уже в дороге: кажется, я еще не ушел, не совсем. Мое лицо забрызгано пурпуром, как и мои руки – так был создан контраст, различие, определившее меня, отметившее меня и, по крайней мере, на данный момент, сохранившее меня» [\[13, с. 72\]](#).

Весь приведенный выше абзац – насыщенная и яркая метафора «смерти субъекта», но в данном конкретном случае смерти Труэнта-читателя, и рождения Труэнта-автора. Возвращение деконструированного Труэнта, где оппозиция «читатель» заменена оппозицией «писатель», как того и требуют негласные правила работы деконструкции. Возвращение в письмо вытесненного «злого гения», вспомним уже упомянутую ранее цитату Кондратьева: «забвение и изгнание из структуры субъекта фигуры Другого, который, тем не менее, возвращается в своем пугающем, параноидальном обличье “злого гения”, способного исподволь вмешиваться в работу сознания, тем самым “похищая” автономию субъекта» [\[14, с. 6\]](#).

Итак, опишем общую логику вышеозначенных эпизодов, взятых из дискурса Дзампано и из дискурса Труэнта. Напомним, логика эта фундируется на эффекте формы, который мы

называем «синхронией». Труэнт-читатель вступил во взаимодействие с дискурсом Дзампано; поскольку Труэнт не просто «читает», но создает комментарии, то есть занимается «смыслоположением», то он одновременно переходит в разряд «автора». И, имея в собственном опыте уже одну опосредованную к этому моменту смерть Дзампано-автора, столкнувшись с теми же событиями, «смыслоположением» к которым был занят Дзампано, Труэнт сам приблизился к «смерти автора». А синхронное схождение эпизодов блуждания Нэвидсона по темноте лабиринта дома на Ясеновой улице и «спуска» Труэнта в черный подвал за чернилами сработало как резонатор, усиливший «пустоту», заложенную в основание «Дома листьев».

И теперь Труэнт-читатель, переживший буквальную смерть субъекта, возродился Труэнтом-автором, «благодаря чернилам, которые определили, отметили его, сохранили его». То есть благодаря тексту. Или письму.

Собственно, на это намекает также фонетическая аллюзия, которую бессознательно слышит и воспроизводит в темноте Труэнт: «Known. Some. Call. Is. Air. Am?». Как дают комментарий к русскому переводу книги редакторы: «Фонетически *Knownsome call isair am* является искаженным *Nonsumqualiseram*: эта латинская фраза представляет собой начало названия известного стихотворения Эрнеста Доусона (1867-1900) “Non sum qualis eram bonae sub regno Cynarae” – “Я уж не тот, каким был в царствие доброй Кинары” и, в свою очередь, восходит к строке Горация (Оды. IV, 1) » [\[20, с. 78\]](#).

Таким образом, произошла «трансформация» Труэнта, основанная на приеме «синхронии» дискурсов Дзампано и Труэнта. (Трансформация как результат спуска в пространство под домом на Ясеновой улице открывает еще один уровень интерпретации всего романа. Подробнее об этом в статье А.В. Новикова «Древо “Иггдрасиль” как символический ключ к интерпретации романа Марка З. Данилевского “Дом листьев”»).

Стоит отметить, что для Нэвидсона «заход» в лабиринт тоже не прошел бесследно. Отношения его и Карен изменились не в лучшую сторону, изменилось и отношение Нэвидсона к «лабиринту»: одержимость поселилась в сердце Нэвидсона. Трагическая развязка отныне неизбежна.

В заключение несколько слов о переходе от Дзампано-автора в концепции Фуко к Труэнту-читателю в концепции Барта. Форма романа построена на диалоге дискурсов, смеха которого кратко описана в главе «Дискурс как фигура поэтики “Дома листьев”» данной статьи. Вступление романа «Дом листьев» за авторством Джонни Труэнта [\[13, с. xi-xxiii\]](#) раскрывает процесс рождения Труэнта-читателя, разворачивает на первых страницах романа механику процесса этого рождения.

Умирает некто Дзампано, об этом становится известно Труэнту, который проникает в прежнее жилище умершего, знакомится с его привычками, запоминает запахи в его комнате, видит забитые и заклеенные изнутри окна, узнает про погибших кошек, обнаруживает отметины на полу, но не видит самого старика, равно, как не видит и самой его смерти. Но, заняв освободившееся после смерти стрика пространство, передает впечатления от увиденного, фиксирует в текстуальной ткани, точнее где-то за ней присутствие некоего автора Дзампано и его смерть; это так потому, что письмо Труэнта – это всегда «подражание» письму Дзампано, это всегда рефлексия над письмом Дзампано, которое тоже рефлексия над письмом Другого: так Труэнт-читатель и Труэнт-автор – это, с позволения сказать, диалектическое единство того, что есть письмо в принципе (учитывая все то, о чем говорилось выше).

Обратимся еще раз к тексту Барта с вопросом роли читателя в концепте «смерти автора». На данный момент уже кажется общим местом то, что Барт говорит о Письме: «...в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [\[15, с. 384\]](#). То, о чем шла речь выше, а именно метафоричность «смерти» Дзампано и «распад» Труэнта вполне подпадают под описание Письма Барта и остановка на этом моменте вряд ли принесет нам что-то новое. Потому перейдем сразу к читателю.

Барт говорит, возвращаясь к фразе из «Сарразина» Бальзака [\[15, с. 384\]](#), что «если у нее [у фразы – А.Н.] есть источник и голос, то не в письме, а в чтении» [\[15, с. 390\]](#). И что «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, как утверждали до сих пор, а читатель» [\[15, с. 390\]](#).

Бесспорно, это один из принципиальных моментов в концепте «Смерти автора» Барта, поскольку сим объявляется, что теперь читатель есть смыслополагающая субстанция по отношению к тексту, но не автор-создатель. Что на формальном уровне и демонстрирует «Дом листьев». Труэнт – есть буквально точка сборки всего дискурса Дзампано, поскольку изначальный текст Дзампано – это неупорядоченная «груда бумаг» [\[13, с. xvii\]](#). Именно функция Труэнта-читателя придает этой «груде» целостность, форму, упорядоченность, определяет ее структуру и, снабжая комментарием, пускает в «действительность»; текст Дзампано обретает «предназначение» – смысл собственного существования – в виде будущего читателя.

Вероятно, на такой пафосной ноте неплохо было бы вспомнить и о самом Марке Z. Данилевском, чьего тотального отсутствия в романе читатель не замечает в принципе.

Читатель забывает о том, что у текста «Дом листьев» есть реальный автор, только значок «Z» напоминает то ли о нем, то ли о Дзампано. «Z» становится координатой места дискурса, из которого говорится, не более того. Из-под ткани текста же проглядывают ложные авторы: Дзампано, Труэнт, Нэвидсон, Карен, Пелафина Хэзер Льевр (мать Труэнта), Деррида, Гомер, ручка «Пеликан» и т.д.

Это означает, что и сам Данилевский попадает под категорию «скриптора» Барта, – скриптора, пришедшего на смену Автору. Вспомним, что скриптор «несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки; жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому, и так до бесконечности. [\[15, с. 389\]](#).

Выше приведенная цитата – вполне себе редуцированный до дефиниции роман «Дом листьев». Слепой Дзампано бесконечно пишет по памяти (если он вообще когда-либо видел «Пленку Нэвидсона»), пока смерть не останавливает его; пишет и теряющий рассудок, а вместе с ним и память, и реальность Труэнт; пишет Пелафина Хэзер Льевр, пишет «Пеликан» – все они пишут о чем-то, что вспомнить полностью и зафиксировать целостно на письме никогда не получится. И письмо внутри романа превращается в бесконечное вспоминание, лишенное изначального референта на каждом взятом отдельно слое повествования, палимпсеста, дискурса. В этом безутешном поиске

реферата происходит смешение дискурсов, их взаимопроникновение, которое однако не решает проблемы – первоисточник найти не удастся; так в тексте появляется пустая бесконечность: поэтика недостижимости, выросшая на поиске несуществующего референта.

Снова вспомним Барта: «Действительно, в многомерном письме все приходится распутывать, но расшифровывать нечего; структуру можно проследить, “протягивать” (как подтягивают спущенную петлю на чулке) во всех ее повторях и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла» [\[15, с. 389\]](#).

Метафоричность Барта, равно, как и Фуко, впрочем, как всей «теории» постмодернизма по сравнению с классической философией, позволяет развивать такие темы, как смерть автора, субъекта, читателя и человека до бесконечности, потому мы остановимся здесь.

И напоследок скажем еще несколько слов о временном изменении «Дома листьев», которое открывается с помощью ключа по имени «Ролан Барт».

Обратимся к тексту «Дома листьев». В одном из эпизодов романа в руки Труэнта попадет книга «House of Leaves by Zampano with introduction and notes by Johnny Truant Circle Round A Stone Publication First Edition» [\[13, с. 513-514\]](#).

Это странное обстоятельство приводит в замешательство Труэнта, поскольку он в настоящий момент все еще продолжает работу над той книгой, которую держит в руках: она оказалась законченной, более того, изданной, а его имя числится среди авторов. Но оставим Труэнта и задумаемся над тем, что может означать такой временной парадокс сам по себе для художественного текста.

Вероятно, введенный Данилевским вышеназванный временной модус романа как раз отражает утверждение Барта о том, что «скриптор рождается одновременно с текстом» [\[15, с. 387\]](#). Такой временной модус – очередной «эффект формы» романа: «одновременность». Джонни Труэнт пишет (буквально записывает отрефлексированные относительно дискурса Дзампано мысли) на глазах у читателя книгу (читатель как бы всегда находится в настоящем моменте жизни Труэнта: последний говорит из настоящего момента, заглядывая время от времени в прошлое), которая им уже написана (как нам становится ясно из эпизода, где Труэнт читает уже изданную версию «Дома листьев»), и внутри которой он – автор и герой этой книги.

Следовательно, и Труэнт-автор, и Труэнт-читатель до появления в самой книге самой книги – не существуют. Ибо книга уже «осуществилась» сама, без ведома Труэнта-автора (он поражен существованием законченной книги, которую держит в руках), она присутствует, бытийствует перед его взором в момент самого письма и чтения, которое единственно он, Труэнт, и осуществляет. Следовательно, этой книге не нужен автор, а именно не нужен Труэнт-автор или Труэнт-читатель, чтобы «быть». Поэтому нахождение Труэнта в тексте, его «вписанность» в текст – это, если выразиться грубо, результат работы «воли» Письма. И Труэнт-автор вполне соответствует понятию «скриптор» Барта: у автора «нет никакого бытия до и вне письма» [\[17, с. 6\], \[15, с. 387\]](#). Труэнт, собственно говоря, существует только как акт письма. Потому время для него одно: имманентное письму безвременье. Вечное всеобщее – завтра никогда не наступает, потому как настоящее Труэнта уже включает в себя и будущее и прошлое. Таков незавидный удел Труэнта-скриптора.

Библиография

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А.Олейникова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019 – 808 с.
2. Андерсон, П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А.Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 208 с.
3. Hassan I.H. 1972, 1982. The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature. Wisconsin: The University of Wisconsin Press. 315 p.
4. Павлов, А.В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ: философская антропология, философия культуры: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.13 / Павлов Александр Владимирович. – Москва, 2019а. – 447 с.
5. Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодерна. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 288 с. – (ЛекцииPRO).
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.
8. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение: Учеб. пособие / В. В. Богданов; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
9. Фуко, М. Археология знания. – Пер. с фр. / Общ. ред. Бр.Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с. – (Серия "OPERA APARTA"; Вып. 1).
10. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитар. наук: Пер. с фр. / Мишель Фуко; [Вступ. ст. Н. С. Автономовой, с. 7-27]. – СПб.: А-сад : АОЗТ «Талисман», 1994. – 405 с.
11. Фуко М. Ницше, генеалогия, история / Ницше и современная западная мысль: Сб. статей / Под ред. В. Каплуна. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2003. – С. 532–560.
12. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. – М.: Культурная революция, 2005-Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / Пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян. – 2012. – 480 с.
13. Danielewski Mark Z. (2000) House of Leaves / Pantheon Books. 2000.
14. Кондратьев, К.В. Кризис идеи и феномена субъекта в пространстве нововременного социально-философского дискурса: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Кондратьев Константин Владимирович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. – Казань, 2012. – 19 с.
15. Барт, Р. Смерть автора / Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. С. 384–392.
16. Фуко, М. Что такое автор? / Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996b. С. 7–47.
17. Береснева, Н.И., Кокарева Е.А. Эволюция идеи «Смерти автора» // Филологические заметки. – Пермь: Из-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет». – 2012. № 1. – С. 9–16.
18. Барт, Ролан. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989b – 616 с.
19. Новиков, А.В. Сюжетообразующая функция сновидения в романе Марка З. Данилевского «Дом листьев» / Сборник научных статей по материалам конференции / Сост. А. А. Лазаревой; Обложка А. А. Лазаревой. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2021. – С. 192-202.
20. Данилевский, М.З. Дом листьев: [роман] / Марк З Данилевский; пер. с англ. Д.

Быкова, А. Логиновой, М. Леоновича; предисд. Д. Быкова. – Екатеринбург: Гонзо, 2016. – XXXIV. 750 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья ориентирована на дешифровку проблемы генеалогии «смерти автора» как фигуры в поэтики романа Марка З. Данилевского «Дом листьев». Представленный для рассмотрения ракурс достаточно актуален и интересен. Автор обращает внимание на основной ценз романа «Дом листьев», при этом векторный анализ расширяет исследовательское поле. Большая часть суждений правомерна и объективна: например, «однако зачастую теоретики постмодернизма обращаются и используют терминологию и категории постструктурализма и связанного с ним периода производства мысли для описания постмодернизма и, шире, постмодерна. Например, у Джеймисона: конец истории (одна из тем Джеймисона), деантропологизация, дискурс (рабочий инструмент Джеймисона), симулякр (одна из тем Джеймисона), коллаж (более сложный термин «пастиш» у Джеймисона), шизофрения (кризис субъекта) (одна из тем Джеймисона), деконструкция (одна из тем Джеймисона), интертекстуальность (инструмент и категория у Джеймисона), кризис метафизики присутствия (одна из тем Джеймисона), временной сдвиг (следуя Лакану, одна из тем Джеймисона), синтагма, поверхность, означающее/означаемое, след, ирония, общество потребления, желание и т.д. и т.п. (все эти терминологические частности и концепты у Джеймисона присутствуют)», или «Данилевский накладывает карды фильма Запрудера на кадры «Пленки Нэвидсона», то есть накладывает реальные знаменитые кадры убийства Кеннеди – которые наверняка есть в зрительной памяти читателя – на становящееся – формирующееся – в воображении читателя изображение убийства Джеда Лидера (персонажа «Дома листьев»). Таким способом усиливая «картинку» в воображении читателя. И в то же время обращаясь к исторической памяти читателя, вызывая эффект ощущения реальности убийства и отдаленного присутствия исторического фона. Перед нами очередной пример захвата симулякром реальной фигуры человека: Джек Лидер, персонаж, захватывает и превращает в «интерактивный образ» реальную фигуру – Джона Кеннеди, а точнее знаменитые 26 секунд, запечатлевшие гибель последнего» и т.д. Работа грамотно написана, в тексте совмещается как практический, так и теоретический уровни. Цель исследования достигнута, тема раскрыта полномерно. В финале отмечается, что «введенный Данилевским вышеназванный временной модус романа как раз отражает утверждение Барта о том, что «скриптор рождается одновременно с текстом». Такой временной модус – очередной «эффект формы» романа: «одновременность». Джонни Труэнт пишет (буквально записывает отрефлексированные относительно дискурса Дзампано мысли) на глазах у читателя книгу (читатель как бы всегда находится в настоящем моменте жизни Труэнта: последний говорит из настоящего момента, заглядывая время от времени в прошлое), которая им уже написана (как нам становится ясно из эпизода, где Труэнт читает уже изданную версию «Дома листьев»), и внутри которой он – автор и герой этой книги. Следовательно, и Труэнт-автор, и Труэнт-читатель до появления в самой книге самой книги – не существуют. Ибо книга уже «осуществилась» сама, без ведома Труэнта-автора (он поражен существованием законченной книги, которую держит в руках), она присутствует, бытийствует перед его взором в момент самого письма и чтения, которое единственно он, Труэнт, и осуществляет. Следовательно, этой книге не нужен автор, а

именно не нужен Труэнт-автор или Труэнт-читатель, чтобы «быть». Поэтому нахождение Труэнта в тексте, его «вписанность» в текст – это, если выразиться грубо, результат работы «воли» Письма. И Труэнт-автор вполне соответствует понятию «скриптор» Барта: у автора «нет никакого бытия до и вне письма». Труэнт, собственно говоря, существует только как акт письма. Потому время для него одно: имманентное письму безвремяе. Вечное всеобщее – завтра никогда не наступает, потому как настоящее Труэнта уже включает в себя и будущее и прошлое. Таков незавидный удел Труэнта-скриптора». Таким образом, материал можно применять в ходе изучения истории зарубежной литературы, теории литературы, творчества Марка Z. Данилевского. Рекомендую статью «Генеалогия, дискурс и «смерть автора» как фигуры поэтики в романе Марка Z. Данилевского «Дом листьев» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Я., Никонова Н.Е. Переводческая и читательская рецепция романов Л. Н. Толстого в Китае // Litera. 2024. № 3. С. 167-170. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.40600 EDN: HRUOSK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40600

Переводческая и читательская рецепция романов Л. Н. Толстого в Китае

Чжан Ян

ORCID: 0000-0003-4523-2270

аспирант, кафедра романо-германской и классической филологии, Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 34, оф. 18

✉ Zhangyang-ok@yandex.ru

Никонова Наталья Егоровна

доктор филологических наук

профессор, кафедра романо-германской и классической филологии, Томский государственный университет

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр. Левина, 34, оф. 18

✉ nikonat2002@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.40600

EDN:

HRUOSK

Дата направления статьи в редакцию:

27-04-2023

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Статья посвящена проблеме переводческой и читательской рецепции романов Л. Н. Толстого «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» в Китае. Предметом исследования в статье стала история переводческой рецепции этих трех

романов и их восприятие китайскими читателями. Материалом статьи послужил китайский сайт рецензий "Доубань. Чтение". Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать и сравнить хронологию работы китайских авторов над переводами трех романов Л. Н. Толстого и отзывы китайских читателей на них. В ходе исследования используются описательный, аналитический и сравнительно-сопоставительный методы. Научная новизна работы заключается в том, что попытка комплексного исследования о китайских переводах и читательском восприятии трех романов Л. Н. Толстого впервые осуществляется в науке о русской литературе. В результате исследования доказано, что из всех русских классиков Л. Н. Толстой – один из самых популярных в критической, переводческой и читательской рецепции в Китае. К середине XX века три самых известных романа автора переведены с русского оригинала на китайский язык. В настоящее время они по-прежнему имеют высокую исследовательскую ценность, также активно ведутся дискуссии читателей данных переводов в Китае, при этом роман «Воскресение» имеет наибольшее количество переводов (30), а «Анна Каренина» пользуется наибольшей популярностью у реципиентов-читателей. Результат настоящей научной работы станет дополнением к знанию о русской литературе, расширит представление о художественном мире Л. Н. Толстого. Научно-практическая значимость предлагаемой работы заключается в возможности использования ее результатов в научно-исследовательских работах в области русско-китайских литературных взаимосвязей. Кроме того, результаты исследования могут быть применены для разработки образовательных курсов и для комментирования произведений Л.Н. Толстого.

Ключевые слова:

Лев Толстой, Война и мир, Анна Каренина, Воскресение, литература, рецепция, перевод, читатель, рецензия, китайский язык

Л. Н. Толстой привлек внимание академических кругов с начального этапа восприятия русской литературы в Китае, в начале XX века. В 1905 году роман Л. Н. Толстого «Рубка леса» был переведен с японского и опубликован в первом в Китае образовательном журнале «Мир образования» [\[1, с. 3-13\]](#), с этого момента читатели могли получить первое представление о русском писателе. До наступления периода Четвертого мая в Китае, то есть до 1917 г, количество переводов произведений Л. Н. Толстого намного превышало количество переводов произведений других русских писателей: из 80 произведений, переведенных и опубликованных в Китае до этого времени, сочинения Л. Н. Толстого составляли почти половину.

В 1930-е и 1940-е годы, с расширением круга заинтересованных переводчиков и с улучшением владения русским языком, количество романов, переведенных с русского оригинала, продолжало увеличиваться, и качество перевода также значительно улучшилось. До образования Китайской Народной Республики (1949 г.) был осуществлен перевод целого ряда произведений Л. Н. Толстого, однако «Воскресение» стало известно китайскому читателю первым. В июне 1907 года в Шанхайском коммерческом издательстве был опубликован первый перевод Ма Цзюньву «心狱» (досл. «Сердце в аду»), [\[2\]](#). Этот перевод был выполнен с немецкого языка и с сокращениями.

В 1914 г. в Китайском издательстве вышел следующий частичный перевод романа «Воскресение» («心狱» (досл. «Сердце в аду») Ма Цзюньву, который был выполнен также

с немецкого языка и включал 57 глав. Профессор Чэнь Пинъюань, литературный деятель, писал в сочинении «История китайских романов в 20 веке»: «В первой части перевода романа "Воскресение" Ма Цзюнью удалены многие высказывания о судьях и некоторых государственных чиновниках в главах 7 и 8". По его мнению, "после сокращения и сюжетная линия стала понятнее, и язык стал лаконичнее...». В то же время он дал новому переводу положительную оценку: «Хотя переводчик предпринял некоторые сокращения, он понял суть оригинала, не умалив очарования произведения» [\[3, с. 58\]](#). Ма Цзюнью владел иностранными языками и имел глубокие познания в китайской и зарубежной литературе, то есть он не случайно выбрал роман «Воскресение». Данный перевод был благосклонно принят читателями и предоставил новый ориентир для понимания наследия Л. Н. Толстого.

В 1917 году в Китае вышел и первый китайский перевод романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Авторами выступили Чен Цзялинь и Чен Дадэн, а название книги звучало как «*婀娜小史*» (досл. Краткая история грациозной девушки). Этот перевод был сделан с английского, при этом два переводчика прибегли к значительным трансформациям в плане языка, содержание оригинального текста также не было сохранено в должной мере, то есть они осуществили вольный перевод в соответствии с собственным пониманием художественного произведения. В то же время Лу Синь, один из основоположников современной китайской литературы, однажды сказал, что этот перевод «не хорош» [\[4, с. 367\]](#). Но следует отметить, что как первый полный китайский перевод романа «Анна Каренина» он вошел в историю переводческого восприятия романа.

В 1922 г. Роман «Воскресение» в переводе Гэн Цзичжи (1899–1947) был опубликован в коммерческом издательстве и стал первым полным китайским переводом с русского языка. Это произведение многократно переиздавалось за несколько лет, то есть положительно было воспринято читателями.

В сравнении с романами «Воскресение» и «Анна Каренина» работа над китайским переводом романа «Война и мир» началась позже. В 1931 году китайский писатель и переводчик Го Можо (1892-1978) начал переводить роман «Война и мир», но Го Можо имел опыт, прежде всего, в контактах с немецкой и английской литературой, и, вероятно, поэтому китайский перевод романа «Война и мир» был выполнен не совсем качественно. Сам автор признавался: «Я не совсем подходящий переводчик для этого романа» [\[5, с.85\]](#). Кроме того, поскольку издательство стремилось к скорой публикации, то в этом китайском переводе было много ошибок, и он не был признан читателями и литературоведами. 1931-1933 гг. Издательство литературы и искусства опубликовало только первый, второй и третий том романа «Война и мир» в переводе Го Можо, который не смог закончить перевод романа.

В 1940-х годах Гао Чжи, известный писатель и переводчик, посвятивший себя изучению русской литературы, приступил к работе над китайским переводом романа «Война и мир», которую не удалось завершить Го Можо. Гао Чжи хорошо владел русским языком, он скорректировал перевод Го Можо и, наконец, завершил его в 1942 году. Когда полный перевод был опубликован, то на обложке можно было обнаружить два имени Го Можо и Гао Чжи. По этому поводу Го Можо сказал: «Этот полный перевод является кристаллизацией усилий только Гао Чжи». Он также подтвердил, что Гао Чжи превзошел его: «Перевод очень лаконичный и верный, и в то же время в полной мере демонстрирует смирение и дотошность переводчика» [\[5, с. 85\]](#). После первой публикации в 1942 году эта версия была исправлена и переиздана в 1947 и 1951 годах.

Одной из причин того, что китайский переводческая рецепция романа «Война и мир» началась поздно, может быть тот факт, что «Война и мир» является, как известно, объемным романом, кроме того, в 1930-е годы Япония начала вторгаться в Китай, то есть новому этапу рецепции Толстого в какой-то мере способствовала и политическая обстановка. В то время тяжелое положение Китая было похоже на положение России, которой по сюжету романа угрожала война и которая одержала в ней победу. Китайский перевод романа «Война и мир» имел, таким образом, актуальное практическое значение на таком социальном фоне.

Полный русский дословный перевод романа «Анна Каренина» появился последним и был выпущен в провинции Гуанси в 1943 году, переводчиком был Цзун Вэй.

Подводя итог, можно сказать, что три романа Л. Н. Толстого впервые были переведены китайскими авторами с немецкого, английского и других языков-посредников, при этом роман «Воскресение» вновь стал первым.

(по времени выхода)	Время появления первого китайского перевода (с какого языка)	Время появления первого <u>полного</u> китайского перевода (с русского языка)
«Война и мир»	1931 (с немецкого и английского)	1942
«Анна Каренина»	1917 (с английского)	1943
«Воскресение»	1907 (с немецкого)	1922

Нами проведен количественный анализ существующих китайских переводов трех романов Л. Н. Толстого. На сегодняшний день существует не менее **30** китайских переводов романа «Воскресение». Следует отметить, что интерес китайских ученых к творчеству Л. Н. Толстого продолжал расти и в XXI веке. Этот период можно назвать самым плодотворным в истории романоведения Толстого в Китае [\[6, с. 50\]](#). В период с 2000 по 2010 год было опубликовано 16 китайских переводов романа «Воскресение». Последняя версия перевода – это версия переводчика Лю Вэньфэя, опубликованная в 2018 году. Существует **24** китайских перевода романа «Анна Каренина», причем последний китайский перевод вышел в 2019 году. Роман «Война и мир» имеет **19** китайских переводов, а последний из них появился в 2017 году. Таким образом, с точки зрения переводческой рецепции роман «Воскресение» в Китае более популярен, чем два других романа.

Говоря о китайской рецепции произведений Толстого, нельзя не упомянуть Цао Ин (1923-2015), вице-президента Ассоциации переводчиков страны, который начал изучать русский язык в возрасте 15 лет с носителем языка в Шанхае и стал переводчиком в 18 лет. Он стал первым в Китае из тех, кто перевел произведения М.А. Шолохова, но его величайшим достижением считается перевод полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. Автор начал переводить с 1960 года, затратил 20 лет (1978—1998) на ретрансляцию произведения. В 1987 году за выдающийся вклад в развитие русской художественной переводной литературы Цао Ин получил премию имени М. Горького от Союза писателей

России.

Распространение иностранной литературы за рубежом не ограничивается количеством переводов и их изданий. Восприятие произведения читателями – это, по сути, важнейшее коммуникативное пространство, которое оформляется в результате сотрудничества и кооперации читателей, переводчиков, издателей, торговых и современных сетевых интернет-площадок в определенном диапазоне.

Читательские рецензии, оценки литературных произведений по факту прочтения включают не только суждения о содержании, но и отзывы о форме и о субъективных впечатлениях. Отдельные комментарии читателей к литературным произведениям, в первую очередь, основаны на личной грамотности и опыте чтения. Однако в своей совокупности отклики, собранные в единый специальный корпус, отражают важнейший план межкультурной и междисциплинарной коммуникации, в особенности с точки зрения социологии литературных связей современности. Независимо от того, является ли тот или иной реципиент профессиональным читателем или случайным в области литературы, количественный и качественный анализ всего корпуса их отзывов представляет интерес для исследования.

В настоящей статье основное внимание уделяется Интернет-коммуникации между читателями по факту прочтения переводов трех классических и в то же время наиболее популярных в Китае романов Л. Н. Толстого. Материал рецензий, отзывов и комментариев представил специализированный сайт для подобной коммуникации читателей под названием «Доубань. Чтение» (кит. 豆瓣读书).

Данный веб-сайт для читателей был основан 6 марта 2005 г. Группа пользователей ресурса – это, в основном, образованные молодые люди. Колонка сайта Доубаня, запущенная в 2005 г., началась с обзоров книг популярных отечественных и зарубежных авторов. На данный момент ресурс оформился как площадка для обсуждения читателями литературных произведений. В 2012 г. «Доубань. Чтение» насчитывал более 8 миллионов посетителей ежемесячно, а количество посещений, в целом, превысило 100 миллионов. На платформе можно оставлять комментарии не только о книгах, но также и о фильмах и музыке. По сравнению с прецедентными сайтами обзоры книг на «Доубань. Чтение» являются наиболее глубокими и популярными. В глазах китайских исследователей Интернет-коммуникации «Доубань. Чтение» превосходит аналоговые веб-сайты, поскольку со временем он приобрел статус специального пространства для общения, где можно поделиться впечатлениями о прочитанном с единомышленниками. [7, с. 14-16]. В Китае «говорить о книжных рецензиях и подразумевать при этом Доубань» стало привычным для публики [8, с. 107,118].

На сайте «Доубань. Чтение» почти каждый китайский перевод трех романов Л. Н. Толстого имеет соответствующую дискуссионную группу. Поскольку мы сравниваем восприятие трех романов, для исследования были выбраны версии китайских переводов с наибольшим количеством отзывов пользователей веб-сайта по состоянию на 31 января 2023 г. для анализа.

Таблица 1. Количественные данные о читательском восприятии переводов романов Л. Н. Толстого в Китае на платформе «Доубань. Чтение»

Роман (год издания)	Оценка /кол-во пользователей	★★★★★	★★★★☆	★★★☆☆	★★☆☆☆ ★☆☆☆☆	Кол-во отзывов

«Война и мир» 2007	9.4/6969	75.2%	20.5%	3.7%	0.6%	1818
«Анна Каренина» 2007	9.2/24335	64.5%	29.6%	5.2%	0.6%	5961
«Воскресение» 1979	8.1/20716	32.8%	46.6%	19.0%	1.5%	3233

Во-первых, результаты сбора и анализа читательских откликов по прочтении романов свидетельствуют о востребованности толстовского наследия, в целом. Это подтверждают и итоги исследования переводческой рецепции его произведений в сравнении с восприятием других классиков русской литературы: до конца 1920-х гг. в китайских переводах появилось около 15 произведений А. С. Пушкина, 6 произведений Н. В. Гоголя могли быть знакомы читателям в Китае, на китайский язык было переведено около 25 текстов И.С. Тургенева, на китайский язык было переведено не менее 20 произведений Ф.М. Достоевского, до 1917 г. среди 80 произведений русской литературы, переведенных и опубликованных в Китае до этого времени, сочинения Л.Н. Толстого составляют 33 текста. Во-вторых, очевидно, что наиболее популярным по количеству отзывов оказывается роман «Анна Каренина», за ним следует «Воскресение», которое в плане эмоционально-оценочного содержания откликов является самым дискуссионным, неоднозначным в плане восприятия из трех романов. Самое крупное, эпическое творение Толстого «Война и мир» обращает на себя внимание наименьшего числа читателей.

Анализ содержания читательских размышлений, оставленных на сайте об этом романе, показывает, что китайские читатели предпочли перевод романа «Война и мир» Цао Ина, который был опубликован в Шанхайском издательстве литературы и искусства в 2007 году. По состоянию на 31 января 2023 года книгу оценили в общей сложности 6969 пользователей веб-сайта, средняя оценка составляет 9.4. Среди них 75.2% читателей поставили роману наивысшую оценку (5 звезд), настоятельно рекомендуя произведение к прочтению. 20.5% пользователей оценили его на 4 звезды, 3.7% посчитали, что роман является «средним», и только 0.6% заявили, что его не стоит читать. Также было замечено, что хотя в оценке китайского перевода этого издания участвовало 6 969 человек, только 1 818 читателей оставили конкретные комментарии, 95 % рецензентов дали положительную оценку, а 3 % оставили нейтральные отзывы, 2 % читателей поставили отрицательную оценку.

В положительных отзывах о романе «Война и мир» отмечены несколько аспектов: во-первых, читатели считают, что это слишком объемное, хотя и глубокое произведение, требующее внимательного, вдумчивого подхода: «Прочитав его, я был просто поражен. В отношении сюжета и персонажей, окружения, философских рассуждений – его нельзя не назвать великим!» [\[8\]](#). Другой читатель пишет: «Великое произведение – потрясти тебя сквозь границы времени и пространства, позволяя исследовать собственную мораль, жизнь, ценности, душу и любовь. Чтение этого произведения позволяет вам наполнить свою душу, которая бледнеет на фоне этой эпохи». С ним согласился его коллега: «Чтение этой книги может заставить вас почувствовать, что вы прожили жизнь с людьми из книги, что и является истинным смыслом чтения» [\[9\]](#). Таким образом, отдельная группа отзывов содержит мысль об очистительном действии произведения на внутренний мир, о чувстве катарсиса в процессе и в результате прочтения.

Вторая группа отзывов касается историософии Толстого и его изображения войны. Позитивно настроенные китайские читатели полагают, что «война выписана неожиданным образом», что «описания войны, реальных эмоций, особое понимание истории, глубокие мысли и яркие образы, действительно, вдохновляют», и «картины войны, созданные Л. Н. Толстым на страницах этого романа, оживают перед глазами непосредственно во время чтения» [9]. Однако им возражают глубокие критические отзывы: «Мне кажется, что эта книга – не является художественным произведением, а философско-историческим трактатом, который используется только для пропаганды собственного взгляда Л. Н. Толстого на историю...Л. Н. Толстой опроверг теории многих историков и заменил их своими. Что меня еще больше возмущает, так это то, что он слишком громоздко описал даже свой собственный взгляд на историю, так что, рассказав все сюжеты персонажей, он еще потратил почти 40 страниц (страницы в китайском переводе), чтобы полностью объяснить свой взгляд на историю» [10].

Персонажи романа также составляют отдельный предмет для дискуссии. Некоторые читатели констатируют, что «персонажей, созданных в романе, слишком много, поэтому приходится выписывать их на отдельном листке, иначе очень быстро начинаешь путаться» [11]. Но в глазах некоторых читателей все, кого Л. Н. Толстой изображает в романе, живы, полны индивидуальности и эмоций, даже если это второстепенные герои. Что касается нарратива, то я, действительно, не знаю, как автору оно удастся так хорошо, как настоящему творцу, который создал бесчисленное количество людей со своими мыслями, как и историй этих людей» [12].

В комментариях читателей часто можно встретить вполне предсказуемые отклики относительно объема произведения. Например, «роман слишком длинный»; «не смог дочитать до конца»; «думаю, что, возможно, я был немного нетерпелив и пытался бросить его, когда читал книгу, но я, наконец, закончил его» [13]; «это было очень трудно прочитать»; «действительно, не смогу это прочитать»; «Прочитав эту книгу, я почувствовал, что Л. Н. Толстой утомительно болтлив!» [9]. и т.п.

Китайские читатели также неоднозначно отзываются о создании женских персонажей, особенно об образе Наташи Ростовской. Они считают, что судьбы главных героинь и их образов в романе не впечатляют («все персонажи — марионетки»). Героиня Наташи в романе также вызвала у читателей неприятные читательские впечатления и даже заставила подозревать, что Л. Н. Толстой «был женоненавистником», а «в его романе женщины из высших слоев общества как будто никогда в жизни не встречали мужчину и влюбляются сразу же, как только встречают его, и у них нет никакой личной воли» [9].

Таким образом, в читательской аудитории Китая 21 века главный роман Толстого является популярным, но скорее в силу того, что он признан классическим в оригинале. По своему содержанию отзывы обнаруживают скорее полемический характер, что связано с такими факторами, как большой объем, сложность и витиеватость повествования, нетрадиционное изображение и понимание войны, историософия, женские образы.

Кроме того, в рецензиях на роман «Война и мир» многие читатели сравнивают свои впечатления с впечатлениями после прочтения романа «Анна Каренина»: «По сравнению с романом "Анна Каренина" мне кажется, что этот роман такой пустой. Я больше не могу этого выносить» [9]. «Если сравнивать роман «Анна Каренина» с «Войной и миром», то «Анна Каренина» тоже охватывает широкий круг тем, с множеством

персонажей и длинными именами, но, ведь сюжетная линия романа «Анна Каренина» имеет почти идеальную структуру. В нем я следовал четкой сюжетной линии и не заблудился в огромном и страшном мире Л. Н. Толстого» [\[14\]](#).

На сайте «Доубань» перевод романа «Анна Каренина», выполненный Цао Ин, переизданный в Шанхайском издательстве литературы и искусства в 2007 г., получил наибольшее количество оценок от пользователей. В общей сложности 24335 пользователей веб-сайта дали книге оценку 9,2, из которых 64,5% поставили 5 звезд, 29,6% – 4 звезды, 5,2% – 3 звезды и 0,6% – низкую оценку. Судя по комментариям читателей, количество рецензий на эту книгу также велико: в общей сложности 5 919 пользователей оставили конкретные комментарии.

По отзывам пользователей нетрудно обнаружить, что образ женщины в книге и темы любви и брака вызвали наибольшее внимание. Так, читатели отмечают: «Один только роман «Анна Каренина» равен десяти журналам по изображению человеческих взаимоотношений... Не говорите, что это за трагедия, я думаю, что в этом мире всегда найдутся такие женщины, как Кити, которая имеет чистую душу; как Долли, которая трудолюбивая и всегда готова внести свой вклад в свою семью; как Анна, у которых избыток гормонов. Что касается брака, это зависит от судьбы» [\[15\]](#). В романе неверность Анны в браке и другие краткосрочные любовные отношения вызывают интерес реципиентов без выраженной негативной оценки: «На такую женщину, как Анна, можно смотреть только как на произведение искусства»; «эту книгу рекомендуется прочитать перед свадьбой, после ее прочтения вы больше не захотите жениться, и не будет последующего развода, что избавит от многих хлопот» [\[15\]](#).

И хотя героиня Анны не получает явно отрицательных откликов, все же большее одобрение относится к фигуре Левина. Читатели полагают, что «взгляд Анны на любовь трудно судить; может быть, он безответственный, может быть, он ратует за женскую свободу, но любимый персонаж в этой книге – "Константин Левин"» [\[15\]](#). Хотя Левин в романе не является однозначной фигурой, читатели его понимают и принимают: «Левин может честно смотреть в лицо самому себе! Они с Кити вернулись в деревню и жили счастливо. Какое счастливое состояние. <...> Сюжетная линия Анны тоже очень захватывающая, но все же Левин мне нравится больше! Такой милый!» [\[15\]](#).

Читатели высоко ценят умение Л. Н. Толстого по воплощению психологизма и характерологии в слове:

«Л. Н. Толстой удивителен, он, кажется, знает и понимает всех людей, и его описание характеров в деталях превосходно» [\[15\]](#).

«Л. Н. Толстой так хорошо пишет о людях, в то время как нам сейчас ведь уже чрезвычайно трудно понять, что думают другие люди.» [\[15\]](#).

«У персонажей произведений Л. Н. Толстого разные характеры, и герои преследуют разные цели, Л. Н. Толстой в полную силу старается представить их читателю. Л. Н. Толстой так же очень хорошо описывает некоторые тонкие чувства между людьми, особенно когда Кити и Левин поженились, оба стали неуклюжими от волнения и счастья, что меня очень растрогало.» [\[4\]](#).

Роман «Воскресение» занимает особое место в сравнении с двумя другими толстовскими романами в плане читательского восприятия в современном Китае. Перевод, выполненный Жу Луном и опубликованный в 1979 году, на сайте «Доубань. Чтение»

является наиболее популярным среди пользователей. По состоянию на 31 января 2023 года эту книгу оценили 20716 пользователей веб-сайта на среднюю оценку 8,1. Среди них почти половина читателей (46,6%) поставили книге 4 звезды, а 32,8% читателей дали 5 звезд. 19% пользователей оценили на 3, а 1,5% пользователей посчитали, что эта книга не соответствует стандарту классических шедевров.

Читатели, в целом, высоко оценили опыт прочтения романа:

«Это божественный шедевр. Перо великого писателя оставляет читателей в постоянном размышлении и помогает таким читателям, как я, расширить свой кругозор. Не знаю, подходит ли описанная Л. Н. Толстым Россия для описания других стран, но могу быть на 100% уверен, что социальные проблемы, указанные Толстым в романе "Воскресение", на 100% подходят современному Китаю» [\[16\]](#).

«Написав "Воскресение", Л. Н. Толстой неожиданно загнал нас в угол, а потом прямо спросил: "Ты виноват? Собираешься ли ты пережить искупление? Как ты собираешься сделать это?" Столкнувшись с этими проблемами, даже если мы избегаем их, истинная тяжесть "воскресения души" в наших сердцах полностью раскрывается. <...> В возрасте восьмидесяти двух лет Л. Н. Толстой окончательно распрощался со своей прежней жизнью, он посвятил "Воскресение", как и свою жизнь, чтобы объяснить нам то, что, действительно, необходимо и, действительно, важно» [\[17\]](#).

Китайские читатели сравнивают роман с «Исповедью» Св. Августина: «Если "Исповедь" Святого Августина – это исповедь души, то "Воскресение" Л. Н. Толстого — несомненно, исповедь человеческой природы. "Исповедь" Августина, обладающая красотой литературного слога, строгой логикой и высокой рациональностью, говорит нам о необходимости покаяния человека, но теоретически. А "Воскресение" — это глубоко эмоциональная исповедь, обнажающая печальную и сокрушенную душу. <...> "Исповедь" представляет твердую и нерушимую, кающуюся душу, говорящую нам, что мы должны покаяться, однако мы не можем покаяться. Роман "Воскресение" более кровав, жесток и трагичен, чем "Исповедь"» [\[18\]](#).

Но есть и читатели, высказавшиеся о романе критически: «Этот роман – фальшивая история. На мой взгляд, происхождение альтруизма не совсем понятно. <...> Маслова была молода и невежественна, имела жалкий жизненный опыт, в конце концов ее разжаловали на семь лет и несправедливо посадили. Нехлюдов вдруг опомнился от пустоты душевной и посвятил себя тому, чтобы помочь ей избавиться от преступления. <...> Психология ссыльной проститутки описана очень реалистично, но раскаяние князя кажется неестественным, когда я о нем читаю. <...> "Анна Каренина" лучше.» [\[16\]](#).

Во многих критических отзывах фигурирует ключевое слово «утопично». В глазах их авторов, несмотря на гениальность Л. Н. Толстого, мысли и поведения героев, воплощенные в книге, оторваны от реальности, а по содержанию не находят эмоционального отклика у современного читателя: «Судя по первоначальному замыслу Л. Н. Толстого, ожидание того, что дворяне, которых он жаждал, могли пережить прозрение и "воскресение" в мыслях, на самом деле утопично. И факты доказали, что пробуждение дворянства в царском русском обществе в то время было лишь несбыточной надеждой» [\[18\]](#). «Надо признать, что мечты или устремления Л. Н. Толстого слишком продвинуты: в классовом обществе, где господствуют деньги и власть, идеи, которые он выражает в своём романе, равнозначны утопизму. Даже сейчас трудно понять, что он имеет в виду, провозглашая всеобщее равенство, общую собственность

на землю, труд дворян на полях и отсутствие у них привилегий. Никто не поймет этого, потому что у таких людей, как я, сейчас самый большой идеал – зарабатывать деньги. А зачем зарабатывать деньги? Чтобы жить особенной жизнью. Кто-то писал: Л. Н. Толстой был писателем, но хотел быть одновременно политиком или экономистом, поэтому литературный реквизит, который он использовал, был неуместным и нереалистичным в то время» [\[20\]](#).

В рассуждениях читателей о Кате Масловой находятся схожие размышления о том, что образ и роль героини в книге идеализированы, и это делает сюжет неубедительным. Главный герой, по мнению авторов таких отзывов, использовал свою власть и аристократическое происхождение, чтобы завязать контакты с заключенными, и только после этого стал сочувствовать им, осуждая дворянство за злоупотребление властью, коррупцию и частное право. «Слишком надумано критиковать несправедливую систему всего общества так называемым покаянием и размышлением одного человека. а действия Нехлюдова все для самоудовлетворения, он просто слишком скучно живет.» [\[16\]](#). Эти спонтанные элементы в сюжете имеют серьезное проповедническое значение, но в то же время приводят к ослаблению и снижают удовольствие от чтения.

Кроме того, читатели сравнивают Л. Н. Толстого с Ф. М. Достоевским. По их мнению, глядя на роман «Воскресение», с точки зрения литературы и искусства, нетрудно обнаружить, что произведение далеко не превосходное. Длинные нравоучения, резкие изменения характеров персонажей, чрезмерно идеальная человеческая натура героини определяются как недостатки: «Одним словом, Л. Н. Толстой не убедительно изображает оскорбленных и униженных, как и искупление души, но эта история могла бы стать настоящим шедевром, если бы её описал Ф. М. Достоевский» [\[19\]](#).

Изучив читательские рецензии на три романа Л. Н. Толстого на сайте «Дубань. Чтение», можно сделать вывод, что эти три романа имеют большое количество читателей, чего достаточно, чтобы показать популярность Л. Н. Толстого среди китайских читателей. Как видно из таблицы ниже, среди трех самых популярных переводов на сайте «Дубань. Чтение», романы «Война и мир» и «Анна Каренина» набрали соответственно 9,4 и 9,2 балла, Оба выше, чем роман «Воскресение». Но следует отметить, что переиздания избранных переводов романов «Война и мир» и «Анна Каренина» были опубликованы в 2007 году, а перевод романа «Воскресение» – в 1979 году, так что можно сказать, что на эту оценку влияют многие факторы, такие как время публикации и качество переводов, качество бумажных книги и другие. С другой стороны, китайские переводы трех романов привлекли многих читателей веб-сайтов к участию в книжных рейтингах и получили множество комментариев от читателей. Романы «Анна Каренина» и «Воскресение» получили отзывы более 20 000 пользователей. Судя по количеству читательских комментариев, романы «Анна Каренина» и «Воскресение» также более обсуждаемы.

Подводя итог, можно сказать, что, рассматривая романы «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» Л. Н. Толстого с точки зрения переводческой рецепции в Китае, особенное распространение получил роман «Воскресение» (30 переводов), с точки зрения читательского восприятия роман «Анна Каренина» имеет наибольшую читательскую аудиторию. С изменением времени и с усиленным интересом современной науки о литературе к проблемам межкультурной коммуникации, рецептивной эстетики, художественного перевода, российско-китайским межлитературным связям, очарование Толстого и его произведений более раскрыто в Китае. Изучение восприятия романов русского классика в Китае в определенной степени также отражает рецепцию русской

литературы в культурном мире Китая и дополняет представление об истории китайско-русского культурного трансфера.

Библиография

1. Е Шуйфу. Л.Н. Толстой и Китай // Исследование зарубежной литературы. – 1987. – № 4(1). – С. 3-13.
2. Гао Жунго. Путь перевода, причины и недоразумения произведений Л. Н. Толстого в эпоху поздней династии Цин и ранней Китайской республики // Исследования зарубежной литературы – 2013. – № 35 (03). – С. 118-124.
3. Чэнь Пинъюань. История китайской художественной литературы XX века. (Том I) (1897–1916) . – Пекин: Издательство Пекинского университета, 1989. – С. 58.
4. Редколлегия "Большой словарь Лу Синя". Словарь Лу Синя. – Пекин: Издательство народной литературы, 2009. – С. 367.
5. Го Можо. Предисловие к «Войне и миру» // Литературный Ежемесячник. – 1940. – № 1(2). – С. 85.
6. Ян Минмин. Переосмысление и превосходство: исследование и интерпретация романов Льва Толстого в Китае (2000–2021) // Журнал Гуандунского университета иностранных языков. – 2022. – № 33(5). – С. 50.
7. Линь Юнь. Отечественные веб-сайты обзоров книг в среде цифрового чтения – на примере "Доубань. Чтение" // Преподавание и исследование иностранных языков. – 2006. – № 44(3). – С. 216-220.
8. Вэнь И. Онлайн-рецензии на книгу на сайте литературного сообщества – на примере "Доубань. Чтение" // Исследовательские газеты новостей. – 2017. – № 20. – С. 107, 118.
9. Рецензия на роман «Война и мир» // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2011. – URL: <https://book.douban.com/subject/2253381/comments/?limit=20&status=P&sort=score> (дата обращения: 15.02.2023).
10. Пользователь Чжунтоуяогуай. Мысли после прочтения романа «Война и мир» // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2011. – URL: <https://book.douban.com/review/5152592/> (дата обращения: 15.02.2023).
11. Пользователь О Сянсюэ. То, что заставляет задуматься о «Войне и мире»// Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2015. – URL: <https://book.douban.com/review/7502651/> (дата обращения: 15.02.2023).
12. Пользователь Сужункафэйу. Величественный эпический шедевр – «Война и мир» // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2014. – URL: <https://book.douban.com/review/6722685/> (дата обращения: 15.02.2023).
13. Пользователь аjuchao. Отличная книга (Война и мир), но при чтении легко потерять терпение // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2014. – URL: <https://book.douban.com/review/7212480/> (дата обращения: 15.02.2023).
14. Пользователь us. Отзыв после прочтения, написанный на середине книги // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2008. – URL: <https://book.douban.com/review/1363015/> (дата обращения: 15.02.2023).
15. Положительный отзыв романа «Анна Каренина» // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2012. – URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 20.02.2023).
16. Положительный отзыв романа «Воскресение» // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2012. – URL: https://book.douban.com/subject/1255288/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (дата обращения: 19.10.2022).
17. Пользователь Лужэньцзяиму. Вещи в жизни, которые действительно важны //

Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2012. – URL:

<https://book.douban.com/review/5442744/> (дата обращения: 19.10.2022).

18. Пользователь Уосиньюжань. Сильное человеческое сожаление // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2008. – URL:

<https://book.douban.com/review/1360509/> (дата обращения: 19.10.2022).

19. Пользователь Цзисюй revolution. Великий мечтатель Толстой // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2013. – URL:

<https://book.douban.com/review/6452879/> (дата обращения: 19.10.2022).

20. Пользователь Чжусицуйин. Честно говоря, я не очень ценю Воскресение, но я был в восторге, когда закончил его читать // Доубань. Чтение: [Китайский веб-сайт обзоров книг]. – [Б. м.], 2010. – URL: <https://book.douban.com/review/2974626/> (дата обращения: 19.10.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой работы нетривиальна, автор касается переводческой и читательской рецепции романов Л.Н. Толстого в Китае. Бесспорно, что обзорный тип исследований всегда является выигрышным, да и потенциально интересным для читателя. Представленный материал грамотно структурирован, качественно оформлен, при этом автор не забывает на протяжении всего текста и дешифровать обозначенную проблему. Стиль исследования соотносится с научным типом: например, «в 1930-е и 1940-е годы, с расширением круга заинтересованных переводчиков и с улучшением владения русским языком, количество романов, переведенных с русского оригинала, продолжало увеличиваться, и качество перевода также значительно улучшилось. До образования Китайской Народной Республики (1949 г.) был осуществлен перевод целого ряда произведений Л. Н. Толстого, однако «Воскресение» стало известно китайскому читателю первым. В июне 1907 года в Шанхайском коммерческом издательстве был опубликован первый перевод Ма Цзюньву «心狱» (досл. «Сердце в аду»). Этот перевод был выполнен с немецкого языка и с сокращениями», или «в 1940-х годах Гао Чжи, известный писатель и переводчик, посвятивший себя изучению русской литературы, приступил к работе над китайским переводом романа «Война и мир», которую не удалось завершить Го Можо. Гао Чжи хорошо владел русским языком, он скорректировал перевод Го Можо и, наконец, завершил его в 1942 году. Когда полный перевод был опубликован, то на обложке можно было обнаружить два имени Го Можо и Гао Чжи. По этому поводу Го Можо сказал: «Этот полный перевод является кристаллизацией усилий только Гао Чжи». Он также подтвердил, что Гао Чжи превзошел его: «Перевод очень лаконичный и верный, и в то же время в полной мере демонстрирует смирение и дотошность переводчика». После первой публикации в 1942 году эта версия была исправлена и переиздана в 1947 и 1951 годах» и т.д. Положительным вектором работы является ее хронологический тип, потенциальный читатель сможет сложить целостную картину восприятия творчества Льва Толстого в Китае. Серьезных противоречий в работы не выявлено, строгость номинаций впечатляет: «говоря о китайской рецепции произведений Толстого, нельзя не упомянуть Цао Ин (1923-2015), вице-президента Ассоциации переводчиков страны, который начал изучать русский язык в возрасте 15 лет с носителем языка в Шанхае и стал переводчиком в 18 лет. Он стал первым в Китае из тех, кто перевел произведения М.А. Шолохова, но его величайшим достижением считается перевод полного собрания сочинений Л.Н.

Толстого. Автор начал переводить с 1960 года, затратил 20 лет (1978—1998) на ретрансляцию произведения. В 1987 году за выдающийся вклад в развитие русской художественной переводной литературы Цао Ин получил премию имени М. Горького от Союза писателей России», или «анализ содержания читательских размышлений, оставленных на сайте об этом романе, показывает, что китайские читатели предпочли перевод романа «Война и мир» Цао Ина, который был опубликован в Шанхайском издательстве литературы и искусства в 2007 году. По состоянию на 31 января 2023 года книгу оценили в общей сложности 6969 пользователей веб-сайта, средняя оценка составляет 9.4. Среди них 75.2% читателей поставили роману наивысшую оценку (5 звезд), настоятельно рекомендуя произведение к прочтению. 20.5% пользователей оценили его на 4 звезды, 3.7% посчитали, что роман является «средним», и только 0.6% заявили, что его не стоит читать. Также было замечено, что хотя в оценке китайского перевода этого издания участвовало 6 969 человек, только 1 818 читателей оставили конкретные комментарии, 95 % рецензентов дали положительную оценку, а 3 % оставили нейтральные отзывы, 2 % читателей поставили отрицательную оценку» и т.д. Тема исследования раскрыта, цель достигнута: итогом работы становится вывод, что «рассматривая романы «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение» Л.Н. Толстого с точки зрения переводческой рецепции в Китае, особенное распространение получил роман «Воскресение» (30 переводов), с точки зрения читательского восприятия роман «Анна Каренина» имеет наибольшую читательскую аудиторию. С изменением времени и с усиленным интересом современной науки о литературе к проблемам межкультурной коммуникации, рецептивной эстетики, художественного перевода, российско-китайским межлитературным связям, очарование Толстого и его произведений более раскрыто в Китае. Изучение восприятия романов русского классика в Китае в определенной степени также отражает рецепцию русской литературы в культурном мире Китая и дополняет представление об истории китайско-российского культурного трансфера». Текст полновесен, оригинален, самостоятелен; правка работы излишня. Рекомендую статью «Переводческая и читательская рецепция романов Л.Н. Толстого в Китае» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Борунов А.Б., Устиновская А.А. Вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения сверттекста // Litera. 2024. № 3. С. 171-175. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69851 EDN: IEYBKV
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69851

Вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения сверттекста

Борунов Артем Борисович

ORCID: 0000-0003-2507-7218

кандидат филологических наук

доцент, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, шоссе Энтузиастов, 21

✉ borunov.artem@yandex.ru

Устиновская Алена Александровна

ORCID: 0000-0001-5381-0777

доктор филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ИВО Российский государственный университет социальных технологий

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49

✉ alyonau1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.69851

EDN:

IEYBKV

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: В настоящей работе автор обращается к исследованию особенностей

порождения сверхтекстов на материале современных российских романов, а именно постмодернистских произведений, жанр которых можно определить как фэнтези. Одним из направлений исследования является трактовка авторского мифа, а также осмысление роли мифа в литературе. Предметом исследования является сквозной код, объединяющий прозаические макроциклы современных авторов как сверхтекстовое единство. Объектом исследования является макротекст как формат литературного произведения в творчестве современных российских писателей. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как сквозная тема чужого / усыновленного / приемного / не-узнанного / незаконнорожденного ребенка и его связь с родом и семьей и реализация этой темы в романах, объединенных в трилогии или макроциклы. В статье были использованы как общенаучные методы исследования, так и специфические филологические, а именно: метод качественного контент-анализа и нарративный метод. Дополнительными методами работы с материалом являются методы идеализации и дедукции. Ведущим стал метод интерпретации художественных текстов, которые являются источником практического материала исследования. Главной функцией мифа является отражение определенного образа реальности, будучи надстройкой над ней, содержащей конкретные смысловые модели и роли, распределенные между персонажами, а также выражение позиции автора. Авторский миф можно обозначить как игровой, мозаичный, инверсивный конструкт. Умозаключения, представленные в статье, могут быть использованы при дальнейшем анализе творчества современных писателей, а также при работе с понятием «авторский миф» и изучении трансформации мифа (как архаического, так и социального, культурного и т. д.) в современной постмодернистской литературе. Особым вкладом автора в исследование темы является рассмотрение указанного мотива в его диверсифицированной интерпретации в различных произведениях и связь данного мотива с ономастическим кодом произведений как одного из принципов формирования сверхтекста.

Ключевые слова:

авторский миф, современная проза, постмодернизм, постмодернистский миф, интертекст, романы, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, сверхтексты

Одним из вариантов обращения к формату сверхтекста является, как упомянуто выше, литература фэнтези. Е.С. Тулушева связывает успех ряда вселенных фэнтези с тенденцией к циклизации – именно синергия двух этих векторов привела к появлению чрезвычайно успешных, как с точки зрения коммерции, так и с точки зрения культурных эманаций, проектов. «Сопоставление двух ведущих тенденций мировой литературы – стремления к циклизации и стремления к моделированию фантастической вселенной – позволяет указать на причины возникновения интереса к этим явлениям именно во второй половине века. Кроме того, еще одним фактором циклизации, потенциально влияющим на творчество современных авторов, по нашему мнению, является также возможность экранизации произведения – так, если экранизация произведений Толкиена и Льюиса состоялась существенно позже, чем они были созданы, то, скажем, в серии романов Джоан Роулинг явно присутствует кинематографический принцип образования метацикла: появляются сиквелы и приквелы, параллельные проекты, написанные автором уже после создания основных романов о Гарри Поттере и на волне их кинематографического успеха» [\[1\]](#).

К сверхтекстам тяготеют многие отечественные мастера жанра: например, серия

«Дозоры» Сергея Лукьяненко, включающая в себя семь книг авторства Лукьяненко и четыре книги, выполненные в соавторстве с другими писателями (по состоянию на 2023 год), серии «Таня Гроттер» (16 книг на 2023 год) и «Мефодий Буслаев» (19 книг на 2023 год) Дмитрия Емца, серия «Волкодав» Марии Семеновой (6 книг на 2023 год), многочисленные циклы, трилогии и тетралогии Алексея Пехова, циклы и серии Карины Деминой и т.д.

На наш взгляд, тенденция к образованию сверхтекстов в жанре фэнтези объясняется, в первую очередь, созданием в произведении некоего художественного мира, зачастую существенно отличающегося от реальности. Детальная проработка этого мира вкупе с коммерческим успехом первых романов серии стимулирует автора продолжать цикл, который зачастую прирастает стихийно.

Анализируя русское детское фэнтези, Е.Ю. Дворак отмечает следующие характерные черты: «1) Пространство «вторичных миров» основывается на концепции «миров-матрешек».

2) Построение сюжета строится по принципу двоемирия, на основе мотива квеста. При этом необходимо отметить тяготение каждого из фэнтезийных сюжетов к циклизации, то есть к образованию сверхтекста, в котором действуют одни и те же хронологические и магико-онтологические закономерности.

3) Проявление героического комплекса в главном персонаже, цель которого – спасение мира, помощь угнетенным и несправедливо обиженным, восстановление гармонии в фэнтезийной Вселенной. Герой является обычным подростком, в котором в ходе сюжетного разворачивания приключений проявляются его лучшие качества: отвага, великодушие, сила духа» [\[2\]](#).

Героя фэнтези многое роднит с супергероями фантазийных вселенных фильмов и комиксов, что позволяет бесконечно воспроизводить полюбившуюся потребителям ситуацию: во вселенной героя возникают силы зла (зачастую персонифицированные в каком-либо конкретном персонаже вымышленного мира) – герой борется с ними и одерживает победу в финале. В следующем произведении цикла силы зла воплощаются уже в роли другого антагониста, и ситуация разыгрывается заново: фактически, подобный паттерн может бесконечно развиваться заново и позволяет повторять сюжеты серии по одному и тому же сценарию. Анализируя циклизацию современных романов фэнтези, М.А. Дворак указывает, что «входящие в цикл произведения, как правило, также обладают некой завершенностью, однако одиночный текст обладает одной ключевой характеристикой – целостностью. Цикл автоматически подразумевает недосказанность в одном отдельно взятом тексте, тогда как одиночный роман в итоге собирается в законченную картину, заранее придуманную автором» [\[2\]](#). Вариант детского фэнтези располагает к циклизации и пролонгированному развитию событий, так как героя можно показывать в развитии, от детства к юности и зрелости. Тот же вариант задействован в серии книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере и в серии Клайва Льюиса «Хроники Нарнии».

Помимо литературы фэнтези, к циклизации и порождению сверхтекстов тяготеет литература магического реализма. В диссертационном исследовании Е.С. Тулушевой, посвященном новейшим трилогиям Дины Рубиной «Русская канарейка» и «Наполеонов обоз», рассматриваются две указанные трилогии, к которым также примыкает более ранняя трилогия «Люди воздуха», и описывается тяготение современной писательницы к крупным формам: на смену романам приходит более обширный текст, который, в

принципе, представляет собой в случае «Людей воздуха» три независимых текста, объединенных общими мотивами, а в случае «Русской канарейки» и «Наполеонова обоза» - пролонгированный нарратив, представляющий собой развитие единой истории с одними и теми же персонажами. Как отмечает Е.С. Тулушева, «трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» и «Наполеонов обоз» организованы как метаобъединения текстов с помощью системы лейтмотивов. Это сюжетные и образные лейтмотивы, связанные с предметным, вещным миром трилогии, героями и атомарными сюжетами. Каждая трилогия имеет семантические ключи к лейтмотивам, пронизывающие всю архитектуру как отдельных частей, так и каждой трилогии» [1].

Переход от завершенных романов к формату сверткста, на наш взгляд, отчасти обусловлен выходом Дины Рубиной в пространство магического реализма. В исследовании А.Г. Сильчевой [3] отмечено, что уже с 2000-х гг. писательница начинает работать в методе магического реализма, формируя реальность с элементами магии, и параллельно опираясь на скрепляющие мотивы.

К изучению данной закономерности авторы обращались в исследовании мотива «чужого ребенка» [4], проводимого на материале в новейших трилогиях Дины Рубиной – в истории семей постоянно возникает мотив усыновления, воспитания не своего ребенка – приемного, усыновленного. Трилогия «Люди воздуха» открывается сценой усыновления: «Почерк Леонардо» представляет собой историю Анны Нестеренко, усыновленной бездетной семейной парой, Марией и Анатолием. Жизнь в этой приемной семье – первое отторжение и первое непонимание в жизни Анны: приемная мать с трудом принимает уникальную одаренность девочки, ее одержимость зеркалами и удивительные особенности восприятия мира.

«Белая голубка Кордовы» - это история Захара Кордовина, корни которого прослеживаются на много веков. Генеалогию рода Кордовиных-Кордоверов возводят к временам царя Соломона: «известный, очень разветвленный род, происхождение испанского имени – как сам понимаешь, из Кордовы, хотя корни рода уходят в античные дебри – ведь евреи появились на Пиренейском полуострове еще при римлянах, - и даже ведут в Иерусалимский Храм, причем, не Второй, а Первый» [5]. Кордовин узнает о древней истории своей семьи только в зрелом возрасте, в детстве он воспитывается как незаконнорожденный сын незаконнорожденной дочери: его мать, Рита Кордовина, была внебрачной дочерью Захара Кордовина-старшего, и сама родила его полного тезку от неизвестного отца: «Сделал несколько шагов к тахте, взглянул на дитя и обмер. Перед ним лежал все тот же окаянный Захар, опять Захар и только Захар, словно этот мертвый паскудник – *гопник этот!* – как-то умудрился сделать ребенка собственной дочери!» [5]. Герой романа обретает свою подлинную семью лишь в Испании, в городе Кордова, узнав, наконец, всю историю своего разветвленного рода. В этом смысле он сам является «чужим», брошенным ребенком.

В «Синдроме Петрушки» тема детей вносит трагическую линию в историю семьи Петра и Лизы. Лиза страдает генетическим заболеванием, в силу которого она может рожать мальчиков с синдромом Ангельмана (синдромом Петрушки) и здоровых девочек. Главные герои состоят в законном браке и воспитывают родных детей, но правду о трагическом генетическом заболевании в родовой истории их семьи им открывает профессор – приемный сын одной из тех женщин, которые получили опасную наследственность из-за проклятия.

Таким образом, в «Людях воздуха» мотив приемного ребенка становится скрепляющим

для текстового единства, и, как многие другие мотивы этой трилогии, получает «женский» вариант реализации в «Почерке Леонардо», мужской – в «Белой голубке Кордовы», и особенный, необычный (в данном случае – периферийный, реализованный в образе второстепенного персонажа) – в «Синдроме Петрушки».

В «Русской канарейке», для которой тема семейных отношений и взаимодействия ребенка с его предками, также является ключевой, главный герой – незаконнорожденный ребенок, который, как и Захар Кордовин, носит родовую фамилию не по праву, но становится одним из самых ярких представителей. Леон Этингер – «последний по времени Этингер» – также рожден от отца, чье полное имя выясняется лишь в финале истории, и Этингер обретает не только семью матери, чью фамилию он носит, но и семью отца.

В «Наполеоновом обозе» мотив приемного ребенка раскрывается через трагическую историю любви Надежды и Аристарха: беременная от Аристарха Надежда узнает о его связи со своей сестрой и предпринимает попытку суицида. К выжившей, но навсегда утратившей возможность иметь детей Надежде обращается ее сестра, предлагая усыновить ребенка Аристарха. Надежда соглашается, и выращивает Алексея как своего сына, не посвящая его в историю его рождения. Как и Захар Кордовин-младший внешне является точной копией Захара Кордовина-старшего, так и Алексей рождается чрезвычайно похожим на своего отца Аристарха, так, что тот даже на фото Алексея идентифицирует себя: «Не понял. Где это я? Когда? Она с усилием разлепила глаза и зажмурилась от света лампы: он стоял у стола и держал в руке фотографию» [\[6\]](#). Как отмечает Е.С. Тулушева, «История, первоначально произошедшая в семье Аристарха, дублируется в семье Надежды: усыновленного ребенка прячут, меняют ему фамилию, уничтожают любые способы его идентификации с кровными родственниками. И как Аристарх не успевает увидеть свою родную бабушку, о существовании которой он узнал от умирающей матери, так и Алексей видит родного отца только после смерти и не узнает всей замысловатой истории семейного наследства: «порвалась связь времен» [\[6\]](#).

Воспроизведение внешности и привычек в поколениях представляет собой характерные черты деформированного относительно реальности художественного пространства магического реализма.

Сверхтексты на базе магического реализма характерны также для современного писателя Михаила Елизарова. Романы Михаила Елизарова «Pasternak» (2003) и «Библиотекарь» (2007) являются, на наш взгляд, классическим «читательским» циклом, то есть дилогией без авторской установки на объединение романов в цикл. Об этом свидетельствует ряд мотивных и структурно-композиционных перекличек, возникающих в сознании читателя. Эта система межтекстовых взаимосвязей и стала предметом исследования настоящей статьи.

Первым и, пожалуй, самым главным пунктом, объединяющим два романа, стало представление о слове как о мистическом – а порой и магическом – феномене, который так или иначе способен изменять реальность. Именно концепция такого слова и стала концептуальной основой обоих романов, из которой развёртываются сами сюжеты.

В романе «Pasternak» репрезентантами магического слова становятся поэтические тексты Пастернака и сам поэт, который предстает в виде ужасного демона, проникающего в сознание и меняющего сущность и облик человека. Ср. пример такого превращения, с которого и начинается текст романа:

«Петр Семенович огляделся. Страшная улыбка озарила его рот:

– Мы победили, Борис Леонидович! Мы победили!

Ничто в нем больше не напоминало поруганного интеллигента. Облик его исполнился каким-то древним торжеством, как у демона на средневековой гравюре... В темноте распахнулись перепончатые крылья <...> Петр Семенович простер к существу руки, будто попросился в объятия. Крылья с громовым раскатом сомкнулись вокруг него, как если бы захлопнулась раскрытая посередине книга, потом снова распахнулись — и Петра Семеновича больше не было» [\[7\]](#).

В романе «Библиотекарь» такой трансформирующей силой обладают книги полузабытого советского писателя Громова. Человеку, который прочел их, они дают возможность обладания одним из видов психической энергии, каждая из книг несет ее заряд: Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла. Преисполненность той или иной энергией также преобразует человеческую личность, выводит ее за свои пределы. Ср.: «Прочел он Книгу Радости, она же "Нарва". По воспоминаниям бывшей жены Лагудов перенес бурное эйфорическое состояние, не спал всю ночь, говорил, что подверг бытие всеобщему анализу и у него появились великолепные мысли, как принести пользу человечеству...» [\[8\]](#). Показателен сам эпиграф к роману из рассказа Андрея Платонова «Усомнившийся Макар»: «рабочий человек должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно наделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нельзя. Песня дороже вещей».

Однако концепции слова / текста, представленные в двух романах, оказываются аксиологически противоположными, что снова возвращает к мысли о диалогии: в двух романах одна и та же тема «разыгрывается» во внутренне связанных, но антиномичных регистрах.

Так, в романе «Pasternak» слово, несомненно, обладает демонической сущностью. Этот демонизм соотносится с системой либеральных воззрений, квинтэссенцией которых становится сам поэт. Пастернак – это собирательный образ дьявола-искусителя, который ведет людей по ложному духовному пути. Интересно, что с культом Пастернака в романе связывается большое количество ложных сектантских практик, ассоциируемых с эпохой New-Age и в целом с XX столетием: это самые разнообразные секты, от Блаватской до альтернативных ветвей христианства, названных в тексте «оболочками христианства» [\[7\]](#). Ср. в этом контексте представление о книге: «В том мире опасность исходила даже из книги. Так, Сатана вещал через избранную оболочку. Книга навязывала людским глазам его видение мира, говорила внутри человеческих слов на сатанинском языке и, таким образом, обращала его в веру» [\[7\]](#).

Что касается романа «Библиотекарь», то здесь идея преобразующего слова тесно сопрягается с «советским проектом», включающим в себя установку на единство, коллективизм и человеческое братство.

Обратим внимание на то, что либеральная и советская идеология оказываются не просто различными, но – в рамках диалогии – диаметрально противоположными. Эта аксиологическая противопоставленность обыгрывается в книгах: как будто Елизаров исследует возможности каждой аксиологической системы.

Также романы объединяет тема тайного знания, которая закономерно проистекает из концепции мистико-магического слова. Если есть некая тайная сила, то, соответственно,

появляются персонажи, которые желают этой тайной силой обладать. И здесь оба романа выходят в жанровую сферу фантастики: и в «Библиотекаре», и в романе «Pasternak» чрезвычайно много фантастических элементов.

Б.А. Ханов отмечает, что «формально сюжет «Библиотекаря» тяготеет к популярному сегодня формату криптологического романа. В произведении враждебные по отношению друг к другу группы тайно охотятся за уцелевшими книгами писателя-соцреалиста Громова, неизвестного широкой читающей публике» [\[9\]](#).

Любопытно, что мотив поиска книги в «Библиотекаре» перекликается с некоторыми мотивами в песенном творчестве Елизарова. Так, основой лирического сюжета песни «Некрономикон» становится поиск магической книги. Эта разыскиваемая лирическим субъектом книга обладает inferнально-демоническими коннотациями, на что указывают отсылки к Лавкрафту. В контексте лавкрафтовского творчества «Некрономикон» – это вымышленная книга мертвых, или учебник магии. В этом смысле елизаровский «Некрономикон», кажется, в большей степени соотносится с семантическим пространством романа «Pasternak».

Таким образом, основное фантастическое допущение в романах и основа конструкции их художественного мира – это идея о том, что слово / книга / сам автор – могут влиять на физический мир. Стихия смысла изменяет в обоих случаях параметры реальности.

Другой характерной чертой романов Елизарова становится воплощение карнавально-гротескного комплекса: физиологические мотивы, акцентированность образов телесного низа, максимально яркое описание смерти, разрушение человеческой телесности – все эти черты обнаруживаются в текстах романов. Е.А. Погорелая отмечает этот аспект: «В случае с Елизаровым мы имеем дело с пластом поднятой, переосмысленной — и перетолкованной в новом ключе карнавальной культуры. То, что у Сорокина, Пелевина и прочих “воинствующих постмодернистов” являло собой имитацию обряда и обставлялось соответствующими декорациями: картонные мечи, клюквенный сок, торжество «телесного низа», маркирующее виртуальные бездны, — в романах Елизарова обрывает плотью и требует не отвлеченного мирозерцания, а действенного вмешательства, другими словами — участия в обряде» [\[10\]](#).

Эта карнавальность в обоих романах Елизарова связывается со сценами драк и баталлий. Надо сказать, что жесткое – конфликтное – противостояние разных сил бытия, явленное в анализируемых текстах Елизарова, обуславливает еще одну их общую тематическую черту: одним из основных мотивов этих романов становится мотив агрессии и жесткого неприятия иных аксиологических позиций. Кажется, что тема разрушаемой телесности в этих сценах позволяет реконструировать основы художественного мира Елизарова – конфликтного и дисгармоничного. О.Р. Темиришина полагает, что «в художественном тексте есть элементы, которые более тесно связаны с моделью мира, чем остальные. Нам кажется, что в статусе одного из таких элементов, может выступать образ человеческой телесности» [\[11\]](#).

Таким образом, сходство романов Елизарова «Pasternak» и «Библиотекарь», позволяющее объединить их в своеобразный «несобранный» диптих, обнаруживается на концептуально-семантическом (аксиологическом) и сюжетно-нарративном уровнях. Так, концептуальной основой этих романов становится представление о книге и в целом художественном слове – как о субстанции, меняющей реальность. Осмысление данной концепции в диаметрально-противоположных философско-политических регистрах только подчеркивает смысловую сопряженность этих текстов. В сюжетно-нарративном аспекте

объединяющим элементом становится сам «криптосюжет», которые предполагает поиск истинного знания.

Текстовые и кинематографические вселенные фэнтези, как и вселенные комиксов, отметим, зачастую связаны с мифологемой супергероя, авторским мифом о герое / героях, наделенных сверхспособностями. Это ставит вопрос об авторских мифах в современной литературе, нуждающийся в отдельном детальном изучении.

Создавая уникальный художественный мир и используя при этом миф, автор не ставит перед собой задачу пересказать или сохранить его: миф выступает источником и материалом, но при этом автор имеет право в рамках художественного мира произведения интерпретировать миф согласно задачам художественного текста и авторскому замыслу. Миф как рассказанная история становится «сырьем» для разных жанров и литературных направлений [\[12\]](#), в том числе активно используется и постмодернизмом.

Обратимся к толкованию мифа как такового в филологии и, в дальнейшем к исследованию авторского мифа в постмодернистском романе, которому была посвящена следующая работа автора [\[13\]](#). Так, существует множество трактовок понятия: А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Я. Голосовкер, Ф. Х. Кессиди, Е. М. Мелетинский, М. М. Бахтин, а также К. Г. Юнг, Р. Барт, К. Хьюбер, Р. Кайуа, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс и многие другие изучали вопрос дефиницирования мифа, соединяя понятие с литературой, искусством в целом, культурой, политикой, экономикой, психологией, социологией, лингвистикой. Так, Е. М. Мелетинский в статье «Миф и двадцатый век» определяет миф как «описание модели мира» [\[14\]](#). Филолог отмечает, что главная форма мифа – нарративная, то есть миф представляет собой рассказ, в котором четко определены герои, дана их однозначная характеристика и представлены роли.

Главная задача мифа вне зависимости от интерпретации термина и его вида состоит в том, чтобы предложить понятную, устойчивую законченную картину мира, в которой четко определены роли и функции и которая объясняет окружающие явления, события и т. д. Как отмечает А. Л. Баркова, миф строится на восприятии реальности, построенной на эмоциях, т. е. является глубоко субъективным, но при этом общественным феноменом [\[15\]](#).

Литературные направления по-разному реализуют мифологию народов мира в художественном мире. К примеру, античная мифология являлась для классицизма эстетическим образцом [\[12\]](#). Постмодернизм, являясь, с одной стороны, развитием литературной традиции и, с другой стороны, ее переложением и трансформацией, работает с мифом отличным от принятых ранее способом.

В статье «Авторский миф как жанр современной литературы» В. А. Пьянзиной звучит следующее определение авторского мифа: «Авторский миф представляет собой нарратив, созданный при помощи мифа, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения содержания» [\[16\]](#). Отметим, что важным элементом становится восприятие автора: миф представляет собой эмоционально связанный набор фактов, связь выстроена автором. При этом логика этой связи может быть не очевидна, что отсылает нас к такому основополагающему понятию постмодернизма, как игра. Автор «играет» с читателем, свободно распоряжается культурными кодами (в том числе обращаясь и к мифологии), подменяет понятия, включая в текст различные отсылки, которые читателю нужно угадать для того, чтобы полноценно насладиться произведением. Получение

наслаждения от текста для интеллектуального читателя как раз и является результатом игры с автором [\[17\]](#).

В постмодернизме миф сохраняет свою функцию и содержит в себе завершенную картину мира. И если мы говорим о том, что миф отражает определенный образ реальности, но объективной реальностью не является, то такое отношение в постмодернизме доводится до абсурда.

В статье «Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX– начала XXI в.» Т. А. Рытова и Е. А. Щипкова отмечают, что постмодернистский авторский миф утрачивает способность быть описательной моделью, стоящей над реальностью, поэтому на первый план работы с мифом, как отметим далее в статье, выходят игра, карнавализация и деконструкция [\[18\]](#).

В аспекте исследуемой проблемы весьма для нас значима работа Я. В. Солдаткиной «Мифопоэтика эпического текста (на материале русской прозы 1930-1950-х годов)» [\[19\]](#), в которой на широчайшем материале русских романов советского времени вычленены основные закономерности зарождения и развития авторских мифов, их художественные функции и связь с историческими источниками и архаическими прототипами.

О. Анисимова в статье «Обращение к мифу в современной литературе» отмечает, что задачей обращения к мифу как к инструменту при создании художественного произведения и конструирования художественного мира является выстраивание связи с мировой литературной традицией [\[20\]](#). Ряд авторов (Д. Уэстон «От ритуала к роману», Г. Мерей «Становление героического эпоса» и др.) отмечают генетическую близость и преемственность ритуала, мифа и литературы, поэтому использование мифов в структуре художественного произведения в современной литературе не кажется нарочитым, а позволяет выстроить связь с культурой различных народов на более глубинном уровне.

В постмодернизме фигура автора, создающего оригинальное произведение, стирается. Направление строится на убеждении, что автор является всего лишь пересказчиком или рассказчиком историй, придуманных ранее, поэтому выстраивание взаимосвязи с культурой является основополагающей задачей обращения к мифологическому материалу.

В. А. Пьянзина выявляет следующие черты авторского постмодернистского мифа:

- 1) авторский миф не считается с традиционной дихотомией «зло – добро»;
- 2) правда мозаична: категория «истина» уходит, на периферии внимания читателя – позиция автора: «... для авторского мифа важна не достоверность фактов, а то, как они изображены»;
- 3) инверсия, за счет чего происходит снижение эмоционального восприятия и традиционные ценности зачастую обесцениваются;
- 4) катарсис, переживаемый героями как мифа, так и художественного произведения, а также читателями, вневременен и внеситуативен [\[16\]](#).

Таким образом, миф выступает для автора-постмодерниста в качестве «сырья», материала, который позволяет автору выразить свою позицию и выстроить художественный мир. В постмодернизме фигура автора как оригинального создателя является вторичной или исчезает вовсе: автор использует уже имеющиеся структуры для

создания своего произведения, миф «погружается» в контекст, нужный автору.

Как отмечает В.А. Емелин, «Термины «постмодерн» и «постмодернизм» образуются с помощью приставки «пост-». Такой способ образования философских, равно как и находящихся за пределами философии понятий, получил распространение в конце XX в. Термины, образованные таким образом, (постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм, посткоммунизм и т.п.) являются парадоксальными, поскольку они не указывают напрямую на свою сущность, свой предмет, а лишь фиксируют связь с содержанием непосредственно предшествующего понятия. Как правило, эта связь представляет собой своеобразное отрицание, которое в отличие от диалектического или негативного отрицаний состоит в том, что оно не преодолевает предшествующую форму, а ограничивает ее значение. Исходя из этого, можно заключить, что понятия, начинающиеся с приставки «пост», не предполагают отсутствия предыдущих состояний – скорее речь идет о переходе на новый качественный уровень с сохранением достижений минувшего, причем последний уже теряет свое право на всеобъемлемость и исключительность.

Постмодернизм является технологическим феноменом, и влияние новейших электронных технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что попытка абстрагироваться от них при рассмотрении любой области жизни XXI в. едва ли выглядит разумной. Постмодернизм стремится осмыслить и воплотить в жизнь технологический характер новой реальности. Именно хронологические неопределенности в сочетании с терминологическими двусмысленностями создают главные трудности в интерпретации постмодернизма. Объективная оценка постмодернизма осложняется тем, что он принципиально не завершен, да и не может быть завершен в силу того, что он выражает мировоззрение настоящего времени» [\[21\]](#).

Авторский миф является нарративом и представляет собой эмоционально связанный набор различных элементов, при этом связь обусловлена авторским видением, а не логикой. Авторский миф – своеобразная надстройка над реальностью в рамках художественного произведения. Уместно сравнить авторский миф с фреймом: миф является определенной моделью реальности, содержащей роли, распределяющиеся между персонажами. Традиционные ценности часто подаются в постмодернистском произведении посредством сарказма, снижается эмоциональное восприятие читателя.

Постмодернистский авторский миф содержит завершенную картину мира, однако не следует дихотомии «добро – зло». Категория истины не является основополагающей: герои стремятся ее найти, но она вынесена за рамки художественного текста.

Таким образом, во второй половине XX столетия на пересечении двух тенденций – общелитературной тенденции к циклизации и написанию крупных поэтических и прозаических форм и общекультурной, распространенной в массовой культуре, кинематографе, комиксах и креолизованных текстах – возникает тенденция к формированию сверхтекста. Условно сверхтекст следует определить как сложносочиненную текстовую структуру, включающую в себя большое количество взаимосвязанных элементов, каждый из которых при этом представляет собой законченный текст и может быть воспринят отдельно. Все тексты, включенные в сверхтекст, представляют собой элементы единой системы, связываемые с помощью предметного мира, хронотопа и системы персонажей. Центром системы во многих литературных, кинематографических и комиксовых проектах является супергерой (либо супергерои) – человек (существо), наделенный сверхъестественными способностями, врожденными либо приобретенными.

Библиография

1. Тулушева Е.С. Принципы циклообразования в трилогиях Дины Рубиной «Русская канарейка» и «Наполеонов обоз». Дисс. ... к.ф.н. М., 2019. С. 22.
2. Дворак Е.Ю. Русское детское фэнтези: жанровая специфика и особенности мифопоэтики. Дисс. ... к.ф.н. М., 2015. С. 203.
3. Сильчева А.Г. Трилогия «Люди воздуха» Дины Рубиной: особенности художественного метода. Дисс. ... к.ф.н. М., 2019. 198 с.
4. Борунов А.Б., Пинаев С.М., Сильчева А.Г. Мотив «чужого ребенка» как сквозной код в прозаических макроциклах Бориса Акунина и Дины Рубиной // Litera. 2022. № 6. С. 175-182.
5. Рубина Д. И. Белая голубка Кордовы. – М.: Издательство «Э», 2018. С. 407.
6. Рубина Д. И. Наполеонов обоз. Книга 3. Ангельский рожок. – М.: Эксмо, 2020. С. 21.
7. Елизаров М. Pasternak. – М.: АСТ, 2023. С. 19.
8. Елизаров М. Библиотекарь. – М.: АСТ, 2023. С. 17.
9. Ханов Б.А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 230.
10. Погорелая Е.А. «...Кровавый отсвет в лицах есть...» // Вопросы литературы. 2009. №3. URL: <https://voplit.ru/article/krovavyj-otsvet-v-litsah-est-mihail-elizarov/> (дата обращения: 20.10.2023 г.)
11. Темиршина О.Р. Поэтика деформации. Образы телесного в поэзии Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. № 17. С. 174.
12. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, выпуск 3. С. 90-93.
13. Борунов А.Б., Шерчалова Е.В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. № 3. С. 8-20.
14. Мелетинский, Е. М. Миф и двадцатый век // <http://ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>
15. Баркова А. Л. Мировая мифология. – М.: РИПОЛ Классик, 2019. 528 с.
16. Пьянзина В. А. Авторский миф как жанр современной литературы // Universum: Филология и искусствоведение. 2017. № 9 (43). С. 10.
17. Сушилина И. К. Современный литературный процесс в России // <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook027/01/part-004.htm>
18. Рытова Т. А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX – начала XXI в. / Т. А. Рытова, Е. А. Щипкова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 115-128.
19. Солдаткина Я.В. Мифопоэтика эпического текста (на материале русской прозы 1930-1950-х годов) // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации. Коллективная монография. М.: МПГУ, 2018. С. 149-186.
20. Анисимова О. Обращение к мифу в современной литературе // Высшее образование в России. Кругозор. 2003. № 2. С. 127-131.
21. Емелин В.А. Лабиринты постмодернизма: идентификация ускользающего смысла // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №3. С. 68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема организации вымышленных миров, миров фэнтезийного порядка в принципе не так нова, однако, требует рассмотрения на новом художественном материале. Собственно, на это и ориентирована рецензируемая работа, которая в заголовке манифестирует проблемный научный расклад – «вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения сверхтекста». Стоит отметить, что подобный ракурс рассмотрения проблемы конструктивен, нов, методологически правилен. Автор не исключает наличие в «фэнтези» и «магической» прозе импульса для создания сверхтекста. Практически в начале труда обозначено, что «тенденция к образованию сверхтекстов в жанре фэнтези объясняется, в первую очередь, созданием в произведении некоего художественного мира, зачастую существенно отличающегося от реальности. Детальная проработка этого мира вкупе с коммерческим успехом первых романов серии стимулирует автора продолжать цикл, который зачастую прирастает стихийно». Привлекает в работе литературный контекст: «к сверхтекстам тяготеют многие отечественные мастера жанра: например, серия «Дозоры» Сергея Лукьяненко, включающая в себя семь книг авторства Лукьяненко и четыре книги, выполненные в соавторстве с другими писателями (по состоянию на 2023 год), серии «Таня Гроттер» (16 книг на 2023 год) и «Мефодий Буслаев» (19 книг на 2023 год) Дмитрия Емца, серия «Волкодав» Марии Семенович (6 книг на 2023 год), многочисленные циклы, трилогии и тетралогии Алексея Пехова, циклы и серии Карины Деминой и т.д.». Далее же отсылки к романам Д. Рубиной, М. Елизарова и т.д. Неплохо, что теоретический ценз падает на классический ряд исследований: «Обратимся к толкованию мифа как такового в филологии и, в дальнейшем к исследованию авторского мифа в постмодернистском романе, которому была посвящена следующая работа автора [13]. Так, существует множество трактовок понятия: А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Я. Голосовкер, Ф. Х. Кессиди, Е. М. Мелетинский, М. М. Бахтин, а также К. Г. Юнг, Р. Барт, К. Хюбнер, Р. Кайуа, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс и многие другие изучали вопрос дефиницирования мифа, соединяя понятие с литературой, искусством в целом, культурой, политикой, экономикой, психологией, социологией, лингвистикой...». Следовательно, опора / базис все же выверен и точен. Работа не лишена аналитической составляющей, дробность, подробность дает возможность автору сегментировать отличие импульсной природы сверхтекста. Цитации как аргумент вводятся в текст полновесно: «в случае с Елизаровым мы имеем дело с пластом поднятой, переосмысленной — и перетолкованной в новом ключе карнавальная культура. То, что у Сорокина, Пелевина и прочих «воинствующих постмодернистов» являло собой имитацию обряда и обставлялось соответствующими декорациями: картонные мечи, клюквенный сок, торжество «телесного низа», маркирующее виртуальные бездны, — в романах Елизарова обрастает плотью и требует не отвлеченного мирозерцания, а действенного вмешательства, другими словами — участия в обряде» и т.д. Работа имеет как теоретическую, так и практическую значимость, материал уместно использовать при изучении курса истории новейшей русской литературы. Вариации оценки даны автором в режиме краткого обзора: «в постмодернизме миф сохраняет свою функцию и содержит в себе завершённую картину мира. И если мы говорим о том, что миф отражает определенный образ реальности, но объективной реальностью не является, то такое отношение в постмодернизме доводится до абсурда», или «Постмодернизм является технологическим феноменом, и влияние новейших электронных технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что попытка абстрагироваться от них при рассмотрении любой области жизни XXI в. едва ли выглядит разумной. Постмодернизм стремится осмыслить и воплотить в жизнь технологический характер новой реальности. именно хронологические неопределенности в сочетании с терминологическими двусмысленностями создают главные трудности в интерпретации постмодернизма» и т.д.

Большая часть терминов в связи с методологией анализа используется правильно, уместно. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком, автор отмечает, что «во второй половине XX столетия на пересечении двух тенденций – общелитературной тенденции к циклизации и написанию крупных поэтических и прозаических форм и общекультурной, распространенной в массовой культуре, кинематографе, комиксах и креолизованных текстах – возникает тенденция к формированию сверхтекста. Условно сверхтекст следует определить как сложносочиненную текстовую структуру, включающую в себя большое количество взаимосвязанных элементов, каждый из которых при этом представляет собой законченный текст и может быть воспринят отдельно...». Ряд тезисов, которые включены в текст, на мой взгляд, перспективно развить в новых смежно-тематических работах: например, «главная задача мифа вне зависимости от интерпретации термина и его вида состоит в том, чтобы предложить понятную, устойчивую законченную картину мира, в которой четко определены роли и функции и которая объясняет окружающие явления, события и т. д. Как отмечает А. Л. Баркова, миф строится на восприятии реальности, построенной на эмоциях, т. е. является глубоко субъективным, но при этом общественным феноменом...», или «основное фантастическое допущение в романах и основа конструкции их художественного мира – это идея о том, что слово / книга / сам автор – могут влиять на физический мир. Стихия смысла изменяет в обоих случаях параметры реальности...». Работа целостна, интересна, вероятный эффект диалога с оппонентами создан, серьезных нарушений не выявлено. Рекомендую статью «Вымышленные миры фэнтези и «магической» прозы как пространство порождения сверхтекста» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. Жанровое разнообразие творчества А.П. Чехова и его видение реальности // Litera. 2024. № 3. С. 176-179. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69903 EDN: ILTORE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69903

Жанровое разнообразие творчества А.П. Чехова и его видение реальности

Шагбанова Хабиба Садыровна

ORCID: 0000-0001-5549-4819

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, ЧОУ ВО "Юридический институт" (Санкт-Петербург)

199106, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 6

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.69903

EDN:

ILTORE

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: В статье исследуется жанровое разнообразие литературного творчества А.П. Чехова. Отмечается, что в произведениях Чехова присутствует острая социальная направленность, явно выраженный психологизм, тонкое художественное описание характеров литературных персонажей. Говорится, что заинтересованный читатель может наблюдать глубокое проникновение в повседневную реальность, при этом, испытывая чувство неотвратимости коренных перемен в обществе. Уделяется внимание речевым особенностям чеховских персонажей, которые позволяют точно охарактеризовать их природную сущность в достаточно емкой форме. При этом фиксируется важность использования подтекста, имеющего новаторский характер, в произведениях Антона Чехова, языковых средств поведения персонажей, с учетом того, что текст и подтекст

разделены и часто противоречат друг другу. Констатируется, что яркий художественный талант А.П. Чехова продемонстрировал силу типичности, что позволило образам его многих литературных творений стать нарицательными. Кроме того, обозначены особенности драматургии Антона Чехова, запечатление им на сцене реальной жизни, подробного описания быта. Говорится о рецепции драматических чеховских произведений современными отечественными и зарубежными мастерами культуры. Делается вывод, что востребованность индивидуально-авторских рецепций чеховского интертекста в современной драматургии безусловно подтверждает актуальность его произведений на сегодняшний день. Подчеркивается, что это объясняется социально-философским характером театральных постановок, затрагивающих нравственные вопросы человеческого бытия, т.к. чеховское стремление к правде жизни и правде быта создаёт предпосылки повышенного интереса к ним во все времена. Красной нитью проходит мысль, что проза и драматургия творца сформировали условия для дальнейшего развития реалистических традиций в мировой литературе.

Ключевые слова:

творчество Антона Чехова, жанровые формы, реальность, драматургия, художественный стиль, духовный мир персонажа, подтекст, пьеса, психологизм, социальная действительность

Антон Павлович Чехов – великий представитель русской культуры конца XIX– начала XX вв., сумевший создать «новое слово» в драматургии в эпоху социальных, политических и научных перемен [\[13\]](#). Можно без преувеличения говорить о том, что вся мировая культура на сегодняшний день остается под неослабевающим влиянием неординарной личности и многогранного творчества Мастера.

Творческая индивидуальность автора выражается в особых художественных приемах в текстах, в том, каким способом он добивается раскрытия фабулы произведения. Как справедливо отмечает В.К. Сигов, стилистика сама по себе находится на границе лингвистического и литературоведческого восприятия текста, а конечной целью стилистического анализа является уяснение и детализация общего впечатления, образно-эмоционального и логического содержания художественного произведения как целостности [\[12, с. 188-189\]](#). Подробный анализ авторского стиля художественного произведения возможен только с полным погружением в философское понимание единства его содержания и формы, с идентификацией жанровой принадлежности и художественного метода писателя. Проводя параллель творчества автора в целом и конкретного произведения в частности с работами других литераторов можно понять авторский замысел мастера.

Мы имеем ввиду не только его уникальное построение характеров, описание жизненных конфликтов или отдельных художественно-эстетических приемов, но и качественно измененной А.П. Чеховым смысловой установки, которую можно охарактеризовать как «чеховский дискурс». Это своего рода система отсчета, в которой происходит межкультурное общение с неожиданными значениями, рожденными десятилетиями чеховского внимания и осмысления [\[5, с. 121\]](#).

Творчество Чехова стремится пробудить в читателе «живую душу», просто показывая человека, какой он есть, не заигрывая с аудиторией, не пытаясь ее задеть, ничего не приукрашивая.

Важно также отметить, что творчество Чехова характеризуется лаконичным, сдержанным повествованием, уделяя значительную роль мелким деталям. Они не просто присутствуют в произведениях, но и служат намеком на его главные идеи. Таким образом стиль Антона Павловича отличается беспристрастностью описания, убежденностью, что выводы должен делать сам читатель. В своем творчестве Чехов соединил объективное отношение ученого и врача с чуткостью и психологическим пониманием художника [\[7, с. 25-26\]](#).

Интересен тот факт, что Чехов почти никогда не писал для детей («Каштанка» и «Белолобый» — исключения). Он считал, что для чтения ребенку просто необходимо выбирать лучшее из «взрослой» литературы.

Чехов ясно понимал, насколько трудна на деле задача изменения сознания людей: думать самостоятельно, принимать правильные решения и отказываться жить во лжи было непросто в бюрократическом мире царской России. Поиск инструментов донесения до читателей своих мыслей и убеждений, становления его как художника способствовал построению индивидуального стиля изложения, являющегося выражением собственного мироощущения. Индивидуальная стилистика писателя выражает его гражданскую позицию, философию бытия, психологическую зрелость человека, накопленный опыт, интеллектуальные способности, манеру художественного изложения мыслей и чувств [\[14, с. 66-68\]](#).

Чехов часто изображал жизнь маленького российского города, где трагические события происходят как часть повседневной жизни. Типичный чеховский рассказ чаще всего заключается в том, что происходит внутри данного персонажа, и это передается косвенно, посредством внутреннего диалога или существенными деталями.

Существует мнение, что, зачастую, в рассказах и пьесах Чехова не происходит ничего значительного, не хватает напряжения, накала страстей, и сюжет развивается с недостаточной яркостью и проработанностью, но недостаток внешнего проявления он компенсирует оригинальными приемами развития внутреннего драматизма.

Многие исследователи творчества А.П. Чехова называли его писателем, вызывающим апатию, слезы на глазах у публики, но он категорически отвергал эту точку зрения, заявляя, что никогда не хотел слез, а стремился к тому, чтобы заставить читателя задуматься о собственной жизни, и, возможно, что-то исправить в ней в лучшую сторону. Его наблюдательность и честность позволили ему создавать персонажей, в которых легко узнать людей, резко индивидуализированных, но репрезентативных.

Также литературные критики творчества Чехова отмечают общие черты жанровой составляющей его трагических, драматических и эпических работ, делая акцент на формировании нового стиля русского драматизма, нового образа повествования. Оригинальность словесности Антона Чехова в данном случае может быть связана с пристрастием к театральной сцене, актерскому мировосприятию [\[11, с. 144\]](#).

Нужно отметить, что, еще будучи подростком, Чехов работал над своими сочинениями в нескольких жанрах одновременно, развивая прозу и драматургию параллельно. Это можно наблюдать в его пьесе «Безотцовщина», написанной в 1877-1878 гг., которая достойно занимает особое место в восприятии драматизма в его произведениях. В ней писатель разрабатывает уникальную формулу симбиоза трагизма и комизма.

Интересен тот факт, что в произведениях Чехова практически отсутствует описание ярких ссор, разногласий, конфликтов, быстрого развития сюжета, опровергая тем самым представление о том, что чем интенсивнее показана эмоциональность и конфликтность человеческой натуры, тем сильнее должно проявляться их видимое внешнее выражение.

Драматизм сочинений отзывается в нарастании значения диалога, в исключительном стиле раскрытия содержания. Таким образом писатель отходит от традиционных типов драматургии, прозы, создавая свою, неповторимую систему драматизма, в которой можно увидеть «подводное течение», некий психологический фактор, указывающий на духовный смысл всего происходящего.

Безусловно, Антон Павлович являлся представителем нового поколения, его творческий путь разительно отличался от творчества его предшественников. Исключительно благодаря своему многогранному таланту, трудолюбию, Чехов, из комической публицистики, поднялся на высший уровень русской словесности и литературы.

Конец XIX - начало XX века в России характеризуется серьезной переоценкой жанрового учения литературы, происходящего одновременно с культурной и исторической трансформацией. Происходящие изменения дали начало развитию журналистики, инициировали появление беллетристики, созданной для широкого круга читателей.

Чехов нашел и адаптировал стиль повествования, который в конце XIX века начал приобретать большую популярность. В произведениях Чехова появляется спонтанная неполная картинка мира, и в то же время, она оказывается самой логичной и точной, именно в этом проявляется серьезность и глубокомыслие чеховских литературных работ. Чехов уходит от оценивания происходящего, позволяя читателю размышлять в одиночестве. Данную манеру в творчестве можно заметить еще в самом начале творчества Чехова как писателя, еще в маленьких эпизодах, которые попадали на страницы журналов «Стрекоза», «Будильник» и «Осколки».

Сотрудничая с издательством «Новое время» А.С. Суворина, возникает новая ступень развития Чехова как писателя. «Новое время» дало возможность писателю обратиться к более серьезным и вдумчивым читателям, отказ от творческого псевдонима показывает всю серьезность отношения к важности научного метода в его творчестве [\[6, с. 53\]](#).

Чехов создал новый стиль повествования, подобрав подходящие для этого способы поэтической образности. Как было сказано ранее, уникальные жанровые приемы проявляются еще в раннем творчестве мастера, формируется стилистика, своеобразие рассказов Чехова. Необычна передача внутреннего настроения героя посредством вербальных способностей героев. В диалогах чеховских рассказов раскрывается характер человека, а оценка автора растворяется в голосе персонажа, и только изредка мы ее видим в сносках-ремарках. Антон Павлович мастерски пользуется умением изложить суть в диалогах, в движениях, в манерах, искусно подмечая необычные детали и подробности, дополняя целостное впечатление от прочитанного.

Драматургия присутствует в большей части чеховских рассказов, которые увидели свет с 1885-1886 гг., повествовательно написан и рассказ «Психопаты», в котором в начале автор представляет читателю персонажей, затем изображает диалог, и в конце произведения мы можем видеть ироническое авторское резюме. Такая стилистика «повествования-сценки» в то время была отлично проработана автором.

В 1886-1887 гг. все чаще рождаются рассказы с эпическим, описательным началом,

сюжеты базируются на изложении автора-рассказчика, а кульминация происходит в самом диалоге. Со временем, все больше места в творчестве писателя-драматурга захватывают большие рассказы, с подробным изложением душевного состояния автора, к примеру, «Тина» (1886), «Холодная кровь» (1887), и в то же время, рассказы-сценки не покидают творчество Чехова [\[10, с. 135\]](#).

Умело используя монолог или беседу, автор раскрывает особенности и темперамент героев, драматическое начало наполняется поэтическим, лирическим началом. Автор пытается показать настоящее с позиции самого героя, показать его внутреннее мироощущение, картина мира видится через понимание героя, его жизненные волнения, психологические терзания [\[4, с. 566-567\]](#).

Нужно отметить, что автор порой использует прием наблюдателя-невидимки, т.е. между автором произведения и главным персонажем присутствует личностно-лирическая незримая связь.

Позднее в творчестве Чехова можно увидеть новые приемы, мастер переносит драматичный конфликт из положения устоявшегося человеческого столкновения в духовный мир персонажа, попутно вглядываясь в жизненные переживания, психологические проблемы личности. При этом драматические разногласия человека и внешнего мира описываются в чеховских прозах под углом зрения героя.

Такого рода литературные приемы позволили многим именам чеховских персонажей стать нарицательными в реальной жизни.

После поездки на Сахалин в 1890 г. идея показать жизнь «такой, какая она есть» трансформировалась в то, что «произведение искусства должно выражать собою какое-либо великое правило жизни», например, то, что люди должны много работать и что их труд должен сопровождаться верой в полезность этого труда, верой в будущее. Нужно отметить, что во всех его пьесах присутствуют темы труда, веры и цели, и во всех есть разочарование при осознании того, как часто люди бездействуют, как много людей работают недостаточно, как мало тех, кто обладает верой, и как скоротечно все человеческое счастье. Целью Чехова было донести до своих читателей и зрителей ту застойную и посредственную жизнь, которую они проживают, и тем самым дать им понять, что это не неизбежная судьба человечества [\[9, с. 134\]](#).

Для Чехова решающее значение имело донести до читателей и зрителей, что они на самом деле могут быть свободными и хозяевами своей судьбы. Нелепая картина приказчика из «Чиха», который так расстроен тем, что чихнул в спину одному из своих начальников в театре, что в конце концов идет домой и умирает, — это лишь один из примеров того, как Чехов использует классический бич — абсурдность такого рабского поведения. Он считал, что чувство личной свободы является необходимым не только для творческих художников, но и для людей, желающих изменить свой мир [\[14, с. 76-80\]](#).

В литературе конца XIX века наряду с прежними закономерностями жанров формировались еще и повествовательные, описательные жанры, эпическое, драматургическое, лирическое находятся рядом в нетрадиционном литературном единстве. В стилевом художественном навыке того времени, происходит как разграничение, так и слияние стилей, в результате чего появляются новые, «емкие», художественно совершенные. В таком стиле написаны чеховские рассказы 80-х гг. позапрошлого века, в них вместе с эпическим описанием присутствуют и

драматургические и лирические составляющие.

В конечном итоге Чехов нашел способ осуществить свою мечту, запечатлев на сцене реальную жизнь, отказавшись от драматических условностей своего времени. Хотя драматургия современников сосредоточивалась на действии, часто мелодраматическом, последние пьесы Чехова — это прежде всего произведения бездействия, произведения, в которых необходимое действие происходит за сценой с акцентом на внутреннее содержание своих героев, затрагивающие самые жгучие проблемы социальной жизни.

Нужно отметить, что современники Чехова часто упоминают недовольство Антона Павловича театром того времени. Он мог резко отзываться различным корреспондентам об эгоизме и тупости актеров, не говоря уже об их некомпетентности; об ограниченности репертуара, заурядности режиссеров, а также о пассивной реакции зрителей. При этом нужно заметить, что и на сегодняшний день не существует общепринятого подхода к критической и сценической интерпретации пьес [\[14, с. 112\]](#).

Утверждение о том, что пьесы Чехова часто интерпретируются неверно, явно не соответствует тем постмодернистским теориям, которые отрицают саму возможность достоверного толкования. Следовательно, существует две отдельные, но связанные между собой составляющие театрального искусства: письменный текст и текст исполнения. Авторский игровой текст неизбежно опосредован в производстве текста спектакля. А авторское видение может быть потеряно или искажено в постановке. Чехов, например, постоянно выражал глубокое недовольство тем, что «творили» с его пьесами режиссеры и актеры.

Как и его герой Треплев, измученный драматург в «Чайке», Чехов видел повсеместный негатив в театре своего времени. А необходимость найти правильный баланс между достоверностью и оригинальностью интерпретации является постоянной целью режиссера. Поэтому создается уникальный чеховский лингвистический код, создаваемый цепочками слов, которые в конечном итоге будут произнесены актерами и интерпретированы читателем, критиком или режиссером. В случае с режиссером эта интерпретация затем перекодируется в терминах не письменного кода, а кода исполнения, включающего актерский состав, вокальную интерпретацию, выражение лица, жест, грим, костюм и движения в драматическом пространстве.

Этот общий код исполнения, или текст исполнения, затем интерпретируется каждым членом аудитории. Первый предполагает задачу устного и письменного перевода, выполняемую режиссером. Первоначально режиссёр анализирует текст пьесы, чтобы выяснить, о чем, по его мнению, пьеса автора: что составляет общее действие пьесы и какое видение действительности в ней выражено. Затем, исследовав эти вопросы интерпретации, режиссёр приступает ко второй задаче — воплощению своего понимания литературного текста пьесы в текст спектакля, используя коды спектакля, воплощенные в работе актёров, сценографов, художников по свету и т. д.

Таким образом, режиссеру приходится не только интерпретировать смысл пьесы, но и найти подходящие театральные средства, чтобы воплотить это интеллектуальное и эмоциональное понимание в «читаемый» текст спектакля.

Чехов испытал боль и разочарование, когда видел, что его собственные пьесы неверно истолкованы. Разрыв, который он почувствовал между своими пьесами и текстами спектаклей, в которые они были преобразованы, привел к тому, что он частично утратил свою первоначальную любовь к театру. В письме своему другу и издателю А.С. Суворину

18 октября 1898 г. Чехов пишет: «Никогда я не буду ни писать пьес, ни ставить» [\[15, с. 197\]](#). Настолько автор разочаровался в неверных театральных интерпретациях своих пьес.

Фактически в данном случае происходит метаморфоза: режиссер относится к пьесе как к своему первоисточнику, как заготовке, и может поступать с ней так, как ему хочется. Критики долгое время не могли понять то, почему Чехов называл «Чайку» и «Вишневый сад» комедиями и настаивал на том, что они не трагичны.

Действительно, многие персонажи его пьес абсурдны: их опасения нелепы, однако редкий зритель смог оставаться равнодушным к героям Чехова. Зрители одновременно осознают глупость и человечность персонажей, они растроганы осознанием того, насколько реальны для них проблемы персонажей, насколько трудно для персонажей найти выход из своего положения. Некоторые из их мечтаний абсурдны, но они не знают, как помочь себе, и поэтому жизнь проходит мимо них, не научив их, как жить. Чехов убедительно показывает, «какие дураки эти смертные», но у зрителя зачастую это вызывает жалость, а не смех [\[14, с. 77\]](#).

Несомненно, Чехов произвел существенную реконструкцию комедийного жанра, а не просто объединил драматические жанры, как часто утверждают критики, определяя иногда его пьесы как трагикомедии, сатирические драмы, мелодрамы. Комедия Чехова была новаторской по разным причинам: во-первых, он выработал позиционный стиль письма; во-вторых, он переключил акцент в комедии с внешних особенностей (смех, выживание, случайность) на внутренние (размышления персонажей) [\[14, с. 80\]](#).

Такими отличительными чертами чеховского повествования, как "медленно развивающиеся" сюжетные линии, "чрезмерные", "ненужные" персонажи, эпизоды и детали, не связанные с основными событиями, выделяются большинство его произведений. В отличие от сюжетно-комбинационного стиля письма, основное внимание которого уделяется интригам и столкновениям, позиционный стиль в литературе характеризуется наличием отступлений, описаний, деталей, символики и персонажей, не связанных непосредственно с сюжетом, но в основном предназначенных для создания главной нити повествования.

Стиль Чехова требовал нового теоретического объяснения, а существовавшего эмпирического подхода, приравнивавшего комическое к смехотворному, было недостаточно для объяснения его новаторских идей. Эмпирический подход имеет большее количество критериев и признаков, но не может дать целостного представления. Чехов не концептуализировал свой стиль, но сделал несколько существенных аналитических замечаний относительно того, как следует относиться к своим героям.

Только такое единство анализа и синтеза может пролить свет на квазидраматическую натуру чеховской интеллигенции, любящей философствовать и часто произносящей пламенные речи против рабства, дискриминации, войн и тому подобного, а на деле лишь повторяющей некоторые популярные лозунги. Вопрос о том, что в первую очередь следует учитывать при анализе таких персонажей, обсуждается достаточно давно; некоторые критики говорят, что о чеховских героях нужно судить по их поступкам; другие настаивают на том, что слова важнее [\[14, с. 79\]](#).

Исследование внутреннего мира персонажа включает в себя особенности в принятии решений, человеческие ценности, способность ставить цели, силу воли и все остальное,

что может не быть раскрыто явно в тексте. Условная ценность персонажей передается через конкретные эпизоды, принцип интеграции части и целого находит свое дальнейшее развитие в пьесах Чехова, в которых главным героем становится группа персонажей [\[14, с. 78\]](#).

В таком случае группу можно рассматривать либо как совокупность, либо как систему: и то, и другое представляет собой разные представления целого. Разница в том, что если рассматриваются только объекты группы, то речь идет об совокупности. Введение отношений между объектами образует систему, учитывая интеллект персонажей, их образование, опыт и т.п. Как система чеховские группы зачастую оказываются несостоятельными, со временем превращаясь в саморазрушительное единство. Группа в «Трех сестрах» относительно сильна в совокупности: в нее входят учителя, военные, врачи — умные, образованные люди, но как система она, увы, нежизнеспособна [\[2, с. 70\]](#).

Нужно отметить, что Чехов не сразу нашел драматическую форму, которая могла бы служить идеальным объективным коррелятом его видения действительности. Свою карьеру драматурга он начал с принятия условностей ранее устоявшихся драматических жанров. Как и в случае с рассказами, Чехов прошел период литературного обучения, прежде чем смог освободиться от использования этих архаических приемов. Можно утверждать, что именно в «Чайке» впервые произошло это освобождение, творческий прорыв, который сделал Чехова таким же новатором в области драматургии, каким он уже был в художественном повествовании. Чехов разработал новые приемы, подходящие для передачи своего видения в двух совершенно разных жанрах — рассказе и драме.

Постепенно, от «Чайки» до «Вишневого сада», Чехов делал свои тексты все более и более реалистичными, отказываясь от многих механических театральных приемов хорошо поставленной пьесы, которые он использовал в более ранних пьесах, таких как «Иванов». После «Иванова» Чехов придерживается собственной теории драмы, согласно которой жизнь должна быть представлена на сцене «точно такой, какая она есть, а люди должны быть такими же простыми, как и в жизни».

Трагический подтекст несбывшихся желаний соседствует с комическим текстом глупого тривиального поведения, а зрительское восприятие разрыва между внешней и внутренней жизнью героев порождает ту синтетическую трагикомедию, которую мы теперь можем смело признать чеховской [\[3, с. 320\]](#).

Интерпретация ключевой роли Треплева позволяет сделать выводы о том, что это сложный и неоднозначный персонаж, которого не следует трактовать как непонятого гения или бездарного глупца. Он содержит в себе некоторые идеалы драматурга, но имеет и некоторые недостатки, которые Чехов видел в интеллектуалах своего времени.

Неординарное отношение Чехова как к жизни, так и к искусству делает любую классификацию его видения реальности совершенно неприменимой. Новая форма драмы, которую он воплотил в жизнь, сама по себе зависела от формальной двойственности текста/подтекста.

Форма и содержание пьес Чехова зависят от взаимосвязи и напряжения полярностей мрачного негатива и легкого оптимизма. Действительно, центральной объединяющей нитью, связывающей все произведения Чехова, является его попытка распознать, связать и примирить целый ряд дуализмов. Чехов систематически создает разрыв между

двумя жизнями своих героев. Разрыв между внутренним миром личных убеждений, целей и надежд его героев и внешним миром их общественных действий и взаимоотношений с другими персонажами представлен в контексте неспособности реализовать свои стремления.

Постановки, позволяющие зрителям увидеть упущенный потенциал персонажей, помогают воплотить в жизнь главную идею писателя — привлечь внимание зрителя и показать всю глупость и никчемность тривиальной жизни персонажей. Ощущение растраты и бесполезности чувствуется благодаря тому, что Чехов указывает и на возможность лучшей жизни, которую можно достичь посредством человеческих усилий.

Это был новаторский характер использования Чеховым подтекста, который в настоящее время иногда упускается из виду, поскольку он стал обычным явлением в современной драматургии.

До Чехова подтекст эмоционально подкреплялся и согласовывался с заявленным смыслом текста. Персонажи имели в виду то, что говорили, и говорили то, что имели в виду. В пьесах Чехова текст и подтекст раздроблены и часто противоречат друг другу. Именно вследствие этого новшества, при постановке многим актерам было достаточно трудно изобразить эту двойную жизнь. Привыкнув играть в пьесах, где персонажи говорят то, что думают, и имеют в виду то, что говорят, многие ранние исполнители чеховских пьес, особенно те, кто не знал актерской системы, разработанной Станиславским, не осознавали подразумеваемого подтекста внутренней жизни его персонажа.

Безусловно, немногие из первых исполнителей обладали актерской техникой, позволяющей сыграть такой подтекст. Брукс Аткинсон, театральный критик, рецензируя постановку «Вишневого сада» в Нью-Йорке в 1928 г., акцентировал внимание аудитории на то, что актерам и постановке удалось передать только объективную поверхность реальности, которая существует в тексте, и указал на трудности, с которыми пришлось столкнуться актерам, играющим в пьесах Чехова [\[16\]](#).

Помимо контекста, Чехов активно использовал символизм в своих работах, несмотря на то что, на первый взгляд, символизм может показаться несовместимым с реализмом, однако мы знаем, что писателя привлекали некоторые аспекты символической формы.

Чехов в начале 1890-х гг. больше концентрировался на рассказе, тем не менее он продолжал размышлять над проблемами драматической композиции, особенно над теми, которые связаны с передачей невысказанной мысли. Часто, когда мы говорим о символизме, мы подразумеваем что-то нереалистичное, неосознанное, к примеру, символистская пьеса Треплева в «Чайке»; но и деревья, срубленные в конце «Вишневого сада», безусловно, служат символом конца эпохи помещиков, и даже рвущаяся струна Епиходова.

Как было сказано ранее, современный литературный процесс неразрывно связан с наследием великих предшественников. Многогранность таланта Чехова продолжает жить в рецепции драматических произведений мастера современными режиссерами, драматургами и писателями. Режиссеры становятся не только интерпретаторами, но и своего рода соавторами произведения, привнося свои нюансы в чтение и понимание пьес, расставляя свои акценты при постановке.

В последние десятилетия утвердилась еще одна версия «соавторства»: ремейки пьес Чехова создавали такие наши современники, как Б. Акунин, Л. Улицкая, Л.

Петрушевская, Н. Мошина и другие. Авторы, взяв за основу литературный источник, пишут свои произведения «по мотивам» канонических пьес («Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад»); поместив героев в другое время (обычно в современную реальность); они задумывают драматические коллизии и разрешают ключевые конфликты пьес [\[8, с. 72\]](#).

Несомненный интерес представляют драматические эксперименты по переносу действия чеховских пьес в современный контекст, своего рода «перенос» прошлого в настоящее. Герои новых драматических произведений «населены» двойниками чеховских пьес, но существуют в иной реальности, попутно решая художественные задачи, сознательно подключая к восприятию современного читателя и зрителя.

Великий писатель, осознавая свою творческую миссию, писал в письме А. Лазареву 20 октября 1888 г.: «Все, что я написал, забудется через пять или десять лет, но пути, которые я проложил, будут целы и невредимы – это единственная моя заслуга ...» [\[14, с. 106\]](#).

Драматургия А. Чехова давно стала неотъемлемой частью мировой культуры и вызывает постоянный интерес в виде многочисленных современных театральных интерпретаций, различных видов соавторства и современных ремейков прозы, комедий и драм Чехова. Бесспорно, Чехов является на сегодня одним из наиболее известных и любимых русских классиков за рубежом.

«Соавторство» с писателем можно рассматривать двояко. Первое, наиболее широко представленное, — это многочисленные режиссерские интерпретации пьес. Написанные тексты чеховских пьес режиссеры считают не законченным произведением, а лишь основой, которая оформляется благодаря творческому содружеству автора, режиссера, актера, художника-постановщика и художника по костюмам. Цель постановки заключается в том, чтобы придать ясный смысл тексту, который «молчит» без интерпретации [\[1, с. 292\]](#).

В последнее время актуальность Чехова часто подчеркивалась переносом действия в настоящий момент. Одним из примеров такого рода режиссуры театра является постановка «Трех сестер» Юрия Лабеецкого [\[3, с. 320\]](#). Режиссеру удалось сделать живыми хрестоматийные образы, мизансцены великолепно иллюстрируют режиссерскую мысль. Все по Чехову: люди пьют чай, а в это время рушится их жизнь и разбиваются сердца.

Исследователь, осмысливающий эту современную тенденцию, использует термин «перенос», подчеркивая его взаимосвязь и понимание интертекстуальности, но и выявляет их принципиальные различия. Трансформация классического текста всегда включает в себя смысл переноса в смысле перехода из одной культурной среды в другую или из одной эпохи в другую. Перенос происходит при пародии, подделке или травестии литературного текста. Если интертекстуальность касается вопросов текста, главным образом эквивалентности вторичного текста первичному и того, как расширяется смысл вторичного текста, то перенос занимается проблемой того, как изменяется первичный текст при переносе его элементов в другой временной или культурный контекст [\[4, с. 566\]](#).

Возникают вопросы, какие жанровые и стилистические особенности пьес великого писателя позволяют ввести в его тексты новое слово и что именно позволяет наполнить разряженную атмосферу драматического действия Чехова современными реалиями.

Важно понять, всегда ли эти вторичные изменения и наслоения органичны, создают ли они новые по смыслу и духу произведения, не становясь при этом перепевом чеховских драм.

Драматургия Чехова на протяжении многих лет изучается отечественной и зарубежной литературной критикой. Особое внимание в научных трудах обращается на подтекст пьес и импрессионистическое начало в творчестве писателя. Представляется, что эти понятия, характеризующие особенности стиля драматических произведений Чехова, можно считать глубоко взаимосвязанными, почти тождественными.

Подтекст – сложное художественное явление, не получившее исчерпывающего теоретического осмысления и определения. Разнообразные мотивы, нюансы, художественные детали, реплики, «рифмовки» и несогласованные фразы героев и персонажей, взаимодействуя друг с другом, создают глубокий, скрытый смысл, предполагающий множество прочтений [\[1, с. 298\]](#).

Художественная ткань чеховских пьес соткана из множества нюансов, все они работают в унисон, создавая неповторимую чеховскую интонацию. Герои находятся «здесь и сейчас» в сценическом пространстве, они связаны невидимыми нитями с собственным прошлым ностальгическими ассоциациями. Все художественные средства способствуют созданию особого, меланхолического настроения, огромную роль в пьесе играют эмоционально окрашенные реплики, не имеющие уточняющего, детализирующего характера.

Очевидно, именно подтекст, наличие особой атмосферы чеховских произведений, полных недомолвок, смысловых и эмоциональных пробелов, раздробленности, недосказанности, клиппирования сюжетных конфликтов, подталкивают и провоцируют современных авторов к оригинальному пониманию и эмоциональному «пополнению» чеховского творения [\[4, с. 566-567\]](#).

Не вызывает сомнения тот факт, что Чехов очень любил свой народ и свою страну, в своих произведениях он показывал, насколько жалким может быть человек, при этом осознавая его потенциальное величие. Он изобразил жизнь общества таким образом, что в сознании читателя не оставалось сомнений в необходимости преобразований в повседневной жизни, изображая отдельных персонажей таким образом, чтобы каждый человек мог понять то, что только он сам способен коренным образом изменить свою судьбу.

Восприятие творчества А. П. Чехова в мировой культуре показывает, что оно рассматривалось в контексте социально-политических задач, читателей всего мира привлекало глубокое понимание им общественных проблем, меткое воссоздание внутреннего мира человека, а также «скрытая» позиция автора, что позволяло переносить содержание текста на самые разные явления современной действительности.

Библиография

1. Барабаш Н.А. Экзистенциальность творчества А.П. Чехова и смена художественной парадигмы на рубеже XIX-XX веков // Теория и история искусства. 2022. № 1-2. – С. 290-310.
2. Безчасный К.В. Духовное становление личности в художественном творчестве А.П. Чехова // Психическое здоровье. 2021. № 5. – С. 61-73.
3. Гладкий И.К. Смысл жизни в творчестве А.П. Чехова // Чеховские чтения в Твери: Сборник научных трудов / редкол.: С.Ю. Николаева (отв. ред.). Вып. 5. – Тверь:

Тверской государственный университет, 2012. – С. 316-323.

4. Долгирева А.Э. Межъязыковые лакуны как средство отражения специфики русского языка (на материале повести А.П. Чехова "Палата № 6") // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). – С. 564-567.

5. Егорова О.А., Скугарева И.В. Жанровая специфика и иноязычные вкрапления в ранней прозе А.П. Чехова // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 6-2. – С. 119-126.

6. Касатикова А.А. Тема детства в творчестве А.П. Чехова // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1-2. – С. 52-54.

7. Ковалева Н.А. Отражение языковой картины мира в эпистолярном творчестве А.П. Чехова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2015. № 2. – С. 22-26.

8. Кубасов А.В. Внутренняя биография писателя и средства ее создания в творчестве А.П. Чехова // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т. 3. № 1. – С. 70-82.

9. Липунцов М.И. Образ русского духовенства в творчестве А.П. Чехова // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1. – С. 132-142.

10. Петько А.И. Языковые характеристики телесной, ментальной и психической систем персонажей позднего творчества А.П. Чехова // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство: Межвузовский сборник. Т. IX. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – С. 127-141.

11. Позднякова Е.А. О жанровом своеобразии пьес А.П. Чехова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. – С. 142-145.

12. Сигов В.К. Текстовая организация рассказа в пространстве большого эпического целого // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л.А. Трубина, В.К. Сигов. – М.: МПГУ, 2018. – С. 187-197.

13. Хрулёв В. А.П. Чехов: притяжение таланта [Электронный ресурс] // Бельские просторы. 2021. № 1. – URL: <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-02-04/1-2021-viktor-hrulyov-a-p-chehov-prityazhenie-talanta-1205016> (дата обращения: 12.01.2024).

14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Т. 5: Письма. 1898-1903. – М.: Наука, 1977. – 677 с.

15. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Т. 6: Письма. 1895-1897. – М.: Наука, 1977. – 733 с.

16. Atkinson B. Quoted in Literary Digest // New York Times. 1928. 8 December.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Жанровое разнообразие творчества А.П. Чехова и его видение реальности», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творчества одного из известных российских писателей 20 века А. П. Чехова, а также рассмотрению жанрового своеобразия творчества писателя, применяя методы лингвистической и литературоведческой стилистики.

Так как творческая индивидуальность автора выражается в особых художественных

приемах в текстах, в том, каким способом он добивается раскрытия фабулы произведения, автор, анализируя тексты писателя, приходит к интересным выводам. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование. Автор не указывает объем выборки и его принципы. Насколько велик текстовый корпус и из каких источников он был получен?

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: биографический, герменевтический, диалектический.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, автор не углубляется в историю исследуемого вопроса, так из текста статьи неясно: 1) насколько широко изучена заявленная проблематика, 2) какая научная лакуна была выявлена, и какая проблема решается в рамках рецензируемой работы (каково конкретное приращение научного знания?).

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены как отечественные труды, так и работа на английском языке. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Однако высказанные замечания не являются критичными и не касаются содержания, представленного автором.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Жанровое разнообразие творчества А.П. Чехова и его видение реальности» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Архипова И.В. Таксис через призму межкатегориального взаимодействия (на материале современного немецкого языка) // Litera. 2024. № 3. С. 180-182. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.39963 EDN: IMWLDB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39963

Таксис через призму межкатегориального взаимодействия (на материале современного немецкого языка)

Архипова Ирина Викторовна

ORCID: 0000-0002-0685-335X

доктор филологических наук

профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет

630089, Россия, Богаткова д. 228, кв. 237 область, г. Новосибирск, ул. Б Богаткова, 228, оф. 237

✉ irarch@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.39963

EDN:

IMWLDB

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2023

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: В центре рассмотрения данной статьи – речевая актуализация таксисных категориальных значений одновременности и разновременности в немецких высказываниях с темпорально-таксисными предлогами. Цель исследования – определение процесса таксисной актуализации как результата межкатегориальных связей и взаимодействий семантических категорий, репрезентирующих идею времени в современном немецком языке. Предметом настоящего исследования является вопрос таксисной актуализации в немецком языке, рассматриваемый в контексте реализации межкатегориальных связей таксиса, темпоральности и аспектуальности. Материалом данного исследования послужили немецкие высказывания с акциональными девербативами *die Trennung*, *die Scheidung* и темпорально-таксисными предлогами *bei*,

mit, seit, bis, nach, vor, полученные методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского корпуса (LC). В ходе исследования определено, что межкатегориальное взаимодействие таксиса с семантическими категориями аспектуальности и темпоральности детерминирует актуализацию различных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования. Таковыми являются темпорально-таксисные, дуративно-таксисные, итеративно-таксисные, фазово-таксисные и др. категориальные значения. В результате исследования выявлено, что сегмент зоны пересечения категорий таксиса, темпоральности и аспектуальности конституирован темпорально-таксисными предложениями, темпоральными адвербиалами и аспектуальными квантификаторами. К последним относятся дуративные, итеративные и фазовые адвербиалы и атрибуты. Они выполняют функцию индикаторов сопряженных примарно-таксисных категориальных ситуаций.

Ключевые слова:

таксис, темпоральность, аспектуальность, примарный таксис, таксисные значения, актуализация таксиса, межкатегориальное взаимодействие, межкатегориальные связи, примарно-таксисная категориальная ситуация, сопряженная примарно-таксисная ситуация

Введение

Вопросы межкатегориального взаимодействия в сфере функционирования различных грамматических категорий (в рамках традиционной грамматики и в традициях функциональной грамматики) привлекают пристальное внимание современных отечественных лингвистов [\[1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10\]](#). Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы межкатегориального взаимодействия ряда семантических категорий в современных лингвистических исследованиях, выполненных с позиций функциональной грамматики.

Основная часть

В фокусе нашего исследовательского интереса находится описание речевой актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности (предшествования, следования), детерминированных тесными межкатегориальными связями вербальных функционально-семантических категорий. К ним относятся категории темпоральности и аспектуальности с ее субкатегориями дуративности, итеративности и фазовости, участвующие в реализации общей семантической функции таксиса и выступающие как семантический фон примарно-таксисной актуализации.

Особый сфокусированный ракурс рассмотрения таксиса сквозь призму межкатегориального взаимодействия позволяет интерпретировать речевую актуализацию таксисных значений как результат взаимодействий ряда функционально-семантических категорий, репрезентирующих идею времени.

Материалом исследования явились немецкие высказывания с акциональными девербативами *die Trennung*, *die Scheidung* и темпорально-таксисными предложениями *bei*, *mit*, *seit*, *bis*, *nach*, *vor*.

Межкатегориальное взаимодействие функционально-семантических категории таксиса и категорий темпоральности и аспектуальности с субкатегориями дуративности,

итеративности и фазовости специфицирует речевую актуализацию категориальных значений примарного таксиса одновременности, предшествования и следования. *Примарно-таксисными категориальными значениями* являются хронологические значения одновременности и разновременности в «чистом виде», актуализируемые в высказываниях с *темпорально-таксисными предложениями*. Темпорально-таксисные предлоги способны однозначно маркировать определенную разновидность или вариант примарно-таксисной категориальной ситуации. Термин *темпорально-таксисный предлог* более предпочтителен, так он интегрирует темпоральную семантику предлога и его функцию таксисного маркера, например:

(1) *Seit der Trennung von Ex-Frau Sarah Engels* hat einfach kein Glück mit den Frauen (LC).

(2) *Nach der Scheidung von Moore* erhielt sie rund zwölf Millionen Euro von ihrem Ex-Mann und verarbeitete die Vorkommnisse in ihren Memoiren (LC).

(3) *Bis zur endgültigen Trennung* existierten noch ein gemeinsamer Landtag und eine gemeinsame Verfassung (LC).

(4) *Bei der Scheidung* überführt ein Mann das Motorrad ins Betriebsvermögen seiner Kanzlei (LC).

(5) *Mit der Trennung von Trainer Heiko Herrlich* unternimmt der FCA den Versuch, den Niedergang in die Zweitklassigkeit noch zu verhindern (LC).

В приведенных выше примерах (1–3) с темпорально-таксисными предлогами *seit*, *nach* и *bis* актуализованы примарно-таксисные категориальные ситуации следования и предшествования. В высказываниях (4–5) выражены примарно-таксисные категориальные значения одновременности, маркируемые темпорально-таксисными предлогами *bei* и *mit*.

Адвербиалы времени, выступающие в функции темпоральных квантификаторов и темпоральных делимитаторов, конкретизируют «индивидуальное внутреннее время» соотносимых между собой в рамках единого временного интервала действий, процессов, состояний или событий с точки зрения их одновременного или разновременного протекания или осуществления. В качестве темпоральных квантификаторов выступают адвербиалы времени монокомпонентной и поликомпонентной структуры *jetzt*, *heute*, *gestern*, *damals*, *im vergangenen Sommer*, *im vergangenen Jahr*, *im darauffolgenden Jahr*, *im Oktober*, *Mitte Dezember*, *Ende Februar* и др. В состав поликомпонентных темпоральных адвербиалов входят темпоральные прилагательные и наречия (*vergangen*, *vorig* и др.), а также календарные имена существительные *das Jahr*, *die Woche*, *der Sommer*, *Dezember*, *Oktober*, *Februar* и др., например:

(6) *Nach der Trennung im vergangenen Sommer* hatte angekündigt, sich von emanzipieren zu wollen (LC).

(7) *Nach der Trennung vom Energiegeschäft im vergangenen Jahr* setzt der neue Siemens-Chef Roland Busch nun voll auf Wachstum durch eine verstärkte Ausrichtung auf Digitalisierung (LC).

(8) *Nach der Trennung von ihrem Ehemann, dem Schweizer Unternehmer Frank Sippel, im vergangenen Jahr* ist die gebürtige Hamburgerin frisch vergeben (LC).

(9) *Nach der Trennung von Lucien Favre Mitte Dezember* habe sich unter dem neuen BVB-Trainer Edin Terzic nicht allzu viel verändert (LC).

(10) *Nach ihrer Trennung im Oktober* flirtete die Beauty dann mit Model Jonathan (LC).

(11) *Nach der Trennung von Markus Gisdol vor eineinhalb Wochen* hatten die Kölner Friedhelm Funkel mit der Aufgabe betraut, den Abstieg noch zu verhindern (LC).

(12) *Vor der Trennung* bewahrte ihn *damals* der Rückhalt der Kapitalseite, die ihr Mastermind auf dem Weg in die Elektromobilität nicht verlieren wollte (LC).

(13) *Seit der Trennung vom bisherigen Sportvorstand Jochen Schneider Ende Februar* trägt Peter Knäbel die sportliche Gesamtverantwortung (LC).

(14) *Seit der Trennung im Jahr 2016* kämpft Schauspieler Brad Pitt um das geteilte Sorgerecht für seine sechs Kinder (LC).

В высказываниях (6–11) актуализованы темпорально-примарно-таксисные значения строгого следования, маркируемые темпорально-таксисным предлогом *nach*. В высказываниях (12–14) выражены темпорально-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого предшествования (см. пример 12) и нестрогого следования (см. примеры 13–14). В качестве индикаторов сопряженных темпорально-примарно-таксисных категориальных ситуаций выступают темпоральные адвербиалы *damals*, *im vergangenen Sommer*, *im vergangenen Jahr*, *im Oktober*, *Mitte Dezember*, *Ende Februar*, *vor eineinhalb Wochen*, *im Jahr 2016*.

Аспектуальные адвербиалы, выполняющие функцию дуративных делимиаторов, которые конкретизируют временной промежуток определенной (конкретной) или неопределенной (приблизительной) длительности между действиями (процессами, состояниями) глаголов и событием, обозначаемым девербативом *die Trennung* (см. адвербиалы *kurz*, *kürzlich*, *einen Tag*, *zwei Monate*, *wenige Wochen*, *fast 40 Jahre*, *zwei Jahre* и др.). Ср.:

(15) Die Band Wings gründet Paul McCartney *kurz nach der Trennung der Beatles* (LC).

(16) *Einen Tag nach der Trennung von Bruno Labbadia* präsentiert Hertha Berlin seinen neuen Cheftrainer (LC).

(17) *Schon wenige Wochen nach der Trennung* hat sie den Scherz aufgeklärt (LC).

(18) *Zwei Monate nach der Trennung von Marc Hynes* hat Lewis Hamilton eine neue Beraterin (LC).

(19) *Fast 40 Jahre nach der Trennung* kündigt die schwedische Popgruppe ein Album an – und Auftritte (LC).

(20) *Zwei Jahre nach der Scheidung* war der gebürtige Türke an plötzlichem Herzversagen gestorben (LC).

В высказываниях (15–20) с аспектуальными адвербиалами *kurz*, *einen Tag*, *zwei Monate*, *fast 40 Jahre*, *zwei Jahre* актуализованы дуративно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования.

В высказываниях с итеративными квантификаторами, в качестве которых выступают итеративные адвербиалы *meist*, *oft*, *häufig*, *immer*, *wieder*, *immerwieder* др., а также итеративные адъективы *jeder*, *heftig*, *mehrfach*, *mehrmalig* др. актуализируются итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, строгого предшествования и строгого следования, например:

(21) *Bei einem Abschied* oder gar *vor einer Trennung* sind die Küsse *meist* besonders lang

(LC).

(22) *Nach einer Trennung zieht meist* einer der Ehepartner aus der gemeinsamen Wohnung aus (LC).

(23) *Nach der Trennung* habe er ihr oft gedroht (LC).

(24) *Nach jeder Trennung* gab es einen gewissen Aufschrei ... (LC).

(25) Doch *nach der Trennung* blühte sie wieder auf ... (LC).

(26) *Seit seiner Trennung von Angelina Jolie* werden Brad Pitt immer wieder Beziehungen angedichtet (LC).

Функцию индикаторов сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций в высказываниях (21–26) выполняют итеративные наречия *meist, oft, wieder, immer wieder* и итеративный адъектив *jeder*.

Фазовые экспликативы (глаголы фазовой семантики *beginnen, anfangen, enden, beenden, folgen, fortsetzen* и др., адвербиалы *endlich, schließlich, endgültig*, а также фазовый элемент *weiter*) специфицируют актуализацию категориальных значений фазово-примарного таксиса в следующих высказываниях:

(27) *Nach der Trennung von seiner Partnerin folgte* zwischen dem Sänger und der 46-Jährigen reichlich Ärger (LC).

(28) *Nach der ersten Trennung der No Angels* machte Lucy gleich solo weiter (LC).

(29) Ein Bauunternehmen *hat* inzwischen *mit der Trennung der Baurestmassen begonnen* (LC).

(30) *Mit der Trennung von Vorstandsmitglied Jörg Wacker* baut der neue Vorstandsvorsitzende Oliver Kahn den FC weiter um (LC).

В высказываниях (27–30) выражены фазово-примарно-таксисные категориальные значения строгого следования и частичной одновременности, обусловленные фазовыми глаголами *beginnen, folgen* и фазовым элементом *weiter*, который указывает на срединный этап некоторого дуративного действия или процесса глагольного предиката. Фазовый глагол *beginnen* является индикатором ингрессивно-фазово-таксисной категориальной ситуации (см. пример 29), а глагол *folgen* (как и фазовый элемент *weiter*) эксплицирует срединный этап протекания действия глагола и выступает в качестве соответствующей фазово-таксисной категориальной ситуации строгого следования (см. пример 27).

Речевая актуализация сопряженных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности может быть детерминирована семантическим взаимодействием ряда различных общекатегориальных языковых единиц, в частности, дуративных, итеративных и фазовых адвербиалов, например:

(31) *Nach monatelanger Trennung* kehrte Fürstin Charlene von Monaco *kürzlich endlich* in die Arme ihrer Familie zurück (LC).

(32) *Nur wenige Tage nach der Trennung von seinem Trainer hat* Alexander Zverev auch die Zusammenarbeit mit seiner Beratungsagentur *beendet* (LC).

(33) *Über ein halbes Jahr nach der Trennung* meldet sich nun aber *endlich* zu Wort (LC).

(34) *Gut ein Jahr nach ihrer Trennung von Multimillionär Frank Ottoschwebt* Nathalie Volk *wieder* im siebten Himmel (LC).

(35) *Nach der Trennung von Fußball-Torwart Loris Karius schwebt endlich wieder* auf Wolke sieben (LC).

(36) *Nach ihrer Trennung im darauffolgenden Jahr* entbrannte jedoch ein *heftiger* Streit um die Embryos (LC).

В высказываниях (31–33) в силу семантического взаимодействия аспектуальных, в частности, дуративных, итеративных и фазовых единиц (см. эгрессивно-фазовый адвербиал *endlich*, фазовый глагол эгрессивной семантики *beenden*, дуративный атрибут *monatelang*, а также аспектуальные адвербиалы дуративной семантики *kürzlich*, *wenige Tage*, *über ein halbes Jahr*) актуализованы сопряженные дуративно-фазово-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования. В высказываниях (34–36) актуализация сопряженных итеративно-фазово-таксисных и итеративно-темпорально-таксисной категориальных ситуаций строгого следования детерминирована такими взаимодействующими семантическими элементами как итеративный адвербиал *wieder*, итеративный адъектив *heftig*, эгрессивно-фазовый адвербиал *endlich* и темпоральный адвербиал на основе календарного имени существительного *das Jahr* (см. адвербиал *im darauffolgenden Jahr* в примере 36).

Таким образом, особый сфокусированный ракурс рассмотрения таксиса сквозь призму межкатегориального взаимодействия позволяет констатировать, что взаимодействие таксиса с семантическими категориями аспектуальности и темпоральности специфицирует актуализацию различных вариантов примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования – темпорально-таксисных, дуративно-таксисных, итеративно-таксисных, фазово-таксисных и др. Речевая актуализация значений примарного таксиса является результатом межкатегориального взаимодействия таксиса с категориями темпоральности и аспектуальности. Темпорально-таксисные предлоги, темпоральные и аспектуальные (итеративные, фазовые) адвербиалы и атрибуты как общие языковые единицы интегративной зоны взаимодействующих функционально-семантических категорий выступают в качестве индикаторов сопряженных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

Библиография

1. Архипова И.В. Таксис и темпоральность в структуре поликатегориального комплекса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. №6. С. 130–135.
2. Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020а. 173 с.
3. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488с.
4. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
5. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017а. С. 234–242.
6. Кудинова Н.Л. Взаимодействие категорий таксиса и темпоральности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2(42). С. 95–98.
7. Кудинова Н.Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2(52). С. 115–117.

8. Пупынин Ю.А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике. С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996. С. 43–60.

9. Храковский В.С. Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола // Грамматические категории: иерархия и взаимодействие. Материалы докладов. Институт лингвистических исследований РАН. 2016. Издательство: «Нестор-история». Санкт-Петербург, 2016. С. 139–147.

10. Шустова С.В., Комиссарова Е.С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. №1 (2). С. 115–118.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемого труда обращает внимание на проблему таксиса в современном немецком языке. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы межкатегориального взаимодействия ряда семантических категорий в современных лингвистических исследованиях, выполненных с позиций функциональной грамматики. И как следствие отмечается, что «в фокусе данного исследовательского интереса находится описание речевой актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности (предшествования, следования), детерминированных тесными межкатегориальными связями вербальных функционально-семантических категорий». Материалом исследования являются немецкие высказывания с акциональными девербативами *die Trennung*, *die Scheidung* и темпорально-таксисными предлогами *bei*, *mit*, *seit*, *bis*, *nach*, *vor*. Методология анализа соотносится с современными научными тенденциями. Стиль данного труда соответствует собственно научному типу. Например, «темпорально-таксисные предлоги способны однозначно маркировать определенную разновидность или вариант примарно-таксисной категориальной ситуации. Термин темпорально-таксисный предлог более предпочтителен, так он интегрирует темпоральную семантику предлога и его функцию таксисного маркера...», или «адвербиалы времени, выступающие в функции темпоральных квантификаторов и темпоральных делимитаторов, конкретизируют «индивидуальное внутреннее время» соотносимых между собой в рамках единого временного интервала действий, процессов, состояний или событий с точки зрения их одновременного или разновременного протекания или осуществления. В качестве темпоральных квантификаторов выступают адвербиалы времени монокомпонентной и поликомпонентной структуры *jetzt*, *heute*, *gestern*, *damals*, *im v. vergangenen Sommer*, *im vergangenen Jahr*, *im darauffolgenden Jahr*, *im Oktober*, *Mitte Dezember*, *Ende Februar* и др.» и т.д. Иллюстративный фон объемов, цитации вводятся с учетом требований издания. Анализ проблемы по ходу текста делается достаточно подробно, автор внимателен к потенциально заинтересованному читателю: «в высказываниях (6–11) актуализованы темпорально-примарно-таксисные значения строгого следования, маркируемые темпорально-таксисным предлогом *nach*. В высказываниях (12–14) выражены темпорально-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого предшествования (см. пример 12) и нестрогого следования (см. примеры 13–14). В качестве индикаторов сопряженных темпорально-примарно-таксисных категориальных ситуаций выступают темпоральные адвербиалы *damals*, *im vergangenen Sommer*, *im*

vergangenen Jahr , im Oktober , Mitte Dezember , Ende Februar , vor eineinhalb Wochen , im Jahr 2016». Основная целевая составляющая достигнута, задачи решены, тема работы раскрыта. Выводы по тексту не противоречат основной части: «речевая актуализация значений примарного таксиса является результатом межкатегориального взаимодействия таксиса с категориями темпоральности и аспектуальности. Темпорально-таксисные предлоги, темпоральные и аспектуальные (итеративные, фазовые) адвербиалы и атрибуты как общие языковые единицы интегративной зоны взаимодействующих функционально-семантических категорий выступают в качестве индикаторов сопряженных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности». Материал может быть полезен при изучении современного немецкого языка. Список источников достаточен, разнотипность изданий учтена. Текст самостоятелен, интересен, научно оправдан, серьезная правка излишня. Рекомендую статью «Таксис через призму межкатегориального взаимодействия (на материале современного немецкого языка)» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щербакова М.В., Комлев Н.П. Медиалингвистические особенности текста настольной ролевой игры // Litera. 2024. № 3. С. 183–189. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70142 EDN: JBEWLZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70142

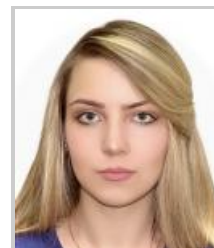
Медиалингвистические особенности текста настольной ролевой игры

Щербакова Милена Викторовна

преподаватель, кафедра русского языка № 5, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ milena_scherbakova@mail.ru

Комлев Никита Павлович

магистр, кафедра русского языка № 5, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nrk001@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70142

EDN:

JBEWLZ

Дата направления статьи в редакцию:

16-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Предметом исследования выступают медиалингвистические особенности текста настольной ролевой игры (НРИ). Цель работы – выявление сущностных признаков медиатекста и ответ на вопрос, можно ли считать медиасопровождение настольной ролевой игры медиатекстом. Несмотря на достаточную разработанность темы

медиакоммуникаций в интернете, материал исследования представляет собой малоизученное явление, не охарактеризованное с точки зрения лингвистического своеобразия. Материалом исследования послужили транскрипты сессий настольной ролевой игры «Dungeons & Dragons» из фрагментов телепередачи «Critical Role», размещенные в открытом доступе и реализуемые в формате шоу на стриминговых платформах. В ходе исследования было рассмотрено возникновение и развитие понятия медиатекста, было отмечено значительное расширение семантики данного термина в условиях глобализации СМИ. Далее были систематизированы типологические свойства медиатекста как объекта лингвистических исследований медиа и проведен анализ текста НРИ на соответствие имеющимся критериям. В статье использовался описательный и сравнительно-сопоставительный методы; статистический метод для оценки популярности НРИ. При работе с транскриптом игры были реализованы программные методы языка Python: для повышения наглядности и создания корректной текстовой расшифровки. В результате были сделаны выводы о наличии у медиасопровождения НРИ таких медиалингвистических черт, как массовость, коллективное авторство, гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность и поликодовость, что составило научную новизну исследования. Сопоставительный анализ по критериям позволил проследить качественные изменения в типологии медиатекстов, где в роли основной категории, детерминирующей особенности бытования текста, выступает не жанр, а формат, позволяющий тексту функционировать в виртуальном пространстве. Кроме того, была подчеркнута целесообразность расширения терминологического аппарата медиалингвистики, с чем коррелирует переход к изучению трансмедийного повествования в контексте предмета исследования. Результаты наблюдений могут быть применены для совершенствования текстопорождающей деятельности, непрерывно сопровождающей игровой процесс, а также могут быть использованы для проведения аналогичных исследований на основе речевого материала настольных ролевых игр.

Ключевые слова:

медиатекст, медиалингвистика, настольная ролевая игра, категория автора, гипертекстуальность, трансмедийность, жанр, формат, Подземелья и Драконы, стриминг

Начиная изучение медиалингвистических особенностей того или иного явления, следует указать, что, согласно общепринятой лингвистической парадигме, «в центре внимания при изучении медийной речи — медиатекст» [\[12, с.11\]](#). Впервые появившийся в зарубежной литературе во второй половине XX века, термин «медиатекст» активно функционирует в современном научном сообществе последние три десятилетия. Значимый вклад в изучение феномена медиатекста сделали Т. Г. Добросклонская, С. И. Сметанина, С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров и Г. Я. Солганик [\[3, 8-11, 20, 35-39, 45-46\]](#), работы которых заслуженно можно считать первооткрытием.

Будучи одной из основных медиалингвистических категорий, медиатекст получает разные определения, и время показывает, что наиболее удачными оказываются самые «широкие» дефиниции. В 1987 г. Л. М. Майдановой удалось выявить некоторые особенности текста СМИ, актуальные по сей день. Среди них «полиадресатность» или «полиадресность», социальная направленность, полифункциональность с ориентацией на информационное воздействие, а главное, свойства конденсированности (то есть свертывания до краткого текста) и ситуативности (отношения к ситуации) [\[27\]](#). Вероятно, последний термин здесь приводится в трактовке А. С. Штерна и Л. Н. Мурзина,

охарактеризовавших ситуативность как отнесенность текста к фрагменту внеязыковой действительности [31]. Для СМИ подобным фрагментом действительности являются обстоятельства, послужившие причиной порождения текста. С ними будут связаны и основные свойства медиатекста – массовость, коллективное авторство, гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность, открытость и интегративность, или поликодовость [9, 23-24, 44]. Очевидно, что в вышеупомянутой работе Л. М. Майдановой объект исследования не именовался «медиатекстом» — исследователь использовала понятие «газетный текст», что полностью соответствовало господствующему каналу и способу массового распространения информации на момент публикации статьи. В целом, на заре отечественной медиалингвистики теоретики весьма осторожно подходили к формулировке новых терминов и заимствованию англоязычных.

Так, С. И. Сметанина не формулирует дефиницию медиатекста, но изучает его в контексте культуры «в качестве источника получения информации о духовных импульсах и материальной сфере человеческой деятельности» [35, с. 78]. В. В. Богуславская свои исследования посвящает «журналистскому тексту» [50], Т. В. Шмелева проводит исследования «медийного текста» [48, с. 8], В. И. Коньков же и М. Ю. Казак, а также Д. Н. Шмелев и Г. Я. Солганик оперируют понятием «газетный» текст, который, впрочем, имеет свою специфику и может считаться своего рода «прародителем» изучаемого нами явления [15, 18, 38-40, 46]. Если обратиться к трудам пионеров и первопроходцев этой сферы [3, 38-39, 45] и проанализировать терминологию, можно заметить, что «media» и другие английские заимствования в них встречаются отнюдь не часто. Тем не менее, данный факт не умаляет достижений перечисленных ученых. Более того, в разных трудах, важных для медиалингвистики по сей день и повлиявших на становление медиатекстологии [11], языковеды при внедрении новых терминов сталкивались с необходимостью разграничивать те или иные явления, причем некоторые из них частично или полностью подразумевают современный медиатекст, другие же остаются самостоятельными понятиями гуманитарного знания. Это могли быть следующие термины: журналистский текст или газетный, публицистический или газетно-публицистический; язык СМИ или текст СМИ, медийный текст. Отношения гипонимии данных понятий с «новостным» текстом или, например, с «рекламным», которые позднее Т. Г. Добросклонская выделит как жанры медиатекста [10, с. 13], также оставляли много нерешенных вопросов. Введение в обиход лексемы «медиатекст» было необходимым по ряду причин: не только для построения терминологического аппарата относительно новой научной отрасли — медиалингвистики, но и во избежание логической путаницы. Явление, лаконично обозначаемое в наши дни, должно было «выкристаллизироваться», получить объективные основания на существование и на собственное, отчасти заимствованное из английского языка, наименование.

В связи с возросшей ролью интернет-ресурсов в массмедийной коммуникации, подавляющее большинство каналов продукции и распространения медиатекста находятся в интернет-пространстве. По этому поводу Н. А. Кузьмина дает интересный комментарий, предлагая использовать термин «веб-медиатекст», наиболее полно отражающий как сферу бытования текста («W W W»), так и «тип медиаканала» [24, с. 255]. Также она оправданно критикует громоздкие и тавтологичные образования наподобие «гипермедиатекста» и «интернет-медиатекста». Новым синонимом «веб-медиатекста» можно назвать появляющийся в статьях после 2020 г. «цифровой медиатекст» [28, с. 1014]. Такая атрибутивная конструкция тоже обладает маркером принадлежности к

коммуникативной среде. Однако на новый уровень выходит недавно появившееся понятие «трансмедiateкст» [7, 22, 33, 43]. На первый план в нем выносятся сочетание интерактивности, мультимедийности и полифункциональности вербального веб-пространства. Г. Н. Трофимова рассматривает данное явление в рамках «языка цифровых трансмедиа» [33, с. 757], демонстрирующего тенденции к универсализации и конвергенции, что непосредственно влияет на языковой «вкус» и стилистические предпочтения аудитории.

Перейдем к рассмотрению вопроса, действительно ли понятие медиатека требует дальнейшего расширения и корректировки. Обратимся к ставшему уже классическим определению Т. Г. Добросклонской: «Медиатека с точки зрения медиалингвистики — это актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [10, с. 30]. При формулировке дефиниции она предлагает делать упор не на поиск жанровой специфики медиатека, а на «формат» (или «медиаформат») ввиду его большей распространенности в соответствующей сфере, а также ввиду универсальности его применения в рамках различных подходов к описанию текстов. «Когда говорят формат телевизионного канала, формат радиопередачи, формат журнала, то имеют в виду именно устойчивое соединение определенных внешних признаков с устойчивыми компонентами содержания и стиля» [10, с. 55]. Правоту Т. Г. Добросклонской можно подтвердить качественным изменением области функционирования исследуемого явления: лексема «жанр» была широко применима в годы господства физических носителей информации – печатных, книжных и газетных материалов; однако при характеристике медиатека словоупотребление «формат» целесообразно ввиду современных особенностей его бытования – иначе потребовалось бы расширение термина «жанр». В наши дни можно говорить о развитии новых форматов внутри уже укоренившихся: это формат стрима как разновидности онлайн-трансляции, формат подкаста, формат сториз, формат блога [52, с. 22], [49, с. 70] или «блогоформат» [16], и т. п. Следовательно, надо признать, что на данном этапе, в связи с расширением медиакоммуникационных возможностей, расширяется и понятие медиатека. Причем обязательное наличие у него такой характеристики, как формат, подчеркивает зависимость феномена медиатека от экстралингвистических факторов: появился новый формат трансляции текстовых сообщений – расширилось медиатековое содержание сетевых текстовых ресурсов.

В данном абзаце так же, как и в предыдущем, под форматом имеется в виду сочетание формальных и содержательных аспектов. Получается, что выход той или иной активности в массмедиа, представление ее в новом формате дает исследователям медиакоммуникаций новую пищу для размышлений, не только привлекая внимание к содержательной стороне этой активности, но и придавая ей междисциплинарную проблематику. Так произошло со сферой настольных ролевых игр. Возникновение стримингового формата, или формата стрима (от англ. stream – «поток»), позволило преодолеть сиюминутность, однократность и невозпроизводимость (творимость) ролевой игры. Изначально стрим был создан для «удаленной доставки зрителям и слушателям мультимедийных медиапродуктов в режиме реального времени» [29, с. 77]. Затем, для адаптации данного формата под потребности широкого зрителя и благодаря техническим мощностям, стримы стали храниться на платформах в виде воспроизводимых записей, тем самым обеспечивая пользователю возможность ознакомиться с контентом в любое время (наиболее популярные сервисы – «YouTube» и «Twitch»). У многих видеозаписей стримов даже присутствует транскрипт – текстовая расшифровка, сгенерированная

автоматически с помощью системы распознавания речи. Интересна разнородность в этой отрасли, вероятно, обусловленная зрительскими предпочтениями: в наше время одни стримы уже переходят в формат шоу, другие демонстративно отрицают временные или сюжетные ограничения, третьи поддерживают мультiformатность. По мнению М. Д. Болычевой, стриминговое вещание является «не просто отдельным видом вещания, который активно используется средствами массовой информации, но и полноценным социально-культурным феноменом, определяемым особенностями цифровой эпохи, спецификой новых форм взаимодействия современных СМИ с аудиторией, особой ролью потребителя как создателя контента» [\[5, с. 160\]](#).

Замечание о роли потребителя и создателя для текущего исследования особенно важно и заслуживает отдельного комментария. Во-первых, стриминговый формат обладает неоспоримым преимуществом мгновенной обратной связи, позволяя аудитории реагировать на происходящее по ту сторону экрана, отвечать на вопросы организаторов стрима, оставляя комментарии непосредственно во время трансляции. Иногда автор даже успевает выборочно читать ответы зрителей и, в свою очередь, отвечать желаниям аудитории (в контексте настольной ролевой игры это может быть выбор сюжетного поворота, типа конфликта, его развязки, так называемой «хорошей» или «плохой» для персонажей концовки). Как правило, авторский отклик воспринимается потребителем контента как большая удача или как поощрение, вызывает бурную эмоциональную реакцию, формируя у пользователя ощущение собственной уникальности, а также причастности к организаторам процесса стрима или шоу в целом. Зрители настольной ролевой игры в такой момент испытывают большее погружение в игровой процесс, поскольку стирается грань между автором и зрителем, сокращается дистанция между говорящим и реципиентом, особенно при обращении к комментатору по имени и во втором лице. Психологами было неоднократно отмечено: возможность мнимого выбора производит глубокое впечатление на человека, что активно используется во многих видеоиграх [\[4\]](#). Во-вторых, для настольной ролевой игры характерно коллективное авторство, ее авторами являются и мастер (ведущий игры), и игрок, то есть все участники выступают в роли создателей и потребителей контента одновременно. «Само создание истории происходит прямо в процессе игры, а авторами являются как игроки, так и мастер», – пишет О. И. Нефедова в статье, посвященной сторителлингу в настольной ролевой игре «D&D» («Dungeons and Dragons» – «Подземелья и Драконы») [\[32, с. 101\]](#).

Прежде чем перейти к анализу языковой специфики повествования НРИ, следует отметить актуальность субкультуры настольных ролевых игр как в СНГ, так и в дальнем зарубежье. В настоящее время данная субкультура столь разнообразна, что насчитывается около трехсот официальных издательств, выпускающих настольные ролевые игры на основе сотни различных игровых систем (List of tabletop role-playing games. Role-playing game-related lists: Wikipedia, the free encyclopedia. 2024. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_tabletop_role-playing_games accessed: 22.02.2024). Наиболее весомый вклад в развитие данного направления внесла игра «D&D» – «Подземелья и Драконы». Появление этой системы в 1974 г. в США (авторы Гэри Гайгэкс и Дэйв Арнесон) ассоциируется в общественном сознании с зарождением движения НРИ в целом. В XX веке было положено начало квази-средневекового фэнтези в художественном направлении массовой культуры – неслучайно оригинальная версия игры выпускалась именно в данном жанре. Первые ролевые игры живого действия («LARP» – live-acting role playing game) стали проводиться примерно в то же время. Во второй половине XX века впервые появились тактические настольные игры, называемые

«варгеймами» (англ. «wargame» – военная игра), на основании которых и была разработана «D&D».

Стремительный рост популярности ролевого движения в странах СНГ произошел вследствие развития массмедиа. В начале 2010-х гг. настольные ролевые игры оставались нишевым хобби, однако с 2020 г. такие проекты, как «Подземелья Чикен Карри» (шоу на платформе «Youtube»), «Грядут приключения», «Sneaky Dice» (каналы на платформе «Youtube») демонстрируют следующие показатели:

- 1) каждый выпуск «Подземелий Чикен Карри» собирает в среднем по 3,3 млн просмотров (всего 23 выпуска);
- 2) канал «Грядут Приключения» с апреля 2021 г. набрал 120 тыс. подписчиков;
- 3) канал «Sneaky Dice» с апреля 2021 г. набрал 75,5 тыс. подписчиков (данные каналов платформы «Youtube»).

Чтобы отразить рост популярности YouTube-каналов, посвященных НРИ, были собраны данные с аналитического веб-сайта «Social Blade» (Social Blade. Social media analytics website. Raleigh, North Carolina United States. 2024. URL: <https://socialblade.com/> accessed: 01.03.2024), позволяющие проследить динамику увеличения числа подписчиков (Таблица 1). В свою очередь, аудиторию указанных каналов предлагается рассматривать в качестве сообщества представителей субкультуры НРИ, наиболее полно репрезентирующего их генеральную совокупность.

Таблица 1. Количество подписчиков наиболее популярных каналов по НРИ на платформе YouTube

Дата	«Вечерние кости», чел.	«Грядут Приключения», чел.	«Sneaky Dice», чел.	«Living Room Studio», чел.
апр.21	36281	9955	5200	21283
июн.21	39404	12264	9110	21887
авг.21	41631	16217	11823	22691
окт.21	43360	20363	15131	23091
дек.21	44790	23827	17434	23593
фев.22	46021	27144	19831	23993
апр.22	46854	29152	22135	24393
июн.22	48483	32518	26045	24993
авг.22	50212	37060	31260	25593
окт.22	50348	40181	35089	26095
дек.22	51081	42714	40112	26697
фев.23	51615	46269	45048	27497
апр.23	52149	48067	48355	27998
июн.23	52782	50355	51663	28400
авг.23	53216	52643	55372	28803
окт.23	54053	70909	63798	29605
дек.23	54478	101036	68402	30107
фев.24	55112	122341	75523	30711

В среднем за два года популярность наиболее просматриваемых каналов выросла на 278,2% (Рис. 1).

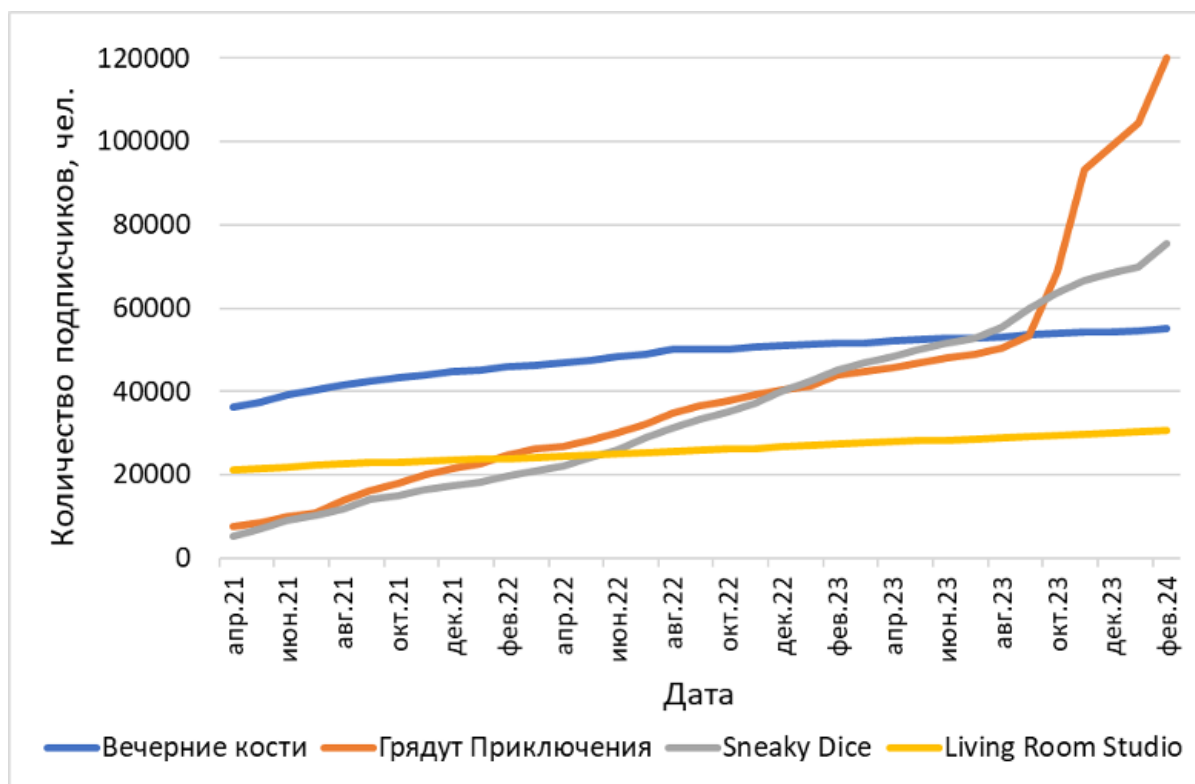

Рис. 1. Линии роста количества подписчиков наиболее популярных каналов по НРИ на платформе YouTube

По результатам опроса организаторов крупнейших НРИ-пространств «ДАНЖ» и «Врата героев», с выходом отечественных игровых трансляций на популярные стриминговые платформы количество игроков в городе Москва возросло в 3 раза за последние 3 года (источники: Интерактивно-приключенческий театр «Врата героев»: официальный сайт. – Москва, 2024. URL: <https://heroesgate.ru/> дата обращения: 22.02.2024. Клуб настольных ролевых игр «Данж»: официальный сайт. – Москва, 2024. URL: danj.ru дата обращения: 22.02.2024).

Наиболее распространенная концепция игры заключается в наличии нескольких участников, которые в устной форме описывают действия подконтрольных им персонажей, в то время как мастер игры («GM» – game master) отвечает за конструирование воображаемого игрового мира и озвучивает реакцию на действия игроков. Для оценки успеха того или иного действия частым инструментом выступают игральные кости с различным количеством граней. Кости необходимы для внесения элемента случайности в происходящие события. В современной культуре НРИ принято выделять три школы, на которые делятся игровые системы: старая школа (oldschool), средняя школа (midschool) и новая школа (newschool). Главными критериями дифференциации выступают, во-первых, степень незыблемости правил: в играх старой школы возможность и порядок совершения любых действий определяется правилами, в играх новой школы правила наиболее гибки и сводятся до уровня рекомендаций. Во-вторых, важный критерий – уровень концентрации так называемых нарративных прав в руках мастера (в играх старой школы большая часть прав принадлежит мастеру игры, в играх новой школы роль мастера иногда вовсе нивелируется).

Рассмотрение медиалингвистических особенностей настольной ролевой игры подразумевает, что в распоряжении исследователя есть текст, то есть транскрипт этой игры. Обратимся к тексту американского шоу «Critical Role» (2015 – настоящее время), аналогичному вышеупомянутым русскоязычным каналам (Critical Role. Weekly

livestreamed show. 2024. URL: <https://critrole.com/shows/critical-role/> accessed: 28.02.2024). Сделанный выбор обусловлен, во-первых, удобством автоматизации текстовой обработки, во-вторых, тем, что участники «Critical Role» – профессиональные актеры озвучивания. Благодаря развитому функционалу платформы «Youtube», текстовая расшифровка большинства игр находится в открытом доступе, более того, она может быть предоставлена на разных языках. Однако данные транскрипта не были бы наглядны без предварительной обработки, поэтому для структуризации лингвистического материала большого объема была проведена автоматизированная обработка данных посредством алгоритмов, написанных с помощью языка программирования Python. Структуризация также предоставляет возможность для дальнейшей разметки текста, способствующей проведению машинного анализа естественного языка. Таким образом, с материалом исследования можно ознакомиться по ссылке:

<https://drive.google.com/file/d/1GNPisg1ZDfJxq8QakfZ14cSXbhKxGNgE/view?usp=sharing>

Перейдем к рассмотрению ключевых категорий медиатекста применительно к вербальному медиасопровождению настольной ролевой игры на основе собранного текстового материала. Будучи объектом медиалингвистики [24, с. 11], ее базовой категорией [10, с. 26] и основной формой взаимодействия производителя контента с потребителем [34, с. 98], медиатекст обладает рядом отличительных особенностей. Анализ медиалингвистических типологий и критериев выделения медиатекста показывает, с одной стороны, отсутствие единства классификации, с другой стороны – широкий диапазон гипотетических признаков.

Обратимся к ряду общепризнанных типологических описаний, сформулированных отечественными медиалингвистами – Т. Г. Добросклонской, Н. А. Кузьминой, Г. Я. Солгаником, Н. В. Чичериной [8-10, 24, 36, 44]. «Специфика медиатекстов определяется, прежде всего, тем, что они рассчитаны на массовую аудиторию», – именно такую черту, как **массовость**, подчеркивал Г. Я. Солганик, называя ее первой характеристикой при формулировке собственной дефиниции [36, с. 11]. Здесь он ссылаясь на авторитетное мнение Ю. М. Лотмана о принципиальном различии персональной коммуникации и массовой [36, с. 11]. Переход к иной адресности текста оказывает непосредственное влияние на **категорию авторства**. Сначала исследователями отмечалось совмещение автора «частного» и автора «социального» в личности одного человека – создателя текста [37, с. 17], далее речь уже шла о коллективном производстве медиапродукта [24, с. 12], наличии «коллегиального» автора (мнение Е.П. Прохорова [12, с. 17], Н. А. Кузьминой [24, с. 17]), или, что более употребительно, – «коллективного» [1, с. 75], [10, с. 35], [44, с. 162], [51, с. 325]. Усложнение категории авторства Т. В. Шмелева связывает с «увеличением числа голосов» (по М. М. Бахтину), дифференцируя уровень проявленности чужого голоса в медиатексте на усложнение первой, второй или третьей степени [47, с. 11].

Касательно игровой коммуникации, ее массовость обусловлена вышеописанным появлением новых «жанров-форматов» [10, с. 40], их широким распространением, а также выходом НРИ на стриминговые сервисы и их обретением элементов жанра шоу. **Коллективное авторство** же доказывается при анализе роли потребителя и создателя, взаимодействие которых представляется актуальным феноменом постмодернизма: читатель становится «участником условной коммуникации» [30, с. 85]. Благодаря мгновенному характеру обратной связи диалогические отношения между авторским «Я»

и читательским трансформируются, автор и читатель становятся «равноправными партнерами в процессе диалогических отношений» при генерации игрового нарратива [17, с. 12], «Я и Другой могут меняться местами» [17, с. 12]. Вышеупомянутое нивелирование прежде доминировавшего мастера позволяет всем игрокам выступать равноправными авторами творимой ими игровой действительности.

В анализируемых нами играх взаимопроникновение идей автора-мастера и игрока-персонажа осложняется присоединением к их диалогу зрителя-комментатора. «Массмедиа не только распространяют информацию, но и оказывают значительное влияние на свою аудиторию по всему миру» [19, с. 23], причем они нередко «отталкиваются от желаний самих потребителей контента, особенно в Интернете» [32, с. 102]. Так, не без влияния интернет-коммерции, возникает возможность говорить об уникальном виде коллективного авторства, имеющего уже не диалогический, а полилогический характер. По словам И. В. Ерофеевой, «медiateкст склонен к синтезу и гармонизации индивидуального и социального, он одновременно открывает аудитории неповторимый творческий потенциал автора, "уподобляясь автономной личности", и демонстрирует самобытность национального мировосприятия, приобретая черты модели культуры» [13, с. 10]. Действительно, благодаря трехуровневому коллективному авторству в тексте НРИ отражается расширенный спектр образов и аллюзий, отсылок и прецедентных текстов. Интертекстуальные возможности в современных играх уже столь обширны, что становятся темой отдельного научного исследования [42]. «D&D» в этом плане, с точки зрения когнитивного литературоведения, использует не только феномены прецедентности, но и «мифологические модели» разных культурных традиций» [32, с. 102].

Упоминание о наличии в тексте НРИ разного рода гиперссылок позволяет перейти к следующей черте медиатекстов – **гипертекстуальности**. Как и большинство игр в квази-средневековом антураже, «D&D» опирается на классические фэнтезийно-приключенческие сюжеты, часто с элементами детектива, хоррора или мистики. Всевозможные архетипы, штампы и клише находят широкое применение в игре, а с точки зрения ономазиологии практически каждый оним несет в себе гиперссылку, как правило, на литературное произведение или культурный артефакт, а иногда – на что-то локально известное в игровом сообществе, к примеру, на определенный момент предыдущей игры. Кроме гипертекстуальности И. Д. Фомичева и М. М. Лукина называют ключевыми признаками всех медиа **интерактивность и мультимедийность** [25]. Интерактивность, представляющая собой взаимодействие участников медиакommunikации, характерна для трансляции НРИ (она проиллюстрирована выше примером комментирования стрима). Установленный таким образом контакт автора, участников игры и зрителя можно считать интерактивной деятельностью, эмоциональным и информационным обменом. Мультимедийность сопровождения НРИ не оставляет сомнений: медиатекст может быть воспринят посредством разных каналов одновременно – визуального, вербального, аудиального – так же происходит перцепция игровой системы. Еще до появления цифровых технологий ведущие игр использовали для украшения своего повествования разные изображения (иконические знаки, карты местности), звуковые эффекты, музыку. Иными словами, креолизованный текст («текст, состоящий из вербальной и невербальной (изображение) частей» [41, с. 9]) всегда был средством более углубленного погружения в игру. Более того, можно утверждать, что синкретичность, подразумевающая сочетание разных форм художественного творчества, и мультимедийность, указывающая на многообразие перцептивных каналов, стали одними из первых отличительных особенностей НРИ.

М. Ю. Казак добавляет к перечню И. Д. Фомичевой и М. М. Лукиной такие категории, как **открытость и интегративность**, или поликодовость [\[14, с. 323\]](#). Открытость медиатекста, по мнению ученых, соотносится с категорией его интертекстуальности [\[23, с. 16\]](#), [\[2, с. 110\]](#). Сфера функционирования медиатекста как семиотического явления – глобальное информационное пространство, поэтому он приобретает вышеописанные свойства, а также становится поликодовым (интегративным) [\[24, с. 15\]](#). В свою очередь, НРИ конструирует особую семиотическую систему, насыщенную конвенциональными знаками, многие из которых можно дешифровать исключительно внутри игрового сообщества. Тем самым усвоение правил игры осложняется рядом незнакомых многозначных терминов, «ложных друзей» новичка; повышается «порог вхождения» новых пользователей в сообщество. К примеру, «инициативой» в «D&D» называется показатель очередности хода в боевой сцене. Среди всех числовых значений игрового кубика числа 20 и 1 – критические знаки, «крыты», после выпадения которых следует подробное описание сцены успеха или провала. Смена освещения или музыки сообщает игрокам о начале нового этапа и т. д.

В классификации Н. А. Кузьминой [\[24, с. 11-17\]](#) приведено еще несколько признаков медиатекста, актуальных для транслируемой в массы настольной ролевой игры: одноразовость и невозпроизводимость; опосредованность коммуникации и особый характер обратной связи; производство «на поток», значимость технических средств трансляции (ее формата), а также экономический параметр.

Все перечисленное характерно для медиасопровождения ролевой игры. Так, опосредованность коммуникации техническими инструментами – современными компьютерными ресурсами – создала условия для трансляции медиаречи через интернет, и тогда стала возможной популяризация так называемых «жанров-форматов» (стрим, инфотейнмент и др. [\[10, с. 40\]](#)). Одноразовость и невозпроизводимость игрового момента были преодолены только благодаря развитию технологий записи и транскрибирования, что сделало возможным и проведение данного исследования. Однако с точки зрения пребывания записи игры в информационном потоке эти признаки до сих пор актуальны – здесь подразумевается сиюминутность роли того или иного выпуска в бездне интернет-контента, полное подчинение правилу быстротечности феноменов информационной культуры. В современных реалиях экономический параметр, тесно связанный с производством «на поток», занимает не последнее место и при производстве НРИ, оказывая влияние как на содержание, так и на способ воплощения игр: вследствие монетизации онлайн-платформ авторы игровых трансляций стали задумываться об удержании зрительского внимания, что привело к внедрению элементов жанра шоу (медиатекст «третьего порядка» по Т. Г. Добросклонской [\[10, с. 42\]](#)), разбиению многочасовых игр на серии, обращению к форматам «shorts» и «stories», а также к разным маркетинговым ходам. Потребительский запрос на продолжение повествования послужил почвой для порождения сиквелов, приквелов и другого гипертекстового контента в фан-сегменте. О характере обратной связи уже было сказано в примере с комментированием, откуда можно сделать вывод, что его специфика, прежде считавшаяся «отложенной», отсутствующей или подобной имитации общения [\[6, с. 102\]](#), в наши дни приобретает все большую непосредственность, а «отложенность» коммуникации сокращается до времени пинга, то есть до нескольких миллисекунд (пингом называется промежуток времени, за который сообщение доставляется с компьютера на сервер, в нашем случае это будет время, необходимое для доставки комментария от адресанта и адресату, от комментатора к стримеру).

Итак, сопоставительный анализ демонстрирует определенную корреляцию транскрипта игры с медиатекстом. Более того, для обоих явлений характерны «принцип вращающейся двери» и «принцип вхождения в роль» [\[1, с. 75\]](#). Первый подразумевает периодическое повторение одной и той же информации, использование схожих сюжетов или однотипных структур для создания эффекта новизны и значимости сообщения. В результате возможно появление новых «мифологем языковой личности» [\[1, с. 76\]](#). В фанатском дискурсе это, как правило, фэнтезийные, гротескные образы, паремииологические единицы, шутивно-игровые речевые произведения, анекдотичные истории. Второй принцип является системообразующим в НРИ и позволяет адресату ощутить себя в театре «настольно-ролевых» действий, проникнуться собственной причастностью к происходящему.

Развивая мысль о том, что массмедийные тексты, несмотря на мнимую невозможность сведения их к единому вектору, все же обладают общими чертами, В. Г. Костомаров утверждал: «Все они одинаково непредсказуемы по содержанию и одинаково рассчитаны на непредсказуемую массовую аудиторию, контакт с которой технически опосредован» [\[21, с. 188\]](#). Невозможность предугадать развитие событий – один из основных импульсов, увлекающих человека в мир НРИ и предлагающих претворить в жизнь любые фантазии. Воплощение же достигается посредством современных технологий и даже инновационных нейросетевых ресурсов, что ещё больше стимулирует интерес и вовлеченность игроков при постоянном колебании между игровым и действительным, реальным и нереальным, а такое колебание характерно для культуры метамодерна.

Таким образом, текст настольной ролевой игры можно отнести к категории медиатекстов, что доказывается соответствием основных сущностных признаков изучаемых явлений. Медиатексты включают в себя разные формы коммуникации и разные каналы передачи информации, сочетая вербальные и невербальные; аудиальные и визуальные элементы. Текст ролевой игры насыщен описаниями мира, персонажей, диалогами и правилами – все перечисленное представляет собой основные игровые компоненты, для эффективной реализации которых требуется особое, синкретичное, «креолизованное» выражение. Отражая взаимодействие всех участников НРИ, текст ролевой игры является одним из основных средств игровой коммуникации, и его можно рассматривать как форму медиатекста. Но сам по себе текст НРИ становится медиатекстом только в тот момент, когда начинает транслироваться в массы с использованием стриминговых платформ с функцией транскрибирования – именно тогда появляется возможность текстовой «инкапсуляции» мысли «человека играющего», следовательно, возникает и возможность рефлексивного анализа языкового материала. В этом плане текст НРИ выходит на новый, «трансмедийный» уровень, подразумевающий «трансмедийный нарратив» как повествование, которое развивается в нескольких средах, где «каждая сюжетная линия вносит особый и ценный вклад в общее повествование» (по Г. Дженкинсу). Эта новая форма повествовательной деятельности делает возможным переход от «индивидуального и пассивного потребления к коллективному и активному развлечению» [\[53, с. 35\]](#).

Библиография

1. Антонова Л.Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / Отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 74-80.
2. Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 99-117.

3. Бернштейн С.И. «Язык радио». АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1977. – 46 с.
4. Бозаджиев В.Л. Электронные аддикции, их виды и психологические характеристики // Теоретические и прикладные проблемы науки о человеке и обществе: социальный, правовой, экономический аспекты под общей ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: Изд. Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. С. 127-149.
5. Большаева М.Д. Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // Коммуникология. Т. 6, № 4. 2018. С. 159-169.
6. Васильева Е.Н. Интерактивность сетевых СМИ: функциональные задачи и формы // Вестник Южно-Уральского Государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. Т. 22, № 3. С. 102-107.
7. Деминова М.А., Харькова Д.В. Определение трансмедиа текста // Медиаисследования. 2020. № 7. С. 96-103.
8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
9. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. – 264 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Татьяна Добросклонская. – [б. м.]: [б. и.], 2020. – 180 с.
11. Добросклонская Т.Г. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2023. Т. 26, № 4. С. 118-135.
12. Дускаева Л.Р., Цветова Н.С. Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / Отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. – 250 с.
13. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.: дис. док. Фил. Наук: 10.01.10 / Ерофеева Ирина Викторовна ; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2010. С. 10.
14. Казак, М.Ю. Специфика современного медиатекста / М.Ю. Казак; НИУ БелГУ // Лингвистика речи. Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – Москва, 2012. – С. 320-334.
15. Казак М.Ю. Язык газеты: учеб. пособие. Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.
16. Карякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. №1. – 28 с.
17. Кондаков Б.В., Абрамова В.С. Автор и читатель в пространстве художественного текста // Филологические заметки. 2009. Т 1. С. 10-12.
18. Коньков В. И. Речевая структура газетного текста / Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. – 158 с.
19. Короткевич Д.О. Особенности языковой концептуализации образа зарубежного государства в американских СМИ // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сб. науч. тр. по лингвистике и литературоведению. Московский городской педагогический университет. М., 2021. С. 23.
20. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Москва: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
21. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 188.
22. Краснаярова О.В. Новые термины в теории журналистики и массовой коммуникации: процессы формирования и принципы функционирования // Вопросы теории и практики

журналистики. 2015. № 3. С. 229-238.

23. Кузнецова А.В. К определению понятия медиатекста // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №5. С. 141-145.

24. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учебное пособие / Отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

25. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 87 с.

26. Маевская А.Ю. Интенциональные особенности медиатекста в глянцевого журнале // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 62-64.

27. Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста: средства выразительного письма. Красноярск, 1987. – 180 с.

28. Мальцева Я.В. Массовая коммуникация как пространство для новых медиатекстов и медиаконструкций // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации: сборник трудов XXIII Международной научной конференции (6–8 февраля 2020 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 1014-1028.

29. Мирошник М.А. Формирование стрима как нового медиаформата распространения информации взаимодействия с аудиторией. Игровые и неигровые стримы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 76-82.

30. Моташкова С.В. Диалог автора и читателя в постмодернистском лингвоэстетическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 85-89.

31. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие / Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.

32. Нефедова О. И. Особенности сторителлинга в настольной ролевой игре Dungeons & Dragons // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 1. С. 97-103.

33. Параккини Л., Трофимова Г.Н. Функционально-семантические доминанты языка цифровых трансмедиа в контексте актуальных проблем межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023 Т.14 №3. С. 757-768.

34. Селютин А.А. Медиалингвистика и медиатекст: теория и практика // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. №22-2. С. 97-99.

35. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры. СПб., 2002. – 383 с.

36. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2005. №2. С. 7-15.

37. Солганик Г.Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиамир, 2007. С. 17-18.

38. Солганик Г.Я. О языке газеты: учеб.-метод. пособие для студентов-заочников фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Науч.-метод кабинет по заоч. и вечернему обучению Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 48 с.

39. Солганик Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.01.10) / [МГУ]. Фак. журналистики. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 53 с.

40. Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров / Г. Я. Солганик, М. К. Милых, В. П. Вомперский и др.; под ред. Д. Э. Розенталя. Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 229 с.

41. Сорокин Ю.А, Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция //

Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 9-15, 180-181.

42. Харлашкин М.Н. Интертекстуальность в англоязычных компьютерных играх // Вестник МПГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. С. 108-113.

43. Харькова Д.В. Определение трансмедиа текста и принципы его формирования // Медиа реальность XXI века: эпоха глобальных реформ. Материалы I международной научно-практической конференции. Москва, 2021. Издательство: МПГУ, 2021. С. 152-158.

44. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Выпуск № 47. Том 9. 2007. Вып. №47. С. 159-165.

45. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы / АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1977. – 168 с.

46. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. Москва: Яз. славян. культуры, 2002. – 887 с.

47. Шмелева Т.В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: труды и материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции 30 сентября – 2 октября 2010 г.: 2-х частях / РОПРЯЛ; Союз журналистов Тюменской области; под ред. О.В. Трофимовой. – Тюмень: Мандр и К°, 2010. – Ч. 2. – С. 207-215.

48. Шмелева Т.В. Медийное речеведение // Электронный сборник статей за 2010-2012 гг. «Медиа лингвистика – XXI век». Новгород: 2012. – 66 с.

49. Auker Ed. S., Lauridsen P.S., Rasmussen A. J. Genre and: Copenhagen Studies in Genre 2. Copenhagen: Forlaget Ekbátana, 2015. P. 70.

50. Boguslavskaya V.V. Synergetic especially journalistic text. Proceedings of Institute of Management and Innovation of the aviation industry, 2006. Pp. 1-5, 96.

51. Galison P., Biagioli M. The Collective Author // Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science, Routledge, New York and Oxford. 2018. №5. Pp. 325-353.

52. Herring S.C., Paolillo J.C. Gender and Genre Variation in Weblogs. Indiana University, Bloomington. In press. Journal of Sociolinguistics. 2006. Pp. 22.

53. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York University Press, 2006. P. 35.

54. Muhammad T. A., Abdul G. A., Ghulam A. Textual Analysis of Print Media Text Discourse // New Media and Mass Communication. 2016. V. 50. Pp. 15-20.

55. Peng Chun-Yi. The effects of media exposure and language attitudes on grammaticality judgments // Global Chinese. 2020. 6 (1). Pp. 69-95.

56. Pan J. Language, Media and Politics: The Pragmatics of Political Discourse // Bandung: Journal of the Global South. 2018. 5. Pp. 1-34.

57. Hauser S., Luginbühl M. Contrastive Media Analysis: Approaches to linguistic and cultural aspects of mass media communication. John Benjamins Publishing, 2012.

58. Oroujlou N. The Importance of Media in Foreign Language Learning // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 51. Pp. 24-28.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Понятие «текст» в современных условиях развития научной мысли размыто, что вполне логично, ибо подключение смежных уровней, в частности, медийных позволяет этому следовать. Изучению медиа лингвистических особенностей текста посвящено достаточно большое количество работы, однако, диалог продолжается, причем в конструктивно

выверенном ритме. Не лишена подобных вариаций и рецензируемая статья; считаю, что предмет исследования конкретен, точен, база же анализа – «настольные ролевые игры» – придает работе новизну и актуальность. Автор отмечает, что «текст настольной ролевой игры можно отнести к категории медиатекстов, что доказывается соответствием основных сущностных признаков изучаемых явлений. Медиатексты включают в себя разные формы коммуникации и разные каналы передачи информации, сочетая вербальные и невербальные; аудиальные и визуальные элементы. Текст ролевой игры насыщен описаниями мира, персонажей, диалогами и правилами – все перечисленное представляет собой основные игровые компоненты, для эффективной реализации которых требуется особое, синкретичное, «креолизованное» выражение». С данным наблюдением, констатацией, скорее всего, можно согласиться, так как учитывается и ситуация, и тип контакта, и целевая составляющая. Представленный к публикации материал достаточно плотен в режиме подачи данных, информативен, содержателен. Исследователь не дробит текст на фрагменты, что, может быть, и правильно, цельный вид анализа есть парадигма колебаний различных точек зрения на «медиатекст»: «впервые появившийся в зарубежной литературе во второй половине XX века, термин «медиатекст» активно функционирует в современном научном сообществе последние три десятилетия. Значимый вклад в изучение феномена медиатекста сделали Т. Г. Добросклонская, С. И. Сметанина, С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров и Г. Я. Солганик, работы которых заслуженно можно считать первооткрытием», «будучи одной из основных медиалингвистических категорий, медиатекст получает разные определения, и время показывает, что наиболее удачными оказываются самые «широкие» дефиниции. В 1987 г. Л. М. Майдановой удалось выявить некоторые особенности текста СМИ, актуальные по сей день. Среди них «полиадресность» или «полиадресность», социальная направленность, полифункциональность с ориентацией на информационное воздействие, а главное, свойства конденсируемости (то есть свертывания до краткого текста) и ситуативности (отношения к ситуации)» и т.д. В статье довольно много отсылок, цитаций, хорошо, что первоисточники взяты за основу, именно они определяют достоверность наблюдений. Методология исследований традиционна, не исключен компаративный принцип, принцип системной аналитики, введена и т.н. статистическая формация, которая объективирует динамику интереса к «настольным ролевым играм», а также «изучению медиатекста, который является панорамным для указанного типа развлечений». Стиль работы ориентирован на научный тип, основной круг понятий унифицирован: например, «введение в обиход лексики «медиатекст» было необходимым по ряду причин: не только для построения терминологического аппарата относительно новой научной отрасли — медиалингвистики, но и во избежание логической путаницы. Явление, лаконично обозначаемое в наши дни, должно было «выкристаллизироваться», получить объективные основания на существование и на собственное, отчасти заимствованное из английского языка, наименование», или «надо признать, что на данном этапе, в связи с расширением медиакоммуникационных возможностей, расширяется и понятие медиатекста. Причем обязательное наличие у него такой характеристики, как формат, подчеркивает зависимость феномена медиатекста от экстралингвистических факторов: появился новый формат трансляции текстовых сообщений – расширилось медиатекстовое содержание сетевых текстовых ресурсов», или «у многих видеозаписей стримов даже присутствует транскрипт – текстовая расшифровка, сгенерированная автоматически с помощью системы распознавания речи. Интересна разнородность в этой отрасли, вероятно, обусловленная зрительскими предпочтениями: в наше время одни стримы уже переходят в формат шоу, другие демонстративно отрицают временные или сюжетные ограничения, третьи поддерживают мультиформатность» и т.д. Анализируемые данные по определению

открыты, что и хорошо: «стремительный рост популярности ролевого движения в странах СНГ произошел вследствие развития массмедиа. В начале 2010-х гг. настольные ролевые игры оставались нишевым хобби, однако с 2020 г. такие проекты, как «Подземелья Чикен Карри» (шоу на платформе «Youtube»), «Грядут приключения», «Sneaky Dice» (каналы на платформе «Youtube») демонстрируют следующие показатели: 1) каждый выпуск «Подземелий Чикен Карри» собирает в среднем по 3,3 млн просмотров (всего 23 выпуска); 2) канал «Грядут Приключения» с апреля 2021 г. набрал 120 тыс. подписчиков; 3) канал «Sneaky Dice» с апреля 2021 г. набрал 75,5 тыс. подписчиков (данные каналов платформы «Youtube»)». Аналитика работы сводится в полновесный, целостный блок; считаю, что и аргументации вполне достаточно. Отсылки к информационным ресурсам актуальны: «по результатам опроса организаторов крупнейших НРИ-пространств «ДАНЖ» и «Врата героев», с выходом отечественных игровых трансляций на популярные стриминговые платформы количество игроков в городе Москва возросло в 3 раза за последние 3 года (источники: Интерактивно-приключенческий театр «Врата героев»: официальный сайт. – Москва, 2024. URL: <https://heroesgate.ru/> дата обращения: 22.02.2024. Клуб настольных ролевых игр «Данж»: официальный сайт. – Москва, 2024. URL: danj.ru дата обращения: 22.02.2024)». Думаю, что ряд позиций, которые обозначены в статье могут быть расшифрованы / раскрыты в тематически смежных исследованиях. Например, «массмедийные тексты, несмотря на мнимую невозможность сведения их к единому вектору, все же обладают общими чертами, В.Г. Костомаров утверждал: «Все они одинаково непредсказуемы по содержанию и одинаково рассчитаны на непредсказуемую массовую аудиторию, контакт с которой технически опосредован». Невозможность предугадать развитие событий – один из основных импульсов, увлекающих человека в мир НРИ и предлагающих претворить в жизнь любые фантазии. Воплощение же достигается посредством современных технологий и даже инновационных нейросетевых ресурсов, что ещё больше стимулирует интерес и вовлеченность игроков при постоянном колебании между игровым и действительным, реальным и нереальным, а такое колебание характерно для культуры метамодерна». Основная тема работы раскрыта, поставленный вектор задач решен; материал имеет как практическую, так и теоретическую значимость. Список источников объемлен, основные требования издания учтены. Рекомендую статью «Медиалингвистические особенности текста настольной ролевой игры» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Казакова И.Е. Проблемы перевода национально-культурного компонента (на материале новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд) // Litera. 2024. № 3. С. 190-194. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.69955 EDN: IFLVTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69955

Проблемы перевода национально-культурного компонента (на материале новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд)

Казакова Ирина Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-7838-994X

Преподаватель, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков
Российского университета дружбы народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 7, оф. 552

✉ irina_komleva@inbox.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.69955

EDN:

IFLVTA

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Данное исследование посвящено особенностям лексического перевода в контексте национально-культурной самобытности территориального диалекта английского языка региона Окленд в Новой Зеландии. Его актуальность обусловлена многогранностью взаимодействия наций и интенсивностью их культурного обмена на современном этапе, при которых вопросы точного лексического перевода приобретают критическое значение для успешного взаимопонимания и коммуникации. Соответственно, в качестве предмета исследования выступают тонкости перевода национально-культурных лексических единиц новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд с акцентом на региональную специфику

семантических значений. Цель настоящей работы – выявить лингвистические нюансы, вызывающие затруднения при переводе лексических элементов в попытке сохранить уникальные культурные и национальные черты, присущие данному диалекту английского языка. Эмпирическую базу представленного исследования составляют текстовые интернет-материалы, одно- и двуязычные академические словари, официальные документы и данные опроса информантов. Научная новизна определяется комплексным изучением текущих лексических тенденций английского языка в оклендском регионе в Новой Зеландии и глубоким анализом национально-культурных характеристик, которые важно учитывать при переводе территориально-языковых явлений. В результате проведенного исследования доказана уникальность регионального проявления английского языка с конкретизацией в примерах, которые демонстрируют возможные затруднения в переводе. Понимание этих особенностей лексики является важным компонентом культурной грамотности переводчика, а также способствует точной передаче смысла и национально-культурных нюансов в переводческом процессе. Таким образом, исследование специфики лексического перевода в контексте новозеландского диалекта английского языка региона Окленд приносит значительный вклад в область переводоведения и лингвистики, предостерегая от возможных искажений и недоразумений в ходе взаимодействия между языками и культурами.

Ключевые слова:

регион Окленд, новозеландский диалект, национально-культурная лексика, языковая вариативность, перевод лексических единиц, переводоведение, новозеландский английский, дифференциация языка, лексическая семантика, диалектология

Введение

Актуальность представленной темы связана с необходимостью проведения исследований в области языковой дифференциации на региональном уровне в Новой Зеландии ввиду того, что за последнее десятилетие было отмечено существенное увеличение миграционных потоков, приводящих к неравномерному территориальному распределению населения и, следовательно, к развитию языкового разнообразия в многокультурном сообществе. В связи с быстроменяющейся языковой ситуацией и этнографией наибольший интерес с точки зрения лингвистики представляет именно оклендский регион, отличающийся высокой социальной неоднородностью и смешением множества языковых традиций.

Эта сложная социокультурная обстановка способствует созданию многоуровневой лексической основы английского языка, что становится чрезвычайно важным аспектом при изучении переводческих особенностей. Это особенно актуально ввиду вызываемых подобной вариативностью трудностей, требующих глубокого понимания контекстуальных и культурных нюансов при переводе.

Динамично-меняющаяся демография региона Окленд обусловлена прежде всего экономическими факторами, поскольку он является ключевым центром для бизнеса, торговли и реализации социокультурных проектов. Миграционные тенденции ведут к увеличению процента проживающих коренных жителей племени Маори наравне с ростом новых резидентов островных наций Тихого океана (с островов Самоа и Тонга), стремящихся к экономической стабильности. Это обогащает как социокультурный, так и лингвистический ландшафт региона, приводя к появлению новых лексических единиц в

новозеландском территориальном диалекте английского языка. Понимание таких территориальных языковых особенностей становится необходимым для точного и грамотного перевода.

Основная **цель** данного исследования заключается в анализе лексической специфики новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд, выявлении трудностей, связанных с точным отражением национальных и культурных особенностей в контексте перевода.

Таким образом, для достижения вышеуказанной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- раскрыть сущность понятия национально-культурной лексики и специфики ее возникновения;
- рассмотреть нюансы употребления и трудности перевода национально-культурных лексических единиц в новозеландском территориальном диалекте английского языка региона Окленд (на материале лексических единиц, заимствованных из языка Маори – маоризмов, из самоанского и тонганского языков);
- проанализировать тенденции развития территориального диалекта на уровне лексики.

В данной работе были реализованы следующие **методы исследования**: сравнительно-сопоставительный метод, метод семантического анализа, метод этимологического анализа, метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, опрос информантов, анкетирование.

В качестве **теоретической базы исследования** следует отметить научные труды Е. И. Архиповой, А. Р. Бекеевой, С. Влахова, А. Вежбицкой, Е. М. Григорьевой, Т. А. Казаковой, В. Н. Комиссарова, А. А. Кретьева, В. Ю. Михальченко, Н. Ф. Михеевой, И. А. Свирипчук, Г. Д. Томашина, Н. А. Фененко, С. Флорина.

Практическая значимость исследования обуславливается возможностью применить полученные результаты по переводческой специфике национально-культурной лексики английского языка оклендского региона для эффективной подготовки квалифицированных переводчиков и их последующей практической деятельности с пониманием диалектологических аспектов, а также для углубленных курсов по диалектологии, эффективному межкультурному и международному общению.

Национально-культурная «палитра» лексического перевода (на материале лексических единиц территориального диалекта английского языка региона Окленд в Новой Зеландии)

Общая система языка включает в себя совокупность уникальных национально-культурных особенностей, которые проявляются территориально и закрепляются в региональной языковой модели с присущими только ей исключительными чертами и лингвистическими признаками. Здесь важно сделать акцент на том, что «единое целое» языка весьма податливо и гибко реагирует на изменение языковой ситуации. Соответственно, ново-сформированные национально-культурные компоненты легко входят в его состав, полностью согласуясь с базовой основой национального варианта языка, но при этом отражая языковые особенности конкретного региона под влиянием исторического наследия, культурных сдвигов, изменения социальных установок и менталитета как ядра национального мышления.

Иными словами, зарождение национально-культурных особенностей на лексическом уровне является отражением происходящих трансформаций в обществе, которые быстро укореняются в языке и могут территориально варьироваться. Таким образом, главной проблемой перевода является именно подвижная функциональная основа подобной маркированной лексики, которую необходимо расшифровывать с точки зрения национально-культурного кода народа и подобрать семантически правильный эквивалент.

Раскрывая сущность понятия «национально-культурная лексика», такие известные ученые, как Е. И. Архипова, А. Р. Бекеева, А. Вежбицкая, С. Влахов и С. Флорин, А. А. Кретов и Н. А. Фененко, Н. Ф. Михеева, Е. М. Григорьева, Г. Д. Томахин и др. подчеркивают необходимость изучения данного языкового пласта как системного явления, где языковые единицы реализуют в себе ценностные, культурные и общественные аспекты жизни нации [\[1-8\]](#). При этом доктора филологических наук А. А. Кретов и Н. А. Фененко в качестве базовой опоры в рамках анализа «лингвострановедски ценной лексики» выделяют «экстралингвистический (тематический) принцип» с типологическим подразделением лексики на сферы их функционирования: 1) политико-экономическая область; 2) топонимика; 3) культура, искусство, литература, фольклор, мифология; 4) национальный быт, а также главенствующий принцип отбора лексических единиц, в которых проявляется «связь слова с культурой» [\[4, с.7-8\]](#).

Согласно интерпретации В. Ю. Михальченко в словаре социолингвистических терминов, национально-культурное своеобразие на лексическом уровне «проявляется в наличии в данном языке лексических единиц, выражающих специфические явления материальной и духовной культуры народа», где особо акцентируется их неразрывная связь [\[11, с. 144\]](#).

А. Вежбицкая отмечает, что язык пронизывает культурное кодирование, особенно на уровне лексики, которое создается в коллективном сознании общества и воплощается через семантику языковых единиц [\[3, с. 259\]](#). Вследствие этого, национально-культурную лексику можно трактовать как особый лексический пласт, присущий определенной нации и чуждый другой, который отражает ее историю, быт, традиции, обычаи и уникальные особенности.

Как отмечает Т. А. Казакова, при сопоставлении двух языков, таких как английский и русский, важно корректно оценивать «те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане», где наибольшее затруднения у переводчика вызывают «манифестации в разных национально-культурных традициях» и приходится преимущественно опираться на общекультурные ценности и универсальные понятия [\[12, с. 10\]](#).

И. А. Свирепчук в своей работе «Особенности перевода с английского языка» подчеркивает, что «калькирование оригинала недопустимо», и переводчик должен стремиться уйти от «дословности» и буквальности к передаче мысли автора «со всеми ее оттенками», чтобы максимально совместить коды источника и получателя информации [\[13, с. 104\]](#). Исходя из семантической теории, описанной В. Н. Комиссаровым, качественный перевод означает выявление «сущности эквивалентных отношений» между содержанием исходного текста и его перевода [\[14, с. 195\]](#).

Соответственно, разработанность национально-культурных компонентов лексики с учетом корректного трансфера культурного кода крайне важна при переводе с одного языка на

другой.

Непереводимость некоторых элементов текста часто связана с их особым происхождением, в частности из автохтонных языков (языки коренных народов). В случае новозеландского региона Окленд в рамках локальной вариации английского языка наблюдается множество лексических единиц, проникших из маорийского, самоанского и тонганского языков, большую часть которых составляют маоризмы (характерная национально-культурная лексика английского языка в Новой Зеландии). В процентном соотношении количество такой лексики в регионе растет быстрее, чем в других ввиду активного стимулирования ревитализационных программ по сохранению культурного наследия страны и начала их апробации именно в оклендском регионе (центр миграционных потоков для островных жителей и представителей племени Маори) [15]. Также большую роль играют растущее осознание этнической идентичности и национализма, которые сопровождаются на данном этапе более активным изучением и использованием этнического языка в дополнение к новозеландскому английскому языку [7].

Затруднения в переводе оклендской региональной специфики, прежде всего, обусловлены многочисленными топонимами, имеющими уникальный историко-географический контекст и представляющими собой безэквивалентную лексику [8]. Специфичность данных лингвистических единиц и их ограниченная возможность точного соответствия в языке перевода ведут к потере семантической глубины и культурных коннотаций, поэтому часто используют уточняющие описания при переводе с помощью транслитерации.

В качестве примеров подобной лексики рассмотрим нижеприведенные топонимы:

- «Waitematā» – Вайтемата (происходит из языка маори, где «Wai» означало 'вода', «te mata» относится к огненному обсидиану, разновидности природного вулканического стекла, обнаруженного в этом районе) – крупнейшая гавань в Окленде;
- «Ōrākei» – Оракеи (имеет маорийское происхождение; его значение связано с идеей убежища или ограждения от опасности) – восточный пригород Окленда;
- «Manukau» – Манукау (назван в честь вождя Манукау, важной исторической фигуры в истории маори) – гавань Манукау в Окленде;
- «Hauraki Gulf» – Хаураки (данное название имеет маорийские корни, где «Hau» означает 'ветер', «raki» – 'северный', т.е. 'северный ветер') – живописный оклендский залив Хаураки;
- «Rangitoto» – Рангитото (на языке маори «Rangi» – 'небо', «toto» – 'кровавое', т.е. 'кровавое небо') – это вулканический остров, расположенный в заливе Хаураки, который обретает ярко-красные оттенки во время заката из-за его вулканических пород;
- «Aotea Square» – (на языке маори «Aotea» – имя собственное для 'каное', которое доставило одного из первых маори по имени Тури и его людей в Таранаки, где они объединились с племенами «Tangata Whenua» 'Тангата-Уэнуа'; на данный момент означает 'место встречи') – это общественная площадь в центре города [16-18].

Маоризмы, встречающиеся в пределах территориального диалекта английского языка региона Окленд, отображают не только характерную топонимику, но и наименования флоры и фауны, а также обозначения предметов повседневного быта, кулинарии и

специфики, связанной с состоянием здоровья.

- «Kauri» – Каури (одно из самых крупных деревьев-эндемиков, произрастает в лесу “the Waipoua Forest” ‘Вайпуа’ оклендского региона;
- «Tūi» – Туи (эндемичная птица семейства воробьиных с характерными трелями и радужным оперением из оклендского региона и его островов);
- «Auckland Tree Wētā» или «Tokoriro» – Оклендская Древесная Вета или Токорио (эндемичное крупное нелетающее насекомое в районе Окленда; известны своими сильными челюстями и ночным образом жизни);
- «Pikoriko» – Пикопико (с маорийского означает ‘молодые побеги местного растения’, которые стали использовать в салатах в оклендском регионе или в качестве гарнира);
- «Kupenga» – Купенга (происходит из языка маори и означает ‘рыболовные сети’);
- «The rāhui» – рауи (данный маоризм имеет значение запрета на вход или въезд людей на территорию культурного объекта, в то время как на языке Маори ‘rāhui’ равнозначно понятию ‘резерв’);
- «puhi» – пуку (маоризм обозначает ‘желудок’) [\[16-18\]](#).

Приведем пример перевода маоризмов в контексте (в переводе намеренно сохраняется национально-культурная «колоритность» лексики региона ввиду полного отсутствия эквивалентов):

«...the walking tracks that lace through dense forest covering these hills have been closed to the public, placed under rāhui in a race against time to save the trees from kauri dieback...» «Пешие тропы, пролегающие через густой лес и покрывающие эти холмы, были закрыты для общественности ввиду строгого правительственного запрета рауи с целью выиграть время, чтобы спасти вымирающие деревья каури» [\[19\]](#).

Маоризмы преимущественно используются в живой разговорной речи. Стоит отметить, что она более динамична в отличие от кодифицированной нормы, однако на территории оклендского региона также фиксируется проникновение элементов живой разговорной речи в масс-медиа и академические научные публикации. Их интеграция в английский язык в основном происходит с устойчивой коннотацией и национально-культурной спецификой конкретного региона. Возможно расширение, сужение или замещение первоначального значения лексической единицы в процессе ее адаптации из автохтонного языка.

В качестве примеров представим некоторые лексические единицы с расширением семантического значения, т.е. добавления новых сем, в рамках национально-культурного пласта региональной лексики:

- «Whakarara» – Вакапапа (в первоначальном значении – ‘генеалогия’, однако в современности оно также используется в широком контексте для выражения более общей идеи ‘связи’ или ‘взаимосвязи’, особенно в отношении между людьми);
- «W hare» – Вуаре (традиционно обозначалось ‘дом’ или ‘постройка’, в настоящий момент также применяется со смысловым значением ‘резиденция’);
- «Mana» – Мана (использовалось в значении ‘духовная сила’, современная трактовка предполагает расширение коннотации ‘авторитет’, ‘престиж’);

- «Каурара» – Куапапа (к исходному значению 'принцип' добавились значения 'проект' или 'повестка дня', особенно в контексте деловой среды, которой славится оклендский регион) [\[16-18\]](#).

Нельзя не отметить влияние самоанского и тонганского языков в оклендском регионе ввиду увеличения миграции с данных островов, что существенно отразилось на местном диалекте английского языка. Вошедшие в него заимствования получают все более широкое распространение. Такие лексические единицы самоанского происхождения, как «Mālō» ('благодарность', 'признательность'), «Lavalava» (элемент традиционной одежды, похожий на платок), «Tālofa» (неформальное приветствие, употребляется наряду с маорийский «Kia ora») и др. [\[20\]](#), а также тонганского происхождения «Ofa» ('привязанность'), «Langi» ('духовный мир на небесах'), «Ha'amonga» ('сложное и очень важное') показывают, насколько богат и разнообразен национально-культурный слой лексики территориального диалекта региона Окленд [\[21\]](#).

Региональные одноязычные словари, которые подробно раскрывают семантику той или иной лексической единицы и ее характерные территориальные отличия, представляют собой ключевой ресурс для переводчика в работе с диалектной спецификой английского языка и его национально-культурных проявлений, в частности словарь Х. М. Нгаты «English-Maori dictionary. North Shore» [\[18\]](#) и В. Коленко «Maori-English Lexicon: Being a Comprehensive Dictionary of the New Zealand Tongue» 2024г. издания [\[17\]](#). Важно задействовать и словари автохтонных языков для понимания этимологической основы лексической единицы, вошедшей в территориальный диалект, в частности двуязычные словари:

1. маорийский-английский: онлайн словарь Дж. С. Морфилда «Te Aka Māori-English, English-Māori Dictionary», основанный на печатной версии издания 2011 г., Х. М. Нгата «English-Maori dictionary» переиздания 2008 г. [\[16\]](#);
2. самоанский-английский: печатная версия словаря Джорджа Пратта «A Samoan Dictionary: English and Samoan, and Samoan and English; With a Short Grammar of the Samoan Dialect», 2022 г. [\[20\]](#);
3. тонганский-английский: Дж. Т. Фишер, И. Т. Конгаика «Tongan Dictionary: Tongan To English / English To Tongan (Polynesian Languages)» [\[21\]](#).

Заключение

Исходя из проведенного анализа на уровне лексики в английском языке оклендского региона подтверждается наличие в живой разговорной речи многочисленных заимствований из маорийского (превалирующее количество), самоанского и тонганского языков. Они представляют собой характерную региональную специфику, что может вызывать серьезные затруднения при переводе ввиду отсутствия близких аналогов.

Ожидается, что дальнейшее развитие территориального диалекта английского языка в регионе Окленд будет динамичным под влиянием различных экстралингвистических факторов, способствующих его быстроменяющейся мультикультурной и многоязыковой сущности. Подобное разнообразие несомненно будет способствовать постоянному обогащению на уровне лексики, делая язык все более характерным и уникальным.

Таким образом, на синхронном срезе новозеландский территориальный диалект английского языка региона Окленд отличают множественные заимствования из

автохтонных языков, составляющие национально-культурную специфику региона, которую важно учитывать при осуществлении переводческой деятельности.

Библиография

1. Архипова Е. И. Реалии как носители культурологического компонента // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сб. материалов VII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. С. 143-147.
2. Бекеева А. Р. К вопросу об исследовании новозеландского национального варианта английского языка. Профессиональная коммуникация: актуальные проблемы преподавания и исследования. Коллективная монография. Тамбов: Бизнес – Наука – Общество. 2016. С. 62-66.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты (Язык. Семиотика. Культура). М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
5. Кретов А. А., Фененко Н. А. Лингвистическая теория реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 7-13.
6. Михеева Н. Ф. Современные подходы к изучению диалектов // Вопросы иберо-романистики: материалы XI Международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 228-235.
7. Григорьева Е. М. Основные направления развития современной новозеландской лексикографии // Вестник Костромского государственного университета. 2018. №2. С. 215-218.
8. Григорьева Е. М. Особенности топонимической системы новозеландского варианта английского языка (на материале словарей различных типов) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №3 (18). С. 140-146.
9. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 240 с.
10. Томахин Г. Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. № 6. С. 47-50.
11. Михальченко В. Ю. (ред.) Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
12. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English-Russian: учебное пособие. СПб.: Перспектива, 2020. 320 с.
13. Свирепчук И. А. Особенности перевода с английского языка // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II международной научной конференции. СПб.: Реноме, 2013. С. 103-106.
14. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
15. Bardsley D. English language in New Zealand – Characteristics of New Zealand English. Te Ara – the Encyclopedia of New Zealand [Электронный ресурс]. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/english-language-in-new-zealand/page-1> (дата обращения: 25.01.2024).
16. Te Aka Māori-English, English-Māori Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://maoridictionary.co.nz> (дата обращения: 11.01.2024).
17. Colenso W. Maori-English Lexicon: Being a Comprehensive Dictionary of the New Zealand Tongue. US: Nabu Press, 2024. 149 с.
18. Ngata H. M. English-Maori dictionary. Wellington: Te Taura Whiri i te Reo Maori/Maori Language Commission. North Shore: Raupo, 2008. 559 с.

19. The Guardian. 'It's bittersweet': parts of New Zealand's Waitākere Ranges to reopen after ban to save kauri tree [Электронный ресурс]. URL: www.theguardian.com/world/2024/feb/01/new-zealand-waitakere-ranges-reopen-ban-kauri-tree (дата обращения: 28.01.2024).
20. Pratt G. A Samoan Dictionary: English and Samoan, and Samoan and English; With a Short Grammar of the Samoan Dialect. US: Legare Street Press, 2022. 280 c.
21. Create Out Loud, Fisher J. T., Kongaika I. T. Longman Dictionary: Tongan To English / English To Tongan (Polynesian Languages). London: Oxford Press University, 2019. 200 c.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья ориентирована на дешифровку проблемы перевода национально-культурного компонента на материале новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд. Точечный вариант анализа достаточно привлекателен, интересен, актуален. Автор работы обращает внимание не на стандарт факторов, которые так или иначе должны быть учтены в режиме перевода, но на нетривиальные формации столь важные для передачи смысловых граней текста. Собственно само начало работы аргументирует выбранную позицию: «актуальность представленной темы связана с необходимостью проведения исследований в области языковой дифференциации на региональном уровне в Новой Зеландии ввиду того, что за последнее десятилетие было отмечено существенное увеличение миграционных потоков, приводящих к неравномерному территориальному распределению населения и, следовательно, к развитию языкового разнообразия в многокультурном сообществе. В связи с быстроменяющейся языковой ситуацией и этнографией наибольший интерес с точки зрения лингвистики представляет именно оклендский регион, отличающийся высокой социальной неоднородностью и смешением множества языковых традиций». Цель рецензируемого исследования заключается в «анализе лексической специфики новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд, выявлении трудностей, связанных с точным отражением национальных и культурных особенностей в контексте перевода». Фрактал задач компилятивен, решение их в работе последовательно, конструктивно, выверено. Ссылку на методы исследования целесообразно сделать в режиме цитации: «в работе были реализованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, метод семантического анализа, метод этимологического анализа, метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, опрос информантов, анкетирование». Не вызывает сомнения выбранный вектор изучения вопроса, нет и серьезных нареканий в пестовании направления, ибо должная ссылка дана полновесно: «в качестве теоретической базы исследования следует отметить научные труды Е. И. Архиповой, А. Р. Бекеевой, С. Влахова, А. Вежбицкой, Е. М. Григорьевой, Т. А. Казаковой, В. Н. Комиссарова, А. А. Кретьева, В. Ю. Михальченко, Н. Ф. Михеевой, И. А. Свирепчук, Г. Д. Томашина, Н. А. Фененко, С. Флорина». Позиция автора объективно стабилизирована отсылками на труды указанных выше исследователей, да и свой / самостоятельный взгляд варьируется именно в этом пределе. Тезисы, суждения не противоречат уже устоявшемуся взгляду: «общая система языка включает в себя совокупность уникальных национально-культурных особенностей, которые проявляются территориально и закрепляются в региональной языковой модели с присущими только ей исключительными чертами и лингвистическими признаками. Здесь важно сделать акцент на том, что «единое целое»

языка весьма податливо и гибко реагирует на изменение языковой ситуации». Работа, на мой взгляд, продумана, конструктивна, выверена; практическая и теоретическая значимость прописана буквально. Стиль работы соотносится с собственно научным стилем, формальный ценз издания выдержан: «иными словами, зарождение национально-культурных особенностей на лексическом уровне является отражением происходящих трансформаций в обществе, которые быстро укореняются в языке и могут территориально варьироваться. Таким образом, главной проблемой перевода является именно подвижная функциональная основа подобной маркированной лексики, которую необходимо расшифровывать с точки зрения национально-культурного кода народа и подобрать семантически правильный эквивалент». Логика диалога с оппонентами представлена в качественно смежном виде: «А. Вежбицкая отмечает, что язык пронизывает культурное кодирование, особенно на уровне лексики, которое создается в коллективном сознании общества и воплощается через семантику языковых единиц. Вследствие этого, национально-культурную лексику можно трактовать как особый лексический пласт, присущий определенной нации и чуждый другой, который отражает ее историю, быт, традиции, обычаи и уникальные особенности». Думаю, что автор стремился не столько к комплиментарной форме, сколько пытался дать адекватную и объективную оценку наработанным изводам. Вариант понимания перевода, который комментируется по ходу статьи, точен. Например, это заметно в следующих фрагментах: «затруднения в переводе оклендской региональной специфики, прежде всего, обусловлены многочисленными топонимами, имеющими уникальный историко-географический контекст и представляющими собой безэквивалентную лексику. Специфичность данных лингвистических единиц и их ограниченная возможность точного соответствия в языке перевода ведут к потере семантической глубины и культурных коннотаций, поэтому часто используют уточняющие описания при переводе с помощью транслитерации», или «маоризмы преимущественно используются в живой разговорной речи. Стоит отметить, что она более динамична в отличие от кодифицированной нормы, однако на территории оклендского региона также фиксируется проникновение элементов живой разговорной речи в масс-медиа и академические научные публикации. Их интеграция в английский язык в основном происходит с устойчивой коннотацией и национально-культурной спецификой конкретного региона. Возможно расширение, сужение или замещение первоначального значения лексической единицы в процессе ее адаптации из автохтонного языка» и т.д. Позиция автора при оценке ситуации объективна, точна, вполне правильна. Фон примеров, на мой взгляд, вполне достаточен: «- «Whare» – Вуаре (традиционно обозначалось 'дом' или 'постройка', в настоящий момент также применяется со смысловым значением 'резиденция'); - «Mana» – Мана (использовалось в значении 'духовная сила', современная трактовка предполагает расширение коннотации 'авторитет', 'престиж'); - «Kaupara» – Куапапа (к исходному значению 'принцип' добавились значения 'проект' или 'повестка дня', особенно в контексте деловой среды, которой славится оклендский регион)» и т.д. Методы анализа актуальны, выборочны, современны; сравнительный фактор играет в данном случае ведущую роль. Констатация выводов соразмерна и созвучна основному блоку; автор отмечает, что «дальнейшее развитие территориального диалекта английского языка в регионе Окленд будет динамичным под влиянием различных экстралингвистических факторов, способствующих его быстроменяющейся мультикультурной и многоязыковой сущности. Подобное разнообразие несомненно будет способствовать постоянному обогащению на уровне лексики, делая язык все более характерным и уникальным. Таким образом, на синхронном срезе новозеландский территориальный диалект английского языка региона Окленд отличаются множественные заимствования из автохтонных языков, составляющие национально-культурную

специфику региона, которую важно учитывать при осуществлении переводческой деятельности». Источники библиографического толка разнообразны – здесь и статьи, и монографии, и отдельные наблюдения. Материал продуктивно использовать при изучении специфики озеландского территориального диалекта английского языка. Общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. Рекомендую статью «Проблемы перевода национально-культурного компонента (на материале новозеландского территориального диалекта английского языка региона Окленд)» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Баринаова Б.В., Мушаев В.Н. Структурно-грамматические и лингвокультурологические аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках // Litera. 2024. № 3. С. 195-198. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70070 EDN: IFRMCU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70070

Структурно-грамматические и лингвокультурологические аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках

Баринаова Байрта Валерьевна

ORCID: 0000-0003-4158-3786

старший преподаватель; кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики; Калмыцкий
государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ bbarinova@yandex.ru**Мушаев Владимир Наранович**

ORCID: 0000-0001-8321-7667

доктор филологических наук

профессор, заведующий кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий
государственный университет имени Б.Б. Городовикова

358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Ас. Пушкина, 7

✉ mushaev_vn@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70070

EDN:

IFRMCU

Дата направления статьи в редакцию:

07-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: В статье анализируется метеорологическая лексика в монгольских языках, характеризующая жаркую погоду. Языковые средства выражения жаркой погоды в

картине мира монгольских народов могут быть представлены как цельные и последовательные природные явления, которые системно используются традиционными носителями в прямом, переносном, сравнительно-оценочном и метафорическом значении. Объектом исследования являются номинативные единицы (слова, словосочетания, фразеологизмы) в монгольских языках, характеризующие жаркую погоду. Особое внимание уделяется анализу сочетаемости метеолексемы "халун". Носители кочевой цивилизации напрямую зависят от природно-климатических особенностей, определявших состояние кочевнического хозяйства, ориентировку и локацию человека в природе и социуме. Отношения «природа – человек – животный мир», отражаясь в этническом сознании носителей, имели свои системно-категориальные формы выражения в языковых картинах мира. Для монгольских народов, кроме универсальных вербальных форм выражения данных отношений, использовалось все разнообразие лингвокультурологических подходов для выражения образно-сравнительных и оценочно-эстетических средств языка. В данной статье применяется описательный метод, сравнительный метод, сопоставительный метод, метод лингвокультурологического анализа лексических единиц. В языковой картине мира традиционного носителя лексема халун «жара, зной» в зависимости от температурного режима может обозначать разные степени проявления жары: от обычной жары до невероятной, изнуряющей, выматывающей жары, влияющая на физическое состояние человека. В качестве примеров автор использует монгольские лексикографические источники, тексты художественных и фольклорных произведений, в которых из метеорологической лексики подверглись анализу лексемы, обозначающие жаркую погоду. Метеорологическая лексика, характеризующая жаркую погоду, рассматривается в статье с точки зрения ее состава, семантики, морфолого-синтаксического и лексико-семантического способа образования. Особенность художественных и фольклорных текстов дает возможность рассмотреть конкретную лексему в ее различных сочетаемостях, что позволяет наиболее полно раскрыть особенности семантической структуры слова. В таком аспекте метеонимы, характеризующие жаркую погоду в калмыцком языке, рассматриваются и систематизируются впервые.

Ключевые слова:

метеорологическая лексика, жаркая погода, зной, жара, монгольские языки, калмыцкий язык, лингвокультурология, семантика, фразеологизмы, языковая картина мира

Климатические и погодные явления занимают особое место в восприятии мира человеком, и влияют на его жизнь и поведение в окружающем мире. Свои знания об атмосферных явлениях человек закрепляет в метеонимах - особых лексических единицах, служащих для обозначения метеорологических явлений.

Метеорологической лексике посвящены работы Ю.В. Норманской [\[1\]](#), Э.Р. Тенишева [\[2\]](#), М.М. Кондратенко [\[3\]](#). Некоторые компоненты метеорологической лексики в калмыцком языке были рассмотрены Г.Ц. Пюрбеевым, Э.П. Бакаевой, Э.Ч. Бардаевым [\[4, 5, 6\]](#). Отдельные метеонимы в калмыцком языке были рассмотрены в сравнительном освещении Ц.Д. Номинхановым, В.И. Рассадиным [\[7-8\]](#).

В данной статье мы рассматриваем слова и словосочетания в монгольских языках, характеризующие жаркую погоду. При выборке языкового материала мы использовали «Калмыцко-русский словарь» [\[9\]](#), «Калмыцкий словарь» Г. И. Рамстедта [\[10\]](#), «Калмыцко-

русский словарь» А. Позднеева [11], Словарь языка ойратов Синьцзяна Б.Х. Тодаевой [12], Этимологический словарь монгольских языков [13-15], «Монгольско-английский словарь» Лессинга [16].

К этой лексико-семантической группе мы отнесли лексемы, характеризующие жаркую погоду от умеренной до высокой степени проявления жары.

Калм. *халун* «жара, зной; жаркий, знойный; горячий» [9, с. 570], письм.-монг. *qalaγun* (*qala-γun*), халх., бур. *халуун*, калм. *халун*, даг. *халўн*, дунс. *калун*, мнгр. *халун* «горячий, жаркий» [15, с. 23], стп.-калм. *χalūn* «горячий, горящий» [10, с. 164], монг. *xalagun/халуун* «горячий (тоже по вкусу), теплый; нагревать, тепло» [16, с. 916]. В словаре языка ойратов Синьцзяня *халуун* (*халуун*) «жара, зной; жаркий, знойный; горячий». Например, *үдиин халуунда малмууд усани өөре амарнаа* «в полуденную жару скот отдыхает у воды»; *халуунааса ээһээд, малаан уулда аваад һарха* «боясь зноя, отправиться со скотом на горные пастбища»; *зуниин халуу даахада йир күчир болва* «очень трудно переносить летний зной» [12, с. 381].

Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что в «Джангаре» лексема *халун* имеет значение «жара» и относит данный метеоним к погодным условиям. [4, с. 35].

Лето в Республике Калмыкия бывает очень жарким, что нашло отражение в лексике калмыцкого языка. Для обозначения жаркой погоды в калмыцком языке функционируют слова и словосочетания с лексемой *халун*.

Лексема *халун* в калмыцком языке употребляется как часть речи имя существительное, так и как имя прилагательное. Имя прилагательное *халун* «жаркий, знойный; горячий» употребляется с такими существительными, как *өдр*, *зун*, *нарн*, *салькн*, *цаг*. Именные словосочетания *халун өдр* «жаркий день», *халун зун* «жаркое лето», *халун нарн* «жаркое солнце», *халун салькн* «горячий ветер», *халун цаг* «жаркое время» характеризуют погоду с низкой степенью проявления жары, характерное для летнего периода.

Например, *август сарин нег халун өдрэр дээч даалһвран күцэһэд, хэрү һархларн, Арыш төрскн Хальмгин һазр деегэр нисж йовв* «в один из жарких дней августа, когда выполнив задание и возвращаясь назад, Арыш пролетал над родной калмыцкой землей» (НККЯ, Илюмжинов Н., 2005). *Модд шавшад урһад, халун цагт серү татна, сээхн цецгэс седкл байрлулна* «в жаркое время от деревьев веет прохладой, красивые цветы радуют душу» (НККЯ, Хальмг унн, 2006-04-18). *Мадн шүүврэн өгчэсн, зунын халун цаг билэ* «Было летнее жаркое время, когда мы сдавали экзамен». *Халун зунын өдр болвчн, һолын киитн усн махмудым хээрв* «несмотря на жаркий летний день, холодная речная вода обдало тело» (НККЯ, Илюмжинов Н., 2011). *Хаврин хар бальчг халун нарнд хатад, шавр болад, шаврасн үүрэд, шора болж бүргнэ* «весенняя грязь под жарким солнцем высохнув, разлетается мелкими пылинками» (НККЯ, Эрендженов К., 1979). *Теңгрин бээдл жил болһн эдл болхш, зэрмдэн зун халун, хагсу болхла сэн урһц авгдхш* «Погода не бывает одинаковой каждый год, иногда, когда лето бывает жарким и засушливым, то хорошего урожая не бывает».

Имя существительное *халун* «жара» употребляется в калмыцком языке как отдельная лексема, так и в словосочетаниях и фразеологизмах. Лексема *халун* «жара» характеризует погоду с высокой температурой воздуха в летнее время с низкой степенью проявления жары. Например, *халун болтл өрүн эрт босад, серүнд көдлмшэн эклнэ, үдлэ*

халунд хотан ууһад амрна, дэкад нарн суутл кедлнэ «до жары проснувшись, в прохладу начинает работу, пообедав, в жару отдыхает, затем до захода солнца работает». *Һаха сар урһад намр эклсн бийнь халун тогтнжахш* «несмотря на сентябрь месяц и наступление осени, жара не отступает». *Эн халун зунн дуусн Басң өвс зөөв* «Басанг во время этого жаркого лета возил сено».

В калмыцком языке существительное халун «жара» может сочетаться с такими прилагательными, как *ик* «сильный», *аагм* «душный, знойный», *бүгжим* «душный, спертый», *күчр* «сильный, знойный», *бүтү* «душный», *догшн* «сильный, резкий» характеризуя жаркую погоду с высокой степенью проявления жары. Словосочетания *ик халун* «сильная жара», *күчр халун* «сильная жара», *догшн халун* «сильная жара» обозначают высокое тепловое состояние воздуха. Например, *ик халун эс болхла сальк өрүлэд хэрүлдмн* «Если нет сильной жары, то пасут против ветра»; *догшн халуна хөөн намрин серүн өдрмүд ирв* «после сильной, изнуряющей жары наступили осенние прохладные дни». Словосочетание *догшн халун* «сильная жара» характеризует невероятную, сильную, изнуряющую, выматывающую жару, которая влияет на физическое состояние человека.

Такие словосочетания, как *аагм халун* «духота, жара», *бүгжим халун* «жара, духота», *бүтү халун* «духота» характеризуют душный, несвежий, знойный жаркий воздух, затрудняющий дыхание. Например, *зунн сөөһин бүтү халун* «духота летней ночи».

Лексема *һаң* в калмыцком языке имеет значение «засуха, бескормица (от засухи); засушливый, знойный» [9, с. 156], письм.-монг. *yang* [кит. (?) *gang*], халх., бур. *ган(г)*, калм. *һа□* «засуха, бескормица от засухи» [14, с. 19]. В словаре языка ойратов Синьцзяня *һаң (һаң)* «засуха, бескормица»; *уржинан жил манаа энде ике һаң болва* «в позапрошлом году у нас здесь была сильная засуха» [12, с. 100].

Г.Ц. Пюрбеев выделяет в «Джангаре» такие метеонимы, как *һаңду* «засуха», *ширмин ик халун* «испепеляющий зной», характеризующие высокую степень проявления жары, и относит их к погодным условиям [4, с. 35].

Слово *һаң* в контексте часто имеет значение «неимоверный зной, жара», характеризуя жаркую погоду с высокой степенью проявления жары, в результате которой появляется засуха и бескормица. Например, *Зуна эн өдрмүд һаза һаң зогсжана* «в эти летние дни на улице стоит зной».

Данная лексема в сочетании с существительным халун «жара, зной» образует фразеологизмы *һа□ халун* «жара, зной», *һа□ ик халун* «неимоверная духота, жара, зной». Например, *зуг эн өдрмүд һаң халун болад, эдн кедлмшэн невчк зогсах зөвтэ болв* «в эти дни наступила неимоверная жара, и они вынуждены были приостановить свою работу» (НККЯ, Хальмг унн, 2006-08-17).

Наступление сильной жары приносит свои трудности для скотоводов. В такие жаркие дни начинается период созревания овода, коровы становятся беспокойными и, подняв хвосты, убегают от овода. Например, *зунар, һаң халунд, малыг түргн хазж зовахла, тедн шоодрлдад, сүүлэн өргчкэд гүүлдцхэдмн* «летом, в жаркий зной, когда овод кусает скотину, то они подняв хвосты, бегают от овода».

В калмыцком языке часто употребляется фразеологизм *ноха һа□ньм халуң* который имеет значение «жара такая, что собака завизжит» [9, с. 157]. В фразеологическом словаре калмыцкого языка данный фразеологизм имеет значение «палящий зной,

невыносимая жара» [\[17, с. 69\]](#).

Калмыцкий писатель Константин Эрендженов подробно описывает такую жару в своем произведении «Апһучин көвүн» (Сын охотника). В этой повести встречается вариант *ноха һәһнм халун*, что можно объяснить диалектным различием [\[18, с. 3\]](#).

Калмыки употребляют данный фразеологизм *ноха һәһнм халун*, *ноха һаһнм халун* летний жаркий день, когда в ямах, лужах образовавшаяся дождевая вода доходит до кипения. В такую жару невозможно ходить без головного убора, ходить босиком, так как земля настолько горячая, что обжигает пятки. Коровы подняв хвосты, бегают от овода, овцы прячась в тени друг друга, тяжело дыша, стоят, собравшись кучу. В такой невероятный зной мираж в степи мерцает неясно. Воздух к обеду становится подобно пару из кипящего котла. Но, именно в такую невероятную жару, палящий зной, калмыки ходили охотиться на волков. Это было самое благоприятное время для охоты на волков, когда всегда возвращались с добычей, так как невероятная жара изнуряла и животных [\[18, с. 3\]](#).

В калмыцком языке встречается синоним, характеризующий высокую температуру воздуха, чаще летний, перед грозой, стесняющий дыхание и насыщенный испарениями в безветренную погоду. Калм. *цунцг* «зной, духота; знойный, душный» [\[9, с. 641\]](#), стп.-калм. *tsuntsag* «влажный, горячий воздух (например, в помещении, в жаркий, безветренный летний день)» [\[10, с. 434\]](#), стп.-калм. *šunšiu* «зной, духота (от солнечного жара, спертый воздух)» [\[11, с. 254\]](#), письм.-монг. *šunšiu*, калм. *цунцг* «душный, жаркий (о воздухе в летний безветренный день)»; – (?) Кирг. *чүнчү* – изнуряться; заплотать [\[13, с. 158\]](#). Исходя из этимологического словаря данная лексема встречается только в калмыцком языке, и предполагается возникновения этого слова из тюркского языка. В словаре языка ойратов Синьцзяня встречается *цунцаг* (*цунцуг*) «зной, духота; знойный, душный». Например, *йаһасан цунцаг өдөрви!* «какой душный день!»; *үдиин цунцагта тесжи болал угаа бээхе* «не выдерживать полуденного зноя» [\[12, с. 433\]](#).

В калмыцком языке лексема *цунцг* может использоваться как имя существительное, так и как имя прилагательное. Существительное *цунцг* «жара, зной» встречается в таких словосочетаниях, как *үдин цунцг* «полуденный зной», *зунын цунцг* «летний зной».

Прилагательное *цунцг* «знойный, душный» встречается в таких словосочетаниях, как *өршәңгү уга цунцг халун* «беспощадная знойная жара», *зунын цунцг сө* «летняя знойная ночь», *зунын цунцг халун* «летняя знойная жара», *цунцг халун өдрмүд* «знойные жаркие дни», *шатажах цунцг нарн* «палящее знойное солнце». Например, «*Зуни цунцг сөөд Цаста эднә өөр һаза яһж эс унтсмб?..*» «почему Цаста в летнюю знойную ночь не спала на улице около них?» (НККЯ, Эрендженов К., 1979). *Август сарин шатажах цунцг нарнд энүнә чирә деерәһәр ик-ик дусалар һашун давста көлсн һоожад бәәнә, тернь нүднд, хүүрә урлд тусад, тесж эс болмар тедниг хорсхана* «под палящим знойным солнцем августа горькие соленые большие капли пота стекали по лицу и попадали в глаза, на засохшие губы, и нестерпимо приносили боль» (НККЯ, Илюмжинов Н., 2005).

Такая знойная жара, безветренная погода, духота воздействовали на физическое состояние не только человека, но и животных. Например, *цунцг халун өдрмүд билә, мөрд көшәд бәәдмн, тедниг түргн-түргәр услжах кергтә болдмн* «были знойные жаркие дни, лошади выбивались из сил, и их надо было быстро поить» (НККЯ, Илюмжинов Н., 2005).

От существительного *цунцг* «зной, духота» с помощью суффикса *-л* образуется глагол *цунцгх* «становиться душным (знойным)». Например, *Китдин нег бийднь һаң халун цунцглад бээхлэ, талдан захднь эмд тоот көрх киитн зөвтэн орсн бээнэ* «когда в одной части Китая невероятная жара становится знойной, то в другой части наступает холод, замораживающий все живое». В контексте глагол *цунцгх* показывает увеличение степени проявления жары.

Для обозначения уменьшения температуры воздуха, его спада используются такие глаголы, как *номһрх* «успокаиваться, утихать», *сев гих* «спадать (о жаре)», *тогтнх* «успокаиваться, ослабевать», *уурх* «прекращаться». Например, *халун номһрв* «жара спала», *халун невчкн сев гив* «жара немного спала», *халун тогтнжана* «жара ослабевает», *халун уурв* «жара спала».

Имя прилагательное *халун* в значении «горячий» употребляется не только для обозначения природного состояния, но и для обозначения физического состояния, очень теплого или имеющего высокую температуру. Например, *халун цэ* «горячий чай», *халун хот* «горячая пища», *халун усн* «горячая вода», *халун беш* «горячая печка», *халун махмуд* «горячее тело», *халун көлсн* «горячий пот». *Коля халун ус авч ирв* «Коля принес горячую воду» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 2, 1979). *Өдмгэн идэд, халун усарн дарулж авад, гүүлдэд һарцхав* «Поев хлеб, запив горячей водой, они выбежали» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 2, 1979). *Амнась һарсн ур, ааһга халун цээһэс һарчах ур мет, ирвлэд бээнэ* «пар, исходящий изо рта, мерцал подобно пару, исходящему от горячего чая» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 1, 1979). *Батан чичрсн халун махмуд Цастан цогцла, тохала ширвлдв* «Дрожащее горячее тело Баты соприкоснулось с телом и локтем Цасты» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 1, 1979).

Лексема *халун* в словосочетаниях может употребляться в таких переносных значениях как «сердечный, задушевный, искренний, дружеский» [9, с. 570]. Например, *халун зүркнэс* «от чистого сердца», *халун менд* «горячий (сердечный) привет», *халун нульмсн* «искренние слезы». Словосочетание *халун зүркнэс* обычно калмыки используют в поздравительной речи на праздниках, днях рождениях, знаменательных событиях, что показывает его искреннее, душевное, сердечное отношение к адресату. Например, *сән өдрлэтн халун зүркнэсн йөрәжәнэв!* «От чистого сердца поздравляю с вашим знаменательным днем» (НККЯ, Хальмг унн, 2006-10-14). *Һазр деер төвкнүн жирһл делдсн зөрмг дээчнрт мана халун зүркни ханлт* «благодарность от чистого сердца храбрым воинам, обеспечившим мирную жизнь на земле» (НККЯ, Хальмг унн, 2006-05-06). Словосочетание *халун менд* «горячий (сердечный) привет» показывает близкое, дружественное, искреннее отношение субъекта к адресату. Например, *эк-эцктэн халун менд күргчк* «передай горячий привет своим родителям». Словосочетание *халун нульмсн* «искренние слезы» может передавать как радостные переживания, так и грустные. Например, *эн улсас эмэлһн угаһар байрин халун нульмсан цалд-цалд асхрулв* «не стеснясь этих людей, пустил искренние слезы радости» (НККЯ, Сян-Белгин Х., 1970). *Эн дууһан дуулад орхлань элкнь урссн болад, хойр нүднь халун нульмсар дүүрэд хэрхэн санж зүркнь теслүлнэ* «когда запевал эту песню, думая о возвращении домой, глаза наполнялись искренними слезами, заставляя сильно переживать и страдать» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 1, 1979).

В языке ойратов Синьцзяня лексема *халуун* (*халуун*) также используется в переносном значении «горячий; сердечный, душевный, искренний». Например, *надааса ахадаан халуун менде келе* «передай от меня своему старшему брату сердечный привет»; *таданда халуун байараан күргий* «передаём вам горячий привет» [12, с. 381].

В калмыцком языке именное словосочетание *халун цуста* «букв. с горячей кровью» характеризует не только вспыльчивого, необузданного, легко возбудимого человека, но и человека, полного энергии и жизни. Например, *халун цуста, амд зүрктэ күн йир хамаран хэлэжәһэд тиим нүл уга адустур һаран өргдв?* «человек с живым сердцем, горячей кровью куда глядя бьет безобидных животных». «*Халун цуста, шуматр баһчүд гидгтн эн*», *гиж дотран санад, баһ-дүүвр насан санад, ик шар залу эднә ардас эңкрлж хэлэв* ««вот что значит горячая, активная молодежь», так подумав про себя, высокий, светлый мужчина, с теплотой вспомнил свои молодые годы, наблюдая за ними» (НККЯ, Эрендженов К., кн. 2, 1979).

Лексема *халун* часто встречается в устойчивых сочетаниях. Фразеологические единицы *халун мөрэрнь* «букв. по горячим следам», *халун чикн деернь* «по горячим следам», *халун өср □ деернь* «по горячим следам» означает действовать немедленно, быстро, сразу, без промедления. *Халун өср □ деернь ханьцад хууртн гиж бидн чамд келләхн* «я же тебе говорил, что по горячим следам, сразу сходитесь» (НККЯ, Эрендженов К., кн. 2, 1979).

Калмыцкий народ в своей истории пережил много трудностей и невзгод, что отразилось в устойчивых сочетаниях. В калмыцком языке часто встречаются фразеологические единицы, передающие претерпевание этих жизненных трудностей, невзгод, испытаний посредством словосочетаний с лексемой *халун*. Например, фразеологизм *халун чолу долах* имеет значение «познать все невзгоды жизни, побывать в разных переплетах» [9, с. 570]. В фразеологическом словаре калмыцкого языка фразеологизм *халун чолу долах* имеет значение «испытывать жизненные невзгоды» [17, с. 106]. Например, *тер юнгад гихлә баһдан «халун чолу» эс доласн улс ховр* «мало таких людей, которые в молодые годы не испытывали трудностей» (НККЯ, Эрендженов К., кн. 2, 1979). Устойчивые сочетания *халун-киитинь даах* «терпеть невзгоды, тяготы», *халун-киитн хойриг үзх* «испытать тяжкую жизнь» характеризует человека прошедшего большие трудности. Например, *тиигэд дамшлтта хөөчиг хойр жил дахад, арба чирэд, хот кедг дасад, халун киитн хойриг үзсн хальмг орс хойрин домбртнь биилэд авсн, зөвэр оньгта, олд таньгдг биидэн зөв хөөч болв* «с опытным чабаном в течении двух лет тягая арбу, научившись готовить, терпя невзгоды и живя по указке калмыка и русского, стал довольно внимательным и узнаваемым чабаном» (НККЯ, Эрендженов К., кн. 1, 1979).

Для выражения испуга, страха встречаются такие фразеологизмы, как *халун уснд бийән шатаснла әдл әәх* «испугался букв. словно ошпарился горячей водой», *халун цог бәрсн мет* «букв. подобно держанию горячих углей».

Когда человек заболевает и повышается температура тела, то в калмыцком языке употребляется такое словосочетание, как *халу дүрх* «температурить», а при выздоровлении и снижении температуры используется выражение *халун хәрв* «температура спала».

Лексема *халун* встречается в калмыцких пословицах и поговорках. В пословице *үдин хөөн халун уга* «после полудня не бывает жары», *үдәс үлү халун уга, үкснә хөөн жирһл уга* «после полудня не бывает жары, после смерти не бывает счастья» означает что после «драки кулаками не машут», все в этом мире непостоянно, т.е. можно противопоставить другую пословицу *халун төмриг халун деернь давтх кергтә* «куй железо, пока горячо» [19]. *Цастаһас салсан күмн кевтә цәәлһж иткүлх кергтә, болад бәәснь тер, төмриг халун деернь давтх кергтә, гиж Сима селвгән өгв.* «О том, что ты разошелся с Цастой, надо по человечески объяснить, куй железо, пока горячо, - дал

совет Сима» (НККЯ, Эрендженев К., кн. 2, 1979). «Төмриг халун деернь давт» гидг үг эс меднч? «разве ты не знаешь это выражение, что куй железо, пока горячо».

С лексемой *халун* образуются наименования некоторых болезней. Например, *халун гем* «брюшной тиф», *халун көртг* «сыпь». *Намаг бичкнд, 1918-гч жил мана өрк-бүл немс халун гемэр гемтэд унла, мана өөр бээсн улс манас цеерлэд, һанцхн мана хаһрха хар гериг гемтэ улстаһинь хайчкад нүүһэд йовж одцхала* «когда я был маленьким, в 1918 году наша вся семья заболела брюшным тифом и слегла, наши соседи, боясь заразиться, оставив нашу бедную кибитку со всеми болеющими людьми одних, переехали». (НККЯ, Эрендженев К., кн. 2, 1979). *Эн күчр бээдлэс көлтэ, 1944-ч жилин эклцэр хальмгуд халун гемэс олар хорад бээцхэв* «из-за этих событий, в начале 1944 года много калмыков погибло от брюшного тифа» (НККЯ, Илюмжинов Н., 1900-2011).

Таким образом лексема *халун* довольно часто и обширно используется в калмыцком языке в прямом значении «жара, зной; жаркий, знойный; горячий», характеризуя жаркую погоду, так и в переносном значении «сердечный, задушевный, искренний, дружеский».

Сокращения

бур. — бурятский язык

даг. — дагурский язык

дунс. — дунсянский язык

калм. — калмыцкий язык

кирг. — киргизский язык

мнгр. — монгорский язык

монг. — монгольский язык

нккя — национальный корпус калмыцкого языка

письм.-монг. — письменно-монгольский язык

халх. — халхаский язык

Библиография

1. Норманская Ю.В., Дыбо А.В. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. – М.: Тезаурус, 2010. – 364 с.
2. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
3. Кондратенко М. Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований. – München.: Verlag Otto Sagner, 2000. – 120 с.
4. Пюрбеев Г.Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. – 280 с.
5. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. – Элиста: АПП "Джангар", 2003. – 358 с.
6. Бардаев Э.Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 153 с.
7. Номинханов Ц.Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. – М.: Наука, 1975. – 327 с.

8. Рассадин В.И., Трофимова С.М. О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 136 с.
9. Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
10. Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 591 s.
11. Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. С-Пб, Типография императорской Академии наук, 1911. 306 с.
12. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 493.
13. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015-.Т. I-A-E. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 224 с.
14. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II-G-P. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 232 с.
15. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III-Q-Z. / Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. 240 с.
16. Lessing F.D. Mongolian-english dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1218 s.
17. Бардаев Э.Ч., Пюрбеев Г.Ц., Муниев Б.Д. Фразеологический словарь калмыцкого языка. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 142 с.
18. Эрендженев К. Аңһучин көвүн. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. – 140 с.
19. Тодаева Б.Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. – Элиста: Джангар, 2007. – 838 с.
20. Кичиков А.Ш. Үгин туск үг (Слово о словах). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2017. – 160 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема работы / предметная область исследования имеет определенно-точечный характер. Автор обращается к анализу фиксации в языке погодных, термальных составляющих: «в статье мы рассматриваем слова и словосочетания в монгольских языках, характеризующие жаркую погоду. При выборе языкового материала мы использовали «Калмыцко-русский словарь», «Калмыцкий словарь» Г. И. Рамстедта, «Калмыцко-русский словарь» А. Позднеева, Словарь языка ойратов Синьцзяна Б.Х. Тодаевой, Этимологический словарь монгольских языков, «Монгольско-английский словарь» Лессинга...». Таким образом, выверенная установка дает основание произвести серьезное исследование, наметить градиенту манифестации в языке «лексемы, характеризующие жаркую погоду от умеренной до высокой степени проявления жары». Методология исследования соотносится с рядом современных наработок; автор указывает, что «метеорологической лексике посвящены работы Ю.В. Норманской, Э.Р. Тенишева, М.М. Кондратенко. Некоторые компоненты метеорологической лексики в калмыцком языке были рассмотрены Г.Ц. Пюрбеевым, Э.П. Бакаевой, Э.Ч. Бардаевым. Отдельные метеонимы в калмыцком языке были рассмотрены в сравнительном освещении Ц.Д. Номинхановым, В.И. Рассадиным...». Считаю, что тема работы актуальна, сам же материал имеет должную научную значимость. Отмечено, что «климатические и погодные явления занимают особое место в восприятии мира человеком, и влияют на его жизнь и поведение в окружающем мире. Свои знания об атмосферных явлениях человек закрепляет в метеонимах - особых лексических единицах, служащих для

обозначения метеорологических явлений». Иллюстративная составляющая / примеры и разборы сделаны объективно, информативно: «Лето в Республике Калмыкия бывает очень жарким, что нашло отражение в лексике калмыцкого языка. Для обозначения жаркой погоды в калмыцком языке функционируют слова и словосочетания с лексемой халун. Лексема халун в калмыцком языке употребляется как часть речи имя существительное, так и как имя прилагательное. Имя прилагательное халун «жаркий, знойный; горячий» употребляется с такими существительными, как өдр, зун, нарн, салькн, цаг. Именные словосочетания халун өдр «жаркий день», халун зун «жаркое лето», халун нарн «жаркое солнце», халун салькн «горячий ветер», халун цаг «жаркое время» характеризуют погоду с низкой степенью проявления жары, характерное для летнего периода». Таким образом, поддерживается и необходимая проекция практического порядка. Стил ь работы соотносится с собственно научным типом, термины используются в режиме унификации. Структура текста выверена, вводная часть соотносится с основной, основная с заключительной. Работа в должной степени информативна: «данная лексема в сочетании с существительным халун «жара, зной» образует фразеологизмы һа□ халун «жара, зной», һа□ ик халун «неимоверная духота, жара, зной». Например, зуг эн өдрмүдт һаң халун болад, эдн көдлмшэн невчк зогсах зөвтэ болв «в эти дни наступила неимоверная жара, и они вынуждены были приостановить свою работу» (НККЯ, Хальмг унн, 2006-08-17). Наступление сильной жары приносит свои трудности для скотоводов. В такие жаркие дни начинается период созревания овода, коровы становятся беспокойными и, подняв хвосты, убегают от овода. Например, зунар, һаң халунд, малыг түргн хазж зовахла, тедн шоодрлад, сүүлэн өргчкэд гүүлдцхэдмн «летом, в жаркий зной, когда овод кусает скотину, то они подняв хвосты, бегают от овода», или «Калмыки употребляют данный фразеологизм ноха һа□нм халун, ноха һа□нм халун в летний жаркий день, когда в ямах, лужах образовавшаяся дождевая вода доходит до кипения. В такую жару невозможно ходить без головного убора, ходить босиком, так как земля настолько горячая, что обжигает пятки. Коровы подняв хвосты, бегают от овода, овцы прячась в тени друг друга, тяжело дыша, стоят, собравшись кучу. В такой неимоверный зной мираж в степи мерцает неясно. Воздух к обеду становится подобно пару из кипящего котла. Но, именно в такую неимоверную жару, палящий зной, калмыки ходили охотиться на волков. Это было самое благоприятное время для охоты на волков, когда всегда возвращались с добычей, так как неимоверная жара изнуряла и животных...» и т.д. Считаю, что автору удастся грамотно выстроить ступени аналитического порядка, мотивированно охарактеризовать использование в монгольских языках «метеолексемы халун». Замечу, что некоторая правка нужна на уровне технической подачи: например, «характеризующий» и т.д. Автору необходимо вычитать текст, устранить данные недочеты. Привлекает в работе установка на расширительное понимание лексемы «халун»: например, «с лексемой халун образуются наименования некоторых болезней. Например, халун гем «брюшной тиф», халун көртг «сыпь». Намаг бичкнд, 1918-гч жил мана өрк-бүл немс халун гемэр гемтэд унла, мана өөр бээсн улс манас цеерлэд, һанцхн мана хаһрха хар гериг гемтэ улстаниһ хайчкад нүүһэд йовж одцхала «когда я был маленьким, в 1918 году наша вся семья заболела брюшным тифом и слегла, наши соседи, боясь заразиться, оставив нашу бедную кибитку со всеми болеющими людьми одних, переехали». (НККЯ, Эрендженев К., кн. 2, 1979). Эн күчр бээдлэс көлтэ, 1944-ч жилин эклцэр хальмгуд халун гемэс олар хорад бээцхэв «из-за этих событий, в начале 1944 года много калмыков погибло от брюшного тифа» (НККЯ, Илюмжинов Н., 1900-2011)». Итоги по тексту правомерны; основные требования издания учтены; цель исследования достигнута, задачи решены. Рекомендую статью «Структурно-грамматические и лингвокультурологические аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Горностаева А.А. Социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии // Litera. 2024. № 3. С. 199-201. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70258 EDN: HVOEMA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70258

Социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии

Горностаева Анна Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра переводческого и педагогического мастерства, Московский государственный лингвистический университет

119526, Россия, Москва область, г. Москва, проспект Вернадского, 105-4, кв. 299

✉ anngornostaeva@yandex.ru[Статья из рубрики "Ирония"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.70258

EDN:

HVOEMA

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Статья представляет собой обзор существующих научных взглядов на иронию как явление, находящиеся на стыке нескольких дисциплин. Представлены определения этого феномена с точки зрения философско-эстетического, антропологического, литературоведческого, лингвистического подхода. Перечислены взгляды на иронию как категорию комического, мировоззренческую категорию, как на способ восприятия и осмысления действительности. Автор указывает на то, что в процессе коммуникации ирония является своеобразным барьером для разделения участников на «иронизирующих» и их «жертвы», то есть на тех, кто в состоянии интерпретировать иронию и «непосвященных». Дискурсивная ирония рассматривается как продукт взаимодействия, сотрудничества между автором и адресатом, в результате которого иронический эффект может возникнуть (при правильной интерпретации

иронического высказывания) или не возникнуть (в случае коммуникативной неудачи).

Разнообразные трактовки понятия «ирония» рассмотрены в сопоставлении, приведены аргументы, обосновывающие авторское согласие/несогласие с существующими формулировками. В центре внимания статьи – ирония-эффект, возникающая как результат взаимодействия между собеседниками: иронизирующим говорящим и воспринимающим и интерпретирующим иронию реципиентом. Вклад автора в развитие теории дискурса выражен в анализе иронии в английской и русской лингвокультурах. В статье выделены основные социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии. Делается вывод о важности иронии в коммуникации, о ее роли в вербальном и эмоциональном интеллекте участников дискурса. Новизна исследования заключается в том, что в предлагаемой работе ирония рассматривается как неотъемлемая характеристика современного английского и русского дискурса, которая обеспечивает достижение говорящим выполнения коммуникативной интенции. Основным результатом работы является постулат об этностилистической маркированности иронии, что открывает широкие перспективы для изучения особенностей иронии в национальных дискурсах. Данные, представленные в статье, могут быть использованы для дальнейшего развития этностилистики, лингвопрагматики, теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова:

ирония, коммуникация, дискурс, иронический, стилистика, лингвистика, язык, культура, эмоции, смысл

Введение

Ирония представляет собой многоплановое явление, выходящее далеко за пределы языка. Ученые рассматривают иронию с точки зрения философско-эстетического подхода, как категорию комического, а также в литературном и лингвистическом аспектах. Отечественные и западные исследователи говорят о тотальности и повсеместности иронии: она присутствует в межличностной коммуникации, искусстве, журналистике, рекламе, политике, науке и в целом практически во всех областях культурного взаимодействия. В данной статье представлен взгляд на иронию как элемент дискурса и как дискурсивную тактику.

Трактовка понятия «ирония»

Само слово «ирония» имеет значения, выходящие за рамки понятия фигур речи. Ф. Шлегель определяет ее как «настроение, оглядывающее все с высоты и бесконечно возвышающее над всем обусловленным, в том числе и над собственным искусством, добродетелью или гениальностью» [\[10, с. 283\]](#).

Понимание иронии меняется с течением времени, она по-разному толкуется не только представителями разных культур, но и внутри одной культуры, «ее по-разному представляют себе ученые и люди, не относящиеся к науке» [\[18, с. 9\]](#). Ф. Юс подчеркивает, что ирония непременно нуждается в некоем фоне (так называемое «эхо» – *echo*), подкрепляющем ее: мнении, норме, мысли или высказывании, с которыми она ассоциируется [\[20, с. 100\]](#). Р. Чеймберс называет иронию явлением «невывраченного понимания» (“a matter of unspoken understandings”) и явлением «идеологической сложности», т. е. основанным на общем понимании устройства мира [\[12, с. 19\]](#). В

приведенных определениях представляется особенно важным подчеркнуть оценочность, которой обладает ирония и которая проявляется в модальности иронии (позитивной или негативной).

В ранних толкованиях иронии зафиксировано, что ирония – это разновидность лжи, так как говорящий высказывает нечто противоположное тому, что думает, следовательно, говорит неправду. Такое понимание отражено в этимологии: в древнегреческом языке «иронизировать» означало «говорить ложь», «насмехаться», «притворяться». Ю. Н. Варзонин предлагает объединить иронию и ложь на том основании, что они изначально не присутствовали в языке, точнее сказать, не были информационными техниками человека: когда-то они появились в арсенале личности, потом закономерно обрели языковой способ кодирования. По мнению этого исследователя, человек сам учится лжи, точно так же он постигает механизмы иронии; следовательно, «нет ничего более близкого лжи, чем ирония» (Варзонин, Ю. Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Варзонин Юрий Николаевич. – Тверь, 1994. – С.30). Данное наблюдение, на наш взгляд, верно лишь отчасти, а именно в том, что искусство лгать и иронизировать не преподается, а приходит в процессе жизненного опыта. Мы разделяем точку зрения Н. Н. Панченко о том, что вранье, обман не всегда деструктивны [\[4\]](#), в этом тоже проявляется сходство иронии и лжи. Зачастую ложь, как и ирония, является инструментом манипулирования мнением собеседника, что также сближает эти понятия. Мы разделяем мнение, что ироническое высказывание всегда ложно с точки зрения логики. Тем не менее ирония и ложь различны по своей сути из-за разницы в коммуникативных интенциях авторов ироничного/лживого высказывания.

Связь иронии с намеренной неискренностью была отмечена многими авторами [\[5, с. 14-15\]](#), [\[11, с. 117\]](#), [\[13, с. 57-58\]](#), [\[17, с. 83\]](#), которые, в частности, обращают внимание на обманчивую природу иронии ("the deceitful nature of irony") и полагают, что «косвенность иронии является щитом, маскирующим истинное намерение, которое может расцениваться говорящим как рискованное» [\[14, с. 165\]](#).

Несмотря на то что отличить иронию от лжи иногда бывает трудно, между ними существуют явные различия, на которые указывали многие исследователи иронии [1-3, 5-7, 15 и др.]. Ложь в большинстве случаев имеет корыстную цель и прячется под маской истины; ирония же, явная или неявная, рассчитана на понимание собеседником скрытого смысла – без этого ироническое высказывание теряет свое значение. А. Ф. Лосев пишет по этому поводу: «Ирония в отличие от обмана не просто скрывает истину, но и выражает ее <...> Сущность иронии заключается в том, что я, говоря "да", не скрываю своего "нет", а именно выражаю, выявляю его» [\[3, с. 73\]](#). Замечено, что ирония, в отличие от простого обмана, предстает как бы в двойной экспозиции, когда утверждение и снимающее его отрицание выражаются явно [\[6\]](#). В противоположность лжи, ирония не имеет намерения выдать себя за правду, автор иронического высказывания намеренно передает информацию о своей неискренности. Являясь выражением неискренности говорящего, ирония идет дальше, это не столько выражение, сколько передача неискренности. На наш взгляд, главное различие между иронией и ложью заключается в коммуникативном намерении говорящего: цель лжеца всегда лежит вне высказывания, в то время как ироническая фраза, в которой притворство говорящего очевидно, является самоцелью (выражением отношения к объекту иронии).

Помимо неискренности необходимо также отметить такое свойство иронии, как ее

неоднозначность. Д. С. Храмченко справедливо указывает на варьирование иронии от тонкой насмешки, выраженной в скрытой форме, антифразиса, до способа мировоззрения [\[8\]](#). С этой неоднозначностью связано и многообразие ее видов: вербальная, ситуативная, структурная, космическая, ирония судьбы и т. д., что определяет выбор подхода к анализу той или иной ее разновидности.

Лингвисты различают риторико-стилистический, структуральный и прагматический подходы к изучению иронии, последний из которых рассматривает ее в аспекте теории речевой деятельности, в аспекте речевых актов, максим и принципа кооперации. По мнению Е. А. Брюхановой, ирония является сегментным концептом, и в ней следует выделять три компонента: философско-эстетическая (мировоззренческая) ирония, литературоведческая (как часть комического) и стилистическая ирония (*Брюханова, Е. А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы (на материале произведений О. Уайльда, С. Мозма, Дж. Барнса) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2004. – 170 с.*).

Исследователь иронии С.И. Походня [\[7\]](#) выделяет в рамках литературоведческой иронии два основных типа: ирония как стилистический прием (ироническая насмешка) и ирония как эффект, производимый на читателя (или зрителя, так как данный тип иронии часто встречается в драматических произведениях). Это дает возможность говорить о разнице в терминах «ирония-прием» и «ирония-эффект»: «Подход к иронии как к способу мировосприятия подвел и литературоведов, и лингвистов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка» [\[7, с.16\]](#).

Говоря о дискурсивной иронии, то есть той иронии, которая возможна только при совместном участии автора и адресата иронического высказывания, мы подразумеваем значение «ирония-эффект», имея в виду эффект, возникающий в процессе взаимодействия собеседников.

Этностилистическая маркированность иронии

Так же, как и юмор, ирония имеет национально-культурную специфику. Юмор является национальным достоянием каждого народа, он проявляется в образе жизни и способах взаимодействия с окружающей действительностью, во взаимоотношениях между людьми и, конечно, в языке. Представители разных культур смеются над разными вещами: то, что считается смешным у одного народа, возможно, не покажется таковым другому. Поскольку юмор является неотъемлемой частью языковой картины мира, необходимо знать и понимать его механизмы, чтобы эффективно общаться. Точно так же необходимо принимать во внимание факторы, определяющие особенности использования иронии в разных иронических жанрах: этностиль, идиостиль и ситуативный контекст. Ирония часто служит своеобразным фильтром для выявления «своих», т. е. тех, кто понимает и правильно интерпретирует слова говорящего. По замечанию Л. Хатчеон, ирония делит слушателей на целевую аудиторию и «жертвы», провоцируя эмоциональную реакцию и у первых, и у вторых [\[16, с. 2\]](#). Ирония является тонким инструментом общения и используется говорящим для наблюдения за реакцией собеседника и оценки его интеллекта, который можно подразделить на вербальный и эмоциональный, что предопределяет оценку «вербального интеллекта: языковых способностей и талантов, а также эмоционального интеллекта: эмоциональной реакции на ироническое

высказывание» [\[2, с. 91\]](#).

Корректное толкование иронии может сблизить собеседников, создать эффект «причастности», обеспечить комфортную и плодотворную коммуникацию. Непонятая или неуместная ирония, напротив, приводит к разрушению понимания, ухудшению межличностных отношений. Иначе говоря, понимание иронии «ведет либо к хаотизации, либо к гармонизации общения» [\[12, с. 179\]](#).

Итоги

Суммируя все вышесказанное, можно определить роль иронии в коммуникации следующим образом: ирония – важный компонент коммуникации, который добавляет эмоции и оттенки в процесс взаимодействия участников общения. Используя метафору, предложенную К. М. Шилихиной, мы присоединяемся к мнению, что «ирония – это приправа, придающая блюду вкус и пикантность» [\[9, с. 31\]](#). Развивая эту мысль, можно добавить, что эффект коммуникации может как улучшаться (при правильном и уместном употреблении иронии), так и ухудшаться (при неумелом, чрезмерном, неоправданном использовании этого инструмента).

В настоящем исследовании ирония понимается как характеристика современной политической коммуникации, проявляющаяся в ироническом образе говорящего. Характер используемой иронии, частотность иронических высказываний и их функции обусловлены национально-культурной спецификой, индивидуальными особенностями иронизирующей личности и ситуативным контекстом. Ирония выполняет разнообразные функции, подчиняется определенным механизмам порождения и выражается при помощи обширного набора языковых средств.

Вывод

Суммируя основные социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии, отметим наиболее важные из них: намеренная неискренность, неоднозначность, этнодискурсивность, двойственность (ирония-прием и ирония-эффект). Двойственность иронии принимается во внимание при рассмотрении ее как дискурсивной практики и как свойства дискурса, возникающего в результате взаимодействия между автором и адресатом.

Библиография

1. Ермакова, О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. – Вып. 1-2(9-10). – Калуга, 2014. – С. 74–80.
2. Жирова, И. Г. Ирония – «ключевое слово» в британской и французской языковых культурах / И. Г. Жирова, Н. Г. Епифанцева // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2(22). – С. 77–98.
3. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – Москва: Искусство, 1995. – 320 с.
4. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография. – Волгоград: Перемена, 2010. – 395 с.
5. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры. – Петрозаводск, 2000. – 106 с.
6. Пигулевский, В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. – Ростов-на-Дону : Фолиант, 2002. – 418 с.
7. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. – Киев: Наукова думка, 1989. – 126 с.
8. Храмченко, Д. С. Ирония как средство активизации синергийных процессов прагма-

семантической самоорганизации английского делового дискурса. // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 67. – С. 175–180.

9. Шилихина, К. М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 6. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 24-32.

10. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. / составление, перевод с немецкого, вступительная статья Ю. Н. Попова. – Т. 1. – Москва : Искусство, 1983. – 479 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Содержание статьи "Социокультурные и лингводискурсивные характеристики иронии", представленной для публикации в журнале "Litera", соответствует заявленной теме. В ней изучается понятие иронии в дискурсе. Методы исследования основаны на дискурсивном анализе, предполагающем выявление за устной или письменной речью текста определенной социальной направленности. Актуальность работы очевидна, т.к. характеризует современный взгляд на взаимосвязь языка и социальных процессов. Научная новизна исследования заключается в теоретическом описании категории "ирония" в социокультурном и лингводискурсивном планах. Помимо лингвистической точки зрения автор рассматривает толкования понятия "ирония" в философии, литературоведении, отмечает оценочность иронии, делает попытку раскрыть соотношение понятий "ирония" и "ложь". Приводя мнения многих исследователей о сущности изучаемой категории, автор разделяет их точку зрения относительно того, что "ироническое высказывание всегда ложно с точки зрения логики. Тем не менее ирония и ложь различны по своей сути из-за разницы в коммуникативных интенциях авторов ироничного/лживого высказывания": ложь корыстна и прячется под маской истины, а ирония "рассчитана на понимание собеседником скрытого смысла", ибо "ироническая фраза, в которой притворство говорящего очевидно, является самоцелью (выражением отношения к объекту иронии)".

В процессе рассуждения автор подчеркивает такие свойства иронии, как неискренность, неоднозначность, этнодискурсивность, двойственность. Также отмечается видовое многообразие иронии в различных научных трудах, среди которых в рамках предпринятого исследования в русле дискурсивного анализа ирония рассматривается как "ирония-эффект", возникающий в процессе взаимодействия говорящих, добавляя "эмоции и оттенки".

Немаловажным является выделение автором национально-культурной специфики иронии. Исследователь правильно подмечает, что ирония зачастую служит своеобразным средством разграничения в оппозиции "свой - чужой", т.к. смысл иронии понятен лишь посвященным, знающим конкретно данную культуру личностям.

В целом, стиль, структура и содержание статьи соответствуют требованиям, предъявляемым к такого рода работам. Однако в качестве замечания можно обозначить то, что тезис, указанный в итогах исследования так: "В настоящем исследовании ирония понимается как характеристика современной политической коммуникации, проявляющаяся в ироническом образе говорящего", не находит подтверждения в тексте статьи. Кроме того, считаем, что необходимо подкрепить иллюстративными примерами и теоретическими обобщениями тезис о выражении иронии "при помощи обширного набора языковых средств" - данный тезис так же требует более подробного изложения и характеристики.

Библиография, приводимая в конце статьи, достаточна для раскрытия основных положений работы, содержит в том числе и новые монографии и научные статьи. В процессе анализа автор постоянно обращается к мнениям оппонентов, находя точки соприкосновения со своей точкой зрения. Выводы исследования будут интересны читательской аудитории, специалистам по дискурсу.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цю Т. Анализ темпоральной и пространственной систем в китайской лингвокультуре (на фоне русского языка)

// Litera. 2024. № 3. С. 202-204. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70224 EDN: HVRUYA URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70224

Анализ темпоральной и пространственной систем в китайской лингвокультуре (на фоне русского языка)

Цю Таожуй

аспирант, кафедра общего сопоставительно-исторического языкознания, Московский
Государственный Университет

119415, Россия, г. Москва, ул. Кравченко, 7, кв. 1117

✉ qiutr@my.msu.ru[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.70224

EDN:

HVRUYA

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Настоящее исследование посвящено концептам времени и пространства как фрагментам русской и китайской языковых картин мира. Представления людей о времени и пространстве относятся к базовым представлениям, лежащим в основе любой культуры и мировоззрения всякого народа, поэтому в настоящем исследовании мы постарались «объединить» выявленные нами особенности китайского и русского восприятия времени и пространства. В качестве объекта в нашем исследовании выступает темпоральная и пространственная система как фрагмент русской языковой картины мира, связанный с представлениями о времени и пространстве. Предметом исследования являются языковые средства, в которых закреплены представления носителей русского языка о времени и пространстве, рассматриваемые в сравнении с тем же самым в китайском языке в лексическом, семантическом и грамматическом

аспектах. Целью исследования является выявление и описание основных специфических особенностей представлений о времени в китайском и русском языках, выявление основных различий в представлении о времени и пространстве в китайской и русской языковых картинах мира. Для анализа концептуальных моделей времени в этих двух языках использовались методы структурно-семантического, лингвокультурологического и сопоставительного анализа. Научная новизна данной статьи заключается в осуществленной попытке использования пространственной модели для описания концепции времени с целью выделения возможных временных измерений в языке, а также в попытке интерпретирования и обобщения понятий времени с точки зрения когнитивного восприятия носителей китайского языка. Теоретическая значимость статьи заключается в стремлении конкретизировать когнитивное восприятие носителей языка путем анализа исторических и культурных истоков моделей времени, а также обобщения некоторых закономерностей выражения времени в современных языках. Исследование базового понятия концептов времени и пространства способствует дальнейшему развитию когнитивных моделей носителей данного языка, что имеет практическую значимость в области перевода, обучения русскому и китайскому языкам как иностранным, и межкультурной коммуникации в целом.

Ключевые слова:

время, пространство, языковая картина мира, лингвокультура, когнитивная лингвистика, перевод, концепция времени, концепция, модель времени, литературы древне-китайского языка

Время и пространство считаются двумя основными космическими формами, которые широко изучаются не только в сферах естественных наук, но и в философии и лингвистике. В данном исследовании особое внимание было привлечено к проблематике выражения времени предложно-падежными формами, что характерно именно для русского языка и сложно для декодирования смысла со стороны китайца, изучающего русский язык или переводчика, особенно при учете взаимоотношения значений времени и места (предлоги, например: около, от, до, через и др.). Развитие значений времени на базе локативности (но не наоборот) считается универсальной особенностью стратегии развития в истории индоевропейских языков.

Дж. Лакофф и М. Джонсон предположили, что существуют физическое пространство и когнитивное пространство, а также существует много возможных схем пространственной ориентации, например «верх – низ», «вперед – позади», «внутри – снаружи» и т. д., и люди переносят эту ориентацию на природную среду. Таким образом, при обсуждении определенного объекта или концепции возможно, что разные языки могут проявлять разное понимание и когнитивные паттерны одного и того же объекта или концепции, понимаемые как различные когнитивные маркеры в каждом языке.

По аналогии с пространственной лексикой в русском языке, для выражения временно-пространственных отношений в китайском языке есть соответствующая часть речи 方位詞 (fang1 wei4 ci2) – слово со значениями сторон и координат, «некоторые из этих слов, помимо значения пространства, имеют значение времени» [\[1, с. 104\]](#).

Концепции времени и пространства универсальны в различных языках и оба понятия выражаются через концепции непрерывности, направления, расстояния (длины) и порядка. Однако, с древних времен и до наших дней в китайской культуре время и

пространство представляли неразделимыми. Можно смело утверждать, что единая временно-пространственная система является одним из базовых установок в познании китайцев.

Самая ранняя концепция измерения времени в древнекитайской литературе – 宙 (zhou4). В тексте «尸子 (shi1 zi3)» отмечается, что «天地四方為宇,古往今來為宙 (tian1 di4 si4 fang1 wei2 yu3, gu3 wang3 jin1 lai2 wei2 zhou4): четыре направления, вверх и вниз называется – 宇, а с прошлого до нашего называется – 宙» [2, с. 37]. Таким образом, термин 宇宙 (yu3 zhou4) стал первоначальным представлением времени и пространства в древнекитайской культуре. Этот термин до сих пор используется и сохраняется в современном китайском языке, где он переводится как «вселенная».

Понятия времени и пространства могут быть прослежены до фрагмента «宙合(zhou4 he2)» из «管子(guan3 zi3)»: «Небо и земля обволакивают все сущее, поэтому оно называется 橐 (tuo4) – тканевый карман всего сущего; а 宙 (zhou4) и 合 (he2) обволакивает карман неба и земли (по комментированию: 宙 (zhou4) – время, с древности и донныне; 合 (he2) – пространство, так же как 六合 (liu4 he2) – вверх, вниз, вперед, назад, влево и вправо. 宙合(zhou4 he2) – охватывая время и пространство» [3, с.190 – 192]. 橐 (tuo4) в вышеприведенном предложении обозначает: небо и земля содержат все вещи, а время и пространство содержат небо и землю. Это древнейшее изложение концепции единства пространства и времени в древнекитайской философии: пространство и время рассматриваются как образующие основу для вмещения всех аспектов мира, аналогично карману, который объединяет все вещи во Вселенной.

Подобным образом в «墨子(mo4 zi3)» определяются время и пространство с помощью понятий «弥异时 (mi2 yi4 shi2)» и «弥异所 (mi2 yi4 suo3)»: 宇,弥异所也; 久(宙),弥异时也 (yu3, mi2 yi4 suo3 ye3; jiu3 (zhou4), mi2 yi4 shi2 ye3) можно интерпретировать как «Пространство – это место вселенной; время – это длительность времени вселенной». По канону отмечается 久, 合古今旦暮; 宇, 东西家南北 (jiu3, he2 gu3 jin1 dan4 mo4; yu3, dong1 xi1 jia1 nan2 bei3): «Вечность включает в себя прошлое и настоящее, утро и вечер; космос – Восток и Запад, Север и Юг» [4, с. 328]. Образец 39 и 40 в «Mozǐ Вєрх» выдвигают определения времени и пространства. 久 (jiu3) имеет то же древнее произношение, что и 宙 (zhou4), т. е. 久 (jiu3) означает 宙 (zhou4). 久 (jiu3) означает бесконечное время, 宇 (yu3) означает огромное пространство, а термин 弥(mi2) описывает бесконечность времени и необъятность космоса.

Использование этого термина авторами «Мохистского канона» может тонко продемонстрировать общность времени и пространства – бесконечность. 久 (jiu3) и 宇 (yu3) в данном контексте описывают как процесс движения объекта, так и последовательность событий в процессе его изменения. Это не только отражает взаимосвязь времени и пространства, но и выражает общее понятие, формируемое взаимосвязью этих аспектов.

В процессе китайско-русского перевода, в дополнение к обращению внимания на соответствие когнитивных маркеров, также необходимо учесть: 1) отклонения в переводе, вызванные познавательными различиями; 2) различия в модальном значении сопоставляемых глаголов; и 3) отклонения в переводе, вызванные лексическими лакунами.

Различия в когнитивных маркерах в китайском и русском языках включают (но не ограничиваются ими) различия в понимании направления. Наиболее типичным является указание «впереди» и «позади» в пространственно-временном поле. По русскому

ассоциативному словарь-тезаурусу, слово «прошлый» как стимул реагирует со словами «история» и «позади» [5, с. 194-195], а на стимул «будущий» расположена реакция «вперед» [5, с. 18].

Однако, при сравнительном изучении языковой картины мира и изучении процесса перевода проблематика заключается в различиях когнитивных маркеров. При описании определенного момента времени в прошлом или будущем, когда говорящий находится и исходит из настоящего момента, состав китайского выражения таков: [продолжительность времени] + [определение направления]. Выражение в русском языке аналогично этому составу, например, пять лет (продолжительность времени) назад (определение направления), но определение направления в китайском языке прямо противоположен определению направления в русском. В том же примере «пять лет назад» в китайском языке переводится как 五年 (5 nián) (продолжительность времени) 前 (qián) (определение направления)", в то время как 前 (qián) в русском языке напрямую переводится как «вперед, передний».

Следует отметить, что в китайском языке направление времени не фиксировано, и в нем существует одновременно две модели ориентации во времени:

- 1) будущее находится за нами, а прошлое – перед нами.
- 2) будущее находится перед нами, а прошлое – за нами.

«Пять лет назад» является типичным примером первого варианта, в то время как второй вариант более неявный. В качестве примера, выражение «走向未來 (zou3 xiang4 wei4 lai2)» буквально переводится как «идти в будущее», что подразумевает, что будущее находится перед человеком, а история и прошлое позади него. Подобные выражения включают в себя также «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2)», буквально переводится как «лицо к будущему».

Вторая модель определяет направление будущего путем описания действий человека и наделяя будущее когнитивным маркером, тем самым определяя направление будущего. В отличие от первой модели, которая явно указывает направление на прошлое и будущее, вторая модель, используя такие глаголы, как смотреть, идти и т.д., позволяет почувствовать то, что будущее находится перед говорящим.

Во второй модели направление времени противоположно первой, то есть будущее находится впереди, а прошлое – сзади. Мы можем подтвердить эту гипотезу, сравнив данные о частоте использования этой ориентации в целевом языке, например, сравнив «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2): лицо к будущему» и «面向過去 (mian4 xiang4 guo4 qu4): лицо к прошлому». При анализе формального текста, такого как новости, данные из корпуса Народной дневной газеты (人民日報分詞語料NEPD: <http://corpus.njau.edu.cn>) показывают, что в январе 2018 года «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2)» была использована 39 раз, в то время как фраза «面向過去 (mian4 xiang4 guo4 qu4): лицо к прошлому» не дала результатов. Данные из БЦЦ Центра корпусов при Пекинском языковом университете (北京語言大學語料庫中心BCC語料庫: <http://bcc.blcu.edu.cn>) показывают, что фраза «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2)» встречается в корпусе 3590 раз, в то время как «面向過去 (mian4 xiang4 guo4 qu4)» встречается всего 7 раз.

Сравнение приведенных корпусных данных наглядно демонстрирует предпочтения и выбор темпоральной ориентации китайскими носителями языка. Мы не полностью исключаем темпоральную ориентацию «面向過去 (mian4 xiang4 guo4 qu4): лицо к прошлому», поскольку такие конструкции могут оправдываться в определенных

контекстах (например, при подчеркивании исторических событий, которые оказали влияние на текущую ситуацию).

В русском языке также можно наблюдать как когнитивные маркеры в выражениях, так и специфические особенности в определении направления времени, к примеру, в словосочетаниях «за плечами», «на носу», «30 лет назад», «все позади» и «в последующем году», «в предшествующем».

Временной системе русского языка, как и многим европейским языкам, более характерна одномерная, прямая линия. Н. Д. Арутюнова также отмечала, что «психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным "точкою присутствия" на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [\[6, с. 52\]](#).

В исследовании «Америндская модель вселенной (1936)», Б. Уорф выделил две космические формы, которые известны нам в качестве двух независимых и отдельных аспектов реальности: времени и пространства. Это заключение было сделано на основе сравнения английского и языка хопи. Б. Уорф считал это метафизикой, лежащей в основе нашего собственного языка, мышления и современной культуры: пространство статично, трехмерно и бесконечно, а время кинетическое, одномерно и всегда текущее. Область текучего времени, в свою очередь, подразделяется на три аспекта: прошлое, настоящее и будущее [\[7, с. 59\]](#).

Однако при сравнительном анализе китайского и русского языков мы обнаруживаем, что в китайском языке время и пространство синкретично объединены, они разделяют одни и те же характеристики, и время в китайской языковой картине мира тоже обладает трёхмерным свойством. Оно может быть представлено с центром вокруг говорящего и события и расширяться во всех физических направлениях от этой оси, включая все интервалы и расстояния, все последовательности и числа, и это отражается в реальном объективном мире, создавая временные отношения между событиями.

Во второй модели, при определении направления времени, возможна другая проблема, заключающаяся в том, что модальное значение, присущее разным глаголам, описывающим человеческое поведение, может привести к значительным различиям в семантике предложения.

В качестве подтверждения, «面對 (mian4 dui4)» и «面向 (mian4 xiang4)» в русском языке могут быть буквально переведены одинаково, как «(вернуться) лицом к...», но между ними есть некоторые тонкие различия в модальном значении, если взять в качестве примера направление «未來(wei4 lai2): будущее»:

Глагол «面對 (mian4 dui4)» подчеркивает прямую встречу, реагирование на ситуацию, проблему или трудность. Словосочетание «面對未來 (mian4 dui4 wei4 lai2)» акцентирует столкновение с вызовами неизвестного или неопределенности, которое может включать в себя преодоление трудностей или принятие решений в будущем.

Глагол «面向 (mian4 xiang4)» обозначает направленность, ориентацию или ориентированность на определенную цель или объект. Словосочетание «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2)» более явно подчеркивает направление или ориентацию на будущее. Данное выражение может относиться к стратегии, плану или методу, акцентируя направление и цель в будущем.

В общем, «面對 (mian4 dui4)» более акцентирует реакцию на события в будущем, в то

время как «面向 (mian4 xiang4)» более фокусируется на направлении, виды или ориентации на будущее.

Кроме указанного, отсутствие определенных слов или асимметрия в значениях слов также может привести к различиям и отклонениям в переводе. Например, в китайском и русском языках членение суток на периоды могут казаться соответственными, но на самом деле имеют разные значения или имеют пробелы в словарном запасе или лексике. В расписании международной научной конференции «Революция и космос в литературе, искусстве и философской мысли XX–XXI вв.», проведенной Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН 14–16 декабря 2017 года было указано, что утреннее заседание началось в 11:00 и закончилось в 15:00, которое может показаться приемлемым или полностью обоснованным для русских, но для китайцев оно может показаться крайне противоречивым. Поскольку китайское представление о времени тесно связано с сельскохозяйственной культурой древнего Китая, это приводит к тому, что понятие утро имеет строго ограниченные рамки, которое по словарю Синьхуа «относится к периоду от рассвета до восьми или девяти часов» [\[8, с. 1699\]](#).

Если мы попробуем сопоставить и проанализировать слова, соответствующие членениям суток, то мы легко обнаружим, что в целом у нас есть четыре отрезка, которые можно сопоставить: утро (早zao3) – день (午wu3) – вечер (晚wan3) – ночь (夜ye4). Обнаруживаются слова, для которых трудно найти эквивалент, такие как «凌晨 (ling2 chen2)» в китайском, которое является общеупотребительным словом (данные из корпуса BBC Peking Language University показывают 34185 употреблений). 凌晨 (ling2 chen2) – это период времени с полуночи (00:00) до восхода солнца, иероглиф «晨 (chen2)» понимается как со значением утра, восхода солнца. Тем не менее, данное слово трудно соотнести с русским «раннее утро», так и со словом «ночь» из-за его семантический компонент «晨 (chen2)», в то время как в китайском языке уже существует слово «夜 (ye4)», соответствующее «ночь», что приводит к образованию лингвистической лакуны.

Более того, при разделении суток на утро, день, вечер и ночь в русском и китайском языках, членения не полностью соотносятся друг с другом. В китайском языке с древних времен сформировалась самодостаточная система деления времени и планирования, опирающаяся на земледельческую культуру. Этимология слова 凌晨 (ling2 chen2) отражает важный момент времени, связанный с ранним пробуждением и посевом земли, присущим земледельческой культуре. Именно из-за такого культурного контекста эти слова, сохранившиеся в языке, создали феномен лакун в переводе, обусловленного невозможностью найти эквиваленты словам из-за различий в историческом и культурном контексте. В связи с таким культурным контекстом, лакуны при переводе с китайского на русский язык также включает уникальные китайские понятия, такие как 二十四節氣er4 shi2 si4 jie2 qi4 (рус.: 24 малых сезона, англ.: 24 Solar terms) и некоторые понятия, характерные для лунного календаря.

В заключение можно сделать вывод о том, что языковые конструкции, описывающие время через пространство, распространены в обоих сопоставляемых языках. Выявлены различия, возникающие в процессе перевода китайского и русского языков, как идеологические различия, но существенно отличающиеся по своей размерности: временная линия в русском языке одномерна и текуча, в то время как в китайском языке время, подобно пространству, трехмерно. Трехмерный атрибут времени в китайском языке имеет давнее историко-культурное происхождение, при этом в пространственно-темпоральной системе наблюдаются две противоречивые модели направления времени, каждая из которых имеет соответствующий контекст, причем в некоторых контекстах

разным глаголам будут соответствовать и разные модальные значения. Более того, в связи с культурно-историческими факторами в переводе также преобладают лакуны: понятия, которым нет адекватного выражения в другом языке. Изучение этих языковых конструкций открывает возможность рассмотрения основных представлений в качестве когнитивных моделей для понимания носителей языка и постижения тайн мироздания. Изучение этих идеологических различий имеет прогрессивное значение для межкультурной коммуникации, преподавания русского или китайского языков как иностранного по направлению перевода.

Библиография

1. Лян Сяонань. МГУ имени М.В. Ломоносова: Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2008.
2. Ши Цзяо. Ши Цзы. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2009.
3. Гуаньчжон. Гуаньцзы: верхний том. Пекин: Изд. Книжный магазин Чжунхуа, 2019.
4. Моди. Моцзы (Mozǐ): I том. Хунань: Народное издательство Хунаня, 2006.
5. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том 1: От стимула к реакции. Москва: Московский институт лингвистики, 2014.
6. Арутюнова. Н.Д. Логический анализ языка: Язык и время. Москва: Издательство «Индрик», 1997.
7. Уорф Б. Язык, мышление и реальность. Избранные труды Бенджамина Ли Уорфа. Кембридж: Издательство «Технология» Массачусетского технологического института, 1965.
8. Синьхуа Словарь. Пекин: Коммерческое издательство. 5-е изд. 2005. – 1869 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Базовой темой рецензируемой статьи является анализ темпоральной и пространственной систем в китайской лингвокультуре. Считаю, что предмет исследования соотносится с одной из рубрик издания, следовательно, вариант, представленный к публикации, актуален. Работа открывается достаточно конкретным аналитическим блоком, в котором отмечено, что «время и пространство считаются двумя основными космическими формами, которые широко изучаются не только в сферах естественных наук, но и в философии и лингвистике. В данном исследовании особое внимание было привлечено к проблематике выражения времени предложно-падежными формами, что характерно именно для русского языка и сложно для декодирования смысла со стороны китайца, изучающего русский язык или переводчика, особенно при учете взаимоотношения значений времени и места (предлоги, например: около, от, до, через и др.). Развитие значений времени на базе локативности (но не наоборот) считается универсальной особенностью стратегии развития в истории индоевропейских языков». Так или иначе целевая составляющая конкретизирована, магистраль исследования намечена. Работа имеет цельный, завершённый вид, она самостоятельная, оригинальна, интересна. Иллюстративный фон достаточен: «понятия времени и пространства могут быть прослежены до фрагмента «*宙合*(zhou4 he2)» из «*管子*(guan3 zi3)»: «Небо и земля обволакивают все сущее, поэтому оно называется *橐* (tuo4) – тканевый карман всего

сущего; а 宙 (zhou4) и 合 (he2) обволакивает карман неба и земли (по комментированию: 宙 (zhou4) – время, с древности и доныне; 合 (he2) – пространство, так же как 六合 (liu4 he2) – вверх, вниз, вперед, назад, влево и вправо. 宙合 (zhou4 he2) – охватывая время и пространство)», или «следует отметить, что в китайском языке направление времени не фиксировано, и в нем существует одновременно две модели ориентации во времени: 1) будущее находится за нами, а прошлое – перед нами. 2) будущее находится перед нами, а прошлое – за нами. Пять лет назад» является типичным примером первого варианта, в то время как второй вариант более неявный. В качестве примера, выражение «走向未來 (zou3 xiang4 wei4 lai2)» буквально переводится как «идти в будущее», что подразумевает, что будущее находится перед человеком, а история и прошлое позади него. Подобные выражения включают в себя также «面向未來 (mian4 xiang4 wei4 lai2)», буквально переводится как «лицо к будущему» и т.д.

Методология исследования соотносится с компаративистскими принципами, что вполне подходит для раскрытия темы. Суждения по ходу работы объективны, конструктив не теряется на протяжении всего сочинения. Считаю, что стиль соотносится с собственно научным типом. Например, «однако при сравнительном анализе китайского и русского языков мы обнаруживаем, что в китайском языке время и пространство синкретично объединены, они разделяют одни и те же характеристики, и время в китайской языковой картине мира тоже обладает трёхмерным свойством. Оно может быть представлено с центром вокруг говорящего и события и расширяться во всех физических направлениях от этой оси, включая все интервалы и расстояния, все последовательности и числа, и это отражается в реальном объективном мире, создавая временные отношения между событиями». Заключительный блок соразмерен с основной частью, автор делает вывод, что «языковые конструкции, описывающие время через пространство, распространены в обоих сопоставляемых языках. Выявлены различия, возникающие в процессе перевода китайского и русского языков, как идеологические различия, но существенно отличающиеся по своей размерности: временная линия в русском языке одномерна и текуча, в то время как в китайском языке время, подобно пространству, трехмерно. Трёхмерный атрибут времени в китайском языке имеет давнее историко-культурное происхождение, при этом в пространственно-темпоральной системе наблюдаются две противоречивые модели направления времени, каждая из которых имеет соответствующий контекст, причем в некоторых контекстах разным глаголам будут соответствовать и разные модальные значения». Отмечу в финале, что цель работы достигнута, задачи решены. Материал можно использовать в вузовской практике при изучении дисциплин лингвистического порядка. Рекомендую статью «Анализ темпоральной и пространственной систем в китайской лингвокультуре (на фоне русского языка)» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Муромцева А.О. Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой // Litera. 2024. № 3. С. 205-208.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70105 EDN: HPKHCI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70105

Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой

Муромцева Алёна Олеговна

студент, кафедра финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва

430005, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68, оф. 513

✉ alena.muromczewa@yandex.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.3.70105

EDN:

HPKHCI

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: Разноаспектное изучение женской поэзии – одна из перспективных стратегий современного отечественного литературоведения, позволяющая раскрыть не только инструментарий женского письма, но и женскую ментальность, феминную идентичность, особенности рефлексии автором-женщиной природного и социального мира. В современной мордовской литературе доминирует женская поэзия, разнообразная по жанровому составу, проблемно-тематическому, мотивно-образному содержанию, арсеналу изобразительных средств образности. Среди авторов-женщин особое место занимает эрзянская поэтесса Алина Подгорнова, в произведениях которой прослеживаются постмодернистские тенденции. Предметом исследования в статье являются средства репрезентации лирического «Я» в стихотворениях поэта. Цель работы – проанализировать ряд произведений автора, определить систему образов, посредством которых репрезентировано лирическое «Я», проследить их обусловленность постмодернистским мироощущением поэтессы. Материал составили стихотворения из

сборников «Кроме рифм», «Мель» («Мысль»). Методологическую основу работы определяет структурно-семантический анализ лирического текста, посредством которого описываются структурные компоненты поэтического образа, его смысловая организация, символическая семантика. Научная новизна исследования определяется тем, что в заявленном аспекте лирика А. Подгорновой впервые рассматривается и вводится в контекст отечественного литературоведения. В статье утверждается, что эмоционально-психологическое состояние лирической героини А. Подгорновой обусловлено мироощущением и аксиологической концепцией автора, его восприятием мира как хаоса, нравственного апокалипсиса. Картина мира поэтессы наполнена негативными социальными проявлениями, разрушающими духовно-нравственную сущность личности, нивелирующими общечеловеческие ценности. В ее произведениях лирическое "Я" реализовано в разных образах – выпавшего из гнезда птенца, музыканта-трубача, беспокойного атома, молодого мужчины, который не смог сохранить отношения с возлюбленной, мифологического персонажа. Изложенные в статье умозаключения и положения расширяют представления о состоянии и развитии современной мордовской литературы.

Ключевые слова:

современная мордовская поэзия, женская поэзия, лирика, стихотворение, Алина Подгорнова, лирическая героиня, образ, символ, метафора, репрезентация

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

В современном мордовском литературоведении проблемы женской поэзии не оказываются на периферии исследовательского интереса, изучаются в диссертациях [Дьячкова Е. Н. Образная система и жанровое своеобразие художественного творчества Раи Орловой. Саранск, 2018. 220 с.], монографиях [1; 5], научных статьях [2; 3; 4; 8-11]. Вместе с тем как динамичная система она нуждается в глубокой научной рефлексии, постоянном мониторинге, описании основных тенденций и направлений развития. Особое место в национальном женском дискурсе занимает творчество Алины Подгорновой, поэтические книги которой «Кроме рифм» [6] и «Мель» («Мысль») [7] получили высокую оценку литературоведов [2, 9]. Исследователи отмечают, что в стихотворениях автора «прослеживаются черты постмодернизма – трагическое мироощущение, неудовлетворенность действительностью, ироническая рефлексия мира, тяготение к аллегорическому мышлению, <...> поиск новых путей лирического осмысления мира и человека, оригинальное решение классических тем, экспериментаторство в стиле и языке, своеобразный синтез разнообразных приемов художественности – детализации, предметной образности, иносказательности, интертекстуальности» [9, с. 123, с. 129].

Безусловно, поэтически реализованные А. Подгорновой проблемы, изображенные образы не укладываются в традиционные для мордовской поэзии предыдущих десятилетий строгие тематические рамки, мотивно-образные кластеры. Ее творчество обусловлено самим временем, сложным, противоречивым. Она предлагает новый, критически-эмоциональный, взгляд на мир, имплицитное раскрытие дисгармоничных взаимоотношений в социуме, при этом создает своеобразную коммуникацию с читателем, «апеллирует к его эстетической памяти» [11, с. 152]. Лирическая героиня А. Подгорновой

– натура сложная, с одной стороны, сильная, энергичная, активная, категоричная, способная на протест, с другой – ранимая, незащищенная, чувствительная, но в любом случае вызывающая разнообразные эмоции, заставляющая читателя рефлексировать. Интересны образы, посредством которых реализуется лирическое «Я», – выпавший из гнезда птенец, беспокойный атом, музыкант-трубач, молодой мужчина, мифологический персонаж и др. Проследим их на примере анализа ряда произведений.

Стихотворение «Елеада, или Антиреинкарнация» построено в форме диалога между героиней древнегреческой мифологии Еленой Троянской, женой Менелая, и современной женщиной. Посредством иронии автор манифестирует разницу в их мировоззрении, ценностных приоритетах. Своенравная, самолюбивая и эгоистичная «дочь богов» называет себя «прекраснейшей из женщин», не считаясь с моральными нормами, открыто заявляет, что желает новой любви, страсти: «Не хочу Менелая. Я жду Париса!» [6, с. 44]. Елена грезит о вечной красоте и молодости, но ее мечты напрасны. Она потеряла связь с действительностью, не осознает истины – она не может существовать в современном социуме, основанном на иных ценностях. Ее оппонент иронично бросает ей: «Елена, статуи ваши в лощинах трещин» [6, с. 44]. Героиня предлагает ей взять современное имя Алина, вжиться в новое тело, что Елена воспринимает оскорблением, позором, стыдом, боится, чтобы об этом не узнали Зевс и Аид. Женщина иронизирует над раздосадованной Еленой: «Если тело не по душе, можете взять Нюрку...» [6, с. 44]. Так и не выбрав тело для реинкарнации, тщеславная героиня вынуждена покинуть земной мир и вернуться «в пансионат Аида». Репрезентация образа мифологического персонажа в комическом ракурсе свидетельствует о критическом мировосприятии поэтессы, ее желание актуализировать вопросы нравственно-этического содержания, соотнести ценностную систему разных эпох. Сопоставляя антиномичных по мироощущению героинь, автор имплицитно отвечает на вопрос, что является ценностью для каждой из них. Рациональная героиня, сформированная в условиях современной действительности, понимает, что не имя красит человека, а человек – имя. Она руководствуется моральными и нравственными принципами, Прекрасной же управляют тщеславие, самолюбие. Безусловно, авторские симпатии на стороне современной женщины, Елена вызывает ироничные и критичные эмоции.

В стихотворении «Монолог трубача» четко прослеживается характерное для постмодернистского сознания чувство неудовлетворенности, разочарования. В произведении противопоставляются музыкант и толпа. Автор позиционирует себя трубачом, музыкальный дар которого растрачивается впустую, поскольку послушать его приходят люди, не понимающие сути истинного искусства, желающие утолить скуку и хандру: «Я вам играл. Ко мне, чужому мужу, / Вы шли за утолнением тоски» [6, с. 57]. Самопожертвование музыканта передается посредством развернутой метафоры: «Я вам играл. / Я распахнул вам душу. / Я снес с петель и двери и замки...» [6, с. 57]. Осознание того, что люди хотят получить от музыки лишь наслаждение, не углубляясь в природу искусства, не задумываясь над его эмоциями, приносит трубачу разочарование, душевную боль. Коммуникация толпы и музыканта ограничена, что передается посредством нераспространенных предложений: «Волнение. Боль. Зал» [6, с. 57]. Для трубача музыка – это состояние души, своеобразная связь с миром, величайшая ценность, поэтому за свою игру он не просит похвалы («Не покупайте для меня цветочек» [6, с. 57]), а желает одного – не играть для тех, кто не понимает музыку. Позиционируя себя трубачом, автор стремится имплицитно раскрыть драматичное мироощущение музыканта: порой аудитория не воспринимает истинную ценность

высокого искусства. Лексическое доминирование в тексте глагола «играл» создает определенную звуковую тональность текста, одновременно усугубляют эффект непонимания между музыкантом и толпой.

В стихотворении «Я птенец, родившийся вне гнезда...» постмодернистское мироощущение поэтессы отражается посредством образа только что вылупившегося птенца. Он символически соотносится с современным поколением, которое также родилось «вне гнезда» (не имеет своего дома). Беззащитное существо оказывается в апокалиптических реалиях: «Надо мной не горит ни одна звезда, / Подо мной в руинах лежит мой дом, / Надо мной нарезает круги беда. / Подо мной осью скрипит Земля» [7, с. 9]. Он понимает, что ему не под силу бороться с мироустройством, внешними разрушительными проявлениями, поэтому приходит к неутешительному выводу: «Моя жизнь бессмысленна и глупа» [7, с. 9]. Драматизм, экзистенциальность ситуации усиливается в строках: «Мир мой рухнул. Ужасен он был в конце. / Я увидеть это тогда не мог, / Но руины вокруг – основной итог» [7, с. 9]. Руины становятся сакральным символом всеразрушающего времени и одновременно условного бессмертия. Переживая эмоциональное потрясение, птенец с ужасом осознает смысл своего существования в этом мире, свою ответственную миссию: «Все из пепла поднять выпадает мне» [7, с. 9]. Он желает еще немного «набраться сил», но время беспощадно, тем более что «лишней жизни в запасе у птицы нет» [7, с. 9]. В последней строфе трагичный пафос сменяется нотами позитива и надежды в лучшее будущее: «Я судьбу твою вижу в своих руках» [7, с. 9]. Птенец готов выполнить свое предназначение, он желает возродиться из того «невесомого пепла», над которым «пустота повисла крестом». Позиционируя себя беззащитным птенцом без гнезда, автор имплицитно мыслит о жестокости, беспощадности окружающего мира, при этом утверждает сильные человеческие стороны – умение возрождаться, брать на себя ответственность, действовать во благо людей.

В стихотворениях «Я сижу взаперти, в четырех стенах...», «Трагический треугольник», «Королек ты мой, птичка певчая...», «Уроки жизни для меня проходят даром...» лирическое «Я» позиционирует себя мужчиной. В первом произведении психологическое состояние героя обусловлено расставанием с возлюбленной. Он сравнивает себя с монахом («Как ослепший в молитвах седой монах» [7, с. 55]), поскольку рефлексиирует в замкнутом пространстве, ведет аскетичный образ жизни. Герой словно отрекается от всего мира, его душа «не находит покоя», он проводит дни наедине с собственными мыслями, однако не находит выхода из сложившейся ситуации: «Я бы мог переехать, сменить жилье, / Но в себе самом нахожу ее» [7, с. 55]. Яркие авторские метафоры «отрывая от сердца слои, куски», «ушел с головой в ядовитый дым» призваны передать драматизм положения героя. Однако в последней строфе «Знаю, что проиграл все твои суды, / Что в крови – не любовь, лишь ее следы, / Что проклянутся всходы в местах отрав, / Но я так и не понял, в чем был неправ» [7, с. 55] раскрывается истинное лицо героя. Он быстро растратил свою любовь, его «страдания» длились лишь несколько дней. Его мужская несостоятельность заключается в эгоцентричности, неумении слушать возлюбленную. Ироничная репрезентация современного мужчины, «страдающего монаха», не понявшего причины расставания с возлюбленной, обусловлена авторской феминистской концепцией.

Лирика А. Подгорновой отличается актуализацией этнокультурных проблем, связанных с разрушением национального самосознания, нивелированием традиционного культурного начала, отказом социума от родного эрзянского языка. Особенно критичен голос

поэтессы в стихотворении «Я – часть народа, беспокойный атом...», в котором изображена картина разложения национального мира. Лирическая героиня позиционирует себя «беспокойным атомом»: она постоянно находится в движении (не только физическом, но и психологическом), не может жить спокойно и размеренно, вокруг нее много проблем и негативных эмоций. Самое ужасное заключается в том, что она осознает себя «музейным экспонатом», которому «вслед показывают пальцем, / Услышав речь на □Странном” языке...» [7, с. 60]. □Станным” в современном социуме считают эрзянский язык, на котором не говорят даже сами эрзяне. Поэтому героиня искренне переживает за судьбу написанных на родном языке стихов: «И места нет моим стихам-скитальцам / Ни на одном земном материке» [7, с. 60]. Она позиционирует себя частью народа, носительницей этнического кода, но каждый день ей приходится «доказывать, что еще жива, / Доказывать, что живо слово...» [7, с. 60]. Несмотря на физическую слабость («птичка-невеличка»), героиня сильна духом, она принимает решение «нести, любить, оборонять» родное слово. Она все делает для того, чтобы избежать экзистенциального финала, когда «грозит музейная табличка / С десятком слов про вымерших эрзян» [7, с. 60]. Лирическое «Я» четко и бескомпромиссно манифестирует свою внутреннюю ответственность и гражданскую позицию в национальном вопросе.

Таким образом, можно заключить, что в проанализированных стихотворениях А. Подгорновой лирическое «Я» репрезентировано посредством разных образов (птенца «вне гнезда», мужчины, беспокойного атома, трубача, мифологического персонажа и др.), выразительных (метафора, символ, ирония), лексических, синтаксических средств образности. В произведениях доминируют трагическое мироощущение, отражение негативных проявлений действительности, нивелирование общечеловеческого ценностного кода. Реализованные в поэзии А. Подгорновой образы и мотивы свидетельствуют о ее творческом поиске, стремлении выйти за рамки традиционной поэтики.

Библиография

1. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. (2018). Мордовская литература на рубеже XX–XXI веков: поиск национальной идентичности. Саранск, Россия: Издательство Мордовского университета. 184 с.
2. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. (2017). Современная мордовская литература: синтез традиций и инноваций (по материалам изданий 2016 года). Финно-угорский мир, 2(31), 20-29.
3. Каторова, А. М. (2020). Специфика художественно-эстетического мышления Людмилы Рябовой (на примере анализа коллекции «Ки тон?» («Кто ты?»)). Вестник Научно-исследовательского института при Правительстве Республики Мордовия, 3(55), 213-223.
4. Налдеева О. И., Азыркина Е. И., Дьячкова Е. Н. (2019). Художественные особенности любовной лирики Р. К. Орловой. Филология. Теория и практика, 12 (1), 217-221. [Электронный ресурс] https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_1_44.pdf (дата обращения: 23.02.2024)
5. Налдеева, О. И. (2013). Современная мордовская поэзия: основные направления и художественные ориентиры. Саранск, Россия, 285 с.
6. Подгорнова, А. (2016). Помимо рифм. Саранск, Россия. 144 с.
7. Подгорнова, А. (2021). Думать. Саранск, Россия: Издательство "Красный Октябрь". 112 с.
8. Шеянова, С. В. (2018). Модель взаимодействия мира и лирического субъекта в поэзии Л. Рябовой (сборник «Кто ты?»). Вестник угроведения, 8 (2), 317-327.
9. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. (2022). Специфика поэтической

системы Алины Подгорновой (сборник «Мэл» («The Think»)). Вестник угроведения, 12, 1, 123-132.

10. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Маскаева А. В. (2023). Жанр послания в творчестве Марины Слугиной. Вестник угроведения, 13(1/52), 159-168.

11. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф., Маскаева А. В. (2023). Интертекстуальность как способ воплощения авторского мировоззрения в поэзии А. Подгорновой. Вестник угроведения, 13(1/52), 150-158.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный литературный процесс все более распадается на частные формации, отдельные этнические литературы, топографически объяснимые. Представленный к публикации текст тематически направлен на анализ репрезентации лирического «Я» в поэзии мордовской поэтессы Алины Подгорновой. Отмечу, что ракурс исследования, действительно, актуален, нов, причем материал явно свеж, онтологически целесообразен. В начале труда отмечается, что «в современном мордовском литературоведении проблемы женской поэзии не оказываются на периферии исследовательского интереса, изучаются в диссертациях [Дьячкова Е. Н. Образная система и жанровое своеобразие художественного творчества Раи Орловой. Саранск, 2018. 220 с.], монографиях, научных статьях. Вместе с тем как динамичная система она нуждается в глубокой научной рефлексии, постоянном мониторинге, описании основных тенденций и направлений развития. Особое место в национальном женском дискурсе занимает творчество Алины Подгорновой, поэтические книги которой «Кроме рифм» и «Мель» («Мысль») получили высокую оценку литературоведов». Работа имеет достаточно законченный вид, базовые / составные части продуманы, методология оценки соответствует современным тенденциям. Считаю, что основная магистраль исследования поддерживается: не случайны такие научные обертоны как «лирическая героиня А. Подгорновой – натура сложная, с одной стороны, сильная, энергичная, активная, категоричная, способная на протест, с другой – ранимая, незащищенная, чувствительная, но в любом случае вызывающая разнообразные эмоции, заставляющая читателя рефлексировать. Интересны образы, посредством которых реализуется лирическое «Я», – выпавший из гнезда птенец, беспокойный атом, музыкант-трубач, молодой мужчина, мифологический персонаж и др. Проследим их на примере анализа ряда произведений». Эффект диалога, который выстраивается в статье допустим, правомерен, притягателен. Точка зрения автора выстраивается «как бы из» уже сказанного, но явно не в режиме кальки / повтора. Конструктивность позиции исследователя понятна, отчасти проста, но выверена: «стихотворение «Елеада, или Антиреинкарнация» построено в форме диалога между героиней древнегреческой мифологии Еленой Троянской, женой Менелая, и современной женщиной. Посредством иронии автор манифестирует разницу в их мировоззрении, ценностных приоритетах. Своенравная, самолюбивая и эгоистичная «дочь богов» называет себя «прекраснейшей из женщин», не считаясь с моральными нормами, открыто заявляет, что желает новой любви, страсти...», или «в стихотворении «Монолог трубача» четко прослеживается характерное для постмодернистского сознания чувство неудовлетворенности, разочарования. В произведении противопоставляются музыкант и толпа. Автор позиционирует себя трубачом, музыкальный дар которого растрачивается впустую, поскольку послушать его приходят люди, не понимающие сути истинного искусства, желающие утолить скуку и

хандру: «Я вам играл. Ко мне, чужому мужу, / Вы шли за утолнением тоски». Самопожертвование музыканта передается посредством развернутой метафоры: «Я вам играл. / Я распахнул вам душу. / Я снес с петель и двери и замки...» и т.д. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, даже т.н. «разговорный тон», порой уместен, ситуативно оправдан: «лирика А. Подгорновой отличается актуализацией этнокультурных проблем, связанных с разрушением национального самосознания, нивелированием традиционного культурного начала, отказом социума от родного эрзянского языка. Особенно критичен голос поэтессы в стихотворении «Я – часть народа, беспокойный атом...», в котором изображена картина разложения национального мира. Лирическая героиня позиционирует себя «беспокойным атомом»: она постоянно находится в движении (не только физическом, но и психологическом), не может жить спокойно и размеренно, вокруг нее много проблем и негативных эмоций...». Выводы по тексту соотносятся с основной частью, разночтений, фактической дробности не выявлено; термины и понятия введены в ткань статьи с учетом коннотаций. Думаю, что вывод по тексту верен: «в проанализированных стихотворениях А. Подгорновой лирическое «Я» репрезентировано посредством разных образов (птенца «вне гнезда», мужчины, беспокойного атома, трубача, мифологического персонажа и др.), выразительных (метафора, символ, ирония), лексических, синтаксических средств образности. В произведениях доминируют трагическое мироощущение, отражение негативных проявлений действительности, нивелирование общечеловеческого ценностного кода. Реализованные в поэзии А. Подгорновой образы и мотивы свидетельствуют о ее творческом поиске, стремлении выйти за рамки традиционной поэтики». Материал имеет ярко выраженную практическую новизну, его целесообразно использовать в режиме освоения данных по истории современной литературы, культуре мордвы. Общие требования издания учтены, серьезной правки текста не требуется. Рекомендую статью «Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. Образы врачей традиционной китайской медицины в китайской литературе // Litera. 2024. № 3. С. 209-212. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.3.70166 EDN: HQFTYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70166

Образы врачей традиционной китайской медицины в китайской литературе

Чэнь Ко

ORCID: 0009-0004-6334-8351

аспирант, кафедра Иностранных языков, Российский университет дружбы народов

119361, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2а

✉ kuo.chen@mail.ru[Статья из рубрики "Архетип"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.3.70166

EDN:

HQFTYE

Дата направления статьи в редакцию:

19-03-2024

Дата публикации:

09-04-2024

Аннотация: С древних времен врачи обычно играют образ спасателей, которые спасают жизни. Как богатый символами образ, "врач" часто попадает в сферу творчества писателей и становится типичной творческой темой. Данная статья посвящена анализу образов врачей ТКМ в китайской литературе. Цель исследования – понять, как изображаются и представляются в литературе практикующие врачи ТКМ, проанализировать их социальное и культурное влияние, а также их воздействие на восприятие и отношение людей к ТКМ. Актуальность данной статьи заключается в том, что она может помочь людям лучше понять положение и образ ТКМ в различные исторические периоды и культурные среды, а также ее связь с обществом, культурой и жизнью людей. Предметом исследования данной статьи является образ врачей ТКМ в таких литературных произведениях определенного периода, региона или культурного

контекста, как древние произведения, современные литературные произведения и произведения конкретных писателей. Анализируя изображения в различных произведениях, можно продемонстрировать разнообразие таких образов врачей ТКМ, как мудрые и таинственные. В данной работе для анализа образов врачей в произведениях разных периодов используются методы литературного анализа, включающие внимательное прочтение текста, анализ характеров, изучение сюжета и темы. Научная новизна изучения образа врача ТКМ в китайских литературных произведениях заключается в том, что, во-первых, в данной работе литература сочетается с медициной, психологией и другими дисциплинами, преодолевая границы традиционных дисциплин, обеспечивая совершенно новую перспективу и методологию исследования. Во-вторых, образ врачей ТКМ интерпретируется с точки зрения культуры, раскрывая представление культуры ТКМ в китайских литературных произведениях и ее влияние на социальные представления. В-третьих, на основе анализа литературных произведений разных периодов прослеживается историческая эволюция образа врача ТКМ, отражающая изменения в общественном восприятии и отношении к китайской народной медицине. В результате исследования можно сделать вывод о многообразии образов врачей ТКМ в китайских литературных произведениях. Кроме того, результаты исследования могут отражать различное понимание и оценку врачей ТКМ в разные периоды и в разных культурных контекстах.

Ключевые слова:

Образ, врач, традиционная китайская медицина, классическая китайская литература, современная китайская литература, культура, коннотация культуры, психоллингвистика, врач-шарлатан, традиционная китайская культура

Введение

Понятие "образ", которое помогает нам лучше понять и объяснить сложные явления и принципы, играет ключевую роль во многих научных дисциплинах. С точки зрения Гальперина образы - «все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира. Образы открывают субъекту окружающий мир и возможность ориентироваться в нем» [4, с.37]. В философии трактуется: «образ - результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека, возникающая в условиях общественноисторической практики, на основе и в форме знаковых систем» [14, с.111]. В культурологии образ - «явление, возникающее как результат запечатления одного объекта в другом, выступающем в качестве воспринимающей формации - духовной или физической [11, с.28]. Именно поэтому понятие образа в нейропсихоллингвистике может помочь нам понять, как мозг обрабатывает и понимает язык, лучше разобраться в отношениях между языком и мозгом.

Являясь важной частью традиционной китайской культуры, традиционная китайская медицина и врач ТКМ не только играют важную роль в области медицины, но и имеют богатый образ в литературе. С изменением времени, социального и культурного контекста, образы "врачей" в разные периоды, в разных социальных условиях и у разных писателей несут в себе разные темы и коннотации времени. В огромном океане литературы образ врача ТКМ подобен яркой жемчужине, излучающей неповторимый свет. Яркими мазками и богатым воображением авторы нарисовали легендарную картину

практиков традиционной китайской медицины, которые являются либо чудесными целителями с чудодейственными руками, либо мудрецами с глубоким пониманием того, как поддерживать здоровье. Образ врачей ТКМ подобен таинственному свитку, содержащему мудрость согласования инь и ян. Они используют терапевтические методы: осмотр, прослушивание, опрос и прощупывание пульса, чтобы понять природу болезней. А также следуют концепции единства "неба и человечества", чтобы исследовать истинный смысл здоровья. Такие классические теории и методы ТКМ, как инь и ян, пять элементов, меридианы, ци и кровь, пронизывают всю литературу, придавая этим образам более глубокий коннотацию и очарование.

Образы врачей ТКМ служат мостом на другую сторону когнитивно психонейролингвистики. Эти образы - не только литературное сокровище, но и ключ к нашему пониманию человеческого мышления, эмоций и языка. Также отражают глубокое культурное наследие китайской медицины, и желание и стремление к здоровью и жизни. Благодаря глубокому изучению образа врачей ТКМ в литературных произведениях мы можем заглянуть в тайну психонейрокогнитивной языковой системы, получить глубокое понимание статуса и роли врачей ТКМ в различные исторические периоды и культурные контексты, узнать о коннотации и ценности культуры ТКМ, почувствовать переплетение и столкновение между мудростью врачей ТКМ и человеческими эмоциями, и в то же время выявить связь между литературными произведениями и социальной реальностью. Вместе мы сможем войти в мир литературы, исследовать тайну образа врача и ТКМ, оценить мудрость и очарование.

Основным материалом для данной статьи послужили произведения китайской литературы от древности до современности, в которых врач является темой творчества или изображается образ врача. Через текстовую интерпретацию типичных произведений каждого периода интерпретируются черты характера образа врача. Эволюция образа врача в китайской литературе и его культурные коннотации анализируются в свете конкретной эпохи, в которую писатель создавал произведение, социального и культурного фона, а также субъективных эмоций писателя.

Результат и их обсуждение

Образы врачей ТКМ в классической китайской литературе:

В классической китайской литературе образ врача китайской медицины обычно изображается как высококвалифицированный врач, обладающий высокими медицинскими навыками и нравственностью. Эти изображения могут отражать аспекты опыта, методов лечения и взаимодействия врача ТКМ с пациентом.

В классической китайской литературе образы китайских врачей можно разделить на следующие типы:

Общий: эти врачи лечат пациентов через "лицензированную практику", подобно современным частным клиникам, и часто имеют официальное или частное признание. Из всех типов образов врачей, которые встречаются в классической литературе, наиболее распространенным является данный тип. Благодаря уникальности своей профессии и вкладу в развитие общества эти врачи могли иметь высокий социальный статус в обществе. Они могут лечить самых разных людей - от чиновников до простолудинов. Например, врач-Ху Цзюньрун и врач-Ван В романе "Сон в красном тереме - 红楼梦 (один из четырёх классических романов на китайском языке)". Ху в романе - шарлатан с черной душой, и по его диагнозу болезни Цинвэнь видно, что он не разбирался в медицине, и он еще не выяснил, кто его лечит - мужчина или женщина, а потом

прописал девушке "сильнодействующее лекарственное средство". В главе 83 девушка Линь Дайюй страдала от застоя ци в печени и имела такие симптомы, как головокружение и вялость, частые сны и легкое пробуждение. Продиагностировав ее пульс, доктор Ван отметил, что эти симптомы были вызваны дефицитом инь печени и истощением ци сердца. Поэтому он прописал ей лекарства для лечения. Частое появление образов врачей общего типа в классической литературе может послужить основой для изучения процесса и способа диагностики и лечения врачей того времени. Хотя их медицинские навыки и достоинства различны, в диагностическом процессе они в основном следовали общему процессу ТКМ "осмотр, прослушивание, опрос и прощупывание пульса" [\[20\]](#).

Чиновнический: врачи с отличными медицинскими навыками или высоким семейным статусом становятся "императорскими врачами", которые специализируются на обслуживании правящего класса и высшей знати. В романе "Сон в красном тереме - 红楼梦" есть несколько образов врачей, в том числе подробное описание диагностики болезней и использования лекарств императорским врачом, например эпизод исследования пульса императорским врачом для старухи Цзя, который демонстрирует изысканные медицинские навыки врача и тщательное наблюдение за состоянием больного, а также его профессионализм и мастерств. В романе также рассматриваются различные образы ТКМ, включая теории ТКМ, рецепты, лекарства, методы диагностики и т. д., все из которых соответствуют традиционному китайскому способу рассуждений [\[20\]](#). Образ врачей ТКМ в одном из четырёх классических романов "Речные заводи - 水浒传" отражен в основном в образе военных врачей ЛянШаньПо(место). Врачи в романе обладают высокими медицинскими навыками и лечат раны и болезни многих героев ЛянШань, как, например, Ань Даоцюань лечит Сун Цзяна от гангрены спины, которую не смог вылечить ни один врач. Изначально он руководил клиникой, но, отправившись в Ляншань, стал военным врачом, а затем перешел в императорский госпиталь, где стал специализированным врачом императора [\[20\]](#). Ань Даоцюань - это довольно специфический образ врача китайской медицины, который перешел от общего типа к чиновническому типу врача. Образ Ань Даоцюаня демонстрирует превосходные медицинские навыки и доброжелательность ТКМ. Его существование также придает истории легендарный колорит. Кроме того, в романе упоминаются и другие такие методы лечения ТКМ, как иглоукалывание и прижигание, пластыри и т. д., когда врачи диагностируют процесс болезни.

Их образы незаменимы для изображения главных героев романа, выражения темы и развития сюжета. Как императорские врачи, они, естественно, обладают превосходными медицинскими навыками, к которыми большинство авторов положительно относятся.

Свободный: врачи без определенного места диагностики, путешествующие среди людей. Этих врачей часто называют "郎中-ланчжунами" и "江湖医生-странствующими врачами", медицинские навыки которых были самыми разными, и они могли либо мошенничать и искать выгоду, либо быть высококвалифицированными врачами с сердцем, стремящимся к миру и желающим помочь людям по всему миру. Поэтому среди типов врачей, изображенных в классических романах, часто встречаются разные варианты изображения вольного странствующего врача.

В романе "Троецарствие - 三国演义" Хуа То был представлен как божественный врач с большими медицинскими навыками, которые охватывают все направления. В романе Гуань Юй был ранен отравленной стрелой в левую руку, а рядом путешествовал Хуа То, который был умным и способным врачом. Внимательно осмотрев состояние больного, он

пришел к выводу: в организме накопилось большое количество ядов, которые необходимо извлечь путем соскабливания костей, чтобы вылечиться [20]. В целом Хуа То представлен в романе как врач, обладающий высокими медицинскими навыками и высокими моральными качествами. Лечение ран от стрел таким уникальным способом требовало от Хуа То не только большого мастерства, но и чувства заботы и ответственности за своих пациентов. Хуа То путешествовал по всему миру, леча людей независимо от их достатка, и его медицинские навыки и врачебные этики снискали ему широкое признание. Его образ также стал символом ТКМ, олицетворяя изысканное мастерство китайского врача и дух “悬壶济世- помощи всему миру с помощью горшка (медицина)”. В целом, образ Хуа То стал символом свободного типа врачей ТКМ.

Как было показано выше, в классической китайской литературе есть как хорошие врачи, так и плохие врачи-шарлатаны. Эти образы хороших врачей ТКМ в классической литературе не только отражают уважение и признание автором врачей китайской медицины, но и отражают общее восприятие и оценку ТКМ в обществе того времени с точки зрения психологии и мышления. В классической литературе, во-первых, образы врача-шарлатана обычно выступают в сатирической и критической роли, раскрывая такие возможные недостатки медицинской профессии, как низкая квалификация врача и отсутствие врачебной этики. Во-вторых, образ шарлатанов можно использовать в качестве контраста, чтобы подчеркнуть ценность врачей, которые действительно квалифицированы и этичны. Такой контраст может заставить читателя ценить и уважать тех врачей, которые действительно профессиональны и ответственны.

Образы врачей ТКМ в современной китайской литературе:

В современной китайской литературе образ врачей ТКМ имеет различные характеристики. С одной стороны, некоторые авторы критически относятся к врачам ТКМ и изображают врачей ТКМ лекарями-шарлатанами. Например, в рассказе "Дневник сумасшедшего - 狂人日记" Лу Сянь изображает доктор Хэ, как "палача", который ест людей. Доктор Хэ в рассказе - врач ТКМ с традиционными феодальными представлениями. Он не волновался за состояние сумасшедшего и лечил сумасшедшего по общепринятым методам, не следуя принципам ТКМ, которые заключаются в "индивидуальном подходе к каждому человеку и научно обоснованном лечении". Вместо этого он считал, что сумасшедший "сошел с ума", потому что он был одержимым бесом. Такой простой диагноз и лечение психического состояния сумасшедшего отражали невежество и отсталость шарлатанов [18]. В другом рассказе "Завтра - 明天" Лу Сюня описывается образ шарлатан-врач (Хэ Сяосяня) ТКМ, который не заботился о состоянии маленького сына работницы, а просто лениво "протягивал два пальца и нажимал на пульс", "закрывал глаза, сказав полпредложения", а затем легко отбирал у работницы "тринадцать маленьких серебряных монет и сто восемьдесят медных монет, которые она откладывала каждый день". Когда ребенок запыхался, он диагностировал, что у него застой пищи, и выписал рецепт под названием "пилюля защиты жизни ребенка", которое можно было найти только в единственной аптеке. На самом деле в итоге жизнь ребенка спасти не удалось. Можно сказать, что автор рассказов в отношении врачей ТКМ придерживался сильного сатирического отношения, но и собственное негодование "врачей" выплескивалось на их уродливое изображение, через которое раскрывалась глубокая критика феодального и декадентского общества. Проанализировав приведенные выше образы врачей китайской медицины, можно обнаружить, что их словесные выражения и методы диагностики не позволяли пациентам точно описать свои болезни с точки зрения осознания мозгового мышления и психологии. В то же время эти врачи не смогли понять психологическое состояние пациента, наблюдая за его

вербальным выражением и эмоциональным состоянием.

С другой стороны, некоторые авторы положительно относятся к врачам китайской медицины, представляя их как экспертов в области медицины или носителей культуры. Например, в романе Го Баочана "Большой дом" изображен типичный образ врача китайской медицины - Бай Цзинци. Он родился в семье врачей ТКМ, с детства учился китайской медицине у известного врача, был настолько умен и трудолюбив, что уже в 14 лет мог выписывать рецепты. За свою жизнь он разработал множество видов рецептов для лечения болезней [\[19\]](#). Можно сказать, что Бай Цзинци - врач, обладающий высокими медицинскими навыками и преисполненный благоговения перед ТКМ, и его образ также воплощает суть и ценность китайской народной медицины.

Анализ показал, что писатели используют различные приемы в изображении образов врачей ТКМ, чтобы создать у читателей более глубокое впечатление о них, например, с помощью подробных описаний процесса диагностики и лечения, внешнего вида, речи и поведения врачей ТКМ, чтобы читатели могли почувствовать профессионализм и уверенность в себе врачей ТКМ. И с помощью диалогов, показывающих взаимодействие между врачами и их пациентами, чтобы дать читателям понять концепции и методы лечения врачей ТКМ.

Заключение

Анализируя образы "врачей" в типичных произведениях разных периодов китайской литературы, нетрудно обнаружить, что образы "врачей" ТКМ многочисленны и разнообразны:

1. Высокие медицинские навыки и обширные знания: врачи традиционной китайской медицины, изображенные во многих произведениях, обладают великолепными навыками точной диагностики заболеваний. Они часто изображаются как мудрые и опытные врачи, которым доверяют и которых уважают их пациенты. Кроме того, знания врача часто требовали таких областей знаний, как ботаника, психология, география и другие. Врачи не ограничиваются медикаментозным лечением, а используют психотерапию, чтобы облегчить состояние пациента изнутри.

2. Проблемный образ врачей ТКМ: Такие проблемы, с которыми сталкиваются врачи ТКМ в обществе, как неправильная диагностика шарлатанами, стремление врачей к материальной выгоде и власти, отрицание достижений современных медицинских технологий и сомнение людей в традиционных концепциях.

3. Сочетание с традиционной культурой: образ врача ТКМ часто тесно связан с традиционной китайской культурой, как теории инь и ян, пяти элементов, меридианов, ци и крови и т. д., которые придают образу врача ТКМ более глубокую культурную коннотацию.

В заключение следует отметить, что образ врача китайской медицины в литературе - сложная и многогранная тема. Эти образы не только отражают понимание и взгляды авторов на китайскую медицину, но и отражают представления людей о здоровье, жизни и человеческой природе в разные времена и в разных культурах. Представление образов врачей ТКМ в китайской литературе закладывает основу для дальнейших исследований взаимосвязи между ТКМ и нейропсихолингвистикой в будущем, а также предоставляет нам важную перспективу для понимания и передачи культуры ТКМ.

Библиография

1. Баранова И. А. Литература и медицина: трансформация образа врача в русской литературе XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. №2. С. 186-194.
2. Белоусов П.В. Теоретические основы ТКМ. Алматы, 2004. 160 с.
3. Ван Хайянь, Кузьменко Г. Н. Проблема научного статуса традиционной китайской медицины в КНР // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №1 (45). С. 68-78.
4. Василенко А. М. ТКМ в России: от русской духовной миссии в Пекине до профессиональной ассоциации рефлексотерапевтов. – Москва: Научно-практический журнал «Рефлексотерапия и комплементарная медицина», №1 (1) 2012. С. 16-30.
5. Гальперин П.Я. Введение в психологию: Учебное пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
7. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. Учебник. М.: РГГУ, 2007. 559 с.
8. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
9. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.
10. Миллер Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры. // Теория метафоры. М., 1990. С. 236-281.
11. Розенфельд М.Я. Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем //Язык и национальное сознание. – Вып. 7. – Воронеж, 2005. С. 47-53.
12. Слесаренко. З. Р. Культурология и межкультурные коммуникации : учебное пособие. В 2 частях. Часть I. Теория культуры. Казань : КГЭУ, 2021. 126 с.
13. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1981. № 2. С. 15-29.
14. Тютюнник, В. М., Биркин, А. А., Гущин Ю. Г. Основы лингвистической психофизиологии: монография; Междунар. информационный нобелевский центр. – Тамбов [и др.]: Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2016. 191 с.
15. Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. 591 с.
16. Хроменкова Ю. Ю., Корсак В. О. Образ врача в отечественной литературе // БМИК. 2013. №11. С. 1299.
17. 黄帝内经 // 上:素问 – 北京:中华书局, 2022年.844 页. (Трактат Жёлтого императора о внутреннем // первая часть: Вопросы о простейшем – Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2022. 844 с.)
18. 童秉国主编. 鲁迅作品精选. 武汉:长江文艺出版社, 2003. 634页(Под редакцией Тун Бинго. Избранные произведения Лу Сюня. Ухань: Литературное издательство Чанцзян, 2003. 634 с.)
19. 郭宝昌. 大宅门. 北京:作家出版社, 2023, 732页 (Го Баочан. Большой дом. Пекин: Издательство писателей, 2023, 732 с.)
20. 北京大学CCL语料库. Корпус китайского языка CCL Пекинского университета. Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В мировой литературе, в литературе русской образ врача встречается достаточно часто. Авторы воссоздают и реальные портреты, и вымышленные, нередко прототипы вполне узнаваемы, их можно сопоставить с действительными фигурами. Не исключено

изображение врачей и в китайской литературе. Собственно этому и посвящена рецензируемая статья. Как отмечает автор, «являясь важной частью традиционной китайской культуры, традиционная китайская медицина и врач ТКМ не только играют важную роль в области медицины, но и имеют богатый образ в литературе. С изменением времени, социального и культурного контекста, образы "врачей" в разные периоды, в разных социальных условиях и у разных писателей несут в себе разные темы и коннотации времени. В огромном океане литературы образ врача ТКМ подобен яркой жемчужине, излучающей неповторимый свет. Яркими мазками и богатым воображением авторы нарисовали легендарную картину практиков традиционной китайской медицины, которые являются либо чудесными целителями с чудодейственными руками, либо мудрецами с глубоким пониманием того, как поддерживать здоровье». Образ врача значим в культуре Китая, как следствие – он становится и художественной формой. Представление о врачах в Китае достаточно высокое, их уважают, ценят, порой боготворят: «Образ врачей ТКМ подобен таинственному свитку, содержащему мудрость согласования инь и ян. Они используют терапевтические методы: осмотр, прослушивание, опрос и прощупывание пульса, чтобы понять природу болезней. А также следуют концепции единства "неба и человечества", чтобы исследовать истинный смысл здоровья. Такие классические теории и методы ТКМ, как инь и ян, пять элементов, меридианы, ци и кровь, пронизывают всю литературу, придавая этим образам более глубокую коннотацию (поправить!) и очарование». Отмечу, что предметная область работы соотносится с одной из рубрик издания, тема работы достаточно оригинальна, есть в размышлениях автора и научная новизна, отчасти она заключается в систематизации данных. Основным материалом рецензируемой работы являются «произведения китайской литературы от древности до современности, в которых врач является темой творчества или изображается образ врача». Автор конкретизирует, что «через текстовую интерпретацию типичных произведений каждого периода интерпретируются черты характера образа врача. Эволюция образа врача в китайской литературе и его культурные коннотации анализируются в свете конкретной эпохи, в которую писатель создавал произведение, социального и культурного фона, а также субъективных эмоций писателя». Замечу сразу, что в языковом плане, плане стилистическом текст желательно поправить, неточности необходимо устранить (согласование, опечатки и т.д.)! Материал в целом имеет концептуальный вид, он удачно выстроен, считаю, что позиция исследователя объективна. Суждения не искажают содержательную суть, «сказанное» воспринимается полноценно: «в классической китайской литературе образ врача китайской медицины обычно изображается как высококвалифицированный врач, обладающий высокими медицинскими навыками и нравственностью. Эти изображения могут отражать аспекты опыта, методов лечения и взаимодействия врача ТКМ с пациентом», или «в романе "Сон в красном тереме - 红楼梦" есть несколько образов врачей, в том числе подробное описание диагностики болезней и использования лекарств императорским врачом, например эпизод исследования пульса императорским врачом для старухи Цзя, который демонстрирует изысканные медицинские навыки врача и тщательное наблюдение за состоянием больного, а также его профессионализм и мастерств. В романе также рассматриваются различные образы ТКМ, включая теории ТКМ, рецепты, лекарства, методы диагностики и т. д., все из которых соответствуют традиционному китайскому способу рассуждений. Образ врачей ТКМ в одном из четырёх классических романов "Речные заводы - 水浒传" отражен в основном в образе военных врачей ЛянШаньПо(место). Врачи в романе обладают высокими медицинскими навыками и лечат раны и болезни многих героев ЛянШань, как, например, Ань Даоцюань лечит Сун Цзяна от гангрены спины, которую не смог вылечить ни один врач...» и т.д. На мой взгляд, хорошо, что автор делает некий срез, то есть

высвечивает образы врачей как в классической, так и современной китайской литературе. Например, «В современной китайской литературе образ врачей ТКМ имеет различные характеристики. С одной стороны, некоторые авторы критически относятся к врачам ТКМ и изображают врачей ТКМ лекарями-шарлатанами. Например, в рассказе "Дневник сумасшедшего - 狂人日记" Лу Сянь изображает доктор Хэ, как "палача", который ест людей. Доктор Хэ в рассказе - врач ТКМ с традиционными феодальными представлениями. Он не волновался за состояние сумасшедшего и лечил сумасшедшего по общепринятым методам, не следуя принципам ТКМ, которые заключаются в "индивидуальном подходе к каждому человеку и научно обоснованном лечении". Вместо этого он считал, что сумасшедший "сошел с ума", потому что он был одержимым бесом». Итоги работы подведены не формально, а с учетом основной части; данный блок содержит мысль, что «писатели используют различные приемы в изображении образов врачей ТКМ, чтобы создать у читателей более глубокое впечатление о них, например, с помощью подробных описаний процесса диагностики и лечения, внешнего вида, речи и поведения врачей ТКМ, чтобы читатели могли почувствовать профессионализм и уверенность в себе врачей ТКМ. И с помощью диалогов, показывающих взаимодействие между врачами и их пациентами, чтобы дать читателям понять концепции и методы лечения врачей ТКМ». Продуктивна, на мой взгляд, высказанная в самом конце работы мысль о перспективе дальнейшего изучения темы, создании новых работ смежной направленности: «В заключение следует отметить, что образ врача китайской медицины в литературе - сложная и многогранная тема. Эти образы не только отражают понимание и взгляды авторов на китайскую медицину, но и отражают представления людей о здоровье, жизни и человеческой природе в разные времена и в разных культурах. Представление образов врачей ТКМ в китайской литературе закладывает основу для дальнейших исследований взаимосвязи между ТКМ и нейропсихолингвистикой в будущем, а также предоставляет нам важную перспективу для понимания и передачи культуры ТКМ». Библиографические источники введены в текст полновесно, цитации оформлены верно. Стиль работы соотносится с научным типом; материал уместно использовать при изучении китайской литературы. Основные требования издания учтены. Рекомендую статью «Образы врачей традиционной китайской медицины в китайской литературе» к публикации в журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

The historical aspect of the transformation of the International Union of Journalists

Shafir Timur Vladimirovich

Lecturer at the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University

38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

✉ tim.shafir@yandex.ru

Kulakova Darina Vladlenovna

Postgraduate student, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ darina.kulakova@yandex.com

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor of the Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

Abstract. The scientific article is a study on the history of the creation of the International Federation of Journalists (IFJ). The article presents an analysis of the history of the creation and development of the IFJ. The authors pay special attention to the reasons and prerequisites underlying the emergence of the International Federation of Journalists, as well as expand the data on the creation of the IFJ. The study draws attention to the circumstances that led to the establishment of the IFJ in the post-war period. Special attention is paid to the influence of geopolitical factors on the formation and development of the organization. The consideration of the reasons for the split of the MOJ includes differentiated approaches and strategies adopted by various participating countries, in particular, in the context of the professional activities of journalists. The data on the current state of affairs of the Russian Union of Journalists as part of the International Federation of Journalists are presented. The research methods used include historical analysis: the study of historical documents, archival materials, protocols of congresses related to the creation and development of the IFJ. A content analysis of the texts of articles, statements and reports related to organizations was carried out in order to identify key topics, approaches and dynamics in their activities. The novelty of this study lies in the fact that there are very few such materials in the scientific literature devoted to the history of journalism in Russia, and they mainly concerned the regions of Russia and the development of regional journalism.

The main conclusion of this study is the understanding that currently non-governmental international organizations formed on the principles of professionalism are changing and becoming similar to political organizations, which in turn can lead to a split in these organizations and the termination of their existence. After Russia launched a special military operation in February 2022, the unions of journalists of Finland, Norway, Denmark and Iceland announced their intention to leave IFJ due to the presence of the national Union of Journalists

of the Russian Federation in it. In February 2023, despite the fact that the organization claims that it is not connected with politics, but is exclusively engaged in protecting the rights of journalists, the IFJ "froze" the membership of the Russian Federation in the organization. It will be possible to return to the issue of Russia's return to work as part of the International Federation of Journalists only in 2026, if necessary.

Keywords: history of journalism, history of journalistic organizations, Cold War, Russian Union of Journalists, International Federation of Journalists, International Organization of Journalists, non-governmental organizations, journalism, information confrontation, Information war

References (transliterated)

1. Kireeva, T. A. Nepravitel'stvennye organizatsii v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii: avtoref. dis. kand. p.n. nauk: 23.00.04. – M., 2006. – 175 s.
2. Nikonov, Sergei Borisovich Global'noe informatsionnoe prostranstvo i mezhdunarodno-pravovye aspekty upravleniya informatsionnymi potokami: dis. kand. politicheskikh nauk: 10.01.10. – SPb, 2007. – 193 s.
3. Əmirzhan Kamila Zhantaikyzy Stanovlenie teorii informatsionnogo obshchestva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. 2014. №4 (36).
4. Kirilenko G. G., Shevtsov E. V. Kratkii filosofskii slovar'. – M.: OOO «Filologicheskoe obshchestvo «SLOVO», 2010. – S. 117-119.
5. Gegel'. G. Fenomenologiya Dukha. Filosofiya istorii. – M.: Eksmo, 2007. – 880 s. – (Antologiya mysli) – ISBN 978-5-699-23516-2.
6. Kozlov, Sergei Gennad'evich Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii zhurnalistov v usloviyakh globalizatsii informatsionnogo prostranstva: sostoyanie i perspektivy razvitiya: dis. kand. politicheskikh nauk: 23.00.04. – Orel, 2010. – 204 s.
7. Rikhter, Andrei Georgievich Svoboda massovoi informatsii v postsovetских gosudarstvakh: regulirovanie i samoregulirovanie zhurnalistiki v usloviyakh perekhodnogo perioda: dis. d-r filolog. nauk: 10.01.10. – M., 2007. – 694 s.
8. Tabakova, Nina Dmitrievna Sotsial'no-trudovoe polozhenie i osobennosti trudovoi deyatel'nosti zhurnalistov: dis. kand. ekon. nauk: 08.00.05. – SPb, 2005. – 195 s.
9. Kubka J. Useful recollections: Excursion into the history of the international movement of journalists. Chast' I // International Organization of Journalists. – 1986. – S. 81-83.
10. Nordenstreng K.; Schiller H. I. Beyond national sovereignty: international communication in the 1990s// Norwood, NJ : Ablex Pub. Co. – 1993. – S. 250-255.
11. Bohère G. Profession: journalist A study on the working conditions of journalists // Intern. labour office. – 1984. – P. 45-67.
12. Gospil T., Neale G. Journalists: 100 Years of the NUJ // Profile Books. – 2007. – P. 219-257.

Phraseological units with the semantics of "human character" in Russian and Chinese

Wang Jing

Senior Lecturer, Department of the Russian Language, School of Foreign Languages, Hulunbuir University

(China); Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10, 2, office. Department of the Russian Academy of Sciences

✉ jing-wang@mail.ru

Abstract. The object of this research is the phraseological field with the semantics of "human character" as a fragment of the linguistic picture reflecting the peculiarities of perception of the world by native speakers of Russian and Chinese languages. The subject of the study is national peculiarities and common features of cultural components of the meaning of phraseological units about human character in the Russian and Chinese languages. In the first part of the article, the author gives a brief description of the theoretical understanding of phraseology as a phenomenon of Russian and Chinese linguistics, draws parallels between the concepts of phraseological unit and *chengyu*, comparing the key characteristics of the two terms and specifying the subject of research. Having defined the theoretical boundaries of the concept of phraseology, the author of the article systematizes the research material in accordance with the semantic features. The second part of the study is devoted to the comparative linguistic, cultural and semantic analysis of phraseological units expressing the "character of a person" in Russian and Chinese. Methods of classification, lexico-semantic analysis, linguistic and cultural analysis, comparison, generalization are used. The sample of the study includes 400 phraseological units about the character of a person (200 Russian and 200 Chinese), which were studied using quantitative and qualitative methods of analysis. The research contributes to the study of linguistic and cultural peculiarities of the perception of human character by representatives of Russian and Chinese cultures. The scientific novelty of the article lies in the application of comparative lexico-semantic and linguistic-cultural analysis to phraseological units with the meaning of "human character". Russian and Chinese studies of the quantitative correlation of phraseological and semantic groups in the phraseological field with the semantics of "human character" in Russian and Chinese, as well as the identification of cultural and historical features and patterns in the perception of human character traits in the Russian and Chinese language worldviews, revealed the presence of a universal and specific perception of human character. All this made it possible to establish a connection between different historical and social development, the influence of different religious and philosophical teachings in Russia and China, and the perception of human character reflected in the corresponding fragment of the phraseological field.

Keywords: universal, linguistic and cultural features, the character of a person, an idiomatic expression, steady expression, *Chengyu*, phraseologism, specific, Russian, Chinese language

References (transliterated)

1. Alefirenko, N.F. *Teoriya yazyka. Vvodnyi kurs.* – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. – 368 s.
2. Semenas, A.L. *Leksika kitaiskogo yazyka.* – M.: Muravei, 2000.
3. Rakhmatullina, L.A. *Frazeologizm kak osnovnaya edinita frazeologii // Tsifrovaya nauka.* – 2020. – № 11. – S. 57-68.
4. Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya / V.V. Vinogradov.* – M.: Nauka, 1977. – 192 s.
5. Chu, Tszy-Chen. *Ob universal'nosti kategorii frazeologii: osnovaniya vydeleniya frazeologizmov v russkom i kitaiskom yazykakh // Vestnik Moskovskogo universiteta.*

- Seriya 13. Vostokovedenie. – 2016. – № 3. – S. 101-110.
6. Ne, Chzhi. Issledovanie populyarnykh idiom v dialekte Guiyan za poslednee stoletie (= 聂志. 百年贵阳方言俗成语研究) // Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Tszun'i (=遵义师范学院学报). – 2023. – № 25 (1). – S. 73-76.
 7. Nin, Tszotsyuan'. Kitaiskie idiomy, etika i estetika kitaiskoi natsii (= 宁佐权. 汉语成语与中华民族的伦理观和审美观) // Izuchenie kitaiskogo yazyka (=学语文). – 2024. – № 1. – S. 93-96.
 8. Nyu, Yuifen. Frazeologizmy kitaiskogo yazyka, kharakterizuyushchie sobytiya v zhizni cheloveka i ego deyatel'nost' // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. – 2018. – № 4. – S. 81-89.
 9. Ma Gofan'. Idiomy (= 马国凡. 成语). – Narodnoe izdatel'stvo Vnutrennei Mongolii (=内蒙古人民出版社), 1978. – 341 s.
 10. Kharakter / Tolkovyi slovar' Ushakova. URL:
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080206?ysclid=lsv5o4bic982038569> (data obrashcheniya 01.02.2024).
 11. Kharakter (=性格) / Sovremennyyi slovar' kitaiskogo yazyka (= 现代汉语字典) . URL:
<https://www.chazidian.com/> (data obrashcheniya 01.02.2024).
 12. An', In. Issledovanie angliiskogo perevoda kitaiskikh idiom s tochki zreniya teorii kul'turnykh skhem (= 安颖. 文化图式理论视角下汉语成语的英译研究) // Ploshchad' angliiskogo yazyka (=英语广场). – 2023. – № 10. – S. 3-7.
DOI:10.16723/j.cnki.yycg.2023.10.017.
 13. Van, Dunsyui. Russkie i kitaiskie frazeologizmy s komponentom «chelovek, ego kharakter i povedenie» / L.Ts. Tarchimaeva, Van Dunsyui // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2020. – № 6. – S. 216-219.
 14. Afanas'eva, M.P. K voprosu o stanovlenii frazeologii v kitaiskom yazykoznanii i vozmozhnykh metodakh opisaniya frazeologizmov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 6 (48). – S. 33-36.
 15. Galiullina, E.I. Sopostavitel'nyi analiz frazeologizmov, oboznachayushchikh kharakter cheloveka // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2010. – № 3. – S. 420-428.
 16. Teliya, V.N. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii. V.N. Teliya (Otv. red). – M.: AST-PRESS KNIGA, 2010. – 784 s.
 17. Zhukov, A.V. Leksiko-frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. – M.: AST. Astrel', 2007. – 604 s.
 18. Lyu, Suntszyun'. Slovar' kitaiskikh frazeologizmov / Lyu Suntszyun', Li Sintszyan', Syan Guanchzhun – Chanchun': Izdatel'stvo Tszilin', 2001. – 1376 s. (刘松筠, 李行健, 向光忠. 中华成语大辞典. 长春:吉林出版社, 2001).
 19. Van, Dunsyui. Russkie i kitaiskie frazeologizmy s komponentom «chelovek, ego kharakter i povedenie» / L.Ts. Tarchimaeva, Van Dunsyui // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2020. – № 6. – S. 216-219.
 20. Beloslyudova, O.A. Teoreticheskie problemy izucheniya frazeologizmov, kharakterizuyushchikh povedenie cheloveka // Molodoi uchenyi. – 2019. – № 23 (261). – S. 612-615.

Interaction between the big adventure form and the composition of a neo-romantic literature

Klimenko Irina Vladimirovna

Postgraduate student, Department of Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ klim.irishka4797@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the composition of a neo-romantic story, the object is the stories by Alexander Grin «The Headless Horseman (18th Century Manuscript)», «The Taboo», «Hundred miles along the river». The author examines such aspects as the neo-romantic compositional features of the small genre, which probably emerged as a result of appealing to adventure novels, and attempts to correlate the concepts of «neo-romantic literature» and «adventure literature». Grin's short stories, describing one event, are typically divided into chapters. This contradicts the genre logic, since it slows down the pace of the narrative. Allusions to the adventure attributes cement the composition and imagery system of the neo-romantic story and adventure novel. The affinity of poetics makes it possible to project the theory of adventure composition onto the neo-romantic work. It allows systematizing the neo-romantic composition features. The analysis draw the following conclusions. Division short stories into chapters seems to be an allusion to the adventure novel, for which is a way of structuring a large number of events. Allusiveness and play with points of view reflect the principle of dialogicity. The reader's perception of allusions to adventure works performs a genre-forming function for an adventure novel, placing it in the context of adventure literature. In a neo-romantic story, allusions open up the dialog and play with readers' expectations and non-neo-romantic poetics. The principle of play is innate in adventure as a phenomenon: events are lived through by the protagonist for their own sake. Although the techniques are common, the goals of a neo-romantic story and an adventure novel differ. A neo-romantic story deals with the personality behind its usual reality, not extreme situations as such, and a single event is sufficient to achieve this goal.

Keywords: allusiveness, the principle of play, point of view, dialogicity, composition, supra-genre genre, big adventure form, adventure literature, Alexander Grin, Neo-romantic story

References (transliterated)

1. Slovar' literaturovedcheskikh terminov / Pod red. L. I. Timofeeva, S. V. Turaeva. M.: Prosveshchenie, 1974, 509 s.
2. Vulis A. Z. V mire priklyuchenii. Poetika zhanra. M.: Sovetskii pisatel', 1986, 383 s.
3. Priklyuchencheskaya literatura // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii pod red. A. N. Nikolyukina. M.: Intelvak, 2001, S. 806.
4. Tyupa V. I., Broitman S. N. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika. T. 1., M.: Akademiya, 2004, 513 s.
5. Agaponova O. S. Modusy khudozhestvennosti kak problema teoreticheskogo literaturovedeniya // Trudy BGTU. Seriya 4: Print- i mediatekhnologii. 2020. № 2. S. 79–84.
6. Kozlov S. S. Mifologiya neoromantizma v literature moderna. Kursk, Izd-vo Kursk. Gos. Ped. Un-ta, 2000, 92 s.
7. Yakovlev D. E. Moralisty i estety (angliiskaya neoromanticheskaya estetika i sovremennost'). M., Znanie, 1988, 62 s.
8. Khalizev V. E. Teoriya literatury. M.: Vyssh. shk., 2004, 483 s.

9. Khachatryan N. M. Neoromantizm vo frantsuzskoi proze vtoroi poloviny XIX veka : dis. doktora filologicheskikh nauk : spetsial'nost' 10.01.07 Zarubezhnaya literatura / Institut literatury imeni Manuka Abegyan Natsional'noi akademii nauk Respubliki Armeniya. Erevan, 2018, 358 s.
10. Pakhsar'yan N. T. 2019. 03. 005. Retsenziya na monografiyu: Khachatryan N. M. Frantsuzskaya neoromanticheskaya proza. Erevan: Lingva, 2017. 448 s // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal. 2019. № 3. S. 36–40.
11. Kačāne I. The Basic Categories of Neo-romanticism in the 19th Century British Literature // Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences. 2018. Vol. 9. P. 115–127. URL: https://www.researchgate.net/publication/326541046_THE_BASIC_CATEGORIES_OF_NEO-ROMANTICISM_IN_THE_19th_CENTURY_BRITISH_LITERATURE
12. Vasil'eva I. V. Fenomen neoromantizma v khudozhestvennoi kul'ture Rossii 20 v. : dissertatsiya kandidata kul'turologi: 24.00.01 / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. M., 2011, 190 s.
13. Don D'Amassa. Encyclopedia of Adventure Fiction. Facts On File, 2009, 328 p.
14. Lukov V. A. Neoromantizm // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 2. S. 309–312.

Perception of Andrei Bely's works in China

Zhang Linlin

Postgraduate student, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119192, Russia

✉ zllsaryy@gmail.com

Abstract. The paper examines the history of Chinese translations and studies of the artistic creativity and theoretical research of Andrei Bely, as well as comparative analysis of the works of Chinese literary scholars specializing in the study of poetry, prose, as well as the critical heritage of the Russian symbolist. The purpose of the work is to give a complete picture of the state of translations and the degree of knowledge of Bely's heritage in China, as well as to summarize this existing material, which seems important for subsequent research in this area. In addition, the article traces the stages of development of the study of the works of Andrei Bely, special attention is paid to the perception of the novel Petersburg and its literary criticism by Chinese scholars. An attempt is being made to identify gaps in Chinese literary studies and thus highlight promising lines of development in this area of literary criticism. The work uses comparative historical method, which allows us to determine the influence of Russian modernism, represented by Bely, on the modern literary process in China. Translations of Bely's works into Chinese are not yet a fully studied problem in science, which determines the novelty of the research. It is shown how the approach to the translation of symbolist text has changed and improved, three groups of translations have been identified and considered (translations of poetry, theory and novels), with special attention paid to the translation of novels. As for research, despite the sufficient number of works on Bely in Chinese science, they cannot be considered exhaustive. Our work attempts to highlight both problem areas and achievements of Chinese Bely studies, consider various scientific approaches to understanding Bely's prose, and concludes that it is necessary to expand scientific tools for a deeper understanding of Bely's heritage.

Keywords: cultural influence, the novel Petersburg, Bely studies, creative heritage, literary translation, symbolic poetics, modernism, symbolism, Bely's creativity, Andrei Bely

References (transliterated)

1. Belyi A. Zoloto v lazuri: izbrannye stikhi A. Belogo. Per. Go Tszin''yuan'. Narodnoe izdatel'stvo Sychuani, 2018. (安德烈·别雷. 碧空中的金子-别雷诗选. 郭靖媛译. 四川人民出版社, 2018.)
2. Belyi A. O sebe kak pisatele // Mirovaya literatura. Per. Chzhan Syaotszyunya, 1992. (安德烈·别雷. 作家自述 // 世界文学. 张小军译. 1992, № (4):196-204.)
3. Belyi A. Peterburg. Per. Tszin' Ge, Yan Guan. Izdatel'stvo Guanchzhou, 1996. (安德烈·别雷. 彼得堡. 靳戈、杨光译. 广州出版社, 1996.)
4. Belyi A. Serebryanyi golub'. Per. Lyu Ven'fei, Li Chzhenvenya, U Syaodu. Narodnoe izdatel'stvo Yun'nani, 1998. (安德烈·别雷. 银鸽. 李政文、吴晓都、刘文飞译. 云南人民出版社, 1998.)
5. Berdyaev N.A. Krizis iskusstva. (Reprintnoe izdanie). M.: SP Interprint, 1990. S. 38.
6. Van Yan'. Simvolicheskii obraz Peterburga // Magisterskaya dissertatsiya Chzhetszyanskogo universiteta, 2008. (王艳. 别雷小说《彼得堡》中的象征形象 // 浙江大学硕士学位论文. 2008.)
7. Gou Shichun'. Issledovanie prostranstvennogo povestvovaniya v romane Andrey a Belogo «Serebryanyi golub'». Magisterskaya dissertatsiya Severo-Vostochnogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. (苟士纯. 安德烈·别雷《银鸽》的空间叙事研究. 东北师范大学硕士学位论文. 2023.)
8. Guan' Khaiin. Issledovanie romanov Belogo. Narodnoe izdatel'stvo. 2021. (管海莹. 别雷小说研究. 人民出版社. 2021.)
9. Guan' Khaiin. Stroitel'stvo kovchega dushi – o «Peterburge» Belogo. Narodnoe izdatel'stvo. 2012. (管海莹. 建造心灵的方舟: 论别雷的《彼得堡》. 北京: 人民出版社. 2012.)
10. Du Ven'tszyuan'. Interpretatsiya simvolov: teoriya simvolicheskogo iskusstva A. Belogo. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta kommunikatsii, 2006. (杜文娟. 诠释象征: 别雷象征艺术论. 北京: 中国传媒大学出版社, 2006)
11. Enekava Masao. Russkaya literaturnaya mysl'. Per. Zhen' Tszyunya. Knizhnyi magazin Chzhenchzhuna, 1941 god. S. 205. (米川正夫. 俄国文学思潮. 任钧译. 正中书局, 1941)
12. Zamyatin. E. Andrei Belyi. Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 3. Litsa / Sost., podgot. teksta i komment. St. S. Nikonenko i A. N. Tyurina. M.: Russkaya kniga, 2004. S. 56.
13. Lin' Tszinkhua. "Peterburg": tekst, vykhodyashchii za ramki gumanisticheskikh tsennostei. Inostrannaya literatura. 1997. № 4. S. 99. (林精华. 《彼得堡》: 在人文价值内涵上空前增生的文本. 国外文学. 1997. № 4.)
14. Li Yan'khua. Personalizirovannyi simvolizm, Magisterskaya dissertatsiya, Sychuan'skii universitet, 2004. (李艳华. 个性化的象征主义. 四川大学硕士学位论文. 2004.)
15. Sologub. F. Obruchennaya roza: Izbrannye stikhi russkoi simvolistskoi shkoly. Per. Tszyan' Chzhao, Izdatel'stvo Kitaiskoi federatsii literaturnykh i khudozhestvennykh krugov, 1992. (索洛古勃. 订婚的玫瑰: 俄国象征派诗选. 剑钊译. 中国文联出版公司, 1992).
16. Khou Tsyakai. Issledovanie prostranstvennogo narrativa "Peterburga". Magisterskaya dissertatsiya Lyaoninskogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. (侯乔恺. 《彼得堡》的空间叙事研究. 辽宁师范大学硕士学位论文. 2021.)
17. Tszyan Guantsi. Russkaya literatura. Izdatel'skii otdel Shankhaiskogo Sozidatel'nogo Obshchestva. 1927. S. 33. (蒋光慈. 俄罗斯文学. 上海创造社出版部, 1927.)

18. Tsyui Tsyubai. Istoriya russkoi literatury. Shankhai: Izdatel'stvo Fudan'skogo universiteta, 2004. C. 79. (瞿秋白. 俄国文学史及其它. 上海: 复旦大学出版社, 2004.)
19. Chzhan Tsze . Istoriya russkoi i sovetskoi literaturnoi kritiki XX veka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2017. S. 39. (张杰. 20世纪俄苏文学批评理论史. 北京: 北京大学出版社, 2017.)
20. Chzhou Tsichao. Issledovanie russkoi literatury serebryanogo veka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2003. S. 167. (周启超. 白银时代俄罗斯文学研究. 北京: 北京大学出版社, 2003.)
21. Chzhen Chzhenduo. Kratkoi istorii russkoi literatury. Khunan': Izdatel'stvo Yuelu, 2010. (郑振铎. 俄国文学史略. 湖南: 岳麓书社, 2010.)

Journalistic cultures in the context of the conflict of civilizations

Georgieva Elena Savova

PhD in Politics

Associate Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ e.georgieva@spbu.ru

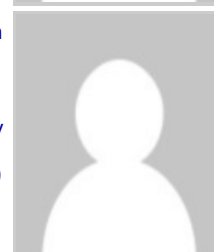
Blokhin Igor Nikolaevich

Doctor of Politics

Professor, Department of Theory of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru

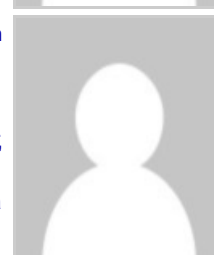
Oleinikov Sergei Viktorovich

Doctor of Politics

Professor, Department of Journalism, State Educational Institution "Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko"

107 October 25 str., Tiraspol, 3300, Moldova

✉ olen_serg@inbox.ru

Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Abstract. The subject of the research is journalism as a social institution. Modern media industries are becoming maximally polarized and involved in the process of promoting and defending certain values, as a result of which we see an unprecedented information confrontation that is one way or another transforming the world community. Media researchers are beginning to recognize the untenability of the idea of a universal culture in the field of journalism. Based on these premises, the object of the study was journalistic culture, which includes the choice of methods for collecting information and creating a media product. The work used axiomatic (the specificity of the method is that at the beginning of the process a

set of basic provisions is specified that do not require proof and are taken as explicit, in fact, they are an axiom), analysis and synthesis, combining the conclusions obtained during the previous research method into a single whole.

The novelty of the study is seen in the fact that for the first time, when studying the functions of journalism, a conclusion is drawn about the need to move away from globalization ideas from an axiomatic point of view. It can be observed that in recent years, social networks, instant messengers and channels, which are capable of completely reformatting the mentality of society and even the way people think, can have an increasing influence.

Based on the results of the study, the following conclusions can be drawn: trends and communication flows are now created mainly in social networks and the services that support them, and communication is then effective when it actively unfolds in the online media space. Numerous social networks of different types, while entertaining, involve their audience in the communication process and offer the opportunity for cultural and political socialization.

Keywords: communication, Mass media, Journalism theory, The role of journalism, Civilization, Journalistic cultures, Culture conflict, System of values, Cultural industries, Journalism

References (transliterated)

1. Auzan A.A. Kul'turnye kody ekonomiki: Kak tsennosti vliyayut na konkurentsuyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda. M.: Izdatel'stvo AST, 2023. 160 c.
2. Vartanova E. L. Ot teorii pressy – k modelyam SMI: k istorii vozniknoveniya sravnitel'nogo izucheniya mediasistem za rubezhom // Kommunikatsii. Media. Dizain. 2018. №2(3). C. 5-16.
3. Ingkhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva. 1997. № 4. S. 6.
4. Kennedy P. Vzlety i padeniya velikikh derzhav: Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovykh tsentrov vlasti s 1500 po 2000 g. Ekaterinburg: Gonzo, 2020. 848 s.
5. Kortunov S. V. Natsional'naya identichnost': Postizhenie smysla. M.: Aspekt Press, 2009. 592 s.
6. Nigmatullina K.R. Professional'naya kul'tura zhurnalista: poisk obshchikh podkhodov v zapadnykh i rossiiskikh issledovaniyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2019. №3. 84 s.
7. Flier A. Ya. Kul'turologicheskaya interpretatsiya sotsial'noi real'nosti. // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2016. №3(47).
8. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. M.: Izdatel'stvo AST, 2023. 640 s.
9. Khorkkhaimer M., Adorno T. V. Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. 1997. 312 s.
10. Entsensberger Kh. M. Industriya soznaniya. Elementy teorii media. OOO «Ad Marginem Press», 2016. 12 s.
11. Georgieva E., Bykov A., Maksim A., Lingzhi L., Puiu I. Approaches to defining the role of journalistic culture in the context of the development of modern media systems // Synesis. 2023. №15(4). pp. 113-123.
12. Hanitzsch T. et al. Mapping journalism cultures across nations // Journalism Studies. 2011. №12 (3). pp. 275-277.
13. Hanitzsch T. & Mellado C. What Shapes the News around the World? How journalists in 18 countries perceive influences on their work. The International Journal of

Press/Politics. 2011. №16(3). pp. 404-426.

14. Forsyth D. R. (1980). A taxonomy of ethical ideologies // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. №39(1). Pp. 175-184.

The body as the boundary between the hero and the world in non-classical lyrics

Rakhmatova Alisa Mukhamatovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University

125040, Russia, Moscow, Leningradsky ave., 17

✉ laubernorbek7@mail.ru

Abstract. The object of research in this article is the lyrical subject in works related to the lyrics of the non-classical stage of the poetics of artistic modality (S. N. Broitman). The subject is bodily images that perform the function of the boundary between the hero and the world in the lyrical works. The purpose of the study is to identify and describe the value-semantic parameters of bodily images that perform the functions of the boundary between the hero and the world in the works of non-classical lyrics.

The focus of this article is on the specifics of the relationship of the lyrical subject/character with the outside world, expressed by bodily images that carry the semantic meaning of the boundary between him and the world. Identifying and describing the features of these images, it is worth noting that the images of the similarity of the world to the human body and, conversely, the human body to the world are most directly related to them. The main method used in this work is historical and poetical analysis, namely, the identification in the texts under consideration of those features that are due to its belonging to a certain stage of the evolution of poetics. The scientific novelty of the study is determined by the fact that for the first time it theoretically summarizes observations on bodily images that perform the function of the boundary between the hero and the world in the lyrics of the non-classical stage of the poetics of artistic modality.

In non-classical lyrics, the semantic emphasis in works depicting the world through the body and/or the body through the world, in our opinion, is placed on the external similarity of the lyrical subject and the phenomena of the external world (and more broadly, man and being), illustrating the relationship of the original connection between them with autonomy from each other. The images of the mutual similarity of man and the world in the lyrical works of this stage of poetics express the theme of the inseparability of these two spheres, the outer world of the hero and the inner world of the hero, with their a priori non-identity to each other.

Keywords: historical poetics, lyric plot, poetics of modality, non-classical art, body images, lyrical experience, border, lyric subject, poetry, lyrics

References (transliterated)

1. Teoriya literatury. V 2 t. T. 1. Istoricheskaya poetika / S.N. Broitman. M.: Akademiya, 2004. 368 s.
2. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – kul'tura. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s.
3. Granitsa i opyt granitsy v khudozhestvennom yazyke. Vyp. 4. Nauch. red. N. T. Rymar'. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2006. 514 s.

4. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie. SPb.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004. 639 s.
5. Podoroga V. A. Fenomenologiya tela. M.: Ad marginem, 1995. 340 s.
6. Telo v russkoi kul'ture. Sbornik statei / Sost. G. Kabakova i F. Kont. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 400 s.
7. Dickson S. The body – some body – any body: Achim von Arnim and the romantic chameleon // German Quarterly. 2001. T. 74. № 3. S. 296-307.
8. Krotova D.V. Poetika telesnosti v lirike V. Shalamova // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 2 (54). S. 52-64.
9. Vorotnikova A.E. Fenomen telesnosti v romane A. Kozlovoi "F20" // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2021. № 4. S. 18-22.
10. Malkina V. Ya. Tipologiya liricheskikh sub"ektov // Novyi filologicheskii vestnik. 2023. № 4 (67). S. 20-31.
11. Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii – teoriya i praktika / Ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina. Berlin a.o.: Peter Lang, 2018. 448 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Vol. 4).
12. Kuznetsova E. V. Metaphors of needlework and questions of subjectivity in women's silver age lyric // Russian Literature. 2022. T. 128. S. 85-122.
13. Granitsy, porogi, liminal'nost' i sub"ektivnost' v sovremennoi poezii / Ed. by H. Stahl, E. Friedrich. Berlin a.o.: Peter Lang, 2020. 392 p. (Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Vol. 8.1.).
14. Mel'nikova I. M. Opyt granitsy v formirovanii nravstvenno-esteticheskoi pozitsii I. Bobrovskogo-khudozhnika // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya. 2008, № 1 (60). S. 109-117.
15. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii v 17 t. T. 3. Kn. 1. M.: Voskresen'e, 1995.
16. Akhmadulina B. A. Sochineniya. T. 1. M.: PAN; Korona-Print, 1999.
17. Tsvetaeva M. Sobranie sochinenii v 7 t. T. 2. M.: Ellis Lak, 1994. 592 s.
18. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenii v 7 tt. T. 1. M.: Nauka; Golos, 1995. 672 s.
19. Pasternak B. L. Sobranie sochinenii v 2-kh t. T. 1. Tula: Filin, 1993. 382 s.
20. Malkina V. Ya. Neosinkretizm // Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii / Pod red. N. D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 143.
21. Brodskii I. Sochineniya v 4-kh t. SPb.: Pushkinskii fond, 1994. T. 3. S. 238-240.
22. Rembo A. Stikhi. M.: Nauka, 1982. S. 17-22.
23. Brodskii I. Sochineniya v 4-kh t. SPb.: Pushkinskii fond, 1994. T. 1. S. 239-240.
24. Tarkovskii A. A. Tarkovskii A. Sobranie sochinenii. V 3 t. T. 1. M.: Khudozh. lit., 1991. 462 s.

The application of the attractor model to cognitive poetics, journalism, and foreign language learning.

Shubina Anna Olegovna

PhD in Philology

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Department No.33 (English as a

Abstract. The article examines the issue of applying of the complex dynamic systems theory elements in the field of teaching foreign languages, analyzing the use of the Internet, cognitive poetics, and journalism. In all these areas, the attractor model is mainly used. An attractor is a potential state of a system to which it is evolving. The semantics of the term is clearly dominated by the meaning of attraction. The article presents the justification of the methodological aspect in the application of the attractor model in various fields of science. An overview of domestic and foreign works in these fields is given, and various types of attractors are considered. Special attention is paid to cognitive poetics, a relatively new field of cognitive linguistics that systematically explores the relationship between the literary texts structure and their perception and conceptualization. In cognitive poetics, attractors influence the level of discourse by creating attention-attracting text objects. New types of textual attractors are proposed – neologisms (nonword), as well as elements of non-trivial lexical phrase that are not collocations. A lexical unit is a textual attractor if it attracts the reader's attention. The proof that a nonword attracts attention is that it introduces dissonance into the text, or that the lexical solution takes longer time. The proof that a nontrivial phrase can be considered a textual attractor is an increase in the reaction time to this phrase. The main contribution of the author to the study of the topic can be called the presentation of two types of new textual attractors, namely nonword and non-trivial phrase. The study of the structure and methods of producing individual author's occasional nonwords and non-trivial phrases that act as attractors in a V. Pelevin's dystopian novel is carried out.

Keywords: resonance, dissonance, cognitive poetics, lexical decision, complex dynamical systems, nonword, priming, mental lexicon, collocation, attractor

References (transliterated)

1. Boldyreva E.T. Kreativnyi attraktor kak strukturnyi komponent teksta. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. 2007. Chelyabinsk.
2. German I. A., Pishchal'nikova V.A. Vvedenie v lingvosinergetiku. 1999. Barnaul. Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
3. Dzhaber M.Kh. Primenenie teorii dinamicheskikh sistem v issledovanii transformatsii smyslovogo soderzhaniya verbalizovannykh kontseptov. // Vestn. Mosk. G. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2017. №2. S. 62-69.
4. Zakirova O.V. Individual'no-avtorskie religionimy v romane V. Pelevina «S.N.U.F.F.» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. №5(71). S. 71-75.
5. Kovalenko G.F. Kognitivnyi attraktor tekstovogo prostranstva stilisticheskoi konvergentsii // Russian linguistic bulletin. 2018. №13(1). S. 18-20.
6. Komarova Yu.V. Identifikatsiya neznakomogo slova kak sinergeticheskii protsess. // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2008. S. 136-139.
7. Kubryakova E.S. O nekotorykh osobennostyakh razvitiya yazyka v svete ego opredeleniya kak slozhnodinamicheskoi sistemy // Obshchee yazykoznanie: Formy

- sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka / Pod red. B.A. Serebrennikova. M.: 1970. S. 197-221.
8. Mal'neva E. Yu. Kontsept DREAM v idiostile Edgara Allana Po. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk, 2012.
 9. Marina O.A. Vozmozhnosti primeneniya teorii slozhnykh dinamicheskikh sistem v praktike obucheniya inostrannym yazykam. // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2023. №1. S. 93-109.
 10. Men'shikova E.E. Metafora kak kreativnyi attraktor v reklamnom turisticheskom narrative. // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2021. №13(3). S. 344-372.
 11. Ogneva E.A. Kontseptsiya tekstovoi kognitivnoi attraktsii. // Lingvisticheskie gorizonty: mezhdunar. sb. nauch. tr. Vyp VI. 2018. S. 87-92.
 12. E.A.Ogneva. Fitonimy kak leksicheskie taimery v arkhitektonike tekstovogo peizazhnogo kognitivnogo attraktora. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. №12(6). C. 378-382.
 13. E.A.Ogneva. Temporal'nyi kognitivnyi attraktor v tekstovom informativnom kode voennoi prozy. // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. №9 (467). S. 178-188.
 14. Pelevin V. O. S.N.U.F.F. M.: Eksmo, 2012.
 15. Ryanskaya E. M., Fomenko E. A. Yazykovye sredstva realizatsii attraktivnosti v predtekstovykh obrazovaniyakh (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov). // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. №15(6). C. 2012-2016.
 16. Sheptun N.N. Kodirovanie massmediinogo diskursivnogo formata znanii (na materiale izdaniy Le Monde i «Rossiiskaya gazeta»). // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. 2023. №4 (41), C. 128-132.
 17. Shilikhina K.M. Leksicheskaya sochetaemost' kak istochnik verbal'noi ironii. // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2010. №2. C. 64-69.
 18. Shirokova E. N. Yazykovoe tvorchestvo i «Lingvisticheskaya arkheologiya» V. Pelevina. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. №5 (1). S. 145-149.
 19. Shutenko E.N., Shutenko A.I., Sidorchuk K.V. Attraktivnye sfery samorealizatsii studentov v vuzovskom obuchenii kak sostavlyayushchie prostranstva ikh psikhologicheskogo zdorov'ya. // Psychology. Educology. Medicine. 2019. №4. S. 79-108.
 20. Beccia A. Attractor States in Second Language Development. // Studies in Applied Linguistics & TESOL. 2023. №22(2). Pp. 1-3.
 21. Cangir H. et al. Investigating collocational priming in Turkish. // Journal of Language and Linguistic Studies. 2017. №13(2). Pp. 465-486.
 22. Cangir H. Bilingual Mental Lexicon and Collocational Processing. // Research Anthology on Bilingual and Multilingual Education. A volume in the Advances in Linguistics and Communication Studies (ALCS) Book Series. 2022. Pp. 221-243.
 23. Carrol G., & Conklin K. (2014). Eye-tracking multi-word units: some methodological questions. // Journal of Eye Movement Research, №7(5). Pp. 1-11.
 24. Cognitive poetics and practice. A review of (Eds.) J. Gavins G. Steen. // European Journal of English Studies, 2004. №8(3). Pp. 189-396.
 25. Collins A. M., & Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing. //

- Psychological Review. 1975. №82(6). Pp. 407-428.
26. Firth J. R. A synopsis of linguistic theory, 1930–1955 // *Selected papers of J. R. Firth* / Ed. by F. R. Palmer. L.: 1957. Longmans.
 27. Geveke CH, Steenbeek HW, Doornenbal JM and Van Geert PLC. Attractor States in Teaching and Learning Processes: A Study of Out-of-School Science Education. // *Front. Psychol.* 2017. №8. Pp. 299-310.
 28. Görmez R. Tunç. Literary Theory, Stylistics and Cognitive Poetics // *CUJHSS*, June 2021. №15(1). Pp. 175-183.
 29. Henriksen B. Research on L2 learners collocational competence and development – a progress report. // *EUROSLA Monographs Series*. 2013. №2. Pp. 29-56.
 30. Hiver P. Attractor states. In Z. Dörnyei, P. MacIntyre & A. Henry (Eds.). // *Motivational dynamics in language learning. Multilingual Matters*. 2014. Pp. 20-28.
 31. Hoey, M. *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. 2005. Routledge.
 32. Kędra-Kardela A.; Kowalczyk, A. Textual attractors in literary discourse: a cognitive-poetic reading of Elizabeth Bowen's "Oh, Madam". // *Journal of Literary Semantics*. 2023. №52(1). Pp. 61-77.
 33. Kimura Y. L2 Teacher Motivation/Autonomy as Complex Systems: Across the Boundaries of L2 Classrooms in East Asia. // *Language Teacher Motivation, Autonomy and Development in East Asia*. 2022. Pp. 111-133.
 34. Neely J. H. Semantic priming and retrieval from lexical memory: Roles of inhibitionless spreading activation and limited-capacity attention. // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1977. №106. Pp. 226-254.
 35. Rubenstein H., Lewis S. S., & Rubenstein M. A. Evidence for phonemic recoding in visual word recognition. // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1971. №10, Pp. 645-657.
 36. Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. 1991. Oxford University Press.
 37. Smith L.B., Thelen E. *A dynamic systems approach to the development of cognition and action*. 1994. Cambridge. MA: Bradford Books. MIT Press.
 38. Şotropa D., Sacarea Sh. Attractors in Web Based Educational Systems a Conceptual Knowledge Processing Grounded Approach. // *Conference: The 8th International Conference on Knowledge Science, Engineering and Management, Chongqing, China*. 2015. №9403.
 39. Stockwell P. *Cognitive Poetics An introduction* // First published 2002 by Routledge. London.
 40. Stockwell P. The cognitive poetics of literary resonance // *Language and Cognition*. 2009. №1–1. Pp. 25-44.
 41. Syed H., Memon S., Chacar Z., Zameer S., & Shah T. Willingness to communicate in a second language and the promise of complex dynamic systems theory: A narrative overview. // *Research in Education*. 2021. №113(1). Pp. 41-58.
 42. Waninge F., Dörnyei Z., De Bot K. Motivational Dynamics in Language Learning: Change, Stability, and Context. // *Modern Language Journal*. 2014. №98(3). Pp. 704-723.
 43. Wilden W. The relevance of dynamic systems theory for cognitive linguistics // *Interdisciplinary Themes in Cognitive Language Research Symposium University of Helsinki and FiCLA (Finnish Cognitive Linguistics Association)*. Helsinki. 2005. URL: www.academia.edu/22919870/The_relevance_of_dynamic_systems_theory_for_cognitive_linguistics

Maximizers hyping in Chinese MA learners' and experts' academic discourse: An EUM-based study

Dugalich Natalia Mikhailovna

PhD in Philology

Head of foreign languages department of RUDN Institute of Medicine, Associate professor of RUDN Faculty of Philology

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ dugalich_nm@pfur.ru

Han Hao

Postgraduate student

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ 1042218192@rudn.ru

Abstract. The research is to examine the utilization of maximizers as a strategic tool to attain academic rhetorical hype within the realm of Chinese MA theses (CLMA_C) and international journal articles (ILJA_C). Maximizers, which convey heightened intensity and personal commitment, play a crucial role in shaping rhetorical strategies in academic discourse. The study employs the EUM model (Sinclair's theory of extended units of meaning). By adopting this model, the research makes a significant contribution to elucidating the intricate linguistic choices within scholarly communication.

The goal is to analyze the collocation features of the maximizers in CLMA_C and ILJA_C. The goal determines the choice of the subject of research – identifying similarities and differences in the use of maximizers in two databases (international journal articles (ILJA_C) and Chinese MA theses (CLMA_C)).

The novelty of the research is that the study employs the EUM model to analyze maximizers in CLMA_C and ILJA_C, allowing for a comprehensive examination of both collocational form and contextual meaning. The analysis includes an exploration of lexical patterns, colligation, semantic preference, and semantic prosody, offering a multifaceted understanding of how maximizers contribute to rhetorical strategies.

This research uniquely explores maximizers in collocational form and meaning using the EUM model, offering nuanced insights into their role in rhetorical hype and revealing cross-cultural variations through the similarities and significant differences in CLMA_C and ILJA_C. The study contributes significantly to second language acquisition and comparative linguistics, advancing knowledge on maximizers in academic communication.

Findings show lexical pattern similarities but significant differences in colligation, semantic preference, and semantic prosody. In CLMA_C, "fully" lacks diverse collocates, with varied colligation patterns influenced by L1 transfer. Regarding semantic prosody, experts adopt a commendatory tone, while Chinese MA learners express an affirmative tone.

Keywords: Rhetorical hype, Research article, Master thesis, Lexis, English as a foreign language, extended units of meaning, Maximizer, Academic discourse, English, Corpus Study

References (transliterated)

1. Ochodo, E. A., de Haan, M. C., Reitsma, J. B., Hooft, L., Bossuyt, P. M., & Leeftang, M.

- M. (2013). Overinterpretation and misreporting of diagnostic accuracy studies: evidence of "spin". *Radiology*, 267(2), 581–588.
2. Macleod, M. R., Michie, S., Roberts, I., Dirnagl, U., Chalmers, I., Ioannidis, J. P., ... & Glasziou, P. (2014). Biomedical research: increasing value, reducing waste. *The Lancet*, 383(9912), 101–104.
3. Liu, G.B., Fanyu, W. & Bingham, Z. (2021). The Local Grammar Patterns of Evaluation in Chinese and Western Scholars' Research Articles. *Foreign Languages and Their Teaching*, 1(2), 62.
4. Gilbert, G. & Mulkay, M. (1984). *Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Millar, N., Salager-Meyer, F. & Budgell, B. (2019). "It is important to reinforce the importance of ...": "Hype" in reports of randomized controlled trials. *English for Specific Purposes*, 54, 139–151.
6. Hyland, K., & Jiang, F. K. (2021). 'Our striking results demonstrate...': Persuasion and the growth of academic hype. *Journal of Pragmatics*, 182, 189–202.
7. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse studies*, 7(2), 173–192.
8. Granger, S. (1998). *Prefabricated patterns in advanced EFL writing: Collocations and lexical phrases. Phraseology: Theory, analysis and applications*. Oxford: Clarendon Press.
9. Lorenz, G. (2014). Overstatement in advanced learners' writing: stylistic aspects of adjective intensification 1. In: *Learner English on computer* (pp. 53–66). London: Routledge.
10. Zhang X.H. (2010). A Corpus-driven Study of Extended Units of Meaning: Taking Maximizers as an Example. *Foreign Languages and Their Teaching*, 4, 25–30.
11. Wang, H.H. & Guohua, C. (2007). An Investigation into the Developmental Features of Chinese EFL Learners' Use of Amplifier Collocations: A Corpus-based Approach. *Journal Foreign Languages* 167(1), 52–58.
12. Özbay, A. Ş., & Aydemir, T. (2017). The Use of Maximizers and Semantic Prosodic Awareness of Tertiary Level Turkish EFL Learners. *Journal of Education and Practice*, 8, 40–50.
13. Alrajhi, M. (2019). The Semantic Prosody and Semantic Preference of Maximizers in Saudi EFL Writings. *International Journal of Language and Linguistics*, 6(3), 30–39.
14. Sinclair, J. & Carter, R. (2004). *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. London: Routledge.
15. Quirk, R., Greenbaum, G., Leech, G. & Svartvik, J. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman.
16. Altenberg, B. (1991). Amplifier collocations in spoken English. In: S. Johansson (Ed.). *English Computer Corpora: Selected Papers and Research Guide*, pp. 127–130.
17. Yaoyu, W. E. I., & Lei, L. (2011). The use of amplifiers in the doctoral dissertations of Chinese EFL learners. *Chinese Journal of Applied Linguistics*, 34(1), 47–61.
18. Partington, A. (2001). Patterns and meanings: using corpora for English language research and teaching. *International Journal of Corpus Linguistics*, 6(1), 155–158.
19. Yu, W. & Li, Zhongzheng. (2017). Corpus-based Research on Extended Meanings of English and Chinese Maximizers. *Foreign Language Education*, 38(5), 32–37.
20. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S. & Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.

21. Kennedy, G. (2003). Amplifier collocations in the British National Corpus: Implications for English language teaching. *TESOL Quarterly*, 37(3), 467–477.

An anagram of the "unknown poet" in K.K. Vaginov's novel "The Goat Song"

Shukurov Dmitrii Leonidovich

Doctor of Philology

Head of the Department of History and Cultural Research at Ivanovo State University of Chemistry and Technology

153000, Russia, Ivanovo region, Ivanovo, Sheremet'yev Avenue, 7

✉ shoudmitry@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the hidden semantic associations, allusions and reminiscences associated with the artistic technique of anagramming the surname of the main character of K.K. Vaginov's novel "The Goat Song" (1928) – the "unknown poet" Agafonov. The subject of our research attention was the linguistic and cultural complex of associations as part of an incomplete anagram of the writer's surname (Vaginov) in the family "mask" of the autobiographical hero (Agafonov).

Special attention is paid to the analysis of the phenomenological structure of this image, based on elementary semantic connections with the formally absent linguistic and cultural complex of the reconstructed context: the "Dionysian" component (the motif of the "unknown god" in the Pradionysian cults); the cultural and semantic stereotype of the Silver Age (in particular, the features of the symbolist "poet-theurgist" are obvious); the Nietzschean image "the artist of intoxication and sleep"; and finally, with the ancient Greek etymology of the word-concept ἀγάπη (love, Christian meals of love) in the structure of the surname of the character in question – Agafonov.

The anagramming technique is presented from the perspective of the artistic teleology of Vagin's work and is considered by us within the framework of the methodological guidelines of historical poetics (O.M. Freudenberg) and selectively applied methods of deconstructivist analysis. As part of the analysis of the phenomenological structure of the image of the "unknown poet", we sought, using a wide range of interpretative possibilities of the Vagin text, to demonstrate the hidden semantic structures associated with the anagram of the surname of the main character of the novel – the "unknown poet" Agafonov. The main result of the conducted research is the conclusion that the anagramming technique is presented by K. K. Vaginov in the perspective of the artistic teleology of the novel narrative, which is based on the principle of multifunctional interaction between the author and the character. A special research contribution to the development of the presented topic is an indication of specific structural and semantic complexes linking the surname of the hero of the Vaginovsky novel with a wide linguistic and cultural tradition – from antiquity (Plato's "Feast" dialogue) to the modern era ("The Birth of Tragedy from the Spirit of Music" by F. Nietzsche).

Keywords: Dionysism, Nietzscheanism, anagram, narrative, novel, character, author, Russian Silver Age, cultural crisis, intertext

References (transliterated)

1. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 p.
2. Anemone A. Konstantin Vaginov and the Leningrad Avantgarde: 1921–1934 / A.

- Anemone; Ph. D. diss. UC Berkley, Michigan 1986. 285 p.
3. Shindina O. V. O metatekstual'noi obraznosti romana Vaginova «Trudy i dni Svistonova» // Vtoraya proza: Russkaya proza 20–30-kh godov XX veka. Trento, 1995. S. 153–177.
 4. Segal D. M. Tvorchestvo Konstantina Vaginova v kul'turnom kontekste // Zerkalo. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal. 2022. №59, 60. – URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2022/59/tvorchestvo-konstantina-vaginova-v-kulturnom-kontekste.html>
 5. Paleari L. La letteratura e la vita nel romanzo di Vaginov // Rassegna Sovietica. 1981. №5. P. 153–170.
 6. Bresler D. M. Sovetskie «emotsionalisty»: chtenie Vaginova v 1960–1980-e // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 164 (№4). S. 233–259.
 7. Chukovskii N. K. Konstantin Vaginov // Chukovskii N. K. Literaturnye vospominaniya. M.: Sov. pisatel', 1989. S. 177–200.
 8. Freidenberg O. M. Problema grechesko–go literaturnogo yazyka // Sovetskoe yazykoznanie: [Sbornik statei] / Nauch.-issl. in-t yazykoznaniiya Leningr. in-ta istorii, filosofii, lingvistiki i lit-ry (Lifli). Leningrad: Leningr. nauch.-issl. in-t yazykoznaniiya, 1935 (tip. «Komintern»). V 3 t. T. 1. S. 5–29.
 9. Freidenberg O. M. Mif i literatura drevnosti. M.: Nauka, 1978. 605 s.
 10. Freidenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra / O. M. Freidenberg; podgotovka teksta, sprav.-nauch. apparat, predvarenie, poslesl. N. V. Braginskoi. M.: Labirint, 1997. 448 s.
 11. Osovskii O. E., Dubrovskaya S. A. Bakhtin, Rossiya i mir: retseptsiya idei i trudov uchenogo v issledovaniyakh 1996–2020 godov // Nauchnyi dialog. 2021. №7. S. 227–265.
 12. Shirina N. S. Vliyanie dekonstruktivizma na shriftovuyu grafiku XXI veka // Kul'tura i iskusstvo. 2021. №12. S. 56–65.
 13. Lacan J. Ecrits: A selection. London: Tavistock Publications, 1977. 338 p.
 14. Vaginov K. K. Kozlinaya pesn': romany / K. K. Vaginov; vstup. st. T. L. Nikol'skoi, primech. T. L. Nikol'skoi i V. I. Erl'ya. M.: Sovremennik, 1991. 592 s.
 15. Shukurov D. L. Avtor i geroi v metapovestvovatel'nom diskurse K. K. Vaginova. Ivanovo: IGEU, 2006. 188 s.
 16. Shukurov D. L. Poetika «chuzhogo slova» v tvorchestve K. K. Vaginova: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. – Ivanovo, 1998. 228 s.
 17. Sosyur F. Anagrammy // Sosyur F. Trudy po yazykoznaniiyu. M., 1977. S. 535–649.
 18. Strukova T. V. Anagramma kak enigmaticheskii zhanr // Zhanry rechi. 2020. № 4 (28). S. 302–309.
 19. Nikol'skaya T. L., Erl' V. I. "Primechaniya" // Vaginov K. K. Kozlinaya pesn': Romany. M., 1991. S. 544–591.
 20. Ovcherenko U. V. Grani telesnosti i anagramma: tekst kak telo. Sbornik «Kul'tya» I. A. Odegova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 7. C. 37–41.
 21. Strada V. Nota // Vaginov K. Bambocciata. Torino: Einaudi, 1972. P. 169–177.
 22. Marcialis, N. Il canto del capro // Il verri. 1983. №29–30. P. 129–143.
 23. Shindina O. V. Teatralizatsiya povestvovaniya v romane Vaginova «Kozlinaya pesn'» // Teatr. 1991. №11. S. 161–171.
 24. Segal D. M. Konstantin Vaginov i antichnost' // Antichnost' i kul'tura Serebryanogo veka: K 85-letiyu A. A. Takho-Godi. M.: Nauka, 2010. S. 395–412.

25. Kaminskaya Yu. V. Kollektsonirovanie kak osnovopolagayushchii tvorcheskii printsip poetiki K. Vaginova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 463. S. 32–41.
26. Chechnev Ya. D. Urbanizm peterburgskoi prozy K.K. Vaginova: «Garpagoniana» kak roman o gorode epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. – Moskva, 2020. 198 s.
27. Chechnev Ya. D. «Mgnovennyi starik» v romane Konstantina Vaginova «Garpagoniana» (k voprosu o «vozvrashchennoi molodosti» kak syuzhete epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii) // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2021. № 1. S. 109–118.
28. Bonnet Ch. Der Metafiktionale Roman. Untersuchungen zur Prosa Konstantin Vaginovs. München: Verlag Otto Sagner, 1998. 293 s.
29. Von Heyl D. Die Prosa Konstantin Vaginovs. München, 1993. 111 s. (Arbeiten und Texte zur Slavistik 57).
30. Landa K. Kategoriya «proniknoveniya» u Vyach. Ivanova i Dante: opyt dukhovnogo voskhozhdeniya // Solov'evskie issledovaniya. 2023. Vyp. 1 (77). S. 152–173.
31. Platon. Sobranie sochinenii. V 4 t. T. 2. / obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi; primech. A. F. Loseva i A. A. Takho-Godi; per. s drevnegrech. M.: Mysl', 1993. 528 s.
32. Eliade M. Mefistofel' i androgin / M. Eliade; per. s fr. E. V. Baevskoi (predisl., 1-3 gl.), O. V. Davtyan (4-5 gl.); Nauch. red. S. S. Tavasherniya. SPb.: Aleteiya: Univ. kn., 1998. 374 s.

Ideological literary policy of Stalin and Khrushchev

Wang Chuyao

Postgraduate, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Mklukho-Maklaya str., 6, of. -

✉ ChuyaoWang@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the changes in ideological literary policy by I.V. Stalin to N.S. Khrushchev. The article examines the features of Stalin's literary ideological policy (concept of socialist realism). This concept, developed in the light of the ideological and political guidelines of the Stalinist leadership and supervision, writers, poets, and critics lost their creative freedom. This was the reason for the formation of the theory of conflict-free behavior in the literature. The author notes that by the early 1950s a new path opened for creating examples of literary creativity, since the new political leader rethought the concept of socialist realism and eliminated Stalin's cult of personality. When studying problems related to the analysis of the ideology and political orientations of outstanding statesmen of the USSR, comparative historical and typological research methods were used in the work. To formulate the conclusions of the study, the author used methods such as comparative and descriptive. As a result of the research, the evolution in the ideological and political views of the state leadership on the course of the literary process in the country was revealed, it was concluded that the period of Khrushchev's reign can rightfully be called the time of the onset of the cultural "thaw" in the details of the writers, poets, and critics. However, factors that seem obvious at first glance, introducing a certain degree of freedom into the creative process, are still accompanied by the inevitable tightening of policies and political supervision over the content of literary works. The author concluded that the cultural "thaw" that clearly

emerged in the country during the reign of Khrushchev turned out to be an incomplete reform, since the content of creativity was still supposed to revolve around the ideas and orientations of the party's activities.

Keywords: Khrushchev, the theory of conflict-free, post-war literary process, Stalin, socialist realism, the literary thaw, cultural thaw, the cult of personality, ideology, the evolution of ideology

References (transliterated)

1. Kormilov, S. I. Vtoroi s"ezd sovetskikh pisatelei kak preddverie «Ottepeli» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2010. № 4. S. 48-65.
2. Kuznetsov, M. Kogda nachinaetsya novyi period? // Voprosy literatury. 1964. № 7. C. 3-11.
3. Nagapetova, A. G. V kontekste «teorii beskonfliktnosti» // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2008. № 6. S. 145-150.
4. Pervyi Vsesoyuznyi s"ezd sovetskikh pisatelei, 1934. Stenogr. otchet. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1934. 718 s.
5. Pomerantsev, V. M. Ob iskrennosti v literature // Novyi Mir. 1953. № 12. S. 218-245.
6. Prokhorov, A. M. Soyuz khudozhnikov SSSR // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 tomakh. izd. 3-e. T. 24. N'yu-Iork; London: Izdatel'stvo Collier Macmillan. 1980. 699 s.
7. Khrushchev, N. S. Za tesnyuyu svyaz' literatury i iskusstva s zhizn'yu naroda // Voprosy literatury. 1957 № 6. C. 3-27.
8. Khrushchev, S. N. Nikita Khrushchev: Reformator, M.: Vremya. 2010. S. 567-568 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vikent.ru/enc/3894/> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
9. Yakimenko, L. Sotsial'nost' i istorichnost' myshleniya – vot glavnoe // Voprosy literatury. 1964. № 7. S. 12-15.

The problems of a child's self-realization in Yulia Kuznetsova's trilogy about Varya and Olya

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, M. V. Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, office 967

✉ svyatolga@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of self-realization of a primary school-age child using the example of works written in the early 2020s, Yulia Kuznetsova's trilogy about Varya and Olya. The psychological features of this age group are revealed, as well as the original features of modern art for children aged seven to ten years.

In this work, the topics of children's relationships in the family, the class collective, emerging friendships, as well as the problems of growing up and socialization are updated. A rather original typology of children's characters relevant to modern reality is presented. The

significance and importance of this article is due to the importance of the problems posed, as well as modern and practically unexplored research material, which are the works of Yu. Kuznetsova, only included in scientific circulation. To understand these aspects, the following research methods are used in the article: comparative, hermeneutical and comparative typological methods. With the help of a systematic approach, an analytical study of the ways of communication between children and adults – parents, grandparents, neighbors, teachers – is provided. The main result of this work was the study of different types of characters of primary school children, ways of their interaction and ways of self-realization. The research of practically new and little-studied artistic material, which arouses genuine interest among both the addressee's peer and the adult reader, becomes relevant in this article. At the same time, the following tasks were solved: identification of key aspects of growing up and socialization of a child; analysis of friendly relationships, friendships and enmity-competition in Y. Kuznetsova's stories about Varya and Olya; identification of the features of the development of the main storylines and the figurative system of the analyzed stories, as well as the genre originality of the works under study. The key aspects of the article were questions about the typology of the characters of children of primary school age, the moral aspects of growing up a child.

Keywords: emotive personality type, children's friendship, visual and kinesthetic, developmental psychology, children's psychological story, modern children's story, typology of children's characters, growing up of a child, Children's literature, hyperactive personality type

References (transliterated)

1. Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoi proze. – L.: Khudozhestvennaya literatura, 1977. – 443 s.
2. Spiridonova G.S. O psikhologizme detskoj literatury (na primere russkoi literaturnoi skazki) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 2 (75). 2019. S. 438-441.
3. Likhachev D. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74-87.
4. Bakhtin M. M. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti // Bakhtin M. M. Sobranie sochinenii. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2003. S. 69-263.
5. Chekasheva N.V., Os'mukhina O.Yu. Vzroslyi mir glazami rebenka v proze G. Shcherbakovoi ("Dyadya Khlora i Koryakin", "Otchayannaya osen"). V sb.: Aktual'nye problemy filologii i zhurnalistiki. Sbornik nauchnykh trudov. Saransk, 2022. S. 121-126.
6. Pichugina O. O. «Devochka na share» i chitateli rasskaza V. Dragunskogo // Voprosy literatury. – 2012 – №5. – С. 110-123.
7. Shi Yuitsin. Tipy vzaimootnoshenii vzroslykh i detei v tsikle «Deniskiny rasskazy» Viktora Dragunskogo // Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya. 2019. №4. S. 159-166.
8. Dolzhenko L. V. Ob'ektivizatsiya emotsii strakha v proizvedeniyakh A. P. Gaidara dlya detei // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. №9 (84), 120-124.
9. Yukhnova I. S. Tsennostnye orientiry geroev A.P. Gaidara («Timur i ego komanda») // Filologicheskii klass. – 2019. – № 2 (56). – S. 126-131.
10. Kuznetsova Yu. Varya i Olya – podruzhki navek. – M.: Pyat' chetvertei, 2021. 452 s.
11. Kuznetsova Yu. Varya i Olya: shkol'nye peremeny. – M.: Pyat' chetvertei, 2022. 416 s.

"Little Man" in the context of the narrative structure of the

work: "Overcoat" by N. V. Gogol and "Irrepressible Tambourine" by A.M. Remizov

Demidov Nikita Mikhailovich

Postgraduate student, Department of Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University

123181, Russia, Moscow, Isakovskiy str., 28k2, sq. 574

✉ josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the evolution of the "little man" as a literary phenomenon based on the novels "Overcoat" by Gogol and "Irrepressible Tambourine" by Remizov. It is noted that the content of the term under study is not limited to the semantics of the image, which contains a meaningful characteristic of a certain type of literary hero, but depends on the narrative structure of the work. This position of the "little man" in Gogol and Remizov is at the intersection of interrelated factors: details as a carrier of the grotesque in fictional reality and at the level of narrative instance, as well as modifications of a specific genre form, expressed in the original construction of the composition – Gogol overcoming the genre of physiological essay and Remizov household anecdote, respectively. The study shows that detail plays a key role in the poetics of the works of these authors and determines not only the dynamics of the image in a particular work, but also forms an appropriate aspect of influence. Remizov inherits the indirect characterization of a literary character through the details of the external world, adopted by Gogol, but in another way secures with their help the status of the main character of the "Irrepressible Tambourine" as a small person at the narrative level due to a more open organization of the horizon of readers' expectations. The task required the synthesis of a historical and genetic approach with a genrological (genological) one, which made it possible to consider the category of "little man" as an element of poetics, reinterpreted by Remizov in "Irrepressible Tambourine" under the influence of Gogol's work, and its significance in connection with the transformation of the genre model with an individual author's approach to narration. The study showed that Remizov overcomes the epistemological uncertainty of the narrator in the "Overcoat" and, thanks to the details referring to the mythopoeic context (Ancient Russia, Eros), builds the image of a small man (Stratilatov), whose insignificance and mediocrity are less related to the plot of the "Irrepressible Tambourine" than with archetypal references that are carriers of narrative semantics stories and setting the meaningful direction of the author's thought. Thus, the unknowability of the foundations of being by the character is emphasized at the narrative level of the work, enhanced by the grotesque characterization. The corresponding conclusion, according to the author of the article, is relevant in analyzing the system of images of literary heroes in Remizov and his anticipation of the work of European expressionist prose writers with their emphasis on the existential, rather than social source of human suffering.

Keywords: gnoseology, genre studies, grotesque, Gogol, Remizov, narration, expectations horizon, little man, archetype, implicit reader

References (transliterated)

1. Vaiskopf M. Material i pokroi gogolevskoi «Shineli» // Gogol' kak yavlenie mirovoi literatury. M.: IMLI RAN, 2003. S. 193-201.
2. Gracheva A. M. «Teoriya russkogo lada» A. M. Remizova: Genezis. Praktika. Refleksy: Monografiya. SPb.: OOO «Izdatel'stvo «Rostok», 2023. 496 s.

3. Krivonos V.Sh. Grotesknaya real'nost' i narrativnyi grotesk v «Zapiskakh sumasshedshego» Gogolya // Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz. T. 74, № 5, 2015. S. 45-50.
4. Lotman, Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. Moskva: Iskusstvo, 1970. 384 s.
5. Mann Yu.V. Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma. SPb.: SPbGU, 2007. 743 s.
6. Obatnina E. R. Aleksei Remizov: lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatelya. M.: NLO, 2008. 296 s.
7. Pecherskaya T. Eshche raz o fantasticheskom v «Shineli» Gogolya // Gogol' kak yavlenie mirovoi literatury. M.: IMLI RAN, 2003. S. 202-207.
8. Sintsov E. V. Universal'nye priemy vystraivaniya obraza malen'kogo cheloveka v proizvedeniyakh N. V. Gogolya (o narrativnoi strategii i retseptsii) // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki, №1, 2017. S. 121-137.
9. Schmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 312 s.
10. Kšicová, D. Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely. Brno: Masarykova univerzita, 2007. 516 s.
11. Pospíšil, Ivo. Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Brno: Masarykova univerzita, 1995. 151 s.
12. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Ed. by David Herman, Manfred Jahn, Marie-Laure Ryan. Taylor & Francis, 2007. 720 p.
13. Svatoň, V. Epické zdroje románu: z teorie a typologie ruské prózy. Praha: Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR, 1993. 139 s.
14. Žemberová, V. Návraty k poetice a noetice petrohradských noviel // Litteraria humanitas. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví). Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010. S. 471-480.

The phenomenon of value conflict in the mass media space

Gurushkin Pavel Yurievich

PhD in Politics

Associate Professor, Department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ gurupavel@ya.ru

Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ n.labush@spbu.ru

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ s.nikonov@spbu.ru

Puyu Anatoly Stepanovich

Doctor of Sociology
 Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University
 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9
 ✉ a.puju@spbu.ru

Abstract. The author examines in detail the phenomenon of value conflict in the mass media space. With the advent of mass media, political conflict has acquired a new scale and role, developing on several planes: in reality, in the media, in social media and in the minds of the audience. Modern society is oversaturated with information, which leads to the question of the effective use of media resources and their uneven distribution. In the context of the information society, new types of conflicts arise related to the relationship of factual and necessary information, which emphasizes the importance of studying the mediatization of political conflicts and their impact on public relations. The media space is an environment where political conflicts are formed and resolved, thereby defining many aspects of social life and interaction. The article focuses on the role of values in the political process, reveals the influence of the media on the formation of attitudes and behavior in conflict conditions. The object of the study is a political conflict in the media space.

The subject of the study is the mediatization of political relations in the context of the value characteristics of society. The purpose of the study is to determine the role and place of media in the processes of managing political and value conflict in modern society. The research uses activity-based, axiological and systematic approaches that allow us to penetrate into the essence of the phenomenon of the mass media space and trace the transformation of values in it that are the subject of conflict relations. The theoretical and practical significance of the study lies in the fact that it substantiates the need to revise classical approaches to the consideration of such categories as: information war, political and value conflict in the media space. As part of the conflict agenda, the media can chronicle events, mediate and make forecasts. They influence the formation of attitudes and behaviors of social groups in conflict conditions, have the potential to form stereotypes of constructive (or not) behavior. The study of the mediatization of political conflict in a value-based way allows us to identify the features and patterns of formation of models of "conflict behavior" in the information field (participating and observing parties), the choice of motives, strategies and opportunities in the conflict, goals and ideas about the development of the conflict.

Keywords: Journalism, Mass media space, Mass media, Ethnic conflict, Mediocracy, Mediatization, Value conflict, Political conflict, Conflict, Media space

References (transliterated)

1. Adams P. C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. L.: Wiley-Blackwell, 2009. 255 s.
2. Baichik A. V. Massmedia. Tsennosti. Konflikt. SPb.: Izd-vo RKhGA, 2020. 248 s.
3. Blandel R. Effektivnye biznes-kommunikatsii. Printsipy i praktika v epokhu informatsii. SPb., 2000. 384 s.
4. Vartanova E. L. Teoriya media: otechestvennyi diskurs. M.: Izd-vo MGU, 2019. 224 s.
5. Dunas D. V. Antropologicheskii povorot v zarubezhnykh issledovaniyakh SMI: ot kontseptsii o cheloveke i kul'ture k novoi distsipline // Etnograficheskoe obozrenie. 2015, № 4. S. 13-26.
6. Elishev S. O. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu ponyatii «tsennost'»,

- «tsennostnye orientatsii» // Vestnik Mosk.un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2010. № 3. S. 74-90.
7. Karanov D. P. Osnovy antropologii konflikta: teoretiko-metodologicheskie printsipy i problemno-tematicheskoe obespechenie // Konfliktologiya. 2018. T. 13. № 1-S. 68-79.
 8. Mediakratiya: sovremennye teorii i praktiki/Pod red. A. S. Puyu, S. S. Bodrunovoi. Spb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 354 s.
 9. Chernikova V. E. Konflikt traditsionnykh moral'nykh tsennostei i tsennostei informatsionnogo obshchestva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3 (144). 2014. S. 45-51.
 10. Sudorgin O. A. Novaya rol' informatsionnogo prostranstva v KhKhI veke // Vlast'. 2009. № 1. S. 27-32.
 11. Troshchenkova E. V. Tsennostnyi konflikt v kommunikativnykh situatsiyakh razlichnogo tipa: vliyanie tsennostnykh mental'nykh reprezentatsii na strategii obshcheniya // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. № 2 (18). S. 24-34.
 12. Prokhorenko I. L. Vozmozhnosti prostranstvennogo podkhoda v analize etnopoliticheskogo konflikta // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 6. S. 127-138.

Metaphorical nominations of national leaders of the past as a phenomenon of actual political communication

Bykova Elena Vladimirovna

Professor, Department of Public Relations in Business, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7-9, office 704

✉ bykova2april@gmail.com

Gavra Dmitrii Petrovich

Doctor of Sociology

Doctor of Sociological Sciences, Professor, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9, office 704

✉ bykova2april@gmail.com

Baikova Irina Aleksandrovna

PhD in Politics

Associate Professor, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9, office 704

✉ bykova2april@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the metaphorical nomination of the subject as an instrument of deep-dated mediatization of a political incident of a special nature - the death/departure from active politics of a political leader on a national scale. The theoretical basis is the theory of deep mediatization, the cognitive theory of metaphor and the sociology of memory. The authors prove that the analysis of the metaphorical nominations of outstanding statesmen who left this world makes it possible to identify the public's attitude to the current state of political problematization and the structural profile of current political conflicts. Media texts and user-generated content in foreign English-language media were selected as empirical material for analysis. The resulting dataset is analyzed on the basis of

the theory of metaphor in political discourse. The article shows that the death/departure from active politics of a political leader of the distant or relatively close past acts as a significant information event that generates the actualization of the political discursive field in a datatized online environment. English-language online media or online versions of traditional media were selected by the monitoring method in the system Semanticforce.ai : Associated Press, Bloomberg News, Reuters for the period 08.30.2022 – 09.10.2022. A total of 12320 texts were taken into account. By means of lexical and semantic analysis, the nominations were selected from the texts and their classification into lexical and thematic groups was carried out. As a result of the study, it is shown that the death/departure from active politics of a political leader of the distant or relatively close past acts as a significant information event that generates the actualization of the political discursive field in a datatized online environment.

- English-speaking online media assess the personality of Mikhail Gorbachev in a generally positive way: one of a kind, democrat, peacemaker, etc.
- The thematic group of lexemes with the meaning of paradoxicity and inconsistency in English-speaking media is one of the most representative in the analyzed media discourse.
- The paradoxical nature of personality assessment is linked to the counter-predictive assessment of Mikhail Gorbachev's activities during his presidency in European and Russian politics.

Keywords: online, political discourse, political conflict, sociology of memory, big data, mediatization, political communication, national leader, nominations, metaphor

References (transliterated)

1. Hjarvard S. [Text] The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29 No. 2. P. 105-134.
2. Couldry N., Hepp A. [Text] The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press. 2018. P. 38-52.
3. Gavra D. P., Bykova E. V. [Tekst] Mediatizatsiya i demediatizatsiya v tsifrovoy srede: keis konservativnogo manifesta K. Bogomolova "Pokhishchenie Evropy 2.0" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2022. № 3. S. 60-86.
4. Gavra D. P. [Tekst] Mediatizatsiya 2.0 v protsessakh politicheskoi mobilizatsii v tsifrovom sotsiume // Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Tom 2. Sankt-Peterburg, 2021. S. 195-196.
5. Hepp A. [Text] (2020). Deep mediatization. London and New York: Routledge. 260 p.
6. Rodríguez M. C., & Mato M. M. [Text] Political Communication in the Age of Populism and Mediatization. Studia Humanitatis Journal, 2022, 2(2). P. 269-295.
7. Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. [Text] Digital subjects as new power actors: a critical view on political, media-, and digital spaces intersection // Studies in Computational Intelligence. 2019. P. 233-238.
8. Walter T. The sociology of death // Sociology compass. 2008. Vol. 2. №. 1. P. 317-336.
9. Howarth G. [Text] Death and dying: A sociological introduction. Polity. 2007. 301 p.
10. Kearl M. C. Endings: A sociology of death and dying. Oxford University Press. USA. 1989. 521 p.
11. Seale C. Constructing death: The sociology of dying and bereavement. 1998. 236 p.
12. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii Ekaterinburg, 2013. 176 s.

13. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. M., 2004. 256 c.
14. Matveeva T. V. Uchebnyi slovar': russkii yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. M.: Flinta. 2003. 432 s.
15. Makovskii A. A., Dmitriev S. S. «Politicheskie» i «religioznye» yarlyki v sotsial'nykh setyakh kak instrument politicheskoi mobilizatsii Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya 2021. Vol. 21. № 3. S. 88-94.

Professional journalistic community of the Republic of Korea: government institutions, associations and organizations

Fadeeva Alina Vital'evna

Assistant, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ st071252@student.spbu.ru

Shafir Timur Vladimirovich

Lecturer at the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University

38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

✉ tim.shafir@yandex.ru

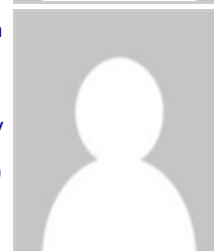
Gurushkin Pavel Yurevich

PhD in Politics

Associate Professor, Department of Mass Communications Management, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ p.gurushkin@spbu.ru

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7-9

✉ s.nikonov@spbu.ru

Abstract. The relevance of this scientific work is expressed in the need to determine the national characteristics of the professional journalism environment of the Republic of Korea (ROK) and to make an analysis.

The object of the study was professional journalism in the Republic of Korea.

The subject of this study is the activities of journalistic unions and organizations in the Republic of Korea, namely: the Korean Communications Commission, the Korean Broadcasting Advertising Corporation, the Association of Journalists of Korea, the Korean Association of Broadcasters, the Korean Association of Scientific Journalism, the Korean Press Foundation, the Korean Newspaper Association and other local professional associations. The collection of information on the functioning of Korean professional communities in the field of media and organizations controlling journalistic activities was carried out during the period from December 15, 2023 to January 15, 2024.

The main research methods were the analysis of regulatory documents, qualitative content

analysis, as well as the single-outcome case study method to determine the specifics of the experience of the Republic of Korea. As of 2024, in the Republic of Korea (ROK), control over professional journalistic activities is carried out using a centralized system supported and supervised by government organizations. The article presents an analysis of the activities of professional journalistic communities operating in the Republic of Korea. A general description of the five largest associations and organizations is given. The study showed that the actions of government institutions, organizations and associations of the professional journalistic community of the Republic of Korea are associated with the introduction of a model of integration control of regulatory authorities into the basis of the activities of the associations studied by us.

As an illustrative example of the activities of a professional journalistic association, the Association of Journalists of Korea was chosen, whose activities were analyzed in accordance with the following criteria: features of the structure, areas of activity, international integration, interaction with government departments, educational activities, a system of support and material support for journalists.

Keywords: broadcasters association, noopolitics, geopolitics, policy, The Republic of Korea, korean media, journalistic associations, Professional organizations, media business, government institutions

References (transliterated)

1. Kheo Dzh-s.(2023), Issledovanie nezavisimosti i neitral'nosti Koreiskoi komissii po svyazi // Evropeiskie konstitutsionnye issledovaniya. – 2023. – T. 42. – S. 1-26.
2. Parubochaya E. F.(2021), Koreiskii fond kak institut publichnoi diplomatii Respubliki Koreya // Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie. 2021. №3.
3. Fadeeva A.V., Nikonov S.B., Gurushkin P.Yu., Puyu Yu.V., Puyu D.A. (2021). Impact of diversifying media content on country's economic potential: case study of South Korea. LAPLAGE EM REVISTA. 2021 Avg. 12;7 (Extra-D), 187-199.
4. Vorob'eva A.K.(2020), Vliyanie koreiskikh SMI na stanovlenie politicheskikh dvizhenii // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. 2020. №2.
5. Fadeeva, A. V. (2022). Retrospektiva razvitiya zhurnalistiki Respubliki Koreya // Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzgl'yad molodykh issledovatelei: Stat'i 21-i mezhdunarodnoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Sankt-Peterburg, 09–11 marta 2022 goda. Tom Vyp. 22. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – S. 201-208.
6. Li Kh. S.(2023), Politicheskaya kommunikatsiya, v knige ChonKhun Khan, Ramon Pacheko Pardo i Enkho Cho (redaktory), Oksfordskii spravochnik po yuzhnokoreiskoi politike, Oksfordskie spravochniki (2023; onlain-izdanie, Oxford Academic, 8 dekabrya 2021 g.)
7. Kvak K.-S.(2023), «Pressa», v ChonKhun Khane, Ramone Pacheko Pardo i Enkho Cho (Red.). Oksfordskii spravochnik po yuzhnokoreiskoi politike, Oksfordskie spravochniki (2023; onlain-izdanie, Oxford Academic, 8 dekabrya 2023 g.) 2021).
8. Li Dzh. K.(1997), Svoboda pressy i demokratizatsiya: opyt Yuzhnoi Korei i nekotorye uroki //Gazette (Leiden, Niderlandy). – 1997. – T. 59. – №. 2. – S. 135-149.
9. Yum K. Kh.(1986), Svoboda pressy v usloviyakh ogranichenii: primer Yuzhnoi Korei // Aziatskii obzor. – 1986. – T. 26. – №. 8. – S. 868-882.
10. Uiver D.Kh., Uillnat L. (2020). Mirovoi zhurnalist XXI veka. – Rutledzh, 2020.
11. Shin V., Kim S., Dzhu Dzh.(2021), Nenavist' k zhurnalistike: antipressovyi diskurs i

negativnye emotsii po otnosheniyu k zhurnalistike v Koree //Zhurnalistika. – 2021. – T. 22. – №. 5. – S. 1239-1255.

12. Shriramesh K., Verchich D.(2009), Professionalizm i diversifikatsiya: evolyutsiya svyazei s obshchestvennost'yu v Yuzhnoi Koree // Global'nyi spravochnik po svyazyam s obshchestvennost'yu, pererabotannoe i rasshirennoe izdanie. – Rutledzh, 2009. – S. 188-203.

Preservation and reproduction of cultural and historical memory in the complex of journalism functions

Blokhin Igor Nikolaevich

Doctor of Politics

Professor, Department of Theory of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ i.blokhin@spbu.ru

Georgieva Elena Savova

PhD in Politics

Associate Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ kaob@yandex.ru

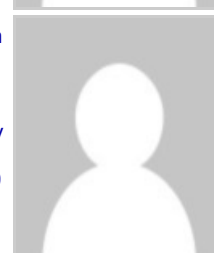
Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

✉ n.labush@spbu.ru

Oleinikov Sergei Viktorovich

Doctor of Politics

Professor, Department of Journalism, State Educational Institution "Transnistrian State University named after. T.G. Shevchenko"

107 October 25 str., Tiraspol, 3300, Moldova

✉ olen_serg@inbox.ru

Abstract. Addressing the phenomenon of cultural and historical memory in the context of journalism theory and professional practice is important for a number of reasons. In a theoretical sense, it is necessary to take into account the structural features of the phenomenon of cultural and historical memory and the dynamics of its development, changes and influence on the processes taking place in journalism under the influence of the formation of a new system of post-global world order. The question of the essential institutional features of journalism in the spaces of sovereign macroregions can be solved only in the search for supporting specific basic principles of the existence of the profession. One of these principles should be cultural and historical memory, which has a national origin and institutional and cultural forms of expression, to which, among others (no less, but no more important), journalism should be attributed. The methodology of system analysis is used as a fundamental principle in the work. In determining the functional structure, the approaches developed within the framework of structural and functional analysis are used. In determining

the interdependence of the structure of a historical fact in journalism and the spaces of its realization, discourse analysis is used in its functional application in the form of a discursive framework. The inclusion of the issues of cultural and historical memory in the processes of professional journalistic education requires the approval of the principle of subjectivity of journalism, its institutional nature, which allows initiation and full participation in social changes. The preservation and reproduction of cultural and historical memory is present as an integral part of the complex of professional journalistic functions. The functional complex of journalism manifests itself at the strategic level as participation in the expansion of cultural space and self-determination as an active part of cultural national history. At the operational and tactical level, journalism performs the functions of socio-cultural integration, socialization and adaptation.

The structural components of a historical fact in journalism (denotation, meaning and concepts) are revealed to varying degrees depending on the implementation spaces. The methodology of the spatial approach used in the study of journalism allows us to identify the natural, material, social, personal and mediated media levels of space. Denotation plays a dominant role on the natural, material and social levels, meaning plays a dominant role on the personal level, meaning plays a dominant role on the media space level, and concepts play a dominant role in audience feedback systems.

Keywords: historical memory, cultural memory, functions of journalism, fact, journalistic methodology, social institution, journalism, journalistic analysis, system analysis, theory of journalism

References (transliterated)

1. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
2. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
3. Begunova E. A. *Nekotorye aspekty sravnitel'nogo analiza ponyatii «kul'turnaya pamyat'» i «istoricheskaya pamyat'» v zarubezhnoi i otechestvennoi gumanitaristike* // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 48. S. 50-55.
4. Belevitina T. M., Dmitrovskii A. L. *Fakt v zhurnalistike: k definitsii ponyatiya* // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 2 (58). S. 162-171.
5. Goncharova A. V. *Istoriko-kul'turnaya pamyat' kak uslovie sokhraneniya natsional'noi identichnosti* // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. 2022. T. 8. № 1. S. 134-141. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13
6. Grigor'ev A. V., Karpova O. V., Velichko S. V. *Istoricheskii fakt v nauke i obrazovanii* // Problemy vysshego obrazovaniya i sovremennye tendentsii sotsiogumanitarnogo znaniya (VIII Arsent'evskie chteniya). Cheboksary: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'skii dom «Sreda», 2020. S. 87-90.
7. Gusserl' E. *Kartezijskie meditatsii*. M.: Akademicheskii Proekt, 2010. 229 s.
8. Zhirkov G. V. *Negativnaya rol' zhurnalistiki v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva (evolyutsionnyi aspekt)* // Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2014. № 1. S. 146-158.
9. Zagidullina M. V. *K filosofii «granitsy»: iskazhenie pravdy v novostnoi zhurnalistike v*

- kontekste osobennostei otechestvennogo mentaliteta i informatsionnoi ekspansii // Vek informatsii. 2014. № 3. S. 178-187.
10. Il'chenko S. N. Istoricheskii fakt v zhurnalistike: kak obnaruzhit' feik // Sovremennye SMI v kontekste informatsionnykh tekhnologii. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, 2017. S. 154-158.
 11. Ippolitov G. M. Kategoriya «istoricheskii fakt» v traktovke sovetskikh uchenykh // In memoriam: Vladimir Il'ich Belozertsev: sbornik pamyati Belozertseva V. I. Ul'yanovsk: Ul'yanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2015. S. 83-93.
 12. Ieits F. Iskusstvo pamyati. SPb.: Universitetskaya kniga. 1997. 479 s.
 13. Kozlov A. V. Dostovernost' zhurnalistskogo fakta, ili Kak tsel' opravdyvaet sredstva // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2018. T. 24. № 1 (171). S. 72-79.
 14. Korolev I. A. Fakt kak ob'ekt faktchekinga: modeli ustanovleniya dostovernosti // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya. 2022. № 2 (112). S. 108-113.
 15. Krivonosova E. E., Rudkovskii E. I. Istoricheskii fakt ili ego interpretatsiya? // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova, 2019. S. 23-25.
 16. Krom M. M. Chto takoe istoricheskii fakt? Evolyutsiya predstavlenii ob osnovnoi kategorii istoricheskogo poznaniya // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2018. № 4 (43). S. 5-14. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-5-14
 17. Medvedeva Z. A. Sushchestvovanie i istoricheskii fakt // Sotsiologicheskii vestnik. 2011. № 6. S. 145-149.
 18. Moskalenko M. R., Kargapolova E. S., Yudin I. V. Kul'turno-istoricheskaya pamyat' i ee rol' v sotsial'noi bezopasnosti obshchestva: osobennosti izucheniya so studentami vuzov // MediaVektor. 2022. № 5. S. 107-111.
 19. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. S. 391-402.
 20. Parizer E. Za stenoi fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas? M.: Al'pina Biznes Buks, 2012. 304 s.
 21. Rakhmatullin R. Yu., Ziyazetdinov R. M., Nazarov T. Z. Istoricheskii fakt v svete filosofii nauki // Manuskript. 2019. T. 12. № 11. S. 168-171. DOI: 10.30853/manuscript.2019.11.30
 22. Sidorenko L. Yu. Aktualizatsiya kul'turno-istoricheskoi pamyati: tendentsii i formy // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2018. № 1. S. 27-33.
 23. Sidorov V. A. Proshloe i nastoyashchee v mediinoi srede: tsennostnyi rezonans // Gumanitarnyi vektor. 2022. T. 17. № 2. S. 171-180. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-171-180
 24. Silant'ev I. V. Syuzhet i smysl. M.: Izdatel'skii Dom YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018. 144 s.
 25. Udal'tsov V. G., Mikhalkin N. V., Namestnikova I. V. Istoricheskii fakt: k voprosu o ponyatii // Aktual'nye problemy filosofii: istoriya i sovremennost' / Pod red. V. A. Pesotskogo. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2018. S. 20-29.
 26. Fedorov N. F. Muzei, ego smysl i naznachenie // Sobr. soch. v 4-kh tt. T. 2. M.: Progress, 1995. S. 370-437.
 27. Frolova S. V., Aksenov S. I. Kategorii grazhdanskoi identichnosti i kul'turno-

- istoricheskoi pamyati v istoriko-pedagogicheskom diskurse // Grani poznaniya. 2023. № 4 (87). S. 23-27.
28. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007.
29. Tsukanov E. A., Lozovskaya V. A. Istoricheskii fakt kak infopovod v SMI // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya. Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2020. S. 63-69.
30. Shpeka K. A. Istoricheskii fakt i istoricheskoe znanie // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 1 (29). S. 41-49. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.05
31. Yakusheva G. V. Propaganda i pravda: zhurnalists na perekrestkakh istorii vchera i segodnya // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: problemy vospitaniya. Chast' 2. M.: Moskovskii gumanitarnyi universitet, 2017. S. 553-556.
32. Aberdein A. (2023). Anonymous Arguments. *Ethical Theory and Moral Practice*: 1-15. DOI: 10.1007/s10677-023-10420-1
33. Burrows T. (2023). Reproducibility, Verifiability, and Computational Historical Research. *International Journal of Digital Humanities* 5: 283-298. DOI: 10.1007/s42803-023-00068-9
34. Davidov O., Rudas T. (2024). On the Use of Historical Estimates. *Statistical Papers* 65: 203-236. DOI: 10.1007/s00362-022-01375-z
35. Guala F. (2023). Social Kinds: Historical and Multi-Functional. *European Journal for Philosophy of Science* 13: 32. DOI: 10.1007/s13194-023-00534-9
36. Heersmink R. (2023) Materialised Identities: Cultural Identity, Collective Memory, and Artifacts. *Review of Philosophy and Psychology*, 14(1), 249-265. DOI: 10.1007/s13164-021-00570-5
37. Inshakova N. G., Pankeev I. A. (2022) About Fact-Checking of Online Scientific Publications. *Scientific and Technical Information Processing* 49, 269-274. DOI: 10.3103/S0147688222040074
38. Korol A. D. (2022). Preserving Historical Memory through Educational Silence Practice. *Interchange* 53 (3-4), 619-636. DOI: 10.1007/s10780-022-09475-3
39. Pawelec M. (2022) Deepfakes and Democracy (Theory): How Synthetic Audio-Visual Media for Disinformation and Hate Speech Threaten Core Democratic Functions. *Digital Society*, 1, 19. DOI: 10.1007/s44206-022-00010-6
40. Veresov N. (2021). Cultural-Historical Theory and the Dialectics of Lower and Higher Psychological Functions. *Integrative Psychological and Behavioral Science* 55 (2), 735-748. DOI: 10.1007/s12124-021-09647-3

Comparative analysis of classical naming in Chinese and Russian

Wang SHihao

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

119571, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Leninsky Prospekt, 148, sq. 205

✉ wsh1533951634@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the producing motivational bases of nominees in the Chinese and Russian languages. The object of the study is naming in two cultures. The author examines in detail such aspects of the topic as the theory of nomination and its unique features in relation to Chinese and Russian linguistic cultures; the concept of naming and the

process of creating onyms in two languages under the influence of historical background. Particular attention is paid to the Chinese tone, which influences the creation of ononyms, as well as a comparative study of onoms in the Chinese and Russian languages. The study was based on provisions formulated by linguists who study issues related to naming and nomination theory: Y.Y. Huang, A.K.K. Chan, V. Mathesius and others. Research methods: systematization and generalization, etymological analysis, conceptual analysis, linguocultural analysis. The main conclusions of the study are the provisions formulated based on the results of the comparative analysis: in Chinese culture, names are chosen to convey certain meanings and connotations. Chinese proper names often consist of two or three characters, with the surname coming first. Surnames are usually passed down through generations and carry with them a deep sense of tradition and origin. Names are often chosen to reflect virtues or values that parents hope to embody in their child. Names can also be chosen based on elements of Chinese astrology, such as the five elements and 12 animal signs. In Russian culture, names also have important meaning and are chosen based on many factors. They usually consist of a first name, a patronymic (derived from the father's name) and a last name. Surnames are usually inherited and reflect the ethnic or regional origin of the family. Names may be chosen based on religious significance, family traditions, or popular trends. The author's special contribution to the study of the topic is that the article summarizes the main similarities and differences in Russian and Chinese naming. The novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on etymological analysis, it established the relevant features of naming in the Chinese and Russian languages, which are also presented in a comparative aspect.

Keywords: Semantic structures, nomination source, benchmarking, brand names, historical naming trends, proper names, nomination theory, classic naming, naming, Primary lexemes

References (transliterated)

1. Lip E. Chinese Numbers: Significance, Symbolism and Traditions. CA: Heian International, 2022.
2. Nikonov V.A. Vybor imeni // Imya i kompaniya. M: Nauka. 1974. S. 85–89.
3. Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis, ed. J. Vachek, The Hague-Paris: Mouton, Prague: Academia, 1975.
4. Elistratov V. S., Pimenov P. A. Neiming: iskusstvo nazyvat'. M.: Omega-L, 2023.
5. Bondaletov V.D. Russkaya onomastika. M: Prosveshchenie. 2022.
6. Zinin S.I. Vvedenie v russkie antroponimy. Tashkent: Izdatel'stvo Tashkentskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011.
7. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Akademiya. 2023.
8. Lingvistika. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar': gl.pod red. V.N. Yartseva. 2-e izd. Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1998.
9. Li C. The Confucian Ideal of Harmony // Philosophy East and West. 2023. Vol. 56. № 4. P. 583–603.
10. Mit'kina S.A. Traditsionnaya sistema tsennostei v sovremennoi kitaiskoi kul'ture. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2022. № 2. S. 100–106.
11. Kryukova I. V. Reklamnoe imya: rozhdenie, uzualizatsiya, vospriyatie. Volgograd: Peremena, 2022.
12. Novichikhina M. E. Kommercheskaya nominatsiya: teoriya i praktika: ucheb. posobie. Voronezh: Kvarta, 2023.
13. Huang Y.Y., Chan, A.K.K. Chinese Brand Naming: From General Principles to Specific Rules // International Journal of Advertising, 1997. Vol. 16, No. 4. Rp. 320–335.

14. 杜学增 中俄文化习俗比较[M], 北京:外语教学与研究出版社 1999 (Du Syuetszen Sravnenie kitaiskikh i russkikh kul'turnykh obychaev. M. Pekin: Izdatel'stvo po prepodavaniyu i issledovaniyu inostrannykh yazykov. 1999.)
15. 刘焕辉 交际语言学导论[M], 南昌:江西教育出版社1992 (Lyu Khuan'khuei, Vvedenie v kommunikativnuyu lingvistiku. Nan'chan: Jiangxi Education Press, 1992.)
16. 孙淑芳 关于语句的意向功能与句子的情态意义, 俄语语言文学研究, 第 1 期 2005 (Sun' Shufan Ob intentsional'noi funktsii predlozhenii i modal'nom znachenii predlozhenii. Issledovaniya russkogo yazyka i literatury, Vypusk 1, 2023.)
17. 祝琬瑾 社会语言学概论[M], 长沙:湖南教育出版社2022 (Chzhu Van'tszin', Vvedenie v sotsiolingvistiku. M.: Chansha: Hunan Education Press, 2022.)
18. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. uch.posobie dlya stud. vish. zaved. M.: Prosveshchenie. 2022.
19. Nikonov V.A. Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem, budushchem: Problemy antroponimiki: Sb. statei / Institut etnografii N. Maklaya SSSR. Moskva: Nauka, 1970.
20. Suslova A.V., Superanskaya A.V. O russkikh imenakh. 2-e izd., izd. i dop. SPb. 2021.
21. Feng S.L. Interactions Between Morphology, Syntax and Prosody in Chinese. Beijing: Beijing University Press, 2023.

The magical paradigm in the V. Pelevin`s late novels

Sil'cheva Alina Georgievna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of the History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

111024, Russia, Moscow region, Moscow, Highway Enthusiasts str., 21

✉ alinka-krasulka@mail.ru

Abstract. The issue of attribution of the creative method of V. Pelevin, implemented in later works, clarification of the author's artistic principles is acute for modern literary criticism. The article attempts to determine the specifics of the implementation of magical motif in Pelevin's works as artistic tool that allows to reflect reality in a work of art. The subject of the research is magical motif in artistic structure of late novel prose, namely in the novel «Secret Views of Mount Fuji» (2018). Such works as: «The Holy Book of the Werewolf» (2004), «Empire V» (2006), «Love for Three Zuckerbrins» (2014), «Invincible Sun» (2020) and «KGBT +» (2022) are also mentioned.

The article is notable for its scientific novelty: for the first time magical elements are revealed in late novels of the author, specificity of the acting hero is indicated.

The features of the embodiment of the magical in works at the level of the plot, the chronotopic organization of the text, in speech and the system of characters are presented. We additionally seek to answer the research question: is it right to consider V. Pelevin in the context of magical realism as a special type of thinking? It is noted that the author includes mythological and folklore reminiscences in the narrative: V. Pelevin refers to recognizable mythologemes, transfers well-known literary, mythological, folklore characters and typical magical creatures to a different chronotopic pattern, while maintaining their recognizability, which, together with the comparison by combining the components of magical prose with structural, plot and other elements of Pelevin's novels, allows us to answer the question in the affirmative. Structural and cultural-historical methods were used.

Keywords: literary text structure, Viktor Pelevin, system of characters, chronotope, modern postmodern prose, novel, artistic method, magical realism, artistic principles, magical motives

References (transliterated)

1. Krupchanov L. M. Teoriya literatury. – M.: Flinta, 2017. – 360 s.
2. Magun A. Viktor Pelevin's Postmodern Apocalypse // Stasis. – 2017. – P. 86–102.
3. Krotova D. V. Modernistskie elementy v khudozhestvennom soznanii V. Pelevina // Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i russkogo zarubezh'ya v kontekste epokhi («Smirnovskie chteniya»): sbornik statei po itogam III Mezhdunarodnoi konferentsii. Sost. i red. L. F. Alekseeva, V. N. Klimchukova, S. V. Krylova. – M.: MGOU, 2018. – S. 72–78.
4. Kovalenko A. G. Literatura i postmodernizm. – M.: Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, 2004. – 142 s.
5. Kikhnei L. G., Gavrikov V. A. Proza L'va Naumova v kontekste «misticheskogo realizma» v russkoi literature XX–XXI vekov. – M.: Amsterdam: Tardis, 2020. – 240 s.
6. Kikhnei L. G. Polikul'turnoe ili kul'turno ne atributirovannoe prostranstvo kak voploshchenie inobytiya v sovremennoi «misticheskoi proze» (M. Petrosyan, V. Pelevin, L. Naumov) // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoi i sotsial'noi sfere Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva – Penza: Izd-vo PGU, 2019. – S. 46–55.
7. Dvorak M. A. Nauchnaya fantastika kak interpretatsiya postmodernizma (na primere romana G. L. Oldi «Messiya ochishchaet disk») // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya». – 2013. – Vyp. 6. – S. 267–272.
8. Nikolaev A. I. Osnovy literaturovedeniya: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh spetsial'nostei. – Ivanovo: LISTOS, 2011. – 255 s.
9. Ionin L. G. Novaya magicheskaya epokha // Logos. – 2004. – № 2. – S. 156–173.
10. Popov E. A. Filosofiya magii: osnovnye podkhody // Vestnik Stavropol'skogo gos. un-ta. – 2007. – № 49. – S. 189–193.
11. Asvinn F. Runy i sila zhenshchiny. Tainy severnykh misterii. – M.: Eksmo, 1990. – 300 s.
12. Sil'cheva A. G., Sherchalova E. V. Mifologicheskii topos v romanakh V. Pelevina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2022. – № 10 (36). – T. 15. – S. 3174–3178.
13. Pelevin V. O. Tainye vidy na goru Fudzi. – M.: Eksmo, 2020. – 416 s.
14. Pelevin V. O. KGBT+. – M.: Eksmo, 2023. – 560 s.
15. Maslova E. G. Traditsii magicheskogo realizma v romannom tvorchestve T. Morrison 1970–1990-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2012.
16. Gugin A. A. Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya). – M.: Nauchnyi tsentr slavyano-germanskikh issledovaniy RAN, 1998. – 120 s.
17. Sil'cheva A. G. Misticheskii realizm v russkoi literature KhKh–XXI vekov: sluchai Diny Rubinoi. – M.: MAKS Press, 2023. – 160 s.
18. Barkova A. L. Mirovaya mifologiya. Lektsii PRO. – M.: RIPOL Klassik, 2019. – 528 s.
19. Kol'tsova N. Z. K voprosu o magicheskom realizme v otechestvennoi literature KhKh–KhKhI vekov // Ot Chekhova do Brodskogo: esteticheskie i filosofskie aspekty russkoi literatury KhKh veka: kollektivnaya monografiya / red. G. V. Zykova, S. I. Kormilov, sost. E. A. Korshunova. – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2019. – S. 133–149.

Genealogy, discourse and the "death of the author" as figures of poetics in the novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves".

Novikau Artur Viktorovich

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Gorky Literary Institute.

123104, Russia, g. Moscow, ul. Tverskaya, 25 str.1

✉ art14ek@tut.by

Abstract. The object of research of this article is a novel by Mark Z. Danilevsky's "House of Leaves" in the context of postmodernism. The subject of the research is some concepts of the theory of poststructuralism – discourse, genealogy, "death of the author" – implemented in the work "House of Leaves" through reductive, metaphorical or allusive implantation into the fabric of the novel. A general analysis is given and the problem of the correlation between the theories of poststructuralism and postmodernism is outlined. The selection and analysis of theoretical works on a given problem has been carried out, and working concepts have been formulated, used as tools for analyzing forms, figures of poetics, as well as for interpreting the novel "House of Leaves". As a consequence, the article presents a detailed description of one of the sides of the artistic method of Mark Z. Danilevsky (the use of poststructuralism theories as a figure of novel poetics), which allows us to judge the techniques and means of artistic expression that determined the form of the novel. In this regard, the article discusses the so-called "form effects", for example: synchrony, the capture of a real figure by a simulacrum, the creation of genealogical-artistic images, the establishment of a special time mode – "simultaneity", etc. The novelty of the research lies in the fact that we have considered the interpretation of the work from the point of view of poststructuralism theories, as a result of which new formal techniques and mechanisms of their use in the creation of a work of art have been revealed.

Keywords: crisis of the subject, death of the author, genealogy, discourse, poststructuralism, postmodernism, house of leaves, poetics, novel, theory of poststructuralism

References (transliterated)

1. Dzheimison, F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma / per. s angl. D. Kralechkina; pod nauch red. A.Oleinikova. – M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2019 – 808 s.
2. Anderson, P. Istoki postmoderna / per. s angl. A Appolonova pod red. M. Mayatskogo. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2011 (Seriya «Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»). 208 s.
3. Hassan I.H. 1972, 1982. The Dismemberment of Orpheus. Toward a Postmodern Literature. Wisconsin: The University of Wisconsin Press. 315 p.
4. Pavlov, A.V. Filosofiya kul'tury v postpostmodernizma: kriticheskii analiz: filosofskaya antropologiya, filosofiya kul'tury: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filosofskikh nauk: 09.00.13 / Pavlov Aleksandr Vladimirovich. – Moskva, 2019a. – 447 s.
5. Khaustov D. S. Lektsii po filosofii postmoderna. – M.: RIPOL klassik, 2018. – 288 s. – (LektsiiPRO).

6. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. – M.: ITDGK «Gnozis», 2003. – 280 s.
7. Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Tekst]: Sbornik rabot / Red. L. R. Zinder, M. I. Matusevich; AN SSSR. Otd-nie literatury i yazyka. Komis. po istorii filol. nauk. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1974. – 427 s.
8. Bogdanov, V. V. Tekst i tekstovoe obshchenie: Ucheb. posobie / V. V. Bogdanov; Sankt-Peterburg. gos. un-t. – SPb.: SPbGU, 1993. – 67 s.
9. Fuko, M. Arkheologiya znaniya. – Per. s fr. / Obshch. red. Br.Levchenko. – K.: Nika-Tsentr, 1996. – 208 s. – (Seriya "OPERA APARTA"; Vyp. 1).
10. Fuko, M. Slova i veshchi: Arkheologiya gumanit. nauk: Per. s fr. / Mishel' Fuko; [Vstup. st. N. S. Avtonomovoi, s. 7-27]. – SPb.: A-cad : AOZT «Talisman», 1994. – 405 s.
11. Fuko M. Nitsshe, genealogiya, istoriya / Nitsshe i sovremennaya zapadnaya mysl': Sb. statei / Pod red. V. Kapluna. – SPb.; M.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge: Letnii sad, 2003. – S. 532–560.
12. Nitsshe, F. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 tomakh / In-t filosofii. – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005-T. 5: Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchai «Vagner» / Per. s nem. H.H. Polilov, K.A. Svas'yan. – 2012. – 480 s.
13. Danielewski Mark Z. (2000) House of Leaves / Pantheon Books. 2000.
14. Kondrat'ev, K.V. Krizis idei i fenomena sub'ekta v prostranstve novovremennogo sotsial'no-filosofskogo diskursa: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk : 09.00.11 / Kondrat'ev Konstantin Vladimirovich; [Mesto zashchity: Kazan. (Privolzh.) feder. un-t]. – Kazan', 2012. – 19 s.
15. Bart, R. Smert' avtora / Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. – M.: Progress, 1989. S. 384–392.
16. Fuko, M. Chto takoe avtor? / Volya k istine: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti. Raboty raznykh let. – M.: Kastal', 1996b. S. 7–47.
17. Beresneva, N.I., Kokareva E.A. Evolyutsiya idei «Smerti avtora» // Filologicheskie zametki. – Perm': Iz-vo «Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet». – 2012. № 1. – S. 9–16.
18. Bart, Rolan. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Progress, 1989b – 616 s.
19. Novikov, A.V. Syuzhetobrazuyushchaya funktsiya snovideniya v romane Marka Z. Danilevskogo «Dom list'ev» / Sbornik nauchnykh statei po materialam konferentsii / Sost. A. A. Lazarevoi; Oblozhka A. A. Lazarevoi. – M.: Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2021. – C. 192–202.
20. Danilevskii, M.Z. Dom list'ev: [roman] / Mark Z Danilevskii; per. s angl. D. Bykova, A. Loginovoi, M. Leonovicha; predisd. D. Bykova. – Ekaterinburg: Gonzo, 2016. – KhKhKhIV. 750 s.

Translation and reader reception of L. N. Tolstoy's novels in China

Zhang Yang

Postgraduate student, Department of Romano-Germanic and Classical Philology, Tomsk State University

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Lenin Ave., 34, office 18

✉ Zhangyang-ok@yandex.ru

Nikonova Natal'ya Egorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Romano-Germanic and Classical Philology, Tomsk State University

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, 34 Levina Ave., office 18

✉ nikonat2002@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of translation and reader reception of L. N. Tolstoy's novels "War and Peace", "Anna Karenina" and "Resurrection" in China. The subject of the research in the article is the history of the translation reception of these three novels and their perception by Chinese readers. The material of the article was the Chinese review site "Douban. Reading". The purpose of this article is to analyze and compare the chronology of the work of Chinese authors on translations of three novels by Leo Tolstoy and the reviews of Chinese readers on them. Descriptive, analytical and comparative methods are used in the course of the study. The scientific novelty of the work lies in the fact that the attempt of a comprehensive study of Chinese translations and reader's perception of three novels by Leo Tolstoy is being carried out for the first time in the science of Russian literature. As a result of the research, it is proved that of all the Russian classics, L. N. Tolstoy is one of the most popular in critical, translation and reader reception in China. By the middle of the twentieth century, three of the author's most famous novels were translated from the original Russian into Chinese. Currently, they still have a high research value, discussions of readers of these translations in China are also actively underway, while the novel "Resurrection" has the largest number of translations (30), and "Anna Karenina" is most popular with recipient readers. The result of this scientific work will be an addition to the knowledge of Russian literature, will expand the idea of the artistic world of Leo Tolstoy. The scientific and practical significance of the proposed work lies in the possibility of using its results in research works in the field of Russian-Chinese literary interrelations. In addition, the results of the study can be applied to the development of educational courses, as well as in traditional practice for commenting on the works of Leo Tolstoy.

Keywords: reader, translation, reception, literature, Resurrection, Anna Karenina, War and Peace, Leo Tolstoy, review, chinese

References (transliterated)

1. E Shuifu. L.N. Tolstoi i Kitai // Issledovanie zarubezhnoi literatury. – 1987. – № 4(1). – S. 3-13.
2. Gao Zhungo. Put' perevoda, prichiny i nedorazumeniya proizvedenii L. N. Tolstogo v epokhu pozdnei dinastii Tsin i rannei Kitaiskoi respubliki // Issledovaniya zarubezhnoi literatury – 2013. – № 35 (03). – S. 118-124.
3. Chen' Pin''yuan'. Istoriya kitaiskoi khudozhestvennoi literatury KhKh veka. (Tom I) (1897–1916) . – Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 1989. – S. 58.
4. Redkollegiya "Bol'shoi slovar' Lu Sinya". Slovar' Lu Sinya. – Pekin: Izdatel'stvo narodnoi literatury, 2009. – S. 367.
5. Go Mozho. Predislovie k «Voine i miru» // Literaturnyi Ezhemesyachnik. – 1940. – № 1(2). – S. 85.
6. Yan Minmin. Pereosmyslenie i prevoskhodstvo: issledovanie i interpretatsiya romanov L'va Tolstogo v Kitae (2000–2021) // Zhurnal Guandunskogo universiteta inostrannykh yazykov. – 2022. – № 33(5). – S. 50.

7. Lin' Yun'. Otechestvennye veb-saity obzorov knig v srede tsifrovogo chteniya – na primere "Douban'. Chtenie" // Prepodavanie i issledovanie inostrannykh yazykov. – 2006. – № 44(3). – S. 216-220.
8. Ven' I. Onlain-retsenziya na knigu na saite literaturnogo soobshchestva – na primere "Douban'. Chtenie" // Issledovatel'skie gazety novostei. – 2017. – № 20. – S. 107, 118.
9. Retsenziya na roman «Voina i mir» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2011. – URL: <https://book.douban.com/subject/2253381/comments/?limit=20&status=P&sort=score> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
10. Pol'zovatel' Chzhutouyaoguai. Mysli posle prochteniya romana «Voina i mir» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2011. – URL: <https://book.douban.com/review/5152592/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
11. Pol'zovatel' O Syansyue. To, chto zastavlyaet zadumat'sya o «Voine i mire» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2015. – URL: <https://book.douban.com/review/7502651/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
12. Pol'zovatel' Suzhunkafeiu. Velichestvennyi epicheskii shedevr – «Voina i mir» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2014. – URL: <https://book.douban.com/review/6722685/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
13. Pol'zovatel' ajuchao. Otlichnaya kniga (Voina i mir), no pri chtenii legko poteryat' terpenie // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2014. – URL: <https://book.douban.com/review/7212480/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
14. Pol'zovatel' ys. Otzyv posle prochteniya, napisannyi na seredine knigi // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2008. – URL: <https://book.douban.com/review/1363015/> (data obrashcheniya: 15.02.2023).
15. Polozhitel'nyi otzyv romana «Anna Karenina» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2012. – URL: https://book.douban.com/subject/2253380/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (data obrashcheniya: 20.02.2023).
16. Polozhitel'nyi otzyv romana «Voskresenie» // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2012. – URL: https://book.douban.com/subject/1255288/comments/?percent_type=h&limit=20&status=P&sort=score (data obrashcheniya: 19.10.2022).
17. Pol'zovatel' Luzhen'tszyaimu. Veshchi v zhizni, kotorye deistvitel'no vazhny // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2012. – URL: <https://book.douban.com/review/5442744/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).
18. Pol'zovatel' Uosin'yuzhan'. Sil'noe chelovecheskoe sozhalenie // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2008. – URL: <https://book.douban.com/review/1360509/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).
19. Pol'zovatel' Tszisyui revolution. Velikii mechtatel' Tolstoi // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2013. – URL: <https://book.douban.com/review/6452879/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).
20. Pol'zovatel' Chzhusitsuiin. Chestno govorya, ya ne ochen' tsenyu Voskresenie, no ya byl v vostorge, kogda zakonchil ego chitat' // Douban'. Chtenie: [Kitaiskii veb-sait obzorov knig]. – [B. m.], 2010. – URL: <https://book.douban.com/review/2974626/> (data obrashcheniya: 19.10.2022).

Fictional worlds of fantasy and "magical" prose as a space for generating supertext

Borunov Artem Borisovich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of History of Journalism and Literature, Moscow State University named after A.S. Griboyedov

111024, Russia, Moscow, highway Enthusiasts, 21

✉ borunov.artem@yandex.ru

Ustinovskaya Alena Aleksandrovna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Russian State University of Social Technologies.

Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia

✉ alyonau1@yandex.ru

Abstract. In this paper, the author addresses the features of the supertexts based on the modern Russian novels, namely postmodern works, the genre of which can be defined as fantasy. One of the areas of research is the interpretation of the author's myth, as well as understanding the role of myth in literature. The subject of the study is an end-to-end code that unites the prosaic macrocycles of modern authors as a supertext unity. The object of the study is the macrotext as a format of a literary work in the literature of modern Russian writers. The authors consider in detail such aspects of the topic as the cross-cutting theme of an alien / adopted / unrecognized / illegitimate child and its connection with the genus and family, and the implementation of this theme in novels combined into trilogies or macrocycles. Both general scientific research methods and specialized philological ones were used in the article, namely: the method of qualitative content analysis and the narrative method, the methods of idealization and deduction are secondary methods of working with the material. The leading method was the interpretation of literary texts, which were the source of the parktic research material. The main function of the myth is to reflect a certain image of reality, being an add-on above it, containing specific semantic models and roles distributed among the characters, and also an expression of the author's position. The author's myth can be described as a playful, mosaic, inverse construct. The conclusions presented in the article can be used in further analysis of the work of modern writers, as well as when working with the concept of "author's myth" and studying the transformation of myth (both archaic and social, cultural, etc.) in modern postmodern literature.

A special contribution of the authors to the research of the topic is the consideration of this motif in its diversified interpretation in various works and the connection of this motif with the onomastic code of works as one of the principles of the formation of a supertext.

Keywords: literary genres, literary creative activity, Russian writers, novels, intertext, postmodernist myth, postmodernism, modern prose, author's myth, supertext

References (transliterated)

1. Tulusheva E.S. Printsipy tsikloobrazovaniya v trilogiyakh Diny Rubinoi «Russkaya kanareika» i «Napoleonov oboz». Diss. ... k.f.n. M., 2019. S. 22.
2. Dvorak E.Yu. Russkoe detskoe fentezi: zhanrovaya spetsifika i osobennosti mifopoetiki. Diss. ... k.f.n. M., 2015. S. 203.
3. Sil'cheva A.G. Trilogiya «Lyudi vozdukh» Diny Rubinoi: osobennosti khudozhestvennogo metoda. Diss. ... k.f.n. M., 2019. 198 s.

4. Borunov A.B., Pinaev S.M., Sil'cheva A.G. Motiv «chuzhogo rebenka» kak skvoznoi kod v prozaicheskikh makrotsiklakh Borisa Akunina i Diny Rubinoi // Litera. 2022. № 6. S. 175-182.
5. Rubina D. I. Belaya golubka Kordovy. – M.: Izdatel'stvo «E», 2018. S. 407.
6. Rubina D. I. Napoleonov oboz. Kniga 3. Angel'skii rozhok. – M.: Eksmo, 2020. S. 21.
7. Elizarov M. Pasternak. – M.: AST, 2023. S. 19.
8. Elizarov M. Bibliotekar'. – M.: AST, 2023. S. 17.
9. Khanov B.A. Svoeobrazie funktsionirovaniya sovetskogo diskursa v romane M.Yu. Elizarova «Bibliotekar'» // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. T. 157. Kn. 2. S. 230.
10. Pogorelaya E.A. «...Krovavyi otsvet v litsakh est'...» // Voprosy literatury. 2009. №3. URL: <https://voplit.ru/article/krovavyj-otsvet-v-litsah-est-mihail-elizarov/> (data obrashcheniya: 20.10.2023 g.)
11. Temirshina O.R. Poetika deformatsii. Obrazy telesnogo v poezii Egora Letova // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. 2017. № 17. S. 174.
12. Ermolenko O. V. «Mifotvorchestvo» i «individual'no-avtorskoe mifotvorchestvo»: problema razgranicheniya ponyatii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13, vypusk 3. S. 90-93.
13. Borunov A.B., Sherchalova E.V. Avtorskii mif v sovremennom postmodernistskom romane // Filologicheskii klass. 2021. № 3. S. 8-20.
14. Meletinskii, E. M. Mif i dvadtsaty vek // <http://ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>
15. Barkova A. L. Mirovaya mifologiya. – M.: RIPOL Klassik, 2019. 528 s.
16. P'yanzina V. A. Avtorskii mif kak zhanr sovremennoi literatury // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie. 2017. № 9 (43). S. 10.
17. Sushilina I. K. Sovremennyi literaturnyi protsess v Rossii // <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook027/01/part-004.htm>
18. Rytova T. A. Problema issledovaniya mifologizma i syuzheta mifa kak elementa syuzhetnoi struktury v russkoi proze kontsa KhKh – nachala KhKhI v. / T. A. Rytova, E. A. Shchipkova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2012. № 4 (20). S. 115-128.
19. Soldatkina Ya.V. Mifopoetika epicheskogo teksta (na materiale russkoi prozy 1930-1950-kh godov) // Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii. Kollektivnaya monografiya. M.: MPGU, 2018. S. 149-186.
20. Anisimova O. Obrashchenie k mifu v sovremennoi literature // Vysshee obrazovanie v Rossii. Krugozor. 2003. № 2. S. 127-131.
21. Emelin V.A. Labirinty postmodernizma: identifikatsiya uskol'zayushchego smysla // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. №3. S. 68.

The genre diversity of A.P. Chekhov's work and his vision of reality

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Assistant professor, Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines, Law Institute (St. Petersburg)

199106, Russia, Saint Petersburg, Gavanskaya str., 6

Abstract. The author examines the genre diversity of A.P. Chekhov's literary work. It is noted that Chekhov's works have an acute social orientation, pronounced psychologism, and a subtle artistic description of the literary characters. It is said that an interested reader can observe a deep insight into everyday reality, while experiencing a sense of inevitability of fundamental changes in society. Attention is paid to the speech features of Chekhov's characters, which allow us to accurately characterize their natural essence in a sufficiently capacious form. At the same time, the importance of using the innovative subtext in the works of Anton Chekhov, the linguistic means of character behavior, is fixed, taking into account the fact that the text and the subtext are separated and often contradict each other. It is stated that the bright artistic talent of A.P. Chekhov demonstrated the power of typicality, which allowed the images of his many literary creations to become household names. In addition, the features of Anton Chekhov's dramaturgy, his depiction of real life on the stage, and a detailed description of everyday life are outlined. It is said about the reception of Chekhov's dramatic works by modern domestic and foreign masters of culture. It is concluded that the demand for individual author's receptions of Chekhov's intertext in modern drama certainly confirms the relevance of his works to date. It is emphasized that this is due to the socio-philosophical nature of theatrical productions that touch on moral issues of human existence, since Chekhov's desire for the truth of life and the truth of everyday life creates prerequisites for increased interest in them at all times. A common thread is the idea that the prose and drama of the creator formed the conditions for the further development of realistic traditions in world literature.

Keywords: subtext, play, psychologism, social reality, spiritual world of the character, art style, dramaturgy, reality, genre forms, creativity of Anton Chekhov

References (transliterated)

1. Barabash N.A. Ekzistentsial'nost' tvorchestva A.P. Chekhova i smena khudozhestvennoi paradigmy na rubezhe XIX-XX vekov // *Teoriya i istoriya iskusstva*. 2022. № 1-2. – S. 290-310.
2. Bezchasnyi K.V. Dukhovnoe stanovlenie lichnosti v khudozhestvennom tvorchestve A.P. Chekhova // *Psikhicheskoe zdorov'e*. 2021. № 5. – S. 61-73.
3. Gladkii I.K. Smysl zhizni v tvorchestve A.P. Chekhova // *Chekhovskie chteniya v Tveri: Sbornik nauchnykh trudov / redkol.: S.Yu. Nikolaeva (otv. red.). Vyp. 5. – Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet*, 2012. – S. 316-323.
4. Dolgireva A.E. Mezh'yazykovye lakuny kak sredstvo otrazheniya spetsifiki russkogo yazyka (na materiale povesti A.P. Chekhova "Palata № 6") // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2021. № 2 (87). – S. 564-567.
5. Egorova O.A., Skugareva I.V. Zhanrovaya spetsifika i inoyazychnye vkrapleniya v rannei proze A.P. Chekhova // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2019. T. 11. № 6-2. – S. 119-126.
6. Kasatikova A.A. Tema detstva v tvorchestve A.P. Chekhova // *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu*. 2017. № 1-2. – S. 52-54.
7. Kovaleva N.A. Otrazhenie yazykovoi kartiny mira v epistolyarnom tvorchestve A.P. Chekhova // *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 2015. № 2. – S. 22-26.
8. Kubasov A.V. Vnutrennyaya biografiya pisatelya i sredstva ee sozdaniya v tvorchestve A.P. Chekhova // *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. 2018. T. 3. № 1. – S. 70-82.

9. Lipuntsov M.I. Obraz russkogo dukhovenstva v tvorchestve A.P. Chekhova // Neofilologiya. 2023. T. 9. № 1. – S. 132-142.
10. Pet'ko A.I. Yazykovye kharakteristiki telesnoi, mental'noi i psikhicheskoi sistem personazhei pozdnego tvorchestva A.P. Chekhova // Sovremennye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh. Traditsii i novatorstvo: Mezhvuzovskii sbornik. T. IX. – Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2018. – S. 127-141.
11. Pozdnyakova E.A. O zhanrovom svoeobrazii p'es A.P. Chekhova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2014. T. 20. № 1. – S. 142-145.
12. Sigov V.K. Tekstovaya organizatsiya rasskaza v prostranstve bol'shego epicheskogo tselogo // Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii: kollektivnaya monografiya / sost. i nauch. red. L.A. Trubina, V.K. Sigov. – M.: MPGU, 2018. – C. 187-197.
13. Khrulev V. A.P. Chekhov: prityazhenie talanta [Elektronnyi resurs] // Bel'skie prostory. 2021. № 1. – URL: <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-02-04/1-2021-viktor-hrulyov-a-p-chehov-prityazhenie-talanta-1205016> (data obrashcheniya: 12.01.2024).
14. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30-ti t. T. 5: Pis'ma. 1898-1903. – M.: Nauka, 1977. – 677 s.
15. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30-ti t. T. 6: Pis'ma. 1895-1897. – M.: Nauka, 1977. – 733 s.
16. Atkinson B. Quoted in Literary Digest // New York Times. 1928. 8 December.

Taxis trough the prism of the categorial interaction (based on the modern German)

Arkhipova Irina Victorovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Romano-German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University

630089, Russia, Bogatkova d. 228, sq. 237 region, Novosibirsk, b Bogatkova str., 228, office 237

✉ irarch@yandex.ru

Abstract. The focus of this article is the speech actualization of taxis categorial meanings of simultaneity and non-simultaneity in German statements with temporal-taxis prepositions. The purpose of the study is to determine the process of taxis actualization as a result of intercategorial connections and interactions of semantic categories representing the idea of time in modern German.

The subject of this study is the issue of taxis actualization in the German language, considered in the context of the implementation of intercategorial relations of taxis, temporality and aspectuality.

The material of this study is German utterances with actional deverbatives *die Trennung*, *die Scheidung* and temporal-taxis prepositions *bei*, *mit*, *seit*, *bis*, *nach*, *vor*, obtained by directed sampling from the electronic database of the Leipzig Corpus (LC).

In the course of the study, it was determined that the intercategorial interaction of taxis with the semantic categories of aspectuality and temporality determines the actualization of various primary taxis categorial situations of simultaneity, precedence and succession. These are temporal-taxis, durative-taxis, iterative-taxis, phase-taxis, and other categorial values.

As a result of the study, it was revealed that the segment of the zone of intersection of the categories of taxis, temporality and aspectuality is constituted by temporal-taxis prepositions, temporal adverbials and aspectual quantifiers. The latter include durative, iterative and phase adverbials and attributes. They function as indicators of conjugated primary taxis categorial situations.

Keywords: intercategoryal connections, intercategoryal interaction, actualization of taxis, taxis values, primary taxis, aspectuality, primary taxis categorial situation, temporality, taxis, syncretic primary taxis situation

References (transliterated)

1. Arkhipova I.V. Taksis i temporal'nost' v strukture polikategorial'nogo kompleksa // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. №6. S. 130–135.
2. Arkhipova I. V. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh. Monografiya. Novosibirsk, 2020a. 173 s.
3. Bondarko A.V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 488s.
4. Bondarko A.V. Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 336 s.
5. Bondarko A.V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa // *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis*. Izd. 7-e. M.: LENAND, 2017a. S. 234–242.
6. Kudinova N.L. Vzaimodeistvie kategorii taksisa i temporal'nosti // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12–2(42). S. 95–98.
7. Kudinova N.L. Vzaimodeistvie kategorii taksisa i aspektual'nosti // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 10–2(52). S. 115–117.
8. Pupynin Yu.A. Grammaticheskie kategorii russkogo glagola v ikh sistemno-paradigmaticheskikh i funktsional'nykh svyazei // *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. S.-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 1996. S. 43–60.
9. Khrakovskii V.S. Ierarkhiya i vzaimodeistvie grammaticheskikh kategorii glagola // *Grammaticheskie kategorii: ierarkhiya i vzaimodeistvie. Materialy dokladov. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2016. Izdatel'stvo: «Nestor-istoriya». Sankt-Peterburg, 2016. S. 139–147.
10. Shustova S.V., Komissarova E.S. K voprosu o mezhkategorial'nom vzaimodeistvii (na primere kategorii iterativnosti v nemetskom yazyke) // *Evraziiskii vestnik gumanitarnykh issledovaniy*. 2015. №1 (2). S. 115–118.

Media linguistic features of the tabletop role-playing game text

Shcherbakova Milena Viktorovna

Lecturer, Department of the Russian Language №5, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ milena_scherbakova@mail.ru

Komlev Nikita Pavlovich

Student, Department of the Russian Language №5, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ npk001@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the media linguistic features of the text of a tabletop role-playing game (TRPG). The purpose of the work is to identify the essential features of the media text and answer the question: can media accompaniment of a tabletop role-playing game be considered a media text? Despite the sufficient elaboration of the topic of media communications on the Internet, the research material is a little-studied phenomenon. The research material is transcripts of sessions of the board RPG "Dungeons & Dragons" from fragments of the TV show "Critical Role" on streaming platforms. The study examined the emergence and development of the media text concept, noting a significant expansion of this term semantics in the context of media globalization. Further, the typological properties of the media text as an object of linguistic media research were systematized and the text of the TRPG was analyzed for compliance with existing criteria. The article used descriptive and comparative methods; a statistical method to assess the popularity of the TRPG. When working with the transcript of the game, Python programming methods were implemented: to increase clarity and create a correct text transcription. As a result, conclusions were drawn about the presence of such media linguistic features in the media accompaniment of TRPG as collective authorship, hypertextuality, interactivity and etc., which constituted the scientific novelty of the study. Comparative analysis by criteria allowed us to trace qualitative changes in the typology of media texts. In addition, the expediency of expanding the terminological apparatus of media linguistics was emphasized, which correlates with the study of transmedia narration. The results of the observations can be applied to improve the text-generation that accompanies the gameplay, and can also be used to conduct similar studies based on the speech material of TRPGs.

Keywords: streaming, Dungeons and Dragons, format, genre, transmedia, hypertextuality, author's category, tabletop role-playing game, media linguistics, media text

References (transliterated)

1. Antonova L.G. Mediateksty v sovremennoi massovoi kommunikatsii // Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statei / Otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova. – SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2012. S. 74-80.
2. Artamonova Yu.D., Kuznetsov V.G. Germenevticheskii aspekt yazyka SMI // Yazyk sredstv massovoi informatsii. M., 2008. S. 99-117.
3. Bernshtein S.I. «Yazyk radio». AN SSSR, In-t yazykoznaniya. – Moskva: Nauka, 1977. – 46 s.
4. Bozadzhiev V.L. Elektronnye addiksii, ikh vidy i psikhologicheskie kharakteristiki // Teoreticheskie i prikladnye problemy nauki o cheloveke i obshchestve: sotsial'nyi, pravovoi, ekonomicheskii aspekty pod obshchei red. M.V. Posnovoi. Petrozavodsk: Izd. Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka», 2020. S. 127-149.
5. Bolycheva M.D. Strimingovoe veshchanie kak fenomen sovremennoi mediasredy // Kommunikologiya. T. 6, No 4. 2018. S. 159-169.
6. Vasil'eva E.N. Interaktivnost' setevykh SMI: Funktsional'nye zadachi i formy // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye

- nauki. 2022. T. 22, № 3. S. 102-107.
7. Deminova M.A., Khar'kova D.V. Opredelenie transmediateksta // Mediaissledovaniya. 2020. No 7. S. 96-103.
 8. Dobroslonskaya T.G. Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi). Izd. 2-e, stereotipnoe. – M.: Editorial URSS, 2005. – 288 s.
 9. Dobroslonskaya T.G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI. M., 2008. – 264 s.
 10. Dobroslonskaya T.G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya / Tat'yana Dobroslonskaya. – [b. m.]: [b. i.], 2020. – 180 s.
 11. Dobroslonskaya T.G. Mediatekstologiya: sistemnyi podkhod k izuchenniyu formatno-zhanrovogo raznoobraziya sovremennoi mediarechi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Moskva: Izdvo Mosk. un-ta, 2023. T. 26, № 4. S. 118-135.
 12. Duskaeva L.R., Tsvetova N.S. Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema: sb. statei / Otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Tsvetova. – SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2012. – 250 s.
 13. Erofeeva I. V. Aksiologiya mediateksta v rossiiskoi kul'ture: reprezentatsiya tsennosti v zhurnalistike nachala XXI v.: dis. dok. Fil. Nauk: 10.01.10 / Erofeeva Irin Viktorovna ; SPBGU. – Sankt-Peterburg, 2010. S. 10.
 14. Kazak, M.Yu. Spetsifika sovremennogo mediateksta / M.Yu. Kazak; NIU BelGU // Lingvistika rechi. Mediastilistika: kol. monogr., posvyashch. 80-letiyu prof. G.Ya. Solganika. – Moskva, 2012. – S. 320-334.
 15. Kazak M.Yu. Yazyk gazety: ucheb. posobie. Belgorod: ID «Belgorod», 2012. – 120 s.
 16. Karyakina K.A. Aktual'nye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta // Mediaskop. 2010. №1. – 28 s.
 17. Kondakov B.V., Abramova V.S. Avtor i chitatel' v prostranstve khudozhestvennogo teksta // Filologicheskie zametki. 2009. T 1. S. 10-12.
 18. Kon'kov V. I. Rechevaya struktura gazetnogo teksta / Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1995. – 158 s.
 19. Korotkevich D.O. Osobennosti yazykovoi kontseptualizatsii obraza zarubezhnogo gosudarstva v amerikanskikh SMI // Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: sb. nauch. tr. po lingvistike i literaturovedeniyu. Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet. M., 2021. S. 23.
 20. Kostomarov V.G. Yazykovoi vkus epokhi: Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media. Moskva: Pedagogika-press, 1994. – 247 s.
 21. Kostomarov V.G. Nash yazyk v deistvii. Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki. M., 2005. S. 188.
 22. Krasnoyarova O.V. Novye terminy v teorii zhurnalistiki i massovoi kommunikatsii: protsessy formirovaniya i printsipy funktsionirovaniya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. No 3. S. 229-238.
 23. Kuznetsova A.V. K opredeleniyu ponyatiya mediateksta // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2010. №5. S. 141-145.
 24. Kuz'mina N.A. Sovremenniy mediatekst: uchebnoe posobie / Otv. red. N.A. Kuz'mina. – Omsk, 2011. – 414 s.
 25. Lukina M.M., Fomicheva I.D. SMI v prostranstve Interneta. – M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, 2005. – 87 s.
 26. Maevskaya A.Yu. Intentsional'nye osobennosti mediateksta v glyantsevom zhurnale //

- Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. – Tambov: Gramota, 2016. No 3 (105). C. 62-64.
27. Mai'danova L.M. Struktura i kompozitsiya gazetnogo teksta: sredstva vyrazitel'nogo pis'ma. Krasnoyarsk, 1987. – 180 s.
 28. Mal'tseva Ya.V. Massovaya kommunikatsiya kak prostranstvo dlya novykh mediatekstov i mediakonstruktii // Ritoricheskie traditsii i kommunikativnye protsessy v epokhu tsifrovizatsii: sbornik trudov XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (6–8 fevralya 2020 g.). – M.: FGBOU VO MGLU, 2020. S. 1014-1028.
 29. Miroshnik M.A. Formirovanie strima kak novogo mediaformata rasprostraneniya informatsii vzaimodeistviya s auditoriei. Igrovye i neigrovye strimy // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2022. No 2 (44). S. 76-82.
 30. Motashkova S.V. Dialog avtora i chitatelya v postmodernistskom lingvoesteticheskom diskurse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. No 2. S. 85-89.
 31. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vospriyatie / Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. – 171 s.
 32. Nefedova O. I. Osobennosti storitellinga v nastol'noi rolevoi igre Dungeons & Dragor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. Tom 16. Vypusk 1. S. 97-103.
 33. Parakkini L., Trofimova G.N. Funktsional'no-semanticheskie dominanty yazyka tsifrovyykh transmedia v kontekste aktual'nykh problem mezhkul'turnoi kommunikatsii / Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023 T.14 №3. S. 757-768.
 34. Selyutin A.A. Medialingvistika i mediatekst: teoriya i praktika // Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty. 2017. №22-2. S. 97-99.
 35. Smetanina S.I. Mediatekst v sisteme kul'tury. SPb., 2002. – 383 s.
 36. Solganik G.Ya. K opredeleniyu ponyatii «tekst» i «mediatekst» // Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistika. 2005. №2. S. 7-15.
 37. Solganik G.Ya. Obshchaya kharakteristika yazyka sovremennykh SMI v sopostavlenii s yazykom SMI predshestvuyushchego perioda // Yazyk massovoi i mezhlichnostnoi kommunikatsii. M.: Mediamir, 2007. S. 17-18.
 38. Solganik G.Ya. O yazyke gazety: ucheb.-metod. posobie dlya studentov-zaochnikov fak. i otd-nii zhurnalistiki gos. un-tov / M-vo vyssh. i sred. spets. obrazovaniya SSSR. Nauch.-metod kabinet po zaoch. i vechernemu obucheniyu Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. – 48 s.
 39. Solganik G.Ya. Sistemnyi analiz gazetnoi leksiki i istochniki ee formirovaniya: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. (10.01.10) / [MGU]. Fak. zhurnalistiki. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. – 53 s.
 40. Solganik G. Ya. Stilistika gazetnykh zhanrov / G. Ya. Solganik, M. K. Milykh, V. P. Vomperskii i dr.; pod red. D. E. Rozentalya. Moskva: Izd-vo MGU, 1981. – 229 s.
 41. Sorokin Yu.A, Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. M., 1990. S. 9-15, 180-181.
 42. Kharlashkin M.N. Intertekstual'nost' v angloyazychnykh komp'yuternykh igrakh // Vestnik MPGU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2017. S. 108-113.
 43. Khar'kova D.V. Opredelenie transmediateksta i printsipy ego formirovaniya // Mediareal'nost' XXI veka: epokha global'nykh reform. Materialy I mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 2021. Izdatel'stvo: MPGU, 2021. S. 152-

- 158.
44. Chicherina N.V. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena Vypusk № 47. Tom 9. 2007. Vyp. №47. S. 159-165.
45. Shmelev D.N. Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh: K postanovke problemy / AN SSSR, In-t rus. yaz. – Moskva: Nauka, 1977. – 168 s.
46. Shmelev D.N. Izbrannye trudy po russkomu yazyku. Moskva: Yaz. slavyan. kul'tury, 2002. – 887 s.
47. Shmeleva T.V. Avtorskoe nachalo v stilistike mediinogo teksta // Russkii yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i нравstvennogo zdorov'ya natsii: trudy i materialy Vtoroi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 30 sentyabrya – 2 oktyabrya 2010 g.: 2-kh chastyakh / ROPRYaL; Soyuz zhurnalistov Tyumenskoi oblasti; pod red. O.V. Trofimovoi. – Tyumen': Mandr i K°, 2010. – Ch. 2. – S. 207-215.
48. Shmeleva T.V. Mediinoe rechevedenie // Elektronnyi sbornik statei za 2010-2012 gg. «Medialingvistika – KhKhI vek». Novgorod: 2012. – 66 s.
49. Auken Ed. S., Lauridsen P.S., Rasmussen A. J. Genre and: Copenhagen Studies in Genre 2. Copenhagen: Forlaget Ekbátana, 2015. P. 70.
50. Boguslavskaya V.V. Synergetic especially journalistic text. Proceedings of Institute of Management and Innovation of the aviation industry, 2006. Rp. 1-5, 96.
51. Galison P., Biagioli M. The Collective Author // Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science, Routledge, New York and Oxford. 2018. №5. Pp. 325-353.
52. Herring S.C., Paolillo J.C. Gender and Genre Variation in Weblogs. Indiana University, Bloomington. In press. Journal of Sociolinguistics. 2006. Pp. 22.
53. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York University Press, 2006. P. 35.
54. Muhammad T. A., Abdul G. A., Ghulam A. Textual Analysis of Print Media Text Discourse // New Media and Mass Communication. 2016. V. 50. Pp. 15-20.
55. Peng Chun-Yi. The effects of media exposure and language attitudes on grammaticality judgments // Global Chinese. 2020. 6 (1). Pp. 69-95.
56. Pan J. Language, Media and Politics: The Pragmatics of Political Discourse // Bandung: Journal of the Global South. 2018. 5. Pp. 1-34.
57. Hauser S., Luginbühl M. Contrastive Media Analysis: Approaches to linguistic and cultural aspects of mass media communication. John Benjamins Publishing, 2012.
58. Oroujlou N. The Importance of Media in Foreign Language Learning // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 51. Pp. 24-28.

Translation Issues of the national cultural component (based on the material of the New Zealand territorial dialect of the English language of the Auckland region)

Kazakova Irina Evgenievna

Lecturer, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moskva oblast', g. Moscow, ul. Mklukha-Maklaya, 7, of. 552

✉ irina_komleva@inbox.ru

Abstract. This study is devoted to the lexical translation peculiarities in the context of the

national and cultural identity of the English language territorial dialect within the Auckland region in New Zealand. Its relevance is due to the multifaceted interaction of nations and the intensity of their cultural exchange at the present stage, in which the issues of accurate lexical translation become critical for successful mutual understanding and communication. Accordingly, lexical units translation subtleties of the New Zealand territorial dialect of the English language within the Auckland region are considered as the study's subject, with an emphasis on regional semantic meanings. The purpose of the current work is to identify linguistic nuances that cause difficulties in lexical elements translation to preserve the dialect's unique cultural and national features. The article is based on text-based Internet materials, single- and bilingual academic dictionaries, official documents and the data of informants. Scientific novelty is determined by a comprehensive study of the English language current lexical trends in the Auckland region in New Zealand and an in-depth analysis of national and cultural characteristics, which should be taken into account when translating territorial linguistic phenomena. As a result of the conducted research, the uniqueness of English regional manifestation with concretization in examples is proved, which serves as a source of translation difficulties. Understanding of these vocabulary features is an essential component of a translator's cultural literacy and contributes to the accurate transmission of meaning and national cultural nuances in the translation process. Thus, the study of the lexical translation specifics in the context of the New Zealand dialect of English in the Auckland region makes a significant contribution to the field of translation studies and linguistics, warning against possible distortions and misunderstandings in the course of interaction between languages and cultures.

Keywords: New Zealand English, language differentiation, translation studies, lexical units translation, linguistic variability, lexical semantics, national and cultural vocabulary, New Zealand dialect, Auckland region, dialectology

References (transliterated)

1. Arkhipova E. I. Realii kak nositeli kul'turologicheskogo komponenta // Mezhekul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskie aspekty: sb. materialov VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2017. S. 143-147.
2. Bekeeva A. R. K voprosu ob issledovanii novozelandskogo natsional'nogo varianta angliiskogo yazyka. Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye problemy prepodavaniya i issledovaniya. Kollektivnaya monografiya. Tambov: Biznes – Nauka – Obshchestvo. 2016. S. 62-66.
3. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty (Yazyk. Semiotika. Kul'tura). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 s.
4. Vlahov S. I., Florin S. P. Neperevodimoe v perevode. M.: Vysshaya shkola, 1986. 416 s.
5. Kretov A. A., Fenenko N. A. Lingvisticheskaya teoriya realii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya. 2013. №1. S. 7-13.
6. Mikheeva N. F. Sovremennye podkhody k izucheniyu dialektov // Voprosy iberoromanistiki: materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M.: MAKSS Press, 2022. S. 228-235.
7. Grigor'eva E. M. Osnovnye napravleniya razvitiya sovremennoi novozelandskoi leksikografii // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №2. S. 215-218.

8. Grigor'eva E. M. Osobennosti toponimicheskoi sistemy novozelandskogo varianta angliiskogo yazyka (na materiale slovarei razlichnykh tipov) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2019. №3 (18). S. 140-146.
9. Tomakhin G. D. Realii-amerikanizmy: posobie po stranovedeniyu. M.: Vysshaya shkola, 1988. 240 s.
10. Tomakhin G. D. Leksika s kul'turnym komponentom znacheniya // Inostrannye yazyki v shkole. 1980. № 6. S. 47-50.
11. Mikhail'chenko V. Yu. (red.) Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2006. 312 s.
12. Kazakova T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. English-Russian: uchebnoe posobie. SPb.: Perspektiva, 2020. 320 s.
13. Svirepchuk I. A. Osobennosti perevoda s angliiskogo yazyka // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb.: Renome, 2013. S. 103-106.
14. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 c.
15. Bardsley D. English language in New Zealand – Characteristics of New Zealand English. Te Ara – the Encyclopedia of New Zealand [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/english-language-in-new-zealand/page-1> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
16. Te Aka Māori-English, English-Māori Dictionary [Elektronnyi resurs]. URL: <https://maoridictionary.co.nz> (data obrashcheniya: 11.01.2024).
17. Colenso W. Maori-English Lexicon: Being a Comprehensive Dictionary of the New Zealand Tongue. US: Nabu Press, 2024. 149 c.
18. Ngata H. M. English-Maori dictionary. Wellington: Te Taura Whiri i te Reo Maori/Maori Language Commission. North Shore: Raupo, 2008. 559 c.
19. The Guardian. 'It's bittersweet': parts of New Zealand's Waitākere Ranges to reopen after ban to save kauri tree [Elektronnyi resurs]. URL: www.theguardian.com/world/2024/feb/01/new-zealand-waitakere-ranges-reopen-ban-kauri-tree (data obrashcheniya: 28.01.2024).
20. Pratt G. A Samoan Dictionary: English and Samoan, and Samoan and English; With a Short Grammar of the Samoan Dialect. US: Legare Street Press, 2022. 280 c.
21. Create Out Loud, Fisher J. T., Kongaika I. T. Longman Dictionary: Tongan To English / English To Tongan (Polynesian Languages). London: Oxford Press University, 2019. 200 c.

Structural, grammatical and linguocultural aspects of the meteorolexeme "halun" in the Mongolian languages

Barinova Bairta Valer'evna

Senior Lecturer; Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies; Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, AC. Pushkin str., 7

✉ bbarinova@yandex.ru

Mushaev Vladimir Naranovich

Doctor of Philology

Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University
named after B.B. Gorodovikov

7 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia

✉ mushaev_vn@mail.ru

Abstract. The article analyzes the meteorological vocabulary in the Mongolian languages, which characterizes hot weather. The linguistic means of expressing hot weather in the worldview of the Mongolian peoples can be represented as integral and consistent natural phenomena that are systematically used by traditional speakers in direct, figurative, comparative, evaluative and metaphorical meanings. The object of the study is nominative units (words, phrases, phraseological units) in Mongolian languages that characterize hot weather. Special attention is paid to the analysis of the compatibility of the "halun" meteorological system.

The bearers of a nomadic civilization are directly dependent on the natural and climatic features that determined the state of nomadic management, orientation and location of a person in nature and society.

The relations of nature, man and the animal world, reflected in the ethnic consciousness of native speakers, had their own systemically categorical forms of expression in linguistic pictures of the world. For the Mongolian peoples, in addition to universal verbal forms of expression of these relations, the whole variety of linguistic and cultural approaches was used to express figuratively comparative and evaluative aesthetic means of language. This article uses a descriptive method, a comparative method, a method of linguistic and cultural analysis of lexical units. In the linguistic picture of the world of a traditional native speaker, the halun lexeme "heat, depending on the temperature regime, can denote different degrees of heat manifestation: from ordinary heat to incredible, exhausting heat, affecting the physical condition of a person. As examples, the author uses Mongolian lexicographic sources, texts of artistic and folklore works, in which lexemes denoting hot weather were analyzed from meteorological vocabulary.

Meteorological vocabulary characterizing hot weather is considered in the article from the point of view of their composition, semantics, morphological-syntactic and lexico-semantic method of education.

The peculiarity of artistic and folklore texts makes it possible to consider a specific lexeme in its various combinations, which makes it possible to fully reveal the features of the semantic structure of the word. In this aspect, meteorological names characterizing hot weather in the Kalmyk language are considered and systematized for the first time.

Keywords: phraseological units, semantics, Linguoculturology, the Kalmyk language, Mongolian languages, heat, The heat, hot weather, meteorological vocabulary, the linguistic picture of the world

References (transliterated)

1. Normanskaya Yu.V., Dybo A.V. Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skikh yazykakh. – M.: Tezaurus, 2010. – 364 s.
2. Tenishev E.R. Cravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika. – M.: Nauka, 2001. – 822 s.
3. Kondratenko M. Leksika narodnoi meteorologii. Opyt sravnitel'nogo analiza slavyanskikh i nemetskikh naimenovaniy. – München.: Verlag Otto Sagner, 2000. – 120

- S.
4. Pyurbееv G.Ts. Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk. – Elista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2015. – 280 s.
 5. Bakaeva E.P. Dobuddiiskie verovaniya kalmykov. – Elista: APP "Dzhangar", 2003. – 358 s.
 6. Bardaev E.Ch. Sovremennyy kalmytskii yazyk. Leksikologiya. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1985. – 153 s.
 7. Nominkhanov Ts.D. Materialy k izucheniyu istorii kalmytskogo yazyka. – M.: Nauka, 1975. – 327 s.
 8. Rassadin V.I., Trofimova S.M. O nekotorykh plastakh leksiki kalmytskogo yazyka v kontekste mongol'skikh yazykov. – Elista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2013. – 136 s.
 9. Kalmytsko-russkii slovar'. M.: Rus. yaz., 1977. 765 s.
 10. Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 591 s.
 11. Pozdneev A. Kalmytsko-russkii slovar'. S-Pb, Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1911. 306 s.
 12. Todaeva B.Kh. Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2001. S. 493.
 13. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2015-.T. I-A-E. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 224 s.
 14. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2016. T. II-G-P. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 232 s.
 15. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. M.: IV RAN, 2018. T. III-Q-Z. / Sanzheev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. 240 s.
 16. Lessing F.D. Mongolian-english dictionary. Berkeley: University of California Press, 1960. 1218 s.
 17. Bardaev E.Ch., Pyurbееv G.Ts., Muniev B.D. Frazеologicheskii slovar' kalmytskogo yazyka. – Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1990. – 142 s.
 18. Erendzhenov K. Аһһучин көвүн. – Elst: Khal'mg degtr harhach, 1974. – 140 s.
 19. Todaeva B.Kh. Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i oiratov Kitaya. – Elista: Dzhangar, 2007. – 838 s.
 20. Kichikov A.Sh. Ygin tusk yg (Slovo o slovakh). Elista: ZAO «NPP «Dzhangar»», 2017. – 160 s.

Sociocultural and linguodiscursive characteristics of irony

Gornostaeva Anna Alekseevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Translation and Pedagogical Skills, Mbscow State Linguistic University

119526, Russia, Mbscow region, Mbscow, Prospekt Vernadskogo, 105-4, sq. 299

✉ anngornostaeva@yandex.ru

Abstract. The article is a review of existing scientific views on irony as a phenomenon at the junction of several disciplines. Definitions of this phenomenon are presented from the point of view of philosophical, aesthetic, anthropological, literary, linguistic approach. The views on irony as a category of the comic, a worldview category, as a way of perceiving and

comprehending reality are listed. The author points out that in the process of communication, irony is a kind of barrier to dividing participants into "ironic" and their "victims", that is, those who are able to interpret irony and the "uninitiated". Discursive irony is considered as a product of interaction, cooperation between the author and the addressee, as a result of which an ironic effect may arise (if the ironic utterance is correctly interpreted) or not (in the case of a communicative failure). Various interpretations of the concept of "irony" are considered in comparison, arguments are given justifying the author's agreement / disagreement with existing formulations. The focus of the article is on irony, an effect that arises as a result of interaction between interlocutors: the ironic speaker and the recipient who perceives and interprets irony. The author's contribution to the development of the theory of discourse is expressed in the analysis of irony in English and Russian linguistic cultures. The article highlights the main socio-cultural and linguodiscursive characteristics of irony. The conclusion is made about the importance of irony in communication, about its role in the verbal and emotional intelligence of the participants of the discourse. The novelty of the research lies in the fact that in the proposed work irony is considered as an integral characteristic of modern English and Russian discourse, which ensures that the speaker achieves the fulfillment of a communicative intention. The main result of the work is the postulate about the ethnostilistic labeling of irony, which opens up wide prospects for studying the features of irony in national discourses. The data presented in the article can be used for the further development of ethnostilistics, linguistic pragmatics, and the theory of intercultural communication.

Keywords: emotions, culture, language, linguistics, stylistics, ironic, discourse, communication, irony, sense

References (transliterated)

1. Ermakova, O. P. Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (Eshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) // Zhanry rechi. – Vyp. 1-2(9-10). – Kaluga, 2014. – S. 74–80.
2. Zhironova, I. G. Ironiya – «klyuchevoe slovo» v britanskoi i frantsuzskoi yazykovykh kul'turakh / I. G. Zhironova, N. G. Epifantseva // Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki. – 2018. – № 2(22). – S. 77-98.
3. Losev, A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. – Moskva: Iskusstvo, 1995. – 320 s.
4. Panchenko, N. N. Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya: monografiya. – Volgograd: Peremena, 2010. – 395 s.
5. Pivoev, V. M. Ironiya kak fenomen kul'tury. – Petrozavodsk, 2000. – 106 s.
6. Pigulevskii, V. O. Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. – Rostov-na-Donu : Foliant, 2002. – 418 s.
7. Pokhodnya, S. I. Yazykovye vidy i sredstva realizatsii ironii. – Kiev: Naukova dumka, 1989. – 126 s.
8. Khrumchenko, D. S. Ironiya kak sredstvo aktivizatsii sinergiinykh protsessov pragma-semanticheskoi samoorganizatsii angliiskogo delovogo diskursa. // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 67. – S. 175–180.
9. Shilikhina, K. M. Sovremennye teorii verbal'noi ironii: osnovnye problemy. // Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. – Vyp. 6. – Voronezh: VGU, 2008. – S. 24-32.
10. Shlegel', F. Estetika. Filosofiya. Kritika : v 2 t. / sostavlenie, perevod s nemetskogo, vstupitel'naya stat'ya Yu. N. Popova. – T. 1. – Moskva : Iskusstvo, 1983. – 479 s.

Analysis of temporal and spatial systems in chinese

linguoculture (on russian language background).

Qiu Taorui

Postgraduate, Lomonosov Moscow State University
119415, Russia, Moscow, Kravchenko str., 7, sq. 1117

✉ qiutr@my.msu.ru

Abstract. The present article is dedicated to the concepts of time and space as a fragment of the Russian and Chinese linguistic worldviews. Notions of time are fundamental to any culture and people's worldview, hence in this study, we attempt to "unify" the aspects of Chinese and Russian time and space that we have identified through research.

Our research object, as a fragment of the Russian linguistic worldview, is connected with notions of time and space. The subject of our investigation is the linguistic means in which Russian speakers' notions of time are expressed, considered against the backdrop of the Chinese language in lexical, semantic, and grammatical aspects. The aim of the study is to identify and describe the main features of the representation of time in Chinese and Russian languages, as well as to highlight the main differences in the representation of time and space in the Chinese and Russian linguistic worldviews. Structural-semantic, linguacultural, and comparative analysis methods are employed to analyze the conceptual models of time in these two languages.

The scientific novelty of this article lies in the attempt to use a spatial model to describe the concept of time in order to identify possible temporal dimensions in language, as well as in attempting to interpret and generalize the notions of time from the perspective of the cognitive perception of Chinese language speakers.

The theoretical significance of this article lies in the endeavor to specify the cognitive perception of language speakers through the analysis of historical and cultural origins of time models, as well as in generalizing some regularities of time expression in modern languages. Studying the fundamental concept of time and space models contributes to the further development of cognitive models, translation, teaching Russian and Chinese as foreign languages etc.

Keywords: Conceptions, Concept of Time, translation, cognitive linguistics, linguoculture, linguistic worldview, space, time, Time Model, Ancient Chinese Texts

References (transliterated)

1. Lyan Syaonan'. MGU imeni M.V. Lomonosova: Russkii temporal'nyi kod v svete lingvokul'turologicheskogo podkhoda (na fone kitaiskogo yazyka). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2008.
2. Shi Tszyao. Shi Tszy. Shankhai: Izdatel'stvo Vostochno-Kitaiskogo pedagogicheskogo universiteta, 2009.
3. Guan'chzhon. Guan'tszy: verkhniy tom. Pekin: Izd. Knizhnyi magazin Chzhunkhua, 2019.
4. Modi. Motszy (Mozi): I tom. Khunan': Narodnoe izdatel'stvo Khunanya, 2006.
5. Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS. Tom 1: Ot stimula k reaktsii. Moskva: Moskovskii institut lingvistiki, 2014.
6. Arutyunova. N.D. Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya. Moskva: Izdatel'stvo «Indrik», 1997.

7. Uorf B. Yazyk, myshlenie i real'nost'. Izbrannye trudy Bendzhamina Li Uorfa. Kembriđzh: Izdatel'stvo «Tekhnologiya» Massachusetskogo tekhnologicheskogo instituta, 1965.
8. Sin'khua Slovar'. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo. 5-e izd. 2005. – 1869 s.

Representation of the lyrical "I" in the poetry by A. Podgornova

Muromtseva Alena Olegovna

Student, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University

430005, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya str., 68, office 513

✉ alena.muromczewa@yandex.ru

Abstract. The multidimensional study of women's poetry is one of the promising strategies of modern Russian literary criticism, which allows us to reveal not only the tools of women's writing, but also the female mentality, feminine identity, and the peculiarities of reflection by a female author of the natural and social world. Among the female authors, a special place is occupied by the Erzya poet Alina Podgornova, whose works trace postmodern trends. The subject of the research in the article is the means of representing the lyrical "I" in the poet's poems. The purpose of the work is to analyze a number of the author's works, to determine the system of images through which the lyrical "I" is represented, to trace their conditioning by the postmodern worldview of the poetess. The material was composed of poems from the collections "Except rhymes", "Stranded" ("Thought"). The methodological basis of the work is determined by the structural and semantic analysis of the lyrical text, through which the structural components of the poetic image, its semantic organization, and symbolic semantics are described. The scientific novelty of the study is determined by the fact that, in the stated aspect, A. Podgornova's lyrics are for the first time considered and introduced into the context of Russian literary criticism. The article argues that the emotional and psychological state of the lyrical heroine A. Podgornova is due to the author's worldview and axiological concept, his perception of the world as chaos, moral apocalypse. The poetess's worldview is filled with negative social manifestations that destroy the spiritual and moral essence of a person, leveling universal values. The conclusions and provisions presented in the article expand the understanding of the state and development of modern Mordovian literature.

Keywords: metaphor, image, symbol, lyrical heroine, Alina Podgornova, poem, lyrics, women's poetry, modern Mordovian poetry, representation

References (transliterated)

1. Antonov Yu. G., Levina N. N., Sheyanova S. V. (2018). Mordovskaya literatura na rubezhe XX–XXI vekov: poisk natsional'noi identichnosti. Saransk, Rossiya: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta. 184 s.
2. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. (2017). Sovremennaya mordovskaya literatura: sintez traditsii i innovatsii (po materialam izdaniy 2016 goda). Finno-ugorskii mir, 2(31), 20–29.
3. Katorova, A. M. (2020). Spetsifika khudozhestvenno-esteticheskogo myshleniya Lyudmily Ryabovoi (na primere analiza kollektsii «Ki ton?» («Kto ty?»). Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 3(55), 213–

223.

4. Naldeeva O. I., Azyrkina E. I., D'yachkova E. N. (2019). Khudozhestvennye osobennosti lyubovnoi liriki R. K. Orlovoi. *Filologiya. Teoriya i praktika*, 12 (1), 217-221. [Elektronnyi resurs] https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_1_44.pdf (data obrashcheniya: 23.02.2024)
5. Naldeeva, O. I. (2013). *Sovremennaya mordovskaya poeziya: osnovnye napravleniya i khudozhestvennye orientiry*. Saransk, Rossiya, 285 s.
6. Podgornova, A. (2016). *Pomimo rifm*. Saransk, Rossiya. 144 s.
7. Podgornova, A. (2021). *Dumat'*. Saransk, Rossiya: Izdatel'stvo "Krasnyi Oktyabr". 112 s.
8. Sheyanova, S. V. (2018). Model' vzaimodeistviya mira i liricheskogo sub'ekta v poezii L. Ryabovoi (sbornik «Kto ty?»). *Vestnik ugrovedeniya*, 8 (2), 317-327.
9. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., Gabidullina F. I. (2022). Spetsifika poeticheskoi sistemy Aliny Podgornovoi (sbornik «Mel» («The Think»)). *Vestnik ugrovedeniya*, 12, 1, 123-132.
10. Sheyanova S. V., Yusupova N. M., Maskaeva A. V. (2023). Zhanr poslaniya v tvorchestve Mariny Sluginoi. *Vestnik ugrovedeniya*, 13(1/52), 159-168.
11. Sheyanova S. V., Yusupov A. F., Maskaeva A. V. (2023). Intertekstual'nost' kak sposob voploshcheniya avtorskogo mirovozzreniya v poezii A. Podgornovoi. *Vestnik ugrovedeniya*, 13(1/52), 150-158.

Images of Traditional Chinese Medicine Doctors in Chinese Literature

Chen Kuo

Postgraduate student; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

119361, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10-2a

✉ kuo.chen@mail.ru

Abstract. Since ancient times, doctors have usually played the image of rescuers who save lives. As a symbol-rich image, "doctor" often enters the scope of writers' creativity and becomes a typical creative theme. This paper explores the image of Traditional Chinese Medicine (TCM) doctors in literature. The purpose of the study is to understand how TCM practitioners are portrayed and represented in literature, to analyze their social and cultural influence and their impact on people's perceptions and attitudes towards TCM. The relevance of this article is that it can help people to better understand the position and image of TCM in different historical periods and cultural environments, as well as its relationship with society, culture and people's lives. The subject of this paper is the image of TCM doctors in literary works of a certain period, region or cultural context such as ancient works, modern literary works and works of specific writers. By analyzing the images in different works, the diversity of such images of TCM physicians such as wise doctors and mysterious healers can be demonstrated. This paper uses methods of literary analysis, including close reading of the text, character analysis, plot and theme study. The text is also studied in the context of historical and cultural context to understand the views and attitudes of the society of the time towards TCM and doctors. The scientific novelty of studying the image of traditional Chinese medicine in Chinese literature gives us an interdisciplinary perspective that integrates literature with medicine and cultural studies and offers new ways to deeply understand TCM

culture and human perception of health. The results of the study indicate the diversity of TCM physicians' images in the literature. In addition, the findings may reflect different understandings and evaluations of TCM in different periods and cultural contexts.

Keywords: classical Chinese literature, quack doctor, psycholinguistics, cultural connotation, culture, modern Chinese literature, traditional Chinese medicine, doctor, Image, traditional Chinese culture

References (transliterated)

1. Baranova I. A. Literatura i meditsina: transformatsiya obraza vracha v russkoi literature XIX veka // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya. 2010. №2. S. 186-194.
2. Belousov P.V. Teoreticheskie osnovy TKM. Almaty, 2004. 160 c.
3. Van Khaiyan', Kuz'menko G. N. Problema nauchnogo statusa traditsionnoi kitaiskoi meditsiny v KNR // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2023. №1 (45). S. 68-78.
4. Vasilenko A. M. TKM v Rossii: ot russkoi dukhovnoi missii v Pekine do professional'noi assotsiatsii refleksoterapevtov. – Moskva: Nauchno-prakticheskii zhurnal «Refleksoterapiya i komplementarnaya meditsina», №1 (1) 2012. S. 16-30.
5. Gal'perin P.Ya. Vvedenie v psikhologiyu: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Knizhnyi dom «Universitet», 1999. 332 s.
6. Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psikholingvistiki. M.: Labirint, 1998. 256 s.
7. Zalevskaya A.A. Vvedenie v psikholingvistiku. Uchebnik. M.: RGGU, 2007. 559 s.
8. Leont'ev A.A. Yazykovoe soznanie i obraz mira. //Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'. M., 1993. S. 16-21.
9. Leont'ev A.N. Obraz mira // Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. – M.: Pedagogika, 1983. S. 251-261.
10. Miller Dzh.A. Obrazy i modeli, upodobleniya i metafory. // Teoriya metafory. M., 1990. S. 236-281.
11. Rozenfel'd M.Ya. Obraz v semanticheskoi strukture konkretnykh i abstraktnykh leksem //Yazyk i natsional'noe soznanie. – Vyp. 7. – Voronezh, 2005. S. 47-53.
12. Slesarenko. Z. R. Kul'turologiya i mezhkul'turnye kommunikatsii : uchebnoe posobie. V 2 chastyakh. Chast' I. Teoriya kul'tury. Kazan' : KGEU, 2021. 126 s.
13. Smirnov S.D. Mir obrazov i obraz mira. // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14: Psikhologiya. 1981. № 2. S. 15-29.
14. Tyutyunnik, V. M., Birkin, A. A., Gushchin Yu. G. Osnovy lingvisticheskoi psikhofiziologii: monografiya; Mezhdunar. informatsionnyi nobelevskii tsentr. – Tambov [i dr.]: Izd-vo MINTs «Nobelistika», 2016. 191 s.
15. Filosofskaya entsiklopediya. M., 1967. T. 4. 591 s.
16. Khromenkova Yu. Yu., Korsak V. O. Obraz vracha v otechestvennoi literature // BМIK. 2013. №11. S. 1299.
17. 黄帝内经 // 上:素问 – 北京:中华书局, 2022年.844 页。(Traktat Zheltogo imperatora o vnutrennem // pervaya chast': Voprosy o prosteishem – Pekin: Chzhunkhua Shutszyui, 2022. 844 s.)
18. 童秉国主编. 鲁迅作品精选. 武汉:长江文艺出版社, 2003. 634页(Pod redaktsiei Tun Bingo. Izbrannye proizvedeniya Lu Syunya. Ukhan': Literaturnoe izdatel'stvo Chantszyan, 2003. 634 s.)

19. 郭宝昌. 大宅门. 北京:作家出版社, 2023, 732页 (Go Baochan. Bol'shoi dom. Pekin: Izdatel'stvo pisatelei, 2023, 732 s.)
20. 北京大学CCL语料库. Korpus kitaiskogo yazyka CCL Pekinskogo universiteta. Rezhim dostupa: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus